

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2024. Том 51, № 4

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2024. Том 51, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 30,9. Дата выхода 30.12.2024. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 795 **Бутов А.А.**
Идеал героизма у эллинов и образ героя классической Эллады у Плутарха в свете греческой *пайдеи*
- 805 **Лаванд С., Кольцов П.М.**
К истории изучения древнего христианства в Сирии
- 813 **Абдулманова И.В.**
Епископ Феофил Александрийский: от администратора до богослова
- 820 **Жуков А.А., Болгов Н.Н.**
К проблеме этатизации позднеантичного полиса: Марин Сириец и проблема роспуска городских курий в начале VI в.
- 831 **Назаров А.Д.**
Тагмы массагетов на службе Юстиниана I Великого: траектории интеграции в военную систему Византии
- 841 **Шумкоски Г.**
Македонский полк в российской армии в XVIII веке
- 855 **Шумаков А.А.**
Восстание Джона Брауна 1859 г. в американской историографии
- 870 **Шведова В.Б.**
Социально-экономическое положение цыган Болгарии и Крыма до 1941 г.
- 880 **Малай В.В., Пажвак С.Б.**
Зарубежные акторы греческого конфликта в британской печати (1946 г.)
- 891 **Кирчанов М.В.**
Мемориальная культура современного французского монархизма
- 901 **Комлякова Ю.Ю.**
Роль США в вопросах ядерного разоружения Казахстана: история вопроса

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 913 **Виноградов А.Е.**
О загадочных «антропонимах» и языке, на котором был записан русско-византийский договор 944 г.
- 923 **Пенской В.В.**
На пути к «предписанному» православию: феномен конфессионализации в раннемодерной европейской и русской истории и историографии
- 934 **Будякова Г.И.**
Советские игровые кинофильмы о России XVIII–XIX вв. как политический инструмент укрепления патриотизма
- 947 **Шапвалов В.А., Шапвалова С.П.**
Народные песни о крепостной неволе как аксиологический источник по социальной истории дореформенной России
- 959 **Мазаев Р.С.**
Вне стен университета: повседневность и личная жизнь студента П.А. Столыпина (к юбилею венчания реформатора)
- 970 **Рыбин Д.В.**
Конституционные проекты легалистов в эпоху правления Александра II
- 980 **Кузнецов В.В.**
Противоэпидемическая деятельность органов городского самоуправления в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX в.
- 993 **Шерстнёв Р.А.**
Организация полицейского надзора за проституцией в Таврической губернии (начало XX века)
- 1003 **Платонов Р.Д.**
К вопросу о состоянии фабричной медицины на предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 гг.
- 1012 **Аксапов А.С.**
Политические установки местных органов РКП(б) Нижегородской губернии в отношении кустарных промыслов в преддверии введения НЭПа (1918–1921 гг.)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 1023 **Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф.**
Эволюция и перспективы развития основных биополитических угроз на постсоветском пространстве
- 1035 **Огнева В.В., Болховитина Т.С.**
Российское пограничье в условиях специальной военной операции: актуальные аспекты обеспечения национальной безопасности
- 1044 **Шукюров А.Т.**
Коммуникативные стратегии избирательных кампаний в современной России
- 1056 **Альшанский Д.Д.**
Влияние медиапотребления на политическую самоэффективность
- 1066 **Дорджиева А.А.**
Роль и статус Монголии в международных организациях
- 1076 **Аргвлиани К.Р.**
Взаимодействие ООН-Хабитат с гражданским обществом Бразилии в целях улучшения качества жизни населения городов

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE**2024. Volume 51, No. 4**

Until 2020, the journal was published as “Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science”

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИИЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL**Editor-in-Chief**

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Novosibirsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 30.9. Date of publishing: 30.12.2024. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 795 **Butov A.A.**
The Hellenistic Ideal of Heroism and the Image of Hero of Classical Greece by Plutarch in the Light of Greek *paideia*
- 805 **Lavand S., Koltsov P.M.**
To the History of the Study of Ancient Christianity in Syria
- 813 **Abdulmanova I.V.**
Bishop Theophilus of Alexandria: From Administrator to Theologian
- 820 **Zhukov A.A., Bolgov N.N.**
To the Issue of Etatization of the Late Antique Polis: Marinus the Syrian and the Dissolution of the City Curiae Early in the 6th Century A.D.
- 831 **Nazarov A.D.**
The Massagetae *Tagmata* in the Service of Justinian I the Great: Trajectories of Integration into the Byzantine Military System
- 841 **Sumkoski G.**
The Macedonian Regiment in the Russian Army in the 18th Century
- 855 **Shumakov A.A.**
John Brown's Rebellion of 1859 in American Historiography
- 870 **Shvedova V.B.**
Socio-economic Situation of Roma in Bulgaria and the Crimea before 1941
- 880 **Malay V.V., Pazhvak S.B.**
Foreign Actors of the Greek Conflict in the British Press (1946)
- 891 **Kyrchanoff M.W.**
The Memorial Culture of Modern French Monarchism
- 901 **Komlyakova Yu.Yu.**
The United States' Role in the Nuclear Disarmament of Kazakhstan: History of the Issue

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 913 **Vinogradov A.E.**
About the Mysterious "Anthroponyms" and the Language in Which the Russian-Byzantine Treaty of 944 Was Written
- 923 **Penskoy V.V.**
On the Way to "Prescribed" Orthodoxy: The Phenomenon of Confessionalization in Early Modern European and Russian History and Historiography
- 934 **Budyakova G.I.**
Soviet Feature Films about 18th – 19th Centuries Russia as a Political Tool to Strengthen Patriotism
- 947 **Shapovalov V.A., Shapovalova S.P.**
Folk Songs about Serfdom as an Axiological Source on the Social History of Pre-Reform Russia
- 959 **Mazaev R.S.**
Outside the University Walls: Daily and Private Life of Student P.A. Stolypin (on the Anniversary of the Reformer's Wedding)
- 970 **Rybin D.V.**
Constitutional Projects of Legalists During the Reign of Alexander II
- 980 **Kuznetsov V.V.**
Anti-Epidemic Activity of City Self-Government Bodies in the County Towns of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries
- 993 **Sherstnev R.A.**
The Organization of Police Supervision of Prostitution in the Taurida Province in the Early 20th Century
- 1003 **Platonov R.D.**
To the Issue of Healthcare Provision at the Enterprises of Vladimir Region in 1905–1907
- 1012 **Aksyanov A.S.**
Political Attitudes of the RCP(b) Local Authorities in the Nizhny Novgorod Province toward Artisan Production before the Introduction of the NEP (1918–1921)

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 1023 **Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F.**
The Main Biopolitical Threats in the Post-Soviet Space: Evolution and Development Prospects
- 1035 **Ogneva V.V., Bolkhovitina T.S.**
The Russian Border Area in the Context of a Special Military Operation: Current Aspects of Ensuring National Security
- 1044 **Shukurov A.T.**
Communication Strategies of Election Campaigns in Modern Russia
- 1056 **Alshanskiy D.D.**
The Influence of Media Consumption on Political Self-Efficacy
- 1066 **Dordzhieva A.A.**
The Status and Role of Mongolia in International Organisations
- 1076 **Argvliani K.R.**
The UN-Habitat Cooperation with Brazilian Civil Society to Improve the Urban Population Life Quality

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-795-804

Оригинальное исследование

Идеал героизма у эллинов и образ героя классической Эллады у Плутарха в свете греческой *пайдейи*

Бутов А.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: butovaa93@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты характера героя в произведении Плутарха «Сравнительные жизнеописания» со стороны греческой пайдейи. Во-первых, важное значение имеют культурные истоки данного явления, а именно связь с такими понятиями, как «идеал» и «образ». Во-вторых, рассматривается подход Плутарха к творчеству в его произведении, влияние на его воззрения античной философии. В-третьих, автор анализирует место пайдейи в системе элементов, используемых херонейским писателем при создании образа Героя. В статье раскрывается значение такого понятия, как «добродетель», которое занимает важное место в этой системе. Раскрывается связь между аристократическими идеалами воспитания личности и образом человека эпохи Классики, который создает Плутарх. Важно отметить, что и негативные черты характера героя зачастую тесно примыкают к тем духовным качествам, которые вызывают восхищение. Автор приходит к выводу, что древние идеалы воспитания, воспеваемые еще в «Илиаде» Гомера, были устойчивы и продолжали влиять на духовную культуру эллинского мира в течение всей античной истории, а посредством Плутарха они заняли свое место и в духовной культуре всей европейской цивилизации.

Ключевые слова: пайдейя, античная биография, человеческий характер, Плутарх, герой, греческая культура

Для цитирования: Бутов А.А. 2024. Идеал героизма у эллинов и образ героя классической Эллады у Плутарха в свете греческой *пайдейи*. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 795–804. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-795-804.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Hellenistic Ideal of Heroism and the Image of Hero of Classical Greece by Plutarch in the Light of Greek *paideia*

Artyom A. Butov

Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
E-mail: butovaa93@yandex.ru

Abstract. The article examines the main characteristics of the hero in Plutarch's work “Parallel Lives” through the Greek *paideia*. Firstly, the author focuses on the cultural origins of this phenomenon, namely

© Бутов А.А., 2024

the connection with such concepts as "ideal" and "image". Secondly, Plutarch's approach to creativity is considered and the influence of ancient philosophy on his views. Thirdly, the author analyzes the place of *paideia* in the system of elements used by the Chaeronean writer when creating the image of the Hero. The article reveals the meaning of the "virtue" concept which occupies an important place in this system. It shows the connection between the aristocratic ideals of personality education and the image of a man of the Classical era created by Plutarch. The Hero's negative character traits are often closely adjacent to those spiritual qualities that cause admiration. The author concludes that the ancient educational ideals glorified in Homer's Iliad have perseverance and continue to influence the intellectual culture of the Hellenic world throughout ancient history. Due to Plutarch, they take their rightful place in the intellectual culture of the entire European civilization.

Keywords: *paideia*, ancient biography, human character, Plutarch, hero, Greek culture

For citation: Butov A.A. 2024. The Hellenistic Ideal of Heroism and the Image of Hero of Classical Greece by Plutarch in the Light of Greek *paideia*. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 795–804 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-795-804.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Центральное место в человеческом обществе занимают *герои* – представители особого типа личности, которые по своим достоинствам превосходят простых смертных, уступая в этом отношении лишь богам. За время существования цивилизации содержание термина *герой* претерпело некоторые изменения, сохраняя, однако, свой основной смысл. Слово ἦρως (ἦρως – gen. sing., ἦρωες – nom. pl.) существует в древнегреческом языке со времен гомеровского эпоса и означает «славный муж, богатырь» [Frisk, 1991, p. 644]. Так назывались, с одной стороны, цари и воины – участники легендарной Троянской войны, а с другой – сыновья или потомки божества и смертного человека, мифические родоначальники городов и народов [Вейсман, с. 392].

Т. Карлейль полагал, что всемирная история, всё то, что человек совершил в этом мире, – это история великих людей. «Они ... были *вождями* человечества, *воспитателями*, *образцами* и, в широком смысле, *творцами* всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть. ...История этих последних составляет поистине *душу* всей мировой истории» [Карлейль, 2008, с. 7]. По его мнению, великий человек – источник небесного света, который является даром, истоком природной прозорливости, мужества и героического благородства [т. е. *добродетели* – А.Б]. Этот дар позволяет человеческим душам чувствовать себя хорошо (all souls feel that it is well with them) [Там же]. В несокрушимости культа героев Т. Карлейль был склонен видеть «вечный алмаз» [у британского историка – everlasting adamant (вечная твердыня)¹], дальше которого не может пойти беспорядочное разрушение, обнаруживаемое революционным ходом вещей... Это – вечный краеугольный камень, на котором снова будет воздвигнуто здание». В почитании героев историк видел «живую скалу среди всевозможных крушений, единственно устойчивую точку» в современной ему революционной истории, которая иначе представлялась бы «бездонной и безбрежной» [Карлейль, 2008, с. 21].

Герою историческому и герою литературному предшествовал мифологический герой. Е.М. Мелетинский считал, что в архаических мифологических системах герои обычно сравниваются с великими предками, а в более развитых оказываются легендарными древними

¹ Ср. ἀδάμας – «непреклонный, неумолимый» [Дворецкий, стб. 31]; «неодолимый», упоминаемый впервые у Гесиода мифический металл – сталь, которая по своей твердости служила будто бы материалом для различных орудий, употреблявшихся *богами*, напр. для серпа Крона [у Гесиода – ἀδάμαντος], для шлема Геракла, для оков Прометея, для плуга Эета и др. [Любкер, 1885, с. 16–17]. В связи с этим термин, выбранный Т. Карлейлем, обладает более глубоким смыслом.

царями или военными вождями, в том числе носящими исторические имена [Мелетинский, 1994, с. 296]. В качестве примера героев второго типа можно привести главных действующих лиц «Илиады» Гомера, которые являются в первую очередь *царями* и *воинами*. Значимый элемент истории о мифологическом герое – рассказ о его необычном рождении, удивительных способностях и раннем достижении зрелости, а также о его обучении и предварительных испытаниях. Это важная часть героического мифа, и она предшествует описанию подвигов героя [Мелетинский, 1994, с. 297]. Всё это напрямую касается греческой *пайдейи*.

Герой, по Е.М. Мелетинскому, очень «подвижен», и его многочисленные контакты, в особенности «враждебные», способствуют развитию сюжета эпического или литературного произведения; активность героя в развитых образцах мифа и эпоса приводит к формированию особого *героического характера* – смелого, неистового, склонного к переоценке собственных сил [Мелетинский, 1994, с. 296]. Подобному типу персонажей присущи такие характеристики, как *мудрость*, *хитрость* и *деятельность* [Него, 1910, р. 374–375]. Всё это в совокупности и представляет собой некий идеал героизма у эллинов, который по-разному воплотился в различных исторических и литературных жанрах, в том числе и в *жизнеописаниях*.

Произведение биографического жанра (*βίος*) ставит своей целью описание и изучение отдельных людей: их личности, характера, истории их жизни. Пристальное внимание к выдающимся личностям, жившим в разные исторические эпохи, вполне закономерно и понятно, ведь в какой-то степени их можно назвать *героями*². Такие личности, достигающие успехов в тех или иных сферах деятельности, зачастую являются *primi inter pares*. Первые известные нам произведения, имеющие признаки биографии, относятся к IV в. до н. э. (см., напр., энкомий Исократы «Эвагор» [Фролов, 2013, с. 181–199]). Чаще всего они содержали сведения справочного характера либо являлись хвалебными речами.

Однако Плутарх, который родился и прожил практически всю свою жизнь в небольшом беотийском городе Херонея (провинция Ахея), синтезировал опыт своих предшественников и привнес в этот жанр много нового. На протяжении долгих лет он работал над своим, пожалуй, главным и, несомненно, самым известным трудом – «Сравнительными жизнеописаниями» (*Βίοι παράλληλοι*). Основными действующими лицами этого собрания биографий являются *герои прошлого*. Но они значительно отличаются от тех мифологических, легендарных и эпических персонажей, которые сражались под стенами Трои, побеждали некое хтоническое чудовище или проходили между Сциллой и Харибдой. Как заметил А.Ф. Лосев, «...вся классика живет героизмом, а героизму нельзя было научиться, героизм давался только самой природой, то есть только богами». Древние герои, по его мнению, «были либо прямыми, либо косвенными потомками только самих же богов. Но сделаться героем было нельзя. Можно было только родиться героем и усовершенствоваться в героизме». В результате исследователь делает заключение: «...древнегреческий классический героизм – это область не педагогическая, не воспитательная и потому не моралистическая» [Лосев, 1983, с. 25]. Плутарх же повествует о героях другого типа.

Херонейский биограф (родился между 45 и 50 гг. и умер ок. 120 г. н. э.) [Ziegler, 1979, 945–946] жил в переходную эпоху, когда, по его словам, Эллада находилась под пятой «римского сапога», но при этом готовилась войти в эпоху «греческого возрождения» (или «второй софистики») II в. н. э. Этой эпохе свойственно превращение классики в эстетический идеал, восторженное любование ею без какого-либо желания пользоваться ее старинными художественными приемами всерьез и на самом деле [Лосев, 1983, с. 27]. Именно в этот период разворачивается активная творческая и воспитательная деятельность Плутарха. А.Ф. Лосев характеризует херонейского философа как «моралиста». «Моралистика – это его подлинная стихия, беззаветная тенденция всего его творчества, никогда не угасающая любовь и какое-то педагогическое наслажденчество» [Лосев, 1983, с. 26]. Таким образом,

² Можно согласиться с Т. Карлейлем, что человеческое общество основано на почитании героев. См.: [Карлейль, 2008, с. 17].

биограф пытается воспитать молодых людей в духе классического эллинского *героизма*. Плутарху необходимо создать *образ*, взяв за основу определенный тип личности, который он находит, прежде всего, у государственных деятелей и полководцев прошлого и придает ему определенную идеальную форму. Как поступает с мрамором искусный скульптор, так и Плутарх создает из деятелей эпохи античной классики фигуры притягательные, чарующие и возвышенные, которые при этом вовсе не лишены недостатков³.

Таким образом, необходимо сопоставить идеал героизма у греков эпохи Архаики и Классики с тем образом героя классической Эллады, который создал Плутарх в его «Сравнительных жизнеописаниях», и определить специфику этого образа. Важным в этом отношении является *παιδεία* – фундаментальное понятие греческой цивилизации.

В своих биографиях Плутарх уделяет пристальное внимание различным элементам, которые составляют создаваемые им образы героев. Одним из самых главных понятий, которые позволяют понять и оценить эти элементы, как раз и является *παιδεία*. Под этим термином подразумевается, прежде всего, *воспитание* и *обучение* человека⁴. Однако это понятие гораздо шире какого-то одного из направлений деятельности человека: оно обозначает, помимо «воспитания» и «обучения», также «культуру», «искусство»; куда ближе с первым его значением соотносятся такие понятия, как «детство» и «юность», а также «наказание» [Дворецкий, 1958, Т. II, с. 920] (судя по всему, используемое непосредственно в процессе воспитания). Здесь следует в первую очередь рассмотреть термин *παιδεία* в значении «культура». Именно духовные стороны *παιδείας* интересовали эпических поэтов, Гомера и Гесиода, а также таких философов, как Платон и Аристотель, и многих других авторов. Это напрямую относится и к Плутарху.

Объект и методы исследования

В статье рассматривается подход Плутарха к использованию элементов греческой *παιδείας* в образах героев классической Эллады, создаваемых им в «Сравнительных жизнеописаниях». Для решения этого вопроса применяются принятые в современном антиковедении методы критики и источниковедческого анализа, а также общенаучные методы изучения исторического материала (анализ, синтез, аналогия и сравнение) и, кроме того, специальные методы исторического исследования (нарративный и сравнительный). Используются методы терминологического и лексического анализа таких ключевых для темы нашего исследования греческих слов, как *ἀρετή*, *βίος*, *ἐγκώμιον*, *ἥρωες*, *ιδέα*, *μεγαλοψυχία*, *παιδεία*, *φιλοτιμία* и др. Важным в методологическом отношении является труд В. Йегера, в котором автор детально разбирает различные аспекты как греческого восприятия *культуры*, так и понимания ими *παιδείας* [Йегер, 2001].

Результаты и их обсуждение

Автор сравнивает терминологию нынешней эпохи с аналогичной древней: «В сегодняшнем расхожем словоупотреблении мы, конечно, используем понятие культуры по большей части не в этом смысле – как *идеал*, принадлежащий только послегреческому человечеству, но чрезвычайно тривиализируем его значение, распространяя его на все народы Земли, в том числе и примитивные...». В. Йегер подчеркивает, что под культурой понимается «не что иное, как жизненные проявления и жизненные формы, характерные для того или иного народа». Таким образом, по его мнению, «слово “культура” скатывается ... до уровня простого антропологически-описательного понятия, это больше не обозначение *высшей ценности*, не *осознанный идеал*» [Йегер, 2001, с. 15].

³ Подробнее о Плутархе как о воспитателе см. 3-ю главу The Cambridge Companion to Plutarch: [Duff, 2023, pp. 47–78].

⁴ О моделях воспитания у Плутарха см.: [Duff, 2008].

Итак, отсюда следует, что эллинское понятие *культуры* значительно отличается от современного. Но что стало тому причиной: две с лишним тысячи лет хода человеческой истории или же что-то иное? Быть может, необходимо обратиться к видению древних греков, попытаться взглянуть на духовную составляющую человеческого общества с их стороны? В. Йегер так описывает желание современных наследников античной цивилизации обратиться к истокам ее культуры: «... неизбежно пробуждается стремление проникнуть в глубокие слои исторического бытия, где родственный дух греческого народа образовал из жизненной лавы для себя форму, сохраняющую до сих пор ее жар и увековечивающую момент творческого прорыва» [Йегер, 2001, с. 17].

Говоря о таком важном понятии, как «образ», необходимо обратить внимание на то, что в греческом языке ему соответствует слово *ἰδέα* – *вид, образ; идея, первообраз; подлинный и истинный образ всего сущего, как он постигается умом; идеал, самая суть* [Вейсман, 2006, стб. 621]. То есть «идеал» и «образ» переплетены настолько тесно, насколько это вообще возможно. Данный термин является ключевым в философии Платона, которая оставила свой след во всей западной культуре, мощное влияние оказала она и на Плутарха [Лосев, 1983, с. 14]. В. Йегер так подмечает фундаментальную важность данного термина для понимания эллинской цивилизации: «... платоновская *идея* – полностью самобытный, специфически греческий мыслительный *образ* – дает нам ключ к духовным свойствам греков и в иных областях» [Йегер, 2001, с. 20].

Обращаясь к особенности «эллинского духа», следует дополнительно привести еще одну цитату из труда В. Йегера: «Особенность положения греческого мира в истории воспитания человека покоится также на аналогичных особенностях его внутренней организации, на всемогущем пристрастии к форме, с которым грек подходит не только к эстетическим задачам, но и к жизненным обстоятельствам...» [Йегер, 2001, с. 21]. Здесь автор непосредственно связывает между собой *пайдейю* и *культуру* в целом.

Он повествует о гуманизме греков в значении приведения человека к его истинной форме, «форме человека как такового». «Это подлинная греческая *пайдейя* в том виде, в каком римский государственный муж воспринимал ее как *образец* [курсив мой – А.Б.]» [Йегер, 2001, с. 22–23].

Здесь следует отметить тот факт, что «Сравнительные жизнеописания» Плутарха уже по самому своему замыслу и по структуре иллюстрируют тесную связь между греческими деятелями и римскими. И даже *синкрисис*, как правило, завершающий пару биографий, в котором описывается не только сходство между ними, но и различие, в большей степени объединяет их, нежели противопоставляет. Понять причину этого можно, обратившись к самой эпохе, в которой живет и действует херонейский мыслитель. Он, как и его персонажи, человек своего времени, несмотря на всю свою тягу к классике.

Эту тягу как нельзя лучше описывает В. Йегер: «Греция поздней эпохи, эпохи начала Империи, прежде всего объявила произведения более счастливых для своего народа времен классическими в таком вневременном смысле – частично как образцы для формально-эстетического подражания, частично как моральные примеры. Тогда – после слияния истории Греции с историей римской мировой державы – греки потеряли значение самостоятельной нации, и почитание традиции стало для них единственным высшим жизненным содержанием» [Йегер, 2001, с. 24].

Следует обратить внимание на тот факт, что в биографическом жанре до Плутарха было два основных направления: *энкомиастический* и *фактологический*. Первый можно назвать «хвалебным», поскольку *ἐγκώμιον* обозначает «похвальное слово», «хвалебную речь», «хвалу» [Дворецкий, 1958, Т. I, с. 453]; второй же характерен сбором разрозненных сведений о персонаже (в том числе колких сплетен, что весьма свойственно для эпохи разложения полисной морали).

С.С. Аверинцев пишет: «Вообще, государственному мужу было тем легче стать героем биографического сочинения, чем более одиозным было его имя (по крайней мере, для восприятия

писавшего)». Далее он приводит в пример Стесимброта Фасосского, который превратил фигуры Фемистокла, Фукидида (сына Мелесия) и Перикла в гротескные маски, «насколько возможно демонументализировав» их жизнь [Аверинцев, 1973, с. 169]. Когда Стесимброт рассказывал о частной жизни Перикла, он использовал метод разоблачения семейных тайн и различные сплетни. Важно отметить тот факт, что Плутарх, который известен своим не критическим отношением к источникам, реагирует на сведения подобного рода негативно (Plut. Pericl. 10; 13). К тому же в подобном подходе к творчеству беотиец видел помеху своим идеалистическим установкам и намерению вновь «монументализировать» образ Перикла. С. Аверинцев подметил любопытный факт: инерция биографического жанра была настолько сильна, что Плутарх не мог обойтись совсем без упоминания подобных сведений [Аверинцев, 1973, с. 169–170]; с другой стороны, мотивом херонейского писателя мог быть сам его подход к литературному творчеству вообще: подобным образом он обвиняет Геродота в различных домыслах в труде, посвященном его «злостности» (впрочем, в данном трактате Плутарх критикует также и других греческих авторов).

По мнению В. Йегера, пайдейя исходит из идеи: «Выше человека – стадного животного и человека – мнимо автономного Я стоит человек как *Идея*: так всегда смотрели на него греки-воспитатели, подобно грекам поэтам, художникам и исследователям. Однако «человек как идея» означает «человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида» [Йегер, 2001, с. 22–23]. «Образование невозможно без мысленного представления об образе человека, каким он должен быть, <...> решающее значение имеет *καλόν*, т. е. прекрасное в обязывающем смысле желательного образа, идеала» – добавляет он [Йегер, 2001, с. 29–30].

Следовательно, пайдейя не просто является элементом в создании *образа* человека, но она как бы возвышается над всем этим процессом, являясь источником всех преобразований в жизни каждого грека: клинок личности куется в кузнице, а молот, наковальня и огонь – есть сама пайдейя.

Фигура Александра Великого служила и служит до сих пор источником вдохновения для многих деятелей культуры. Не является исключением и вопрос пайдейи – произведений об Александре написано достаточно много, даже если учитывать те из них, которые происходят из IV в. до н. э. Несколько таких трудов в своем названии указывают на интерес авторов (который, вероятно, основывается на интересе их читателей) непосредственно к его воспитанию: к примеру, «Как воспитывался Александр» Онесикрата Астипалейского и «Воспитание Александра» Марсия из Пеллы [Аверинцев, 1973, с. 167–168]. Впрочем, произведений о воспитании других правителей тоже достаточно: в пример можно привести труды, посвященные Атталу и Цезарю Августу [Аверинцев, 1973, с. 172].

Образование В. Йегер называет «продуктом осознанного культивирования», и затем добавляет: «Это культивирование сначала исходит из узкого слоя, из благородного сословия нации. Греческий *καλός κύριος* классической эпохи выдает свое происхождение столь же явственно, как и английский *gentleman*». Развивающееся гражданское общество со временем перенимает эту модель у знати и распространяет на всех своих членов, превращая в общепризнанную норму [Йегер, 2001, с. 30].

Таким образом, нельзя отрицать того, что более высокая культура выросла из социального неравенства между людьми, обязанного своим существованием естественным различиям: телесным и духовным. Именно благородное сословие является внутренним источником возникновения культуры нации. Все позднейшее образование несет на себе след родовой дифференциации, даже если и меняется его содержание. «Образование есть не что иное, как последовательно все более одухотворяемая аристократическая форма жизни нации» [Йегер, 2001, с. 30–31].

Естественный лейтмотив истории греческого воспитания – <...> понятие *ἀρετή* (т. е. *добродетели*), восходящее до самых древнейших времен [Йегер, 2001, с. 31]. Пайдейя как процесс образования человека идеального типа тесно связана с философией и культурой древних греков, причем культурой в первую очередь аристократической, а значит, необходимо обратиться к понятию *арете*, используя при этом философские идеи как Платона, так и его ученика Аристотеля.

По Платону государство, если оно правильно устроено, будет совершенным, то есть оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо (Plat. Resp. 427e). Так же, по его мнению, следует расценивать и отдельного человека, поскольку в его душе имеются те же качества, что и в государстве (Plat. Resp. 435c). Отсюда он делает вывод, что в каждом из людей есть те же виды нравственных свойств, что и в государстве, поскольку государство состоит именно из людей (Plat. Resp. 435e). Таким образом, можно выделить четыре основных добродетели: σοφία (*мудрость*), ἀνδρεία (*мужественность*), σωφροσύνη (*рассудительность*) и δικάια (*справедливость*).

Согласно Аристотелю (Arist. Nic. Eth. I.13 1103a 4–10), добродетели бывают двух видов: 1) мыслительные (к ним относятся *мудрость, сообразительность, рассудительность*); 2) нравственные (в качестве примера приводятся *щедрость и благоразумие*). Философ о крайностях в характеристиках души пишет: «... существуют три наклонности, две относятся к порокам (δύο μὲν κακῶν) – одна в силу избытка, другая в силу недостатка – и одна к добродетели (μία δ' ἀρετῆς) – в силу обладания серединой; все эти [наклонности] в известном смысле противоположны друг другу, ибо крайние противоположны и среднему, и друг другу, а средний – крайним» (Arist. Nic. Eth. II.8 1108b 10–15).

Таким образом, получается, что нравственная добродетель достигается путем сохранения среднего положения между двумя пороками (Arist. Nic. Eth. II.9 1109a 20). Но всегда ли эта самая середина статична, или же она меняет свое положение в зависимости от ситуации? Аристотель дает нам ответ на этот вопрос: «<...> срединный склад во всех случаях заслуживает похвалы и что следует отклоняться в одних случаях к избытку, а в других – к недостатку, ибо так мы легче всего достигнем середины и совершенства» (Arist. Nic. Eth. II.9 1109b 25).

Тех же мыслей придерживается и Плутарх. Причем важно отметить, что главными героями его «Сравнительных жизнеописаний» являются именно государственные деятели. Даже Цицерон и Демосфен выступают в его труде не как риторы и ораторы (а значит, в то же время и писатели), а как люди политические: он намеренно обходит стороной их литературную деятельность [Аверинцев, 1973, с. 177]. В. Йегер верно подмечает то, что «человек, образ которого раскрывается в произведениях великих греков, – политический человек» [Йегер, 2001, с. 25]. По наблюдению В. Йегера, «греческая триада “поэт (ποιητής) – государственный деятель (πολιτικός) – мудрец (σοφός)” воплощает высшие ведущие силы нации. <...> Поэт с греческой точки зрения в определенном аспекте ближе законодателю, нежели художник: воспитывающее воздействие – вот что их роднит» [Йегер, 2001, с. 25–26]. Действительно, воспитывающее воздействие – это как раз именно то, что в первую очередь интересует Плутарха.

Любопытно, что беотийский философ отбрасывает поэтическую часть данной триады. Он концентрирует свое внимание на политической мудрости, в качестве примера которой можно привести учителя Фемистокла, Мнесифила (Plut. Them. II.4)⁵. Игнорирует поэтическую сторону человеческой личности биограф осознанно: как уже было указано выше, упор он делает на других проявлениях духа. Также необходимо добавить то, что он намеренно противопоставляет свои труды работам предшественников, героями которых зачастую были люди выдающиеся, которые отличались от остальных в первую очередь своей «экстравагантностью»: помимо монархов и тиранов основными действующими лицами в биографиях предшествующего периода («раннего эллинизма», как его называет А.Ф. Лосев [Лосев, 1983, с. 12–14]) были философы, поэты, риторы, музыканты, т. е. профессиональные деятели культуры [Аверинцев, 1973, с. 163].

Как минимум один великий поэт способен показать нам то, что мы ищем в греческой культуре. Это Гомер, который стал одним из важнейших, если не самым важным, творцом «духовной пищи» не только для каждого грека, но и для человека любой эпохи. Его эпос, в котором воспеваются доблесть, подвиги и превосходные качества знатных воинов, смело можно назвать «эллиническим чудом».

⁵ Подробнее о Мнесифиле см.: [Frost, 1980, pp. 67–68].

Примеров проявления *арете* в «Илиаде» великое множество. Различными поединками усеяно все повествование, причем сражаются не только смертные, но и боги: тем самым герои (относящиеся одновременно к обоим мирам, небесному и земному) на их фоне выглядят еще более контрастно и ярко, сверкая, словно статуи, отлитые в бронзе.

Классическим примером соревнования в арете являются погребальные игры в честь погибшего Патрокла. Их особенность в том, что участники соревнуются в воинской доблести, однако при этом находятся в мирных условиях. Состязаются они в гонках колесниц, кулачном бою, беге, вооруженном поединке, метании диска, стрельбе из лука (Ном. II. XXIII. 285–897)⁶. Это наглядно показывает, что славные мужи бьются за доблесть не только на поле брани, и этим насквозь пропитан эллинский дух.

В. Йегер комментирует это так: «Илиада» вообще является свидетельством высокого воспитательного сознания раннегреческой знати. Она показывает, что старинное воинское понятие арете уже не удовлетворяло поэта нового века, что она уже несет в себе новый образ совершенного человека, признающий наряду с благородством действия благородство духа и видящий цель в их сочетании. Примечательно, что об этом идеале заявляет старец Феникс, который был приставлен в качестве воспитателя к Ахиллу, образцовому греческому герою. В решающий час он напоминает юноше о том, для чего он его воспитывал: «Быть и тем и другим – уметь говорить слова и совершать дела» [Йегер, 2001, с. 35].

Говоря о совершенном человеке, нельзя обойти стороной такое понятие, как *μεγαλοψυχία* (величие души). У Аристотеля в его концепции добродетелей оно тесно связано с *φιλοτιμία* (честолюбие). Величие души афинский философ называет украшением всех добродетелей, которая всем остальным придает величие и не существует без них. Он также считает, что *καλοκαγαθία* (благородство, нравственное совершенство, честность, порядочность [Дворецкий, 1958, Т. I, с. 868]) непременно необходима человеку, чтобы он был наделен по-настоящему великой душой (Arist. Nic. Eth. IV. 7 1124a 1).

Честолюбие же, по Аристотелю, как уже было сказано выше, примыкает к великодушию самым тесным образом так же, как щедрость примыкает к великолепию (Arist. Nic. Eth. IV. 10 1125b). Неслучайно Плутарх в биографии Фемистокла в одной главе упоминает как о честолубии героя, так и о его тяге к роскоши, блеску и пирам (Plut. Them. V).

Заключение

Таким образом, можно проследить культурные истоки такого понятия, как пайдейя, сквозь призму аристократических идеалов, которые составляли собой основу всего процесса развития личности: ее воспитания, образования и укрепления.

Взгляд на этот феномен немецкого ученого Вернера Йегера раскрывает перед нами в красках значение греческой пайдейи, дополняя творчество мыслителей древности, которые также рассматривают данное явление, уходящее своими корнями в седую глубину их собственной истории и представляющее собой ценное наследие предков. Именно его пытается передать своим современникам херонейский писатель и философ Плутарх: он стремится научить других жить так, как жили представители среднего класса в золотой век античного полиса. Пайдейя для него – один из основных способов создания образа Героя. Основной же элемент самой пайдейи – *ἀρετή*, добродетель. Именно на них опираются персонажи его «Сравнительных жизнеописаний». Именно на них, по мнению мыслителя, следует опереться и его читателям.

Устойчивость духовных идеалов античности доказывается тем, что они не теряют своего значения ни в век расцвета полиса (эпоху Платона), ни во времена его кризиса (эпоху Аристотеля), ни в годы, предшествующие Золотому Веку Римской Империи (эпоха Плутарха). Следует ли напоминать о том, что в той или иной форме они живы до сих пор?

⁶ Перечень состязаний напоминает нам об Олимпийских играх, одном из самых известных проявлений эллинской агональной культуры. Ю.В. Шанин считает, что погребальные игры, устроенные Ахиллом, вполне можно назвать «Малыми Олимпийскими»: это связано с тем набором «дисциплин», в которых соревнуются герои [Шанин, 2001, с. 89].

Список источников

- Брагинская Н.В. 1983. Аристотель. Никомахова этика. Собрание сочинений. В 2 т. Москва, Мысль, Т. 4: 53–294.
- Гнедич Н.И., Зайцев А.И. 2008. Гомер. Илиада. 2-е изд. Санкт-Петербург, Наука. 574 с.
- Егунов А.Н. 1994. Платон. Государство. Собрание сочинений. В 4 т. Москва, Мысль. Т. 3: 79–389.
- Соболевский С.И. 1961. Плутарх. Перикл. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Москва, Изд-во Академии наук СССР. Т. I: 196–224.
- Соболевский С.И. 1961. Плутарх. Фемистокл. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Москва, Изд-во Академии наук СССР. Т. I: 146–167.
- Perrin B. 1932. Plutarchs Lives. Pericles. London, William Heinemann Ltd; New York, G.P. Putnam's sons, vol. III: 2–115.
- Lindskog C., Ziegler K. 1969. Plutarchus. Themistocles. Leipzig, B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, vol. I, fasc. 1: 157–197.
- Murray A. 1947. Homer. The Iliad. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd., vol. 2: 644 p.
- Rackham H. 1956. Aristotle. The Nicomachean Ethics. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd. 688 p.
- Shorey P. 1943. Plato. The Republic. Cambridge, MA, Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd., vol. 1: 549 p.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1973. Плутарх и античная биография. Москва, Наука, 279 с.
- Вейсман А.Д. 2006. Греческо-русский словарь. Москва, Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1370 стб.
- Дворецкий И.Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. Т. I–II. Под ред. С.И. Соболевского. Москва, «Государственное издательство иностранных и национальных словарей», 1904 с.
- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. Москва, Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 593 с. (W. Jäger. Paideia. 1936. Die Formung des griechischen Menschen. 2. Aufl. Berlin, Walter de Gruyter & Co. Bd. I. 513 S.).
- Карлейль Т. 2008. Герои, почитание героев и героическое в истории. Пер. В.И. Яковенко. Москва, Эксмо. 864 с. (Carlyle T. 1840. On heroes, hero-worship & the heroic in history. London, James Fraser, Regent Street, 232 p.).
- Лосев А. 1983. Плутарх. Очерк жизни и творчества. В кн: Плутарх. Сочинения. Сост. С. Аверинцева, вступ. статья А. Лосева, коммент. А. Столярова. Москва, Издательство «Художественная литература»: 5–44.
- Любкер Ф. 1885. Реальный словарь классических древностей. Санкт-Петербург, Изд-е общества классической филологии и педагогики, 1550 стб.
- Мелетинский Е.М. 1994. Герой. В кн: Мифы народов мира. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва, Рос. Энциклопедия: 296–297.
- Фролов Э.Д. 2013. Эвагор. В: Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Москва, Ладомир: 181–199.
- Шанин Ю.В. 2001. Олимпия. История античного атлетизма. Под ред. В.И. Кузищина. Санкт-Петербург, Алетейя, 191 с.
- Duff T. 2008. Models of Education in Plutarch. In: Journal of Hellenic Studies, 128. London, The Society for the Promotion of Hellenic Studies: 1–26.
- Duff T. 2023. Plutarch as Moral and Political Educator. In: The Cambridge Companion to Plutarch. Ed. by F. Titchener and A. Zadorojnyi. Cambridge, Cambridge University Press: 47–78.
- Frisk H. 1991. Griechisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, Carl Winter; Universitätsverlag. Bd. I. 938 p.
- Frost F.J. 1980. Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 252 p.
- Hero. 1910. In: The Encyclopaedia Britannica, Eleventh Edition, vol. XIII: Harmony to Hurstmonceaux. Cambridge, University Press: 374–378.
- Ziegler K. 1979. Plutarchos. In: Der kleine Pauly. In 5 Bde. Bd. 4. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 945–953.

References

- Averintsev S.S. 1973. Plutarkh i antichnaya biografiya [Plutarch and the Ancient Biography]. Moscow, Nauka, 279 p.
- Veysman A.D. 2006. Grechesko-russkiy slovar' [Greek-Russian Dictionary]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina, 1370 p.
- Dvoretzkiy I.Kh. 1958. Drevnegrechesko-russkiy slovar': v 2-kh t. T. I–II [Greek-Russian Dictionary in 2 Volumes: Vol. I–II]. Pod red. S.I. Sobolevskogo. Moscow, «Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey», 1904 p.
- Yeger V. 2001. Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka. T. 1 [Paideia. Education of an Ancient Greek Man. Vol. 1]. Per. s nem. A.I. Lyubzhina. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina. 593 p. (W. Jäger. Paideia. 1936. Die Formung des griechischen Menschen. 2. Aufl. Berlin, Walter de Gruyter & Co. Bd. I. 513 S.).
- Karleyl' T. 2008. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [On Heroes, Hero-Worship & the Heroic in History]. Per. V.I. Yakovenko. Moscow, Eksmo. 864 p. (Carlyle T. 1840. On Heroes, Hero-Worship & the Heroic in History. London, James Fraser, Regent Street, 232 p.).
- Losev A. 1983. Plutarkh. Ocherk zhizni i tvorchestva [Plutarch. Essay of His Life and Works]. V kn: Plutarkh. Sochineniya [Plutarch. Works]. Sost. S. Averintseva, vstup. stat'ya A. Loseva, komment. A. Stolyarova. Moscow, Izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura»: 5–44.
- Lyubker F. 1885. Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey [Dictionary of Classical Antiquities]. Saint Petersburg, Izd-e obshchestva klassicheskoy filologii i pedagogiki, 1550 columns.
- Meletinskiy E.M. 1994. Geroj [Hero]. V kn: Mify narodov mira [Myths of World's Nations]. 2-e izd. Moscow, Ros. Jenciklopedija: 296–297.
- Shanin Yu.V. 2001. Olimpiya. Istoriya antichnogo atletizma [Olimpia. History of the Ancient Athletics]. Pod red. V.I. Kuzishchina. Saint Petersburg, Aleteyya, 191 p.
- Duff T. 2008. Models of Education in Plutarch. In: Journal of Hellenic Studies, 128. London, The Society for the Promotion of Hellenic Studies: 1–26.
- Duff T. 2023. Plutarch as Moral and Political Educator. In: The Cambridge Companion to Plutarch. Ed. by F. Titchener and A. Zadorojnyi. Cambridge, Cambridge University Press: 47–78.
- Frisk H. 1991. Griechisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, Carl Winter; Universitätsverlag. Bd. I. 938 p.
- Frost F.J. 1980. Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 252 p.
- Hero. 1910. In: The Encyclopaedia Britannica, Eleventh Edition, vol. XIII: Harmony to Hurstmonceaux. Cambridge, University Press: 374–378.
- Ziegler K. 1979. Plutarchos. In: Der kleine Pauly. In 5 Bde. Bd. 4. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 945–953.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.06.2024

Received 06.06.2024

Поступила после рецензирования 05.09.2024

Revised 05.09.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Accepted 09.09.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бутов Артем Андреевич, аспирант кафедры Древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Artyom A. Butov, Postgraduate Student, Department of the Ancient World, Saratov State University, Saratov, Russia

 [ORCID: 0009-0000-9306-8642](https://orcid.org/0009-0000-9306-8642)

УДК 27:94(3)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-805-812

Оригинальное исследование

К истории изучения древнего христианства в Сирии

Лаванд Сухейль , Кольцов П.М.

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,

Россия, 358000, Респ. Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка дать очерк историографии истории христианства и древней церкви в Сирии доникейского периода. Для этого авторы предлагают собственную классификацию микрорегионов исторической Сирии в римско-ранневизантийское время с учетом имеющейся как отечественной, так и зарубежной историографической традиции. Выделяется поток зарубежной историографии, которая приобретает позитивистский характер с XIX века, сменив апологетический подход. Тем не менее на взгляды зарубежных исследователей, как правило, большое влияние оказал конфессиональный подход, в большей мере протестантский. В отечественной историографической традиции данными проблемами занимались гораздо меньше. Можно выделить лишь Минскую школу изучения древнего христианства, сложившуюся еще в советский период, но развивающуюся и поныне. Кроме этого, можно назвать лишь отдельные имена ученых, либо систематически, либо эпизодически обращавшихся к данной проблематике. Из отдельных тем и сюжетов интерес вызывают деятельность апостолов в Сирии, роль Антиохии и Эдессы, роль первых епископов Антиохийской церкви, а также жития святых Сирии. В результате проделанного исследования авторы приходят к выводу о том, что полноценного исторического современного исследования истории христианства и церкви в доникейской Сирии еще не сделано.

Ключевые слова: Сирия, христианство, Антиохия, Эдесса, историография, церковь

Для цитирования: Лаванд С., Кольцов П.М. 2024. К истории изучения древнего христианства в Сирии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 805–812. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-805-812.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

To the History of the Study of Ancient Christianity in Syria

Lawand Sukheil , Petr M. Koltsov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova,

11 Pushkin st., Elista, Rep. Kalmykia, 358000, Russia

E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

Abstract. The paper attempts to outline the historiography of the history of Christianity and the ancient church in Syria in the pre-Nicene period. For this purpose, the authors propose their own classification of microregions of historical Syria in the Roman and Early Byzantine period, taking into account the existing domestic and foreign historiographic traditions. A stream of foreign historiography is distinguished, which has acquired a positivistic character since the 19th century, replacing the apologetic approach. Nevertheless, the views of foreign researchers, as a rule, have largely been influenced by the confessional approach, mainly Protestant. In the domestic historiographic tradition, these problems have been dealt with much less. It is possible to single out only the Minsk school of studying ancient Christianity which was formed in the Soviet period but is still developing today. In addition, it is possible to mention only individual names of scientists who have either systematically or episodically addressed this issue. Among the individual topics and subjects of interest are the activities of the apostles in Syria, the role of Antioch and Edessa,

© Лаванд С., Кольцов П.М., 2024

the role of the first bishops of the Antiochian church, as well as the lives of Syria's saints. As a result of the research, the authors conclude that a fullfledged modern study of the history of Christianity and the church in pre-Nicene Syria has yet to be done.

Keywords: Syria, Christianity, Antioch, Edessa, historiography, church

For citation: Lavand S., Koltsov P.M. 2024. To the History of the Study of Ancient Christianity in Syria. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 805–812 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-805-812.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Всемирно-историческая победа, которую христианство одержало в первой четверти IV века, была обусловлена в том числе в огромной мере и длительным историческим развитием христианских общин в Сирии, деятельностью выдающихся личностей древней истории церкви.

Современное изучение роли и места Сирии в истории христианства и церкви в доникейский период делает тему данной работы весьма актуальной и своевременной.

Помимо этого, в сиро-палестинском регионе и сегодня в большой мере присутствует древневосточная христианская традиция. Несмотря на преимущественно враждебное окружение и поликонфессиональность, сирийские христиане сегодня находятся на переднем крае борьбы за сохранение традиционных ценностей против международного терроризма и глобализма в Сирийской Арабской Республике.

Объект и методы исследования

Объектом работы является история изучения истории христианства и церкви в Сирии в период с I в. н. э. до Никейского собора.

Основными методами являются историко-биографический, историко-генетический, сравнительно-исторический, а также метод анализа и синтеза. В своей совокупности использованные методы позволяют получить репрезентативные и обоснованные результаты.

Результаты и их обсуждение

Разработка обозначенной проблематики предполагает освещение целого ряда отдельных проблем, среди которых первой можно обозначить историко-географическое разделение Сирии на микрорегионы, отличающиеся значительным своеобразием. В последние годы этим вопросом задавались в отечественной науке А.Г. Грушевой, Е. Альхатиб и В.М. Кириллов.

Как отмечает В.М. Кириллов, уже в античности были сделаны первые попытки осмыслить устройство Сирии с позиций регионалистики и обозначить в её составе ряд отдельных микрозон, выделенных на основе историко-географических особенностей [Кириллов, 2024, с. 5–6]. Так, Страбон среди основных частей Сирии называет Коммагену, Селевкиду, Келесирию, Финикию и Иудею, при этом замечая, что подобное деление не является единственным безусловно правильным, и существуют другие возможные варианты (Strabo XVI. 2. 3).

Можно полагать, что в античной традиции сложилось понятие *Большая Сирия* (Восточное Средиземноморье), куда включались все области за Тавром и Киликией, в том числе Коммагена. Сегодня ни одно исследование эту последнюю область к Сирии не относит.

Финикия (Ливан) и *Палестина* (Иудея) сегодня понимаются как самостоятельные области Большой Сирии (сиро-палестинского региона), но в собственно Сирию они не входят. Также автономный микрорегион составляет и *Декаполис* (Десятиградие) – современное Заиорданье (Иордания).

Таким образом, под собственно Сирией в узком смысле следует понимать прежде всего треугольник Антиохия – Дамаск – Эдесса.

Сравнительно недавно А.Г. Грушевым была предложена схема деления Сирии на исторически сложившиеся области, а также входящие в них города. Ее следует исправить, исключив Декаполис и переименовав иные.

В своей диссертации, посвящённой социально-экономическому развитию Сирии римского времени, к проблеме исторического районирования Сирии также обращается Е. Альхатиб [Альхатиб, 2017]. Но и ее схема из 4 пунктов не вполне точна.

В результате наиболее оптимальным делением собственно Сирии (исключая Финикию и Палестину) будет, по нашему мнению, следующая схема.

1. Северо-западная приморская зона – полоса от Антиохии до Финикии (Антиохия, Селевкия, Лаодикея).

2. Северо-западные и центральные внутренние районы – важнейшие греко-македонские колонии и римские города Сирии (Апамея, Эпифания (Хама), Эмеса (Хомс), Бероя (Алеппо), Кирр и др.).

3. Южная Сирия (Келесирия) – район Дамаска к востоку – юго-востоку от Ливана, переходящий на юге в Декаполис.

4. Северо-Восточная Сирия на Верхнем Евфрате – в римское время важнейшие центры сирийской культуры (Эдесса, Нисибин, Самосата, Амида, Зевгма).

5. Юго-Восточная Сирия – «караванные города» на лимесе по краю пустыни и среднему течению Евфрата (Пальмира, Дура-Европос, Сергиополь).

В историко-культурном плане, как и в истории христианства в Сирии, наиболее важное значение имели Антиохия и Эдесса.

В мировой науке существуют и иные взгляды на региональное устройство Сирии [Dussaud, 1927]. Важный взгляд был предложен А. Джонсом, который предполагает разделение Сирии на крупные климатические и географические зоны [Jones, 1971, p. 226].

В плане изучения социальной истории римской Сирии за полвека, прошедших после выхода фундаментальной для отечественной науки книги И.Ш. Шифмана «Сирийское общество эпохи принципата» [Шифман, 1977], появилось много новых исследований, публикаций археологического материала.

Самая ранняя история христианских общин в Сирии во многом легендарна. Найти реальные исторические факты здесь достаточно сложно. Первое упоминание Антиохии в Новом Завете связано с рассказом о выборах первых 7 диаконов Церкви (Деян 6. 3–6). Одним из них был Николай Антиохиец, обращенный из язычников. Вместе с ним был избран св. Стефан, претерпевший мученическую кончину во время гонения в Иерусалиме. Спасавшиеся от преследований христиане вначале проповедовали Евангелие только иудеям (Деян. 11. 19), но в Антиохии обращенные из числа уроженцев Кипра и Киренаики проповедовали также среди эллинов, и из них «великое число обратилось к Господу» (Деян. 20–22). Так, в течение десятилетия после Воскресения Христа возникла Церковь Антиохии. Однако, несмотря на важность изучения этого вопроса, в историографии нет современного исторического исследования на эту тему, можно упомянуть лишь старые или внутрицерковные работы [Шевырев, 1850; Макарий, 1978].

Личность апостола Павла привлекает здесь особое внимание. Учитывая, что в традиции все сведения о Павле так или иначе основываются на «Деяниях» и Посланиях, отметим большую информативность книг Э. Ренана [Ренан, 1991а; Ренан, 1991б]. Из общих историй церкви больше других для нашей темы имеет значение труд Ф. Шаффа [Шафф, 2010]. Есть труды, которые на современном уровне анализируют его деятельность, в том числе в Сирии. Прежде всего здесь нужно назвать статью В.Н. Парфенова [Парфенов, Литовченко, 2020], хотя в ней речь идет преимущественно об Иудее. В целом о Павле имеется большое количество работ [Adams, 2008; Парфенов, 2016; Elliott, 2004; Paul, 2004].

Важную роль в оформлении первоначальной общины христиан в Антиохии сыграл апостол Варнава. Ему посвящен ряд исследований [Kollmann, 1998; Read-Wedderburn, 2002], но антиохийский этап отражен далеко не полностью.

Тема Феклы (на основе апокрифических «Деяний Павла и Феклы») как легендарной ученицы апостола Павла исследовалась в большом количестве трудов [Davis, 2001; Bremner, 2016], но в немалой степени с акцентом на более поздний культ св. Феклы в Киликии.

Антиохийскую богословскую мысль с самых ранних времен исследовал В.Я. Саврей [Саврей, 2012], однако доникейскому периоду уделено не так много внимания.

Жизнь апостола Фаддея от 70 лет связана с восточно-сирийским городом Эдесса, где он по преданию обратил в христианство царя Абгара (Авгаря) V [Segal, 1970], автора апокрифической переписки с Христом.

Для изучения истории распространения христианства в Осроэне (со столицей в Эдессе), как и ряда иных вопросов в связи с христианской традицией в Сирии, полезно обратиться к фундаментальному исследованию Армана Акопяна [Акопян, 2022].

О первых иерархах Антиохийской церкви сохранились сведения в церковно-исторической традиции. Они, а также анализ их наследия привлекли внимание различных специалистов. В частности, Игнатий Богоносец и его наследие изучаются в достаточно большом числе работ [Trevett, 1992; Brent, 2007].

Один из наиболее авторитетных преемников Игнатия Феофил Антиохийский (ум. после 180 г.) также не избежал некоторого внимания специалистов [Rogers, 2000].

Священномученикам и святым древней сирийской церкви посвящено немного научных работ. Это касается и Евдокии Илипольской, и Вавилы Антиохийского [Devreesse, 1945; Downey, 1961], и Гурия, Самсона и Авива (эдесских мучеников начала IV в.), и др.

В целом история древней церкви в Сирии не была предметом специального исследования ни в русской церковно-исторической науке, несмотря на большие достижения этой науки в целом, ни тем более в советский период (за небольшим исключением) [Виппер, 1945, с. 205–478]. История древней церкви в целом в советский период изучалась, по сути, лишь И.С. Свенцицкой [Свенцицкая, 1987].

В новейшее время можно назвать лишь белорусскую (Минскую) школу изучения древней церкви. Она представлена прежде всего такими именами, как В.А. Федосик [Федосик, 1992; Федосик, 2011; Федосик и др., 2012], И.О. Евтухов [Евтухов, 1991], А.А. Торканевский [Торканевский, 2020], О.М. Ленцевич [Ленцевич, 2021а; Ленцевич, 2021б] и др. Однако и там монографического изучения древней церковной традиции в Сирии подготовлено не было.

Единственным светским специалистом-историком по доникейскому периоду в России ныне является А.Д. Пантелеев (Санкт-Петербург) [Пантелеев, 2004; Пантелеев, 2006, с. 407–420; Пантелеев, 2017]. Продолжает развиваться церковно-историческая наука.

В новейшей отечественной науке можно также отметить две монографии и три диссертации, так или иначе связанных с римской Сирией. И.Ш. Шифман сосредоточил свое внимание на сирийском обществе эпохи принципата, преимущественно на гражданстве городов [Шифман, 1977]. А.Г. Грушевой посвятил свое исследование экономической истории Сирии в более широких хронологических рамках [Грушевой, 2013].

Касательно диссертаций – Е. Альхатиб посвятила свое исследование [Альхатиб, 2017] экономике Сирии римского времени, В.М. Кириллов сосредоточил внимание на Лаодикее Приморской [Кириллов, 2024], а Ю.В. Бузанаков [Бузанаков, 2022] – на топографии и этносоциальных группах Антиохии. Наша работа совместно с П.М. Кольцовым также находится в этом ряду [Кольцов и др., 2018, с. 12–18; Кольцов, Сухейль, 2021].

Заключение

Таким образом, в целом не существует предшествующих исчерпывающих исследований, посвященных истории раннехристианской церкви в Сирии (доникейского периода).

Это является важным аргументом в пользу подготовки специальной работы именно такого плана. Именно в Сирии древняя христианская церковь сыграла одну из решающих ролей на пути превращения во вселенскую, а христианство в целом сделало весьма важный шаг на пути превращения в мировую религию.

Список литературы

- Акопян А. 1922. Введение в арамеистику и сириологию. Сергиев Посад, МДА, 752.
- Альтхатиб Е. 2017. Социально-экономическое развитие Сирии в римский период (I–III вв. н. э.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 23.
- Бузанаков Ю.В. 2022. Ранневизантийская Антиохия: проблемы топографии и населения. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 26.
- Виппер Р.Ю. 1995. Рим и раннее христианство. В: Избранные сочинения. Т. 2. Ростов-на-Дону, Феникс: 205–478.
- Грушевой А.Г. 2013. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.). Санкт-Петербург, Нестор-История, 380.
- Евтухов И.О. 1991. Концепция человека поздней античности (запад Римской империи, V в. н. э.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Минск, 19.
- Кириллов В.М. 2024. Лаодикея Приморская и ее округа в античное время. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Белгород, 27.
- Кольцов П.М., Кольцова К.П., Мургаев С.М. 2018. Религиозные мировоззрения народов Сирии в эллинистический и римский периоды. В: Вестник Калмыцкого университета, no. 2(38): 12–18.
- Кольцов П.М., Сухейль Л. 2021. История распространения христианства в Сирии в I в. в контексте эллинистической культуры региона. В: Via in tempore. История. Политология, vol. 48, no. 4: 766–774.
- Ленцевич О.М. 2001. Женщина в антично-христианской идеологии и церкви. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Минск, 21.
- Ленцевич О.М. 2021. Феномен женского мученичества в античном христианстве. В: Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести = Beatitudo non est virtutis praemium sed ipsa virtus: материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 70-летию юбилею проф. В.А. Федосика. Минск, БГУ: 133–138.
- Макарий (Тайяр), архим. 1978. История Антиохийской Церкви от ее основания до нач. XX в. Дисс. Т. 1–2. Москва, МДА.
- Пантелеев А.Д. 2017. Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. Санкт-Петербург, Гуманитарная Академия, 384.
- Пантелеев А.Д. 2006. Религиозная терпимость и нетерпимость в Риме во II–III вв. В: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5: 407–420.
- Пантелеев А.Д. 2004. Христианство в Римской империи во II–III вв. (к проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 22.
- Парфенов В.Н. 2016. Долгое эхо Иудейской войны: Домициан и родственники Иисуса Христа «по плоти». В: Труды Саратовской православной духовной семинарии. Вып. X: 164–182.
- Парфенов В.Н., Литовченко Е.В. 2020. Апостол Павел в Иудее: последний визит. В: Via in Tempore. История. Политология, 47(4): 683–692.
- Ренан Э. 1991. Апостол Павел. Москва, Терра, 240.
- Ренан Э. 1991. Апостолы. Москва, Терра, 245, LXXVIII.
- Саврей В.Я. 2012. Антиохийская школа в истории христианской мысли. Москва, МГУ, 230.
- Свенцицкая И.С. 1987. Раннее христианство: страницы истории. Москва, Политиздат, 336.
- Торканевский А.А. 2020. Христианство в Риме в I – середине II в. Минск, МДА, 231.
- Федосик В.А. 2011. Мученичество в раннем христианстве: очерк исторического восприятия. Минск, БПЦ, 255.
- Федосик В.А. 1992. Христианская Церковь в Римской империи в III – нач. IV в.: Автореф. дисс. д-ра ист. наук. в форме научного доклада. Минск, 51.
- Федосик В.А., Торканевский А.А., Яновская В.В., Яновский О.А. 2012. Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция). Минск, БГУ, 171.

- Шафф Ф. 2010. История христианской церкви. Т. 1: Апостольское христианство, 1–100 г. по Р.Х. Санкт-Петербург, Библия для всех, 585.
- Шевырев С. Антиохийская Церковь. Санкт-Петербург, [б. и.], 122.
- Шифман И.Ш. 1977. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв.). Москва, Наука, 312.
- Adams S.A. 2008. Paul the Roman Citizen: Roman Citizenship in the Ancient World and its Importance for Understanding Acts 22: 22–29. In: Paul: Jew, Greek, and Roman. Leiden, Brill: 309–326.
- Bremmer J.W., Niklas T., Puig A. 2016. Thecla: Paul's Disciple and Saint in the East and the West. Bristol, Peeters, 405 p.
- Brent A. 2007. Ignatius of Antioch: A Martyr Bishop and the Origin of Episcopacy. L., Clark, 192 p.
- Davis S.J. 2001. The Cult of Saint Thecla. Oxford: Oxford University Press, 304 p.
- Desreumaux A. 1993. Histoire du roi Abgar et de Jésus. Turnhout, Brepols, 184 p.
- Devreesse R. 1945. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'Eglise jusqu'à la conquête arabe. P., Gabalda, 340.
- Downey G. 1961. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, University Press, 786 p.
- Drijvers H.J.W. 1980. Cults and Beliefs at Edessa. Leiden, Brill, 205 p.
- Dussaud R. 1927. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. P., Geuthner, 632 p.
- Elliott N. 2004. The Apostle Paul's Self-Presentation as Anti-Imperial Performance. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York: Trinity Press International: 67–88.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595 p.
- Kollmann B. 1998. Joseph Barnabas: Leben und Wirkungsgeschichte. Stuttgart, Verlag, 100.
- Paul and the Roman Imperial Order. 2004. Ed. R. Horsley. Harrisburg; London; New York, Trinity Press International, 208 p.
- Read-Wedderburn A. 2002. Paul and Barnabas: The Anatomy and Chronology of a Parting of the Ways. In: Fair Play: Diversity and Conflicts in Early Christianity. Essays in Honour of H. Räisänen. Leiden etc.: 291–310.
- Rogers R. 2000. Theophilus of Antioch: The Life and Thought of a Second-Century Bishop. Lanham, Oxford, Lexington Books, 193 p.
- Segal J.B. 1970. Edessa, «The Blessed City». Oxford, The Clarendon Press, 308 p.
- Trevett Chr. 1992. A Study of Ignatius of Antioch in Syria and Asia. Lewiston, Edwin Mellen Press, 264 p.

References

- Akopjan A. 1922. Vvedenie v arameistiku i siriologiju [Introduction to Aramaic and Syriological Studies]. Sergiev Posad, MDA, 752.
- Al'thatib E. 2017. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Sirii v rimskij period (I–III vv. n. e.) [Socio-economic Development of Syria in the Roman Period (1st – 3rd Centuries A.D.)]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. Stavropol', 23.
- Buzanakov Ju.V. 2022. Rannevizantijskaja Antiohija: problemy topografii i naselenija [Early Byzantine Antioch: Topographical and Population Issues]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 26.
- Vipper R.Ju. 1995. Rim i rannee hristianstvo [Rome and Early Christianity]. In: Izbrannye sochinenija [Selected Works]. T. 2. Rostov-na-Donu, Feniks: 205–478.
- Grushevoj A.G. 2013. Oчерki jekonomicheskoi istorii Sirii i Palestiny v drevnosti (I v. do n. e. – VI v. n. e.) [Essays on the economic history of Syria and Palestine in antiquity (1st century B.C. – 6th century A.D.)]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija, 380.
- Evtuhov I.O. 1991. Konceptija cheloveka pozdnej antichnosti (zapad Rimskoj imperii, V v. n. e.) [The Concept of Man in Late Antiquity (West of the Roman Empire, 5th Century A.D.)]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. Minsk, 19.
- Kirillov V.M. 2024. Laodikeja Primorskaja i ee okruга v antichnoe vremja [Laodicea Maritima and its Surroundings in Ancient Times]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Belgorod, 27.
- Kol'cov P.M., Kol'cova K.P., Murgaev S.M. 2018. Religioznye mirovozzrenija narodov Sirii v jellinisticheskij i rimskij periody [Religious Worldviews of the Peoples of Syria in the Hellenistic and Roman Periods]. In: Vestnik Kalmyckogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University], no. 2 (38): 12–18.
- Kol'cov P.M., Suhejl' L. 2021. Istorija rasprostraneniya hristianstva v Sirii v I v. v kontekste jellinisticheskoi kul'tury regiona [The History of the Spread of Christianity in Syria in the 1st Century in the Context

- of the Hellenistic Culture of the Region]. In: *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History. Political science], vol. 48, no. 4: 766–774.
- Lencevich O.M. 2001. *Zhenshhina v antichno-hristianskoj ideologii i cerkvi* [Woman in Ancient Christian Ideology and Church]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Minsk, 21.
- Lencevich O.M. 2021. *Fenomen zhenskogo muchenichestva v antichnom hristianstve* [The Phenomenon of Female Martyrdom in Ancient Christianity]. In: *Schast'e ne v nagrade za doblest', a v samoj doblesti = Beatitudo non est virtutis praemium sed ipsa virtus: materialy mezhdunar. nauch. kruglogo stola, posvjashh. 70-letnemu jubileju prof. V.A. Fedosika*. Minsk, BGU: 133–138.
- Makarij (Tajjar), arhim. 1978. *Istorija Antiohijskoj Cerkvi ot ee osnovanija do nach. XX v.* [History of the Antiochian Church from its foundation to the beginning of the 20th century.]. Diss. T. 1–2. Moscow, MDA.
- Panteleev A.D. 2004. *Hristianstvo v Rimskoj imperii vo II–III vv. (k probleme vzaimootnoshenij novyh religioznyh techenij i tradicionnogo obshhestva i gosudarstva)* [Christianity in the Roman Empire in the 2nd – 3rd centuries (On the Problem of the Relationship Between New Religious Movements and Traditional Society and State)]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Saint Petersburg, 22.
- Panteleev A.D. 2006. *Religioznaja terpimost' i neterpimost' v Rime vo II–III vv.* [Religious Tolerance and Intolerance in Rome in the 2nd – 3rd Centuries]. In: *Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and Publications on the History of the Ancient World]. Vyp. 5: 407–420.
- Panteleev A.D. 2017. *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovanija* [Early Martyrdoms. Translations, Commentaries, Studies]. Saint Petersburg, Gumanitarnaja Akademija, 384.
- Parfenov V.N. 2016. *Dolgoe jeha Iudejskoj vojny: Domician i rodstvenniki Iisusa Hrista «po ploti»* [The Long Echo of the Jewish War: Domitian and the Relatives of Jesus Christ "according to the Flesh"]. In: *Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Труды Саратовской православной духовной семинарии]. Vyp. N: 164–182.
- Parfenov V.N., Litovchenko E.V. 2020. *Apostol Pavel v Iudee: poslednij visit* [Apostle Paul in Judea: The Last Visit]. In: *Via in Tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History. Political science], 47(4): 683–692.
- Renan E. 1991. *Apostol Pavel* [Apostle Paul]. Moscow Terra, 240.
- Renan E. 1991. *Apostoly* [Apostles]. M., Terra, 245, LXXVIII.
- Savrej V.Ja. 2012. *Antiohijskaja shkola v istorii hristianskoj mysli* [The Antiochian School in the History of Christian Thought]. Moscow, MGU, 230.
- Svencickaja I.S. 1987. *Ranee hristianstvo: stranicy istorii* [Early Christianity: Pages of History]. Moscow, Politizdat, 336.
- Torkanevskij A.A. 2020. *Hristianstvo v Rime v I – seredine II v.* [Christianity in Rome in the 1st – mid-2nd Century]. Minsk, MDA, 231.
- Fedosik V.A. 1992. *Hristianskaja Cerkov' v Rimskoj imperii v III – nach. IV v.: Avtoref. diss. d-ra. ist. nauk. v forme nauchnogo doklada*. Minsk, 51.
- Fedosik V.A. 2011. *Muchenichestvo v rannem hristianstve: ocherk istoricheskogo vospriyatija* [Martyrdom in Early Christianity: An Essay on Historical Perception]. Minsk, BPC, 255.
- Fedosik V.A., Torkanevskij A.A., Janovskaja V.V., Janovskij O.A. 2012. *Rim i hristianskie mucheniki (realii antichnosti i duhovnaja tradicija)* [Rome and Christian Martyrs (Realities of Antiquity and Spiritual Tradition)]. Minsk, BGU, 171.
- Shaff F. 2010. *Istorija hristianskoj cerkvi* [History of the Christian Church]. T. 1: *Apostol'skoe hristianstvo, 1–100 g. po R.H.* [Apostolic Christianity, 1–100 A.D.]. Saint Petersburg, Biblija dlja vseh, 585.
- Shevyrev S. *Antiohijskaja Cerkov'* [Antiochian Church]. Saint Petersburg, 122.
- Shifman I.Sh. 1977. *Sirijskoe obshhestvo jepohi principata (I–III vv.)* [Syrian Society During the Principate (1st – 3rd centuries)]. Moscow, Nauka, 312.
- Adams S.A. 2008. *Paul the Roman Citizen: Roman Citizenship in the Ancient World and its Importance for Understanding Acts 22: 22–29*. In: *Paul: Jew, Greek, and Roman*. Leiden, Brill: 309–326.
- Bremmer J.W., Niklas T., Puig A. 2016. *Thecla: Paul's Disciple and Saint in the East and the West*. Bristol, Peeters, 405 p.
- Brent A. 2007. *Ignatius of Antioch: A Martyr Bishop and the Origin of Episcopacy*. L., Clark, 192 p.
- Davis S.J. 2001. *The Cult of Saint Thecla*. Oxford: Oxford University Press, 304 p.
- Desreumaux A. 1993. *Histoire du roi Abgar et de Jésus*. Turnhout, Brepols, 184 p.

- Devreesse R. 1945. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'Eglise jusqu'à la conquête arabe. P., Gabalda, 340.
- Downey G. 1961. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, University Press, 786 p.
- Drijvers H.J.W. 1980. Cults and Beliefs at Edessa. Leiden, Brill, 205 p.
- Dussaud R. 1927. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. P., Geuthner, 632 p.
- Elliott N. 2004. The Apostle Paul's Self-Presentation as Anti-Imperial Performance. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York: Trinity Press International: 67–88.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595 p.
- Kollmann B. 1998. Joseph Barnabas: Leben und Wirkungsgeschichte. Stuttgart, Verlag, 100.
- Paul and the Roman Imperial Order. 2004. Ed. R. Horsley. Harrisburg; London; New York, Trinity Press International, 208 p.
- Read-Wedderburn A. 2002. Paul and Barnabas: The Anatomy and Chronology of a Parting of the Ways. In: Fair Play: Diversity and Conflicts in Early Christianity. Essays in Honour of H. Räisänen. Leiden etc.: 291–310.
- Rogers R. 2000. Theophilus of Antioch: The Life and Thought of a Second-Century Bishop. Lanham, Oxford, Lexington Books, 193 p.
- Segal J.B. 1970. Edessa, «The Blessed City». Oxford, The Clarendon Press, 308 p.
- Trevett Chr. 1992. A Study of Ignatius of Antioch in Syria and Asia. Lewiston, Edwin Mellen Press, 264 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.08.2024

Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования 15.11.2024

Revised 15.11.2024

Принята к публикации 18.11.2024

Accepted 18.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лаванд Сухейль, аспирант кафедры всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1621-0830](https://orcid.org/0000-0003-1621-0830)

Sukheil Lawand, Postgraduate Student of the Department of General History, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9776-3650](https://orcid.org/0000-0001-9776-3650)

Petr M. Koltsov, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of General History, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia

УДК 94 (393)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-813-819

Оригинальное исследование

Епископ Феофил Александрийский: от администратора до богослова

Абдулманова И.В.

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: zajcevil@mail.ru

Аннотация. В рамках данной статьи предпринят анализ профессиональной деятельности крупнейшего представителя Александрийской церкви IV в. Феофила Александрийского. Отмечается его роль на посту епископской кафедры, а также вклад в разработку интеллектуальных основ христианской веры (доктринальное оформление датировок празднования Пасхи, борьба с наследием Оригена). Особое внимание уделено проблеме взаимоотношений Феофила с архиепископом Константинополя Иоанном Златоустом, политическая борьба с которым наложила отпечаток на репутационные показатели Феофила в Восточно-христианской церкви. В статье автор проводит идею о значимом вкладе Феофила не только в церковную политику Восточно-христианского мира IV в. н. э., но и в процесс формирования новой интеллектуальной парадигмы Александрии. В работе указывается, что во многом именно полемика александрийского патриарха против Оригена положила начало последующему осуждению оригенистов на церковных соборах VI в.

Ключевые слова: Феофил Александрийский, Александрийская богословская школа, раннее христианство, христианство в Египте, Иоанн Златоуст

Для цитирования: Абдулманова И.В. 2024. Епископ Феофил Александрийский: от администратора до богослова. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 813–819. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-813-819.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Bishop Theophilus of Alexandria: From Administrator to Theologian

Irina V. Abdulmanova

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
71 Gorkiy St., Belgorod 308024, Russia
E-mail: zajcevil@mail.ru

Abstract. In this article, the author analyzes the professional activity of Theophilus of Alexandria, the greatest representative of the 4th century Alexandrian Church. His role as a Bishop is noted, as well as his contribution to the development of the intellectual foundations of the Christian faith (doctrinal design of Easter celebrations dates, the struggle against Origen's legacy). Special attention is paid to the problem of Theophilus' relationship with John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, whose political struggle left an imprint on Theophilus's reputational indicators in the Eastern Christian Church. In the article, the author stresses Theophilus's significant contribution not only to the church policy of the Eastern Christian world of the 4th century A.D., but also to the process of forming a new intellectual paradigm of Alexandria. The work shows that it was mostly the polemic of the Patriarch of Alexandria against Origen that marked the beginning of the subsequent condemnation of the Origenists at the church councils of the 6th century.

Keywords: Theophilus of Alexandria, Alexandrian Theological School, early Christianity, Christianity in Egypt, John Chrysostom

© Абдулманова И.В., 2024

For citation: Abdulmanova I.V. 2024. Bishop Theophilus of Alexandria: From Administrator to Theologian. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 813–819 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-813-819.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В истории Александрийской церкви есть немало известных интеллектуалов и богословов, деятельности которых посвящены многочисленные труды как российских, так и зарубежных авторов. Это и Климент, и Ориген, и Афанасий Великий, и Кирилл Александрийский. Каждый из них вполне однозначно воспринимается исторической наукой с вполне позитивных позиций. Однако в хрониках христианской церкви этого города есть личность наименее почитаемого епископа в тех редких случаях, когда её вообще касалось внимание исследователя. Речь идет о Феофиле Александрийском. Современная российская наука практически не обращалась к образу этого интеллектуала. Исключением могут выступать краткие упоминания о деятельности Феофила в разрезе его влияния на становление личности племянника Кирилла, будущего епископа Александрии. На Западе по сути единственными трудами стали работы Агностино Фавале [Favale, 1958] и Нормана Рассела [Russell, Theophilus of Alexandria, 2006]. В качестве источников по данной теме следует выделить работы церковных историков Руфина Аквилейского [Rufinus Hist. eccl. 11. 23–30], Сократа [Socr. Hist. eccl. 5. 16–17], Созомена [Sozom. Hist. eccl. 7. 15], труд языческого софиста Евнапия [Eunapius Vita sophistarum, LCL, 420 ff], «Хроники» Иоанна Никиусского [John of Nikiu, Chronicle 79. 13–16], а также письма самого Феофила, которые в 1770 году опубликовал в седьмом томе «Bibliotheca Veterum Patrum» Андреа Галланди. В рамках данной статьи мы представим анализ его личности в разрезе нового подхода в котором, как мы полагаем, необходимо отделить саму личность Феофила, сложную и неоднозначную, и его вполне успешную профессиональную деятельность на посту александрийского архиепископа.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает интеллектуальная традиция позднеантичной Александрии, а в качестве предмета – профессиональный путь епископа Феофила. Методология исследования представлена комплексным подходом, поскольку тема исследования является частью решения более широкой узловой проблемы, а именно проблемы синтеза языческого наследия и христианства. Также работа строится на принципах субъективного подхода от того, что ключевым основанием темы исследования выступают особенности профессионального пути конкретной личности как субъекта-носителя уникального знания. Важным методологическим основанием выступает концепция поздней античности. К числу методов, на которые опирается исследование, следует отнести исторический метод (применялся для анализа общеисторической канвы жизни Феофила) и специальный историко-биографический метод.

Результаты и их обсуждение

Феофил родился около 345 года в Мемфисе в семье христиан [Russell, Theophilus of Alexandria, p. 3]. История его становления как христианина облечена в легендарные формы. Рано лишившись родителей, Феофил и его сестра остались на попечении эфиопской рабыни, которая в один из дней привела детей в храм Аполлона и Артемиды. Легенда повествует, что статуи греческих богов разбились в присутствии Феофила, и рабыня, испугавшись, повела детей в христианскую церковь к епископу Афанасию Великому. Бог дал Афанасию откровение о том, кто они такие, и все трое были крещены. Сестра Феофила была

отправлена в общину монахинь (позже она вышла замуж и стала матерью Кирилла, который возглавил александрийскую кафедру после Феофила) [Artemi, 2007, p. 7; Russell, Cyril of Alexandria, p. 15], а сам Феофил прошел все ступени в церковной иерархии, став епископом Александрийской церкви. Согласно упоминанию Иоанна Никиусского Феофил вошел в состав александрийского духовенства примерно к 370 году [John of Nikiu, Chronicle 79. 13–16; Harnack, 1960, p. 78; Hilscher, 1776, p. 134; McKenzie, 2007, p. 54].

Во главе церковной иерархии города он встал 20 июля 385 года в возрасте около 40 лет после смерти своего предшественника Тимофея. Практически сразу же Феофил развернул бурную финансово-экономическую и хозяйственную деятельность. В этом заключался один из его административных талантов. К началу его руководства христианская церковь города не обладала большими материальными богатствами. При этом христианское население города росло значительными темпами, что требовало усиления мер по «христианизации пространства» на территории, на которой еще изобиловали языческие храмы [Haas, 1997, p. 257]. Наиболее крупным из них был Серапеум, разрушение которого ознаменовало собой начало агрессивной политики Феофила в борьбе с язычеством.

Руфин сообщает, что беспорядки в городе начались с обращения Феофила к императору [Rufinus Hist. eccl. 11. 23]. Патриарх запросил в свое распоряжение старую базилику с целью строительства на её месте нового христианского храма. Созомен, со ссылкой на Руфина, уточнял, что та самая «древняя базилика» – это храм Диониса [Sozom. Hist. eccl. 7.15]. В ответ на это язычники укрылись в Серапеуме (находился в квартале Ракотис, на юго-западе города) и забаррикадировали вход. После согласования с императором было решено помиловать мятежников, но языческие статуи уничтожить. Руфин упоминает, что разрушения начались со статуи Сераписа, а позже изображения Сераписа были уничтожены по всему городу. Потом Феофил разрушил храмы в Канопусе (город, расположенный в нескольких милях от Александрии) и сам Серапеум [Rufinus Hist. eccl. 11. 24]. Некоторые сведения о процессе разрушения главного языческого храма мы находим у Евнапия. Так, он, напротив, отмечает, что главный храм Сераписа был уничтожен после разрушения храма Сераписа в Канопусе, и это событие не было никак связано с политическими процессами, происходящими в Александрии [Eunapius Vita sophistarum 472]. В любом случае очевидным является то, что основной целью разрушения Серапеума для Феофила была христианизация городского пространства. Поэтому процесс сопровождался сооружением на месте разрушенного языческого храма церкви Иоанна Крестителя с перенесением в неё мощей святых. Это заложило начало активному противостоянию церкви с египетской традиционной религией. Из активной политики, проводимой Феофилом по разрушению Серапеума, видно, что он действовал с позволения императора и городского префекта.

Внутренние проблемы церкви Феофил как администратор решал не менее уверенно, чем внешние. Достаточно быстро он перешел от «домашних дел» своего епископата к решению вопросов внешней политики церкви, став одним из главных фигурантов многих политико-церковных дел своего времени. Так, он принимал участие в решении вопроса, связанного с Мелитовским расколом в Антиохии, разрешении спора о престолонаследии, касающийся Босры в Аравии. Однако апогеем его внешней политики стало противостояние с Иоанном Златоустом.

Активизация внешнеполитической деятельности Феофила начинается в 396 году, когда возник спор между Иоанном Иерусалимским и Иеронимом. Феофил был приглашен Иоанном с целью разрешить противоречия, которые касались теологического наследия Оригена. Предпосылки к этому спору сложились тремя годами ранее, когда против Иоанна выступил один из главных антиоригенистов того времени епископ Кипрский Епифаний. От имени Феофила в Иерусалим был отправлен Исидор, занявший сторону Иоанна.

В 397 году началась борьба за епископский престол в Константинополе. На востоке империи власть после смерти императора Феодосия I перешла к его сыну Аркадию, на ко-

того оказывал влияние авторитетный государственный деятель Евтропий, имевший собственное видение относительно того, кто должен находиться на епископском престоле в Константинополе. На этой должности он видел Иоанна Златоуста, пресвитера из Антиохии. Сократ сообщает, что Евтропий шантажировал Феофила, чтобы тот принял участие в рукоположении Иоанна [Socr. Hist. eccl. 6.2]. Аналогичную версию предлагает и Созомен, но упоминает не о шантаже, а о том, что Феофил боялся могущественного Евтропия [Sozom. Hist. eccl. 8.2]. Однако личные разногласия между Феофилом и Иоанном Златоустом начались после того, как Феофил разошелся во взглядах с Исидором относительно теологического наследия Оригена и объявил преследование его и нитрийских монахов, именуемых «долгими братьями». Исидор обратился за помощью к Иоанну, который взялся вести переговоры с Феофилом от их имени.

Феофил опасался Иоанна, поскольку ему казалось, что Константинополь претендует на то, чтобы взять под собственную юрисдикцию александрийский патриархат. В этой ситуации он проявил себя как авторитетный администратор. Епифанию было отправлена копия Синодального письма с просьбой провести Синод в Константинополе и осудить учение Оригена. «Долгие братья» в ответ обратились к Иоанну с перечнем обвинений против Феофила. Также им удалось передать свои претензии императорской чете.

Феофил приехал в Халкидон и начал собирать оппозицию. Император вызвал Иоанна, приказав ему председательствовать на совете, который должен был осудить Феофила. Если бы Иоанн был дальновидным политиком, он бы воспользовался представившейся возможностью, но он отказался, мотивируя все тем, что вопросы, затрагивающие каждую провинцию, должны разрешаться на её территории [Kelly, 1975, p. 215]. Феофил, напротив, хорошо подготовился к осуждению Иоанна. В 403 году открылся Собор у дуба, на котором председательствовал епископ Гераклеяский Павел. Иоанну было выдвинуто 29 обвинений. Его заочно признали виновным и низложили [Russell, Theophilus of Alexandria, p. 31]. Через три дня Иоанна отправили в изгнание, но в скором времени отозвали обратно. Во многом это было связано с тем, что изгнанием Иоанна было недовольно население Константинополя [Kelly, 1995, p. 232]. Казалось, что ситуация складывается в его пользу, но Иоанн сам изменил положение вещей. Только вернувшись в город, он выступил с речью, в которой осудил воздвигнутую статую императрицы, приведя в пример библейский сюжет с Иродианой, которая принесла на блюде голову Иоанна Крестителя, что сильно оскорбило императрицу.

Феофил воспользовался случаем и указал, что в христианской церкви существует каноническое правило, в соответствии с которым если епископ, смещенный одним и не восстановленный другим Синодом, возобновит выполнение обязанностей по собственной инициативе, он навсегда лишается должности без права обжалования. По инициативе императора Аркадия была назначена аудиенция с представителями обеих сторон, но Иоанн отказался в ней участвовать [Socr. Hist. eccl. 6. 76. 18]. В свою очередь, он попросил защиты у папы Иннокентия, которому одновременно написал и Феофил, убеждая прервать общение с Иоанном. Однако Иннокентий отказался, объяснив, что считает его законным епископом Константинополя.

В 404 году Феофил написал клевету на Иоанна, которая не возымела действия, а в 405 году состоялся Синод, на котором от церкви был отлучен сам Феофил. Папа Иннокентий обратился к западному императору Гонорию с целью защиты Иоанна. Тот, в свою очередь, призвал собрать совет с участием Феофила, чтобы разрешить спор. Но по пути на совет часть делегации была арестована, а другая отправлена обратно в Италию. Итогом этого противостояния стало то, что папа Римский Иннокентий прервал общение не только с александрийским патриархом, но также с Порфирием Антиохийским и Аттиком Константинопольским. Изначально было поставлено условие, что общение будет прекращено до того момента, пока не будет созван новый совет [Sozom. Hist. eccl. 8. 24; Pallad. Dial. 20], но в итоге совет так и не собрался и отношения между Римом и Александрией были налажены

только при приемнике Феофила Кирилле Александрийском в 419 году (после того, как Кирилл, вопреки своему желанию, восстановил Иоанна в диптихах).

После 406 года Феофила уже не привлекали к решению сложных внешнеполитических вопросов церкви, однако целый ряд представителей духовенства обращались к нему за авторитетным советом. На посту руководителя Александрийской церкви он пробыл 27 лет, вплоть до своей смерти 15 октября 412 года.

Как правило, об интеллектуальной деятельности Феофила исследователи всегда говорят намного меньше, чем об административной. Хотя это и не совсем справедливо. Конечно, ввиду отсутствия большей части произведений сделать полноценный анализ его интеллектуальной деятельности достаточно сложно. Византийская рукописная традиция не сохранила отдельных сборников его трудов, поскольку работы Феофила не содержали догматических трактатов и библейских комментариев. И даже несмотря на то, что в коптской монашеской традиции Феофил почитался, в Константинополе его продолжали недолюбливать из-за ситуации с Иоанном.

Феофил оставил после себя 27 праздничных писем, которые епископ писал в начале каждого года для обозначения дня празднования Пасхи. Также с его именем связаны проповеди, обширная переписка по самому большому кругу административных и богословских вопросов и важная таблица о датах Пасхи. Немногие из этих писаний сохранились. 15 праздничных писем им было написано до антиоригенистской полемики (до нас дошли фрагменты 1, 3, 5, 6, 10) [Lundhaug, 2011, p. 67]. Вообще тема христианской Пасхи для Феофила была одной из определяющих в творчестве. Обращаясь к императору Феодосию I, Феофил упоминал пасхальную таблицу, составленную им лично. До наших дней она дошла в «Пасхальной хронике» [Пасхальная хроника, 2004, с. 18–54]. Помимо самой таблицы в письме содержится Пролог с указанием информации о выборе месяца и даты празднования Пасхи в соответствии с установлениями Священного Писания⁷.

Особое внимание в интеллектуальном наследии Феофила уделяется его вкладу в антиоригеновскую полемику. Наиболее ярко она обозначена в Синодальных (1 и 2), праздничных (16, 17, 19) письмах, письме, написанном в Константинополе [Clark, 1992, p. 12]. В них Феофил обвиняет Оригена в том, что тот считал Христа истиной по отношению к людям, но ложью по отношению к Богу, а также в том, что Ориген поддерживал идею предсуществования души [Theoph., Letter written at Constantinople, 5; Theoph., Second synodal letter to the bishops of Palestine and Cyprus, 2; Theoph., First synodal letter; Theoph., Sixteenth festal letter, 9, 15]. Вызывает у него негодование и представления Оригена о поклонении Христу [Theoph., Sixteenth festal letter, 14]. Особая опасность учения Оригена, по мнению Феофила, состоит в том, что Ориген не обожествляет Христа [Theoph., Sixteenth festal letter, 14]. В качестве второй догматической ошибки Оригена Феофил называет его представление о воскресении тел умерших [Theoph. Letter written at Constantinople, 8].

Заключение

В заключении следует отметить, что личность патриарха Феофила интересна современному исследователю сразу с нескольких позиций. Во-первых, в привязке к его административной деятельности, в которой он показал себя непримиримым борцом за те взгляды, которые считал верными. Во-вторых, важным является и его интеллектуальное наследие как ведущего богослова Востока, в котором он оформился как ведущий оригенист. По сути, его взгляды на наследие Оригена заложили основу для последующего осуждения учения Оригена и оригенистов на Константинопольских соборах VI в.

⁷ Письмо Феофила не сохранилось в греческом оригинале. Н. Рассел перевел его из старой латинской версии, опубликованной Бруно Крушем. Пролог к пасхальному столу сохранился на греческом языке, но не полностью. Последние два абзаца сохранились только в латинском варианте.

Список литературы

- Пасхальная хроника. 2004. Пер. с греч. Л.А. Самуткиной. Санкт-Петербург, Изд-во «Алетейя», 216 с.
- Преп. Палладий Еленопольский. 2014. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. Москва, Сибирская благовонница, 493 с.
- Пролог Феофила Александрийского: основные аспекты установления дня Святой Пасхи. URL: <http://www.orthedu.ru/uchposob/patolog/17188-prolog-feofila-aleksandriyskogo.html> (дата обращения: 13.10.2024)
- Руфин Аквилейский. 2005. Церковная история. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. Санкт-Петербург, Издательство Олега Абышко: 230–284.
- Созомен. 1855. Церковная история. Москва, Типография Фишера, 636 с.
- Сократ Схоластик. 1999. Церковная история. Москва, Росспэн, 400 п.
- Artemi E. 2007. St Cyril of Alexandria and His Relations with the Ruler Orestes and the Philosopher Hypatia. *Ecclesiastic Faros of Alexandria*, 7–15.
- Clark E.A. 1992. *The Origenist Controversy. The Cultural Construction of an Early Christian Debate.* – Princeton, NJ, Princeton University Press, 287 p.
- Eunapius. 1822. *Vitas sophistarum et fragmenta historiarum.* New York Public Library, 685 p.
- Favale A. 1958. *Teofilo d'Alessandria. Scritti, Vita e Dottrina.* Torino, Società Editrice Internazionale, 345–412.
- Haas Ch. 1997. *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict.* Baltimore and London, The Johns Hopkins University Press, 516 p.
- Harnack A. 1960. *Alexandria School. The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge.* Vol. 1. Michigan, Baker Book House, Grand Rapids, 942 p.
- Hilscher F. 1776. *De schola Alexandrina.* Lipsiae, 320 p.
- Kelly J.N.D. 1975. *Jerome. His Life, Writings and Controversies.* London, Duckworth, 354 p.
- Kelly J.N.D. 1995. *Golden Mouth. The Story of John Chrysostom – Ascetic, Preacher, Bishop.* London, Duckworth, 310 p.
- Lundhaug H. 2011. Origenism in Fifth-Century Upper Egypt: Shenoute of Atripe and the Nag Hammadi Codices. *Studia patristica.* LXIV. Papers Presented at the Sixteenth International Conference on Patristic Studies Held in Oxford. Ed. by M. Vinzent. Vol. 12, 217–229.
- McKenzie J.S. 2007. The Place in Late Antique Alexandria «Where the Alchemists and Scholars Sit ... Was Like Stairs». *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education.* Warsaw, 53–83.
- Russell N. 2006. *Cyril of Alexandria.* London, Routledge, 272 p.
- Russell N. 2006. *Theophilus of Alexandria.* London, Routledge, 222 p.
- The Chronicle of John, Bishop of Nikiu. 1916. / Trans. R.H. Charles. London, 204 p.

References

- Pashal'naja hronika. 2004. Per. s grech. L.A. Samutkinoy [The Easter Chronicle]. Saint Petersburg, Izd-vo «Aletejja», 216 p.
- Преп. Palladiy Elenopol'skiy. 2014. Lavsaik, ili povestvovanie o zhizni svyatykh i blazhennykh ottsov [Lavsaik, or the Narrative of the Life of the Saints and Blessed Fathers]. Moscow, «Sibirskaya blagovonnitsa», 493 p.
- Prolog Feofila Aleksandriyskogo: osnovnye aspekty ustanovleniya dnja Svjatoj Pashi [The Prologue of Theophilus of Alexandria: the Main Aspects of the Establishment of the Holy Easter Day] / Rezhim dostupa: <http://www.orthedu.ru/uchposob/patolog/17188-prolog-feofila-aleksandriyskogo.html> (data obrashhenija: 13.10.2024).
- Rufin Akvileyskiy. Tserkovnaya istoriya [Church History]. Tyulenev V.M. Rozhdenie latinskoy khristianskoy istoriografii. S prilozheniem perevoda «Tserkovnoy istorii» Rufina Akvileyskogo. 2005. Saint Petersburg, «Izdatel'stvo Olega Abyshko»: 230–284.
- Sozomen. 1855. Tserkovnaya istoriya [Church History]. Moscow, «Tipografiya Fishera», 636 p.
- Sokrat Skholastik. 1999. Tserkovnaya istoriya [Church History]. Moscow, «Rosspen», 400 p.
- Artemi E. 2007. St Cyril of Alexandria and His Relations with the Ruler Orestes and the Philosopher Hypatia. *Ecclesiastic Faros of Alexandria*, 7–15.
- Clark E.A. 1992. *The Origenist Controversy. The Cultural Construction of an Early Christian Debate.* – Princeton, NJ, Princeton University Press, 287 p.

- Eunapius. 1822. *Vitas sophistarum et fragmenta historiarum*. New York Public Library, 685 p.
- Favale A. 1958. Teofilo d’Alessandria. *Scritti, Vita e Dottrina*. Torino, Società Editrice Internazionale, 345–412.
- Haas Ch. 1997. Alexandria in Late Antiquity. *Topography and Social Conflict*. Baltimore and London, The Johns Hopkins University Press, 516 p.
- Harnack A. 1960. Alexandria School. *The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge*. Vol. 1. Michigan, Baker Book House, Grand Rapids, 942 p.
- Hilscher F. 1776. *De schola Alexandrina*. Lipsiae, 320 p.
- Kelly J.N.D. 1975. Jerome. *His Life, Writings and Controversies*. London, Duckworth, 354 p.
- Kelly J.N.D. 1995. Golden Mouth. *The Story of John Chrysostom – Ascetic, Preacher, Bishop*. London, Duckworth, 310 p.
- Lundhaug H. 2011. Origenism in Fifth-Century Upper Egypt: Shenoute of Atripe and the Nag Hammadi Codices. *Studia patristica*. LXIV. Papers Presented at the Sixteenth International Conference on Patristic Studies Held in Oxford. Ed. by M. Vinzent. Vol. 12, 217–229.
- McKenzie J.S. 2007. The Place in Late Antique Alexandria «Where the Alchemists and Scholars Sit ... Was Like Stairs». *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 53–83.
- Russell N. 2006. Cyril of Alexandria. London, Routledge, 272 p.
- Russell N. 2006. Theophilus of Alexandria. London, Routledge, 222 p.
- The Chronicle of John, Bishop of Nikiu. 1916. / Trans. R.H. Charles. London, 204 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.08.2024

Received 28.08.2024

Поступила после рецензирования 15.11.2024

Revised 15.11.2024

Принята к публикации 18.11.2024

Accepted 18.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5374-0510](https://orcid.org/0000-0001-5374-0510)

Irina V. Abdulmanova, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia

УДК 94(564.3)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-820-830
Оригинальное исследование

К проблеме этатизации позднеантичного полиса: Марин Сириец и проблема роспуска городских курий в начале VI в.

Жуков А.А.¹ , Болгов Н.Н.^{1, 2}

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14;

² Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;

E-mail: 1774214@bsuedu.ru, bolgov@bsuedu.ru

Аннотация. В работе предпринимается попытка дать схему этапов эволюции процесса отмирания полиса в поздней античности (его византинизации). Этот процесс включал в себя постепенную элиминацию муниципального самоуправления и этатизацию, то есть замещение государством в лице чиновников основных функций полиса. В науке, в том числе в отечественной академической образовательной парадигме, нет устоявшейся схемы и четких этапов этого процесса. Авторы предлагают один из возможных вариантов выделения данных этапов, сосредоточив более подробное внимание на четвертом этапе, когда в начале VI в. государство учреждает институт виндиков (экдиков) – «защитников» интересов государства в городе, ответственных за сбор налогов. Эта реформа связана с деятельностью префекта Марина Сирийца, биография которого рассматривается в контексте проблемы. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на сообщения источников и различные мнения в историографии, учреждение виндиков не отменило деятельность городских курий (советов), так как нам известно лишь о 4 эпизодах деятельности виндиков. Кроме того, специально рассматривается вопрос о соотношении должностей дефенсора (экдика) городской общины и виндика. По-гречески это звучит одинаково – экдик (защитник), но в первом случае, с конца IV в., экдик защищал интересы города (полиса) перед государством, а экдик (виндик) Анастасия в начале VI в. защищал интересы государства в городе (сбор налогов). Фактически полис теряет свои основные функции (муниципальное самоуправление) к концу VI в., но формальные должности, наследующие прежним магистратурам, уже как административные должности сохраняются еще очень долго, до X в., что нередко порождает путаницу в понятиях.

Ключевые слова: Ранняя Византия, поздняя античность, курия, этатизация, полис, Марин, виндик, Анастасий

Для цитирования: Жуков А.А., Болгов Н.Н. 2024. К проблеме этатизации позднеантичного полиса: Марин Сириец и проблема роспуска городских курий в начале VI в. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 820–830. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-820-830.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

To the Issue of Etatization of the Late Antique Polis: Marinus the Syrian and the Dissolution of the City Curiae Early in the 6th Century A.D.

Alexey A. Zhukov¹ , Nikolay N. Bolgov^{1, 2}

¹ Belgorod State National Research University,
14 Studencheskaya St., Belgorod 308007, Russia;

² Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia;

E-mail: 1774214@bsuedu.ru, bolgov@bsuedu.ru

Abstract. The paper attempts to outline the stages of the polis dying out in late antiquity (its Byzantinization). This process included gradual elimination of municipal self-government and etatization,

© Жуков А.А., Болгов Н.Н., 2024

that is, the replacement of the polis's main functions by the state represented by officials. There is no established scheme and no clear description of the stages of this process in science, including the Russian academic educational paradigm. The authors propose one of the possible options for identifying these stages, with a greater focus on the fourth stage, the early 6th century when the state established the institution of Vindics (Ecdics) – ones who protected the state interests in the city and were responsible for tax collection. This reform is associated with the activities of the prefect Marinus the Syrian, whose biography is considered in the context of the problem. The authors conclude that, despite the data from sources and various opinions in historiography, the establishment of Vindics did not abolish the activities of city curiae (councils), since we know of only four episodes of Vindics' activities. Special attention is paid to the difference between the positions of the defensor (ekdikos) of the city community and that of vindic. In Greek, it sounds the same – ekdikos (defender), but in the former case, since the end of the 4th century, the ekdikos defended the interests of the city (polis) before the state, while in the latter case, in the early 6th century, the ekdikos (vindic) of Anastasius defended the interests of the state in the city (tax collection). In fact, the polis had lost its main functions (municipal self-government) by the end of the 6th century, but the formal positions inherited from the former magistracies were preserved for a very long time, already as administrative positions, until the 10th century, which often lead to a confusion in concepts.

Keywords: Early Byzantium, Late Antiquity, Curia, Etatization, Polis, Marin, Vindic, Anastasius.

For citation: Zhukov A.A., Bolgov N.N. 2024. To the Issue of Etatization of the Late Antique Polis: Marinus the Syrian and the Dissolution of the City Curiae Early in the 6th Century A.D. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 820–830 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-820-830.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Финал истории позднеантичного полиса как самоуправляющейся городской общины имеет важное методологическое значение, так как маркирует финальную трансформацию всей античной цивилизации. Конец античности есть прежде всего конец полиса. Конечно, как и любой транзитивный процесс этого времени, он был достаточно длительным и претерпел несколько этапов:

- оформление сословной наследственной замкнутости куриалов (булевтов) – членов городских советов;
- элитаризация внутри сословной группы куриалов, оформление слоя верхушки куриалов (нотаблей);
- верхушка города с V в. меняет свой состав: теперь в нее входит как прежняя куриальная знать, так и новые независимые землевладельцы (ктиторы), чиновники и военные в отставке, епископ, богатое духовенство; в условиях упадка курий (советов городов) и сословия куриалов (членов городских советов) «новая» часть городской верхушки приобщается к традиционному полисному патриотизму и даже обретает его заново; иногда отношения между «новой» знатью [Laniado, 2014, p. 545–566], связанной с государством и церковью или независимой (протевонами), и старой муниципальной были конфликтными из-за собственности;
- тяжесть налогового бремени переносится на простых куриалов, происходит «бегство» от этих тяжелых обязанностей; появляется понятие «посткуриальная эпоха» в городских общинах; посткуриальная эпоха доминирования новых городских нотаблей (протевонов, протов, протополитов, архонтов, патеров полиса и т. п.) наступает приблизительно с середины VI в.;
- происходит и прямое постепенное замещение многих муниципальных функций (прежде всего, сбора налогов⁸, затем обороны) государством (чиновниками), а также церковью; при этом само государство сначала пытается сохранить курии, переложив на них

⁸ Для императорской власти наиболее важен был прямой контроль над доходами городов.

административные функции, а затем замещает их более эффективными чиновниками-администраторами;

- в итоге от полиса к VII в. остаются лишь традиции, совет новой знати (преторы/принципалы) и формальные магистратуры, названия которых сохраняются еще долго, но обозначают уже чиновников⁹.

Однако вышеуказанные этапы данного длительного процесса и его промежуточные формы, как отмечал В.В. Серов, пока остаются за пределами специального научного интереса [Серов, 2001, с. 47] и академической практики. Соответственно, в науке нет единой точки зрения по этому вопросу, не говоря уже о дидактической схеме из учебников.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является процесс разложения городской общины в поздней античности и этатизация муниципального строя.

Методами исследования являются метод контент-анализа (анализ содержания письменных источников), историко-биографический (в отношении Марина), а также сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Во времена ранней империи городской совет был совещательным и представительным органом города, аналогом римского сената, а также официальной статусной группой, члены которой, обычно называемые булевтами (куриалами), разделяли набор привилегий и обязанностей.

В качестве *первого этапа* «отмирания» позднеантичного полиса (его *византинизации*) [Болгов, 2023, с. 196–216] следует назвать оформление сословной наследственной замкнутости куриалов. К правлению Диоклетиана (284–305) этот процесс был завершён: сыновья декурионов по достижению совершеннолетия автоматически входили в курию, местный совет (булэ). При этом сохранялся имущественный ценз: опустившийся ниже его декурион вычёркивался из курии, а плебеи, граждане статусом ниже куриалов, могли быть выдвинуты в курию. При Константине (306–337) происходил постоянный приток плебеев, а Юлиан (361–363) активно поощрял выдвижение плебеев в курии, но к этому времени их приток практически исчез. Возможно, причиной этому стало то, что горожане, имевшие достаточную собственность, уже были в куриях.

На протяжении IV–V вв. правительство империи пыталось в целом сохранить сословие куриалов, так как городские советы (курии) собирали имперские налоги, набирали рекрутов в армию, поддерживали дороги, мосты, почтовую службу. Из членов курий выбирали не только магистратов, но и сборщиков налогов, которые часть собранного оставляли себе. Еще в IV в. при основании новых городов императорами в них создавались муниципальные советы. В это же время наиболее обеспеченные куриалы городов, их элита, вследствие элитаризации городского строя (*второй этап* византинизации) стремились войти в общеимперские сословия всадников или сенаторов через почетные ненаследственные должности. Менее обеспеченные куриалы искали должности имперских чиновников: от прибыльных должностей дворцовых министров до префектов претория, губернаторов. Иногда куриалы искали также должности в армии или церкви.

Постепенно, по мере появления в среде городской элиты «новых людей», обязанности местного совета перешли к новым куриям, состоявшим из крупных землевладельцев (криторов) [Laniado, 2014, р. 545–566], отставных военных [Глушанин, 1991] и чиновников, духовенства (*третий этап византинизации* города).

⁹ Особенно долго терминология прежних магистратур сохраняется на такой окраине византийского мира, как Таврика, – как минимум до X–XI вв.: [Сорочан, 2003, с. 301–328; Сорочан, 2005, с. 582–677].

Четвертый этап византинизации связан с прямой этатизацией, заходом государства на территорию полиса и замещением полисных функций административными. Уже Юлиан и Феодосий I пытались бороться с куриями как с независимым античным институтом и стремились начать процесс подчинения их государству. При этом в городе была учреждена должность дефенсора городской общины (экдика) – защитника граждан полиса «снизу» перед государством, своеобразного посредника в этом сложном процессе. Император Анастасий (491–518) в 505 г. утвердил новый порядок его избрания, повысивший его роль и одновременно заинтересованность в положительном решении дел горожан (СЛ. 1. 4. 19) [Новицкая, 1965, с. 119–120; Laniado, 2006, S. 319–334]. Дефенсоры, выдвинутые городской общиной, утверждались указом епископа, духовенства, при поддержке новой знати и булевтов (старых традиционных куриалов). С другой стороны, как бы в противовес им, император поручил сбор местных налогов новым, назначенным извне, государственным финансовым чиновникам виндикам (экдикам)¹⁰. Парадоксальным образом эти чиновники носили то же название, что и дефенсоры, – экдики («защитники»), только дефенсоры защищали интересы полиса, а виндики – государства.

В 534 г. император Юстиниан (527–565) издал указ (Cod. Ius., I, 4, 34, 10), на основании которого мы можем сделать вывод о том, что ранневизантийское государство впервые признает, что *существуют города без совета* и что этот древний институт больше не является необходимым для их существования. Таким образом, в период Юстиниана и его реформ местные советы городов перестали фактически функционировать. Куриалы сохранились, но как наследственный слой городской элиты, на котором лежала, прежде всего, повинность сбора налогов. Это был *пятый этап* «умирания» полиса, который окончательно был уничтожен фемным строем и арабскими завоеваниями VII в.

Если первые три этапа определялись преимущественно внутренней эволюцией без коренного слома, то четвертый (в эпоху Анастасия) стал важнейшим этапом в ходе данной эволюции, когда государство впервые прямо подменило собой полисные функции в наиболее важной сфере – налоговой (финансовой) [Серов, 2000].

Существует большое количество различных оценок факта учреждения виндиков в контексте этатизации и начала ликвидации курий. Наиболее приемлемой здесь кажется точка зрения Г.Л. Курбатова [Курбатов, 1971, с. 196–197], согласно которой учреждение виндиков было одной из реформ Анастасия, заменившей неспособные к выполнению своих обязанностей курии, а не отменявшей их вовсе, так как совершенно очевидно, курии в городах Византии существовали еще несколько десятков лет.

Правление Анастасия (491–518) представляет большой интерес для изучения городов в целом и муниципальных курий в частности.

Три письменных источника, посвященных созданию института виндиков в качестве ответственных за налогообложение в городах, приписывают Анастасию либо полное упразднение муниципальных курий, либо ответственность за их упадок [Laniado, 2002, p. 27]: это Иоанн Лид, Иоанн Малала и Евагрий Схоластик.

Иоанн Лид приписывает Марину, префекту претория Востока (512/515), следующее: «Сириец и негодяй, как это обычно бывает, распустив курии всех городов, он продал поданных тому, кто заплатил больше, и вместо куриалов, которые первоначально устанавливали налоговые сборы, он назначил так называемых виндиков, которые, взяв под контроль налогоплательщиков, относились к городам не иначе как к врагам» (De mag. III, 49).

В другом месте Лид ссылается на личное знакомство с данной ситуацией: «Всем хорошо известно, что магистраты не носили никакой другой одежды, кроме той, что носят во время праздников. И так было не только в Риме: *лично я помню*, что этот обычай сохранялся в провинциях *до тех пор, пока местные советы управляли городами. С их исчезновением*

¹⁰ Именно этот вопрос лучше прочих изучен в историографии: [Серов, 1999, с. 42–45].

упадок распространился от индивидуального к общему» (I, 28, 5). В целом, Лиду в деталях его современности можно доверять [Синица, Болгов, 2022].

Анализируя эти сведения, в историографии делались выводы о том, что Анастасий временно распустил курии. По другим представлениям, такое упразднение маловероятно, учитывая муниципальные традиции и менталитет, которые все еще были сильны в то время, а Марин лишь «парализовал» курии учреждением виндиков. Обобщая анализ, А. Ланиадо предполагает, что Марин прекратил заседания муниципальных советов, но не ликвидировал сами курии [Laniado, 2002, p. 28].

Второй источник, *Иоанн Малала*, пишет: «[Анастасий], освободив Иоанна Пафлагонского от обязанностей по управлению налогами префектуры претория, назначил его почетным консулом и поставил на его место трактатора и логофета *Марина Сирийского, который удалил из муниципального совета всех куриалов* и поставил на их место тех, кого в каждом городе Рима называют виндиками». Таким образом, здесь мы видим иную версию: городские советы (курии) сохраняются, но булевты заменены виндиками. Также, в отличие от Иоанна Лиды, Малала настаивает на наличии виндиков в каждом населенном пункте. Зная в целом низкий уровень исторического осмысления у Малалы, а также учитывая его многочисленные ошибки, доверять ему полностью, видимо, не следует [Кобзева, Болгов, 2022].

В конце VI в. церковный историк *Евагрий Схоластик*, в свою очередь, пишет: «[Анастасий] *лишил городские советы права взимать налоги*, учредив в каждом населенном пункте так называемых виндиков по наущению, как говорят, Марина. Отсюда в значительной степени и последовали частично налоговый коллапс и *упадок цветущих городов*. Фактически в списки [куриалов] раньше записывались знатные люди городов, причем *в каждом городе были члены советов как своего рода сенат*» (HE III, 42).

В отличие от Иоанна Лиды и Иоанна Малалы, чьи свидетельства неоднозначны, ясно, что Евагрий обвиняет Анастасия лишь в *упадке* курий, *не приписывая ему их упразднения*.

Есть еще и четвертое свидетельство, которое, в отличие от нарратива трех предыдущих, представляет собой *новеллу Юстиниана 38* (536 г.), в которой учреждение виндиков рассматривается как результат упадка курий, без упоминания и Анастасия, и Марина.

Как отмечают все источники, важнейшую роль в учреждении виндиков и поручении им сбора налогов вместо куриалов сыграл Марин Сириец (Marinus 7: PLRE II, 726–728), префект претория Востока 512/515 гг., а также в 519 г. Он родился в Апамее Сирийской (Zach. Rh. HE VII, 9; VIII, 1; Sev. Ant. Ep. Sel. VII, 6; Mich. Syr. IX, 7). Именуется Сирийцем в: Joh. Lyd. De Mag. III, 49; Evagr. HE III, 42–43; Joh. Malal. XVI, 12, 19; Joh. Nik. 89, 61; Pd.-Dyon. Chron. II, 7.

Трактатор, затем хартулярий Востока (498–512 гг.); служил в Константинополе в Скрипции Востока (финансовый подотдел префектуры претория, ответственный за диоцез Восток); занимал посты сначала трактатора Сирии (с 498 г., сменив Иоанна Пафлагонца – Joh. Malal. XVI, 12), затем хартулярия, далее был главой финансового совета при Анастасии, по Захарии – в 511–518 гг. (Joh. Lyd. De Mag. III, 36, 46; Joh. Malal. XVI, 12; Zach. Rh. HE VII, 9; VIII, 1).

Он имел господствующее влияние при дворе над вопросами налогообложения (Joh. Lyd. De Mag. III, 46, 49; Cyr. Scyth. Vit. Sab. 54); в конце 511 г. он предложил Анастасию снизить его план облегчения налогового бремени в Иерусалиме и Палестине.

Был ответственным за учреждение виндиков (Joh. Lyd. De Mag. III, 49; Joh. Malal. XVI, 12; Evagr. HE III, 42). Но это событие ошибочно датируется временем его префектуры. Более точная дата, по мнению большинства специалистов, – 518 г.

Вершиной его карьеры стала должность префекта претория Востока 512/515 гг., он руководил этим офисом после Зотика (511–512 гг.) (Cyr. Scyth. Vit. Sab. 54), но был уже вне должности (экс-префект) в 515 г., в момент восстания Виталиана, хотя ему и было поручено его подавить (Joh. Malal. XVI, 16). Его служба префектом упоминается также в Cod. Just. 13, 15; эдикт упоминает его финансовые договоренности относительно Александрии.

Он был монофиситом, и 6 ноября 512 г. его дом в Константинополе был сожжен разъяренной толпой халкидонитов (Marc. Com. 512; Joh. Malal. XVI, 19) за рекомендацию императору монофиситской вставки в Трисвятое (при этом источники ошибаются в хронологии, называя Марина бывшим префектом, но события эти произошли после восстания Виталиана 515 г.) (также Cyr. Scyth. Vit. Sab. 54; Vict. Tonn. 513; Evagr. HE III, 44; Zach. Rh. HE VII, 9; Joh. Nik. 89, 62–64; Mich. Syr. IX, 7; Pd.-Dyon. Chron. II, 7).

Марин также проявлял активность в вопросах, касающихся Севира Антиохийского (Sev. Ant. Ep. Sel. VII, 6; 513–517 гг.). Его родственник был рекомендован в священники Севиром Антиохийским Стефану, епископу Апамеи (Sev. Ant. Ep. Sel. VII, 6).

Как уже отмечалось, в 515 г. он был назначен главой императорских войск против восставшего Виталиана, который затем осадил Константинополь. При этом, как сообщает Малала, он посоветовался с афинянином Проклом и атаковал корабли Виталиана серным огнем, поджегши их, таким образом, обратив в бегство (Joh. Malal. XVI, 16; Evagr. HE III, 43; Joh. Nik. 89, 78–86; Zon. XIV, 3, 28). Относительно Прокла Малала допускает здесь явную ошибку, так как Прокл умер в 485 г.

Марин, как предполагается, имел отношение к истории прибытия Юстина в Константинополь и его публичной карьере, изображенной на стенах общественных бань, после того как Юстин стал императором (Zach. Rh. HE VIII, 1).

Второй раз исполнял обязанности префекта претория Востока с 9 ноября по 1 декабря 519 г., уже при Юстине (Nov. 9; CJ V, 27, 7; II, 7, 25). Снят с должности императором (Ioh. Lyd. De Mag. III, 51). Возможно, Марин присоединился к Амантию в заговоре против Юстина, вызвав раздоры в св. Софии (Joh. Malal., fr. 43). Но Малале, как известно, не во всем можно доверять.

Марин умер в 539 г. (Just. Ed. 13.15), но последние 20 лет своей жизни он, по всей видимости, с двором не был связан, и подробностей о его жизни в этот период имеющиеся источники не сообщают.

Его характер описывается как *vigilans et sagax in rebus versatus et sapiens et exercitatus* (бдительный и проницательный, деловой, мудрый и ученый) (Zach. Rh. HE VII, 9). Помимо прочего, Марин имел крепкое здоровье (Ioh. Lyd. De Mag. III, 49). Его привычкой было записывать идеи сразу по мере их возникновения (Zach. Rh. HE VII, 9).

Марин имел дочь, чей сын (его внук, неизвестный по имени) был печально известен как губернатор Ливии при Анастасии (Joh. Ant. fr. 216; Suid. A 2077) (Anonimus 83 // PLRE II, 1232). Этот Аноним имел сына Бассиана (PLRE II, 218) и стал губернатором в очевидно юном возрасте (хотя сам имел уже сына), имел фривольный характер. Был коррумпированным и незаконным губернатором, будучи превзойден лишь собственным сыном, который наследовал пост губернатора Ливии в начале VI в.

Итак, все три автора, упомянутые выше, приписывают учреждение виндиков либо лично Марину, либо его влиянию на Анастасия. Это предполагает принятие мер на префектурном, а не на имперском уровне. Таким образом, правильнее говорить здесь не о реформе Анастасия, а о реформе Марина.

Существует важный вопрос о степени охвата городов реформой. Не ограничивалось ли создание виндиков определенным количеством «проблемных» городов? Лишь немногие из них известны поименно. В эдикте XIII (539 г.) упоминается Потамон, виндик Александрии под префектурой Марина. В письме Стефану, епископу Триполи (прибрежная Финикия), Севир Антиохийский (512–518) упоминает некоего Феодора как «выдающегося правителя и виндика». Возможно, это бывший губернатор, впоследствии ставший виндиком Триполи. Согласно Пасхальной хронике, Антипатр, виндик Антиохии, был убит в 532 г. во время мятежа. Эти три примера позволяют предположить, что существование одного виндика в каждом городе является правилом (это позволяет снять мнение о том, что виндиков было много, и они заменяли всю курию). Письмо от 513/516 г., правда, адресовано Севиром Антиохийским Мусонию и Александру, двум виндикам Аназарбы (вторая Киликия), но из

этого не следует, что в этом городе коллегия из двух виндиков была правилом. Таким образом, мы точно знаем о существовании виндиков лишь в 4 городах.

Виндик отвечал за налогообложение города, как указано в эдикте XIII для Александрии. Севир Антиохийский пишет виндику Аназарба: «у вас в руках общественные дела...», что означает также и «налоги» или «налогообложение».

По мнению Иоанна Лида и Евагрия, виндики заменили куриалов в этой области, в то время как Новелла Юстиниана 38 рассматривает учреждение виндиков *как результат сокращения численности курий* как в личном, так и в имущественном отношении.

Фискальные полномочия курий к началу V в. были таковы, что в этих условиях замена всей курии одним виндиком кажется сомнительной, если только мы не допустим наличие значительного штата сотрудников, находящихся на его службе. При этом новым государственным служащим могли быть взяты на себя только задачи, относящиеся к основным.

Виндики как сборщики налогов не были известны до правления Анастасия. Среди нормативных источников виндики встречаются только в Новеллах Юстиниана, что как бы противоречит гипотезе о масштабной муниципальной и налоговой реформе.

Наконец, А. Ланиадо обращает внимание на то, что по-гречески дефенсор (защитник) городской общины и виндик передаются одинаково – экдик [Laniado, 2002, p. 29, n. 23] («защитник»), что вызывает вопросы. Разумеется, в данном случае латинская терминология более точна, различая эти понятия; кроме того, дефенсор появляется хронологически раньше виндика. Ссылка на виндиков *каждого города* (*uniuscuiusque civitatis vindicibus*) в законе 380 г., по всей вероятности, относится к *defensores civitatum*. Составители Кодекса Юстиниана понимают это именно так (CTh III, 11, 1, 1 = CJ V, 7, 1, 1). Среди прочих упоминаний два письма от Нила Анкирского (умер около 430 г.) адресованы виндику (Ep. II, 282, 327), но эта коллекция имеет сомнительную подлинность и датировку. Палладий (умер в 420 г.) упоминает виндика народа (Dial. 15), но что это за виндик, сказать сложно; это может быть *defensor civitatis*, но вряд ли налоговый *vindex*, учрежденный через столетие.

М.В. Грацианский при этом четко разводит и даже противопоставляет дефенсора и виндика. Он отмечает, что в провинциальных городах аппарат наместника с VI в. едва ли бы представлен кем-то, помимо виндика или экдика (*vindex*, ἑκδικός), согласовывающего с курией размер фискальных налогов и следившего за их взиманием в пользу государства. При этом на уровне города виндику (учрежденному в начале VI в.) *был противопоставлен* городской дефенсор (*defensor civitatis*), учрежденный более чем на столетие ранее и следивший за соблюдением закона и защищавший городское население от чрезмерных налоговых требований и повинностей в пользу государства [Грацианский, 2022, с. 87]. Таким образом, дефенсор был защитником интересов городской общины, а виндик – защитником интересов государства в городе.

Итак, утверждение Иоанна Лида, Иоанна Малалы и Евагрия о том, что виндики заменили куриалов, *не следует понимать буквально*. Учреждение виндиков затрагивает только протевонов, новую знать города. Они не исчезли, но их деятельность, безусловно, теперь находится под контролем виндиков.

В своем латинском стихотворном панегирике Анастасию Присциан Кесарийский (живший в Константинополе) не упоминает виндиков, но утверждает «*Curia perversis nam cessat moribus omnis*» (На каждые курии [возложено] воздерживаться от злых и несправедных дел) (Pan. 194). То есть император положил конец злоупотреблениям курий, но не их деятельности. Эта интерпретация может объяснить критику действий Марина Сирийца со стороны Иоанна Лида и Евагрия, которые считают себя выходцами из муниципальной аристократии.

Как было показано выше, виндики засвидетельствованы лишь в четырех городах: Александрии, Аназарбе, Антиохии и Триполи. За исключением Александрии, все эти свидетельства относятся к префектуре Восток, которую возглавлял Марин.

Новелла 134 (556 г.) предписывает губернаторам и их офисам (*officia*) оказывать помощь виндику, «*если таковые имеются* в провинции». Новелла 134 является последним

по времени свидетельством о виндиках. Но общий упадок делопроизводства после 550 г. не позволяет сделать однозначный вывод об их исчезновении.

В юридических текстах, касающихся представительных органов городов, *куриалы в последний раз появляются в 505 г.* (CJ I, 4, 19 = I, 55, 11). Это результат эволюции, которая началась задолго до правления Анастасия. Тем не менее, его правление ознаменовало конец этой эволюции, по крайней мере, согласно юридическим текстам, и было признано Иоанном Лидом, Иоанном Малалой и особенно Евагрием поворотным моментом в истории муниципальных советов (курий).

На Востоке, по-видимому, в начале VI в., в правление Анастасия, городские советы перестали иметь большое значение в процессе принятия решений на местном уровне и, возможно, даже собираться.

Следовательно, можно задаться вопросом, не отделил ли Анастасий куриальный строй от курии (муниципального совета), что положило бы конец присутствию традиционных куриалов в совете, за исключением протевонов (*principales*), и не учредил ли он *Совет нотаблей (новой знати)*.

Анастасий часто проявлял щедрость по отношению к городам и провинциям, пострадавшим от войны или стихийных бедствий, предоставляя налоговые льготы и пожертвования. Другим важным аспектом муниципальной политики этого императора была его значительная работа в области военного, гражданского и религиозного строительства. Таким образом, его политика кажется довольно благоприятной для городов, что противоречит негативным оценкам Иоанна Лида и Евагрия.

Таким образом, нет никаких прямых доказательств того, что Анастасий полностью распустил все курии или что правовой статус их членов претерпел радикальные изменения во время его правления. С другой стороны, вся его финансовая политика не могла не отразиться на положении куриалов, которые для имперского правительства были, прежде всего, налогоплательщиками.

Итак, начиная с правления Анастасия традиционные булевты больше не входили в новые совещательные и представительные органы своих городов, где заправляла уже новая знать. Новые советы знати, уже прямо не отражавшие городское самоуправление, объединяли теперь не булевтов, а синклитиков (сенаторов), членов политевм и ктиторов-землевладельцев (Malal. VIII, 21). При этом «члены политевм» часто понимаются как прежние булевты или их знатная верхушка.

Советы (булэ) как таковые тем не менее сохраняются. Так, в 540-х гг. некий преподаватель права (псевдо-Феофил), читавший лекции об институциях Юстиниана, определил муниципальный совет (булэ) как «собрание булевтов, собирающихся на основании установлений города, в котором они обсуждают различные общественные вопросы» [Naager, 2006, p. 209–211], т. е. чисто совещательный орган.

Важно, что традиционные советы (булэ) города сохраняют официальный характер, тогда как новые советы знати, располагая фактическими возможностями, продолжали быть на практике неофициальными, хотя их решения стали признаваться государством.

Со временем роль новой знати города и новых советов знати выросла настолько, что из нее императорская власть стала рекрутировать аппарат провинциального управления, губернаторов. Юстин II (565–578) в 569 г. доверил епископам каждой провинции, а также верхушке ктиторов задачу выдвижения кандидата в губернаторы, который будет официально назначен самим императором (Nov. 149). Тем самым ранневизантийская провинциальная знать достигла пика своей власти, срастаясь с государством и выходя за рамки города с его исчезающим самоуправлением.

Следует признать, что управление городом в VI в. было для новой знати не только добровольным – государство уже оказывало серьезное давление на советы знати во многом именно благодаря неофициальному статусу этих советов и тем самым возможностью прямого воздействия на них, в противовес старым булэ как органам отмиравшего полисного самоуправления.

Заключение

Таким образом, в VI в. традиционные городские советы уже не были необходимы для существования городов, однако муниципальная жизнь в Восточной империи еще полностью не исчезла. Булевтов сменили люди с высоким положением и различной институциональной принадлежностью, которых в историографии неопределенно называют городскими нотаблями. Часть булевтов вошла в их состав. На практике новую знать в источниках чаще всего именуют ктиторами (землевладельцами).

Окончательная ликвидация должностей, восходящих к полисным магистратурам, была осуществлена 46 новеллой императора Льва VI Мудрого (886–912) [Лебедева, 1981, с. 111–113; Сорочан, 2005, с. 648–649], хотя на периферии империи должности, восходящие к полисным магистратурам, еще нередко встречались, однако на деле они являлись давно уже исключительно административными должностями [Алексеенко, 2005, с. 67–76; Алексеенко, 2005а, с. 58–63; Храпунов, 2020, с. 40–42].

Список литературы

- Алексеенко Н.А. 2005. *Defensor civitatis* (экдик) и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. В: *Античная древность и средние века (АДСВ)*. Вып. 36. Екатеринбург: 67–75.
- Алексеенко Н.А. 2005а. Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации Таврики. В: *Древности-2005*. Харьков: 58–63.
- Болгов Н.Н. 2023. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы. В: *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя: 196–216.
- Глушанин Е.П. 1991. Военная знать Ранней Византии. Барнаул, АлтГУ, 244 с.
- Грацианский М.В. 2022. К вопросу о «гражданском обществе» в Римской империи эпохи Поздней античности. В: *Кондаковские чтения – VII. Античность – Византия – Древняя Русь*. Белгород: 84–91.
- Кобзева А.В., Болгов Н.Н. 2022. Иоанн Малала и изменение исторического сознания в Ранней Византии. Белгород, Эпицентр, 464 с.
- Курбатов Г.Л. 1971. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Ленинград, ЛГУ, 220 с.
- Лебедева Г.Е. 1981. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. В: *Средневековый город*. Вып. 6. Саратов: 111–113.
- Новицкая К.И. 1965. *Defensor civitatis*. В: *Вестник древней истории (ВДИ)*. 2: 113–122.
- Серов В.В. 2001. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект. В: *Византийский временник*. Т. 60 (85): 46–55.
- Серов В.В. 1999. Эволюция процедуры сбора налогов в ранней Византии (в конце III – начале VI в.). В: *АДСВ*. Вып. 30. Екатеринбург: 38–50.
- Серов В.В. 2000. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, Азбука, 190 с.
- Синица М.М., Болгов Н.Н. 2022. Иоанн Лид и интерес к древности в Ранней Византии. Белгород, Эпицентр, 512 с.
- Сорочан С.Б. 2005. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Т. 1. Харьков, Майдан, 678 с.
- Сорочан С.Б. 2003. Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления». В: *Херсонесский сборник*. Вып. 12. Севастополь: 301–328.
- Храпунов Н.И. 2010. Должности с архаичными названиями в византийских городах второй половины IX–XI вв. В: II Международный Византийский семинар *Chersonos Themata: «империя» и «полис*. Севастополь: 40–42.
- Haarer F.K. 2006. *Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World*. Cambridge, UP, 352 p.
- Laniado A. 2014. From Municipal Councillors to «Municipal Landowners». Some Remarks on the Evolution of the Provincial Elites in Early Byzantium. In: *Chlodwigs Welt: Organisation von Herrschaft um 500*. Stuttgart: 545–566.
- Laniado A. 2002. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, CHCB, 296 p.
- Laniado A. 2006. Le christianisme et l'évolution des institutions municipales du Bas-Empire: L'exemple du *defensor civitatis*. In: *Die Stadt in der Spätantike – Niedergang oder Wandel?* Stuttgart: 319–334 p.

The Prosopography of the Later Roman Empire. 1980. Vol. II: A.D. 395–527. Ed. J.R. Martindale. Cambridge, Cambridge University Press, 1342 p.

References

- Alekseenko N.A. 2005. Defensor civitatis (ekdik) i ego rol' v upravlencheskom apparate Hersona IX v. [Defensor Civitatis (ekdikos) and its Role in the Administrative Apparatus of Cherson in the 9th Century]. In: *Antichnaya drevnost' i srednie veka (ADSV)* [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Vyp. 36. Ekaterinburg: 67–75.
- Alekseenko N.A. 2005a. Pater polisa Hersona i ego rol' v imperskoj administracii Tavriki [Pater of the Polis of Cherson and His Role in the Imperial Administration of Taurica]. *Drevnosti-2005* [Antiquities-2005]. Har'kov: 58–63.
- Bolgov N.N. 2023. Vizantinizaciya pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomor'e: k postanovke problem [Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards a Problem Statement]. In: *Byzantinotaurica. Zhurnal vizan i sredizemnomorskih issledovan* [Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies]. T. 1. SPb.: Aletejya: 196–216.
- Glushanin E.P. 1991. Voennaya znat' Rannej Vizantii [Military Nobility of Early Byzantium]. Barnaul, AltGU, 244.
- Graciansk M.V. 2022. K voprosu o «grazhdanskom obshchestve» v Rimsko imperii epohi Pozd antichnosti [On the Question of "Civil Society" in the Roman Empire of Late Antiquity]. *Kondakovskie chteniya – VII. Antichnost' – Vizantiya – Drevnyaya Rus'* [Kondakov Readings – VII. Antiquity – Byzantium – Ancient Rus']. Belgorod: 84–91.
- Hrapunov N.I. 2010. Dolzhnosti s arhaichnymi nazvaniyami v vizantijskih gorodah vtoroj poloviny IX – XI vv. [Positions with Archaic Names in Byzantine Cities of the Second Half of the 9th – 11th Centuries]. In: II Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar Chersonos Themata: «imperiya» i «polis» [II International Byzantine Seminar Chersonos Themata: "Empire" and "Polis"]. Sevastopol': 40–42.
- Kobzeva A.V., Bolgov N.N. 2022. Ioann Malala i izmenenie istoricheskogo soznaniya v Rannej Vizantii [John Malalas and the Change of Historical Consciousness in Early Byzantium]. Belgorod, Epicentr, 464.
- Kurbatov G.L. 1971. Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantijskogo goroda v IV–VII vv. (Konec antichnogo goroda v Vizantii) [The Main Problems of the Internal Development of the Byzantine City in the IV–VII Centuries (The End of the Ancient City in Byzantium)]. L., LGU, 220.
- Lebedeva G.E. 1981. K probleme gorodskogo samoupravleniya v Vizantii VIII–IX vv. [On the Problem of Urban Self-Government in Byzantium in the 8th–9th Centuries]. In: *Srednevekovyj gorod* [Medieval city]. Vyp. 6. Saratov: 111–113.
- Novickaya K.I. 1965. Defensor civitatis. In: *Vestnik drevnej istorii (VDI)* [Herald of Ancient History]. № 2: 113–122.
- Serov B.B. 1999. Evolyuciya procedury sbora nalogov v rannej Vizantii (v konce III – nachale VI v.) [Evolution of the Tax Collection Procedure in Early Byzantium (Late 3rd – Early 6th Century)]. In: *ADSV*. Vyp. 30. Ekaterinburg: S. 38–50.
- Serov B.B. 2001. K voprosu o meste kurij v rannevizantijskom gosudarstve: finansovyj aspect [On the Place of Curiae in the Early Byzantine State: The Financial Aspect]. In: *Vizantijskij vremennik* [Byzantine Timetable]. T. 60 (85): 46–55.
- Serov V.V. 2000. Finansovaya politika rannevizantijskogo imperatora (analiz meropriyatij Anastasiya I) [Financial Policy of the Early Byzantine Emperor (Analysis of the Events of Anastasius I)]. Barnaul, Azbuka, 190 p.
- Sinica M.M., Bolgov N.N. 2022. Ioann Lid i interes k drevnosti v Rannej Vizantii [John Lydus and the Interest in Antiquity in Early Byzantium]. Belgorod, Epicentr, 512 p.
- Sorochan S.B. 2003. Rannesrednevekovyj Herson i «prizraki samoupravleniya» [Early Medieval Kherson and the "Ghosts of Self-Government"]. In: *Hersonesskij sbornik* [Chersonesus collection]. Vyp. 12. Sevastopol': 301–328.
- Sorochan S.B. 2005. Vizantijskij Herson. Ocherki istorii i kul'tury [Byzantine Cherson. Essays on History and Culture]. T. 1. Har'kov, Majdan, 678 p.
- Haarer F.K. 2006. Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, UP, 352 p.
- Laniado A. 2014. From Municipal Councillors to «Municipal Landowners». Some Remarks on the Evolution of the Provincial Elites in Early Byzantium. In: *Chlodwigs Welt: Organisation von Herrschaft um 500*. Stuttgart: 545–566.

- Laniado A. 2002. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, CHCB, 296 p.
Laniado A. 2006. Le christianisme et l'évolution des institutions municipales du Bas-Empire: L'exemple du defensor civitatis. In: Die Stadt in der Spätantike – Niedergang oder Wandel? Stuttgart: 319–334 p.
The Prosopography of the Later Roman Empire. 1980. Vol. II: A.D. 395–527. Ed. J.R. Martindale. Cambridge, Cambridge University Press, 1342 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.09.2024

Received 11.09.2024

Поступила после рецензирования 17.09.2024

Revised 17.09.2024

Принята к публикации 21.09.2024

Accepted 21.09.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жуков Алексей Андреевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-9923-0051](https://orcid.org/0009-0002-9923-0051)

Aleksey A. Zhukov, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник НОЦ «Археологические исследования», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0478-5565](https://orcid.org/0000-0003-0478-5565)

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Sciences in History, Professor, Senior Researcher, Research and Education Center "Archaeological Research", Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(495).01 + 94(395.2) + 94(369.1)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-831-840

Оригинальное исследование

Тагмы массагетов на службе Юстиниана I Великого: траектории интеграции в военную систему Византии

Назаров А.Д.

Уральский государственный лесотехнический университет,
620100, Россия, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37

E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена гуннским союзникам на службе Византийской империи, которые именуется в сочинениях Прокопия Кесарийского массагетами. Необходимо определить, из какой этнической группы они происходили. Кроме того, интерес представляют сообщения этого автора о мятеже массагетов во время византийско-вандалской войны 533–534 гг. Такой сюжет примечателен как пример успешного преодоления серьезного внутреннего конфликта в экспедиционной армии. Массагеты предположительно являлись выходцами из групп, обитавших на территории современного Дагестана. Они, находясь под началом Велисария, принимали участие в войнах эпохи Юстиниана I Великого против персов, вандалов и остготов. Эти варвары входили в состав однородных по этническому составу подразделений. Внутренняя сплоченность, основанная на кровнородственных связях, позволяла им отстаивать собственные интересы, отличные от планов Велисария. Неповиновение массагетов вынудило командование провести реорганизацию тагм, в которых они состояли.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, номады Евразии, гунны, массагеты, Прокопий Кесарийский, Дагестан

Для цитирования: Назаров А.Д. 2024. Тагмы массагетов на службе Юстиниана I Великого: траектории интеграции в военную систему Византии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 831–840. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-831-840.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Massagetae *Tagmata* in the Service of Justinian I the Great: Trajectories of Integration into the Byzantine Military System

Andrey D. Nazarov

Ural State Forest Engineering University,
37 Siberian Highway, Yekaterinburg 620100, Russia

E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the Hunnic allies in the service of the Byzantine Empire who were referred to as Massagetae in the writings of Procopius of Caesarea. It is necessary to determine which ethnic group they came from. In addition, Procopius's reports on the Massagetae rebellion during the Vandalic War of 533–534 are of interest. This plot is noteworthy as an example of a successful solution of a serious internal conflict in the expeditionary army. The Massagetae, presumably, came from groups that lived in the territory of modern Dagestan. During the reign of Justinian I the Great, they took part in the wars against the Persians, Vandals and Ostrogoths, under the command of Belisarius. These barbarians were part of ethnically homogeneous units. Internal cohesion based on blood ties allowed them to defend their own interests which were different from Belisarius' plans. The disobedience of the Massagetae forced the commanders to reorganize their *tagmata*.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, nomads of Eurasia, Huns, Massagetai, Procopius of Caesarea, Dagestan

For citation: Nazarov A.D. 2024. The Massagetae *Tagmata* in the Service of Justinian I the Great: Trajectories of Integration into the Byzantine Military System. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 831–840 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-831-840.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Одним из важнейших событий войны между Византией и Ираном 526–532 гг. стала битва при Даре в июле 530 г., в которой восточноримское войско под командованием Велисария нанесло поражение персам. Прокопий Кесарийский упомянул, что в этом сражении под знаменами императорской армии находились отряды массагетов (*Μασσαγῆται*). В историографии ранее уже предпринимались попытки выяснить, к какой общности принадлежали эти бойцы императорской армии [Гадло, 1979, с. 92–93; Кардарάς, 2014, с. 69]. Тем не менее без тщательного анализа этнографических экскурсов Прокопия нет возможности сколь-нибудь уверенно заявлять о том, откуда происходили массагеты, служившие в восточноримской армии.

Объект и методы исследования

В рамках настоящего исследования необходимо отдельно рассмотреть каждый случай использования Прокопием Кесарийским термина *Μασσαγῆται*. Проблема византийской этнонимии и классификации народов уже длительное время пользуется интересом исследователей. Позднеантичные и средневековые греческие авторы регулярно использовали в своих трудах этнонимы, заимствованные из литературного наследия Древней Греции. Вполне возможно, что и сам Прокопий Кесарийский, сообщая о современных ему массагетах, употребил архаизированный термин, заимствованный из нарративной традиции прошлых эпох.

Примечательно, что даже в поздневизантийских источниках обозначение «массагеты» применялось для описания народов, обитавших в закаспийских степях [Шукуров, 2017, с. 76]. Полезным в этом свете видится обращение к рассуждениям Р.М. Шукурова и отчасти П.В. Шувалова о принципах греческой этнонимии. Внимание следует обратить на то, что определенный этноним зачастую закреплялся за конкретным историческим регионом. И даже если в последующие эпохи там обитали общности с другим самоназванием, византийские авторы могли именовать последних так же, как и предшественников. В качестве примера можно привести этникон «скифы», которым обозначались не только сами скифы, но и сменившие их обитатели региона Великая Скифия: готы, гунны, печенеги, кипчаки и др. [Шукуров, 2010, с. 146–152; Шукуров, 2017, с. 50–87; Шувалов, 2017].

Не меньшее значение имеет изучение разного рода аспектов бунта, который был поднят в 533 г. массагетами, находившимися в византийской армии. Упомянутые чужеземцы отказались повиноваться Велисария в ходе боевых действий против королевства вандалов, тем самым поставив под угрозу исход решающего сражения и вообще всей кампании. Особенный интерес представляют шаги Велисария, направленные на недопущение подобных инцидентов в дальнейшем. Они примечательны как пример достаточно эффективного преодоления конфликта между военным начальством и чужеземными отрядами и в целом демонстрируют, какие подходы могли использоваться при управлении подобного рода контингентами.

Результаты и их обсуждение

Массагеты Прокопия Кесарийского: проблема идентификации

Упомянув о вторжении гуннов в пределы Западной Римской империи в 451 г., Прокопий Кесарийский сообщил, что Атила командовал «войском огромным массагетов и других скифов» (στρατῶ μεγάλῳ Μασσαγέτων τε καὶ τῶν ἄλλων Σκυθῶν) (Proc. BV. I. 4. 24). По всей вероятности, таким образом он хотел обозначить, что прародина гуннов находилась далеко за Танаисом (совр. Дон). Более того, упомянутый византийский автор писал, что массагетов «теперь гуннами называют» (νῦν Οὐννοὺς καλοῦσιν) (Proc. BV. I. 11. 9). Тем не менее его нельзя упрекнуть в небрежности или скудных этнографических познаниях. Этот историограф в своих сочинениях при необходимости использовал и такие термины, как «сабиры» (Σάβειροι), «кутригуры» (Κουτρίγουροι), «утигуры» (Ουτίγουροι), обозначавшие различные гуннские объединения.

Кроме того, Прокопий вложил в уста шаханшаха Кавада I (488–496, 499–531) слова о том, что массагеты угрожали вторжением через Каспийские ворота как в византийские, так и персидские владения (Proc. VP. I. 16. 6–7). Позднее персы заключили с ними союз против империи, рассчитывая, что они окажут Ирану поддержку при осаде Мартирополя (совр. Сильван) в 531 г. (Proc. VP. I. 21. 13–14). Гунны действительно прислали значительное по размерам войско, которое разорило Сирию и Месопотамию. Однако на обратном пути оно было атаковано у того же Мартирополя и понесло большие потери (Zach. IX. 6). Исходя из такой информации, можно заключить, что массагеты Прокопия обитали не у Дарьяльского ущелья, а в районе Дербента.

Вместе с тем к востоку от Каспийского моря располагались владения державы гуннов-эфталитов (Ἐφταλίται) (Proc. VP. I. 3. 1–2). Известно, что они сражались не только против Ирана, но и на его стороне (Proc. VP. I. 8. 13). Однако нет оснований полагать, что массагетские воины в армии Велисария были эфталитами. В этнографическом очерке, посвященном славянам, Прокопий писал, что последние «образ жизни грубый, неприхотливый, как и массагеты, имеют и грязью постоянно покрыты» (δαίταν δὲ σκληράν τε καὶ ἀπρημελημένην, ὥσπερ οἱ Μασσαγέται, καὶ αὐτοὶ ἔχουσι, καὶ ῥύλου ἤπερ ἐκεῖνοι ἐνδελεχέστατα γέμουσι) (Proc. VG. III. 14. 28). Эфталиты же, по его словам, «белы телами и не уродливы наружностью, и не похожи они в быту ни на них [«европейских» гуннов], ни на зверей, жизнью которых те живут» (μόνοι δὲ Οὐννων οὗτοι λευκοὶ τε τὰ σώματα καὶ οὐκ ἄμορφοι τὰς ὄψεις εἰσίν. οὐ μὴν οὔτε τὴν δαίταν ὁμοίωτροπον αὐτοῖς ἔχουσιν οὔτε θηρίου βίον τινὰ ἤπερ ἐκεῖνοι ζῶσιν) (Proc. VP. I. 3. 4–5).

Тот же ранневизантийский автор сообщал, что в 553 г. 2 000 кутригуров бежали во Фракию. Одним из их вождей был Синний (Σιννίων). При этом Прокопий Кесарийский уточнил, что этот предводитель гуннов ранее служил в Африке под началом Велисария (Proc. VG. IV. 19. 7). Действительно, он был одним из командиров в отряде массагетов (Proc. BV. I. 11. 12) [Martindale, 1992, p. 1156]¹¹. На первый взгляд данное сообщение может указывать на тождество последних с кутригурами в представлении Прокопия, хотя самого Синния он не называл массагетом. Однако более никаких оснований для такого вывода нет. Можно допустить, что Синний не был сородичем массагетов, а Велисарий поручил ему командовать ими, поскольку этот гунн знал их язык. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть, что этноним *Μασσαγέται* использовался позднеантичным писателем для обозначения представителей этнической группы, отдельной от кутригуров и других известных Прокопию гуннских общностей.

Также маловероятно, что воины-массагеты были выходцами из общности сабир, обитавших к северу от Кавказского хребта. Прокопий Кесарийский в таком случае, скорее

¹¹ Д. Бродка назвал Синния одним из главных информаторов Прокопия Кесарийского [Brodka, 2016].

всего, уточнил бы их происхождение, поскольку знал о существовании этого объединения. Вместе с тем о кавказских гуннах неоднократно упоминается в древнеармянской литературе. Например, о мазкутах (Մազկուտք) сообщали Агатангелос и Мовсес Хоренаци (Агатангелос 842, 873; Мовсес Хоренаци II. 86). В свою очередь, Павстос Бузанд писал о войне, которую армяне вели против этой общности, действовавшей совместно с аланами, в первой половине IV в. (Фавстос Бузанд III. 6). Мазкуты также были известны Елишэ, который утверждал, что в V в. их владения располагались к северу от крепости Чор (близ совр. Дербента) (Егишэ VII. 198). Анания Ширакаци же помещал эту общность к северо-западу от Гирканского (Каспийского) моря (Анания Ширакаци II. 7; V. 18).

М.И. Артамонов считал анахронизмом отождествление обитателей Северного Кавказа IV в. с гуннами [Артамонов, 1962, с. 52–53]. А.В. Гадло же предположил, что мазкутами могли называть кавказских алан, потомков массагетов. В IV столетии, по его мнению, происходили процессы слияния отдельных групп тюркоязычных гуннов с автохтонным ираноязычным населением [Гадло, 1979, с. 35–36]. В этой связи заслуживает внимания вывод О. Менхен-Хельфена о том, что массагеты на византийской службе имели имена как иранского, так и тюркского происхождения [Maenchen-Helfen, 1973, p. 390–392, 412–416, 420–421]. Следует, однако, добавить, что алано-мазкуто-гуннское взаимодействие было отнюдь не всегда мирным. Данные археологии свидетельствуют, что на рубеже IV–V вв. в результате гуннских миграций алано-мазкуты были вынуждены отойти на юг, а именно в район Дербентского прохода [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 150–151].

Елишэ упомянул, что севернее Аланских ворот в Дарьяльском ущелье обитали гунны-хайландуры (Կալանդուրք) (Егишэ I. 12; VII. 142). По сведениям Мовсеса Каланкатуаци, в годы правления шаханшаха Пероза I (459–484) некие гунны вторглись в Кавказскую Албанию (Мовсес Каланкатуаци II. 4). Существует точка зрения, что хайландурами в армянской традиции именовали гуннов-оногуров (Օնոգուրու). При этом указанную общность следует отличать от мазкутов [Гадло, 1979, с. 29, 55–56; Джафаров, 1980, с. 158–161]. По мнению П. Голдена, в кавказские владения державы Сасанидов в середине V в. вторжение предприняли не оногуры, а сарагуры (Տարագուրու). При этом исследователь считает, что упомянутые огурские объединения первоначально входили в состав тюркоязычного племенного союза теле [Golden, 2015, p. 343–346] (ср.: [Moravcsik, 1983, S. 65–66]).

Что касается мазкутов, идентифицируемых с массагетами, в 440-х гг. они были окончательно подчинены гуннами, после чего более не упоминались армянскими авторами [Gadzhiev, 2021, p. 214]. Следует также учесть, что в условиях перманентной политической нестабильности в V в. расклад сил на территории между Азовским и Каспийским морями постоянно менялся. Зачастую одни объединения вытеснялись группами с иной идентичностью или подчинялись ими. Это значительно затрудняет соотнесение массагетов Прокопия с какими-либо другими гуннскими объединениями. Несомненно, этот историописатель употребил архаизированный этноним для обозначения группы кочевников, которая обитала на землях, в древности населенных массагетами. Хотя также нельзя исключать вероятность того, что некоторые бойцы, перешедшие на сторону Византии, происходили из племен, обитавших в Приморском Дагестане задолго до гуннских миграций.

Тагмы массагетов в императорской армии: боевой путь

Информация Прокопия Кесарийского о том, каким образом массагеты оказались на византийской службе, крайне скудна. Лишь в «Войне с вандалами» он упомянул, что этих гуннов обманом заманил в империю военачальник Петр (Proc. BV. II. 1. 5–6). Г. Кардарас связал их появление с сообщением Феофана Исповедника о том, что военный магистр Иллирика Мунд захватил в плен болгар, после чего отослал их в Армению и Лазику, где они были зачислены в состав нумеров (Theoph. AM 6032) [Кардарас, 2014, с. 98–99]. Однако такое утверждение ошибочно. Прокопий назвал массагетов, сражавшихся в Африке под

началом Велисария, союзниками (σύνμαχοι), что явно указывает на добровольный характер их появления на византийской службе (Proc. BV. I. 18. 3). Булгары, сдавшиеся Мунду, союзнический статус иметь не могли, поскольку были вынуждены сдаться на милость победителя. Вероятно, они были катήκοοι или ὑπήκοοι, то есть группой, признавшей свою зависимость от императора (см. также: [Иванов, 1987; Koehn, 2018, S. 94–95]).

В битве при Даре приняли участие два соединения массагетов, каждое из которых насчитывало 600 человек. Одним из них командовали Суника (Σουνίκας) и Айган (Ἄϊγαν), другим же – Симма (Σίμμας) и Аскан (Ἀσκάν) (Proc. BP. I. 13. 20–21) [Martindale, 1992, p. 32–33, 133, 1152–1153, 1206–1207]. П.В. Шувалов пришел к выводу, что всего под началом Велисария находились четыре тагмы (τάγματα) массагетских воинов [Шувалов, 2006, с. 227]¹². Отряды Суники и Айгана действовали в этой битве особенно успешно. Сначала они оказали поддержку отражавшему неприятельское наступление левому флангу византийского войска, а затем вместе с другими массагетами обрушились на врагов, атаковавших правое крыло армии Велисария. Суника к тому же лично сразил командира персидского отряда «бессмертных» Варесмана (Proc. BP. I. 14. 39–40, 44, 47, 50).

Некоторые из этих гуннов упомянуты у псевдо-Захарии Митиленского. Так, о Сунике (𐌸𐌹𐌺𐌹𐌸) сообщается, что он бежал в империю, где принял крещение. Кроме того, псевдо-Захария писал, что в битве при Даре участвовал хилиарх Симут (𐌰𐌹𐌺𐌹𐌸), который может отождествляться с Симмой Прокопия Кесарийского (Zach. IX. 3). Об успешных действиях Суники, «дукса и экзарха римлян», в этом сражении упоминал также Иоанн Малала (Malal. XVIII. 60). Можно предположить, что группа воинов-массагетов во главе с Суникой по неизвестным причинам была вынуждена покинуть родные земли и перейти на службу императору. Вместе с тем во время кампании в Африке 533–534 гг. произошел инцидент, в ходе которого два пьяных массагета убили товарища, за что были казнены по приказу Велисария. Такие суровые меры вызвали недовольство со стороны других гуннов, в том числе родственников казненных (Proc. BV. I. 12. 8–10). Приведенное свидетельство подтверждает гомогенность личного состава тагм массагетов.

В сражении при Каллинике (совр. Ракка) в Осроене 19 апреля 531 г. массагеты находились на левом фланге византийской армии. В этой битве пал Аскан, тогда как Суника и ставший к тому времени дуксом Симма отличились в арьергардном бою, сдерживая атаки персов, пока остатки разбитого войска Велисария переправлялись через Евфрат (Proc. BP. I. 18. 38, 41; Malal. XVIII. 60). Массагеты вошли в состав возглавляемой Велисарием армии, отправленной на завоевание королевства вандалов в 533 г. Речь идет о приблизительно 600 конных лучниках, находившихся под командованием ранее упомянутого Синния и Балы (Βάλας) (Proc. BV. I. 11. 12) [Martindale, 1992, p. 169].

По всей видимости, в сражениях при Даре, Каллинике и других столкновениях с персами выбыла из строя примерно половина массагетских союзников. Тем не менее некоторые из этих гуннов могли остаться на Востоке. Среди них, вероятно, были дуксы Суника и Симма. В войне с вандалами принимал участие упоминавшийся прежде Айган. Он, по словам Прокопия, принадлежал к дому Велисария и входил в состав отряда дорифоров (Proc. BV. I. 11. 7; II. 10. 4). По всей видимости, византийский военачальник приблизил его к себе, оценив удачные действия гунна в битве при Даре. Айган пользовался большим уважением в восточноримском войске. В 534 г. он пал в стычке с маврами в Бизацене (Proc. BV. II. 10. 3–10).

Примечательно, что массагеты сражались в соответствии с обычаями отцов и дедов. Прокопий Кесарийский писал, что они «превосходно вели стрельбу из лука даже на полном

¹² Чужеземные контингенты, равно как и федератские, находились на особом положении в византийской армии VI в., будучи отделенными от тех формирований, которые комплектовались уроженцами империи. Последние состояли в нумерах (*numeri*), арифмах (*ἀριθμοί*) или каталогах (*κατάλογοι*), тогда как первые – в тагмах [Jones, 1964, p. 664–665].

скаку» (ἐλεῖ τοξεύειν ὡς ἄριστα καὶ πολλῶν χρώμενοι δρόμῳ ἐπίστανται) (Proc. BG. II. 1. 9–10). Кроме того, он сообщал о традиции, согласно которой почетное право первым нападать на врага принадлежало одному единственному человеку, передававшееся по наследству (Proc. BV. I. 18. 13). В этом контексте вспомним речь Атилы накануне битвы на Каталаунских полях в 451 г., в которой предводитель гуннов заявил о намерении первым выпустить стрелу в сторону врагов (Iord. Get. 206).

Мятеж массагетов: причины, характер, последствия

Несомненно, боевые качества массагетов высоко оценивались командованием, однако сами варвары не всегда соблюдали верность соглашению с Византией. Так, они вступили в тайные переговоры с королем вандалов Гелимером в самый разгар боевых действий. Велисарий, узнав об этом, стал каждый день выдавать им дары и пообещал, что после окончания войны они смогут вернуться на родину (Proc. BV. II. 1. 9). Перед решающим сражением с вандалами при Трикамаре в 533 г. гунны договорились между собой не вступать в бой до тех пор, пока не станет ясным, какая из сторон одерживает верх. Атаковали они вандалов только после того, как германцы обратились в бегство (Proc. BV. II. 2. 3; 3. 7, 16).

Причиной мятежа стало недовольство условиями военной службы. Прокопий Кесарийский писал: «Они и прежде благосклонности делу римлян не имели, так как союзниками к ним не по доброй воле пришли (ведь заявляли они, что от римского стратига Петра получили клятву, и затем, несмотря на нее, были приведены в Византию)» (οἱ δὲ οὐδὲ πρότερον εὐνοικῶς ἐς τὰ Ῥωμαίων πράγματα ἔχοντες ἄτε οὐδὲ ξύμμαχοι αὐτοῖς ἐκούσιοι ἤκοντες (ἔφασκον γὰρ τὸν Ῥωμαίων στρατηγὸν Πέτρον ὁμωμοκότα τε καὶ τὰ ὁμωμοσμένα ἠλογηκότα οὕτω δὴ σφᾶς ἀλαγαγεῖν ἐς τὸ Βυζάντιον)) (Proc. BV. II. 1. 6). Кроме того, этот же византийский историограф упоминал о десятирех гуннах, бежавших из Ливии к остготам в Италию в 534 г. (Proc. BG. I. 2. 15). Не исключено, что Прокопий стремился возложить вину за конфликт на упомянутого Петра. Последний принимал участие в византийско-персидской войне 526–532 гг. и, возможно, враждовал с Велисарием, при котором Прокопий находился в качестве асесора.

Впрочем, наличие недовольства среди бойцов массагетских тагм сомнений не вызывает. Оно могло нарастать в течение нескольких месяцев. К причинам конфликта следует отнести казнь соратников, осужденных Велисарием, а также отсутствие возможности вернуться на родину. Вполне вероятно, что между массагетами и византийским командованием возникло недопонимание, поскольку каждая из сторон по-разному трактовала условия договора. К тому же неясный исход африканской кампании до битвы при Трикамаре заставлял гуннов задумываться о собственном выживании в случае поражения армии Велисария. Совокупность этих факторов побудила массагетов отказаться подчиняться византийскому военачальнику и занять выжидательную позицию в решающий момент боевых действий в Ливии.

Отряды массагетов позднее вошли в состав армии Велисария, отправленной против остготов в Италию. Прокопий Кесарийский упомянул, что эти воины принимали активное участие в разграблении захваченного византийцами в 536 г. Неаполя (Proc. BG. I. 1. 29). Кроме того, они отличились во время обороны Рима от остготского войска под предводительством короля Витигиса в 537–538 гг. (Proc. BG. II. 1. 9–10). По всей вероятности, перед вторжением византийских сил в Италию несколько массагетов пополнило ряды отрядов дорифоров (δορυφόροι) и гипаспистов (ὕλασπισταί) при Велисарии. Среди их числа были Зартер (Ζαρτήρ), Хорсоман (Χορσομάνος, Χορσάμαντις), Айсхман (Ἄισχμάνος) и Боха (Βόχας) (Proc. BG. I. 16. 1; II. 1. 22, 25, 32; 2. 10) [Martindale, 1992, p. 20, 235, 302–303, 1415].

В.В. Серов предположил, что в Италии были заключены индивидуальные договоры с некоторыми гуннами [Серов, 2011, с. 89]. Не исключено, что таким способом Велисарий

стремился избежать мятежей посредством обособления наиболее авторитетных массагетских воинов от своих сородичей и соратников. Массагеты состояли и в отрядах дорифоров при других военачальниках. Так, при Валериане служил Губульгуд (*gen. sg.* Γουβουλγούδοῦ), а при Иоанне, племяннике Виталиана, – Халазар (Χαλαζάρ). Последнему было также поручено командование 300 иллирийскими всадниками в крепости Русциан (совр. Россано) в 548 г. (Proc. BG. II. 13. 14; III. 30. 6, 20–21) [Martindale, 1992, p. 280, 560]. Более Прокопий Кесарийский о массагетах не упоминал.

Сложно утверждать, оставались ли массагеты в Африке после отплытия Велисария с большей частью армии на Сицилию, а затем на Апеннинский полуостров. В поэме Крескони Кориппа «Иоаннида» упоминается о Булмитзисе (*Bulmitzis*), армигере (*armiger*) Иоанна Троглиты, византийского командующего в Африке в 546–548 гг. (Coripp. Iohan. IV. 987; VI. 649; VIII. 607) [Martindale, 1992, p. 252]. По мнению П. Ридльбергера, он был гунном, так как имя его, вероятно, имеет тюркское происхождение [Riedlberger, 2010, p. 262]. Кроме того, в «Иоанниде» упомянут Тарах (*Tarah*) (Coripp. Iohan. VII. 435). Он, как считает все тот же П. Ридльбергер, также был гунном [Riedlberger, 2010, p. 265]. Эти бойцы могли находиться в составе тагм массагетов, прибывших в Африку под началом Велисария. Однако столь же вероятно, что они прибыли в Ливию в составе подразделений, находившихся под командованием Иоанна Троглиты.

Заключение

Можно сделать вывод, что термин *Μασσαγέται* использовался Прокопием Кесарийским для обозначения ирано-гуннских групп, обитавших на территории современного Дагестана. Из указанной общности происходили 600 воинов, которые в конце 520-х гг. пришли на службу в империю в качестве *σύμμαχοι*. Массагеты числились в тагмах, однородных по социально-этническому происхождению. Внутренняя сплоченность, основанная на кровнородственных связях и узах боевого товарищества, позволяла им успешно отстаивать собственные интересы и даже отказывать в повиновении византийскому командованию. Это вынудило Велисария принять меры, направленные на разобщение гуннских наемников. Назначение наиболее видных массагетских воинов дорифорами, вероятно, преподносилось как поощрение, учитывая, что эти варвары должны были получать повышенное жалование. Однако это также позволило византийскому командованию избежать впоследствии подобных мятежей воинов-чужеземцев.

Список литературы

- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Ленинград, Изд-во Гос. Эрмитажа, 522 с.
- Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 216 с.
- Геворгян М.А. (пер.), Еремян С.Т. (ред.). 1953. История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 256 с.
- Джафаров О.Р. 1980. Оногуры византийских писателей и хайландуры Елишэ. В: *Византийский временник*. 41: 153–162.
- Иванов С.А. 1987. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского. В: Литаврин Г.Г. (ред.). Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Москва, Наука: 27–32.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии: курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала, Мавраевъ, 451 с.
- Орбели И.А. (пер.), Юзбашян К.Н., Аревшатын С.С. (ред.). 1971. Егишэ. О Вардане и войне армянской. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 192 с.
- Саркисян Г. (пер.), Аревшатын С. (ред.). 1990. Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван, Айастан, 291 с.
- Серов В.В. 2011. Финансовая политика Юстиниана Великого. Новосибирск, Наука, 373.

- Смбатян Ш.В. (пер.). 1984. Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, Матенадаран, 258 с.
- Тер-Давтян К.С., Аревшатын С.С. (пер.). 2004. Агатангелос. История Армении. Ереван, Наири, 336 с.
- Шувалов П.В. 2006. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение, 304 с.
- Шувалов П.В. 2017. Западные скифы и Скифия в географическом и риторическом пространствах I–VII вв. н. э.: к постановке вопроса об исследовании гео-этнических контекстов (структурированный обзор основных источников). В: Иванчик А.И., Мордвинцева В.И. (ред.). Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.). Москва; Симферополь, Т. В. Зуева: 79–119.
- Шукуров Р.М. 2010. Земли и племена: византийская классификация тюрков. В: *Византийский временник*. 69: 132–163.
- Шукуров Р.М. 2017. Тюрки в византийском мире (1204–1461). Москва, Изд-во Моск. ун-та, 631 с.
- Boor C., de (ed.). 1883. *Theophanis Chronographia*. Vol. 1. Lipsiae, B.G. Teubner, 510 p.
- Brodka D. 2016. Prokop von Kaisareia und seine Informanten: Ein Identifikationsversuch. In: *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 65 (1): 108–124.
- Brooks E.W. (ed.). 1953. *Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta*. T. 2. Louvain, L. Dourbecq, 233 p.
- Dewing H.B. (ed.). 1914–1928. *Procopius. History of the Wars*. Vol. 1–5. London, W. Heinemann.
- Gadjiev M.S. 2021. Armenia and the Land of the Mazkut' (3rd–5th Centuries A.D.): Written Sources and Archaeological Data. In: *Electrum*. 28: 207–219.
- Golden P.B. 2015. The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia. In: *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 20: 333–368.
- Hewsen R.H. (transl.). 1992. The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc'): The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, L. Reichert, 480 p.
- Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Administrative and Economic Survey*. Vol. 2. Oxford, B. Blackwell, 551 p.
- Koehn C. 2018. *Justinian und die Armee des frühen Byzanz*. Berlin; Boston, W. de Gruyter, 2018, 318 p.
- Maenchen-Helfen O.J. 1973. *The World of the Huns: Studies in Their History and Culture*. Berkeley; Los Angeles; London, Univ. of California Press, 630 p.
- Martindale J.R. (ed.). 1992. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 3A–B. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1631 p.
- Mommsen Th. (ed.). 1882. *Iordanis De origine actibusque Getarum*. In: *Iordanis Romana et Getica*. Berolini, Weidmann: 53–138.
- Moravcsik G. 1983. *Byzantinoturcica*. Bd. 1. 3. Aufl. Leiden, Brill, 641 p.
- Partsch I. (ed.). 1879. *Corippi Iohannidos sev de bellis Libycis libri VIII*. In: *Corippi Africani grammatici Libri qui supersunt*. Berolini, Weidmann: 1–109.
- Riedlberger P. 2010. Recherches onomastiques relatives à la composition ethnique du personnel militaire en Afrique byzantine (546–548). In: Börm H., Wiesehöfer J. (eds.). *Commutatio et contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin*. Düsseldorf, Willem: 253–271.
- Thurn I. (ed.). 2000. *Ioannis Malalae Chronographia*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 592 p.
- Καρδάρης Γ. 2014. Μεταξύ Αττίλα και Βαϊανού. Το Βυζάντιο και οι νομαδικοί λαοί από το 453 έως το 558. In: *Βυζαντινά Σύμμεικτα*. 24: 67–109.

References

- Artamonov M.I. 1962. *Istoriya hazar [History of the Khazars]*. Leningrad, State Hermitage Publ., 522.
- Gadlo A.V. 1979. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv. [Ethnic History of the North Caucasus, 4th to 10th Century]*. Leningrad, Leningrad State Univ. Publ., 216.
- Gevorgian M.A. (transl.), Eremian S.T. (ed.). 1953. *Istoriya Armenii Favstosa Buzanda [History of Armenia by Faustos of Byzantium]*. Erevan, Academy of Sciences of Armenian SSR Publ., 256.
- Dzhafarov O.R. 1980. Onogury vizantiyskih pisateley i haylandury Elishe [Onoguroi of Byzantine Writers and Khaylandurk' of Elishe]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantina Chronika]*. 41: 153–162.
- Ivanov S.A. 1987. Ponyatiya «soyuza» i «podchineniya» u Prokopiya Kesariyskogo [The Concepts of “Union” and “Subordination” by Procopius of Caesarea]. In: Litavrin G.G. (ed.). *Etnosotsialnaya i*

- politicheskaya struktura rannefeodalnykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostey [Ethnosocial and Political Structure of the Early Feudal Slavic States and Nationalities]. Moscow, Nauka Publ.: 27–32.
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S. 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii: kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n. e. [The Country of the Mazk'ut'k' in the Western Caspian Region: Burial Mounds of Caspian Dagestan of the 3rd to 5th Century CE]. Makhachkala, Mavraev Publ., 451.
- Orbeli I.A. (transl.), Yuzbashian K.N., Arevshatian S.S. (eds.). 1971. Egishe. O Vardane i voyne armyanskoy [Elishe. On Vardan and the Armenian War]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 192.
- Sarkisian G. (transl.), Arevshatian S. (ed.). 1990. Movses Horenatsi. Istoriya Armenii [Movses Khorenatsi. History of Armenia]. Erevan, Hayastan, 291.
- Serov V.V. 2011. Finansovaya politika Yustiniana Velikogo [Financial Policy of Justinian the Great]. Novosibirsk, Nauka Publ., 373.
- Smbatian S.V. (transl.). 1984. *Movses Kalankatuaci. Istoriya strany Aluank* [Movses Kaghankatvatsi. History of the Country of Ałuank']. Erevan, Matenadaran Publ., 258.
- Ter-Davtian K.S., Arevshatian S.S. (transl.). 2004. *Agatangelos. Istoriya Armenii* [Agathangelos. History of Armenia]. Erevan, Nairi Publ., 336.
- Shuvalov P.V. 2006. Sekret armii Yustiniana: vostochnorimskaya armiya v 491–641 gg. [The Secret of the Justinian's Army: The Eastern Roman Army in 491–641]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 304.
- Shuvalov P.V. 2017. Zapadnye skify i Skifiya v geograficheskom i ritoricheskom prostranstvakh I–VII vv. n. e.: k postanovke voprosa ob issledovanii geo-etnicheskikh kontekstov (strukturirovannyi obzor osnovnykh istochnikov) [Western Scythians and Scythia in the Geographical and Rhetorical Spaces of the 1st to 7th Century C.E.: To Raise a Question of the Study of Geo-ethnic Contexts (Structured Review of the Main Sources)]. In: Ivanchik A.I., Mordvinceva V.I. (eds.). *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdru Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.)* [Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West (3rd Century B.C.E. to 7th Century C.E.)]. Moscow; Simferopol, T.V. Zueva Publ.: 79–119.
- Shukurov R.M. 2010. Zemli i plemena: vizantiyskaya klassifikatsiya tyurok [Lands and Tribes: Byzantine Classification of the Turks]. In: *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Chronika]. 69: 132–163.
- Shukurov R.M. 2017. Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461) [Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 631.
- Boor C., de (ed.). 1883. *Theophanis Chronographia*. Vol. 1. Lipsiae, B.G. Teubner, 510 p.
- Brodka D. 2016. Prokop von Kaisareia und seine Informanten: Ein Identifikationsversuch. In: *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 65 (1): 108–124.
- Brooks E.W. (ed.). 1953. *Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta*. T. 2. Louvain, L. Dourbecq, 233 p.
- Dewing H.B. (ed.). 1914–1928. *Procopius. History of the Wars*. Vol. 1–5. London, W. Heinemann.
- Gadjiev M.S. 2021. Armenia and the Land of the Mazkut' (3rd–5th Centuries A.D.): Written Sources and Archaeological Data. In: *Electrum*. 28: 207–219.
- Golden P.B. 2015. The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia. In: *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 20: 333–368.
- Hewsen R.H. (transl.). 1992. *The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc')*: The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, L. Reichert, 480 p.
- Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Administrative and Economic Survey*. Vol. 2. Oxford, B. Blackwell, 551 p.
- Koehn C. 2018. *Justinian und die Armee des frühen Byzanz*. Berlin; Boston, W. de Gruyter, 2018, 318 p.
- Maenchen-Helfen O.J. 1973. *The World of the Huns: Studies in Their History and Culture*. Berkeley; Los Angeles; London, Univ. of California Press, 630 p.
- Martindale J.R. (ed.). 1992. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 3A–B. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1631 p.
- Mommsen Th. (ed.). 1882. *Iordanis De origine actibusque Getarum*. In: *Iordanis Romana et Getica*. Berolini, Weidmann: 53–138.
- Moravcsik G. 1983. *Byzantinoturcica*. Bd. 1. 3. Aufl. Leiden, Brill, 641 p.

- Partsch I. (ed.). 1879. Corippi Iohannidos sev de bellis Libycis libri VIII. In: Corippi Africani grammatici Libri qui supersunt. Berolini, Weidmann: 1–109.
- Riedlberger P. 2010. Recherches onomastiques relatives à la composition ethnique du personnel militaire en Afrique byzantine (546–548). In: Börm H., Wiesehöfer J. (eds.). *Commutatio et contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin*. Düsseldorf, Willem: 253–271.
- Thurn I. (ed.). 2000. *Ioannis Malalae Chronographia*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 592 p.
- Καρδάρης Γ. 2014. Μεταξύ Αττίλα και Βαϊανού. Το Βυζάντιο και οι νομαδικοί λαοί από το 453 έως το 558. In: *Βυζαντινά Σύμμεικτα*. 24: 67–109.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.07.2024

Received 01.07.2024

Поступила после рецензирования 30.09.2024

Revised 30.09.2024

Принята к публикации 01.10.2024

Accepted 01.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Назаров Андрей Дмитриевич, ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург, Россия

Andrey D. Nazarov, Assistant at the Department of Social Disciplines and Humanities, Ural State Forest Engineering University, Yekaterinburg, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8519-9191](https://orcid.org/0000-0001-8519-9191)

УДК 94(729)"1608/1800"

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-841-854

Оригинальное исследование

Македонский полк в российской армии в XVIII веке

Шумкоски Г.

Международный институт суверенных наук,

Македония, г. Битола, 7000, бульвар ББ

E-mail: goran@sumkoski.com

Аннотация. В статье анализируются македонские военные полки в составе русской армии в XVIII веке, сражавшиеся на территории Новороссии, и затрагивается более широкий исторический, геополитический, национальный и стратегический контекст их появления, их мотивации, цели, стремления и достижения. Особой целью и мотивом вербовки македонцев в XVIII веке, как и других гусарских полков, состоявших из южнославянских и балканских народов, была победа России над Османской империей на Донбассе, Азовском и Черном морях, и, следовательно, освобождение их собственной родины от османского ига. Не все из этих южнославянских наций преуспели тогда в своих целях свободы и установления более тесных связей с Российским государством. Было бы правильно ожидать, что это произойдет на этот раз, в современный период глубоких геополитических перемен, и, чтобы в многополярном мире, который складывается на наших глазах, исправить исторические ошибки, славяне реализуют свои давние мечты по созданию единого великого союза братских народов от Владивостока до Балкан и Балтийского моря.

Ключевые слова: Россия, Македония, Донбасс, армия, союзники, Евразийский союз

Для цитирования: Шумкоски Г. 2024. Македонский полк в российской армии в XVIII веке. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 841–854. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-841-854.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Macedonian Regiment in the Russian Army in the 18th Century

Goran Sumkoski

International Institute of Sovereign Sciences,

BB boulevard, Bitola 7000, Republic of Macedonia

E-mail: goran@sumkoski.com

Abstract. The article analyzes the Macedonian military regiments in the 18th century Russian army fighting in the territory of Novorossiia, and touches upon the wider historical, geopolitical, national and strategic context of their emergence, their motivations, goals, aspirations and achievements. Russia's specific goal and motive for the 18th century recruitment of the Macedonians and other hussar regiments consisting of South Slavic and Balkan peoples was the victory over the Ottoman Empire in the Donbas, the Azov Sea and the Black Sea, and thus the liberation of their own homelands from the Ottoman yoke. At that time, not all these South Slavic nations succeeded in achieving the aspiration of freedom and establishing closer ties with the Russian state. It would be right to expect that today, at the time of profound geopolitical changes, in the multipolar world that is taking shape in front of our eyes, the Slavic nations will correct historical mistakes and realise their long quest for creating one great union of brotherly nations stretching from Vladivostok to the Balkans and the Baltic.

Keywords: Russia, Macedonia, Donbass, army, allies, Eurasian Union

For citation: Sumkoski G. 2024. The Macedonian Regiment in the Russian Army in the 18th Century. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 841–854 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-841-854.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Сегодняшняя специальная военная операция (СВО) за освобождение русского народа на исторических землях Донбасса имеет многочисленные параллели в истории. Борьба за освобождение других европейских народов и стран от еще одного имперского гнета после Османской империи и Третьего рейха продолжается. И мы снова видим присутствие и борьбу солдат и подразделений балканских народов вместе с российской армией и ее подразделениями в ДНР, ЛНР и т. д. Македонские военные полки в российской армии еще в XVIII веке воевали с Османской империей и ее тогдашними союзниками, имперскими Великобританией и Францией, на территории современного Донбасса, Запорожья, Одессы, Слобожанщины – того, что тогда называлось Новороссией.

Геостратегическое сходство сегодняшних битв за освобождение территорий, оккупированных нелегитимным и навязанным из-за границы марионеточным режимом в Киеве, и битв времен русско-турецких войн XVIII века многочисленны. История снова становится свидетелем повторения аналогичной борьбы Востока и Запада за выживание и свободу русского народа в Донбассе, и она предельно схожа с одновременной битвой за выживание южнославянских народов Македонии, Сербии, как и других балканских и европейских народов и стран, которые ныне находятся под глобалистским игмом через навязанные им антинациональные правительства, которые в реальности работают против благополучия своих собственных народов.

Объект и методы исследования

Объектом работы является история Македонского полка в России XVIII в. как прообраз современного единения славянских народов против единого внешнего врага.

В работе использованы историко-биографический, сравнительно-исторический методы, а также метод контент-анализа содержания имеющихся источников.

Результаты и их обсуждение

Исторические связи и корни общей борьбы

Корнями и причиной этой общей борьбы являются общие исторические, культурные, религиозные корни македонцев, русских и других современных славянских народов, корни и связи, которые были искусственно отрезаны западной геополитикой, наукой и историей. Сегодня, когда эти югославы и, в более широком плане, их восточноевропейские братья сейчас находятся в сфере действия глобалистских сил, не раз показавших свой истинный характер (от бомбардировок Югославии в конце 1990-х гг. до современных событий на СВО), появляется историческая возможность исправить исторические ошибки и создать новое духовное единство славянских и других братских народов – от Дальнего Востока и Владивостока до Калининграда на севере и македонского Солуна на юге. Этот новый Евразийский союз также может распространиться и до старых европейских стран и народов, которые захотят присоединиться к ним на Западе и вновь обрести свою свободу и суверенитет через реализацию своей давней цели, сформулированной в 1959 г. президентом Франции Шарлем де Голлем, который провозгласил: «Европа – от Атлантического океана до Уральских гор – именно Европа определит будущее мира» [Цвык, Курьлев, 2020].

Причины нынешних событий столь глубоки, что выходят за пределы современной истории. Начнем с общего названия *славяне*, которое существовало с древних времен, и древние македонцы среди многих славянских народов, похоже, имели достаточно оснований называться славными. Ф.М. Апендини в 1757 г. утверждал, что древние фракийцы, македонцы, иллирийцы, скифы говорили на одном и том же славянском языке. У древних фригийцев, македонцев, фракийцев мы находим множество племенных названий чисто славянских корней [Савельев, 1915].

Если двигаться вверх по временной шкале македонской истории, мы увидим, что после падения Македонского царства Александра Великого часть македонцев около 320 г. до н. э. переселилась к Балтийскому морю (Варийское море) и основала свою новую политевму под названием Бодричи, сохранив герб Александра Македонского с изображением Буцефала и

грифона [Классен, 1854]. Первоисточником этой истории, по мнению Е. Савельева, является Птолемей, который говорил, что «те македоняне известны под именем Бодричи» [Савельев, 1915]. Бодричи говорили на славянском языке и от натиска германцев начали двигаться в сторону Ильменя и Ловати, где около 216 г. до н. э. (по Птолемию) основали поселения. Бодричи позже, в IX веке, стали центром западно-славянского мира, когда Рюрик (Рарог) отправился в Новгород и стал князем, основав первую российскую династию, и во время его правления (с 862 г.) были созданы основы русской государственности [Курлян, 2021].

Эти элементы общей древней и средневековой истории македонцев и русских через династию Рюриковичей продолжают также через македонский полк XVIII века в Донбассе и до нынешней современной совместной борьбы XXI века.

Цели и стремления остались удивительно схожими: свобода и объединение славянского (Славного) народа, имеющего общий язык, происхождение, культуру и ценности. Точно так же сегодняшние македонцы, воюющие в Донбассе, присоединяются с целью помочь освободить своих российских братьев, а также освободить их собственную родину от западного ига, как только тот же враг будет побежден в Донбассе. Поэтому македонцы заявляют: «Вы воюете не только за свободу России и русского народа в Новороссии, Азове, Донбассе, Херсоне, Харькове, Одессе, но и за свободу всех народов, поддерживающих эту борьбу, потому что это единственный шанс на свободу от отчужденных нелегитимных правительств, таких как те, которые были навязаны Западом в Македонии, а также от коррумпированных и нелегитимных правительств, которые также навязываются старым европейским народам. Вместе с вами мы продолжаем светлую традицию македонского народа и Македонского полка, который в 1759 году в составе Русской армии дислоцировался на этих территориях, где сегодня ведется такая же борьба с теми же оккупантами» [Помощь Македонии..., 2022].

Одни и те же параллели обнаруживаются и в мотивах и намерениях как тогда, в XVIII веке, так и теперь, в XXI веке: разгром иностранного империалистического нападения на древние славянские народы, их территории, ценности. И в этом процессе славяне снова восстановят искусственно нарушенные естественные национальные, экономические и политико-исторические связи между этнически, культурно, языково, религиозно и идеологически близкими людьми. Как написал Егор Классен: «есть надежда, что дохристианская Русь скоро воссияет во славе троянцев, гетов-русов и македонян!» [Классен, 1854].

Донбасс, Новороссия и переселенцы из Македонии и Балкан

Земли вдоль рек Дона и Днепра в XVIII веке представляли собой малонаселенную территорию, фактически представляющую собой границу с ханством крымских татар и ногайских кочевников, нападавших на русские земли с помощью Османской империи. Особенно уязвимыми для нападений были Северский Донец, Бахмут и Луганщина, где огромные, но малонаселенные, а иногда и необитаемые территории оспаривались за плодородные земли, богатые соляные шахты и права на рыбную ловлю вплоть до Азовского и Черного морей, в результате чего находились в постоянных вооруженных стычках [Сборник статистических..., 1886]. Русские люди продолжали расселяться по всей территории Донбасса, однако со временем ресурсы в России, особенно человеческие, для этой цели были практически исчерпаны [Высоцкий, 1999].

Следовательно, это стало одной из причин того, что Императрица Елизавета Петровна издала указ, приглашавший братские народы, беженцев из Османской империи и угнетенные славянские народы в Австро-Венгерской империи поселиться на Донбассе. Позже из этих беженцев и других опытных солдат, последовавших за своими собратьями в Новороссию, для военных целей Российской империи были созданы известные балканские национальные гусарские полки.

Сходство культуры, традиций, религии, языков и стремление южнославянских народов сохранить свою идентичность в условиях Османской и Австро-Венгерской империй сделали

их идеальным источником для стремления России укрепить свои границы и расширить освобожденную территорию на юг до Крыма. И у беженцев, и у российского государства был один и тот же враг – Османская империя, которую балканские народы имели особое желание уничтожить; они считались бесстрашными и сильными воинами, стремящимися и готовыми к дальнейшей борьбе и мести османским угнетателям. Несколько безуспешных восстаний против Османской власти привели к тому, что многие закаленные в войне беженцы переехали в Венгрию, Румынию, Польшу, а затем в Новороссию.

Обращение со славянами, сербами, хорватами и другими народами в Австро-Венгерской империи, а также с македонцами, сербами и болгарам в Османской империи было основной движущей силой вербовки и мотивационным фактором как для поселенцев, так и для воинов во вновь созданных гусарских полках по национальным линиям: македонцев, сербов, валахов, болгар и т. д. в составе Российской императорской армии.

Первый организованный набор проводился под руководством австрийского подданного македонского происхождения Хорвата Самуиловича фон Куртича, получившего в русской армии чин генерала и выставившего первые 2 полка в 1751 г. на территории от Новомиргорода в сторону правого берега реки Днепр. В 1756 г. из слободских казаков сформировался Слободский Гусарский полк, а затем, в 1759 г., из выходцев из Македонии был сформирован первый Македонский полк наряду с сербским, болгарским, валахским и другими [Дегтярев, 1981]. В последующие 10–15 лет было создано около 15 городов и 60 деревень, в которых расселилось около 25 000 беженцев с Балкан. Были построены церкви, школы для детей, начато религиозное и школьное обучение для многонационального славянского православного народа.

Македонская нация

Термины «македонский», «македонский народ» и «македонская нация» в документах Российской империи в период с 1750 по 1783 годы продолжают выступать как четко отделенные от болгарских, сербских, греческих, валахских и других подобных национальностей.

Эта терминология относится к славянским православным выходцам из Македонии, также сознательно, добровольно и повсеместно принимается и используется всеми самими православными поселенцами как из Габсбургской Австрии, так и из Османской империи, а также та же терминология используется и принимается Российской Корона, Судом и Сенатом.

В первых двух сохранившихся отчетах (в 1754 г. от Хорвата и в 1756 г. от Севича), среди прочего, записаны воины из «македонской нации» (рис. 1)¹³, значительная часть которых близка современным македонским именам.

Из вышеизложенного ясно, что эти православные иммигранты XVIII века считают македонцев народом/нацией, отличной от других, упомянутых здесь (сербов, болгар, греков, валахов). Македонские поселенцы будут одновременно вдохновителем и ресурсом для наименования и наполнения гусарского (кавалерийского) полка – Македонского, существовавшего с одним перерывом с 1759 по 1783 год [Бојаджиски, 2021]. Следовательно, самопровозглашение поселенцев македонской нацией можно рассматривать как проявление их идеала свободы как отдельной нации, иначе у них не было бы оснований записываться македонцами в отдельную графу. Если бы македонские поселенцы считали это противоестественным, то это, безусловно, демотивировало бы их иммиграцию и было бы контрпродуктивно для их прибытия в Донбасс.

Частью офицеров, имеющих македонское происхождение, наряду с Хорватом, были такие офицеры, как капитан Никола Штрба (или Чорба по-русски) со своими братьями Теодором Штрбой (Чорба) и Йованом Чорбой, а также Лазарь Серезли, Александар Димитриев, получивший разрешение на поселение от австрийской армии.

¹³ Согласно документу с архивным номером 1413, 6/1756 Архив УССР, указаны гусары, называющие себя македонцами. Перечислены по возрасту, дате прибытия, национальности, статусу (женат, дети или одиноки) и т. д.

Имя	Сколько лет в полку	Когда и где прибыл (наименование населенного пункта)			Женат и сколько детей (или не женат)	Куда выслан в наказание (или не выслан)	Национальность (или происхождение)	Гражданство (или место рождения)	К какой должности назначен	Зачислен ли в службу	Срок службы
		Год	Месяц	О какой нации							
Костянтин Польш	39	1752	24 окт	македонской нацией	женат, 3 сына	показу ем императорского величества	—	уметь	достоин	нет	656
Георги Петровъ	42	1752	24 октябрь	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	уметь	—	—	485
Панкратъ Костякъ	34	1739	11 авг	македонской нацией	женат, 2 сына	—	—	неуметь	—	—	486
Антон Доричевъ	42	1754	12 мая	македонской нацией	женат, 2 сына	—	—	уметь	—	—	486
Иванъ Хорватъ	35	1749	1 апреля	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	486
Лазаръ Васильевъ	27	1748	8 февраля	македонской нацией	женат, 2 сына	—	—	уметь	—	—	509
Иванъ Ангеловъ	23	1754	10 мая	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	509
Степанъ Андриевъ	26	1749	1 апреля	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	510
Николай Пана	26	1754	8 мая	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	510
Иванъ Хорватъ	36	1751	16 сентября	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	уметь	—	—	510
Михаилъ Самаринъ	23	1749	1 апреля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	уметь	—	—	510
Иванъ Пана	27	1749	1 февраля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	510
Василий Прустевъ	26	1748	8 февраля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	уметь	—	—	510
Христофор Минероичъ	22	1754	28 а пр	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	510
Иванъ Шарванскій	21	1754	31 авг	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	526
Савва Моисеевъ	29	1754	29 октября	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	526
Костянтин Ангеловъ	18	1754	15 октября	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	640
Дмитрий Владетовъ	22	1754	6 октября	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	640
Иванъ Петровъ	19	1754	12 декабря	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	640
Николай Степановъ	16	1754	12 декабря	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	656
Степанъ Костякъ	14	1754	12 декабря	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	656
Михаилъ Костякъ	14	1754	12 декабря	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	656
Иванъ Балган	32	1755	24 февраля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	656
Петръ Благовъ	32	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	656
Матвей Тимаревъ	27	1755	24 февраля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	656
Кирилъ Неймановъ	21	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	656
Данило Сурмановъ	25	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	656
Иванъ Хлименко	22	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	670
Демьянъ Чригориивъ	24	1755	24 февраля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	686
Романъ Уколовъ	32	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	686
Тимофей Уколовъ	22	1755	24 февраля	македонской нацией	женат, 1 детей	—	—	неуметь	—	—	686
Василий Михайловъ	27	1755	24 февраля	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	696
Гавриилъ Михайло	20	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	уметь	—	—	700
Григорий Михайло	18	1755	24 февраля	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	700
Федоръ Орловскій	29	1755	5 мая	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	700
Самуилъ Антиповъ	23	1755	5 мая	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	700
Григорий Андриевъ	19	1755	5 мая	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	700
Томъ Манюсовъ	19	1755	5 мая	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	700
Ильяъ Волошино	21	1755	5 мая	македонской нацией	женат, детей нет	—	—	неуметь	—	—	710
Николайъ Пешевъ	26	1755	19 июля	македонской нацией	холост	—	—	уметь по гречески	—	—	720
Левонтия Семеновъ	31	1755	31 янв	македонской нацией	женат, 1 детей	—	—	уметь по гречески	—	—	720
Ериъ Федоривъ	20	1755	31 янв	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	720
Якимъ Якимъ	31	1755	23 сентября	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	720
Иванъ Симоновъ	22	1755	23 сентября	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	720
Георги Алксиевичъ	26	1755	23 сентября	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	720
Георги Дмитриевъ	21	1755	23 сентября	македонской нацией	холост	—	—	неуметь	—	—	720

Рис. 1. Согласно документу с архивным номером 1413, 6/1756 Архив УССР, указаны гусары, называющие себя македонцами. Перечислены по возрасту, дате прибытия, национальности, статусу (женат, дети или одиноки) и т. д.

Fig. 1. Hussars describing themselves as Macedonians are indicated in the document with archival number 1413, 6/1756 Archive of the Ukrainian SSR. Listed by age, date of arrival, nationality, status (married, children, or single), etc.

Семья Чорба происходит из Охрида, где эта фамилия встречается и сегодня [Матковский, 1985]. С семьей Хорватов их связывает общее происхождение из Македонии, и именно поэтому они работали вместе. Фамилия вышеупомянутого Лазаря Серезли указывает на то, что капитан (знаменосец) Лазарь был родом из города Сер.

В документах, относящихся к Македонскому полку (3 марта 1759 г.), упоминается о необходимости включения в его состав новичка, дворянина из Венгрии, македонца Александра Димитриева. Кроме того, по просьбе Хорвата от 10 сентября 1759 г. был издан приказ о переводе его родственника Георгия Хорвата Даямбургского в Македонский полк в чине капитана [Бојаджиски, 2021].

Еще одним примером из многих таких македонских революционеров является Стоян Везенков из города Крушево, который умер в Одессе в 1887 г., и двое его сыновей, оставшихся в России и продолжавших дело по освобождению Македонии, его сын Владимир как офицер русской армии и автор военных учебников [Стојаноски, 2001].

В докладе Йована Хорвата русскому сенату (1 декабря 1754 г.) о национальной принадлежности полков указано 289 выходцев из «македонской нации». В этом же документе есть также выходцы из Сербии, Болгарии, Польши и других народов. Милка Здравева в статье «Переселенцы из Македонии и Российской империи в середине XVIII века» представляет более точные данные о македонцах, вошедших в гусарский полк и заявивших, что они пришли из «македонской провинции», главным образом из Костура (Кастория), Солуна (Салоники), Водена (Эдесса), Скопье и Струмицы [Станојоски, 2020].

Что касается сохранившихся до сих пор на Донбассе и на более широкой территории юга России (Украины) этнических топонимов, имеющих македонское происхождение, то Александр Матковский в своей книге перечисляет следующие: Малая Каратовка, Новый

Полог, Скоповка (Ивано-Франковская область), Скопьевка (Кировоградская область), Македоновка (ЛНР), Македоновка (ДНР), Македоны (Киевская область), Кумановка, Козятин и Кумановцы (Винницкая область).

Организация первых переселенцев с Балкан на Дон

В 1740-х годах политическое положение православного населения в Австро-Венгрии ухудшилось, и императорский двор указом (1741) отменил статус Моришки, Потиски и Дунайских областей как самоуправляющихся с преимущественно южнославянским населением, что способствует массовым миграциям из этого региона в Россию. Многие из македонских беженцев и бойцов македонского полка в Донбассе были участники и инициаторами восстания Карпоша 1869 г. против Османской империи, которое было сосредоточено вокруг Куманово и Скопье.

Граф Михаил Петрович Бестужев-Рюмин, российский посол в Вене, ознакомил императрицу Елизавету с плохим положением православных народов в Австро-Венгрии и, в соответствии с политикой, установленной Петром I, предложил и активно агитировал за их переезд в Россию. В 1750 г. Бестужев-Рюмин сообщил русскому двору, что «православные народы – сербы, македонцы, болгары и валахи – хотят служить Ее Императорскому Величеству кровью и оружием» (рис. 2). В своих рекомендациях он предлагал также сформировать «...воинские части», состоящие из сербов, македонцев и болгар – православных и однородных с русскими наций¹⁴ ... – известных всему миру своей храбростью...».

нимъ Высочайшихъ указовъ; свидѣтельно выше изображенные чинимые на нихъ малые расходи, сравня противъ помянутаго Грузинскаго выхода, чаятельно ни въ тысящную долю придти не могутъ; а въ мирное время тотъ корпусъ, который исподоволь, какъ ими Сербами, такъ Македонцами и Болгарами, ибо всѣ оные народы единого православнаго исповѣданія, и по своей храбрости повсюду надъ мѣру славны, болѣе и болѣе прибавляться станеть, и всегда въ порядкѣ и приличныхъ имъ възерцихъ содержаться можетъ, казнь Вашего Императорскаго Величества нималяйнаго чего стоять не будетъ.

II. Всподданнѣйшее прошеніе: на какомъ основаніи православные народы Сербскіе, Македонскіе, Болгарскіе и Волошскіе, Высочайшей Ея Императорскаго Величества службѣ въ спгноузъ подданствъ, подъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества материнскаго протекціею, оружіемъ и кровію служить желаемъ.

Рис. 2. Из письма Бестужева-Рюмина русскому двору и ее Императорскому Величеству в 1750 году
Fig. 2. From the letter of Bestuzhev-Ryumin to the Russian court and her Imperial Majesty in 1750

Македонский полк в России XVIII века

Первая точка контакта между славянским населением для Бестужева-Рюмина – полковник моришского ополчения по имени Иван Хорват (Йован Самойлович Хорват), отец которого переехал из Македонии в Австро-Венгрию и стал богатым землевладельцем (рис. 3). Хорват испросил и получил в июне 1751 г. разрешение императрицы выйти из австрийской армии и переехать в Россию. В проекте Хорвата, представленном в 1751 г. русской царице и русскому сенату, четко определены нации: сербы, македонцы, болгары и валахи.

¹⁴ Цит. по [Матковски, 1995, с. 257; ПСЗ, Т. 13, 566–588, док. бр. 9919].

Рис. 3. Генерал Йован Самойлович Хорват
Fig 3. General Jovan Samoilovich Horvath

Российский Сенат принял то же определение, и в последующие годы был издан ряд указов, определявших, что в Донской области могут селиться только поселенцы «из народов... сербской, македонской, болгарской и волосской (валашской) наций» и устанавливать и создавать колонии [ПСЗ, т. 13, с. 716]. В тех же декретах о колонизации и формировании воинских частей содержалась обязанность Хорвата сообщать о численности и составе полков.

Предки Хорвата происходили из Македонии, а его отец Самоил за свои военные заслуги перед Габсбургами получил потомственное дворянство с правом носить фамилию фон Куртич [Гирич, 2018]. Отсюда ясно, что первую массовую миграцию в Россию организовал полковник моришской милиции Йован (Иван) Хорват, которого принято считать «из Македонии», точнее, родовое происхождение находится в селе Арвати¹⁵ (Хорвати, Р'вати, Арвати), Долна Преспа, где были земли его предков [Церович, 2002]. Его дед Марко Хорват во второй половине XVII века переехал в Австрию, где занялся торговлей и взял фамилию от родной деревни. Отец, Самойл Хорват, решил на военную карьеру, отличился в боях при Велики Варадин (Орадя, Румыния), после чего был назначен великим герцогом Варадинским, а в 1689 г. от австрийского императора Леопольда I получил дворянский титул «де Куртич» (по названию поместья в окрестностях Арада, ныне Румыния). Сын Йован окончил военное училище и отличился в бою майором, а в 1745 г. в чине подполковника находился в Печке (ныне Румыния, недалеко от Арада) [Савельев-Ростиславич, 1845].

Ход прибытия беженцев и солдат Македонского полка

По приглашению императрицы Елизаветы австрийскому подданному македонского происхождения полковнику Хорвату было поручено в 1751 г. сформировать один гусарский полк численностью 4 000 человек из балканских туземцев, который расселился на правом берегу Днепра. Ответ пришел очень быстро, и уже 13 июля 1751 г. полковнику Хорвату и его офицерам по рескрипту императрицы было предоставлено право стать российскими подданными. Хорват продает всю свою собственность в Куртиче, и в августе вместе с группой первых 218 иммигрантов (офицеры, солдаты с семьями и прислуга) переезжают из Австрии в Россию.

¹⁵ Хорват генеолошко дрво.

Хорват прибыл в Киев в конце сентября 1751 г., а затем в октябре в Новомиргород (рис. 4). Для организации новых православных поселений Хорвата вызвали в Санкт-Петербург, где он представил свой проект перед императорским двором. После одобрения императрицы Елизаветы Петровны Сенат рассматривает его и в тот же день (24 декабря 1751 г.) утверждает проект. Через три недели, 11 января 1752 г., грамотой Военной коллегии Иван Хорват объявляется «генерал-майором» двух гусарских (кавалерийских) и двух пехотных полков, получивших наименование «Горватовский полк» или «Свободарский полк».

Рис. 4. Никольский собор в Новомиргороде. Возведено при поддержке генерала Хорвата
Fig. 4. St. Nicholas Cathedral in Novomirgorod. Built with the support of General Horvath

К весне 1752 г. число поселенцев увеличилось примерно до 1 000 душ. Территория, на которой они поселились, область Кировограда (Кропивницкого), получила название Новая Сербия, хотя она, очевидно, имела многонациональный состав, состоявший также из других народов, таких как македонцы и т. д. Она подчинялась непосредственно российскому Сенату и Военной коллегии. Ее центром был город Новомиргород [Церович, 2002].

Чуть позже Хорвата двум австрийским офицерам, сербам Йовану (Ивану) Шевичу и Райко Прерадовичу, новым императорским указом от 29 мая 1753 г. удалось получить еще одну территорию, названную Славяно-Сербией, несмотря на ее многонациональную структуру. Но она просуществовала недолго и прекратила свое существование в 1764 г., когда значительно расширилась и была объявлена административная единица Новороссия. Указом 1753 г. Шевич и Прерадович получили чин генерал-майора и указание «всем сербским, македонским и другим народам православным» селиться к востоку от полка Хорвата и к востоку от реки Днепр, а также поселяться между Бахмутом и Луганском и сформировать 2 гусарских полка по 1 000 человек каждый.

Под руководством этих офицеров, Хорвата и Шевича, в России началась самая массовая и известная миграция православного населения с Балкан, для обеспечения которой они также получили немалые средства (в расчете на душу населения) от российского Сената. Среди офицеров будет большая конкуренция за приобретение поселенцев под свое начало, ведь за них они получали большие субсидии на содержание, а также милости от российского двора.

Хронология македонских полков

Первый македонский полк (1759–1763)

После первоначального наименования полков «Полками Хорвата», 9 марта 1759 г. генерал-лейтенант И.С. Хорват императорским указом императрицы Елизаветы Петровны сформировал в Донбассе Македонский гусарский полк. Роты полка размещались в легких полевых укреплениях (траншеях или шанцах). 26 июля 1761 г. к Македонскому гусарскому полку был присоединен Болгарский гусарский полк, так как последний имел малочисленность личного состава. 10 мая 1763 г. императорским указом императрицы Екатерины Алексеевны этот Македонский гусарский полк был расформирован.

Второй македонский полк (1776–1783)

24 декабря 1776 г. был сформирован новый оседлый Македонский гусарский полк в составе шести эскадронов. 28 июня 1783 г. этот македонский полк был переименован и стал основой известного Александровского полка легкой кавалерии.

Командиром первого Македонского полка был Алексей Костюрин, а болгарского полка – майор Пищевич (Пишчевич), автор книги мемуаров, а главным командиром всех полков – Йован Хорват. Македонский полк был укомплектован 10 мая 1759 г. генералом Хорватом для усиления русской легкой кавалерии. Первоначально он состоял из 10 рот по 100 солдат в каждой, а эффективная боевая численность составляла 1 044 человека (солдаты с лошадьми и обслуживающий персонал).

Пишчевич надеялся стать начальником Македонского полка, с которым хотел быстро отправиться на войну с Пруссией. Но Хорват сенатским указом ставит во главе Македонского полка полковника Алексея Костюрина, а Пишчевич получил приказ отправиться на Украину, в город Манжелей для формирования Болгарского полка. Историк Здравева считает, что фамилия Костюрин связана с македонским городом Костур, поэтому нельзя исключать, что Хорват больше доверял своим македонским землякам, чем Пишчевичу.

Русские документы свидетельствуют, что новый, Второй Македонский полк был создан 26.12.1776 г. и существовал до 28.06.1783 г., когда при новой реорганизации Македонский и Далматинский полки сливаются в новый Александрийский полк. Этот Второй Македонский полк имел также свой герб, который сохранился в книге «Гербы Полевых и поселенных Гусарских полков, с 1776 по 1783 гг.»¹⁶, но изображение не совсем такое, как в описании первого Македонского полка. Герб Македонского гусарского полка был утвержден в 1776 г.: «В красном поле серебряный щит, с различными орнаментами, а под ним две крестообразно лежащие деревянные стрелы с золотыми наконечниками» (рис. 5).

Рис. 5. Герб Македонского гусарского полка, утвержден в 1776 году
Fig 5. The coat-of-arms of the Macedonian Hussar Regiment was approved in 1776

¹⁶ Гербы Полевых и поселенных Гусарских полков, с 1776 по 1783 гг.

После нового формирования в 1766 г. Македонский полк имел униформу: желтые ментики с красными шнурками, желтые чакчиры, черный доломан, черные шапки с желтым галуном, черные фуражки с желтой подкладкой, желтые пояса с черными перемычками, черные ташки, серебряные пуговицы (рис. 6). 24 декабря 1776 г. (по О. Леонову, 16 января 1775 г.) произошло очередное изменение обмундирования гусарских полков.

Рис. 6. Мундир солдата Македонского полка
Fig 6. Uniform of a soldier of the Macedonian regiment

Отмена полков и превращение Македонского полка в Александрийский

Судьба полков внезапно меняется с восшествием на российский престол императрицы Екатерины Великой (1762 г.). Она усиливает иммиграционную политику, но со значительными изменениями. Манифестом (от 04.12.1762) императрица предлагает «всем иностранцам», без всяких ограничений, «приехать в Россию и поселиться, где хотят».

22 марта 1764 г. указом императрицы Екатерины Великой Новая Сербия была упразднена как военная область. Официальной причиной упразднения славянской Сербии (декретами от 9 и 11 июня 1764 г.) стало создание Новороссии как административной единицы. При этом Новороссия потеряла право выбирать иммигрантов. С другой стороны, после первой волны миграции габсбургских офицеров Венский суд вводит запрет на дальнейшую эмиграцию офицеров (Уголовный патент от 19.06.1752). Это создает большие проблемы с набором кадров для обеих колоний, и для новых полков быстро стала очевидна нехватка рекрутов, что, в свою очередь, приводит к более широкому использованию молдаван, польских болгар и малорусских крестьян для восполнения этих недостатков.

После смерти Елизаветы и восшествия на престол Петра III (1762), а также во время правления Екатерины II против Хорвата было возбуждено судебное следствие. После того как сенатская комиссия во главе с полковником Спичинским вынесла доклад о коррупции и злоупотреблениях, указом от 11.07.1763 Хорват был лишен всех чинов и отправлен на север в тюрьму. Политическая подоплека смещения Хорвата, по мнению Церовича, заключалась

в том, что: «...Генерал Йован Хорват создал территорию с пятью полками, с организованной исполнительной и судебной властью... Стоя во главе целого корпуса, с абсолютистской властью и обладая обширными полномочиями российского двора, он фактически создает государство в государстве. Он распоряжался всем к конечной цели – освобождению своих родных предков с помощью могучей Российской империи. Но... Хорват потерпел неудачу. Его обвинили в злоупотреблении служебным положением и коррупции и уволили – хотя его действия мало чем отличались от действий других русских генералов... Российский суд, чтобы не допустить создания независимой политики освобождения Балкан, помещает русского генерала Межугунова – во главе тех же полков» [Церович, 2003].

С окончанием Русско-турецкой войны 1768–1774 г. весь Донбасс, Северное Причерноморье и Крымское ханство были включены в состав Российской империи через Новороссию, Азовскую губернию и т. д. Нападения турок были остановлены, отсюда и возникла необходимость в активных пограничных частях. А 28 июня 1783 г. появляется 6-эскадронный Александрийский лёгкий кавалерский полк, сформированный генерал-майором Ферзеном из Македонского гусарского полка. Он претерпел ряд реорганизаций и 29 марта 1801 г. становится Александрийским гусарским полком.

Достижения и стремление к свободе и единству

Симеон Пищевич так описал этот период заселения региона: «...Наши генералы, Хорват, Шевич и Прерадович, своим выходом и своими поселениями подали такой полезный пример, что из древней пустыни уже стала земля обетованная, заселена, возделана, удобрена и стала приносить обильные плоды, и если бы они не начали ее заселять тогда, то она, возможно, так и осталась бы навсегда под прежним названием пустыни» [Пищевич, 1963]. «Никто не был настроен наполнять и заселять эти земли инородцами, пока туда не пришли наши туземцы и не заложили для этого фундамент, не боясь такого тесного и злобного соседства, каким были тогда грозны турки и татары, которые должно само по себе быть великое дело» [Дегтярев, 2003].

Мотивация российского царского двора ограничить иммиграцию только православными поселенцами и их семьями преследует четкую цель способствовать религиозному единству и силе Русского государства. Здесь интересы Хорвата и его поселенцев совпадают с интересами Российской империи. Мотивы у него те же – сохранить единство в самих полках, создать православное ядро, которое будет представлять перед российским царским двором интересы поработанных народов в Османской Турции.

Этот идеал борьбы за освобождение от османского правительства является постоянным среди всех поселенцев из разных стран [Дмитриенко, Ясь, 1994]. Вербовочные усилия Хорвата отмечены в народной песне «Ой, я ночами не спал», где есть следующие строки:

*Гей, Хорват листи розсилає,
На нову Вкраину жити закликає.
Гей, дарує степами и рибними плесами,
ще й до того вильготами.*

Идеал свободы является также причиной приглашения и организации поселенцев в полки, состоящие из родственных по религии и языку народов. Этот идеал используется Хорватом и Шевичем в качестве инструмента в своей агитации за массовую иммиграцию.

Как и в XVIII веке македонцы с их вечным стремлением к свержению власти Османской империи шли в Донбасс, чтобы затем освободить их собственную родину Македонию, так же и сейчас в те же регионы они идут сегодня.

Македонские боевые единицы в Донбассе ныне имеют похожий девиз: «Мы побеждаем, потому что справедливость, доброта, честность на нашей стороне, мы побеждаем на

Донбассе, а завтра и в Одессе, Приднестровье, Молдове, и дальше путем установления народных и легитимных правительств в Румынии, Болгарии и Сербии вплоть до освобождения оккупированных территорий Македонии сегодня. Македония Вечная, от Вардара до Солуна (Фессалоники), и вечный союзник России и всех свободных народов мира, займет свое место в новом свободном и справедливом международном порядке, который мы создаем и защищаем кровью, так же как наши деды и прадеды» [Помощь Македонии..., 2022].

Заключение

Этот мощный лозунг и века назад, и сейчас способен сдвинуть геополитические тектонические плиты и исправить великую и давнюю историческую несправедливость, и все это – с целью установления прочного мира, правды и процветания человечества на следующие тысячелетия.

Список литературы

- Бојаджиски М. 2021. Македонские поселенцы в царской России 1751–1783 и Македонский полк. Скопье, 222 с.
- Высоцкий В. 1999. Точка на географической карте Луганщины. Славяносербия. *Жизнь Луганска*. 11: 10.
- Гирич Я. 2018. Иван Хорват. *Український тиждень*. 35: 56–59.
- Дегтярев Ю. 2005. Карта-реконструкция Ломачко Н.Н. В: Сказание о земле Славяносербской: Славяносербия, 1753–1764. Нови Сад: 222–242.
- Дмитриенко М.Ф., Ясь О.В. 1994. Уроки имперской политики. *Відродження*. 3: 70.
- Здравева М. 2005. Пресельници из Македоније в русском королевстве середином 18 века. В: Сеоба Срба у руско Царство половином 18 века. Нови Сад: 135–145.
- Јоновски Ј. 2019. Сонцето и лавот како симболи во хералдиката и вексилологијата на Македонија. Скопье, 144 с.
- Кеппен П.И. 1891. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб., тип. АН, 510 с.
- Класен Е. 1854. Древнейшая история Славян и Славяно-Руссов. Москва, 200 с.
- Курлян З. 2020. Основатели Российского государства и императорской династии. Рюриковичи – потомки Александра Македонского – Коложег.инфо. URL: <https://vk.com/kolozeginfo> [дата обращения 13.08.2024].
- Ломоносов М.В. 1766. Древняя российская история от начала русского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года. Санкт-Петербург, Тип. Императорской Академии Наук, 140 с.
- Матковски А. 1985. Македонскиот полк во Украина. Скопье, Мисла, 288 с.
- Пищевий С. 1963. Мемоари. Београд, Култура, 296 с.
- Полное собрание законов Российской империи с 1752 года. 1893. Собрание 3. Том 13. Санкт-Петербург, Гос. тип., 1365.
- Помощь Македонии российскому народу в Донбассе, май 2022 г. URL: <https://life.ru/p/1478607> [дата обращения 13.08.2024].
- Савельев Е. 1915. Древняя история казачества. Новочеркасск, Донской печатник, 56 с.
- Савельев-Ростиславич Н.В. 1845. Славянский сборник. Том ССXXXIX. СПб., издание К. Вингебера, 304 с.
- Сборник статистических данных по Екатеринославской губернии. 1886. Вып. 3, Славяносербский уезд. Екатеринослав, 442 с.
- Станојоски З. 2020. Македонский полк гусаров в Российской империи. В: Международный Форум Евразийская Македония. Скопье: 12–21.
- Стојаноски М. 2001. Стојан Везенков (1808–1897) мајстор-дзидар, борец за ослободување на Македонија во втората половина на 19ти век. Скопье, Makedonsko naučno društvo, 362 с.
- Цвык А.В., Курылев К.П. 2020. Идея «Большой Европы» во внешней политике России: история и современность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. Т. 19. 2: 438–447.
- Церовић Љ. 2002. Срби у Украјини. Нови Сад, Прометеј, 333.

References

- Bojadzhiski M. 2021. Makedonskie iselency v carskoj Rossii 1751–1783 i Makedonskij polk [Macedonian Settlers in Tsarist Russia 1751–1783 and the Macedonian Regiment]. Skop'e, 222 p.
- Vysockij V. 1999. Tochka na geograficheskoj karte Luganshchiny. Slavyanoserbiya [Point on the Geographic Map of Luhansk Region. Slavic Serbia]. In: *Zhizn' Luganska [Life in Lugansk]*. 11: 10.
- Girich Ya. 2018. Ivan Horvat. In: *Ukraïns'kij tizhden' [Ukrainian Week]*. № 35: 56–59 (in Ukrainian).
- Degtyarev Yu. 2005. Karta-rekonstrukciya Lomako N.N. [Reconstruction Map by Lomako N.N.]. In: *Skazanie o zemle Slavyanoserbskoj: Slavyanoserbiya, 1753–1764 [The Tale of the Slavic-Serbian Land: Slavic Serbia, 1753–1764]*. Novi Sad: 222–242.
- Dmitrienko M.F., Yas' O.V. 1994. Uroki imperskoj politiki [Lessons of Imperial Policy]. In: *Vidrodzhennya [Renaissance]*. 3: 70.
- Zdraveva M. 2005. Preseľbenici iz Makedonije v ruskom korolevstve sredinom 18 veka [Immigrants from Macedonia in the Russian Monarchy in the Middle of the 18th Century]. In: *Seoba Srba u rusko Carstvo polovinom 18 veka [Migration of Serbs to the Russian Empire in the Middle of the 18th Century]*. Novi Sad: 135–145 (in Serbian).
- Jonovski J. 2019. Solnce i lev kak simvol'y v gerald'ike i veksologii na Makedonii [The Sun and the Lion as Symbols in Macedonian Heraldry and Vexillology]. Skop'e, 144 p. (in Macedonian).
- Keppen P.I. 1891. Hronologicheskij ukazatel' materialov dlya istorii inorodcev evropejskoj Rossii [Chronological Index of Materials for the History of Foreigners in European Russia]. Saint-Petersburg., tip. AN, 510 p.
- Klassen E. 1854. Drevnejshaya istoriya Slavyan i Slavyano-Russov [The Ancient History of the Slavs and Slavic-Russians]. Moscow, 200 p.
- Kurlyan Z. 2020. Osnovateli Rossijskogo gosudarstva i imperatorskoj dinastii. Ryurikovichi – potomki Aleksandra Makedonskogo [The Founders of the Russian State and the Imperial Dynasty. The Rurikovichs are the Descendants of Alexander the Great] – Kolozheg.info. URL: <https://vk.com/kolozeginfo> [data obrashcheniya 13.08.2024]
- Lomonosov M.V. 1766. Drevnyaya rossijskaya istoriya ot nachala russkogo naroda do konchiny Velikogo Knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda [Ancient Russian History from the Beginning of the Russian People to the Death of Grand Duke Yaroslav the First or to 1054]. Saint-Petersburg, Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 140 p.
- Matkovski A. 1985. Makedonskiot polk vo Ukraina [Macedonian Regiment in Ukraine]. Skop'e, Misla, 288 p. (in Macedonian).
- Pishcheviĥ S. 1963. Memoari [Memoirs]. Beograd, Kultura, 296 p. (in Serbian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1752 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire Since 1752]. 1893. Sobranie 3. Tom 13. Saint-Petersburg, Gos. tip., 1365 p.
- Pomoshch' Makedonii rossijskomu narodu v Donbasse, maj 2022 g. [Macedonia's aid to the Russian People in Donbass, May 2022]. URL: <https://life.ru/p/1478607> [data obrashcheniya 13.08.2024].
- Savel'ev E. 1915. Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient History of the Cossacks]. Novocherkassk, Donskoj pechatnik, 56 p.
- Savel'ev-Rostislavich N.V. 1845. Slavyanskij sbornik [Slavic Collection]. Tom CCXXXIX. Saint-Petersburg, izdanie K. Vingebera, 304 p.
- Sbornik statisticheskikh dannyh po Ekaterinoslavskoj gubernii [Collection of Statistical Data on the Yekaterinoslav Province]. 1886. Vyp. 3, Slavyanoserbskij uezd [Slavyanoserbsk District]. Ekaterinoslav, 442 p.
- Stanojoski Z. 2020. Makedonskij polk gusarov v Rossijskoj imperii [Macedonian Hussar Regiment in the Russian Empire]. In: *Mezhdunarodnyj Forum Evrazijskaya Makedoniya [International Forum Eurasian Macedonia]*. Skop'e: 12–21.
- Stojanoski M. 2001. Stojan Vezenkov (1808–1897) majstor-dzidar, borec za osloboduvaĥe na Makedonija vo vtorata polovina na 19ti vek [Stojan Vezenkov (1808–1897) Master-Dzidar, Fighter for Liberation in Macedonia in the Second Half of the 19th Century]. Skop'e, Makedonsko nauĥno društvo, 362 p. (in Macedonian).
- Cvyk A.V., Kurylev K.P. 2020. Ideya «Bol'shoj Evropy» vo vneshnej politike Rossii: istoriya i sovremennost' [The Idea of "Greater Europe" in Russian Foreign Policy: History and Modernity]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]*. T. 19. 2: 438–447.
- Ceroviĥ L. 2002. Serbi v Ukraini [Serbs in Ukraine]. Novi Sad, Prometej, 333 p. (in Serbian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.09.2024
Поступила после рецензирования 23.11.2024
Принята к публикации 27.11.2024

Received 16.09.2024
Revised 23.11.2024
Accepted 27.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шумкоски Горан, директор Международного института суверенных наук, г. Битола, Република Македония

Goran Sumkoski, Director of International Institute of Sovereign Sciences, Bitola, Macedonia

 [ORCID: 0000-0002-2912-7449](https://orcid.org/0000-0002-2912-7449)

УДК 94 (100)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-855-869

Оригинальное исследование

Восстание Джона Брауна 1859 г. в американской историографии

Шумаков А.А.

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,

Россия, 300000, г. Тула, проспект Ленина, 53

E-mail: takamori@rambler.ru

Аннотация. В данной работе речь идет об одном из самых знаковых событий в американской истории – восстании Джона Брауна 1859 г. или, как его еще называют, рейде (реже – нападении) на Харперс-Ферри. Автор ставит своей целью проследить и проанализировать динамику восприятия указанного события в американской историографии, а также выявить и объяснить причины соответствующих изменений. В ходе исследования он приходит к выводу, что традицию изучения вооруженного выступления 1859 г., равно как и всего наследия Джона Брауна, уместно разделить на три этапа, каждый из которых связан с важнейшими социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в США в указанные исторические периоды. На первом (1859–1877) – происходит масштабная героизация фигуры радикального аболициониста, что продиктовано в первую очередь необходимостью создания новой национальной мифологии во время и после окончания Гражданской войны 1861–1865 г. Второй этап (1877–1965) характеризуется попытками критически переосмыслить значение событий 1859 г. и роли Джона Брауна в американской истории, отойдя от бесконечных восхвалений. Данное изменение было вызвано курсом на национальное примирение и преодоление последствий гражданской войны. В указанный период оформляются две разнонаправленные концепции в восприятии и оценке восстания и наследия радикального аболициониста в американской историографии: первая – положительная, вторая – критическая или отрицательная. На третьем (заключительном) этапе, связанном с подъемом социального движения и в особенности движения за права афроамериканцев, происходит очередной пересмотр отношения к событиям 1859 г. и фигуре Джона Брауна, которые теперь стали рассматриваться в основном в контексте борьбы за гражданские права. В работе используются описательный, сравнительно-исторический, ретроспективный и каузальный методы исторического исследования.

Ключевые слова: восстание Джона Брауна, нападение на Харперс-Ферри 1859 г., рабство, аболиционизм, Джон Браун, Роберт Эдвард Ли, американская историография, афроамериканская история (Black History)

Для цитирования: Шумаков А.А. 2024. Восстание Джона Брауна 1859 г. в американской историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 855–869. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-855-869.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

John Brown's Rebellion of 1859 in American Historiography

Andrey A. Shumakov

Plekhanov Russian University of Economics in Tula,

53 Lenin Ave., Tula 300000, Russia

E-mail: takamori@rambler.ru

Abstract. This work is focused on one of the most significant events in American history – the John Brown Uprising of 1859, also known as the Raid on Harper's Ferry. The author aims to trace and analyze the dynamics of perception of this event in American historiography, as well as to identify the causes

© Шумаков А.А., 2024

of the corresponding changes. The research shows that the tradition of studying the 1859 uprising and the entire John Brown's legacy should be divided into three stages, each of them connected with important socio-economic and political transformations in the United States and the world. At the first stage (1859–1877), there is a large-scale glorification of the figure of the radical preacher and his legacy, stemming from the need to create a new national mythology during and after the end of the Civil War. The second stage (1877–1965) is associated with attempts to critically rethink the significance of the 1859 events and John Brown's role in American history, moving away from the eulogies. This change was caused by the course towards national reconciliation and overcoming the consequences of the Civil War. During this period, two divergent trends were formed in the perception and assessment of the uprising and the legacy of the radical preacher in American historiography: the first one was positive, the second was negative. At the third stage which is associated with the rise of the social movement and in particular, the movement for the rights of African Americans, there is another revision of the attitude towards the uprising and the figure of John Brown. They are considered in the context of the struggle for civil rights. The work uses descriptive, comparative historical, retrospective and causal methods of historical research.

Keywords: John Brown's Rebellion, the Harpers Ferry Raid of 1859, slavery, abolitionism, John Brown, Robert Edward Lee, American historiography, African American History (Black History)

For citation: Shumakov A.A. 2024. John Brown's Rebellion of 1859 in American Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 855–869 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-855-869.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Несмотря на скромные масштабы и малую продолжительность (чуть больше суток), данное событие с полным основанием можно назвать поворотным моментом в истории США. По своим последствиям оно превзошло даже печально известную террористическую атаку 11 сентября 2001 г., послужив прологом к самому разрушительному конфликту в истории страны – Гражданской войне 1861–1865 г., унесшей жизни более 600 тыс. американцев¹⁷.

Фабула события такова. Вечером 16 октября 1859 г. группа из 22 человек под командованием известного аболициониста и евангелистского проповедника **Джона Брауна** захватила федеральный оружейный склад в Харперс-Ферри, штат Вирджиния, взяв в заложники более 60 местных жителей. После подхода ополченцев и стягивания военных подразделений из соседних городов правительственными силами удалось локализовать очаг сопротивления. Попытки переговоров с обеих сторон успехом не увенчались. Утром 18 октября полковник **Роберт Эдвард Ли**, руководивший подавлением мятежа, отдал приказ о начале штурма, который завершился спустя несколько минут взятием машинного зала¹⁸ – «последнего бастиона» бунтовщиков. Всего в ходе этого «сражения» десять налетчиков были убиты или смертельно ранены, семь (включая командира) – взяты в плен, пятерым удалось бежать. Затем начался один из самых громких судебных процессов в истории США. Лидер группы капитан¹⁹ Джон Браун публично заявил, что не раскаивается в содеянном и что единственной целью устроенного им нападения являлось разжигание всеобщего восстания, направленного на освобождение рабов. Несмотря на существенную общественную поддержку и сочувствие со стороны многих известных представителей американской интеллигенции, суд

¹⁷ Для сравнения: потери США в ходе Первой мировой войны составили св. 117 тыс. человек, в ходе Второй мировой войны – св. 418 тыс. человек.

¹⁸ Впоследствии это строение получит название «Форт Джона Брауна».

¹⁹ Джон Браун никогда не служил в ополчении. Во время войны 1812–1814 г. отец отправил его вместо себя гуртовщиком в действующую армию. Однако никакого официального звания Браун никогда не носил. Тем не менее после того как в 1855 г. в Канзасе он начал командовать небольшим отрядом, его повсеместно стали именовать «капитаном». Эта традиция прочно утвердилась в американской, а затем и мировой историографии.

признал аболициониста виновным в государственной измене и приговорил к смертной казни. 2 декабря 1859 г. приговор был приведен в исполнение.

Однако история Джона Брауна на этом не заканчивается. Вскоре она получит «неожиданное» продолжение. Слава о бескорыстном проповеднике-идеалисте и его отчаянной попытке освобождения рабов довольно быстро разнеслась по всей стране и вышла далеко за пределы США, сделав «Старого» Джона Брауна главной иконой аболиционистского, а отчасти и революционного движения. К примеру, *Карл Маркс* в письме *Фридриху Энгельсу* в январе 1860 г. писал: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время – это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, а с другой – движение рабов в России» [Маркс, 1963, с. 4]. 2 декабря 1859 г. французский писатель *Виктор Гюго* в своем «Обращении к Соединенным Штатам» назвал готовящуюся казнь «освободителя и воина Христова» – непоправимой ошибкой, которая может привести к распаду Союза [Гюго, 1956, с. 341–344]. В Российской Империи первым о нападении на Харперс-Ферри заговорил революционный публицист *Николай Гаврилович Чернышевский*. Еще в ноябре 1859 г. в журнале «Современник» он опубликовал статью «Европейские дела. Североамериканские Штаты и Браун» [Чернышевский, 1949, с. 448–454], где отметил особую значимость героического восстания в Вирджинии, которое фактически знаменовало собой скорое наступление переломного момента в борьбе с рабством.

Объект и методы исследования

После смерти Джона Брауна нападение на Харперс-Ферри стало рассматриваться как событие, которое наглядно продемонстрировало глубокий раскол в американском обществе и неизбежность надвигающегося гражданского конфликта. Мнение это настолько прочно утвердилось в западной историографии, что сегодня его можно встретить едва ли не в каждой научной или даже публицистической работе, посвященной указанной проблематике. К слову, российская научно-исследовательская традиция демонстрирует в целом схожую картину восприятия указанных событий. Подавляющее большинство отечественных исследователей рассматривают восстание 1859 г. и деятельность отряда Брауна в Канзасе в качестве ключевых предпосылок Гражданской войны в США. Из последних работ, к примеру, можно выделить статьи К.О. Русиной [Русина, 2020, с. 536–539], Е.С. Бадулиной [Бадулина, 2016, с. 64–68], А.В. Тайгильдина [Тайгильдин, 2018, с. 35–47].

В то же самое время указанное обстоятельство обусловило чрезвычайную сложность в проведении объективного анализа указанного события, равно как и основных вех биографии Джона Брауна. Проблема заключается в том, что его история давно стала неотъемлемой частью национальной американской мифологии и одновременно важнейшим элементом (если хотите – свидетельством) политико-идеологической поляризации американского общества. Подобную дихотомию восприятия можно наблюдать и по сей день. Для одних Джон Браун по-прежнему остается совестью нации, героем, положившим свою жизнь и жизнь своих сыновей на алтарь борьбы с рабством, для других – преступником, безумцем или религиозным фанатиком, устроившим бессмысленное кровопролитие и в конечном счете способствовавшим развязыванию гражданской войны.

Таким образом, любые научные изыскания в указанном направлении сталкиваются с серьезной проблемой, связанной с вторичностью любого фактического анализа, который неизменно уступает место вопросам интерпретации и вынесения оценки по поводу исторического значения указанной фигуры и ее наследия. Подобный подход неизбежно создает почву для разночтений и непримиримых противоречий. Кроме того, не стоит забывать, что каждый исследователь пытается еще и адаптировать историю Джона Брауна к современным ему реалиям, вписав ее в определенный социально-политический контекст. Последним, собственно, и объясняется феномен необычайной популярности радикального аболициониста в наше время. Сменяются эпохи, а история «Старого» Джона Брауна и одноименного

восстания не теряет своей актуальности, по-прежнему приковывая внимание исследователей, журналистов и простых обывателей по всему миру.

Данная работа преследует своей целью не просто представить обзор истории изучения восстания Джона Брауна, а проследить динамику восприятия указанного события в американской академической традиции и разобраться в причинах изменений. Стоит отметить, что в последний раз попытка масштабного исследования в этом направлении в отечественной историографии предпринималась в 1960 г. доктором исторических наук СССР *Марией Николоаевной Захаровой* в статье «Восстание Джона Брауна и американская буржуазная историография» [Захарова, 1960], опубликованной в журнале «Новая и новейшая история». Однако на данный момент многие выводы той работы можно назвать «морально устаревшими» или, по крайней мере, требующими серьезной актуализации.

Результаты и их обсуждения

Военная и послевоенная историография (1860–1877)

Масштабная героизация фигуры Джона Брауна началась сразу после его казни. Первой знаковой работой о легендарном повстанце-освободителе стала книга американского журналиста и аболициониста *Джеймса Редпата* «Общественная жизнь капитана Джона Брауна», вышедшая в 1860 г. [Redpath, 1860]. В ней рисуется образ непреклонного и бескомпромиссного борца за свободу. Стоит отметить, что сразу после выхода данной работы на Редпата обрушились потоки критики как со стороны сторонников сохранения рабства, так и со стороны аболиционистов. Например, в марте того же года в газете *The Atlantic* вышла рецензия известного американского ученого *Чарльза Элиота Нортон*, которая начиналась со слов: «Было бы хорошо, если бы эта книга никогда не была написана» [Eliot, 1860]. В ней Редпат обвинялся в поверхностном подходе и игнорировании сохранившихся письменных источников, таких как письма Джона Брауна, многие из которых, к слову, к тому моменту уже были опубликованы. Так, например, в том же 1860 году вышла книга *Томаса Дрю* «Подлинная история трагедии Харперс-Ферри» [Drew, 1860], где воспроизводилась сама фабула восстания 1859 г. и приводились основные документы, включая газетные публикации, материалы судебного производства, а также интервью и письма лидера восстания.

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что в работе Редпата все же присутствуют объемные цитаты и выдержки из документов. Некоторые, например, «Временная конституция и постановления для народа Соединенных Штатов», и вовсе приводятся в полном объеме [Redpath, 1860, р. 234–236]. Автор категорически отвергает доводы о безумии ее составителя, столь популярные в американской прессе того времени, отмечая логичность и последовательность озвученных тезисов [Redpath, 1860, р. 236]. Кроме того, Редпат пытается критически подходить к цитированию содержания ряда приводимых источников.

При этом, конечно, нельзя не отметить навязчивые попытки американского аболициониста представить Джона Брауна таким образом благоразумия, а его план – детально продуманным и практически безупречным. Итоговый же провал рейда на Харперс-Ферри Редпат связывает с неподходящими погодными условиями и переносом даты выступления [Redpath, 1860, р. 243–244]. Впрочем, даже его автор также называет «*благоразумным, хотя и неудачным в конечном счете решением*», подозревая в предательстве одного из повстанцев [Redpath, 1860, р. 243]. Примечательно, что, помимо всего прочего, Редпат ссылается на личную беседу с неким неназванным участником нападения на Харперс-Ферри. Это позволяет ему озвучить некоторые объяснения произошедшего. Так, отмечая фатальность задержки с отходом в горы, американский автор настаивает, что причиной промедления являлись опасения за судьбу заложников и надежда на присоединение к восстанию местного негритянского населения [Redpath, 1860, р. 251].

Еще одной целью американского аболициониста было развенчание мифа об иступленном религиозном фанатизме Джона Брауна как основной причине вооруженного выступления. Однако успешно справившись с этой задачей, Редпат впадает в другую крайность, когда пытается обосновать рациональным подходом и тонким расчетом буквально любое действие или решение лидера восстания. Впрочем, как бы то ни было, при всей своей спорности и тенденциозности именно указанная работа пробудила академический интерес к событиям 1859 г., положив начало научному изучению наследия Джона Брауна.

С началом гражданской войны в США история рейда на Харперс-Ферри получает еще большую популярность, превратившись де-факто в один из главных мифов как Севера, так и Юга. Песня «Тело Джона Брауна» становится неофициальным гимном армии Союза, а его могила – местом массового паломничества. В то же время на Юге имя радикального проповедника становится воплощением всего наихудшего. В прессе КША Брауна называли не иначе как преступником, конокрадом, сумасшедшим, одержимым фанатиком, готовившимся устроить «самую массовую резню» белого населения в истории США, и, конечно же, одним из главных разжигателей гражданской войны. При этом, по понятным причинам, несмотря на повышенное внимание к указанной персоне, серьезных исследований событий в Харперс-Ферри на Юге с 1861 по 1865 не выходило.

После победы Севера и прихода к власти фракции радикальных республиканцев за белым аболиционистом на некоторое время закрепляется статус национального героя. Это приводит к еще большему всплеску интереса к его персоне и истории восстания. После 1865 г. выходит огромное количество публикаций, включая материалы самого Брауна и его сторонников. Особого внимания здесь заслуживают работы англичанина *Ричарда Уэбба* [Webb, 1861] и американцев *Осборна Перри Андерсона* [Anderson, 1861] и *Франклина Бенджамина Сэнборна* [Sanborn, 1885]. Все трое являлись убежденными аболиционистами, а последние два еще и ближайшими соратниками Джона Брауна. Андерсон входил в число «рейдеров», совершивших налет на Харперс-Ферри, а Сэнборн – в «секретную шестерку», группу, непосредственно спонсировавшую данную операцию. Неудивительно, что все три автора были движимы желанием сохранить наследие Джона Брауна и память об этом выдающемся человеке. В своих работах они рисуют все тот же легко узнаваемый образ бесстрашного и бескорыстного борца за дело освобождения, принявшего мученическую смерть за свои убеждения. Впрочем, стоит отметить, что история жизни и свершений Брауна изложена всеми тремя весьма поверхностно. Да и вообще, данные книги уместнее отнести к источникам, а не исследованиям в привычном понимании. Хотя работа Сэнборна, безусловно, заслуживает самой высокой оценки, т. к. вводит в оборот огромное количество документов, так или иначе проливающих свет на историю Джона Брауна.

Историография эпохи Джима Кроу (1877–1965)

После окончания периода Реконструкции Юга и наступления т. н. эпохи Джима Кроу Джон Браун теряет ореол святого мученика и непревзойденного гения, превращаясь в обычного человека, которому свойственны ошибки и заблуждения. Меняется и отношение к его наследию.

Первым проявлением указанной тенденции стало объемное эссе знаменитого американско-немецкого историка, доктора *Германа Эдуарда фон Хольста* [Von Holst, 1889], вышедшее в 1889 г. В нем он доказывает, что захват арсенала в Харперс-Ферри имел своей целью в первую очередь разжигание массового восстания рабов, а его организатор руководствовался исключительно идеалистическими мотивами. И в то же время профессор Хольст приходит к парадоксальному выводу, что рейд Джона Брауна нанес больше вреда делу освобождения и афроамериканскому населению, которых «было бы еще больше, если бы план проповедника сработал» [Von Holst, 1889, p. 127].

План Брауна, по мнению Хольста, не сработал во многом потому, что тот сам отказался от его реализации в самый критический момент, не выдержав душевных терзаний и груза ответственности. *«Непреодолимый порыв, побудивший его, наконец, осуществить дело всей жизни, не позволил вовремя воспользоваться этой силой. Как только Браун перешел Рубикон, его в высшей степени практический инстинкт – хотя, возможно, он этого и не осознавал, – заявил о себе в полной мере, парализовав его руку. У него возникло предчувствие того, что в конечном итоге он пустил свою лодку без руля и компаса по неизведанному океану, что в основе его плана лежит внутреннее противоречие, которое рано или поздно неизбежно приведет к его провалу»*, – писал американский профессор [Von Holst, 1889, p. 130].

В 1894 выходит работа писателя **Ричарда Джозайи Хинтона** «Джон Браун и его люди; с некоторым описанием дорог, по которым они добирались до Харперс-Ферри» [Hinton, 1894]. Данный автор существенно расширил источниковую базу по сравнению с работой Редпата и Сэнборна, но вместе с тем привнес в свое повествование огромное количество явно вымышленных художественных деталей, касающихся быта и отношений повстанцев. Помимо этого, часть рассказа строится на некритическом воспроизводстве ряда свидетельств и газетных публикаций того времени.

Стоит отметить, что в работе Хинтона Браун также представлен уже не воплощением благоразумия и решительности, а обычным человеком – идеалистом, совершающим трагические ошибки и не всегда соизмеряющим свои возможности и стремления. В частности, американский аболиционист отмечает, что основной причиной провала рейда на Харперс-Ферри являлась неспособность командующего отрядом в решающий момент проявить жесткость и отдать приказ об отступлении в горы. *«В своем стремлении доказать, что эти действия направлены не против закона и на разрушение, а лишь на благо, справедливость и высокие цели, он временно упустил из виду логику выбранного метода. Как раз в это время задача освободителей состояла в том, чтобы выбраться из Харперс-Ферри в горный район неподалеку, оставляя виргинцев, заключенных и обычных граждан самим решать, как им будет лучше, независимо от того, были ли нападавшие флибустьерами или борцами за свободу»*, – писал Хинтон [Hinton, 1894, p. 296]. Причем автор тут же объяснил данную «ошибку» ухудшившимся самочувствием Джона Брауна, которое оказало *«некоторое временное влияние на его интеллектуальные способности»* [Hinton, 1894, p. 297].

Подобную интерпретацию событий 1859 г. можно видеть и в биографических трудах **Джозефа Эдгара Чемберлена** [Chamberlin, 1899], **Уильяма Элси Коннелли** [Connelley, 1900] и **Джона Ньютона** [Newton, 1902]. Все три работы объединяет то, что их авторы попытались отойти от ранних панегириков и сделать акцент на изложении «голых» фактов. Тем не менее все они, несомненно, относятся с симпатией к делу Брауна. К примеру, Ньютон называет свое повествование *«правдой, рассказанной с любовью»* [Newton, 1902, p. V]. Наиболее глубоким из перечисленных исследований выглядит работа Коннелли, в которой делается попытка не просто изложить факты, но и переосмыслить значение фигуры главного повстанца и рейда на Харперс-Ферри. В ходе своих научных изысканий автор приходит к выводу, что основная цель Брауна заключалась в возвращении страны к идеалам отцов-основателей, и в этом отношении он *«настолько опередил свое время, что потребовалась Гражданская война, чтобы показать нам, что он был прав, и раскрыть миру божественную высоту справедливости, человечности и свободы»* [Connelley, 1900, p. 10–11]. Что касается работы журналиста Чемберлена, то он изначально не ставил перед собой серьезных академических задач, а вместо этого попытался обобщить все имеющиеся сведения и изложить историю Джона Брауна *«просто, кратко и максимально беспристрастно»* [Chamberlin, 1899, p. IX–X].

В 1909 г. вышла еще одна большая биография Джона Брауна. Ее автором стал один из самых выдающихся представителей движения за права афроамериканцев, основатель Наци-

ональной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НААСР), историк, социолог и писатель **Уильям Эдвард Бурхардт Дюбуа**. Его работа о Джоне Брауне [Du Bois, 1909] буквально переполнена мессианскими мотивами и восхвалением подвига героев Харперс-Ферри. При этом, в отличие от своих предшественников, Дюбуа не ставил основной целью своего исследования скрупулезную реконструкцию событий 1859 г. и биографии радикального аболициониста, а скорее пытался подчеркнуть значимость его фигуры и самого восстания, которое вписал в контекст собственной panaфриканистской концепции и афроамериканской истории в целом. Именно поэтому автор начинает свое повествование с главы под названием «Африка и Америка» [Du Bois, 1909, p. 1–4].

В том же ключе Дюбуа определяет и основную причину выбора объекта нападения, т. к. Харперс-Ферри находится в центре и был *«самым безопасным и естественным выходом на Великий черный путь»* [Du Bois, 1909, p. 116]. Автор ставит под сомнение утверждение некоторых своих предшественников о том, что Браун планировал отступить после захвата арсенала за реку Потомак, называя его абсурдным. *«Этот рейд не был вылазкой с гор, которая провалилась из-за того, что им был отрезан путь к отступлению. Напротив, это была вылазка в горы, по ходу которой были захвачены деревня и арсенал. А поражение она потерпела, очевидно, из-за того, что эшелон с оружием и боеприпасами не смог присоединиться к авангарду»*, – писал Дюбуа [Du Bois, 1909, p. 119].

Любопытно, что спустя год ближайший сподвижник Дюбуа, американский журналист **Освальд Гаррисон Виллард** выпустит огромный труд, посвященный жизнеописанию легендарного аболициониста, который затмит работу именитого предшественника. В своем исследовании «Джон Браун 1800–1859: биография 50 лет спустя» [Villard, 1910] он попробовал обобщить все имеющиеся сведения, заявив в предисловии, что данное исследование носит исключительно объективный характер, а именно – *«свободно от предвзятости, ошибок вкуса и фактов простых панегиристов и слепого предубеждения»* [Villard, 1910, p. VII].

Стоит отметить, что Виллард, опираясь на широкую источниковую базу, действительно довольно подробно реконструировал не только биографию Джона Брауна, но и Вирджинские события 1859 г. В отличие от своих предшественников, он пришел к прямо противоположному выводу об отсутствии у повстанцев четкого плана действий. В частности, в подтверждение своей гипотезы отметил, что Браун даже не сообщил своим людям о времени и пути отступления в горы [Villard, 1910, p. 427], да и сам объект нападения, по мнению автора, был выбран крайне неудачно. Харперс-Ферри представлял собой *«светлый, зажиточный и счастливый город»*, а рабское население по большей части представляло собой домашних слуг, *«меньше всего стремившихся к свободе»* [Villard, 1910, p. 427–428]. Но главным просчетом повстанцев, по мнению Вилларда, стало необъяснимое промедление капитана Брауна в Харперс-Ферри [Villard, 1910, p. 438]. И тем не менее американский историк в целом характеризует деятельность аболициониста весьма положительно.

Принципиально иной портрет лидера восстания можно видеть в работе **Хилла Пиблса Уилсона** с говорящим названием «Джон Браун, солдат удачи: критика» [Wilson, 1913]. Данный труд строится в основном на оппонировании Вилларду и его исследованию, которое автор называет *«вводящим в заблуждение и местами бесполезным»* [Wilson, 1913, p. 24].

В первых же строках историк заявляет, что целью его изысканий является развенчание мифов о Джоне Брауне как альтруисте и мученике [Wilson, 1913, p. 17]. В трактовке Уилсона, последний никогда не стремился к освобождению рабов, а попросту пытался спровоцировать массовое восстание с целью захвата власти в Южных штатах, которая должна была перейти в руки «временного правительства» [Wilson, 1913, p. 23]. Причем, по мнению автора, Браун надеялся на помощь аболиционистов Севера, соседних штатов, а возможно, и на прямое иностранное вмешательство. Основным же тезисом Уилсона в деконструкции «мифа о бескорыстном проповеднике» являлось утверждение о том, что ключевым вопросом для Брауна всегда был вопрос оплаты [Wilson, 1913, p. 123], в то время как сам он, по сути, оставался обычным наемником.

Но все же самым смелым предположением американского историка было категоричное отрицание представления о нападении на Харперс-Ферри как о неудачном рейде, сорвавшемся из-за необъяснимого промедления лидера мятежников, погодных условий, предательства и прочего. Уилсон довольно аргументированно доказывает, что Браун и «его банда» изначально не планировали никакого отступления в горы. Вместо этого они должны были удерживать город, сделав его центром восстания и основной базой снабжения [Wilson, 1913, p. 337]. Именно поэтому капитан не сообщил своим людям о маршруте и времени отступления, чему в свое время так удивлялся Виллард.

Примечательно, что сам Уилсон, несмотря на свою критическую позицию, не считал данный план непродуманным или нереализуемым. Напротив, по мнению американского историка, ему предшествовала длительная работа с местным населением и многочисленными сторонниками на Севере. Однако Уилсон утверждает, что план Брауна в случае своего осуществления сделал бы неизбежной массовую резню белого населения, а также – начало сепаратных переговоров с иностранными державами [Wilson, 1913, p. 347].

Еще одна попытка обращения к фигуре Джона Брауна и восстанию 1859 г. была принята американским писателем-социалистом и издателем *Эмануэлем Холдemanом-Джулиусом*. В 1925 г. выходит его брошюра «Джон Браун – факты его жизни и мученичества» [Haldeman-Julius, 1925]. Уже из названия становится ясно, что речь идет об очередном панегирике командиру повстанческого отряда, чего, собственно, автор и не скрывал, отмечая, что в данном случае установление реальных фактов уже не имеет значения, т. к. масштаб личности и свершений Джона Брауна сделали его фигурой легендарной. Уже в самом начале своей книги Холдeman-Джулиус пишет: *«И каким бы реальным он ни был, совершенно реальным, он стал фигурой легендарной, обладающей силой, бесконечно большей, чем сила реальности»* [Haldeman-Julius, 1925, p. 5]. При этом, являясь убежденным социалистом, Холдeman-Джулиус попытается создать образ пламенного революционера-мечтателя, буквально одержимого идеей восстания широких народных масс и, к сожалению, не понятого даже своими ближайшими сподвижниками. *«Только Джон Браун из всех тех, кто помогал ему, и тех, кто молча шагал рядом с ним до конца, имел детскую веру в успех заговора, – писал американский публицист. – Ни один из двадцати одного соратника Джона Брауна не верил вместе с ним, что они вступают в триумфальный крестовый поход. Они шли на смерть и знали это»*. Автор констатирует отсутствие четкого плана действий у повстанцев и непонимание ими конечной цели своего предприятия [Haldeman-Julius, 1925, p. 41, 43, 44].

В 1929 году выходит еще одна критическая работа, посвященная деконструкции «легендарной» биографии Джона Брауна [Warren, 1929]. Ее автором стал известный американский писатель и поэт, будущий лауреат Пулитцеровской премии *Роберт Пенн Уоррен*. В его книге «Джон Браун: превращение в мученика» представлена весьма схожая с работой Х.П. Уилсона трактовка событий. Вот только в отличие от своего предшественника Уоррен почти не утруждает себя приведением доказательств, как правило, ограничиваясь лишь голословными утверждениями. В его изложении речь идет об алчном и честолюбивом преступнике, прикрывавшемся высокими идеалами борьбы с рабством и чуть было не погрузившим американский Юг в кровавый хаос. Единственным положительным качеством Джона Брауна, по мнению Уоррена, являлась его безграничная храбрость.

Гораздо более жесткую и аргументированную критику в адрес аболициониста и его сподвижников можно видеть в работе 1942 г. «Джон Браун и легенда 56» [Malin, 1942] профессора истории Университета в Канзасе *Джеймса Клода Малина*. Последний воспроизводит многое из аргументации Уилсона и Уоррена, значительно усиливая их. Например, в упомянутой работе Малин писал о Брауне: *«Нет необходимости предполагать, что он вообще вынашивал какой-либо план отмены рабства»* [Malin, 1942, p. 757]. Профессор пошел еще дальше своих предшественников, утверждая, что Браун и его сподвижники оставались, по

сути, расистами, т. к. в их планы не входило полное освобождение и снятие всех дискриминационных ограничений, а лишь приход к власти в новом свободном штате [Malin, 1942, p. 513]. При этом Малин раз за разом использует один и тот же прием, отказываясь принимать во внимание слова Брауна – будь то письма, интервью или воспоминания сподвижников, – на основании того, что тот являлся «вором и мошенником», а значит, преследовал целью лишь реабилитацию собственной персоны и придания ей некоего романтического ореола.

В 1959 г., к сотой годовщине восстания, выходит книга американского писателя *Джозефа Чемберлена Фурнаса* «Дорога к Харперс-Ферри» [Furnas, 1959]. В ней автор делает попытку создания психологического портрета Джона Брауна, пытаясь разобраться в мотивах его поступков. В ходе своих изысканий Фурнас приходит к выводу, что основными побудительными факторами для радикального аболициониста были одержимость и мания величия [Furnas, 1959, p. 19–20]. Американский писатель даже предположил наличие психического расстройства у Брауна и его сыновей.

В том же году под редакцией профессора истории Массачусетского университета *Луиса Рачмейса* выходит очередной сборник материалов, посвященных биографии Джона Брауна и непосредственно восстанию 1859 г. [Ruchmaes, 1959]. В краткой биографической справке составитель определяет основным мотивом выступления захват арсенала Харперс-Ферри с целью последующей раздачи оружия рабам, а главным просчетом – «задержку без необходимости» [Ruchmaes, 1959, p. 28]. При этом Рачмейс в духе ранних исследований категорически отменяет предположения о сумасшествии Джона Брауна.

Современная историография (1965 – наши дни)

В 1960-х на фоне подъема движения за права негритянского населения фигура воинствующего американского проповедника вновь оказалась на пике популярности. К его наследию обращались практически все выдающиеся представители афроамериканской общественной мысли того времени. К примеру, известный своими крайними расистскими взглядами *Малкольм Икс*, отвечая на вопрос: «*Может ли кто-то из белых присоединиться к созданной вами Организации афроамериканского единства?*», заявлял: «*Если бы Джон Браун был жив, возможно, он*» [Malcolm X, 1965]. Разумеется, очередной всплеск интереса к персоне известного повстанца повлек за собой появление новых исследований на эту тему.

Пожалуй, самым значимым из них стала работа профессора истории Массачусетского университета в Амхерсте *Стивена Уэтса* «Очистить эту землю кровью: биография Джона Брауна» [Oates, 1972], вышедшая в 1972 г. Как и большинство предшественников, автор заявляет целью исследования глубокий и беспристрастный взгляд на «*одну из самых противоречивых фигур в американской истории*» [Oates, 1972, p. VII].

Анализируя мотивы выбора места восстания, Уэтс отмечает особую роль демографического и географического факторов [Oates, 1972, p. 274]. При этом основная ставка, по мнению автора, Брауном делалась именно на внезапность рейда и последующий массовый характер восстания. После чего партизанская армия должна была проследовать в Теннесси и Алабаму [Oates, 1972, p. 278]. Сам план восстания Уэтс описывал следующим образом: «*Позже тем же утром Браун объяснил новобранцам свои боевые планы, отметив, что они забаррикадируют два моста, ведущие к Харперс-Ферри, захватят федеральный оружейный комплекс и арсенал, а также будут использовать заложников для переговоров с любыми ополченцами, которые нападут на них. Поскольку в Харперс-Ферри не было размещено никаких федеральных войск, он думал, что у него будет достаточно времени, чтобы собрать оружие, напугать город, дожидаться, пока к нему присоединятся подкрепления рабов из Вирджинии, а затем отправиться в горы*» [Oates, 1972, p. 288]. Причиной же поражения, по мнению американского автора, стала недооценка скорости самоорганизации местных фермеров и ополчения. «*Скорость, с которой мобилизовалась сельская местность, застала Брауна врасплох; растерявшись, он не знал, что делать*», – писал Уэтс

[Oates, 1972, p. 293]. В то время как степень самоорганизации рабов оказалась явно недостаточной. Никакого массового восстания, на которое так рассчитывал американский аболиционист, не последовало. Уэкс явно иронизирует по поводу подобных ожиданий, считая их изначально завышенными и не имеющими под собой оснований, но при этом допускает сознательное желание Брауна стать мучеником.

Схожий взгляд на историю Джона Брауна можно видеть в работах *Жюля Абеля* [Abels, 1971], *Ричарда Оуэна Боера* [Boyer, 1973], *Джона Энтони Скотта*, *Роберта Алана Скотта* [Scott, 1988] и *Стеена Кохена* [Cohen, 1999]. Однако все они носят вторичный характер по отношению к работе Уэтса. Отдельного упоминания заслуживают работы *Джисина Либби*: «Черные голоса из Харперс-Ферри: Осборн Андерсон и рейд Джона Брауна» [Libby, 1979] и «Тайны Джона Брауна» [Libby, 1999], в которых автор попытался развенчать миф о том, что местное негритянское население не поддерживало идею восстания. Оба труда опираются на упомянутую выше книгу Осборна Андерсона, первый вообще представляет собой ее фактическое переиздание с небольшими дополнениями и комментариями.

Практически идентичную повествованию Уэтса картину описания и трактовки основных событий 1859 г. можно видеть в научно-популярной работе профессора Техасского университета в Остине *Эвана Картона* «Патриотическая измена: Джон Браун и душа Америки» [Carton, 2006], вышедшей в 2006 г. Причем сам автор не скрывает этой «преемственности». Так, по ходу повествования он многократно цитирует работу своего предшественника, даже в той части, когда речь идет об источниках. В заключении Картон делает весьма интересный, хотя и крайне спорный вывод о том, что «*академические историки середины и конца XX века были враждебно настроены по отношению к Джону Брауну*» [Carton, 2006, p. 374].

Годом ранее в свет вышла книга *Дэвида С. Рейнолдса* «Джон Браун, аболиционист: человек, который уничтожил рабство, развязал гражданскую войну и посеял гражданские права» [Reynolds, 2005]. Она представляла собой масштабную попытку объективного анализа биографии воинствующего аболициониста. Причем автор делал типичный акцент на оценке влияния Джона Брауна на американскую историю и развенчании основных заблуждений касательно его персоны. Он высоко оценивает работы О.Г. Вилларда и С.Б. Уэтса, но при этом отмечает явную ангажированность остальных исследований [Reynolds, 2005, p. 19]. Трактовка Рейнолдса в целом совпадает с упомянутыми авторами. В частности, он категорически отрицает «сумасшествие» Джона Брауна, находя его мотивы благородными, но при этом считает действия капитана чрезмерными, а где-то даже (как в случае с «резней в Паттаватомии» в мае 1856 г.) – преступными.

Главная же ошибка Брауна, по мнению Рейнолдса, заключалась в явной переоценке «*способности белых подняться над расизмом и в готовности черных поднять вооруженное восстание против своих хозяев*» [Reynolds, 2005, p. 20]. Последнее было следствием недостаточности проведенных разведывательных и агитационных мероприятий. К примеру, американский автор отмечает то, что в Харперс-Ферри проживало всего 88 рабов [Reynolds, 2005, p. 393]. Кроме того, Рейнолдс озвучивает достаточно сомнительный тезис, что причиной отсутствия поддержки от местных рабов являлось недоверие к белым, которые ассоциировались с угнетателями, а не с освободителями. Автор открытым текстом заявляет: если бы во главе восстания стоял харизматичный черный лидер, то шансы на осуществление подобного плана были бы заметно выше [Reynolds, 2005, p. 404].

В 2011 г. выходит работа американского журналиста, лауреата Пулитцеровской премии *Тони Хорвица* «Полуночный восход: Джон Браун и рейд, вызвавший Гражданскую войну» [Horwitz, 2011]. Последнюю, несмотря на опору на внушительную источниковую базу и подробную реконструкцию событий, уместнее отнести к публицистике, т. к. она содержит множество художественных деталей и больше напоминает документальный роман, а не академическое исследование. При том, что сам Хорвиц сознательно избегает оценочных суждений, излагая лишь основной нарратив.

Последними на сегодняшний момент знаковыми попытками вписать восстание Джона Брауна в современный контекст являются монографии *Тедда Смита* [Smith, 2015] и *Чарльза Поланда* [Poland, 2020]. В обеих работах основной акцент делается на рассмотрении морально-этических аспектов восстания и некоторых фактов биографии воинствующего проповедника. Однако если Смит исследует указанную проблему чисто с философско-религиозной точки зрения, задаваясь вопросом «Допустимо ли насилие и подрыв государственного суверенитета ради достижения справедливой и богоугодной цели?», то труд Поланда представляет собой «классическое» жизнеописание Джона Брауна. Данную работу можно назвать последней на сегодняшний день большой биографией легендарного аболициониста. Поланд отмечает, что нападение на Харперс-Ферри, по замыслу Брауна, должно было вселить ужас в сердца рабовладельцев перед неизбежным началом партизанской войны [Poland, 2020, p. 73]. На этом основании историк делает вывод о том, что методы аболициониста вполне можно охарактеризовать как террористические. Причем наличие такой высокой цели, как стремление к освобождению рабов, не отменяет данного обстоятельства [Poland, 2020, p. 353]. Тем не менее Поланд отмечает особую значимость мифа о Джоне Брауне в американской истории, называя последнего «хорошим террористом».

Заключение

Таким образом, американскую историографическую традицию восстания 1859 г. можно условно разделить на три этапа.

Первый (с 1859 по 1877 г.) связан с масштабной героизацией и апологией Джона Брауна. В это время выходят работы сторонников и горячих почитателей радикального аболициониста, таких как Д. Редпат, Т. Дрю, Р. Уэбб, О.П. Андерсон, Ф.Б. Сэнборн. Все они не носят критического характера и превозносят подвиг «героя Харперс-Ферри», преследуя целью сохранение его наследия, тем самым формируя источниковую базу. Именно в этот период создается романтизированный образ самого Джона Брауна как главного мученика аболиционистского движения, непризнанного гения и бескорыстного борца за свободу. В годы гражданской войны эта тенденция лишь усиливается. Миф о мученике Джоне Брауне становится основополагающим на Севере. «Тело Джона Брауна лежит в земле сырой, но дух его зовет нас в бой!», – пелось в походном гимне солдат Армии Союза, мелодия которого впоследствии легла в основу «Боевого гимна Республики». В период Реконструкции Юга данная традиция была продолжена, что обуславливалось в первую очередь необходимостью навязывания соответствующей идеологии. Фигура Джона Брауна была чрезвычайно популярна среди радикальных республиканцев, составлявших правящую фракцию в Конгрессе. Что касается Конфедеративных штатов Америки, то, несмотря на огромное количество газетных публикаций, посвященных теме мятежа и личности самого Джона Брауна, там не вышло ни одного обобщающего исследования. А с началом Реконструкции Юга данная тема де-факто и вовсе оказалась под запретом, т. к. любые попытки пересмотреть роль и значение фигуры Джона Брауна и его восстания воспринимались как попытки пересмотра самих итогов гражданской войны.

С окончанием Реконструкции и началом эпохи Джима Кроу ситуация меняется. После возвращения к власти Демократической партии и принятия Компромисса 1877 г. отношение к Джону Брауну и его наследию уже не выглядит столь однозначным. В американской историографии явно просматривается тенденция к отходу от героизации данного персонажа и одноименного восстания. Новые исследования декларируют необходимость проведения объективного анализа событий 1859 г. и самой биографии аболициониста. Это связано с курсом на национальное примирение и преодоление раскола в американском обществе, вызванного последствиями гражданской войны. Подобные трактовки можно видеть в работах Г.Э. фон Хольста, Р.Д. Хинтона, Д.Э. Чемберлена, У.Э. Коннелли, Д. Ньютона, У.Э.Б. Дюбуа и О.Г. Вилларда. И тем не менее отношение к самому Джону Брауну можно

охарактеризовать как вполне сочувственное, в то время как оценка последствий его действий уже не выглядит столь однозначной.

Начиная с 1913 г. в американской историографии возникает традиция резко критического восприятия событий в Харперс-Ферри, а главное – самой фигуры радикального аболициониста. Во многом она строилась на оппонировании работе О.Г. Вилларда и более ранним биографиям Джона Брауна. Данная тенденция была представлена такими авторами, как Х.П. Уилсон, Р.П. Уоррен, Д.К. Малин и Д.Ч. Фурнас. Между тем традиция положительного восприятия также не исчезла. В частности, она была продолжена Э. Холдемано-Джулиусом, Л. Рачмейсом и рядом других авторов. Подобного рода дуализм восприятия Джона Брауна и одноименного восстания полностью вписывался в контекст общественно-политических процессов в США, связанных с развитием движения за права афроамериканцев и соответствующей консервативной реакции, особенно ярко проявлявшейся на территории Южных Штатов.

После принятия законов о гражданских (1964 г.) и избирательных (1965 г.) правах, ознаменовавших собой окончание эпохи Джима Кроу, отношение к восстанию Джона Брауна вновь меняется. Просматривается явная тенденция в виде многочисленных попыток вписывания данного события в контекст афроамериканской истории и борьбы за гражданские права. Фигура воинствующего белого аболициониста на некоторое время вновь приобретает особый статус и прежний героический ореол. Джон Браун в очередной раз становится символом сопротивления несправедливости, дискриминации и угнетению. Его имя вновь поднимают на знамена различные политические силы. Вот только на сей раз это связано с процессом демократизации американского общества и подъемом революционного и национально-освободительного движения в мире. В американской же историографии период с 1965 г. по наши дни характеризуется навязчивыми попытками примирить между собой полярные точки зрения посредством диалектического подхода к восприятию Джона Брауна как выдающейся, но в то же время противоречивой исторической фигуры. При этом отношение к нему можно охарактеризовать в целом как положительное. Почти все авторы указанного периода подчеркивают, что, несмотря на крайне сомнительные методы достижения поставленных целей, аболиционист все же находился на «правильной стороне истории», отмечая прогрессивность его взглядов и выбранного направления деятельности.

В современных США Джон Браун по-прежнему остается одним из самых узнаваемых и в то же время неоднозначных исторических деятелей. Сложно найти хотя бы одну журналистскую или научную публикацию о нем за последние 20 лет, которая бы не подчеркивала данное обстоятельство. Тема «Джон Браун: герой или террорист?» является одной из самых популярных тем школьных и студенческих эссе, коллоквиумов, круглых столов, конференций и т. п. Однако подобный подход продиктован не желанием придерживаться принципа объективности, а, скорее, стремлением «не бередить старые раны». Тем более что, как показывают последние события, несмотря на все усилия, предпринятые и регулярно предпринимаемые в данном направлении, окончательно преодолеть послевоенный раскол 1865 г. в американском обществе до сих пор не удалось, равно как и сами последствия расовой сегрегации. А, следовательно, история капитана Джона Брауна и организованного им восстания еще долго будет оставаться камнем преткновения и важнейшим водоразделом не только в американской историографии, но и в общественно-политической жизни США.

Список литературы

- Бадулина Е.С. 2016. Восстание под руководством Джона Брауна и его влияние на Гражданскую войну в США. *Международный научный альманах*. 3(3): 64–68.
- Гюго В. 1956. Собрание сочинений. Т. 15. Дела и речи. Москва, ГИХЛ, 829 с.
- Захарова М.Н. 1960. Восстание Джона Брауна и американская буржуазная историография. *Новая и новейшая история*. 5: 112–115.

- Маркс К., Энгельс Ф. 1963. Сочинения. Изд. 2-е. Москва, Государственное издательство политической литературы, 712 с.
- Русина К.О. 2020. Джон Браун как главный идеолог подготовки гражданской войны в Канзасе. *Молодой ученый*. 49(339): 536–539.
- Тайгильдин А.В. 2018. Общественно-политическая мысль по вопросу о рабстве накануне Гражданской войны в США. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. Т. 4, 1(13): 35–47.
- Чернышевский Н.Г. 1949. Политика. Из «Современника». № 11 – ноябрь 1859 года. В: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Москва, Государственное издательство художественной литературы, Т. 6: «Политика» 1859 года: 448–454.
- Abels J. 1971. *Man on Fire; John Brown and the Cause of Liberty*. New York: Macmillan, 428 p.
- Anderson O.P. 1861. *A Voice from Harper's Ferry: A Narrative of Events at Harper's Ferry; with Incidents Prior and Subsequent to its Capture by Captain Brown and His Men*. Boston: Printed for the author, 76 p.
- Boyer R.O. 1999. *The Legend of John Brown: A Biography and a History*. New York: Knopf, 627 p.
- Carton E. 2006. *Patriotic Treason: John Brown and the Soul of America*. NY: Free Press, 454 p.
- Chamberlin J.E. 1899. *John Brown*. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & co, 138 p.
- Cohen S. 1999. *John Brown: The Thundering Voice of Jehovah*. Missoula, MT: Pictorial Histories Pub. Co., 200 p.
- Connelley W.E. 1900. *John Brown*. Topeka: Crane & co, 314 p.
- Drew T. 1860. *John Brown Invasion; an Authentic History of the Harper's Ferry Tragedy with Full Details of the Capture, Trial, and Execution of the Invaders, and of All the Incidents Connected Therewith. With a Lithographic Portrait of Capt. John Brown, from a Photograph by Whipple*. Boston: James Campbell, 62 & 64 Cornhill, for sale by J.J. Dyer & Co., A. Williams & Co., Federhen & Co., and by Newsmen and Periodical Dealers Throughout the Free States, 104 p.
- Du Bois W.E.B. 1909. *John Brown*. Philadelphia: G. W. Jacobs & Company, 229 p.
- Eliot C.W. 1860. *The Public Life of Captain John Brown*. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1860/03/the-public-life-of-captain-john-brown/627734/> (дата обращения: 28 июля 2024).
- Furnas J.C. 1959. *The Road to Harpers Ferry*. NY: W. Sloane Associates, 477 p.
- Haldeman-Julius E. 1925. *John Brown – The Facts of His Life and Martyrdom*. Girard, KS: Haldeman-Julius Co, 64 p.
- Hinton R.J. 1894. *John Brown and His Men; with Some Account of the Roads They Traveled to Reach Harper's Ferry*. NY and London: Funk & Wagnalls Company, 766 p.
- Horwitz T. 2011. *Midnight Rising: John Brown and the Raid That Sparked the Civil War*. NY: Henry Holt and Co, 365 p.
- Libby J. 1979. *Black Voices from Harper's Ferry: Osborne Anderson and the John Brown Raid*. Palo Alto, California: West Coast Print Center Berkeley, 260 p.
- Libby J. 1999. *John Brown Mysteries*. Missoula, Mont: Pictorial Histories Pub, 122 p.
- Malcolm X. 1965. *The Autobiography of Malcolm X / Malcolm X, with the Assistance of Alex Haley*. NY: Grove Press, 460 p.
- Malin J.C. 1942. *John Brown and the Legend of Fifty-Six*. Philadelphia: American Philosophical Society, 794 p.
- Newton J. 1902. *Captain John Brown of Harper's Ferry*. NY: A. Wessels Company, 332 p.
- Oates S.B. 1972. *To Purge This Land with Blood: A Biography of John Brown*. NY: Harper & Row, 484 p.
- Poland C.P. 2020. *America's Good Terrorist: John Brown and the Harpers Ferry Raid*. Casemate Publishers & Book Distributors, LLC, 413 p.
- Redpath J. 1960. *The Public Life of Capt. John Brown*. Boston: Thayer and Eldridge, 428 p.
- Reynolds D.S. 2005. *John Brown, Abolitionist: The Man Who Killed Slavery, Sparked the Civil War, and Seeded Civil Rights*. NY: Alfred A. Knopf, 728 p.
- Ruchmaes L. ed. 1959. *A John Brown Reader; the Story of John Brown in His Own Words, in the Words of Those Who Knew Him, and in the Poetry and Prose of the Literary Heritage*. London, New York: Abelard-Schuman, 434 p.
- Sanborn F.B. 1885. *The Life and Letters of John Brown, Liberator of Kansas, and Martyr of Virginia*. Boston: Roberts Brothers, 682 p.

- Scott J.A., Scott R.A. 1988. John Brown of Harper's Ferry: with Contemporary Prints, Photographs, and Maps. N.Y.: Facts on File Publications, 200 p.
- Smith T.A. 2015. Weird John Brown: Divine Violence and the Limits of Ethics. Stanford, CA: Stanford University Press, 204 p.
- Villard O.G. 1910. John Brown 1800–1859: A Biography Fifty Years After. London, Constable, 808 p.
- Von Holst H., Stearns F.P., Marcou P., Wasson D. A. 1889. John Brown. Boston: Cupples and Hurd, 268 p.
- Warren R.P. 1993. John Brown: The Making of a Martyr. Nashville: J.S. Sanders; Lanham, MD: Distributed to the Trade by National Book Network, 474 p.
- Webb R.D. 1861. The Life and Letters of Captain John Brown. London: Oxford University, 478 p.
- Wilson H.P. 1913. John Brown, Soldier of Fortune: A Critique. Lawrence, Kan.: Hill P. Wilson, 450 p.

References

- Badulina E.S. 2016. Vosstanie pod rukovodstvom Dzhona Brauna i ego vliyanie na Grazhdanskuyu vojnu v SShA [The Uprising Led by John Brown and its Impact on the American Civil War]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj al'manah*. 3(3): 64–68.
- Gyugo V. 1956. Sobranie sochinenij [Collected Works]. T. 15. Dela i rechi. Moscow, GIHL, 829.
- Zaharova M.H. 1960. Vosstanie Dzhona Brauna i amerikanskaya burzhuaznaya istoriografiya [The John Brown Rebellion and American Bourgeois Historiography]. *Novaya i novejschaya istoriya*. 5: 112–115.
- Marks K., Engel's F. 1963. Sochineniya [Writings]. Izd. 2-e. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 712.
- Rusina K.O. 2020. Dzhon Braun kak glavnyj ideolog podgotovki grazhdanskoj vojny v Kanzase [John Brown as the Main Ideologue of the Preparation of the Civil War in Kansas]. *Molodoj uchenyj*. 49(339): 536–539.
- Tajgil'din A.V. 2018. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' po voprosu o rabstve nakanune Grazhdanskoj vojny v SShA [Socio-Political Thought on the Issue of Slavery on the Eve of the American Civil War]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*. T. 4, 1(13): 35–47.
- Chernyshevskij N.G. 1949. Politika. Iz «Sovremennika». № 11 – noyabr' 1859 goda [Politics. From «Sovremennik». №. 11 – November 1859]. Chernyshevskij N.G. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]: V 15 t. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. T. 6. 448–454.
- Abels J. 1971. Man on Fire; John Brown and the Cause of Liberty. New York: Macmillan, 428 p.
- Anderson O.P. 1861. A Voice from Harper's Ferry: A Narrative of Events at Harper's Ferry; with Incidents Prior and Subsequent to its Capture by Captain Brown and His Men. Boston: Printed for the author, 76 p.
- Boyer R.O. 1999. The Legend of John Brown: A Biography and a History. New York: Knopf, 627 p.
- Carton E. 2006. Patriotic Treason: John Brown and the Soul of America. NY: Free Press, 454 p.
- Chamberlin J.E. 1899. John Brown. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & co, 138 p.
- Cohen S. 1999. John Brown: The Thundering Voice of Jehovah. Missoula, MT: Pictorial Histories Pub. Co., 200 p.
- Connelley W.E. 1900. John Brown. Topeka: Crane & co, 314 p.
- Drew T. 1860. John Brown Invasion; an Authentic History of the Harper's Ferry Tragedy with Full Details of the Capture, Trial, and Execution of the Invaders, and of All the Incidents Connected Therewith. With a Lithographic Portrait of Capt. John Brown, from a Photograph by Whipple. Boston: James Campbell, 62 & 64 Cornhill, for sale bt J.J. Dyer & Co., A. Williams & Co., Federhen & Co., and by Newsmen and Periodical Dealers Throughout the Free States, 104 p.
- Du Bois W.E.B. 1909. John Brown. Philadelphia: G. W. Jacobs & Company, 229 p.
- Eliot C.W. 1860. The Public Life of Captain John Brown. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1860/03/the-public-life-of-captain-john-brown/627734/> (дата обращения: 28 июля 2024).
- Furnas J.C. 1959. The Road to Harpers Ferry. NY: W. Sloane Associates, 477 p.
- Haldeman-Julius E. 1925. John Brown – The Facts of His Life and Martyrdom. Girard, KS: Haldeman-Julius Co, 64 p.
- Hinton R.J. 1894. John Brown and His Men; with Some Account of the Roads They Traveled to Reach Harper's Ferry. NY and London: Funk & Wagnalls Company, 766 p.

- Horwitz T. 2011. *Midnight Rising: John Brown and the Raid That Sparked the Civil War*. NY: Henry Holt and Co, 365 p.
- Libby J. 1979. *Black Voices from Harper's Ferry: Osborne Anderson and the John Brown Raid*. Palo Alto, California: West Coast Print Center Berkeley, 260 p.
- Libby J. 1999. *John Brown Mysteries*. Missoula, Mont: Pictorial Histories Pub, 122 p.
- Malcolm X. 1965. *The Autobiography of Malcolm X / Malcolm X, with the Assistance of Alex Haley*. NY: Grove Press, 460 p.
- Malin J.C. 1942. *John Brown and the Legend of Fifty-Six*. Philadelphia: American Philosophical Society, 794 p.
- Newton J. 1902. *Captain John Brown of Harper's Ferry*. NY: A. Wessels Company, 332 p.
- Oates S.B. 1972. *To Purge This Land with Blood: A Biography of John Brown*. NY: Harper & Row, 484 p.
- Poland C.P. 2020. *America's Good Terrorist: John Brown and the Harpers Ferry Raid*. Casemate Publishers & Book Distributors, LLC, 413 p.
- Redpath J. 1960. *The Public Life of Capt. John Brown*. Boston: Thayer and Eldridge, 428 p.
- Reynolds D.S. 2005. *John Brown, Abolitionist: The Man Who Killed Slavery, Sparked the Civil War, and Seeded Civil Rights*. NY: Alfred A. Knopf, 728 p.
- Ruchmaes L. ed. 1959. *A John Brown Reader; the Story of John Brown in His Own Words, in the Words of Those Who Knew Him, and in the Poetry and Prose of the Literary Heritage*. London, New York: Abelard-Schuman, 434 p.
- Sanborn F.B. 1885. *The Life and Letters of John Brown, Liberator of Kansas, and Martyr of Virginia*. Boston: Roberts Brothers, 682 p.
- Scott J.A., Scott R.A. 1988. *John Brown of Harper's Ferry: with Contemporary Prints, Photographs, and Maps*. N.Y.: Facts on File Publications, 200 p.
- Smith T.A. 2015. *Weird John Brown: Divine Violence and the Limits of Ethics*. Stanford, CA: Stanford University Press, 204 p.
- Villard O.G. 1910. *John Brown 1800–1859: A Biography Fifty Years After*. London, Constable, 808 p.
- Von Holst H., Stearns F.P., Marcou P., Wasson D. A. 1889. *John Brown*. Boston: Cupples and Hurd, 268 p.
- Warren R.P. 1993. *John Brown: The Making of a Martyr*. Nashville: J.S. Sanders; Lanham, MD: Distributed to the Trade by National Book Network, 474 p.
- Webb R.D. 1861. *The Life and Letters of Captain John Brown*. London: Oxford University, 478 p.
- Wilson H.P. 1913. *John Brown, Soldier of Fortune: A Critique*. Lawrence, Kan.: Hill P. Wilson, 450 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.07.2024

Received 29.07.2024

Поступила после рецензирования 15.10.2024

Revised 15.10.2024

Принята к публикации 18.10.2024

Accepted 18.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Тула, Россия

Andrey A. Shumakov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Tula Branch of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4184-6232](https://orcid.org/0000-0003-4184-6232)

УДК 94(=214.58):(470-321.9)+(497.2)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-870-879
Оригинальное исследование

Социально-экономическое положение цыган Болгарии и Крыма до 1941 г.

Шведова В.Б.

Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
Россия, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8
E-mail: ms.lera1999@mail.ru

Аннотация. Появившийся на Балканах в XII–XIV вв. цыганский народ со временем расселился по всей Европе, а к середине XV века его часть осела на территории Крымского полуострова. Тема цыган Крыма является на сегодняшний день малоизученной, но интересной страницей в истории полуострова. Не менее интересной представляется судьба оставшихся на балканских землях рома. На основе архивных документов и литературы (в т. ч. непереведенных на русский язык) дается общая характеристика социально-экономического положения цыган на территориях Крыма и Болгарии, а также анализируются причины сходства и различия в истории двух групп рома, вышедших некогда с одной территории. Верхняя граница исследования (1941 г.) обусловлена событиями Второй мировой и Великой Отечественной войны: трудность фиксации в архивных документах и их доступность для изучения, последующая депортация и прочее могут стать отдельной темой для исследования.

Ключевые слова: ромоведение, цыгановедение, цыгане Крыма, крымские цыгане, болгарские цыгане, Таврическая губерния, Крымская АССР, история рома, социально-экономическое положение цыган

Для цитирования: Шведова В.Б. 2024. Социально-экономическое положение цыган Болгарии и Крыма до 1941 г. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 870–879. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-870-879.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Socio-Economic Situation of Roma in Bulgaria and the Crimea Before 1941

Valeriya B. Shvedova

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
8 Uchebny lane, Simferopol 295015, Crimea, Russia
E-mail: ms.lera1999@mail.ru

Abstract. The Gypsy people who appeared in the Balkans in the 12th – 14th centuries eventually settled throughout Europe, and by the middle of the 15th century, part of them settled on the territory of the Crimean Peninsula. The topic of the Crimean Gypsies is currently an understudied but interesting page in the history of the peninsula. The fate of the Roma remaining in the Balkans is no less interesting. Based on archival documents and literature (including Russian sources), the author provides a general description of the socio-economic situation of the Roma in the Crimea and Bulgaria and analyzes the reasons for the similarities and differences in the history of two Roma groups that once came from the same territory. The upper limit of the study (1941) is due to the events of the Second World War and the Great Patriotic War: the difficulty of recording data in archival documents and their accessibility for study, subsequent deportation, etc. can become a separate topic of research.

Keywords: Roma studies, Gypsy studies, Gypsies of the Crimea, Crimean Gypsies, Crimean Roma, Bulgarian Gypsies, Tauride province, Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, history of Roma, socio-economic situation of Gypsies

© Шведова В.Б., 2024

For citation: Shvedova V.B. 2024. Socio-economic situation of Roma in Bulgaria and the Crimea before 1941. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 870–879 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-870-879.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Народ, некогда вышедший с северо-западных территорий Индии, распространился по всему миру и, сохранив по большей части свою идентичность, так и не создал за несколько веков своего собственного государства. Ввиду этого история взаимодействия рома с основным населением разных государств и властью представляется интересным предметом для исследования. Ромоведение как междисциплинарное направление в науке, известное в отечественной историографии больше как цыгановедение, берет свое начало примерно с середины XVI в. (Европа в целом), а конкретно в России – с XVIII в. На сегодняшний день российские исследования в данном направлении известны именами Н.Г. Деметер [2000; 2018], А.В. Черных [2018], Н. Бессонова [2000], М.В. Смирновой-Сеславинской [2016; 2017] и другими, область научных интересов которых в основном касается цыган материковой части России. Цыгане Крыма на сегодняшний день являются малоисследованным этносом – значительная часть ранней информации о них является фрагментарной [Броневский, 1867; Челеби, 1961], более комплексное же изучение начинается примерно в середине XIX в. и далее [Домбровский, 1855; Кондараки, 1875; Филоненко, 1930]. Но даже в более поздних и крупных работах [Торопов, 2004; Араджиони, Герцен, 2005; Храпунов, Герцен, 2010; Смирнова-Сеславинская, 2016] крымские рома нечасто выступают единственными объектами исследования. Говоря об опыте европейских исследователей, нельзя не назвать Е. Марушиакову и В. Попова [Marushiakva, Popov, 2000; 2011; 2021], которые провели много крупных исследований по восстановлению истории цыган, главным образом в Болгарии и на Балканах, а также в Центральной и Восточной Европе. Особенно примечателен их не так давно вышедший сборник архивных источников «Roma Voices in History» [Marushakova, Popov, 2021], над которым трудились, кроме названных, цыгановеды многих стран, чтобы представить читателям ранее неизвестные факты из истории этого кочевого народа.

Объект и методы исследования

Цель данной статьи – составить общую характеристику, а также выявить схожее и различное в положении цыган, проживавших на территории Болгарии и Крыма в XIX – XX вв. Таким образом, объектом исследования выступает цыганский народ на указанных территориях. Методы исследования, использованные при написании статьи, включают как общенаучные, так и специально-научные: дедуктивный, индуктивный, анализ, синтез, сравнительно-исторический, статистический, компаративный и диахронный. Все это позволило проследить изменения политики властей в отношении народа с течением времени. В ходе сбора информации в архиве, ее анализа и интерпретации неизбежным является метод контент-анализа. Проводилась атрибуция текста и его критика. Трудности исследования заключались в состоянии документов (значительно выцветший текст, поврежденные и отсутствующие листы, неразборчивый почерк и т. п.)

Результаты и их обсуждение

Появление народа рома на землях Болгарии относят к XII–XIV вв., как и на Балканах в целом, в чем сходятся многие исследователи (Н.Г. Деметер, А.В. Черных, Е. Марушиакова, В. Попов и др.) на основе средневековых исторических источников, а также современных данных лингвистики. Обращаясь к первому, обычно упоминают византийские до-

кументы («Житие Георгия Афонского» 1100 г. и летопись Феофана Гемологета (Исповедника) 800 г.), в которых упоминаются некие бродячие «атцигане», которые странствовали на территории Византии и связанных с ней балканских территориях и обматывали себя змеями, были магами и прорицателями, жожаками медведей. Второй источник, летопись 800 г. локализует атциган во Фракии, близ современной территории Пловдива. Поэтому и по данным лингвистики время появления рома на Балканах относят иногда к более раннему времени – IX веку. Конечно, куда больше сведений встречается в более поздний период у западноевропейских авторов, ввиду чего версия о XII–XIV вв. принята большинством цыгановедов [Демерет, Черных, 2018, с. 37–39].

Второй волной расселения можно считать период XVII–XVIII вв., когда большая часть цыган покидает Дунайские княжества (Валахия, Молдавия) и проникает на территорию Болгарии, которая уже на тот момент была частью Османской империи. На данном этапе большая часть ромов принимает ислам и, таким образом, получает благосклонность турецкой власти, в отличие от коренного населения болгар-христиан.

Третья волна миграции цыган происходит со второй половины XIX в. и до начала XX – по окончании рабства рома и ввиду изменений границ после войн (Балканские войны, Первая и Вторая мировые войны) [Marushiakova, Popov, 2000].

Болгария с конца XIV в. находилась в вассальной зависимости у Османской империи, а в 1396 г. после поражения в битве при Никополе – в составе антитурецкой коалиции, Видинское царство и вовсе перестало существовать. В историографии период с 1396 до 1878 гг. определяется для Болгарского государства как «османское иго». Русско-турецкая освободительная война 1877–1878 гг. закончилась подписанием Сан-Стефанского мирного договора (3 марта 1878 г.), а после – Берлинским трактатом (13 июля 1878 г.), изменившим договоренности в Сан-Стефано. По итогу Болгария была разделена на 3 части – собственно Болгарию с центром в Софии, Восточную Румелию и Македонию. Княжество Болгария получало полную независимость, которая должна была быть закреплена Конституцией, а до тех пор была под управлением русской администрации. В 1879 г. с принятием Тырновской Конституции Болгария становится конституционной монархией. Сербско-болгарская война 1885 года вернула княжеству Восточную Румелию, а по результатам Балканских войн 1912–1918 гг. – и Фракию с Македонией. С 1908 г. Болгария получает де-юре и де-факто полную независимость, начинается период Болгарского царства.

Говоря о политических событиях, которые происходили вокруг и внутри Болгарии, необходимо рассмотреть этнический вопрос. В начале XX века при общей численности населения Македонии 2 258 224 чел. болгары составляли 52,32 %, турки – 22,11 %, 19,41 % приходится на греков, албанцев и влахов, а остальные 138 879 чел., или 6,17 %, составляли меньшинства евреев, цыган, черкесов и др. Во Фракии всего проживало 968 785 чел., из них 42,37 % болгар, 34,77 % турок; 18,64 % греков, а оставшиеся 4,22 % – цыгане, евреи, армяне [Строковская, 2017]. Балканы были охвачены национально-освободительным движением, одной из форм которого была борьба за собственную церковь, в которой цыгане Болгарии также принимали участие. По сведениям Греческого комитета в Афинах, ставшего частью греческого же правительства, большая часть населения Фракии и Македонии идентифицировала себя как греков, и, как следствие, на данных территориях преобладали соответствующая культура и традиции. Позже, после 1885 г. (сербско-болгарская война), на македонских землях было отмечено усиление сербской пропаганды [Строковская, 2017].

Важно отметить положение лиц неболгарской национальности (данный момент был прописан еще в Тырновской Конституции 1879 г. в ст. 60 о правовом статусе населения): гражданские права принадлежат всем, проживающим в Княжестве, в том числе и иностранцам; политические же права предоставлялись только гражданам. В свою очередь, принятие в подданство не ставило условий по вероисповеданию, этническому происхождению и другим подобным критериям. Утверждение получения болгарского гражданства осуществлялось Народным Собранием (ст. 55). Равенство всех граждан перед законом и отсутствие сословного деления закреплено в 57-й статье [Тырновска Конституция].

Однако уже при администрации Стояна Данева и Петко Каравелова (правительство возникло в результате коалиции Демократической партии с Прогрессивно-либеральной партией в 1901 г.) равенство всех граждан было нарушено – 31 мая 1901 года почти единогласно была принята поправка к Закону о выборах, согласно которой цыгане-мусульмане вместе с кочевниками утратили избирательное право. В этом же году последовала реакция ущемленного народа: в Видине была созвана Первая цыганская конференция, итогом которой стало решение о начале кампании против поправки к Закону о выборах. Это дело в то время освещалось в газете «Вечерна поща» журналистом (также главным редактором, политическим деятелем и дипломатом) Симеоном Радевым, в частности новость о том, что была подготовлена соответствующая петиция, позже поданная в Национальное собрание (1 июня 1905). Основное требование – получение рома тех же прав, что имеет остальное население, так как они «за все платят (в т. ч. налоги), воюют, а прав граждан им не дают» [Marushiakova, Popov, 2021, p. 74]. Это интересно тем, что говорит о включенности цыган в гражданское общество Болгарии уже какое-то время до 1905 г.; также можно прийти к тому, что значительная часть проживающих там цыган были оседлыми, хотя и в более позднее, и в более раннее время власти пытаются бороться с кочевничеством в их среде (1886 г. 7-я ст. Закон о городских муниципалитетах; 1906 г. – запрет на передвижение цыган в пределах муниципалитета Айтос; 1927 г. – циркуляр Полицейского управления о воспрещении кочевания по всему королевству; 1934 г. – постановление о сельских муниципалитетах и т. д.) [Marushiakova, Popov, 2021, p. 210].

Кроме того, стоит обратить внимание на авторов петиции – софийского юриста Марко Константиновича Маркова нецыганского происхождения и мухтара (административный термин для обозначения лидера или вождя, избранного жителями и утвержденного властями), «царя-баши болгарских цыган» Рамадана Алилова. Это говорит, во-первых, о том, что у цыган по-прежнему существовал обычай избирать предводителя (в некоторых странах их именовали цыганскими королями или баронами). Во-вторых, о том, что цыганские общества/кампании возглавлялись не только цыганами (доктор Марков, который был инициатором созыва Первой конференции рома). Очевидно, цыгане пытались привлекать к участию во взаимодействии между ними и властью людей, имеющих авторитет, известность и достаточное образование. И, хотя грамотность цыган в Болгарии была невысокой, среди них были образованные люди, составляющие элиту. Следует отметить и следующее: для того, чтобы воспринимать какие-либо идеи и осознавать собственное положение в обществе, необходим некий минимальный уровень общей грамотности. Однако совсем немногие представители рома, добившиеся успехов в жизни как личности, становились лидерами своего народа (Атанас Дмитров, Иван Кирилов и др.) [Marushiakova, Popov, 2021, p. 194–197].

Не получив ответа после подачи обращения в Национальное собрание Болгарии, 19 декабря 1905 г. активистами цыганского общества созывается Первый цыганский конгресс в г. Софии. Новая петиция содержала те же требования и также была доведена до Национального собрания [Marushiakova, Popov, 2021, p. 76–77].

В «Вечерна поща» упоминаются некоторые делегаты конгресса: уже знакомые мухтар Рамадан Алилов, его заместитель Али Билялов от Софии, а также Али Мутишев от Пловдива, Илья Узунев, Али Молла, Ристе Мустафа, которые также были избраны заместителями доктора Маркова. В целом количество представителей цыганского населения разных городов, по сведениям Симеона Радева, составляло около 50 человек. Помимо этого, хотелось бы упомянуть об отправленной «Бюро Цыганского Конгресса» телеграмме с новогодним поздравлением, адресованной Фердинанду I (Монарший Принц Болгарии) [Marushiakova, Popov, 2021, p. 91–92]. Все это – яркие примеры развития гражданской независимости цыган. Последнее не является просто поздравлением монаршей особы, а попыткой заявить о своем существовании не только лишь как строчки в переписи населения, но как об организованной общности, способной создать свой институт для диалога с властью. Таким образом, вся вышеперечисленная деятельность цыган и сочувствующих им – это попытка закрепиться в государстве де-факто и

де-юре, как жизнеспособная его часть. Итогом дела об отмене поправки к Закону о выборах стало снятие ограничений избирательных прав рома.

Следующий этап цыганского движения приходится на межвоенное время (после 1918 г.) и связан с именем Шакира Пашова, рома по происхождению. В это время в Софии он возглавлял организацию «Египет», которая в 1925 г. стала незаконной и позже была восстановлена как «Истикбал» (Будущее). Помимо этого, Пашов был главным редактором издания цыганской организации «Мусульманская культурная организация национального образования» (Газета «Терби» возникла в 1931 г.). Уже в 1934 г. вслед за государственным переворотом последовало закрытие газеты и роспуск организации [Marushiakova, Popov, 2021, p. 157–168].

В целом же отношение к цыганам в Болгарии было неоднозначным и варьировалось от сочувствия до нетерпимости. Такая ситуация складывалась ввиду нескольких причин: образ жизни кочевого народа, разделение цыган на христиан и нехристиан, уровень грамотности и прочее. Если говорить подробнее, то первое касается сложившегося у населения представления о цыганах как бродячих, неблагополучных, а значит склонных к преступлениям людей. Разделение по религиозному признаку было не только делом веры: в трудное время для Балкан (национально-освободительное движение против турецкого владычества, балканские войны) цыгане воевали как на стороне Болгарии, так и на стороне противника (Турция, Сербия), что формировало у части населения образ рома как врага народа. Низкий уровень грамотности формировал пренебрежительное отношение и убеждение о «некультурности» всего народа.

Отношение к рома и их положение на других территориях имело как сходство, так и различие. Часть появившихся на Балканах в XII–XIV вв. цыган продолжила миграцию и уже к середине XV века оказалась в Крыму [Торопов, 2004, с. 7]. До 1783 г. полуостров являлся территорией Крымского ханства, затем – частью Российской империи в качестве губернии. После революции 1917 г. – Крымской АССР в составе СССР. Как и в других государствах, цыгане почти на протяжении всей своей истории в основном были заняты ремеслами, разведением лошадей, перевозками, торговлей, музыкой, военным делом, а также являлись черноработными, что описано еще в ранних источниках XVI–XVII вв. [Броневский, 1867; Челеби, 1961]. В период ханства жили в своих отдельных кварталах (Гёзлев), где их численность приравнивалась к крымским татарам [Челеби, 1961]. Существование этнических кварталов, а позже слобод сохранилось и в последующие века [Кондараки, 1875].

Положение цыган в период ханства можно назвать терпимым, впрочем, как и к другим немусульманским народам: Памятная книга Таврической губернии за 1867 г. хранит сведения о доходах государства при Шагин Гирее и одна из статей – «харачь» – т. е. плата для всех «неверных» (евреи, армяне, цыгане и др.): до Шагин Гирея они платили не более 60 коп. с головы, затем этот хан назначил разделение платы в зависимости от зажиточности: с богатых брали по 7 р. 20 коп.; со среднего – 3 р. 60 коп., бедные платили 1 р. 80 коп. в год [Памятная книга Таврической губернии, 1867, с. 24–26].

Конечно, часть цыган со временем приняла ислам, однако у них не было строго соблюдения Корана, ввиду чего они хотя и были одной веры с крымскими татарами, носили крымскотатарские имена, но были все же отделены от них. Последние называли цыган «чингене». У рома на полуострове были и другие названия (даулджи, демерджи, хайладжи, элекчи, аю(в)джи), так как они были весьма неоднородны и поделены на субгруппы на основании территории исхода, языка, вида ремесла и прочего. С течением времени они расселились практически по всему Крыму и, как и в других странах, были оседлыми и кочевыми – последние при Екатерине II стали платить налог в размере одного рубля с шатра [Торопов, 2004, с. 67].

В более позднее время кочевые рома стали восприниматься как лица, ведущие бродячий образ жизни. Само понятие бродяжничества подразумевало людей, которые без разрешения, уведомления власти меняли место жительства, не имели документов, которые бы подтверждали их личность и права, или же отказывались предъявлять таковые, предоставляли ложные сведения об этом. Российская империя, как и другие страны, пыталась обеспечить внутреннюю безопасность и экономическую стабильность, чему мешало данное социальное явление. Его

опасность отчетливо проявилась еще в «бунташном» XVII веке, когда бродяги формировались в целые армии: в качестве примера можно привести случай 1603 г, когда бродячие элементы были возглавлены Хлопком Косолапым и пошли на Москву; эти же элементы были частью восстания Стеньки Разина. Однако полная криминализация бродяжничества была закреплена только в 1845 г. с изданием «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Мерами наказания были определены: высылка в отдаленные места (Сибирь, Кавказ), телесные наказания, зачисление в арестантские роты, а для женщин – в работные дома [Шульц, 2020].

Таким образом, частое и нефиксированное перемещение цыганских таборов, иногда асоциальное поведение и действия, а также более частая по сравнению с другими народами практика прошения милостыни привели к тому, что в государстве боролись с бродяжничеством конкретно цыган – соответствующие указы были изданы и в начале XIX века, и позже. Часть из них запрещала выдавать паспорта цыганам для перемещений и рекомендовала помещикам разделять их на небольшие группы и селить по разным селениям (1803 г.). Другие указы должны были показать привлекательность оседлости: запрет закрепощения цыган помещиками, а также наделение статусом рабочих или ремесленников, если они числились за казенными селениями (1809 г.) [Торопов, 2004, с. 8]. Чуть позже рома могли причисляться к гильдиям при достаточном капитале и несли равную ответственность пред законом с другими народами (1811 г.). Налог с шатра сменился общим подушным налогом для всех цыган, а также магометан, ремесленников, мещан и равнялся 2 рублям (1812 г.). Уравнивание касалось также деятельности в гильдии и торговле для граждан империи и иностранцев (1824 г.). В рамках социально-экономических мер по заселению Новороссийского края цыгане могли получить на этих землях освобождение от подати в течение четырех лет (1829 г.) [Торопов, 2004, с. 9].

Следующие попытки борьбы с кочевничеством были предприняты в 1840 г. с изданием указа Таврического губернского правления: в отличие от указа 1803 г. рома было разрешено получить паспорт на отлучку, но только лишь одному члену семейства и только после перехода к оседлости. Кроме того, распоряжение позволяло более подробно отследить передвижения, места пребывания и численность цыган: если помещики не желали их присутствия на своих землях, они должны были проследить за переселением и оседанием их в других селениях/губерниях; по прибытии в другую губернию рома должны были связать с прошлой, где получили паспорт. Периодически случались проверки, по итогу которых, если цыган не желал указывать конкретное место жительства, он подвергался общему закону о бродяжничестве [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1003. Л. 2].

Проводившиеся время от времени ревизии фиксировали оседлых рома в списках XIX – XX вв. (списки оседлых мещан-цыган, рекрутские списки отдельно цыган и совместно с крымскими татарами и др.) по Таврической губернии. В 1853 г., согласно указу, цыгане, проживающие в Крыму, так же, как и остальное население, в обязательном порядке должны были отправляться на военную службу – причина появления этого документа крылась в том, что до этого цыгане не отправлялись губернией, хотя и должны были. Таким образом, ранее кочевые рома все больше включались в общественно-социальные отношения, имея не только личные права, но и исполняя гражданские обязанности [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2173. Л. 1]. В 1855 г. прежнее положение дел несколько изменилось – повелением Николая I цыгане-мусульмане освобождались от воинской повинности и несли только ту, которая была у крымских татар [Торопов, 2004, с. 11]. Подобное «сглаживание» разницы между цыганами-мусульманами и крымскими татарами отражалось в статистических и иных данных, что, несомненно, затрудняет точное выявление степени включенности и участия первых в жизни государства.

Вместе с тем кочевание рома по территории империи и особенности их проживания на местах все еще оставалось проблемой к концу XIX века. Постановление Городовой Думы (название согласно документу) г. Евпатории от 4 июля 1873 г. с пояснениями в 8 пунктах воспрещает цыганам перекочевывать по городу, выпускать в городе своих детей нагими; занимать для проживания городские места или площади – те семейства, которые уже живут на территории базара, должны были найти другие жилые помещения. Кроме этого, для всех (и цыган в т. ч.) вводился запрет на шибкую езду, содержание кузниц в центре города, а те, кто уже имел

таковые, должны были переехать на окраины; запрет играть музыку в заведениях (питейных и иных, суть которых та же) [ГАРК. Ф. 681. Оп. 1. Д. 45].

В начале XX века цыгане иногда отдельно, иногда вместе с крымскими татарами продолжают фиксироваться в списках к исполнению воинской повинности (1902, 1905, 1907, 1908 гг.) [ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 217; ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 311; ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 383; ГАРК. Ф. 681. Оп. 2. Д. 419]. Пришедшая в 1917 г. в России советская власть столкнулась с той же проблемой: не все цыгане желали переходить к «трудовому оседлому образу жизни», поэтому в 1926 и 1928 гг. выходят постановления, которые наделяют цыган землей и гарантируют помощь в благоустройстве. На 1927 г. желающих оставить кочевание, согласно спискам ЦИКа Крымской АССР, по всем основным районам полуострова было немногим более 60 семей [ГАРК. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 1936, Л. 5–14].

Отметим также, что именно в советский период власть инициирует создание организации, которая бы объединяла всех рома, – «Всероссийский союз цыган» (1928 г.), а также впервые утверждается официальный цыганский алфавит (1929 г.). В это же время выходит первая газета для рома – «Романы Зоря» (с 1927), сменившаяся на «Нэво Дром», выходящую каждый месяц [Смирнова, 2012, с. 227–228]. Подобные шаги по сохранению идентичности национальных меньшинств были частью политики коренизации, проводившейся в данный период, когда большевики пытались повысить степень включенности многочисленных народов России в разные сферы деятельности государства и таким образом сделать советское общество социально однородным. Однако недостаточный уровень грамотности и значительная «культурная отсталость», «отсутствие квалификации» некоторых этносов не позволяли их представителям быть задействованными на рынке труда и тем более занимать какую-либо значимую должность в государственных учреждениях или даже предприятиях [ГАРК. Ф. Р–663. Оп. 1. Д. 1836. Л. 128]. Конец 1930-х и начало 1940-х гг. были тяжелым периодом для всего советского народа, но особенно для некоторых национальностей, подвергшихся депортации; цыгане, которые часто указывали себя как крымских татар, разделили участь последних.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что появление рома на территориях Болгарии и Крыма имеет разницу в несколько веков (XII и XV вв. соответственно), однако лингвистически имеются сходства – и те и другие рома являются носителями преимущественно балканской и власской групп диалектов цыганского языка. Две территории, каждая в свое время, испытали влияние Османской империи, что привело к принятию ислама частью цыганского населения. Для Болгарии, принявшей христианство еще в IX веке, это обстоятельство стало одной из причин формирования негативного восприятия кочевников остальным населением, ведь цыгане-мусульмане во время антитурецкого национально-освободительного движения, сербско-болгарской войны занимали сторону противника. В отличие от Болгарии, Крым всегда был полиэтничным и поликонфессиональным, к тому же первое заселение цыган приходится на период Крымского ханства, когда ислам уже был основной религией государства, а до этого территория являлась частью Золотой Орды. К тому же христианская часть населения не была так велика, как в Болгарском государстве, это меняется только при Екатерине II, причем это население являлось разнородным в этническом плане. Высокая и длительная дифференцированность жителей полуострова сделала толерантность необходимостью. Из этого следует, что у крымского населения не было причин подниматься на освободительное движение, которое могло бы разделить их на «своих» и «чужих».

Ограничения в правах для цыган-мусульман и кочевников, введенные в начале XX века на болгарских землях, сложно сравнить с запретами для цыган в Российской империи, так как большинство законов, применяемых к рома в России, были также применимы и к остальному населению. Поэтому можно сказать, что дискриминация по этническому признаку более явно

выражалась именно в остальной Европе. Так или иначе, но именно подобные лишения подталкивали рома к гражданской независимости – в Болгарии они объединялись в конгрессы, устраивали конференции, съезды, организовывали общества, начинали издавать свои газеты, стремясь стать полноправными членами общества, что с точки зрения закона у них получилось (возвращение избирательных прав). Общность ослабела после смены режима власти в 1930-х гг. и закрытия организации и газеты. В России же цыгане объединились только после инициативы государства в рамках политики коренизации (Всероссийский союз цыган); таким же образом появился официальный цыганский алфавит и газета. Несмотря на все это, уровень их грамотности оставался одним из самых низких в обоих государствах.

Как видно из вышесказанного, высокая дифференциация, низкая грамотность (общая и политическая), необходимость в поддержке извне для объединения, нежелание менять образ жизни являются одними из препятствий к созданию единого государства рома или хотя бы этнотерриториального образования.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю Кондратюку Г.Н., доктору исторических наук, профессору КИПУ им. Феви Якубова.

Список источников

- Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. 489 Бахчисарайская городская дума (1795–1910 гг.). Оп. 1. Д. 1003.
- ГАРК. Ф. 489. Бахчисарайская городская дума (1795–1910 гг.). Оп. 1. Д. 2173.
- ГАРК. Ф. 681. Евпаторийская управа (1873–1920 гг.). Оп. 1. Д. 45.
- ГАРК. Ф. 681. Евпаторийская управа (1873–1920 гг.). Оп. 2. Д. 217.
- ГАРК. Ф. 681. Евпаторийская управа (1873–1920 гг.). Оп. 2. Д. 311.
- ГАРК. Ф. 681. Евпаторийская управа (1873–1920 гг.). Оп. 2. Д. 383.
- ГАРК. Ф. 681. Евпаторийская управа (1873–1920 гг.). Оп. 2. Д. 419.
- ГАРК. Ф. Р–663 Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов Крымской АССР (КрымЦИК), г. Симферополь Крымской АССР. Оп. 1. Д. 1836.
- ГАРК. Ф. Р–663 Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов Крымской АССР (КрымЦИК), г. Симферополь Крымской АССР. Оп. 1. Д. 1936.
- Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистич. комитетом. Вып. 1. / Под редакцией К. В. Ханацкого. Симферополь, Тип. Тавр. губ. прав., 1867.
- Търновска Конституция. URL: http://www.hadjinikolov.pro/wp_content/uploads/2010/02/Търновска-конституция-ФТП.pdf (дата обращения: 11.02.2024).

Список литературы

- Араджиони М.А., Герцен А.Г. 2005. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1: Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, ИПЦ "Магистр", 768 с.
- Броневский М. 1867. Описание Крыма. В кн.: Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 333–367.
- Деметер Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. 2000. История цыган – новый взгляд. Воронеж, РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 334 с.
- Деметер Н.Г., Черных А.В. 2018. Цыгане. Серия: Народы и Культура. Москва, Наука, 614 с.
- Домбровский Ф. 1855. Крымские цыгане. Санкт-Петербургские ведомости, 70 с.
- Кондараки В.Х. 1875. Цыгане. В кн.: Универсальное описание Крыма. Николаев, Тип. В.М. Краевского, 9: 71–80.

- Смирнова Т.М. 2012. Цыганский Ленинград 1920–1930-х гг. В кн.: V Анциферовские краеведческие чтения. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2012 г.). Сост. А.Ф. Векслер, Н.Л. Иванова. Санкт-Петербург, Европейский Дом: 227–232.
- Смирнова-Сеславинская М.В. 2017. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения. *Genesis: исторические исследования*, 8: 1–21.
- Смирнова-Сеславинская М.В. 2016. Миграции цыган в южные регионы Российской империи и Крым, формирование общности крымских цыган. *Таврический научный обозреватель*. 11–1(16): 5–41.
- Строковская Т.Е. 2017. Национальный вопрос в Болгарии между воссоединением и независимостью (1885–1908). *Вестник государственного университета «Дубна»*. Серия «Науки о человеке и обществе», 3: 34–41. URL: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/ru/archive/22-vypuski-2017-goda/52-issue-3-2017> (дата обращения 31.05.2024)
- Торопов В. Г. 2004. История и фольклор крымских цыган. М., Институт Наследия, 88 с.
- Филоненко В.И. 1930. Крымские цыгане. В кн.: Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Ленинград, Изд-во Академии Наук СССР: 329–342.
- Храпунов И.Н., Герцен А.Г. 2010. От киммерийцев до крымчаков: народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. 5-е изд. Симферополь, Доля, 286 с.
- Челеби Эвлия. Книга Путешествий. Т. 5. Электронный ресурс. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi3/text10.phtml?id=1736> (дата обращения: 11.02.2024).
- Шульц Е.В. 2020. История криминализации бродяжничества в Российской империи: опыт XIX века. *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»*, 18: 169–173.
- Marušiakova E., Popov V. 2011. Between Exoticization and Marginalization. *Current Problems of Gypsy Studies. Behemoth: A Journal of Civilisation*. 1: 51–68. URL: https://www.researchgate.net/publication/235700104_Between_Exoticization_and_Marginalization_Current_Problems_of_Romani_Gypsy_Studies (accessed: 5.04.2024).
- Marushiakova E., Popov V. 2021. *Roma Voices in History: A Source Book. Roma Civic Emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th Century until the Second World War*. Leiden, Brill, 1104 p. URL: https://www.academia.edu/47380454/ROMA_VOICES_IN_HISTORY_A_SOURCEBOOK_Roma_Civic_Emancipation_in_Central_South_Eastern_and_Eastern_Europe_from_the_19th_Century_until_World_War_II (accessed: 11.02.2024).
- Marušiakova E., Popov V. 2000. The Bulgarian Gypsies – Searching their Place in the Society. *Balkanologie* [Online]. Vol. IV(2). URL: <http://journals.openedition.org/balkanologie/323> (accessed: 11.02.2024).

References

- Aradzhioni M.A., Gertsen A.G. 2005. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma*. Ch. 1: Musul'mane: krymskie tatory, krymskie tsygane [Anthology on the Ethnic History and Traditional Culture of the Old-Timer Population of Crimea. Pt. 1: Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. Simferopol', IPTs "Magistr", 768 p.
- Bronevskiy M. 1867. *Opisanie Kryma* [Crimea Description]. V kn.: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. Vol.6. Odessa, p. 333–367.
- Demeter N.G., Bessonov N.V., Kutenkov V.K. 2000. *Istoriya tsygan – novyy vzglyad* [History of the Romani People – a New Vision]. Voronezh, Publ. RAN. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya, 334 p.
- Demeter N.G., Chernykh A.V. 2018. *Tsygane. Seriya: Narody i Kul'tura* [Gypsies. Nations and Cultures Series]. Moskva, Publ. Nauka, 614 p.
- Dombrovskiy F. 1855. *Krymskie tsygane* [Crimean Roma]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 70 p.
- Kondaraki V.Kh. 1875. *Tsygane* [Romani People]. V kn.: *Universal'noe opisanie Kryma*. Nikolaev, Tip. V.M. Kraevskogo, 9: 71–80.
- Smirnova T.M. 2012. *Tsyganskiy Leningrad 1920–1930-kh gg.* [Gypsy Leningrad 1920–1930s]. V kn.: *V Antsiferovskie kraevedcheskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Sankt-Peterburg, 23–24 noyabrya 2012 g.). Sost. A. F. Veksler, N. L. Ivanova. Sankt-Peterburg, Publ. Evropeyskiy Dom: 227–232.
- Smirnova-Seslavinskaya M.V. 2017. *Zakonodatel'stvo i gosudarstvennaya politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii tsyganskogo naseleniya* [Legislation and State Policy of the Russian Empire with Regard

- to the Roma Population]. *Genesis: Historical Research*, 8: 1–21. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.8.22213
- Smirnova-Seslavinskaya M.V. 2016. Migratsii tsygan v yuzhnye regiony Rossiyskoy imperii i Krym, formirovanie obshchnosti krymskikh tsygan [Migration of Gypsies to the Southern Regions of the Russian Empire and Crimea, Formation of the Crimean Gypsy Community]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*. 11–1(16): 5–41.
- Strokovskaya T. E. 2017. The National Question in Bulgaria Between Reunification and Independence (1885–1908). *Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna». Seriya «Nauki o cheloveke i obshchestve»*, 3: 34–41 (in Russian). URL: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/ru/archive/22-vypuski-2017-goda/52-issue-3-2017> (accessed: 31.05.2024).
- Toropov V. G. 2004. *Istoriya i fol'klor krymskikh tsygan* [History and Folklore of the Crimean Gypsies]. Moskva, Publ. Institut Naslediya, 88 p.
- Filonenko V. I. 1930. Krymskie tsygane [Crimean Roma]. V kn.: *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzeze AN SSSR*. Vol. 5. Leningrad, Publ. Akademii Nauk SSSR: 329–342.
- Khrapunov I.N., Gertsen A.G. 2010. Ot kimmeriytsev do krymchakov: narody Kryma s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v. [From the Cimmerians to the Krymchaks: the Peoples of Crimea from Ancient Times to the End of the 18th Century]. 5 ed. Simferopol', Publ. Dolya, 286 p.
- Chelebi Evliya. *Kniga Puteshestviy*. Vol. 5. [Electronic Source]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi3/text10.phtml?id=1736> (accessed: 11.02.2024).
- Shul'ts E. V. 2020. Istoriya kriminalizatsii brodyazhnichestva v Rossiyskoy imperii: opyt XIX veka [History of Criminalization of Vagrancy in the Russian Empire: Experience of the 19th Century]. *Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii «vzaimodeystvie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty»*, 18: 169–173.
- Marušiakova E., Popov V. 2011. Between Exoticization and Marginalization. *Current Problems of Gypsy Studies. Behemoth: A Journal of Civilisation*. 1: 51–68. URL: https://www.researchgate.net/publication/235700104_Between_Exoticization_and_Marginalization_Current_Problems_of_Romani_Gypsy_Studies (accessed: 5.04.2024).
- Marushiakova E., Popov V. 2021. *Roma Voices in History: A Source Book. Roma Civic Emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th Century until the Second World War*. Leiden, Brill, 1104 p. URL: https://www.academia.edu/47380454/ROMA_VOICES_IN_HISTORY_A_SOOURCEBOOK_Roma_Civic_Emancipation_in_Central_South_Eastern_and_Eastern_Europe_from_the_19th_Century_until_World_War_II (accessed: 11.02.2024).
- Marušiakova E., Popov V. 2000. The Bulgarian Gypsies – Searching their Place in the Society. *Balkanologie* [Online]. Vol. IV(2). URL: <http://journals.openedition.org/balkanologie/323> (accessed: 11.02.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.05.2024

Received 31.05.2024

Поступила после рецензирования 20.08.2024

Revised 20.08.2024

Принята к публикации 22.08.2024

Accepted 22.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шведова Валерия Борисовна, аспирант кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

Valeriya B. Shvedova, Postgraduate Student of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia

 [ORCID: 0009-0008-9385-6444](https://orcid.org/0009-0008-9385-6444)

УДК 94(495)19:070.1 (41)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-880-890
Оригинальное исследование

Зарубежные акторы греческого конфликта в британской печати (1946 г.)

Малай В.В. , Пажвак С.Б.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85
E-mail: malay_v@bsuedu.ru, pazhvak@bsuedu.ru

Аннотация. В статье, основанной на анализе британских изданий различной политической направленности 1946–1949 гг., рассматривается, насколько объективно британские СМИ освещали позиции Великобритании, США, СССР в отношении гражданской войны в Греции на ее начальном этапе. Греческая ситуация занимала газетные полосы. Иллюстрируется, как газеты в начале «холодной войны» были одним из основных инструментов информационного воздействия в Великобритании и в некоторых странах Запада. При изучении печатного ландшафта Соединенного Королевства указанного периода выявлено и показано, как не всегда согласные с политикой своей страны газеты трактовали внутривнутриполитические проблемы Греции, угрозу начала общегреческого конфликта, его эскалацию, дебаты по этому вопросу в Совете Безопасности ООН. Греция во время конфликта продолжала играть значимую роль в международных отношениях и во внешней политике великих держав.

Ключевые слова: Гражданская война в Греции 1946–1949, региональные конфликты, информационная война, пропагандистская война, британская пресса, США, Великобритания, Советский Союз, The Times, The Observer, The Manchester Guardian

Для цитирования: Малай В.В., Пажвак С.Б. 2024. Зарубежные акторы греческого конфликта в британской печати (1946 г.). *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 880–890. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-880-890.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Foreign Actors of the Greek Conflict in the British Press (1946)

Vera V. Malay , Sofia B. Pazhvak

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: malay_v@bsuedu.ru, pazhvak@bsuedu.ru

Abstract. Based on the analysis of British publications with various political bias of 1946–1949, the article examines how objectively the British media covered the positions of Great Britain, the United States, and the USSR in relation to the Greek civil war at its initial stage. The situation in Greece occupied the newspaper pages. The authors show the role of newspapers at the beginning of the Cold War as a major tool of information influence in the UK and some Western countries. A study of the UK print landscape of the specified period reveals the way newspapers that did not always agree with their country's policy interpreted Greece's internal political problems, the threat of the Greek conflict outbreak, its escalation, and the debate on this issue in the UN Security Council. During the conflict, Greece continued to play a significant role in international relations and in the foreign policy of the great powers.

Keywords: Greek Civil War 1946–1949, regional conflicts, information war, propaganda war, British press, The USA, Great Britain, The Soviet Union, The Times, The Observer, The Manchester Guardian

For citation: Malay V.V., Pazhvak S.B. 2024. Foreign Actors of the Greek Conflict in the British Press (1946). *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 880–890 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-880-890.

© Малай В.В., Пажвак С.Б., 2024

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Цель статьи – исследование, насколько объективно и беспристрастно британские СМИ освещали внешнеполитические курсы ведущих держав в связи с начинавшимся европейским региональным конфликтом. Иной раз в печати констатирующая сторона преобладала над аналитической. В ряде случаев публикации открыто выражали субъективную симпатию одной из сторон. Прослеживается отражение международных аспектов греческой войны в контексте «холодной войны» («раскрутка» антикоммунистических, антисоветских мотивов и др.).

Британские СМИ с разной степенью объективности описывали дебаты по греческому вопросу в 1946 г. в ООН, не скрывали раздражения в унисон с официальной британской позицией тем, что советский представитель часто поднимал греческую проблему на заседаниях Совета Безопасности. Освещалось большое количество обвинений Великобритании и США касательно политики СССР в греческом вопросе. Британская позиция описана в более убедительной манере, нежели советская. *The Times* и *The Sunday Times* всецело поддерживали выступления Э. Бевина в СБ ООН, признавали конкуренцию держав за Грецию. Либеральный *The Economist* рассматривал греческую ситуацию несколько отстраненно и глобально, как фрагмент мировой борьбы за власть. Взаимосвязь греческих парламентских выборов с угрозой начала гражданской войны обсуждалась на страницах большинства британских газет, поднимался вопрос переноса выборов. Вместе с этим пресса Британии с радушием, гордостью или в констатирующей манере описывала политический курс своей страны, подчеркивая ее международное влияние. Греция во время конфликта продолжала играть большую роль во внешней политике великих держав, став перекрестком интересов складывавшейся биполярной системы международных отношений.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются внешнеполитические курсы зарубежных акторов греческого конфликта на начальном этапе (1946 г.).

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности, позволивших проанализировать материалы британской прессы 1946 г. В основу данной научной статьи был положен системный подход, давший возможность комплексного изучения освещения начального этапа гражданской войны в Греции ведущими британскими СМИ и позволивший разобраться в особенностях газет Великобритании. Метод сравнительного анализа дал возможность выявить общее и особенное в политике ведущих держав касательно Греции, установить, насколько объективно преподнесены события регионального конфликта.

Результаты и их обсуждение

Гражданская война в Греции в 1946–1949 гг. стала первым «горячим» конфликтом холодной войны, она несла в себе большой международный резонанс и являлась испытанием для совсем новой универсальной международной организации. На полях ООН многократно происходили активные дебаты между представителями Великобритании, США, с одной стороны, и СССР с союзниками, с другой. Внутреннюю ситуацию в Греции начали воспринимать через призму генезиса советско-американской конфронтации в послевоенный период.

Отношение США и СССР к внутривосточной борьбе в Греции во многом определялось идеологическими установками. Противоборствующие стороны в греческом конфликте ориентировались на два складывавшихся «лагеря». Война в Греции стала и первым вооруженным конфликтом в Европе после окончания Второй мировой войны. Греческая гражданская война конца 1940-х гг. способствовала значительному ухудшению советско-британских и советско-американских отношений, складыванию в западных странах образа «врага» в лице Советского Союза [Калинин, 2018].

В годы «холодной войны» специальные и разведывательные службы Великобритании и США разрабатывали рабочие документы по ведению информационных и психологических войн [Барабаш, Котеленец, Лаврентьева, 2019]. Одним из основных инструментов тогдашнего информационного воздействия в Великобритании и в странах Запада были газеты. Печатный ландшафт Соединенного Королевства был представлен изданиями различной политической направленности. Греческая ситуация все чаще занимала газетные полосы. Либеральные издания *The Scotsman*, *The News Chronicle*, проправительственная лахорская газета *The Civil and Military Gazette*, ежедневники *The Belfast News-Letter* (консервативный) и *The Belfast Telegraph* (претендующий на аполитичность) чаще остальных региональных газет освещали конфликт. Флагманами освещения гражданской войны в Греции стали центральные британские издания: *The Times* (консервативная), *The Sunday Times* (правая), *The Manchester Guardian* (леволиберальная), *The Daily Telegraph* (консервативная), *The Observer* (левоцентристская), *The Daily Mail* (консервативная), *The Economist* (либеральный журнал), *The New Statesman* (левый еженедельник).

В связи с приближением окончания войны в Европе руководством Великобритании в 1945 г. обсуждалась необходимость пересмотреть информационную политику страны, в частности реорганизация информационных служб в Греции. Одним из подразделений пресс-службы посольства Великобритании стала англо-греческая информационная служба (AGIS), ее судьба обсуждалась в Форин-офисе. На встрече присутствовали Роберт Брюс Локхарт, глава PWE (британского тайного органа, созданного в 1941 г. для производства и распространения пропаганды с целью подрыва боевого духа противника и поддержания боевого духа стран, оккупированных нацистской Германией или ее союзниками); Реджинальд Липер, полковник Джонстон и Джон Панигиан из посольства в Афинах. Поводом для обсуждения послужил вопрос сохранения и финансирования AGIS; было решено, что функционирование данной службы в прежнем формате необходимо. Также участники совещания рассмотрели меры, которые следовало принять немедленно для обеспечения гарантий того, что после исчезновения AGIS ее работа будет продолжена. Наиболее важным новшеством того времени стала реорганизация радио Афин. Оно было преобразовано в компанию, контролируемую государством, по аналогии с *The BBC*, и британская помощь должна была быть оказана в виде оборудования и технических консультаций. Газетам тоже пришлось реорганизовать свой послевоенный штат в Греции. После заключения Варкизского соглашения (12.02.1945) большинство корреспондентов уехали из Греции. Так, Хоар из *The Times* покинул Грецию в апреле, оставив вместо себя Ангелопулоса; Р. Биджио из *Reuters* вернулся в Лондон в апреле, оставив вместо себя С. Модино, К. Мэтьюз из *The BBC* отправилась в Германию освещать Нюрнбергский процесс, Солсбери из *Daily Herald* и Капелл из *The Daily Telegraph* остались в Афинах [Koutsopanagou, 1996, p. 180].

Газета *The Scotsman* чаще остальных региональных освещала в 1946–1949 гг. события гражданской войны в Греции. За эти годы на ее страницах было выпущено 137 публикаций, посвященных конфликту (37 статей в 1946 г., 39 – в 1947 г., 30 – в 1948 г. и 31 – в 1949 г.). Зачастую в очень развернутых публикациях неравнодушно освещались греческие события, корреспонденты, находившиеся в Греции, приводили тексты выступлений греческих политиков, делали анализ ситуаций, выводы [The Scotsman, 1946–1949].

В соответствии со схожей идеей составить конкуренцию, но теперь уже центральной газете *The Times*, было создано еще в XIX в. издание *The Daily News*, его редактором-основателем стал Чарльз Диккенс. В рассматриваемый период оно носило название *The News Chronicle*. Данная газета активно выступала за реформы, была либерально ориентирована. В центре ее внимания оказывались серьезные новости, касавшиеся национальных и международных проблем, хотя в перечень рассматриваемых вопросов входили и коммерческие, спортивные и литературные новости. На страницах издания было опубликовано 54 статьи, посвященных греческому конфликту (в 1946 г. – 19; в 1947 г. – 14; в 1948 г. – 7; в 1949 г. – 14) [The News Chronicle, 1946–1949].

Газетой, уделявшей внимание международной повестке, была *The Civil and Military Gazette*. Издание базировалось в трех городах Британской Индии: Лахоре, Шимле и Карачи. Ежедневная газета характеризовалась как строго следующая британскому правительственному курсу. Большую часть занимали официальные материалы британской администрации,

затем шли мировые новости и сообщения о жизни местного английского сообщества. За четыре года войны в Греции в лахорской газете была выпущена 41 статья. Так, в 1946 г. выпущено 19 статей, в 1947 г. – 6, в 1948 г. – 5, в 1949 г. – 11 [The Civil and Military Gazette (Lahore), 1946–1949]. В данных публикациях описывались события в Греции.

Не обходили их стороной и ирландские издания: консервативное ежедневное The Belfast News-Letter и претендовавший на аполитичность ежедневник The Belfast Telegraph. В The Belfast News-Letter за годы войны было выпущено 42 публикации (в 1946 г. – 15; в 1947 г. – 11; в 1948 г. – 7; в 1949 г. – 9) [Belfast News-Letter, 1946–1949]. В The Belfast Telegraph – 30 статей (в 1946 г. – 11; в 1947 г. – 11; в 1948 г. – 4; в 1949 г. – 4) [Belfast Telegraph, 1946–1949].

Как известно, в течение 1946 г. греческий вопрос трижды выносился на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Росла напряженность между Великобританией и Советским Союзом по этому вопросу. ООН стала форумом холодной войны, а Греция, по выражению The Times, рассматривалась как «своего рода волан в игре между державами» [The Times, 29 Jan., 1946].

Журналисты газеты The Scotsman не раз детально описывали позиции официальных Лондона, Москвы, Афин, выраженных в ходе работы Совета Безопасности ООН. Тезис советского представителя А.Я. Вышинского о глобальной угрозе миру в связи с нахождением в Греции британских войск оспаривался в публикациях. И напротив, позиция Соединенного Королевства оценивалась как производящая широкое впечатление, якобы вызывающая доверие в кругах Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. В споре выигрывал британский представитель Эрнест Бевин. Детально отражено отношение Москвы, ее требования немедленной и полной эвакуации британских войск. Продемонстрирован призыв антикоммунистических рабочих организаций греческой Македонии к сохранению британских войск в качестве необходимой меры безопасности, в то время как «спонсируемые» коммунистами организации, как, например, Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС), требовали их немедленного вывода. Именно к просоветским силам в газете использовалось слово «спонсируемые», показывавшее незаконный характер. Приводилась новость от агентства Рейтер о направлении советского подкрепления в Болгарию [The Scotsman, 4 Feb., 1946].

Речь Бевина Э. (1 февраля 1946) была тепло встречена The Times. Она отмечала, что «Великобритания в неоплатном долгу перед Бевином за его решительную и настойчивую защиту». The Times освещала ситуацию оптимистично: «Британия заинтересована не в том, чтобы играть в силовую политику, а в том, чтобы спасти жизни, восстанавливать Европу и заставить новые международные органы власти работать» [The Times, 23 Jan. 1946].

В The Civil and Military Gazette также цитировался спор между Бевином Э. и Вышинским А.Я. Однако он был описан в манере более радикальной, нежели в The Scotsman. В частности, позиция Советского Союза представлена как типичная для него, ожидаемая наблюдателями. В представлении проправительственного издания она трактовалась так: «Коммунисты во всех государствах действовали одинаково, в Греции спровоцировали конфликт, стремились к созданию правительства меньшинства, не помогали в борьбе с нацистами («войска ЭЛАС (левого крыла) в Греции не преследовали отступающих немцев, а двинулись на Афины с целью захвата власти»)». Для усиления правоты британской стороны в заметке приводились слова поддержки и полной солидарности с этой трактовкой греческого представителя в ООН Танассиса Агнидеса [The Civil and Military Gazette (Lahore), 3 Feb., 1946].

The Economist, которая считалась проамериканской, писала, что обвинения СССР в адрес Великобритании – лишь часть масштабной мировой неразрешенной борьбы великих держав за власть, интересы и безопасность. По мнению издания, три великие державы были вовлечены в старейшую из всех игр дипломатическую борьбу за «благоприятный» исход. А защита жизненно важных интересов, баланс сил, стратегическая безопасность, сферы влияния, как всегда, являлись опасными точками пересечения интересов и влияния великих держав. Исходя из такого понимания, издание приходило к выводу, что стремление мировых лидеров добиться исключительной власти неизбежно привело бы либо к конфликту, либо к отступлению той или иной стороны [The Economist, 26 Jan., 1946].

В либеральной *The News Chronicle* специальный корреспондент Дж. Хоар связал в заголовке статьи ослабление напряженности в Греции с выступлением Бевина Э. в ООН, что в разы превозносило его значимость. Более того, в связи с широкой поддержкой СБ ООН Великобритании, по мнению автора, были развеяны распространенные опасения о возможности ухода Королевства из Греции. Журналист также подчеркнул актуальную проблему терроризма как инструмента и левых, и правых сил. В отличие от других региональных изданий газетой был поднят вопрос о риске переноса выборов в этой стране в связи с несогласием Архиепископа Дамаскина с проведением выборов по пропорциональной системе [*The News Chronicle*, 6 Feb., 1946].

Интересно, что греческие проблемы описывал и британский корреспондент, находившийся в Нью-Йорке, С. Гедер. По его мнению, разгоревшийся спор в ООН по поводу войск Великобритании вновь вызвал уважение к лейбористскому правительству среди населения Штатов. Американцев он иронично описал как людей, «чьи подозрения в отношении социалистических экспериментов в Британии уступают лишь их неприязни к коммунизму». Приводились и выдержки из американских изданий: «Корреспондентам остается только усердно писать об этом столкновении по сложным политическим вопросам в Греции как о стычке в рамках большой политической борьбы за власть, рекламирующей лобовое столкновение британского и советского империализма в Средиземноморье» (*New York Herald-Tribune*) [*The News Chronicle*, 6 Feb., 1946].

Корреспонденты газеты *The Scotsman* в последующих публикациях активно развивали тематику обстановки в ООН 1946 г. по поводу греческих дел. Представитель Великобритании стремился к четкому заявлению в СБ ООН о том, что присутствие британских войск в Греции не представляло угрозы миру. Повторялся тезис о том, что Совет Безопасности «явно» поддерживал позицию Соединенного Королевства. Состояние СБ характеризовалось как критическое по причине категоричной британской позиции, которая возложила ответственность за разногласия на СССР, так как именно Москва поднимала греческий вопрос на заседаниях. Настрой советского представителя показан неубедительным. В качестве аргумента приводилась смягченная формулировка: «должно быть понимание того, что британские войска будут выведены «как можно скорее». В конце публикации подчеркивалось, что «защита Вышинского была совершенно неубедительной». При каждом упоминании любой из балканских стран, Советский Союз поднимал вопрос о Греции, это вызывало недовольство и британской стороны, и отрицательную оценку корреспондента *The Scotsman*. Также автор высказывал благодарность и восхищение представителю Великобритании за твердость позиции, которая якобы помогла справиться с разногласиями [*The Scotsman*, 5 Feb. 1946, p. 4].

Издание приводило тексты выступлений и Э. Бевина, и А.Я. Вышинского. Советский представитель назвал ситуацию в Греции напряженной, отметил, что режим террора в стране поддерживался ее правительством, это представляло угрозу войны против Албании и Болгарии. Э. Бевин, напротив, обвинял в нестабильности в стране греческих коммунистов, в непрекращающейся пропаганде против Британского Содружества – Москву. Вышинский, в свою очередь, указал на факт того, что слова о нечеловеческих условиях в Греции и о терроре объявлялись всего лишь пропагандой Москвы. Упоминались в речи Э. Бевина и предстоящие «свободные выборы в Греции», проведение которых получило поддержку со стороны Франции, Великобритании и США, и наличие «свободного парламента, о ходе работы которого сообщается» в Великобритании. Британский представитель красноречиво ответил на обвинения: «Теперь говорят, что мы подавляем Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ), и что они составляют большинство населения. Я не знаю, какая политическая партия является большинством в Греции, и я не знаю, кто победил, пока дело не дойдет до голосования». Затем, чувствуя полную уверенность, он позволил себе шутку. В подтверждение позиции Королевства автор заметки привел заявления Э. Бевина о том, что Великобритания защищала все население Греции, а не только правое крыло. И, по его «тщательно проверенной информации», с 20 декабря по 13 января 1946 г. было совершено 122 инцидента левыми, 41 – правыми и 58 – неизвестными лицами [*The Scotsman*, 5 Feb., 1946, p. 5].

Так же как и в лахорской *The Civil and Military Gazette*, в *The Scotsman* приведено мнение представителя Греции в ООН Агнидиса Т. о радости греческого народа британскому присутствию. Он высказал озадаченность словами Вышинского А.Я. об опасности войны между Грецией и Болгарией, ведь, по его оценкам, у Греции отсутствовали ресурсы и потенциал. Автор показал официальные позиции Афин, Парижа, Канберры, Варшавы, которые без сомнений верили в добрые намерения Великобритании в Греции. Любопытно заявление представителя США тем, что предлагалось поблагодарить всех выступавших за описание трудностей, с которыми столкнулась Греция, и не предпринимать никаких изменений насчет присутствия британских войск в стране [*The Scotsman*, 5 Feb., p. 5].

Д.Х. Брэндон из *The Sunday Times* с восхищением описывал, что «Бевин творит историю как главный герой открытой дипломатии, которая может только укрепить уверенность в будущем ООН» [*The Sunday Times*, 3 Feb. 1946]. В свою очередь, *The Economist* и *The New Statesman* выступили с некоторой критикой: «Позиция Бевина может стать серьезным препятствием для любой надежды на восстановление разумных отношений с СССР» [*The Economist*, 9 Feb., 1946; *The New Statesman*, 9 Feb., 1946].

Таким образом, британские СМИ с разной степенью радикальности описывали дебаты по греческому вопросу 1946 г. на полях ООН. Не скрывали раздражения в унисон с официальной британской позицией тем, что советский представитель часто поднимал греческую проблему на заседаниях Совета Безопасности. Освещалось большое количество обвинений в сторону СССР, начиная от постановки вопроса о греческих делах, заканчивая обсуждением войны с Болгарией. Британская позиция была описана в более убедительной манере, нежели советская. *The Times* и *The Sunday Times* всецело поддерживали выступления Э. Бевина, признавали соперничество держав за Грецию. *The Economist* рассматривала греческую ситуацию несколько отстраненно и глобально, как фрагмент мировой борьбы за власть. Автор газеты *The Scotsman* неоднократно использовал определение «свободная» в отношении Великобритании и правых сил Греции, применив прием «перенос», заключающийся в незаметном распространении авторитета ценности свободы на позицию Великобритании, тем самым способствуя формированию ассоциативных связей у читателей.

Манера освещения внешнеполитических событий *The Times* часто вызывала возмущение Форин-офиса. Министерство обвиняло газету едва ли не в просоветской позиции. 11 марта 1946 г. Э. Бевин. обсуждал политику издания с ее редактором Р. Баррингтон-Уордом. Министра возмущало, что газета настойчиво выступала за перенос парламентских выборов Греции, он обвинил ее в том, что «она бесхребетная, медуза, не поддерживает его и не выступает против СССР, более просоветская, чем пробританская» [*The Times*, 6 Mar., 9 Mar., 1946].

Леволлиберальная *The Manchester Guardian*, искренне поддерживавшая Э. Бевина, сочла, что многие аргументы в пользу отсрочки голосования были «весьма сомнительными», однако она признала, что некоторые из них были «разумными» [Vlavianos, 1992, p. 80–84]. Приближавшиеся парламентские выборы в Греции (31 марта 1946 г.) стали объектом пристального внимания британской прессы. *The Times* заявила, что следует рассмотреть вопрос об отсрочке, опубликовала редакционную статью, в которой утверждала, что выборы «не оправдают всех надежд, которые на них возлагались, если они пройдут без активного участия всех политических групп и без общей уверенности в том, что выборы состоятся» [*The Times*, 21 Feb., 1946]. Такое заявление *The Times* снова вызвало раздражение Министерства иностранных дел. «*The Times* – самая отвратительная газета в мире», – писал Р.У. Селби из его Южного департамента [Koutsopapanagou, 1996, p. 190].

С заголовком «Греция на пороге гражданской войны» 13 марта 1946 г. вышла заметка в *The News Chronicle*. Она несла пессимистичный прогноз. По мнению газеты, в стране ожидалась серьезные неприятности в связи с противоположными точками зрения греческих политических сил по поводу даты парламентских выборов. Описаны твердая поддержка Великобритании проведения голосования 31 марта и позиция левых – «быть готовыми к борьбе». Последние, как известно, выступали за отсрочку. Греческое правительство

запретило ЭАМ массовые демонстрации 17 и 24 марта. Издание выразило опасения по поводу эскалации конфликта. Британия все глубже втягивалась во внутреннюю политику Греции, а с учетом обвинений Э. Бевина, выдвинутых в Совете Безопасности ООН, авторы предполагали, с каким интересом советское представительство в Афинах наблюдало за развитием событий [The News Chronicle, 13 Mar., 1946].

В The Scotsman освещался вопрос наличия условий, необходимых для проведения свободных выборов. Коммунистические силы подвергались всяческому обвинению, ЭЛАС упрекали даже в плохом душевном состоянии греческого народа. Однако была представлена и жалоба ЭАМ на ежедневное увеличение британского контингента и припасов в Греции. Отмечались разные точки зрения по поводу возможного визита Бевина Э. в Грецию. По мнению премьер-министра Греции Софулиса, выборы стали бы результатом страха и ненависти, а также он полагал, что «коммунизм и монархия приведут к одному и тому же результату – катастрофе» [The Scotsman, 18, 19 Mar., 1946].

Декларировавший аполитичность взглядов региональный ежедневник The Belfast Telegraph довольно эмоционально описывал предстоящие греческие выборы: «греческая неразбериха; ситуация в Греции как никогда запутана». Тем не менее были высказаны опасения по поводу риска гражданской войны и возможной ошибки в той ситуации Великобритании. Конфликт мог быть легко спровоцирован выборами, и Э. Бевин серьезно рисковал, отказав Москве в переносе выборов, по мнению газеты [Belfast Telegraph, 18 Mar., 1946].

The News Chronicle и The Observer высказались за перенос выборов, поскольку в противном случае возобновление гражданской войны было почти неизбежно. Консервативная пресса поддержала проведение выборов в назначенный срок, разделив точку зрения The Daily Telegraph: «Было трудно понять, какую пользу может принести стране отсрочка, и было сомнительно, что можно ожидать каких-либо улучшений. Обратное казалось более вероятным» [The Daily Telegraph, 11 Mar., 1946; The Daily Mail, 20 Mar., 1946].

Интересны расхождения во мнениях журналистов из Daily Herald. Так, Д. Баркер, направленный в Грецию для освещения выборов, был категорически против взглядов Н. Юэра. За несколько дней до выборов Баркер Д. писал: «Широко распространенные истории о бесчинствах, запугивании и фальшивых списках избирателей, даже пророчества о новой гражданской войне в значительной степени ложны или, по крайней мере, сильно преувеличены. Я сомневаюсь, что в целом это давление повлияет на основные результаты голосования». В The Times задавались вопросом, существовал ли какой-либо разумный шанс на улучшение греческой ситуации в будущем на более справедливых условиях [The Times, 21 Mar., 1946].

Леволлиберальная The Manchester Guardian оценила, что выборы «вероятно, приведут к избранию крайне правого правительства, жаждущего мести внутри страны, авантюра за рубежом и, что хуже всего, восстановления монархии со всеми вытекающими последствиями путем фальсификации плебисцита» [The Manchester Guardian, 30 Mar., 1946]. А консервативная The Daily Telegraph утверждала, что «роялисты будут обладать властью, поскольку они, по-видимому, проявляют волю, чтобы жестоко расправиться с оппозицией, король даже рискует довести дело до вооруженного конфликта» [The Daily Telegraph, 27 Mar., 1946].

Консервативная The Daily Mail считала, что «воскресные выборы не приведут к решению проблемы». Она опасалась, что, если не использовать добрую волю, рано или поздно придется предотвращать начало необъявленной гражданской войны [The Daily Mail, 29 Mar., 1946]. Дипломатический корреспондент The Sunday Times отметил, что если монархисты воспользуются возможностью свести старые счеты, то за этим последует период гражданских беспорядков [The Sunday Times, 31 Mar. 1946].

The Observer заявил, что это были «выборы, которые ничего не могут доказать и ничего не могут решить» [The Observer, 31 Mar. 1946]. The New Statesman предсказывала, что, «если разразится гражданская война: это не начнется, как это было раньше, с внезапных восстаний в городах и деревнях, люди могут уйти в горы и присоединиться к тысячам протестующих, которые уже скрываются там; оружие будет переправлено через границу, и Греция станет еще одной опасностью для мира» [The New Statesman, 30 Mar. 1946].

В греческой историографии событием, положившим начало гражданской войне, названо нападение в ночь на 31 марта на полицейский участок в г. Литохоро партизанского соединения ЭЛАС [Koliopoulos, Veremis, 2009, 134 p.; Konstantinos, 2015, 11 p.; Nachmani, 2016]. Подчеркнем, что не все британские газеты осветили его. Однако в отдельной заметке консервативной *The Belfast News-Letter* описано, как 15 греческих полицейских и солдат были убиты сотней людей, назвавшихся коммунистами [Belfast News-Letter, 1 Apr. 1946].

По прошествии выборов издания в ряде публикаций рассматривали их результаты. Совсем кратко, в констатирующей манере новость о вероятной победе роялистов появилась в упоминавшемся выше ирландском аполитичном ежедневнике *The Belfast Telegraph* на следующий после выборов день [Belfast Telegraph, 1 Apr. 1946]. Не была проигнорирована и поддержка Москвой греческих коммунистов в тезисе о том, что «выборы проведены в атмосфере террора, журналисты удивлялись отсутствию советских наблюдателей на голосовании» [Belfast Telegraph, 2 Apr. 1946].

Авторы *The Scotsman* четко сформулировали позицию Великобритании. Она заключалась в создании коалиционного греческого правительства с целью не допустить однопартийного управления в лице роялистов. Издание представило и результаты голосования в Греции. Наибольшее число голосов получили популисты (роялисты) – 269 408, на втором месте оказался центристский блок (национал-юнионисты) – 118 741. Либералы, занимавшие большинство в предыдущем парламенте, стали третьими – 72 390. И партия генерала Зерваса, бывшего лидера партизан правого толка, стала последней – 22 907 [The Scotsman, 2 Apr. 1946].

Рассмотрев итоги голосования, авторы *The Scotsman* пришли к следующим выводам: серьезную неудачу потерпел бойкот коммунистов, явка составила около 65 %, данный уровень назвали справедливым в контексте прошлых выборов; левые, вопреки ожиданиям издания, проголосовали по-разному, в соответствии с собственными интересами, а не за крайних радикалов, ранее издание предполагало, что целью такого голосования коммунистов было ускорение внутреннего коллапса страны и развязывание гражданской войны; значительное число избирателей неожиданно для газеты *The Scotsman* отдало свои голоса за либералов, выступив против крайностей, с их позицией предстояло считаться греческим политикам по различным вопросам, перспективы возвращения короля Георга в Грецию становились призрачными, так как появилась серьезная оппозиция. Даже роялисты голосовали не столько за возвращение монархии, сколько против коммунизма. Плебисцит в тогдашних условиях стал бы риском. С нескрываемой иронией автор статьи писал: «В течение недели греки будут заниматься своим любимым национальным занятием – роспуском кабинета министров. Я уже слышал с полдюжины имен, названных в качестве наиболее вероятного следующего премьер-министра. Греция, похоже, реагирует на свое обычное состояние нестабильного политического равновесия голосованием за центристов». Приводилось сообщение агентства Reuters о том, что Цалдарис К., лидер роялистов, при значительном перевесе голосов согласился бы на то, чтобы пост премьер-министра достался представителю других сил для формирования широкого коалиционного правительства, что, отметим, соответствовало тогдашним интересам Великобритании [The Scotsman, 2 Apr. 1946].

The Civil and Military Gazette описывала социально-экономическое положение дел в Греции через такие определения, как «печальное, тяжелое, полный развал; стоимость жизни в Греции взлетела до неслыханных высот, деньги потеряли свое значение». Отмечалось, что принятие мер по установлению в первую очередь экономического баланса привело бы к политической стабильности. Заголовок статьи «Гражданская война в Греции» появился на страницах этого издания 6 апреля 1946 г. Конфликт, по мнению газеты, завершил распад экономической системы, который немецкая оккупационная армия оставила незавершенным. Вскользь описана деятельность коммунистической Организации для защиты народной борьбы (ОПЛА) как террористическая. Регент, архиепископ Дамаскинос, сообщал, что ОПЛА казнила по меньшей мере 10 000 человек. Списки для голосования на парламентских выборах оказались устаревшими, в них значились имена умерших или пропавших людей. Во время немецкой оккупации большое количество греков покинуло города и ушло в горы. Снова была упомянута ОПЛА в

негативном контексте: «Однажды ОПЛА заставила 800 мужчин и женщин покинуть свои дома в Афинах и отправиться маршем через заснеженные горы, потому что их хотели использовать в качестве заложников в политических переговорах с конкурирующими политическими организациями». Рассматривались и задачи нового греческого правительства. Согласно точке зрения представителя ООН в Греции Мабена, главной из них названа организация гуманитарной помощи [The Civil and Military Gazette (Lahore), 6 Apr. 1946].

Внутренняя политика, экономика Греции не сходили с полос тогдашних британских СМИ. Так, в The Scotsman наиподробнее образом рассмотрен вопрос даты плебисцита о сохранении монархии. Авторы предполагали, что Великобритания и Соединенные Штаты договорились о проведении досрочного плебисцита 1 сентября 1946 г., а не в 1948 г., как было ранее запланировано. Популистам (роялистам), победившим на парламентских выборах, также было выгодно провести вскоре и референдум, пока не угасли роялистские настроения в обществе. С другой стороны, авторы рассуждали, что, «отложив рассмотрение конституционного вопроса на два года, можно было надеяться на решение спорной проблемы после достижения политической стабильности и достижение прогресса в экономическом восстановлении страны». С сожалением журналисты приводили новость об отказе США предоставить своих наблюдателей на плебисцит [The Scotsman, 20 Aug. 1946].

В июле новый премьер-министр Греции К. Цалдарис посетил Великобританию. Заметка об укреплении традиционной дружбы была опубликована в The Scotsman. Жизнеутверждающе описано, как обсуждались вопросы восстановления Греции, экономическое положение дел и предстоящий плебисцит. Приводились слова Цалдариса: «Для меня большое удовольствие находиться на английской земле, колыбели парламентской свободы» [The Scotsman, 8 Jul. 1946].

После проведения референдума было опубликовано много статей в британских изданиях. Как и предполагала британская пресса, в пользу короля было отдано 70 % голосов. Авторы поздравляли короля, писали о слаженной работе иностранных наблюдателей, недовольствах и заявлениях греческих коммунистов в продолжении борьбы [Belfast News-Letter, 2, 4 Sep. 1946; The Scotsman, 3 Sep. 1946]. Результаты плебисцита фактически лишали КПГ и ЭАМ последних шансов на достижение компромисса с властями, взявшими курс на подавление коммунизма в стране. 26 октября 1946 г., за день до прибытия в Афины короля Георга II, левые объявили об образовании Демократической армии Греции (ДАГ), которую возглавил коммунист М. Вафиадис, бывший заместитель командующего македонской группировкой ЭЛАС. Эту дату также считают началом гражданской войны в Греции. Однако даже в конце 1946 г. в The Scotsman поднимался вопрос о возможном начале гражданской войны, и как следствие – поражение министра иностранных дел Бевина. Среди международных проблем Греции, Палестины, Египта греческая ситуация была первой по важности, согласно мнению издания [The Scotsman, 16 Dec. 1946].

Заключение

Таким образом, британская пресса освещала позиции западных держав по греческому вопросу с разной степенью глубины, интенсивности и радикальности. Наиболее ярко они были выражены на заседаниях СБ ООН, в рамках визитов иностранных делегаций в Грецию, официальных заявлений. Либеральная The Scotsman подробнее и чаще остальных региональных изданий преподносила события, а проправительственная The Civil and Military Gazette отличалась своей крайне радикальной позицией. Частой критике Форин-офиса подвергалась The Times, выступавшая за перенос греческих парламентских выборов. С ней также были солидарны The Manchester Guardian и The Observer. Взаимосвязь греческих парламентских выборов с угрозой начала гражданской войны обсуждалась на страницах большинства британских газет. Поднимался вопрос переноса выборов. The Times, несмотря на повторяющуюся критику британского руководства в свой адрес, несколько раз открыто выступила за отсрочку голосования. В унисон с The Times «за» высказывалась и The Observer. The Manchester Guardian с долей сомнения, но

называла разумным перенос выборов вопреки аргументам Э. Бевина. The News Chronicle выражала опасения по поводу эскалации конфликта, описывала ситуацию с разных сторон. Среди региональных газет ярко выделялся The Belfast Telegraph, пришедший к выводу о серьезном риске Э. Бевина, который отказал СССР в переносе голосования.

По сей день существуют различные подходы в определении даты начала греческой гражданской войны, поэтому в то время как одни газеты описывали ее возможную отправную точку, другие публиковали заметки о ходе ее событий. Большую часть статей в 1946 г. занимали рассуждения корреспондентов о парламентских выборах, плебисците, экономической ситуации. Почти во всех заметках освещали и деятельность иностранных наблюдателей. С иронией описана в статьях и карикатурах демократия в Греции, назван любимым национальным занятием роспуск кабинета министров. Этим британские СМИ демонстрировали несерьезное отношение к стране, показывали нежелание правительства Великобритании предотвратить конфликт, его стремление сохранить военное присутствие в Греции; британские власти перекладывали ответственность за начало войны на греческое правительство.

Вместе с этим пресса Британии с радушием, гордостью или в констатирующей манере описывала политический курс своей страны, подчеркивая ее международное влияние. Греция во время конфликта продолжала играть большую роль во внешней политике великих держав, став перекрестком интересов складывавшейся биполярной системы международных отношений.

Список источников

- Belfast News-Letter, 1946–1949.
Belfast Telegraph, 1946–1949.
The Civil and Military Gazette (Lahore), 1946–1949
The Daily Mail, 1946.
The Daily Telegraph, 1946.
The Economist, 1946.
The Greek Frontier Incidents Question (3 Dec.). 1946. Official Documents of the United Nations. URL: https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/en/sc/repertoire/46-51/Chapter%208/46-51_08-9-The%20Greek%20frontier%20incidents%20question.pdf
The Greek question: USSR communication dated 21 Jan. 1946. Official documents of the United Nations. URL: https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/en/sc/repertoire/46-51/Chapter%208/46-51_08-3-The%20Greek%20question.pdf
The Greek question: Ukrainian SSR communication dated 24 Aug. 1946 Official documents of the United Nations. URL: https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/en/sc/repertoire/46-51/Chapter%208/46-51_08-8-The%20Greek%20question.pdf
The Manchester Guardian, 1946.
The New Statesman, 1946.
The News Chronicle, 1946–1949.
The Observer, 1946.
The Scotsman, 1946–1949.
The Scotsman. Official website. URL: <https://www.scotsman.com/about>
The Sunday Times, 1946.
The Times, 1946.

Список литературы

- Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. 2019. Информационная война: к генезису термина. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, № 3(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-k-genezisu-termina>
Калинин А.А. 2018. На переднем рубеже холодной войны: США, СССР и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.): монография. *Киров: ВятГУ*, 616 с.
Koliopoulos J.S., Veremis T.M. 2009. Modern Greece. A History Since 1821. 279 p. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/2747/1/49.pdf.pdf>

- Konstantinos T. 2015. The Greek Civil War in the Czech Press. *Masaryk University*. 25 p. URL: <https://digilib.phil.muni.cz/sites/default/files/pdf/142089.pdf>
- Koutsopanagou P. 1996. The British Press and Greek Politics, 1943–1949. *University of London. The London School of Economics and Political Science. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy in International History*. 349 p.
- Nachmani A. 2016. The Greek Civil War, 1946–1949. *The Ohio State University*. URL: <https://origins.osu.edu/milestones/march-2016-greek-civil-war-1946-1949>
- Vlavianos H. 1992. Greece, 1941–1949: From Resistance to Civil War, 350 p.

References

- Barabash V.V., Kotelenec E.A., Lavrent'eva M.Yu. 2019. Informacionnaya vojna: k genezisu termina [Information War: Towards the Genesis of the Term]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-k-genezisu-termina>
- Kalinin A.A. 2018. Na perednem rubezhe holodnoj vojny: SShA, SSSR i grazhdanskaya vojna v Grecii (1944–1949 gg.) [On the Front Lines of the Cold War: the USA, the USSR and the Civil War in Greece (1944–1949)]: monografiya. Kirov: VyatGU, 616 p.
- Koliopoulos J.S., Veremis T.M. 2009. Modern Greece. A History Since 1821. 279 p. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/2747/1/49.pdf.pdf>
- Konstantinos T. 2015. The Greek Civil War in the Czech Press. *Masaryk University*. 25 p. URL: <https://digilib.phil.muni.cz/sites/default/files/pdf/142089.pdf>
- Koutsopanagou P. 1996. The British Press and Greek Politics, 1943–1949. *University of London. The London School of Economics and Political Science. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy in International History*. 349 p.
- Nachmani A. 2016. The Greek Civil War, 1946–1949. *The Ohio State University*. URL: <https://origins.osu.edu/milestones/march-2016-greek-civil-war-1946-1949>
- Vlavianos H. 1992. Greece, 1941–1949: From Resistance to Civil War, 350 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.08.2024

Received 22.08.2024

Поступила после рецензирования 18.11.2024

Revised 18.11.2024

Принята к публикации 21.11.2024

Accepted 21.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Малай Вера Владимировна, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5699-4989](https://orcid.org/0000-0001-5699-4989)

Vera V. Malay, Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Пажвак София Бахрамовна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0004-0397-9856](https://orcid.org/0009-0004-0397-9856)

Sofia B. Pazhvak, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 378 + 930

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-891-900

Оригинальное исследование

Мемориальная культура современного французского монархизма

Кирчанов М.В.

Воронежский государственный университет,
Россия, 394000, Воронеж, Университетская пл. 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Автор в представленной статье анализирует монархизм как форму мемориальной культуры в исторической политике современного французского общества, несмотря на то что политическая система Франции отличается устойчивыми традициями республиканизма и гражданского национализма. Целью исследования является анализ монархизма как формы исторической памяти. Автор анализирует роль и место монархических интеллектуалов в развитии исторической политики и той мемориальной культуры, которая формируется и развивается в рамках монархического исторического воображения. Новизна исследования состоит в изучении актуального (современного) этапа в развитии монархической идеологии во Франции не как формы политического участия, но как формы развития исторической памяти и мемориальной культуры, основанной на принципах как исторического ревизионизма, так и французского национализма, отличного от его доминирующих республиканских версий. В статье показано, что 1) монархизм формирует и культивирует свои собственные представления о прошлом и истории; 2) историческое воображение монархизма является формой исторического ревизионизма, так как монархическое прошлое и наследие подвергается последовательной положительной мифологизации и идеологизации в политическом воображении сторонников монархии; 3) монархизм в своем историческом воображении формирует альтернативные версии исторической памяти и мемориальной культуры, отличающиеся от тех версий национальной исторической памяти, которые предлагаются республиканской идентичностью. Предполагается, что визуализация коллективной исторической памяти об уникальном историческом опыте французской монархии, включая нарративные и дискурсивные тактики и стратегии современных монархистов, содействует актуализации гетерогенного характера мемориальной традиции современной Франции, стимулируя консолидацию уникальных представлений о прошлом, формирующих основу монархического исторического воображения и мемориальной культуры как формы альтернативной памяти. В статье показано, что монархические формы исторической памяти содействуют дальнейшим трансформациям мемориальной культуры, стимулируя параллельное соразвитие альтернативных контрпамятей, функционирующих в политических и идеологических координатах монархизма.

Ключевые слова: Франция, монархизм, французская монархия, политическая ностальгия, историческая память, политика прошлого, ревизионизм, контрпамять, мемориальная культура

Для цитирования: Кирчанов М.В. 2024. Мемориальная культура современного французского монархизма. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 891–900. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-891-900.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Memorial Culture of Modern French Monarchism

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394000, Russia
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. Though the political system of France is distinguished by strong traditions of republicanism and civil nationalism, this article is focused on monarchism as a form of memorial culture and historical politics of modern French society. The purpose of the study is to analyze monarchism as a form of historical memory. The author analyzes the role and place of monarchical intellectuals in the development of historical politics and the memorial culture that is formed and developed in monarchical historical imagination. The novelty of the research lies in the study of the current (modern) stage in the development of monarchical ideology in France, not as a form of political participation, but as a form of development of historical memory and memorial culture, based on the principles of both historical revisionism and French nationalism that is different from its dominant republican versions. The article shows that 1) monarchism shapes and cultivates its own ideas about the past and history; 2) the historical imagination of monarchism is a form of historical revisionism, since the monarchical past and heritage is subject to consistent positive mythologization and ideologization in the political imagination of its supporters; 3) in its historical imagination, monarchism builds alternative versions of historical memory and memorial culture which differ from those offered by the republican identity. It is assumed that the visualization of the collective historical memory of the unique historical experience of the French monarchy, including the narrative and discursive tactics and strategies of modern monarchists, contributes to the actualization of the heterogeneous nature of the memorial tradition of modern France, stimulating the consolidation of unique ideas about the past that shape the basis of the monarchical historical imagination and memorial culture as a form of alternative memory. The article shows that monarchical forms of historical memory contribute to further transformations of memorial culture, stimulating the parallel codevelopment of alternative counter-memories in the political and ideological coordinates of monarchism.

Keywords: France, monarchism, French monarchy, political nostalgia, historical memory, politics of the past, revisionism, counter-memory, memorial culture

For citation: Kyrchanoff M.W. 2024. The Memorial Culture of Modern French Monarchism. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 891–900 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-891-900

Введение

В современном мире коллективная историческая память развивается как гетерогенное и многоуровневое явление. Среди множественных памятей особое место занимают версии и проявления исторической памяти, связанные с определенными социальными группами или политическими течениями в современных западных обществах. Предполагается, что собственными традициями коллективной исторической памяти могут обладать не только национальные государства, но и политические партии, миноритарные группы в рамках современных многосоставных государств, различные институты, специальные службы, армия, полиция, корпорации, профессиональные сообщества.

Уникальным случаем формирования и развития подобных версий исторической коллективной памяти следует признать мемориальные культуры формально маргинальных политических групп, которые являются несомненными меньшинствами в современных западных государствах. Таким образом, исследователи анализируют память крайне левых политических групп. В центре таких исследований может оказываться мемориальная культура и традиции коллективной памяти и крайне правых движений. Предполагается, что различные политические маргинальные и радикальные группы также являются носителями уникаль-

ных исторических коллективных памятней, которые отражает их политический опыт, связанный с пребыванием у власти их предшественников, ее утратой и последовательной маргинализации в рамках других, альтернативных им, политических режимов. Уникальным случаем формирования подобной мемориальной культуры является современный монархизм.

Объект и методы исследования

В качестве объекта изучения в данной статье выступает мемориальная культура современного французского монархизма. Представленная статья, с точки зрения методологии, основана на достижениях междисциплинарной современной историографии [Cubitt, 2013]. В рамках исторической науки понятия и концепты, связанные с образами истории и прошлого, их политизации и идеологизации, последовательной инструментализации, представленности в публичных и общественных пространствах, анализируются через призму мемориального поворота [MacMillan, 2009]. Применение подобного подхода позволяет воспринимать монархические видения истории, в рамках которых генерируются и функционируют изобретенные традиции памяти и контрпамяти как социальные и интеллектуальные конструкты [Geremek, 2009]. Данная статья, кроме этого, основана на принципах, предложенных в рамках интеллектуальной истории и истории идей. Последние позволяют воспринимать монархические видения истории и связанные с ними мемориальные культуры коллективной исторической памяти как социокультурные, политические и идеологические конструкты.

В представленной статье анализируется монархизм как форма альтернативной исторической памяти. Целью автора является изучение монархизма как формы коллективной памяти в современной Франции, задачами – 1) анализ политического воображения в современном интеллектуальном монархическом дискурсе; 2) выявление особенностей монархизма как формы альтернативной исторической памяти; 3) изучение перспектив развития монархизма как основы субкультуры коллективной памяти в современной Франции, отличной от идей и ценностей республиканской гражданской нации.

Результаты и их обсуждение

Культура памяти французского монархизма. Современный монархический дискурс во Франции отличается гетерогенным характером. На территории страны действует несколько монархических организаций, что связано с историческими особенностями развития французской монархии, так как в прошлом королевский престол могли занимать представители различных династий. Монархические организации консолидируются вокруг Бурбонов или представителей Орлеанского дома. Первые известны как легитимисты, вторые – орлеанисты. Среди монархических организаций крупнейшими являются Французское действие (Action française), Новое роялистское действие (Nouvelle Action royaliste) и Королевский альянс (Alliance royale), существующие соответственно с 1898, 1978, 2001 гг.

В политическом и идеологическом плане монархизм в современной Франции характеризуется склонностью к национализму, отличаясь скептическим отношением к проекту европейской интеграции, отстаивая ценности и принципы, согласно которым Франция должна представлять собой суверенное государство с собственной сильной армией, не подчиняющейся транснациональным военно-политическим организациям. Современных монархистов в плане политической программы объединяет уверенность в том, что монархию необходимо реставрировать, так как республика, по их мнению, представляет неправильную и противостественную форму правления, отличаясь нестабильностью и склонностью элит к коррупции. Единственным разделяющим фактором в монархизме является только династический вопрос, так как существующие организации поддерживают представителей разных династий.

Политическая программа современного монархического движения отличается синтетическим характером, но ее центральным элементом следует признать склонность к использо-

ванию популистской риторики. В идеологическом плане монархисты, как правило, поддерживают крайне правых, например – Национальное движение. Развитие монархической идеологии в современной Франции невозможно без активного использования истории как эффективного символического мобилизационного политического ресурса. Использование истории в политических целях в современной политике в целом носит универсальный характер [Aguilar Fernández, 2008]. Монархические интеллектуалы могут быть определены как агенты исторической политики или политики памяти, которые конструируют свои собственные версии мемориальной культуры, основанные на апелляции к наследию монархии и, как результат, радикально отличные от тех, что формируются в рамках современной гражданской идентичности Французской Республики.

Мемориальная культура современного французского монархизма маргинальна в сравнении с доминирующими версиями памяти, основанной на принципах гражданского национализма. Тем не менее мы не можем игнорировать те факторы, которые содействуют большей видимости таких альтернативных форм коллективной исторической памяти. По мнению французского историка П. Нора, контрпамяти стимулируются рядом причин, включая «интеллектуальный крах марксизма, радикальную дискредитацию Советского Союза, быстрый упадок Коммунистической партии, которая несколькими годами ранее еще мобилизовала до четверти электората, падение ее влияния на значительную часть французской интеллигенции» [Nora, 2002].

Монархическая версия современного французского исторического воображения может быть описана как в категориях альтернативности, так и маргинальности для национальной версии мемориальной культуры, что в целом соотносится с триадой, предложенной Э. Фиораванти и А. Монкуси-Ферре, полагающими, что в современном мире возможна следующая типология акторов исторической политики – политические институты, общественные движения и гражданское общество [Fioravanti, Moncusí-Ferré, 2023]. Трансплантируя историческую политику и мемориальную культуру монархизма как форму контрпамяти, мы, вероятно, можем предположить, что состав ее акторов ограничен как общественными движениями, так и гражданским обществом, так как представители двух этих сегментов вовлечены в формирование и воспроизводство памяти, основанной на последовательной положительной идеологизации монархического прошлого.

Историческое воображение современного французского монархизма на актуальном этапе развития отличается стремлением его идеологов подчеркивать и визуализировать преемственность в историческом процессе. В качестве доказательства такого континуитета приводится институт монархии. В связи с этим монархисты настаивают не только на преемственности между различными правящими династиями от Капетингов до Бурбонов [Déclaration de principes], но и на том, что большая часть политической истории Франции прошла под знаком королевской власти. В такой ситуации современные попытки монархистов консолидировать собственную версию исторической памяти вдохновляются «монархическим наследием и желанием вернуть во французскую общественную дискуссию и на международный уровень вопрос об этом наследии» [Qui sommes nous?].

Поэтому одной из центральных идей в современном монархическом дискурсе является уверенность в необходимости пересмотра истории французской монархии, которая, по мнению монархистов, намеренно искажена в рамках республиканской историографии. Формируя положительный образ истории Франции периода монархии, современные монархисты настаивают на том, что королевская власть была не только средневековым, но и политически эффективным институтом, так как история стала «золотым веком в области экономического прогресса, идей и искусства... Франция Людовика XVI была ведущей мировой державой, ее флот господствовал на морях, промышленность процветала... Потребовались десятилетия, чтобы восстановить прежний уровень процветания после ущерба, нанесенного Революцией и Империей» [D'accord, mais la...]. В подобном контексте история и па-

мять «представляют собой различные формы знания о прошлом, каждая из которых претендует на соединение настоящего с прошлой реальностью» [Schultze-Kraft, 2022, p. 44]. В случае с современным монархическим историческим воображением такие рефлексии отличаются и значительной степенью идеологизации предлагаемого нарратива.

Политическая компонента исторической памяти монархизма. Такая история, основанная на восприятии монархии как центрального элемента исторической памяти, в рамках монархической мемориальной культуры описывается и конструируется в рамках почти исключительно этнической системы координат. Поэтому утверждение о том, что «французы хотят вернуть французов во Францию и восстановить контроль» [Ce que veulent...] воспринимается в качестве центральной идеи исторического воображения. В рамках такого видения исторического прошлого история Республики воспринимается как период кризиса и исключительной политической нестабильности [Où est passée la...].

Восприятие истории подвергается последовательной идеологизации. В связи с этим в историографии подчеркивается, что «захват истории памятью – это также захват истории политикой» [Rieff, 2016, p. 63]. Монархия в исторической памяти, подчиненной политической и идеологической конъюнктуре, предлагаемой монархистами, воспринимается как основа развития и политического прогресса, так как «именно короли Капетинги создали современное государство, начиная со средневековья. Революция сделала его тоталитарным государством, это не совсем то же самое» [Sauf que le roi...]. В рамках той версии исторической памяти, которая предлагается монархистами, Капетинги выступают как объект идеализации и позитивной мифологизации.

Сторонниками монархизма утверждается, что монархия исторически «вдохновлялась духом Капетингов, поскольку он основал Францию. Дух Капетингов – это политический прагматизм, отвергающий любую идеологию, это стремление передать наследие будущим поколениям, это убежденность в том, что все делается с течением времени и непрерывно, с терпением и решимостью, это реалистичная привязанность к суверенитету и влияние нашей страны и, наконец, это стремление к единству, справедливости и миру для народа Франции» [Nos positions officielles]. Поэтому монархическое прошлое в мемориальной культуре современного французского монархизма утрачивает качества прошлого, обретая концептуально и содержательно новые характеристики, культурно мутируя во внепространственное, но преимущественно идеологическое место памяти [Nora, 1989], и социально трансформируясь в изобретённую традицию [Hobsbawm, Ranger, 1983].

В исторической памяти монархизма республика соотносится с «подрывными идеями так называемого века Просвещения... и буржуазным либерализмом» [La royauté est revenue...]. Современное конструирование истории и образов прошлого современными монархистами отличается явно инструменталистским характером, то есть те моменты истории, в том числе и новейшей, которые представляются монархистам политически и идеологически удобными, активно ими используются. Именно таким образом воспринимаются ими современные протесты фермеров, описываемые через призму «крестьянских восстаний», хотя исторически королевская власть во Франции подавляла протестную активность со стороны крестьянства. Для современной модели исторической коллективной памяти, которая предлагается монархистами, характерно стремление оперировать не только наследием той эпохи, когда Франция была монархией, но и использовать явно республиканские образы.

Со стороны монархистов активно предпринимаются попытки формирования альтернативного пантеона национальных героев, в состав которого интегрируются участники движения Сопrotивления [Communiqué: entrée...], хотя политические предпочтения последних были явно на стороне республики, а не монархии. История в рамках той политики памяти, которую проводят монархисты, воспринимается исключительно инструменталистски. Прошлое редуцируется до набора аргументов и доказательств, которые свидетельствуют о кризисе республики и в пользу реставрации монархии. В рамках такой логики восприятия исто-

рии подчеркивается, что «необходимо восстановить монархию. Национализм логически ведет к роялизму. Франция – плод политики Капетингов, проводившейся более восьми столетий. Сегодня монархия наделила бы государство полезными качествами» [La restauration de...]. Одной из центральных фигур в исторической памяти монархизма оказывается Ш. де Голль [Le bel avenir...], который в целом воспринимается положительно, что свидетельствует об ограниченности исторического воображения монархизма, склонного редуцировать историю до отдельных великих личностей.

Обращение монархистов к фигуре Ш. де Голя в политическом воображении современного французского монархизма носит почти исключительно утилитарный характер. Наследие де Голя оказывается востребованным монархистами в тех случаях, когда речь заходит о внешней политике. Де Голль ассоциируется с проведением, на их взгляд, правильной политики, основанной на суверенитете и стремлении реализовать национальные интересы Франции. Монархический период в истории Франции современными монархистами воспринимается как время проведения правильной внешней политики. «Правильность» такой политики монархистами определяется через призму отсутствия интеграционных европейских объединений, которые ограничивали суверенитет Франции. Защита интересов Франции, как полагают теоретики современного монархизма, находится в прямом противоречии с проевропейскими обязательствами, которые взяты Парижем [Elections européennes...]. Центральным моментом в монархической критике внешней политики является уверенность в том, что «Европейский Союз не скрывает своего намерения заменить государства» [Une France royale...]. В целом монархисты настаивают, что членство Франции в ЕС и проведение той внешней политики, которая инициируется правящими элитами, ведет страну к кризису. Именно поэтому подчеркивается, что в ситуации «нестабильной международной обстановки Франция идет к глобальному краху» [Elections européennes...].

Несмотря на интерес к наследию республиканских политиков, для мемориальной культуры современного французского монархизма фигуры средневековой истории представляются более значимыми, так как они не только жили в период монархии, но и демонстрировали верность и лояльность в отношении королевской власти. В рамках такой модели исторической политики среди центральных фигур в историческом пантеоне особое место занимает Жанна д'Арк [Le juge décide...]. В мемориальной культуре современного французского монархизма Жанна д'Арк подвергается последовательной положительной мифологизации [Réunissons-nous au colloque...]. Исторический нарратив монархизма склонен конструировать образ Жанны д'Арк, патетически подчеркивая, что «память о великой освободительнице принадлежит всему французскому народу; она должна объединить их общей мыслью о патриотизме. Но мы не должны допустить, чтобы ее сверхъестественная миссия была лишена католического и роялистского характера... Дочь народа, которую Бог искал под скромной крышей Домреми, совершила величайшие, а может быть, и все чудеса. Она пробудила нацию, впавшую в летаргию, вернула уверенность самым обескураженным, веру самым скептически настроенным, вдохновила преданность самых эгоистичных и положила конец всем разногласиям среди тех, кто группировался вокруг ее святого знамени» [Hommage à Jeanne d'Arc]. Другой фигурой, которая в монархической памяти мифологизирована, является Людовик XVI, воображаемый как король-мученик [Messe pour la...]. В этом контексте становится заметной тенденция к конфронтации между акторами исторической политики и академической историографией. Если профессиональный историк «мечтает об объективности – научная нейтральность продолжает оставаться его эпистемологическим и эвристическим горизонтом» [Pellistrandi, 2016], то агенты политики памяти настаивают на актуализации «трагического коллективного опыта», что ведет к еще большей политизации восприятия истории в монархическом историческом воображении.

Монархическая память как изобретенная традиция. Историческая память, как показано в современной историографии, «сталкивается с многочисленными проблемами, которые необходимо решать при проведении прикладной работы с исторической памятью в

условиях насилия» [Schultze-Kraft, 2022, p. 40] или коллективной рефлексии относительно последнего, чем фактически и заняты монархисты, предлагающие альтернативную версию исторической памяти. Казнь Людовика XVI стала стимулом для развития мемориальных изобретенных традиций монархической памяти, которые воспроизводятся в публичных и общественных пространствах Франции регулярно [Commémoration du...].

В современной историографии памяти общим местом стало утверждение о том, что «прошлое использовалось национализмом, колониализмом, империализмом... и другими “измами”... в соответствии с потребностями настоящего» [Wienberg, 2021]. Не является в этом контексте исключением и современный французский монархизм, который, как и другие политические идеологии, активно использует память, откровенно злоупотребляя ею [Terray, 2006], но и оказался в состоянии стать не только активным участником политики исторической памяти, но и предложить свою собственную мемориальную культуру. Поэтому памятные мероприятия [Monseigneur le comte...], как правило, религиозного характера [Mgr. le Comte de Paris...], стали формами актуализации памяти о монархии, ставшей жертвой революции. Для монархического исторического воображения в целом характерно идеалистическое отношение к истории [La culture, la France...], в рамках которого французская монархия и современный ей мир подвергается явной идеализации, так как на том этапе доминировали национальные государства, а глобализация отсутствовала.

Монархисты настаивают, что Франции нужны содержательно и качественно другие политические изобретенные традиции, связанные с актуализацией не республиканских, но монархических образов. Если первые воспринимаются как почти исключительно политические, которые стимулируют фрагментацию и раскол общества, то вторым, наоборот, приписывается консолидирующее значение. Монархисты активно противопоставляют монархию и республику, подчеркивая, что «мы предлагаем отметить битву при Бувине 27 июля как национальный праздник. Бувин – это “творческая победа”. Франция, конечно, берет свое начало не от Бувина, ее содержание восходит к галло-римской эпохе, оно зародилось как политическое образование из крещенской купели Реймса. Но 27 июля 1214 года Франция стала самостоятельной нацией. Вот почему эту основополагающую победу следует праздновать гораздо больше, чем печальное воспоминание о 14 июля. С одной стороны, в 1214 году объединенный народ столкнулся с внешней угрозой, желавшей расчленить Францию. С другой стороны, в 1789 году произошел варварский и кровавый эпизод, закрепивший глубокий раскол внутри нации и на котором республика основывала свою пропаганду. Если 27 июля 1214 г. было творческой победой, то 14 июля 1789 г. было разрушительным бунтом, и это – реальность» [Nos positions officielles].

Политический проект, предложенный в рамках республики, воспринимается как история последовательных провалов и неудач, так как идеи прогресса и социальной ответственности, предложенные республиканцами, по мнению монархистов, исторически оказались неэффективными [Pôle idéologique des...]. Историческая политика и мемориальная культура современного французского монархизма основаны на последовательной деконструкции образов 1789 г. из коллективной памяти, так как последние воспринимаются не более как миф. Идеализируя монархию, монархисты подвергают критике не только республику, но и революцию, которая привела к ее утверждению.

В рамках современного монархического исторического воображения революция и республика воспринимаются как репрессивные проекты [La victoire des...], в результате которых стал возможен не только «геноцид в Вандее 1793–1794 годов», но и превращение Франции в антихристианское государство [L'héritage de 1793?]. Мемориальная культура монархизма, основанная на политически мотивированном восприятии истории, что ведет к злоупотреблению с фактами прошлого в угоду политической и идеологической конъюнктуры [Todorov, 2004], акцентирует внимание на «многочисленных вторжениях с 1792 года, конституционной нестабильности, внутренней борьбе, революции, общем ослаблении

Франции» [Notre manifeste], которые стали следствием установления республики. В сравнении с монархией республика в мемориальной культуре монархизма предстает как период упадка и деградации, так как «у республиканцев нет философской и политической культуры» [Comment le verbiage...]. Историческая память монархизма функционирует как избирательная конструкция. Поэтому, «если одни исторические события являются частью коллективной памяти, то другие исключены потому, что память – субъективная конструкция, а не нейтральное представление о прошлом» [Terrasse, 2019]. В целом динамика развития мемориальной культуры современного французского монархизма отражает общую тенденцию, связанную с растущей «конкуренцией между памятью и историей» [Joutard, 2001], когда обе эти категории подвергается последовательной идеологизации и политизации, что содействует в целом инструментализации истории, ее использованию в политических целях и интеграции в арсенал средств, применяемых при политической мобилизации.

Заключение

Монархисты в рамках культуры памяти бросают вызов устоявшимся нарративам республиканской историографии и связанным с ними культурами памяти. Исторические мифы, появившиеся в коллективной исторической памяти и сформировавшиеся в республиканской политической модели, постоянно подвергаются ревизии в рамках мемориальной культуры монархизма. Монархическую форму исторической памяти можно интерпретировать как альтернативную субкультуру или альтернативную коллективную историческую память, то есть контрпамять. Роль и значение таких культур памяти в современном мире маргинальна.

Центральным компонентом в современном монархическом дискурсе является альтернативность, так как теоретики монархии склонны предлагать альтернативные сценарии как внутренней, так и внешней политики. Вместе с тем монархистов можно отнести к маргинальной группе среди акторов исторической политики, поскольку их влияние на основные векторы исторической памяти и пути ее развития незначительно. Монархические формы альтернативной исторической памяти тесно связаны с развитием национализма, что может способствовать растущей фрагментации современных обществ, их политических культур и памятней.

Альтернативные культуры памяти, связанные с монархической идеологией, маргинальны в современной политической культуре, представляя собой уникальный вариант коллективной памяти, что указывает на пластичность интерпретаций прошлого в рамках современного идеологического дискурса. Все эти факторы подчеркивают важность и необходимость более всестороннего и междисциплинарного исследования современной коллективной памяти монархизма как уникальной субкультуры, генерирующей альтернативные видения и понимания прошлого в странах, где доминируют республиканские формы идентичности и исторической памяти.

Список источников

- Ce que veulent les Français. URL.: https://www.actionfrancaise.net/2023/12/12/ce-que-veulent-les-francais/?doing_wp_cron=1713721405.7355189323425292968750
- Commémoration du 21 janvier 2024. URL: <https://allianceroyale.fr/commemoration-du-21-janvier-2024/>
- Comment le verbiage républicain a trahi les Français. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2022/11/28/comment-le-verbiage-republicain-a-trahi-les-francais/>
- Communiqué: entrée au Panthéon de Missak et Mélinée Manouchian. URL: <http://nouvelle-action-royaliste.fr/idees/presentation/positions/communique-entree-au-pantheon-de-missak-et-melinee-manouchian>
- D'accord, mais la Révolution a apporté le progrès à la France. URL: <https://allianceroyale.fr/idees-recues/>
- Déclaration de principes. URL: <http://nouvelle-action-royaliste.fr/presentation/principes>
- Hommage à Jeanne d'Arc. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2020/05/10/hommage-a-jeanne-darc/>
- Elections européennes du 9 juin 2024. URL: <https://allianceroyale.fr/elections-europeennes-du-9-juin-2024/>

- L'héritage de 1793? URL: <https://www.actionfrancaise.net/2023/08/03/lheritage-de-1793-2/>
- La culture, la France et l'universel par Gérard Leclerc. URL: <http://nouvelle-action-royaliste.fr/idees/presentation/politiques/la-culture-la-france-et-l-rsquo-universel-par-gerard-leclerc>
- La restauration de la monarchie. URL: <https://www.actionfrancaise.net/le-mouvement/manifeste/>
- La royauté est revenue au pouvoir en 1815, mais elle n'a pas duré longtemps, c'est la preuve qu'elle n'était pas adaptée au monde modern. URL: <https://allianceroyale.fr/idees-recues/>
- La victoire des martyrs de Toulon. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2023/12/18/la-victoire-des-martyrs-de-toulon/>
- Le bel avenir du Gaullisme. URL: <http://nouvelle-action-royaliste.fr/idees/presentation/editoriaux/le-bel-avenir-du-gaullisme>
- Le juge décide que célébrer une fête nationale légale est en effet légal. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2023/05/13/le-juge-decide-que-celebrer-une-fete-nationale-legale-est-en-effet-legal/>
- Messe pour la mémoire du roi martyr. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2024/01/11/messe-pour-la-memoire-du-roi-martyr/>
- Mgr. le Comte de Paris rend hommage à Louis XVI dans la paroisse des Rois de France. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2018/01/20/mgr-comte-de-paris-rend-hommage-a-louis-xvi-paroisse-rois-de-france/>
- Monseigneur le comte de Paris assistera à une messe à la mémoire de Louis XVI le 21 janvier. URL: <https://www.actionfrancaise.net/2021/01/15/monseigneur-le-comte-de-paris-assistera-a-une-messe-a-la-memoire-de-louis-xvi-le-21-janvier/>
- Nos positions officielles. URL.: <https://allianceroyale.fr/nos-positions-officielles/>
- Notre manifeste. URL: <https://www.actionfrancaise.net/le-mouvement/manifeste/>
- Où est passée la République? URL: <https://www.actionfrancaise.net/2023/06/30/ou-est-passee-la-republique/>
- Pôle idéologique des «valeurs républicaines». URL: <https://www.actionfrancaise.net/2020/11/19/pole-ideologique-des-valeurs-republicaines/>
- Qui sommes nous? URL.: <https://allianceroyale.fr/sommes/>
- Réunissons-nous au colloque, défilons en l'honneur de Jeanne... URL: <https://www.actionfrancaise.net/2024/04/20/reunissons-nous-au-colloque-defilons-en-lhonneur-de-jeanne/>
- Sauf que le roi se prenait pour l'Etat: c'est Louis XIV qui l'a dit. URL: <https://allianceroyale.fr/idees-recues/>
- Une France royale au cœur de l'Europe. URL: <https://allianceroyale.fr/une-france-royale-au-coeur-de-leurope/>

References

- Aguilar Fernández P. Políticas de la memoria y memorias de la política. Madrid: Alianza Editorial, 2008. 583 p.
- Cubitt G. History and Memory. Manchester: Manchester University Press, 2013. 273 p.
- Fioravanti H., Moncusí-Ferré A. Memory Politics on a Neighborhood Scale: Uses of the Past in the Historic Center and the Periphery of Valencia (Spain). *Journal of Contemporary Ethnography*. 2023, 52(3): 379–403. doi: <https://doi.org/10.1177/08912416221121341>
- Geremek B. Common Memory and European Identity. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History* / eds. H. Swoboda, J.M. Wiersma. Wien: Renner Institut, 2009: 31–42.
- Joutard Ph. Construction de la mémoire historique en France. *Annuaire de l'EHESS*. 2002: 167–169.
- MacMillan M. *Dangerous Games: The Uses and Abuses of History*. NY.: Modern Library, 2009. 208 p.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*. 1989, 26 (Special Issue: Memory and Counter-Memory): 7–24.
- Nora P. L'avènement mondial de la mémoire. *Tr@nsit online*, 2002, 22. URL.: <https://www.iwm.at/transit-online/lavenement-mondial-de-la-memoire>
- Pellistrandi B. La mémoire historique entre concept historiographique, fonction sociale et enjeu moral. *Les failles de la mémoire* / éd. F.D. Lairys. Paris: Presses universitaires de Rennes, 2016: 25–40. URL.: <https://books.openedition.org/pur/55724> doi: <https://doi.org/10.4000/books.pur.55724>
- Rieff D. In Praise of Forgetting. *Historical Memory and Its Ironies*. New Haven – L.: Yale University Press, 2016. 160 p.

- Schultze-Kraft M. Historical Memory and Its (Dis)contents. Education for Sustaining Peace through Historical Memory. L. – NY.: Palgrave Macmillan Cham, 2022: 37–61.
- Terrasse R. La mémoire historique est un enjeu d'influence. *Conflicts. Revue de Geopolitique*. 2019. Octobre 2. URL.: <https://www.revueconflicts.com/education-europe-histoire-invasions-memoire-des-hommes-ottomans/>
- Terray E. Face aux abus de la mémoire. Arles: Acte Sud, 2006. 96 p.
- The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 322 p.
- Todorov T. Les Abus de la mémoire. Paris: Arleá, 2004. 61 p.
- Wienberg J. Chronic Nostalgia. *Heritopia*. 2021. March 09. URL.: <https://www.manchesterhive.com/display/9789198469943/9789198469943.00008.xml?chapterBody=pdf>; DOI: <https://doi.org/10.7765/9789198469943.00008>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 04.05.2024

Received 04.05.2024

Поступила после рецензирования 30.07.2024

Revised 30.07.2024

Принята к публикации 02.08.2024

Accepted 02.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
 [ORCID: 0000-0003-3819-3103](https://orcid.org/0000-0003-3819-3103)

Maksym W. Kyrchanoff, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economics, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, the Faculty of History, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 94:632.45(735-574)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-901-912

Оригинальное исследование

Роль США в вопросах ядерного разоружения Казахстана: история вопроса

Комлякова Ю.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин заинтересованности США в ядерном разоружении Казахстана, а также изучению роли Соединенных Штатов в данном процессе. С распадом Советского Союза Казахстан унаследовал четвертый по величине ядерный арсенал в мире – более тысячи ядерных боеголовок, десятки тяжелых бомбардировщиков и более сотни межконтинентальных баллистических ракет. Правовой статус советского оружия, оставшегося в Казахстане, не был формализован до марта 1994 года. В таких реалиях, а также принимая во внимание колоссальные геополитические изменения, при которых Соединенные Штаты остались единственным полюсом силы в постбиполярной системе международных отношений, американский политикум не мог оставить без внимания столь значимую проблему. В свою очередь Казахстан, столкнувшись с экономическим и политическим кризисом после распада Советского Союза, также нуждался в американском партнерстве, которое обеспечивало финансовую и техническую поддержку.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, Казахстан, Центральная Азия, ядерный арсенал, разоружение, денуклеаризация

Для цитирования: Комлякова Ю.Ю. 2024. Роль США в вопросах ядерного разоружения Казахстана: история вопроса. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 901–912. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-901-912.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

The United States' Role in the Nuclear Disarmament of Kazakhstan: History of the Issue

Yulia Yu. Komlyakova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the reasons for the US interest in the nuclear disarmament of Kazakhstan, as well as to the study of the role played by the United States in this process. With the collapse of the Soviet Union, Kazakhstan inherited the fourth largest nuclear arsenal in the world – more than a thousand nuclear warheads, dozens of heavy bombers, and more than a hundred intercontinental ballistic missiles. The legal status of the Soviet weapons remaining in Kazakhstan was not formalized until March 1994. In these circumstances, given the colossal geopolitical changes where the United States remained the only pole of power in the post-bipolar system of international relations, the American politicians could not ignore such a significant problem. In turn, Kazakhstan, faced with an economic and political crisis after the collapse of the Soviet Union, also needed American partnership, which provided financial and technical assistance.

© Комлякова Ю.Ю., 2024

Keywords: The United States, Kazakhstan, Central Asia, nuclear arsenal, disarmament, denuclearization.

For citation: Komlyakova Yu.Yu. 2024. The United States' Role in the Nuclear Disarmament of Kazakhstan: History of the Issue. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 901–912 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-901-912.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В условиях современных реалий, когда в международном политическом пространстве все чаще звучат угрозы применения ядерного оружия, нам представляется актуальным изучить не только опыт отказа от обладания ядерным оружием на примере Казахстана, но и проанализировать причины, побудившие правительство государства последовать именно по пути разоружения. Также целесообразно проследить на примере Казахстана необратимость последствий ядерного разоружения страны, ответить на вопрос, почему международное сообщество доверяет неядерному потенциалу Казахстана, несмотря на его развитый ядерный сектор и отсутствие подробных данных о советском ядерном наследии. Научная новизна полученных результатов обусловлена тем, что впервые благодаря рассекреченным американским архивным материалам прослеживается взаимосвязь между политическими процессами, происходившими в государствах Центральной Азии, направленных на стремительную смену внешнеполитических ориентиров в сторону Запада, изменение политических режимов в обмен на экономическую, военную и техническую поддержку со стороны Соединенных Штатов. В исследовании показаны объективные причины заинтересованности США в участии в ядерном разоружении Казахстана.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования выступает политическая и дипломатическая деятельность США, направленная на денуклеаризацию Казахстана в исторической ретроспективе. Целью работы является изучение двусторонних отношений Соединенных Штатов и Казахстана по вопросу отказа центральноазиатской республики от обладания военным ядерным потенциалом и развитию мирной ядерной энергетики, а также анализ причин заинтересованности США в денуклеаризации государств Центральной Азии, выявление как политических, так и инфраструктурных проблем, с которыми столкнулись обе стороны на пути к достижению ядерного разоружения.

Методологической базой данного исследования, прежде всего, выступают принципы историзма и объективности. Они предусматривают беспристрастный анализ собранной информации, рассмотрение конкретных исторических обстоятельств, воссоздание целостной картины прошлых событий и выявление объективных причин, способствовавших активизации тех или иных процессов. Автор прибегает также к таким общенаучным методам, как анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Распад Советского Союза помимо прочего внес еще и существенное изменение в клуб государств-обладателей ядерного оружия. Согласно Договору о нераспространении ядерного оружия [Договор о нераспространении ядерного оружия], вступившему в силу 5 марта 1970 года, участниками которого являются практически все страны мира, государствами, обладающими ядерным оружием, были СССР, США, Великобритания, Франция и Китай. Безусловно, в советскую бытность ядерное оружие размещалось в нескольких республиках Советского Союза (РСФСР, Белорусской, Казахской и Украинской Советских Социалистических Республиках) что отвечало стратегическим потребностям безопасности и обороны державы.

По окончании холодной войны Казахстан унаследовал обширную инфраструктуру ядерного оружия, которая включала 1 410 ядерных боеголовок. Помимо стратегического ядерного оружия, на территории Казахстана в Державинске, Жангиз Тобе и Семипалатинске располагались три ядерных оружейных объекта; энергетический реактор БН-350 недалеко от города Актау; два исследовательских реактора в Алматы ВВР-К, 36 % ВОО, 10 МВт; три исследовательских реактора в Курчатове (ИГР, ИВГ-1М, РА); а также имелось несколько мест переработки урана, включая добычу урана в Степногорске, завод по конверсии урана (UO_2) и производство топливных таблеток, а также пять мест переработки урановой руды [Cirincion, Wolfsthal, Rajkumar, 2005]. Также стоит отметить, что Казахстан был одним из основных регионов добычи урана в бывшем Советском Союзе и основным производителем топливных таблеток. До распада СССР было добыто более 70 000 тонн урана, а Ульбинский производственный комбинат обеспечивал 80 % топливных таблеток, используемых СССР [Fyodorov, 2002].

Однако сразу же после распада Советского Союза уже в декабре 1991 года американские сенаторы Ричард Лугар и Сэмюэл Нанн выступили с инициативой о создании программы по совместному уменьшению угрозы при участии Агентства по уменьшению угрозы Министерства обороны США. Среди целей программы были: демонтаж оружия массового уничтожения и связанной с ним инфраструктуры, поддержание оборонного и военного сотрудничества с целью предотвращения его распространения. Для достижения поставленных целей реализовывались различные программы, такие как Программа совместного биологического взаимодействия, Программа ликвидации химического оружия, Программа безопасного хранения ядерного оружия, Программа ликвидации стратегических наступательных вооружений, Инициатива по предотвращению распространения оружия массового уничтожения и др.

В Центрально-Азиатском регионе единственной страной, которая обладала ядерным боевым наследием Советского Союза, был Казахстан, ядерный арсенал которого занимал четвертое место в мире и состоял из более чем тысячи ядерных боеголовок, десятка тяжелых бомбардировщиков и более сотни межконтинентальных баллистических ракет. При этом правовой статус советского оружия в Казахстане не был официально оформлен вплоть до марта 1994 года, когда в соответствии с российско-казахстанскими соглашениями это оружие было признано собственностью Российской Федерации, временно находящейся в Казахстане. Помимо оружия и систем доставки, Казахстан полностью контролировал тонны ядерных материалов и ядерных объектов, включая бывший советский ядерный полигон в Семипалатинске.

Для того чтобы проследить процесс разоружения, необходимо рассмотреть процесс формирования на территории Казахстана части советского комплекса ядерного оружия. В 1947–1949 гг. Советский Союз провел обширные ядерные испытания в восточной части Казахстана недалеко от города Семипалатинска. На протяжении следующих сорока лет на Семипалатинском ядерном полигоне было проведено более 450 ядерных испытаний. Обильные запасы казахстанского урана использовались для производства ядерного топлива. Для переработки урана и производства других чувствительных материалов, таких как бериллий и тантал, советское правительство построило в Усть-Каменогорске крупный ядерный объект – Ульбинский металлургический завод. Реактор на быстрых нейтронах на берегу Каспийского озера в Шевченко (позже переименованный в Актау) выполнял множество задач: от производства плутония до опреснения воды и производства электроэнергии. В Казахстане размещено несколько ядерных исследовательских установок и исследовательских реакторов. Здесь также располагался полигон противоракетной обороны Сары-Шаган и космодром Байконур. Также в Казахстане находилась значительная часть советского ядерного арсенала: межконтинентальные баллистические ракеты, тяжелые бомбардировщики и стратегические ядерные боеголовки.

25 декабря 1991 г. США признали государственный суверенитет Республики Казахстан, а 26 декабря Президент Дж. Буш направил послание Президенту Н.А. Назарбаеву о

признании независимости Республики Казахстан. В своем послании Дж. Буш отметил: «несколько месяцев шел конструктивный диалог по важнейшим вопросам, затрагивающим интересы США, Казахстана и всего мира. Стороны пришли к согласию, что в ходе переходного периода Россия, Украина, Казахстан и Беларусь обеспечат безопасный и надежный контроль над ядерным оружием под единым управлением. Президент США приветствовал приверженность Нурсултана Назарбаева обеспечению безопасности, уничтожению ядерного оружия в Казахстане и предложил свое содействие данному процессу. Все стороны согласились, что Казахстан должен ввести законодательный режим по предотвращению распространения и экспорта оружия массового уничтожения и других военных технологий. США приветствовали готовность Казахстана полностью выполнить условия договоров по СНВ и присоединить к договору по нераспространению в качестве неядерного государства и согласиться на всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ» [Переписка... Назарбаева Н.А.].

Согласно правовым положениям, регулирующим распад Советского Союза, имущество, имевшееся на территории каждой советской республики на момент распада, являлось собственностью республики [О совместных мерах...]. Однако, с точки зрения международного права, статус советского ядерного оружия, находящегося в Белоруссии, Казахстане и Украине, был неясен, за исключением одного факта: его нельзя было автоматически определить как «российское». Казахстан приобрел статус государства, легально обладающего ядерным оружием, только в марте 1994 года [Соглашение между Республикой Казахстан..., 1994].

В связи с этим, принимая во внимание тот факт, что из всех постсоветских республик Соединенные Штаты наиболее интенсивное воздействие оказывали именно на государства Центрально-Азиатского региона, уже в мае 1992 года состоялась встреча Дж. Буша-ст. и президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, взявшего на себя обязательство сделать Казахстан безъядерным государством и вывести более 1 000 ядерных боеголовок советского наследия, находившихся на тот момент на территории Казахстана.

Руководству Казахстана были предложены три возможные стратегии развития ядерного будущего республики: сохранение ядерного оружия, совместный российско-казахстанский контроль над оружием или контроль, осуществляемый Содружеством Независимых Государств (СНГ) и безъядерный статус [Budjeryn, Kassenova, 2020].

На выбор пути развития в русле безъядерного государства повлияло множество факторов, прежде всего экономический. Учитывая то, что после распада Советского Союза и выхода Казахстана из системы плановой экономики и, как следствие, неминуемо надвигающегося экономического кризиса государству было необходимо как можно быстрее начать разработку своих богатых природных ресурсов, для этого ему был необходим доступ к прямым иностранным инвестициям, иностранным технологиям и международным рынкам. Исходя из этого руководству республики было очевидно, что стремление оставить за Казахстаном статус ядерной державы приведет страну к внешнеполитической и внешнеэкономической изоляции. Тем не менее в Казахстане существовали группы, отстаивавшие идеи сохранения в государстве ядерного арсенала. К ним, прежде всего, относились представители националистических движений, однако крайне немногочисленных и не имевших какого бы то ни было значительного влияния на принятие политических решений.

Что касается течения, выступающего против ядерного оружия, то оно сформировалось еще до распада Советского Союза, в 1989 году. В условиях все больше разрастающейся политики гласности и политической свободы общедоступной стала информация о ядерных испытаниях в Семипалатинске и о том, что радиация распространилась далеко за пределы полигона. Известный казахский писатель и член советского законодательного собрания Олжас Сулейменов использовал эту информацию, чтобы побудить народ Казахстана протестовать против советских ядерных испытаний. Антиядерное движение под названием «Невада – Семипалатинск» привлекало как непосредственно граждан Казахстана, так и представителей международных миротворческих миссий. В течение двух лет активисты бо-

ролись за прекращение советских ядерных испытаний на территории Казахской Республики. И 29 августа 1991 года, через 42 года со дня первого советского атомного испытания, президент Казахстана подписал указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона. Цель активистов была достигнута, однако спустя несколько месяцев произошел распад Советского Союза, и Казахстан столкнулся с ядерной проблемой другого толка.

Таким образом, выбрав путь разоружения, правительству Казахстана было необходимо выстраивать открытое и прозрачное международное сотрудничество по вопросам денуклеаризации, а также выстраивать сотрудничество в этом вопросе как с Соединенными Штатами, так и с Россией.

Учитывая тот факт, что процесс перехода Казахстана в безъядерный статус происходил после окончания холодной войны, из которой Соединенные Штаты вышли единственными победителями, то и основной политико-дипломатический процесс в данном вопросе проходил преимущественно в формате двусторонних американо-казахстанских переговоров.

Следует отметить, что Н. Назарбаев, еще будучи в статусе Главы коммунистической партии Казахстана и до официального выхода республики из состава СССР в августе 1991 года, издал указ о закрытии Семипалатинского полигона, тем самым давая понять о своей согласии присоединиться к движению Невада – Сейм, протестовавшему против ущерба для людей и окружающей среды, нанесенного за время ядерных испытаний [Blanton, Savranskaya].

Как пишет С.Г. Шеретов, «сразу после обретения Казахстаном независимости и вплоть до весны 1992 года Казахстан выступал за укрепление режима нераспространения ядерного оружия, подразумевая при этом, что Казахстан обязуется не передавать ядерную технологию, ядерные материалы и средства другим государствам, но не откажется от статуса ядерной державы самостоятельно. В начале 1992 года Н. Назарбаев заявил, что не собирается демонтировать находящееся на его территории стратегическое ядерное оружие, пока этого не сделают Россия, Китай и США. Реакция внешних акторов, и в первую очередь России и США, на ядерные планы Казахстана была негативной. В ходе визитов в Казахстан госсекретаря США Д. Бэйкера в марте 1991 года, министра иностранных дел Великобритании Д. Хэрда, Франции Р. Дюма, заместителя госсекретаря США Р. Бартоломью в начале 1992 года ясно дали понять, что расширение круга ядерных держав было бы нежелательно и что Казахстану следовало бы отказаться от ядерного оружия, так как становление этого государства в качестве ядерной державы само по себе является нарушением Договора о нераспространении ядерного оружия, а также это подстегнуло бы амбиции так называемых «пороговых» государств (Индии, Пакистана, Ирана), которые могли бы расценить появление нового ядерного государства, имевшего непосредственные интересы в Азии, как угрозу своим позициям» [Шеретов, 2003, с. 86–88].

Соединенные Штаты в лице Государственного секретаря Бейкера подтвердили президенту Казахстана предоставление защиты как неядерному государству, в случае если ему будут угрожать применением ядерного оружия. В дополнение к гарантиям безопасности Назарбаев и его консультативная группа убедились, что Казахстан имеет финансовые выгоды от подписания Лиссабонского протокола и присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). До подписания Лиссабонского протокола 23 мая 1992 года президент Назарбаев совершил официальный рабочий визит в Вашингтон 19–23 мая. Значение этого визита, помимо общего построения будущих американо-казахстанских отношений, заключалось в окончательных переговорах о неядерном статусе страны. В Меморандуме Белого дома от 18 мая 1992 года было заявлено, что Назарбаев согласился подписать ДНЯО как государство, не обладающее ядерным оружием, и подписать протокол о Стратегических наступательных вооружениях (СНВ). Однако также упоминалось, что некоторые потенциально серьезные неясности все еще существуют. Чтобы заверить, что Казахстан станет неядерным государством, обе стороны договаривались о подписании двусторонних экономических соглашений, которые были неявно созданы для содействия новой независимой республике в ее готовности отказаться от своего ядерного арсенала. В этот момент Назарбаеву стало целесообразно одобрить подписание Лиссабонского протокола,

поскольку переговоры о безопасности и социальной помощи были достаточно продуктивными, чтобы начать получать международное признание, а также поддерживать внутренние планы в Казахстане [Nevrayeva, 2018].

Новый этап сотрудничества в вопросе ядерного разоружения начался после присоединения Казахстана к Лиссабонскому протоколу, который стал частью Договора СНВ. Для Казахстана подписание данного документа на практике означало отказ от ядерного оружия; передачу ядерного арсенала (согласно протоколу – России), что способствовало глобальным усилиям по нераспространению ядерного оружия, а также поддержку международных инициатив по ядерному разоружению и нераспространению.

Соединенные Штаты в 1991 году запустили программу Нанна – Лугара (Nunn – Lugar) – инициативу для снижения угрозы распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) после распада Советского Союза. Программа направлена на ликвидацию и безопасное хранение ядерных, химических и биологических материалов, а также на предотвращение их распространения [Nunn, 1996].

Для Казахстана программа Нанна – Лугара имела несколько ключевых аспектов. Прежде всего, это снижение ядерной угрозы: Казахстан, обладая значительным ядерным арсеналом после распада СССР, стал одним из первых государств, которые подписали соглашение о сотрудничестве в рамках данной программы. Это способствовало ликвидации ядерного оружия, находившегося на его территории. Следующим аспектом стала техническая помощь: программа предоставила Казахстану возможности и ресурсы для обеспечения безопасности ядерных объектов и материалов, а также для создания систем контроля за их использованием. Также в рамках программы проводились обучающие мероприятия для казахстанских специалистов в области ядерной безопасности и нераспространения. Программа способствовала укреплению сотрудничества Казахстана с международными организациями, такими как МАГАТЭ, что помогло в обеспечении соблюдения стандартов безопасности.

Такое сотрудничество привело к тому, что к 1995 году из Казахстана были выведены все боеголовки советской эпохи. Также, благодаря финансированию в рамках программы Нанна – Лугара, почти 20 лет осуществлялось научное сотрудничество при участии как российских, так и американских институтов совместно с Казахстанским национальным ядерным центром по очистке и обеспечению безопасности сотен радиоактивных подземных участков, которые использовались для испытательных взрывов в различных местах так называемого «Полигона».

Безусловно, в вопросе по ядерному разоружению Казахстана немалое значение имеет и личностный фактор. Как пишет Л.М. Млечин, «Назарбаев оказался на равных с лидерами великих держав. И лишь от решения Назарбаева зависело, останется ли Казахстан ядерным или избавится от смертоносного арсенала. Конечно, у великих держав немало инструментов давления, но едва ли Соединенные Штаты и Россия в начале 1990-х были в силах заставить президента Назарбаева переменить свое решение» [Млечин, 2024, с. 407]

В 1994 году была реализована такая сверхсекретная операция, как проект «Сапфир», целью которой было обеспечение безопасности 600 килограммов высокообогащенного урана (ВОУ) в восточной части Казахстана с целью предотвращения любого злоупотребления им террористическими или преступными организациями. В связи с этим в Алма-Ату прибыл тогдашний министр обороны США Уильям Перри, которого волновали сообщения разведки о том, что об уране уже узнали иранцы и готовятся заполучить его. Соединенные Штаты приобрели уран за 90 млн долл. США. На момент реализации вывоза урана не существовало установленного протокола для экспертов, как обращаться с таким большим количеством ВОУ, которого было бы достаточно, чтобы произвести более 20 бомб типа «Little Boy» («Малыш»), сброшенной Соединенными Штатами на Хиросиму в 1945 году. В целом было принято решение отказаться не только от советского ядерного оружия, но и от ядерных материалов и инфраструктуры, связанной с оружием. В течение месяца тридцать аме-

риканцев перегружали обогащенный уран из семи тысяч контейнеров в канистры из нержавеющей стали. Когда последний транспортный самолет с ядерным грузом приземлился в штате Дэлавер, а оттуда уран под охраной перевезли в ядерную лабораторию Оук-Ридж в штате Теннесси, министр обороны США У. Перри объявил об успешном завершении операции «Сапфир»: «Мы сделали эти ядерные материалы недоступными для потенциальных шантажистов, террористов и новых ядерных режимов. Теперь они в безопасности». Благодарственные слова произнес и президент Билл Клинтон: «Мир избавлен от еще одной угрозы ядерного терроризма и распространения ядерного оружия. Я ценю лидерство в этом президента Назарбаева». Позднее Джордж Буш-младший заявит: «Казахстан является мировым лидером в области нераспространения. В лице президента Назарбаева я нашел надежного партнера» [Млечин, 2024, с. 408–409].

Казахстан работал с Соединенными Штатами над перемещением отработанного топлива в безопасное удаленное место на Семипалатинском испытательном полигоне (Монтерейский институт международных исследований и Фонд Карнеги за международный мир, Citation 1998, 38–42). Всего в рамках Программы Нанна – Лугара по совместному уменьшению угрозы США оказали Казахстану помощь в вывозе 600 кг ВОУ с Ульбинского металлургического завода в Усть-Каменогорске. Соединенные Штаты выплатили Казахстану 25 миллионов долларов за передачу ВОУ [Nuclear Disarmament Kazakhstan].

13 декабря 1993 года США и Казахстан подписали «зонтичное соглашение», целью которого было обеспечить правовую основу для предоставления средств на совместное сокращение угроз (Нанн – Лугар) для государства и безопасного демонтажа ядерного оружия. Соединенные Штаты выделили 104 млн долл. США на помощь Казахстану в ликвидации систем и инфраструктуры оружия массового поражения, ограниченных СНВ, включая шахтные пусковые установки, тяжелые бомбардировщики и хранилища жидкого ракетного топлива. США также выделили 35 млн долл. на усиление безопасности, контроля, учета и централизации ядерного оружия и расщепляющихся материалов. Еще 33 млн были потрачены на поощрение военных сокращений и реформ посредством проектов по конверсии обороны, на поддержку проектов для бывших казахстанских ученых-оружейников через Международный научно-технический центр и на финансирование оборонных и военных контактов [Fact Sheet – Kazakhstan].

Финансирование программы Нанна – Лугара получило новую поддержку после визита министра обороны США Уильяма Перри в Казахстан. Он подтвердил американское обязательство предоставить сумму в размере 37 миллионов долларов США на средства ядерного разоружения. Министерство обороны США выделило 14,7 миллионов долларов на Программу совместного сокращения угроз, а четыре американские компании, включенные в эти проекты, вложили 21,2 миллиона долларов США: 3,9 миллиона выделено на создание совместного предприятия по переоборудованию части ядерного испытательного полигона в завод по производству промышленного штамповочного оборудования. Корпорация KRAS вложила еще 3,7 миллиона в этот проект, таким образом общая стоимость проекта конверсии составила 7,6 миллионов долларов США; 3 млн выделила Vuelocorp Scientific Company на создание совместного предприятия по производству ракетных и авиационных систем, а также предприятия по производству и дистрибуции клапанов и баллонов для криогенных материалов и газов; 2,7 млн внесла Allen and Associates International на перепрофилирование биологического оружейного завода в производственное объединение по изготовлению витаминов, антибиотиков и других фармацевтических препаратов; 5 миллионов долларов предоставлялось корпорацией AT&T, Inc. на трансформацию военно-промышленной компании Казинформтелеком в международную телекоммуникационную компанию и трансформацию испытательного полигона и станции раннего предупреждения в Сары Шагане в станцию космического мониторинга [Laumulin, 1995].

В 1993–1994 годах, вскоре после вывода российских военных с Семипалатинского полигона, Казахстан принял команду МАГАТЭ, которая провела два предварительных радиологических исследования [Оценка... МАГАТЭ, 1999]. В ноябре 1993 года совместная группа казахских и американских ученых провела радиологическое исследование и поделилась своими результатами на научной конференции в Курчатове, на которой присутствовали ученые из Казахстана, России и США [Narahan, 1995].

26 июля 1994 года Казахстан подписал соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, предусматривающих инспекцию агентством всей ядерной деятельности Казахстана. Это соглашение вступило в силу 11 августа 1995 года [Nuclear successor states of the Soviet Union, 1998].

К 1995 году российские военные вывезли советское ядерное оружие – межконтинентальные баллистические ракеты – из Казахстана в Россию, были взорваны ракетные шахты для обеспечения необходимого минимума их уничтожения в соответствии с положениями СНВ. Казахстан и США посредством Программы совместного уменьшения угрозы Нанна – Лугара работали над завершением полного демонтажа ракетных шахт [Matzko, 2000; Narahan, 2014].

В 1995 году Казахстан и США подписали соглашение «О ликвидации инфраструктуры ядерного оружия» [Соглашение между Правительством..., 1993], что стало еще одним формальным подтверждением того, что у Казахстана нет планов по сохранению какой-либо инфраструктуры, которая могла бы быть полезна для скрытой ядерной программы. В соответствии с соглашением, Соединенные Штаты обязались финансировать закрытие туннелей и скважин, которые использовались для ядерных испытаний.

В течение следующих нескольких лет технические специалисты Казахстана и США работали вместе. В 1995–1996 годах специалисты Национального ядерного центра Казахстана, получившие в ведение Семипалатинский полигон, обследовали тоннели и скважины и оценили их радиоактивное загрязнение. Они обнаружили территории, загрязненные радионуклидами, в том числе стронцием-90, цезием-137 и плутонием [Назарбаев и др., 2016, с. 39, 70].

Казахстан столкнулся с серьезными проблемами. У него отсутствовала полная информация о том, что происходило на Семипалатинском полигоне в советский период и что осталось после него. Казахстану также не хватало технического опыта и финансовых ресурсов. Казахстан построил конструктивные отношения с двумя важными партнерами – Россией и Соединенными Штатами.

Некоторое время усилия Казахстана по демонтажу оружейной инфраструктуры и обеспечению безопасности ядерных материалов на Семипалатинском испытательном полигоне шли по параллельным направлениям – с Соединенными Штатами в рамках соглашения 1995 года и с Россией – в рамках соглашения 1997 года. Вскоре эти двусторонние направления слились в трехстороннее сотрудничество между Казахстаном, Россией и США.

В начале XXI века Соединенные Штаты уже инициировали процесс ядерного разоружения на постсоветском пространстве в целом и в Казахстане в частности. Так, Сэм Нанн в 2002 г. заявлял: «Я полагаю, что самым большим успехом стало то, что удалось убедить Украину, Казахстан и Белоруссию отказаться от ядерного оружия, которое они унаследовали от Советского Союза. Это дало возможность уничтожить больше ядерного оружия, чем содержалось в ядерных арсеналах Китая, Франции и Великобритании вместе взятых, и не позволило новым независимым государствам «держат палец на ядерной кнопке». И, что не менее важно, этот успех доказывает, что Россия и Соединенные Штаты могут сотрудничать в целях достижения впечатляющих изменений и улучшения положения в сфере глобальной безопасности. Необходимо, чтобы мы нашли новые, творческие возможности для развития этого сотрудничества перед лицом опасности терроризма, который может привести к катастрофическим последствиям» [Нанн, 2002].

В рамках оказываемой помощи США обеспечили безопасность, закрыв и опечатав 181 испытательный туннель и 13 скважин, но не тронув оставшийся плутоний внутри, в конечном итоге сотрудничая в рамках секретной международной операции по заполнению путей сообщения, чтобы не допустить получения ядерного материала недружественными акторами.

С 2006 года Казахстан сотрудничает с Соединенными Штатами в рамках многосторонней Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом, направленной на укрепление глобального потенциала по предотвращению, обнаружению и реагированию на ядерный терроризм. С помощью семинаров и полевых учений Казахстан активно стремится расширить возможности, связанные с контролем, учетом и физической безопасностью ядерного материала, а также улучшить механизмы реагирования в случае террористического нападения на ядерный объект.

Также Казахстан столкнулся и с информационными, техническими, финансовыми и политическими проблемами в ходе процесса денуклеаризации. Правительство Казахстана успешно наладило тесное сотрудничество с Россией и Соединенными Штатами, двумя партнерами, в которых оно больше всего нуждалось, чтобы справиться с ядерным наследием. Казахстану нужна была Россия, чтобы понять, что осталось на Семипалатинском полигоне, и ему требовалась поддержка техническими и финансовыми ресурсами со стороны США. Трехстороннее сотрудничество (Казахстан, Россия и США) на Семипалатинском полигоне является важным уроком сотрудничества по чувствительным ядерным вопросам между государством, не обладающим ядерным оружием, и государствами, обладающими ядерным оружием.

Заключение

Реализация стратегического решения Казахстана отказаться от ядерного пути стала возможной благодаря совокупности факторов. Казахстан сбалансированно сотрудничает с Соединенными Штатами и Россией, двумя ключевыми партнерами. Международное сообщество, особенно США, предложило техническую и финансовую помощь. Ученые, технические эксперты и руководители проектов из Казахстана, США и России укрепили доверие, подталкивая свои правительства к более тесному сотрудничеству и поиску решений сложных технических проблем.

США сыграли значительную роль в ядерном разоружении Казахстана после распада Советского Союза в 1991 году. В то время Казахстан стал третьей по величине ядерной державой в мире, обладая значительным арсеналом ядерного оружия, оставшимся на его территории. Основные аспекты этого процесса заключались в поддержке разоружения: США активно поддерживали Казахстан в его стремлении избавиться от ядерного оружия. Это было частью более широкой стратегии по нераспространению ядерного оружия и укреплению глобальной безопасности. Еще одной формой сотрудничества стала финансовая помощь: в рамках программы «Надежная защита» (Cooperative Threat Reduction Program) США предоставили финансирование и техническую помощь для безопасного вывода и уничтожения ядерного оружия и материалов. Немаловажную роль играли дипломатические усилия: США работали с Казахстаном на международной арене, поддерживая его в интеграции в глобальные структуры по контролю за вооружениями, такие как ДНЯО и создание безъядерной зоны в последующем.

В рамках программы Нанна – Лугара, инициированной США и направленной на сокращение угрозы от ядерных материалов, оставшихся после холодной войны, Казахстан получил финансирование для безопасной утилизации и хранения ядерных материалов, а также для улучшения контроля за ними. Таким образом, роль США была, безусловно, значимой в процессе ядерного разоружения Казахстана, что способствовало не только безопасности региона, но и глобальной стабильности. Однако Соединенные Штаты, оказывая разного рода помощь, преследовали не только интересы безопасности. Ключевой американской задачей в Центрально-Азиатском регионе в целом и в Казахстане в частности была переориентация внешнеполитического курса государств в прозападном русле, демократическое развитие, установление более прочных экономических связей с западными странами и достижение максимального дистанцирования и нивелирования влияния России. Таким

образом, Казахстан в ответ на американскую помощь должен был продемонстрировать готовность развиваться в соответствии с международными нормами и стандартами не только в области нераспространения ядерного оружия и безопасности, но также осуществить переустройство своего государства в прозападном демократическом русле посредством принятия различных законодательных актов, нормы которых значительно упрощали Соединенным Штатам внедрение в экономические и политические процессы Казахстана.

Принимая во внимание вышеупомянутые последствия, стоит отметить, что процесс принятия решения о денуклеаризации и его результат стали поворотным моментом в новейшей истории Казахстана. Независимо от того, какие условия и теоретические модели могли быть навязаны казахстанским политикам, невозможно было полностью гарантировать успешный результат; подтверждение этого можно было получить только с течением времени.

В настоящее время Казахстан является наиболее развитой республикой Центральной Азии, стремящейся к установлению дипломатических связей и активному сотрудничеству с остальным миром. Кроме того, после принятия решения в пользу отказа от ядерного арсенала Казахстан стал одним из ведущих мировых сторонников ядерного сдерживания, особенно на платформе ООН, приложив усилия к запуску проектов и инициатив для всемирных программ ядерного разоружения и нераспространения. Ведь главная амбиция Казахстана в вопросах ядерного распространения – на собственном примере показать миру, что ядерное оружие не играет определяющей роли в реализации внешней политики. Более того, это подчеркивает тот факт, что ядерное оружие не является неотъемлемой частью национальной безопасности государства.

Таким образом, денуклеаризация Казахстана стала не только способом обрести мировое признание и уважение, но и способом внести вклад в существующий мировой порядок и в режим нераспространения в частности.

Список источников

- Договор о нераспространении ядерного оружия. Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 05.08.2024).
- О совместных мерах в отношении ядерного оружия. Содружество Независимых Государств. Соглашение от 21 декабря 1991 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/H910000006_ (дата обращения 05.08.2024).
- Оценка профессионального облучения от внешних источников ионизирующего излучения. Серия норм МАГАТЭ по безопасности / Международное агентство по атомной энергии. Вена. 1999 г. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1076r_web.pdf (дата обращения 07.08.2024).
- Переписка Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. с экс-Президентом США Джорджем Бушем, Президентом США Биллом Клинтон, политическими деятелями, Генеральным секретарем ООН Бутросом Б. Гали о политическом, экономическом сотрудничестве. Казахстан – США: к истории становления дипломатических отношений. Qazaqstan Tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/3860> (дата обращения 17.08.2024)
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Соединенными Штатами Америки относительно уничтожения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, ликвидации последствий аварийных ситуаций и предотвращения распространения ядерного оружия от 13 декабря 1993. Юрист. Москва, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1027058&pos=2;-108#pos=2;-108 (дата обращения 23.07.2024)
- Соглашение между Республикой Казахстан и Международным Агентством по атомной энергии о применении гарантий в связи с договором о нераспространении ядерного оружия. Алматы, 26 июля 1994 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002344_ (дата обращения 14.08.2024)
- Fact Sheet – Kazakhstan. Kazakhstan: Nonproliferation Issues. Clinton Presidential Records. Clinton Library. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101166> (дата обращения 13.08.2024)

Nuclear Successor States of the Soviet Union: Status Report on Nuclear Weapons, Fissile Material, and Export Controls, No. 5. March 1998, Published by the Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC, in Cooperation with the Monterey Institute of International Studies, Monterey, CA. Senator Nunn S. Cooperative Threat Reduction. Statement before the Senate Permanent Subcommittee on Investigations, March 13, 1996. URL: http://www.fas.org/spp/starwars/congress/1996_h/s960313a.htm (дата обращения 05.08.2024)

Список литературы

- Млечин Л.М. 2014. В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток. Санкт-Петербург, БХВ-Петербург. 528 с.
- Нанн С. 2002. Соединенные Штаты и Россия должны взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма. *Ядерный контроль*. 5: 23.
- Проведение комплекса научно-технических и инженерных работ по приведению бывшего Семипалатинского полигона в безопасное состояние. 2016. Н.А. Назарбаев, В.С. Школьник, Э.Г. Батырбеков и др. Курчатов, РГП «Национальный ядерный центр РК» Министерства энергетики РК, 320 с.
- Шеретов С. Г. 2003. Новейшая история Казахстана 1985–2002 гг. Алматы: Юрист, 240 с.
- Blanton T., Savranskaya S. 2015. Kazakhstan and Nunn-Lugar: A Non-Proliferation Success Story. National Security Archive Electronic Briefing. Book No. 528. August 29/ URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB528-Kazakhstan-Nunn-Lugar-Non-Proliferation-Success/> (accessed: 13.08.2024).
- Budjeryn M., Kassenova T. 2020. Nuclear Shades of Red Racism. Inkstick Media. September 24, URL: <https://inkstickmedia.com/nuclear-shades-of-red-racism/> (accessed: 05.09.2024).
- Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. 2005. Deadly Arsenals: Nuclear, Biological, And Chemical Threats. 2nd ed. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. ISBN 978-0870032165.
- Fyodorov G.V. 2002. Uranium Production and The Environment in Kazakhstan. The Uranium Production Cycle and The Environment. Austria: IAEA, pp. 191 – 198 ISSN 1011–4289. URL: <https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/CSPS-10-P.pdf> (accessed: 13.08.2024).
- Harahan J.P. 2014. With Courage and Persistence: Eliminating and Securing Weapons of Mass Destruction with the Nunn-Lugar Cooperative Threat Reduction Programs. Washington, DC: Defense Threat Reduction Agency. 195 p.
- Laumulin M. 1995. Political Aspects of Kazakhstan's Nuclear Policies. The Nonproliferation Review. Fall URL: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/laumul31.pdf> (accessed: 14.09.2024).
- Matzko J.R.M. Inside a Soviet ICBM Silo Complex: The SS-18 Silo Dismantlement Program at Derzhavinsk. US Department of Interior, US Geological Survey National Center, Prepared for the Defense Threat Reduction Agency, August 2000. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a388848.pdf>
- Nevrayeva D. 2018. The Denuclearization of the Republic of Kazakhstan. Masaryk University, Brno, URL: <https://is.muni.cz/th/u8ssy/Finalnaya-versiya-modifie.pdf> (accessed: 12.08.2024).
- Nuclear Disarmament Kazakhstan. Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/kazakhstan-nuclear-disarmament/> (accessed: 25.08.2024).

References

- Mlechin L.M. 2014. V poiskah utrachennogo velichiya. Iran, yadernoe oruzhie i Blizhnij Vostok [In Search of Lost Greatness: Iran, Nuclear Weapons and the Middle East]. Saint Petersburg, BHV-Peterburg. 528 p.
- Nann S. 2002. Soedinennye Shtaty i Rossiya dolzhny vzyat na sebya iniciativu v sozdanii globalnoj koalicii protiv terrorizma [The United States and Russia Must Take the Lead in Building a Global Coalition Against Terrorism]. *Yadernyj kontrol*. 5: 23.
- Provedenie kompleksa nauchno-tekhnicheskikh i inzhenernyh rabot po privedeniyu byvshego Semipalatinskogo poligona v bezopasnoe sostoyanie [Carrying Out a Complex of Scientific, Technical and Engineering Works to Bring the Former Semipalatinsk Test Site into A Safe

- Condition]. 2016. N.A. Nazarbaev, V.S. SHkol'nik, E.G. Batyrbekov i dr. Kurchatov, RGP «Natsional'nyy yadernyy tseñtr RK» Ministerstva energetiki RK. 320 p.
- Sheretov S.G. 2003. Novejshaya istoriya Kazahstana 1985–2002 gg. [The Modern History of Kazakhstan 1985–2002]. Almaty, Yurist, 240 p.
- Blanton T., Savranskaya S. 2015. Kazakhstan and Nunn-Lugar: A Non-Proliferation Success Story. National Security Archive Electronic Briefing. Book No. 528. August 29/ URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB528-Kazakhstan-Nunn-Lugar-Non-Proliferation-Success/> (accessed: 13.08.2024).
- Budjeryn M., Kassenova T. 2020. Nuclear Shades of Red Racism. Inkstick Media. September 24, URL: <https://inkstickmedia.com/nuclear-shades-of-red-racism/> (accessed: 05.09.2024).
- Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. 2005. Deadly Arsenals: Nuclear, Biological, And Chemical Threats. 2nd ed. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. ISBN 978-0870032165.
- Fyodorov G.V. 2002. Uranium Production and The Environment in Kazakhstan. The Uranium Production Cycle and The Environment. Austria: IAEA, pp. 191 – 198 ISSN 1011–4289. URL: <https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/CSPS-10-P.pdf> (accessed: 13.08.2024).
- Harahan J.P. 2014. With Courage and Persistence: Eliminating and Securing Weapons of Mass Destruction with the Nunn-Lugar Cooperative Threat Reduction Programs. Washington, DC: Defense Threat Reduction Agency. 195 p.
- Laumulin M. 1995. Political Aspects of Kazakhstan's Nuclear Policies. The Nonproliferation Review. Fall URL: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/laumul31.pdf> (accessed: 14.09.2024).
- Matzko J.R.M. Inside a Soviet ICBM Silo Complex: The SS-18 Silo Dismantlement Program at Derzhavinsk. US Department of Interior, US Geological Survey National Center, Prepared for the Defense Threat Reduction Agency, August 2000. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a388848.pdf>
- Nevrayeva D. 2018. The Denuclearization of the Republic of Kazakhstan. Masaryc University, Brno, URL: <https://is.muni.cz/th/u8ssy/Finalnaya-versiya-modifie.pdf> (accessed: 12.08.2024).
- Nuclear Disarmament Kazakhstan. Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/kazakhstan-nuclear-disarmament/> (accessed: 25.08.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 30.09.2024

Received 30.09.2024

Поступила после рецензирования 20.11.2024

Revised 20.11.2024

Принята к публикации 22.11.2024

Accepted 22.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комлякова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Yulia Yu. Komlyakova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Chair of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0001-2587-026X](https://orcid.org/0009-0001-2587-026X)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-913-922

Оригинальное исследование

О загадочных «антропонимах» и языке, на котором был записан русско-византийский договор 944 г.

Виноградов А.Е. ,
Россия, 119313, Москва
E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Распространено мнение, что текст русско-византийского договора 944 г., включенный в древнерусскую летопись, сделан на основе довольно поздней греческой копии. Эта точка зрения противоречит правилам средневековой дипломатии, согласно которым работа над международными договорами была двусторонней, а их тексты были двуязычными. В данном случае весь вопрос во втором языке, который мог быть использован при составлении документа: исходя из реалий середины X в., этот «древнерусский» язык не мог быть славянским. Анализ основного текста договора показывает, что некоторые его предполагаемые грецизмы могут оказаться латинизмами. Исследование вводной части документа позволяет сделать вывод о том, что некоторые лексемы, принимаемые за личные имена, представляют собой латинские выражения или соционимы, имевшие параллели в Западной Европе. Можно предполагать, что в договоре был отражен официальный язык Древней Руси, впоследствии вытесненный славянским.

Ключевые слова: Древняя Русь, Византия, договор, антропонимы, соционимы, латинский язык

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2024. О загадочных «антропонимах» и языке, на котором был записан русско-византийский договор 944 г. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 913–922. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-913-922.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

About the Mysterious "Anthroponyms" and the Language in Which the Russian-Byzantine Treaty of 944 Was Written

Aleksey E. Vinogradov ,
Moscow 119313, Russia
E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. There is a widespread opinion among researchers that the text of the Rus-Byzantine treaty of 944, included in the chronicle, was made on the basis of a rather late Greek copy. However, it requires a critical analysis. It is quite possible that Byzantine representatives did play a major role in concretizing the legal component of the document, but this does not mean that the written language of its later copy reflected exclusively Greek vocabulary. Some supposed Greekisms of the main text of the document may turn out to be Latinisms. A study of the introductory part of the treaty allows us to conclude that some lexemes taken for personal names are Latin expressions or socionyms that had parallels in Western Europe.

© Виноградов А.Е., 2024

This part does not reflect Greek influence, and, apparently, was compiled only by the scribes of the Rus delegation. It can be assumed that the introductory part of the treaty, written on a separate sheet, reflected the official language of Ancient Rus, subsequently supplanted by Slavic.

Keywords: Old Rus', Byzantium, agreement, anthroponyms, socionyms, Latin language

For citation: Vinogradov A.E. 2024. About the Mysterious "Anthroponyms" and the Language in Which the Russian-Byzantine Treaty of 944 Was Written. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 913–922 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-913-922.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Договор 944 г. (в некоторых реконструкциях – 945 г.), заключенный представителями князя Игоря и русской элиты с одной стороны и византийским императором Романом и его сыновьями-соправителями – с другой, как наиболее обстоятельный из документов о русско-византийских отношениях X в. давно привлекает внимание специалистов. Объектом исследования выступают здесь и корпус имен представителей «отъ рода Рускаго съли и гостье», и сама лексика договора, содержащая немало темных и неоднозначно трактуемых мест.

В частности, исследование терминологии договора 944 г. подводило к мысли, что в основе воспроизведенного в ПВЛ текста лежал документ, подготовленный самими византийцами [Лавровский, 1853; Sorlin, 1961]. В полной мере эта концепция была сформулирована Я. Малингуди, согласно которой текст изначально составлялся византийцами на греческом языке, как и доставшаяся русским копия (по крайней мере, к предположению Ф.И. Круга о существовании написанного по-русски экземпляра автор отнеслась скептически) [Малингуди 1997, с. 71]. К моменту составления ПВЛ копия уже не сохранилась, и для ее восстановления русским пришлось обращаться в императорский архив в Константинополе, где якобы находилась копия книга с соответствующим документом. Он-то и был переведен и в таком виде вошел в состав древнерусской летописи.

В той или иной степени эта идея была принята многими исследователями [Стефанович, 2013, с. 22; Киржаева, 2015, с. 415–416; Свердлов, 2017, с. 39; Melnikova, 2004, p. 5].

Объект и методы исследования

Такая поддержка, на наш взгляд, выглядит несколько странной. Малингуди скорее отходит от использования традиционного для серьезной работы принципа объективности, сосредотачиваясь лишь на одной, с учетом еще и «перемещения» церкви св. Ильи из Киева в Константинополь, «грекоцентричной» версии событий.

Ее работа состоит из текстуальных реконструкций, предположений, расходящихся со смыслом анализируемого документа (так, русские участники соглашения столь сильно клялись хранить подписываемую «харатью» и быть верными ее содержанию, что последующая ее утрата выглядела бы нарушением договора). Как признает сама Малингуди, основой для исследования послужили тексты соглашений Византией с итальянскими городами-государствами, и фактически, как бы ни пыталась опровергнуть это сама исследовательница, в тех случаях схема получалась иной. Итальянские представители активно участвовали в подготовке договоров, постоянно курсируя между Апеннинскими и Константинополем, итоговые документы имели актуальные латинские варианты [Малингуди, 1995, с.74–75, 81, 83]. Представить, что эти документы будут утрачены и спустя столетие итальянцы поедут переписывать их копии в константинопольский архив, сложно, как сложно предполагать, что и тексты договоров с наследниками латинской традиции целиком основывались на греческой терминологии и практике.

В свое время А.К. Димитриу считал «типическим» для всех договоров между Византией и другими государствами, включая Русь, порядок, когда представители этих государств активно участвуют в составлении черновиков и итогового соглашения на собственном языке. Византийцам было важно, чтобы другая сторона точно понимала смысл документа, что было невозможно в случае его составления только на греческом [Димитриу, с. 537, 544].

Как указывал Ф.И. Успенский, считать, что отношения греков с Русью как «государством, правильно организованным» выходили за рамки обычной дипломатической практики, едва ли возможно [Успенский, с. 273]. С другой стороны, С.П. Обнорский отмечал, что сама подоснова греческого оригинала договора «сложна и проблематична» [Обнорский, с. 101].

Нельзя не обратить внимание на призыв производить поиск параллелей к исследуемому документу «не только в византийской, но и в невизантийской культурно-правовой среде» [Бибииков, с. 15]. Еще Н.А. Лавровский считал, что утверждение о сугубо византийской конструкции договоров не совсем верно хотя бы потому, что сами греки заимствовали многие свои юридические постулаты из римского права, фактически многие тексты греческих актов имеют смешанное, полулатинское происхождение, и договора русских с Византией «написаны таким языком» [Лавровский, с. 20–22]. Иными словами, формальных оснований искать в латинских документах исходный материал для включения в договорную историю ПВЛ не меньше. Но эта версия в рамках «грекоцентричной» версии не разрабатывается.

Вопросы вызывает и утверждение Малингуди о качестве попавшего в ПВЛ перевода с якобы греческого оригинала, который «выполнен столь неуклюже, что это не только затрудняет чтение документа, но даже делает его подчас совершенно непонятным» [Малингуди 1996, с. 61]. Между тем та же древнерусская летопись пестрит переводами из греческих хроник, религиозных и географических сочинений, сделанных (если исходить из хронологии греческой исследовательницы) ненамного позже переводов с договора. При этом претензий к качеству отражения этих текстов значительно меньше, и эта разница вновь заставляет обратить внимание как на время перевода договора, так и на сам его язык.

Поддержавший построения Малингуди К.А. Максимович утверждал, что делать русско-славянскую редакцию текста договора в момент его заключения не было смысла, т. к. в X в. «церковнославянская грамота была известна на Руси едва ли лучше, чем греческая», да и ссылок на какой-либо перевод в тексте ПВЛ нет [Максимович 2023, с. 9–10]. Однако такая точка зрения исходит из тождества «русского» языка середины X в. и славянского (церковно- или восточнославянского). Между тем из источников того времени, прежде всего трактата Константина Багрянородного *De administrando imperio*, где четко различались «росские» и славянские названия днепровских порогов, известно совершенно другое. Даже такой известный сторонник «славянской» (хотя и с кельтским акцентом) ранней Руси, как А.Г. Кузьмин, признавал, что во времена Константина «русский язык» не совпадал со славянским [Кузьмин 1988, с. 137]. Признавал это, с поправкой на начало некоторой славянской ассимиляции Руси к середине X в., и К.А. Максимович [Максимович, 2006].

В этой связи представляется необходимым выстроить более аргументированную версию заимствования в ПВЛ текста договора 944 г. и реконструкцию его первоначального языка. Немаловажным кажется пример Н.А. Лавровского, что слова в договорах с Русью, фактически означающие «список», «копия» (по Малингуди «равен» договора означает «копия») соответствует в том числе лат. *pag*, *paricla* [Лавровский, с. 45].

Многие, во всяком случае, лексические параллели славянским словам и оборотам исследуемого текста обнаруживаются и в латинских или написанных на ранних дериватах этого языка документах. Если, по утверждению Малингуди, в обороте «любовь межю Греки и Русью» ключевым является греческое *αγάπη*, то есть технический термин, означающий «дружбу» или «договор о дружбе» [Малингуди 1995, с. 85], то в латинских (или новых дериватов латыни) дипломатических документах его аналогом является *amicitia* – «дружба», хотя нередки и термины *amor* и *dilectio(nis)* как раз в значении «любовь» [Chaplais P. *English Medieval Diplomatic Practice. Part I, v. I. p. 2, 12. 19, 20; Sitges J.B. Enrique IV p. 50, 77, 270,*

412]. Слово «съвещание», как признает сама греческая исследовательница, соответствует и латинскому *conventio* [Малингуди, 1997, с. 82].

Предположение о появлении титулов «великий» и «светлый» князь как результат калькирования с реального или предполагаемого греческого оригинала [Стефанович, с. 25], [Малингуди 1997, с. 87] не является безальтернативным на фоне *magnus dux Portugaliaensis*, не говоря уже об *Illustri, Clarissi* и прочей титулатуре, с римских времен перекочевавшей в западноевропейские табели о рангах.

Корни фразы «и не владимъ ... никакому же соблазну или винѣ», которая «на старославянском с трудом поддается пониманию», поскольку она якобы шершаво переведена с греческого [Малингуди 1997, с. 66] могут отыскаться и у Плиния Младшего («*non cogumpi... etiam a malis*») [Plinii Caecilii Secundi Epistolae, p. 121]. А «*вбновити ветъхий мирь... и оутвердити любовь*» складывается из латинского глагола *renovare* (например, *testamentum renovare* в дипломатических документах времен Каролингов [Monumenta Germaniae Historicum. Diplomatum Karolorum. Hannoverae, Hahn, 1906. Т. I p. 467]) и пассажа, который со времен Юлия Цезаря отражался как *pacem et amicitiam confirmare* [C. Julii Caesaris Commentarii. p. 4].

В этой связи встает вопрос: могут ли приведенные аналогии рассматриваться в контексте лишь римско-греческого культурного и языкового обмена или они могут свидетельствовать о том, что сам язык договора имел латинские корни?

Результаты и их обсуждение

Особое внимание в этой связи привлекает вступительная часть документа с именами его подписавших, которая была записана на отдельной от основной части «харатье» [ПСРЛ т. I, с. 22]. Так, оборот «объчїи сли» («*вбъчїи сли*») давно вызывает споры исследователей. В частности, А.В. Назаренко критиковал перевод «объчїи» как «общие», т. к. он противоречил смыслу подписей в договоре. Однако и свою идею о кальке с *κοινῶν*, означавшего как «общий», так и «обычный», ученый не сумел убедительно обосновать, сам же отмечая, что греческое слово имело уничижительный оттенок [Назаренко 2014, с. 17]. А при всем высокомерии византийцев по отношению к «варварам» оно вряд ли могло проявиться столь откровенно в международном договоре, который сами же «варвары» и читали, и подписывали.

Следует отметить, что подобные споры в случае с другими местами русско-византийских договоров приводили Ф.И. Круга, а за ним и других исследователей к предположению о том, что неясные в контексте этих документов славянские обороты и слова на самом деле могли обозначать и неправильно понятые переписчиком иноязычные фрагменты (так, вместо обозначения чернил *кнѣваѣри* появилось загадочное «Ивановым написанием» [Шахматов, с. 40]). И малопонятный оборот «объчїи сли» в конкретном контексте данного места договора 944 г. (которое следует за пассажем о направлении Игорем «*мужѣ своя*» к Роману и приеме их императором [ПСРЛ 1846 т. I, с. 19] напоминает скорее попытку кириллической транслитерации латинской конструкции *obicitio solio*, буквально «*пришедшие к трону*». Возможно, лишь части конструкции, не понятой, истолкованной по-своему и, как и другие места в договоре, сокращенной переписчиком, отчего неясно разделение «дипломатов» на Ивора, посла собственно Игоря, и остальных, хотя они все равно для Игоря «*мужѣ своя*»).

Ряд косвенных фактов может свидетельствовать в пользу возможности таких истолкований. Сами упорные отсылки договоров и 911, и 944 гг. не только к авторитету князя, но и к сочетаниям «*людье вси Русїи*», «*от всѣхъ людїи Рускїя земли*», которые представляют один из главных «политических компонентов» Руси [Назаренко, с. 15], напоминают о традиции эдиктов Рима с апелляциями (пусть во времена поздней империи и формальными) к *Populo Romano* как к высшему источнику власти. Сделанная В.В. Хвойко в Белгородско-Киевском находка печати (отнесенной к X в.) с остатками латинской надписи и кириллицы

вокруг изображения князя [Петров, с. 62–63] подтверждает употребление латыни, по крайней мере в высшей элите древнерусского общества.

Со своей стороны, мы утверждали, что язык начальной Руси, отраженный, в частности, в «росских» названиях днепровских порогов, мог иметь латинские, скорее всего, балкано-латинские корни [Виноградов, 2020]. Представляется любопытным не только сопоставить это предположение с лексикой русско-византийских договоров, но и посмотреть на него в контексте другой важнейшей проблемы данного корпуса источников, антропонимической.

Кажется показательным, что сторонники той или иной версии начала Руси, потратившие немало усилий на попытки доказать соответствующие корни языка, отраженного в тех же названиях порогов, не пытаются подкрепить свои предположения текстами русско-византийских договоров вне их антропонимического содержания.

Максимум, что сейчас могли предположить норманнского в договорах, это лишь следы традиции ритуала со скандинавским сакральным кольцом и лексических аналогов древнескандинавских судебников. Но и они могли попасть в составленный греками текст, лишь будучи записаны и отредактированы византийскими чиновниками [Мельникова, 2014; Мельникова, 2020]. Очевидно, что специалистам кажется слишком мало доказательств тому, что в договорах был отражен и древнесеверный язык.

Вместе с тем мы не можем не отметить давнюю попытку Я.К. Эрбена все-таки найти этот языковой след, трактуя открывающую перечень русских в преамбуле договора 911 г. лексему Карлы не как личное имя, а древнесеверное или древнегерманское *karli*, ‘мужи’ [Эрбен, с. 119–120]. Со своей стороны, мы также не отрицали возможности присутствия в антропонимике уже 944 г. германского соционимического содержания (Фурстенъ = Fürsten). Как, впрочем, и романского (Прастѣнь = Praestans/Praestan, «лучший, выдающийся»). Такой контекст, на наш взгляд, соответствует предположению о латинском языке самого договора, если связывать начальную Русь с тем германским ареалом, где было ощутимо романское влияние [Виноградов 2021, с. 833].

Как нам кажется, следует по-новому взглянуть и на те из «антропонимов» 944 г., которым по большому счету не находится места в традиционных трактовках данного источника. Речь в первую очередь идет о таких странных именах, как Искусеви, Каницарь и Апубкаръ (Пубьксарь). Именно их нестандартность заставляла большинство исследователей даже противоположных взглядов считать эти имена условно «чуждыми» (карельскими, эстонскими, финскими и т. д.) [Мельникова, 2011, с. 262, 408; Кузьмин, 2003, с. 320]. Однако реальных прототипов им в соответствующем антропонимике не предлагается, и поэтому вся эта «чуждая» история выглядит довольно искусственной.

Вместе с тем показательно, к кому эти имена привязаны. Конструкция *Искусеви Ольги княгини*, казалось бы, исключает какие-либо варианты, кроме того, что речь идет о личном после, «агенте» жены Игоря [Горский, с. 58; Мельникова, 2011, с. 262]. Однако такой взгляд противоречит многим реконструкциям гендерной модели древнерусского общества, согласно которым жены не могли иметь «агентов» при живом муже. И сейчас часть историков вслед за Б.Д. Грековым полагают, что Предслава и Сфандра? «жены Ульблѣ» из того же договора получили такие права, поскольку стали вдовами и вступили в наследство [Королев, с. 267]. Вызывает вопросы и факт, что Ольга в тексте документа никак не определена по отношению к Игорю и Святославу, она просто «княгиня». Это странно и на фоне «жены Ульблѣ» и того обстоятельства, что после туманных времен Рюрика в летописях княжеские жены или наложницы обычно упоминались в связи с детьми (Владимир «от Малуши», «от чехини Вышеслав» и др.). Едва ли такая практика не была перенесена и на договоры.

Данные обстоятельства и тот факт, что оборот *Искусеви Ольги княгини* идет в тексте непосредственно после представителя Святослава, позволяют предположить, что и здесь речь идет об ошибочной транслитерации и вставке в славянско-кириллический текст латинского выражения. На наш взгляд, «Искусеви» могло бы быть реконструировано как *is cuius sevit*, «тот, которого родила [Ольга княгиня]», что образовывало бы логическую связь с

предшествующим обозначением посла Святослава, «сына Игорева». Компоновка *is cuius sevīt* без существительного затруднительна в классической латыни, но другое дело «вульгарный» язык контактных зон. В частности, специалисты указывают, что в результате славянского влияния на романские наречия Балкан, которое, судя по всему, проявилось уже в VII в. [Bâgiu, p. 34], те в итоге восприняли и «славянские» модели построения предложения [Семенова, с. 19].

Не менее интересным представляется «антропоним» *Анубкаръ (Пубьксаръ)*, с которым какие только операции ни производились во имя той или иной его атрибуции. Так или иначе, трудно воспринимать формант *ксаръ* иначе как модификацию другой основы под влиянием титула *кесарь*, но в данном контексте ни о каком кесаре речь не могла идти.

По нашему мнению, в поисках продуктивного решения следует обратить внимание на место этого «имени», близкое к самому концу списка «послов и гостей». Очевидно, если речь идет все-таки не об антропониме, а о социониме, следует искать его рангом ниже князей, бояр и, во всяком случае, вне «гостей»-купцов, раз они уже упомянуты. С другой стороны, вариант написания «антропонима» *Анудиаръ* в позднем, но имеющем любопытные моменты Ермолаевском списке Ипатьевской летописи, показывает, что буква, означающая глухую согласную в середине, могла быть и другой. Все это подводит к мысли, что за «антропонимом» скрывается латинское *Apud escarii* или *Pubis escarii*²⁰. По смыслу оно соответствует (во множественном числе) западноевропейским *Darifer*, букв. «носящий еду для пиршества», *Truchsess/Truhtsæze*, отражением которых стало позднее и древнерусское *стольник*. Соответственно, эту должность могли занимать замыкающие список «подписанты» договора.

Что касается влияния титула *кесарь, царь*, то оно явно сказывается и в «имени» *Каницаръ*. Как мы уже указывали, очищенный от этого влияния «антропоним» имеет практически точные аналоги в южнороманском ареале [Виноградов 2018, с. 232–233]. Однако локальность и неясность происхождения этих «прозвищных» имен заставляет искать его корни несколько в другом месте. Форма *комисарь* русских документов XVII в. [Fogarasi, s. 65], отражающая среднелатинское *commissarius* (или его вариант с одним *m*), дает повод задуматься, не является ли очередной загадочный «антропоним» плодом банальной ошибки переписчика, принявшего слитное латинское скорописное или каролингское минускульное *om* за *an* (с округленным *a*). Конечно, фиксированное время появления *commissarius* в западных источниках более позднее (XIII в.), но с учетом простоты его производства от *committo* и *-arius* считаем, что предположение о более раннем существовании такой формы не будет натяжкой.

Примечательно, что *Каницаръ (Предславинъ)* относится к «женским» представителям, как и следующий за ним в договоре *Сфандръ, жены Ульблѣ*. *Commissarius*, буквально «доверенный», логически подходит для выделения данного контекста среди других, с учетом мысли о «вдовьем» статусе *Предславы* и *жены Ульблѣ*. Любопытно, что *commissarii* зачастую были связаны с темой «завещания» [Du Cange, p. 448], т. е. так или иначе наследования. Можно предположить, что настоящего имени «доверенного» *Предславы* или не сохранилось, или оно по ошибке переместилось вглубь списка «послов», где, например, *Сфирка* присутствует без обозначения доверителя.

Тема буквенной ошибки переписчика/переводчика, на наш взгляд, может присутствовать и в еще одном «антропониме» исследуемого списка, *Либиаръ*. Его часто относят к «отэтническим» именам (от племени *Лиь*, *ливов*) [Мельникова, 2011, с. 408]. В этой атрибуции есть формальная логика, однако ее правильность, на наш взгляд, сомнительна ввиду отсутствия примеров употребления данного этнонима с германским или латинским суффиксом – *арь (arius)*. В этой связи наше внимание вновь привлекает соционим, на сей раз *librarius*, буквально «переписчик». Вероятность технической ошибки с его превращением в *Либиаръ*, как нам кажется, в данном случае велика, поскольку латинское скорописное или

²⁰ От *escarius*, выступавшего как сущ. «обеденный стол» или прил. «столовый».

каролингское минускульное *i*, с изгибом и еще без точки, было нетрудно, тем более для славянского летописца, перепутать с так же изогнутым *r*.

Выдвижение писцов, имевших зачастую также канцелярско-нотариальные обязанности, на видное место в договорных документах было не редкостью в средние века. Так, в грамоте, подтверждающей полномочия венецианских послов для заключения мира с Константинополем в 1265 г., имена самих послов упомянуты по разу, а имя писца и заверителя (*notarii, cancellarii* и т. д.) Конрада дважды [*Urkunden zur älteren...*, s. 88]. Полагаем, что для Древней Руси 944 г. статус писца был не менее важен, тем более что в связи с *Либиарь Фастовъ* вспоминается предыдущий договор Руси с Византией. Имя Фаст А.А. Шахматов отождествлял с антропонимом Фост из списка 911 г. [Шахматов, с. 379], и мы не исключаем, что речь шла об одном и том же лице, выступавшем в качестве хранителя списка договора, который десятилетиями спустя был использован для сверки с договором новым («славянская» же конструкция *Либиарь Фастовъ* с перестановкой слов и сменой именительного падежа на родительный появилась уже при переписке документа).

Заключение

Основной текст рассматриваемого договора нуждается в дополнительном исследовании: при всем реальном и возможном греческом влиянии нельзя исключать, что в его подготовке принимали участие русские представители, чьим основным или официальным языком была латынь или один из ее дериватов. Помимо всего прочего, это могло бы облегчить совместное понимание обеими сторонами договора терминов и оборотов из римско-греческой юридической традиции. С другой стороны, если бы этот текст попал к составителю ПВЛ или Начального свода в греческом варианте, летописец не переводил бы его «столь неуклюже» по сравнению с другими рукописями греческого происхождения.

Что касается «именной» преамбулы на отдельной «харатье», то мы полагаем, что она изначально была составлена на романском языке Древней Руси. Переписывавший многое время спустя этот документ летописец, видимо, оригинальный язык договора знал уже плохо, что в целом отвечает представлениям о темпах славянской ассимиляции начальной Руси.

Список источников

- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), СПб: Тип. Э. Праца, 1846, т. I, 298 с.
Chaplais P. *English Medieval Diplomatic Practice. Part I, v. I.* London, Her Majesty's Stationary Office, 1982 XIII, 416 p.
C. Julii Caesaris *Commentarii* : cum a. Hirtii aliorumque supplementis ex recensione Bernardi Kübleri. Lipsiae, 1893 CXXX, 266 p.
Monumenta Germaniae Historica. *Diplomatum Karolinorum.* Hannoverae, Hahn, 1906 T. I. [XI] 581p.
Plinii Caecilii Secundi *Epistolae et Panegyricus* Lgd. Batavia J.&D. Elsevier 1653 [21] 404 [29] p.
Sitges J.B. *Enrique IV y la Excelente y la excelente senora llamada vulgarmente Dona Juana la Beltraneja, 1425–1530* Madrid, Typ. Sucesores de Rivadeneira 1912. 467 p.
Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts / hrsg. von G.L.F. Tafel, G.M. Thomas. Wien, K. und Staatsdruckerei, 1857. Vol. 3. VIII+466 s.

Список литературы

- Бибиков М.В. 2005. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* (19): 5–15.
Виноградов А.Е. 2021. «Русские послы» X в.: скандинавы или франки? *Via in tempore. История и политология.* 8(4): 827–838.
Виноградов А.Е. 2018. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. Москва, Ломоносовъ, 244 с.

- Виноградов А.Е. 2020. О «росских» названиях днепровских порогов в *De administrando imperio*. *Вестник Костромского Государственного Университета*. Том 26. 3: 7–13.
- Горский А.А. 2008. Русь «от рода франков». Древняя Русь. *Вопросы медиевистики*. 2(32): 55–59.
- Димитриу А.К. 1895. К вопросу о договорах русских с греками. *Византийский Временник*. Т. 2. Вып. 4: 531–550.
- Киржаева В.П. 2015. Договоры Руси с Византией как источник изучения древнерусской терминологии наследственного права. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2(2): 415–420.
- Королев А.С. 2012. Князья «рода русского» второй трети X века. *Преподаватель XXI век*. 4: 262–271.
- Кузьмин А.Г. 2003. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. Москва, Вече, 432 с.
- Кузьмин А.Г. 1988. Падение Перуна. Москва, Молодая гвардия, 240 с.
- Лавровский Н.А. 1853. Византийские элементы в языке договоров русских с греками. Санкт-Петербург, Тип. Имп. Акад. Наук, 159 с.
- Максимович К.А. 2023. Договоры Руси с Византией X в. в свете данных византийского «морского закона» Древняя Русь. *Вопросы медиевистики*. 4(94): 7–21.
- Максимович К.А. 2006. «Росские и славянские» названия днепровских порогов в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»: новые этимологии. *Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры*. IV чтения памяти акад. О.Н. Трубачева. Киев – Москва: 27–31.
- Малингуди Я. 1995. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. *Византийский временник*. Т. 56: 68–91.
- Малингуди Я. 1997. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. *Византийский временник*. Т. 57: 58–87.
- Малингуди Я. 1996. Терминологическая лексика русско-византийских договоров. Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время Москва, Индрик: 61–67.
- Мельникова Е.А. 2011. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. Москва, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского. 476 с.
- Мельникова Е.А. 2020. Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договоре 911 г. и древнескандинавских текстах. *Древнейшие государства Восточной Европы*: 84–102.
- Мельникова Е.А. 2014. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции. *Средние века*. Т. 75. 3–4: 76–192.
- Назаренко А.В. 2014. Князь и дружина по договорам с греками. Русь в 9–12 веках: общество, государство, культура. Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева. Москва – Вологда, Древности Севера: 14–24.
- Обнорский С.П. 1936. Язык договоров русских с греками. Язык и мышление. т. VI–VII. Москва – Ленинград, Ин-т языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР: 79–103.
- Петров Н.И. 1913. Южнорусские металлические печати дотатарского периода. *Труды КДА*. 5: 59–73.
- Свердлов М.Б. 2017. К изучению текста краткой Правды Русской. *Новгородский исторический сборник*. 17(27): 35–49.
- Семенова Е.А. 2019. Синтаксические особенности личных местоимений в балкано-романских языках. *Вестник науки и образования*. 6(60): 17–25.
- Стефанович П.С. 2013. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. *Труды Института Российской истории РАН*. 11: 19–57.
- Толочко А.П. 2015. Очерки начальной Руси. Киев, Санкт-Петербург, Лаурус, 336 с.
- Успенский Ф.И. 1927. История Византийской империи. Т. 2. Ленинград, Издание автора, 509 с.
- Шахматов А.А. 1916. Повесть временных лет. Пг. Т. 1. LXXX, 403 с.
- Эрбен Я.К. 1870. Объяснение и исправление некоторых темных и испорченных мест древнейшей русской летописи. *Записки Императорской АН*. Т. XVI. Кн. II: 117–130.
- Bâgiu L. 2018. Introduction in the Study of Romanian Language: A Textbook for Foreign Students. Lucian Vasile Bâgiu. Alba Iulia, Aeternitas, 71 p.
- Du Cange F.C. 1883. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Т. 2. Nior, L. Favre, 688 p.
- Fogarasi M. 1958. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer Russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699). *Studia Slavica (Budapest)*. IV: 47–70.

- Melnikova E. 2004. The Lists of Old Norse Personal Names in Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica Scandinavica*. V. 22: 5–27.
- Sorlin I. 1961. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (II). *Cahiers du Monde Russe. Année. 2–4*: 447–475.

References

- Bibikov M.V. 2005. Rus' v vizantijskoj diplomatii: dogovory Rusi s grekami X v. [Rus' in Byzantine Diplomacy: Rus' Treaties with the Greeks of the 10th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 1(19): 5–15.
- Vinogradov A.E. 2021. «Russkie posly» X v.: skandinavily ili franki? ["Russian Ambassadors" of the 10th Century: Scandinavians or Franks?]. In *Via in tempore. Istoriya i politologiya*. 48(4): 827–838.
- Vinogradov A.E. 2018. V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze [In Search of Early Rus'. Latin Trace in Russian Ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov, 244 p.
- Vinogradov A.E. 2020. O «rosskih» nazvaniyah dneprovskih porogov v De administrando imperio [On the "Russian" Names of the Dnieper Rapids in De administrando imperio]. In *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Tom 26. 3: 7–13.
- Gorskij A.A. 2008. Rus' «ot roda frankov» [Rus' "from the Frankish Lineage"]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2(32): 55–59.
- Dimitriu A.K. 1895. K voprosu o dogovorah russkih s grekami [On the Issue of Russian Treaties with the Greeks]. In *Vizantijskij Vremennik*. T. 2. Vyp. 4: 531–550.
- Kirzhaeva V.P. 2015. Dogovory Rusi s Vizantiej kak istochnik izucheniya drevnerusskoj terminologii nasledstvennogo prava [Treaties of Rus with Byzantium as a Source for Studying Ancient Russian Terminology of Inheritance Law]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2(2): 415–420.
- Korolev A.S. 2012. Knyaz'ya «roda russkogo» vtoroj treti X veka [Princes of the "Russian Lineage" of the Second Third of the 10th Century]. In *Prepodavatel' XXI vek*. 4: 262–271.
- Kuz'min A.G. 2003. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The Beginning of Rus. Secrets of the Birth of the Russian People]. Moscow, Veche, 432 p.
- Kuz'min A.G. 1988. Padenie Peruna [The Fall of Perun]. Moscow, Molodaya gvardiya, 240 p.
- Lavrovskij N.A. 1853. Vizantijskie elementy v yazyke dogovorov russkih s grekami [Byzantine Elements in the Language of Russian Treaties with the Greeks]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk, 159 p.
- Maksimovich K.A. 2023. Dogovory Rusi s Vizantiej X v. v svete dannyh vizantijskogo «morskogo zakona» [Treaties of Rus with Byzantium of the 10th Century in Light of the Data of the Byzantine "Maritime Law" Ancient Rus]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 4(94): 7–21.
- Maksimovich K.A. 2006. «Rosskie i slavyanskije» nazvaniya dneprovskih porogov v traktate Konstantina Bagryanorodnogo «Ob upravlenii imperiej»: novye etimologii ["Russian and Slavic" Names of the Dnieper Rapids in the Treatise of Constantine Porphyrogenitus "On the Governance of the Empire": New Etymologies]. In *Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavyanskoj kul'tury*. IV chteniya pamyati akad. O.N. Trubacheva. Kiev – Moscow: 27–31.
- Malingudi Ya. 1995. Russko-vizantijskie dogovory v X v. v svete diplomatiki [Russian-Byzantine Treaties in the 10th Century in the Light of Diplomacy]. In *Vizantijskij vremennik*. T. 56: 68–91.
- Malingudi Ya. 1997. Russko-vizantijskie dogovory v X v. v svete diplomatiki [Russian-Byzantine Treaties in the 10th Century in the Light of Diplomacy]. In *Vizantijskij vremennik*. T. 57: 58–87.
- Malingudi Ya. 1996. Terminologicheskaya leksika russko-vizantijskih dogovorov [Terminological Vocabulary of Russian-Byzantine Treaties]. In *Slavyane i ih sosedi*. Vyp. 6. Grecheskij i slavyanskij mir v srednie veka i rannee novoe vremya Moscow, Indrik: 61–67.
- Mel'nikova E.A. 2011. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye trudy [Ancient Rus' and Scandinavia: Selected Works]. Pod red. G.V. Glazyrinov i T.N. Dzhakson. Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 476 p.
- Mel'nikova E.A. 2020. Parnye sinonimicheskie slovosochetaniya v russko-vizantijskom dogovore 911 g. i drevneskandinavskih tekstah [Paired Synonymous Phrases in the Russian-Byzantine Treaty of 911 and Old Norse Texts]. In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*: 84–102.
- Mel'nikova E.A. 2014. "Obruch'ya" nekreshchenoj Rusi v russko-vizantijskom dogovore 944 g. i "kol'ca klyatvy" drevneskandinavskoj pravovoj tradicii ["Hoops" of Unbaptized Rus' in the Russian-

- Byzantine Treaty of 944 and the "Rings of Oath" of the Old Norse Legal Tradition]. In *Srednie veka*. Т. 75. 3–4: 176–192.
- Nazarenko A.V. 2014. Knyaz' i družhina po dogovoram s grekami. In Rus' v 9–12 vekah [Prince and Squad Under Treaties with the Greeks]. In *obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura*. Pod red. N.A. Makarova, A.E. Leont'eva. Moscow – Vologda, Drevnosti Severa: 14–24.
- Obnorskij S.P. 1936. Yazyk dogovorov russkih s grekami [The Language of Treaties between Russians and Greeks]. In *Yazyk i myshlenie t. VI–VII*. Moscow – Leningrad, In-t yazyka i myshleniya im. N.Ya. Marra AN SSSR: 79–103.
- Petrov N.I. 1913. Yuzhnorusskie metallicheskie pechati dotatarskogo perioda [South Russian Metal Seals of the Pre-Tatar Period]. In *Trudy KDA*. 5: 59–73.
- Sverdlov M.B. 2017. K izucheniyu teksta kratkoj Pravdy Russkoj [To the Study of the Text of the Short Russian Truth]. In *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. 17(27): 35–49.
- Semenova E.A. 2019. Sintaksicheskie osobennosti lichnyh mestoimenij v balkano-romanskih yazykah [Syntactic Features of Personal Pronouns in the Balkan-Romance Languages]. In *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 6(60): 17–25.
- Stefanovich P.S. 2013. Pravyashchaya verhushka verhushka Rusi po rusko-vizantijskim dogovoram ogovoram X v. [The Ruling Elite of Rus' According to the Russian-Byzantine Treaties of the 10th Century]. In *Trudy Instituta Rossijskoj istorii RAN*. 11: 19–57.
- Tolochko A.P. 2015. Ocherki nachal'noj Rusi [Essays on Early Rus'] Kiev, Saint Petersburg, Laurus, 336 p.
- Uspenskij F.I. 1927. Istoriya Vizantijskoj imperii. Т. 2 [History of the Byzantine Empire]. Leningrad, Izdanie avtora, 509 p.
- Shahmatov A.A. 1916. Povest' vremennyh let [The Tale of Bygone Years]. Pg. Т. 1. LXXX, 403 p.
- Erben Ya.K. 1870. Ob"yasnenie i ispravlenie nekotoryh temnyh i isporchennyh mest drevnejshej russkoj letopisi [Explanation and Correction of Some Dark and Corrupted Places of the Most Ancient Russian Chronicle]. In *Zapiski Imperatorskoj AN*. Т. XVI. Kn. II: 117–130.
- Bâgiu L. 2018. Introduction in the Study of Romanian Language: A Textbook for Foreign Students. Lucian Vasile Bâgiu. Alba Iulia, Aeternitas, 71 p.
- Du Cange F.C. 1883. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Т. 2. Nior, L. Favre, 688 p.
- Fogarasi M. 1958. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer Russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699). *Studia Slavica (Budapest)*. IV: 47–70.
- Melnikova E. 2004. The Lists of Old Norse Personal Names in Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica Scandinavica*. V. 22: 5–27.
- Sorlin I. 1961. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (II). *Cahiers du Monde Russe. Année*. 2–4: 447–475.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.10.2024

Received 04.10.2024

Поступила после рецензирования 17.11.2024

Revised 17.11.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Accepted 19.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, Candidate of Sciences in History, Independent Researcher, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-923-933

Оригинальное исследование

На пути к «предписанному» православию: феномен конфессионализации в раннемодерной европейской и русской истории и историографии

Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. Растянувшийся на более чем три столетия процесс формирования раннемодерных государств включал в себя трансформацию не только политической, социальной и экономической сфер жизни европейских государств и общества, но и сферы религиозно-идеологической. Здесь, на этом поле взаимодействия государства, церкви и общества, в это время рождается любопытный феномен, который в немецкой историографии третьей четверти XX в. получил примечательное название «конфессионализация». Эта оригинальная концепция довольно быстро стала достаточно популярной в германской исторической науке, а с началом нового тысячелетия проникла и в отечественную историографию. В данной статье автор рассматривает этот исторический, политический, социальный и религиозно-культурный феномен как составную и неотъемлемую часть трансформации средневекового государства и общества в раннемодерное и особенности его изучения в европейской и современной российской исторической науке.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, традиция, обычай, православие, государство, церковь, конфессионализация, Россия

Для цитирования: Пенской В.В. 2024. На пути к «предписанному» православию: феномен конфессионализации в раннемодерной европейской и русской истории и историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 923–933. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-923-933.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Way to “Prescribed” Orthodoxy: The Phenomenon of Confessionalization in Early Modern European and Russian History and Historiography

Vitaliy V. Pensky

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Abstract. The process of formation of early modern states, which stretched for more than three centuries, included the transformation of not only the political, social and economic spheres of life in the European state and society, but also the religious and ideological sphere. In that field of interaction between the state, church and society, and at that time, a curious phenomenon was born, which was described as “confessionalization” in German historiography of the 3d quarter of the 20th century. This original concept quickly won its place under the sun and became quite popular in German historical science. It penetrated into Russian historiography with the beginning of the new millennium. In this article, the author examines this historical, political, social, religious and cultural phenomenon as an integral and inseparable part of the transformation of the medieval state and society into an early modern one and the peculiarities of its study in European and especially in modern Russian historical science.

© Пенской В.В., 2024

Keywords: Middle Ages, Early Modern, Tradition, Custom, Orthodoxy, State, Church, Confessionalization, Russia

For citation: Penskoj V.V. 2024. On the Way to “Prescribed” Orthodoxy: The Phenomenon of Confessionalization in Early Modern European and Russian History and Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 923–933 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-923-933.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Тридцать два года назад британский историк Н. Хеншелл в своем «Мифе абсолютизма» писал, что «до Великой Французской революции ”Франция“ оставалась понятием географическим», а раз так, то и король Франции «правил не национальным государством. Его подданные не обладали развитым национальным самосознанием», поскольку в то время «понятие ”нация“ в политическом, расовом или лингвистическом смысле было слишком туманным, чтобы рождала ту верность, которая была в этот период основой всех отношений внутри государства». Но если не «нация» порождала чувство верности, которое сплачивало бы подданных короля, то что могло породить его? Хеншелл дает ответ на этот вопрос: «Люди были преданы своей семье, своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, **своей религии** (выделено нами – В.П.) или своему королю» [Henshall, 1992, 8].

Объект и методы исследования

Государство, церковь и общество в раннее Новое время – особенности взаимоотношений

В качестве объекта исследования выступают особенности взаимодействия государства, общества и церкви в раннее Новое время – в эпоху, когда складываются т. н. «централизованные» государства, предметом же – феномен «конфессионализации», который напрямую был связан с процессами трансформации средневекового государства и общества в раннемодерные. В процессе исследования сущности этого феномена и истории его изучения как за рубежом, так и в современной России были использованы методы прежде всего сравнительно-исторический (который позволил выявить особенности развития конфессионализации в Европе, в первую очередь в Германии и в России); историко-культурный (позволивший выявить и проанализировать основные черты, характерные для европейского/германского и русского вариантов конфессионализации с учетом конкретно-исторических условий, в которых они реализовывались) и историко-системный (помещающий исследуемый объект в исторический контекст и позволяющий изучить его всесторонне, комплексно).

Раннее Новое время, хронологические рамки которого принято определять, как вторая половина XV / рубеж XV–XVI вв. – конец XVIII в. [См., например: Дмитриева, 2009, с. 122–129; Всемирная история, 2013; Бельцер, 2020, с. 146–159 и др.], было временем складывания модерных государств, формирование ранней модели которых, традиционно именуемых «централизованными», пришлось на «долгий XVI век» (термин Ф. Броделя [Braudel, 1973, 893–895]), середину XV – середину XVII вв. Процесс складывания этих «централизованных» государств, серьезно растянувшийся во времени, шел по нескольким основным направлениям и своим конечным результатом имел наращивание т. н. «sinews of power» [См.: Brewer, 1989], «жил власти».

«Жилы власти», как определяла их американский русист Н. Коллманн, представляли собой процессы формирования верховной властью соответствующей инфраструктуры для проведения военных реформ (обусловленных начавшейся в «долгом XVI веке» т. н. «военной революцией» [См., например: Roberts, 1967, p. 195–225; Downing, 1988, p. 7–56; DeVries, 1998, p. 127–145 и др.]) и территориальной экспансии (породившей феномен раннемодерных «лоскутных» империй [См., например: Chaunu, 1966, 38; MacKenney, 2002]). Создание

этой инфраструктуры, продолжала далее историк, проходило по нескольким направлениям одновременно. Это и выстраивание новой административно-бюрократической машины, создаваемой для управления территориями и мобилизации ресурсов, людских, материальных и финансовых (через упорядочивание налоговой системы и введения, если это окажется возможным, новых податей и повинностей); и совершенствование правовой и судебной систем; и отработка новых способов и приемов легитимации власти посредством совершенствования старых и создания новых репрезентационных практик [Kollmann, 2012, p. 1–2].

И среди этих «стратегий», которые служили делу формирования централизованных государств раннего Нового времени, далеко не последнее место занимала т. н. «конфессионализация» – как определяла ее сущность Н. Коллманн, «движения в рамках католической и протестантской конфессий, направленные на четкое формулирование вероучения и дисциплинирование членов общины» [Kollmann, 2012, p. 2].

В том, что конфессионализация играла важную роль в политических процессах того времени, сомневаться не приходится. Без нее была невозможна консолидация общества вокруг государства и официальной церкви, которая чем дальше, тем в большей степени становилась частью государственной машины. И в условиях, когда понятие «нации» оставалось уделом немногочисленного и очень узкого круга интеллектуалов-книжников (в среде которых, собственно, и рождается постепенно это понятие), именно религиозная идея выступала одной из тех важнейших идеологических скреп (наряду с идеями монархии и династии) раннемодеิร์นного государства. Не имея возможности поставить под свой контроль каждого члена общества в отдельности и диктовать свою волю этому обществу в целом, государство, верховная власть была вынуждена искать дополнительные «передаточные» «звенья», посредством которых она могла, с одной стороны, довести до каждого члена общества и каждой первичной социальной ячейки общества свою волю, а с другой – обрести недостающую ему легитимность. Церковь с ее наработанными веками инструментами массовой индоктринации (хотя бы и через систему приходов) на тот момент подходила для этой цели как нельзя лучше, заменяя собой и отсутствующие на то время СМИ, и систему массового образования.

Выделенное замечание в длинной цитате из «Мифа абсолютизма» относительно религиозного единства как идеологической основы построения новой государственности имеет самое непосредственное отношение к теме нашего небольшого исследования. В условиях, когда понятие «государство» было для большинства населения достаточно далеким, туманным, если не враждебным; когда языковой партикуляризм однозначно доминировал и жители разных провинций и регионов разговаривали на разных диалектах пусть первоначально и одного и того же языка, но к раннему Новому времени удалившихся друг от друга настолько, что они порой с трудом понимали друг друга; когда разность обычаев и традиций еще больше отдаляли их друг от друга – только две больших идеи могли более или менее объединить эти разрозненные и нередко враждебно настроенные по отношению друг к другу социальные, этнокультурные и иные первичные общности.

Первая из этих идей – это идея монархии (или династии), а вторая – это религия. «Како веруеши?» – простой вопрос, который позволял определиться с принадлежностью отвечающего, «свой» ли он или же «чужой». Однако в раннее Новое время этот вопрос обретал еще и ярко выраженное политическое звучание именно в силу тех самых причин, которые обозначил Н. Хеншелл. К раннемодеิร์นному Русскому государству, которое по традиции принято называть «централизованным», это имело не меньшее, если не большее значение. Российский историк А.Б. Каменский, касаясь той роли, которую играло православие в истории Русского государства и общества, отмечал, что со времен ордынского ига «православие обеспечивало единство русских людей и играло роль, аналогичную той, какую в течение многих веков играл иудаизм для евреев диаспоры. **Религиозное единство было важнейшим условием, идеологической базой создания новой государственности** (выделено нами – В.П.)...» [Каменский, 1999, 27–28].

Насаждаемая «сверху» официальная вера породила ту самую верность как ее основу, о которой и писал Н. Хеншелл в цитате, с которой была начата эта статья. И именно она должна была способствовать достижению идеала раннемодерной монархии, сущность которого была выражена лаконично, но в то же время емко в девизе северофранцузского города Кан – «Un Dieu, un Roy, une Foy, une Loy» («Один Бог, один Король, одна Вера, один Закон»).

В самом деле, ревностное исповедание официальной религии и строгое следование ее требованиям служило отличным маркером, с одной стороны, позволявшим отличить «своего» от «чужого», а с другой стороны – лояльного подданного от нелояльного. И для «долгого XVI века» это было особенно важно, если принять во внимание то обстоятельство, что именно в эти десятилетия произошло разрушение единого мистического тела, объединявшего многочисленные позднесредневековые *corporations* в одно целое, внутри которого каждая *corporation* и каждый ее член играли свою определенную роль ради достижения всеобщего блага и спасения души. В условиях, когда число *corporations* достигло своего абсолюта по сравнению с предыдущими временами, и эти первичные социальные общности, как отмечали отечественные историки А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров, «находились между собой в чрезвычайно запутанных отношениях соподчинения, соперничества, конкуренции, противоречия и пр., а степень их сложности критически возрастала», идея поддержания единства мистического тела обретает новое измерение: «Существование реальных или воображаемых ”других“ мешало укреплению метафоры единого мистического тела» [Согомонов, Уваров, 2001, с. 205, 206]. Отсюда и столь характерные именно для раннего Нового времени широко-масштабные, сопряженные с массовым кровопролитием, гонения на «других»: **«надо было бороться против всего, что мешало общине быть подлинным образом Града Божьего, оплотом спасения»** (выделено нами – **В.П.**)...» [Согомонов, Уваров, 2001, с. 206].

Реформация и последовавшая за ней как ответ католического сообщества Контрреформация («католическая Реформа», или «католическое возрождение») были неотъемлемой и едва ли не важнейшей частью этого захватившего всю Европу процесса. «Очищение веры, ее ”восстановление“ было необходимо для того, чтобы спасти единое тело общины верных» [Согомонов, Уваров, 2001, с. 207]. Однако ни Реформация, ни Контрреформация не сумели добиться своей цели и доказать свою абсолютную непогрешимость и единственную правоту в вопросах веры и организации церковно-религиозной жизни. Средневековая *Respublica Christiana* раскололась, а вместе с ней и то самое единое мистическое тело, объединявшее многочисленные *corporationes* и их членов в одно целое. «Надо было любым путем восстановить конфессиональное единство общины, королевства, христианского мира, и, следовательно, всего макрокосма. И в этом католики и протестанты сходились во мнениях», – подчеркивали А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров [Согомонов, Уваров, 2001, с. 207].

Так как сама расколовшаяся церковь оказалась неспособна самостоятельно решить эту проблему (больше того, протестантизм очень быстро сам начал дробиться на течения, зачастую враждебно настроенные по отношению друг к другу) и защитить свои каноны и догмы от давления со стороны конкурентов, то эту задачу взяло на себя (преследуя при этом в том числе и чисто утилитарные цели) раннемодерное государство – с одной стороны, «сверху». И, в общем-то, не случайно немецкий политэконом В. Рошер еще в 1847 г., рассматривая проблему формирования европейского абсолютизма, выделил первую его стадию (время существования которой он определял от начала Реформации до окончания Тридцатилетней войны), которую предложил именовать «конфессиональным абсолютизмом» [Roscher, 1847, s. 451]. Его сущность Рошер определял как следование принципу «*Cuius regio eius religio*» (принцип, де-факто легший в основу религиозного мира, принятого на имперском рейхстаге в Аугсбурге в 1555 г., но официально сформулированный немецким юристом И. Стефани в 1576 г.). Идею Рошера развил австрийский историк К. Эдер, в 1949 г. отмечавший, что **конфессиональные интересы** не только определяли направление политики, но и **использовались властью для укрепления своих позиций в обществе** (выделено нами – **В.П.**) [См.: Eder, 1949]. Религиозная санкция, подчеркнем это еще раз, давала власти недостающую ей легитимность в глазах подданных, и

пренебречь ею она никак не могла в условиях, когда мускулатура власти не была развита в такой степени, которая позволила бы ей обойтись без этих дополнительных подпорок.

Вместе с тем стоит заметить, что религиозное единomyслие спускалось не только «сверху», но и «снизу». В борьбу за восстановление конфессионального единства общества активно включились те самые низовые сообщества-*corporationes*, о которых шла речь раньше (любопытное свидетельство приводит немецкий историк Н. Шиллинг, цитируя аахенскую хронику нач. XVII в. – по убеждению хрониста, городская община есть сообщество, объединенное символом веры [Цит. по: Schilling, 1992, s. 234]). Их участие в этой борьбе за восстановление конфессионального единства было обусловлено самой природой раннемодерной государственности, ее институциональной слабостью. Она основывалась не только и не столько на направленном «сверху» «вниз» насилии, сколько на достижении посредством переговоров определенного компромисса между властью и *corporationes* (впрочем, это отнюдь не исключало и использование силы) [См., например: Brewer., Hellmuth, 1999, p. 12]. Этот компромисс гарантировал сохранение за *corporationes* их традиционных привилегий и свобод. Власть же получала взамен лояльность своих подданных и их поддержку в исполнении общественно значимых своих функций. И религиозный вопрос в этом компромиссе занимал далеко не последнее место (в этом плане примечательным представляется недавнее исследование А.Д. Щеглова о начальном этапе Реформации в Швеции [См.: Щеглов, 2017]).

Итак, совместными усилиями власти, церкви и *corporationes* в странах Западной Европы на протяжении 2-й четв. XVI – 1-й пол. XVII вв. в общем и в целом был завершен процесс религиозного размежевания и формирования обновленной католической конфессии и множества протестантских, среди которых выделялись лютеранская (евангелическая) и разные изводы кальвинистской. И поскольку Реформация началась в Германии и процессы, связанные с религиозным размежеванием и последующим выстраиванием конфессий не просто как определенного вероисповедания (символа веры), а, по словам отечественного германиста А.Ю. Прокопьева, как совокупности догмы, повседневных норм поведения и социальных институтов (а от себя мы добавим – и институтов политических. **В.П.**) [См.: Прокопьев, 2004, с. 14], то именно немецким исследователям принадлежит честь ввода в научный оборот самого термина «конфессионализация» (*Konfessionalisierung*).

Результаты исследования и их обсуждение

Конфессионализация – к историографии проблемы

Историография проблемы в свое время была основательно проанализирована А.Ю. Прокопьевым [См.: Прокопьев, 2004, с. 6–30. См. также: Прокопьев, 2008, с. 7–27, 33–36; Lotz-Neumann, 2008, p. 136–149], что избавляет нас от необходимости подробно рассматривать этот вопрос. Отметим лишь несколько наиболее важных, на наш взгляд, моментов. Под термином «конфессионализация» сегодня принято понимать сложные социально-политические и идеологические (мы рассматриваем религию вне зависимости от того, какое обличье она принимает – католическое, евангелическое, реформатское, православное или какое-либо другое, – прежде всего, как характерную для той эпохи форму идеологии, в т. ч. государственной) процессы трансформации из средневекового в раннемодерное состояние, протекавшие внутри государства и сословного общества Европы в XV–XVIII вв. И, хотя этот термин и родился относительно недавно, во 2-й пол. XX в., однако он имеет долгую и непростую предысторию.

На протяжении большей части XIX столетия Реформация и католический ответ на нее рассматривались преимущественно и главным образом как религиозно-политический феномен, но с началом XX в. в изучение истории противостояния протестантизма и католицизма вливается осязаемый социологический «поток». Э. Трельч, который и ввел, собственно говоря, термин «конфессионализм», по словам А.Ю. Прокопьева, подчеркивал, что лютеранство (а вслед за ним и другие конфессии – **В.П.**) могло обрести свое место в европейском сообществе

только в том случае, если смогло бы приспособить структуры и институты повседневности к требованиям догмы [См.: Прокопьев, 2004, с. 9].

Собственно говоря, отсюда до «конфессионализации» было уже совсем недалеко – один-два шага, но прежде чем они были сделаны, Германии пришлось дважды пережить национальную катастрофу – в 1918 г. и еще более масштабную – в 1945 г. Пересмотру подверглись многие устоявшиеся и казавшиеся незыблемыми историографические концепции, в том числе и касавшиеся истории Реформации и всего, что с нею было связано. И в процессе этого послевоенного пересмотра, собственно, и рождается идея *Konfessionalisierung*. У истоков ее, по мнению А.Ю. Прокопьева, стояли О. Бруннер и К. Эдер (упоминавшийся нами выше), затем их дело продолжил и развил Э. Цееден [См., например: Zeeden, 1956; Zeeden, 1958; Zeeden, 1985]. В 1958 г. с его легкой руки появляется термин *Konfessionsbildung* («Создание конфессий»), посредством которого он характеризовал процесс формирования и обособления, территориального, идеологического и организационного, в Священной Римской империи трех противостоящих друг другу конфессий – католической, лютеранской и кальвинистской, каждая из которых в ходе этого процесса заполучила все необходимые атрибуты и институты независимого и отличного от других вероучения.

Преемники Э. Цеедена, историки нового поколения, такие как В. Райнхард [См., например: Reinhard, 1983], Х. Шиллинг [См., например: Schilling, 1988a; Schilling, 1988b], Г. Шмидт [См., например: Schmidt, 1992; Schmidt, 1997] и др., продолжили начатое им дело. В их работах *Konfessionsbildung* постепенно обретает новое измерение, окончательно покинув сугубо религиозно-политическую площадку. В их исследованиях *Konfessionsbildung* трансформируется в более широкое и объемное понятие *Konfessionalisierung*, «конфессионализацию» (усилиями прежде всего В. Райнхарда и Х. Шиллинга) [См.: Lotz-Neumann U., Pohlig M., 2007], которая понимается как масштабный процесс глубокой трансформации западноевропейского общества и его основных политических, социальных и идеологических институтов в раннее Новое время, обусловивших рождение раннемодерного государства и общества.

Процессы, связанные с *Konfessionalisierung*, сопровождались параллельно и т. н. *Sozialdisziplinierung*, «социальным дисциплинированием». Впервые употребивший в 1968 г. этот термин немецкий историк Г. Острайх полагал, что «социальное дисциплинирование» в ранне-модерной Европе представляло собой спускаемые «сверху», со стороны власти (и официальной, поддерживаемой государством, церкви), всевозможные запреты и ограничения. Посредством этих правовых и внеправовых норм индивид загонялся в узкий «коридор» «разрешенного» поведения, а его повседневная жизнь ставилась под жесткий внешний контроль [См., например: Oestreich, 1969]. Однако, на наш взгляд, социальное дисциплинирование в силу слабости ранне-модерного государства не могло бы иметь успеха, если бы не нашло поддержки «снизу» (на что указывала, к примеру, М.А. Корзо [См.: Корзо, 2003, с. 89–102]), так что и в этом случае мы снова видим взаимодействие государства (и официальной церкви) и *corporationes*.

Характеризуя процесс конфессионализации и социального дисциплинирования, один из ведущих немецких специалистов по этой проблеме, Г. Шмидт, отмечал, что это двусторонний процесс. Он включал в себя не только правовую и организационную институционализацию конфессий, но и превращение конфессий в единую форму повседневной жизни и быта мирян. И все это теснейшим образом было связано с политической историей Европы раннего Нового времени [См.: Schmidt, 1992, s. 2.], с процессами формирования ранне-модерной государственности и пресловутого «конфессионального абсолютизма», в котором религия в форме разрешенной властью конфессии выполняла роль официальной идеологии, сплачивавшей общество вокруг правителя и официальной церкви, и маркера, позволявшего отличить лояльного верноподданного от «иног».

Подобная широкая трактовка конфессионализации позволила этой концепции «выйти» за пределы ранне-модерной Германии и найти применение для изучения процессов перемен в религиозной, политической и социальной сферах жизни других регионов Европы того времени [См., например: Reformation and early..., 2008], в т. ч. и Восточной [См.,

например: Brúning, 2008, p. 66–97]. Правда, стоит заметить, что французская и британская историография без особого энтузиазма отнеслись к идее применения основных положений конфессионализации к местным историческим реалиям [См., например: Morrisey, 2015].

Естественно, что после падения «железного занавеса» и начала масштабных перемен, затронувших все стороны жизни общества и науки на постсоветском пространстве, концепт конфессионализации вошел в методологический арсенал историков в России и сопредельных стран, прежде всего Украины и Белоруссии. Само собой неизбежным было то, что на первых порах наибольший вклад в распространение концепции конфессионализации в российском историческом сообществе сыграли отечественные германисты, например, А.Ю. Прокопьев (перу которого, как уже было отмечено выше, принадлежит и первый объемный русскоязычный очерк о возникновении и развитии идеи конфессионализации в немецкой историографии).

Постепенно к изучению религиозных процессов в раннемодерной России и соседних государствах (прежде всего в Речи Посполитой) присоединяются и историки-слависты. Среди них выделяется фигура М.В. Дмитриева, который на данный момент является одним из ведущих российских специалистов по проблеме применительно к православному миру Восточной Европы. Среди его работ, так или иначе связанных с проблемой «православной конфессионализации», особо стоит выделить статью «Православная конфессионализация в Восточной Европе во второй половине XVI века» [Дмитриев, 2012, с. 133–152], которая носит в значительной степени программный характер. Помимо обширного историографического раздела, она включает в себя и раздел, в котором ее автор формулирует важные, на его взгляд, вопросы, связанные с проблемой конфессионализации на восточноевропейском православном пространстве и ее особенностями в сравнении с аналогичными процессами в Европе.

Такой же программный, концептуальный характер носит и статья Л.Б. Сукиной «Концепция «конфессионализации» – одна из возможных парадигм изучения русской истории XVI–XVII веков» [Сукина, 2014, с. 115–119]. Характеризуя религиозные процессы в раннемодерной России, автор статьи отмечала, что «в религиозной жизни России XVI–XVII вв. сформировались все формальные признаки процесса “конфессионализации”, но их проявления в социальных и культурных условиях конкретной исторической среды отличались существенным своеобразием», и это своеобразие вело к тому, что, по мнению исследователя, «вопрос о релевантности теории конфессионализации применительно к русской истории XVI–XVII вв. остается открытым» [Сукина, 2014, с. 115, 119]. Однако в своей последней монографии исследователь несколько пересмотрела свои прежние взгляды и пришла к выводу, что в раннее Новое время усилиями государства и церкви в России складывается «предписанное православие» (данный термин, предложенный исследователем, весьма удачно, на наш взгляд, отражает сущность конфессионализации – **В.П.**) как система регламентировавших религиозную и повседневную жизнь мирян и клириков требований, оформленных законодательно (как в светском, так и в каноническом праве). Формирование этого «предписанного православия» Л.Б. Сукина ставит на одну доску с процессами конфессионализации в Европе в эти столетия [См.: Сукина, 2021, с. 43–44], т. е., по ее мнению, это равноценные процессы, которые в конечном итоге вели к схожим результатам.

В последние годы концепт «конфессионализации» (в широком смысле) занял достаточно прочное место среди проблем, которые входят в круг интересующих новое поколение отечественных историков вопросов русской истории [См., например: Зуев, 2011, с. 412–416; Крылов, 2013, с. 51–62; Хондзинский, 2015, с. 9–17 и др.]. Так, например, вопросы, связанные с применимостью концепции конфессионализации к конкретно-исторической ситуации в тех или иных странах Европы, в т. ч. и Восточной, регулярно обсуждаются в рамках работы научно-учебной лаборатории медиевистических исследований ВШЭ. Так, 25 ноября 2015 г. в рамках цикла «Дискуссионное Средневековье» прошла дискуссия на тему «Konfessionalisierung в истории западно-христианских обществ раннего Нового времени»; 21 октября 2021 г. – круглый стол «Социальная дисциплинаризация в католической Франции XVII в.»; 10 декабря того же года – семинар «Католицизм и социальная дисциплинаризация в Европе XVII в.», а 2 марта 2022 г. прошел семинар «Социальная дисциплинаризация в церковных приходах Московской Руси XVII в.».

Заключение

Подводя итоги всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что проблема конфессионализации смогла обосноваться в современном российском историческом дискурсе. Ее использование как инструмента для изучения проблем формирования раннемодерной государственности и общества в России имеет неплохой эвристический потенциал. Использование этой концепции, на наш взгляд, позволяет по-новому взглянуть на ряд важных аспектов процессов, протекавших в религиозно-политической, социальной и духовной сферах жизни русского общества в XV–XVIII вв. К этой проблеме мы обратимся во второй части статьи.

Список литературы

- Бельцер А.А. 2020. Раннее Новое время: размышления о границах периода (по материалам конференции). *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. Москва, Наука, Вып. 81(2): 146–159.
- Всемирная история. 2013. Мир в раннее Новое время. Т. 3. Москва, Наука, 854 с.
- Дмитриев М.В. 2012. «Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века. *Дрогобицкий краєзнавчий збірник*. Дрогобич: Коло, Вып. XVI: 133–152.
- Дмитриева О.В. 2009. О периодизации, модернизации и книжном тиснении. *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. Москва, Наука. Вып. 70(1–2): 122–129.
- Зуев И.В. 2011. Проблема «социального дисциплинирования» в немецкой деревне XVI–XVII вв. в работе Матиаса Вебера. *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 23: 412–416.
- Каменский А.Б. 1999. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва, Новое литературное обозрение. 328 с.
- Корзо М.А. 2003. Проблемы нравственного реформирования общества в эпоху раннего Нового времени. *Этическая мысль*. 4: 89–102.
- Крылов А.О. 2013. Четьи-Минеи митрополита Дмитрия Ростовского (к вопросу о конфессионализации в России рубежа XVII–XVIII вв.). *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1: 51–62.
- Прокопьев А.Ю. 2004. Введение. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация. В кн.: Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой конференции 14–16 ноября 2000 г. Санкт-Петербург, Алетейя: 5–30.
- Прокопьев А.Ю. 2008. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 483 с.
- Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. 2001. Открытие социального (парадокс XVI века). В кн.: Одиссей. Человек в истории. Москва, Наука: 199–215.
- Сукина Л.Б. 2014. Концепция «конфессионализации» – одна из возможных парадигм изучения русской истории XVI–XVII веков? *Вестник СПбГУ*. Сер. 17. Вып. 2: 115–119.
- Сукина Л.Б. 2021. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив. 359 с.
- Хондзинский П.В. 2015. «Поле» конфессионализации: опыт приложения теории к русской духовной традиции. *Вестник ПСТГУ. II. История. История Русской Православной Церкви*. Вып. 2(63): 9–17.
- Щеглов А.Д. 2017. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных дисциплин, 384 с.
- Braudel F. 1974. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. II. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. *The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783*. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press, 1–22.

- Brúning A. 2008. Confessionalization in the *Slavia Orthodoxa* (Belorussia, Ukraine, Russia)? – Potential and Limits of a Western Historiographical Concept in Religion and the Conceptual Boundary. Central and Eastern Europe. Encounter of Faiths. New York: Palgrave MacMillan, 66–97.
- Chaunu P. 1966. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 705 p.
- DeVries K. 1998. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State in War in History. № 5(2), 127–145.
- Downing B.M. 1988. Constitutionalism, Warfare, and Political Change. Early Modern Europe in Theory and Society. Vol. 17. № 1 (Jan), 7–56.
- Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555–1648). Wien: Herder Verlag, XVII. 459 p.
- Henshall, N. 1992. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London & New York, Longman, 245 p.
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- Lotz-Heumann U. 2008. Confessionalization. Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research. Kirksville: Truman State University Press, 136–160.
- Lotz-Heumann U., Pohlig M. 2007. Confessionalization and Literature in the Empire, 1555–1700. Central European History. Vol. 40. № 1 (Mar.), 35–61.
- MacKenney R. 2002. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London: Macmillan, 393 p.
- Morrisey N. 2015. Confessionalism and Conversion in the Reformation [Электронный ресурс]. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/40746/>
- Oestreish G. 1969. Strukturprobleme des europäischen Absolutismus. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgechichte. Bd. 55, 329–347.
- Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research. 2008. Kirksville: Truman State University Press, 456 p.
- Reinhard W. 1983. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie der konfessionalen Zeitalters. Zeitschrift für Historische Forschung. Bd 10, 257–278.
- Roberts M. 1967. The Military Revolution, 1560–1660. Roberts M. Essays in Swedish History. London, 195–225.
- Roscher W. 1847. Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen // Allgemeine ZeitSchrift für Geschichte. # 7, 79–88, 322–365, 436–473.
- Schilling H. 1988. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Berlin: Siedler Verlag, 507.
- Schilling H. 1988. Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620. Historische Zeitschrift. № 246, 1–45.
- Schilling H. 1992. Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 434 p.
- Schmidt H.R. 1992. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München; Oldenbourg, 153 p.
- Schmidt H.R. 1997. Sozialdisziplinierung? Ein Plädoyer für das Ende des Etatismus in der Konfessionalisierungsforschung. Historisch Zeitschrift. Band 265, 639–682.
- Zeeden E. 1958. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeildter der Glaubenskämpfe. Historische Zeitschrift. № 185, 249–299.
- Zeeden E.W. 1985. Konfessionsbildul: Studien zur Reformation, Gegenreformation und katolische Reform. Stuttgart: Klett-Gotta Verlag, 391 p.
- Zeeden E.W. 1956. Zeittalter der europäischen Glaubenskäpfe, Gegenreformation und katholische Reform. Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. VII. Heft 3, 321–368 p.

References

- Bel'cer, A.A. 2020. Rannee Novoe vremya: razmy'shleniya o graniczax perioda (po materialam konferencii) [Early Modern Times: Reflections on the Boundaries of the Period (Based on Conference Materials)]. In *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov`ya i rannego Novogo vremeni*. Moscow, Nauka. Vy`p. 81(2): 146–159.
- Vsemirnaya istoriya. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya [World History. Vol. 3. The World in the Early Modern Time]. 2013. Moscow, Nauka. 854 p.

- Dmitriev M.V. 2012. «Pravoslavnaya konfessionalizaciya» v Vostochnoj Evrope vo vtoroj polovine XVI veka [“Orthodox Confessionalization” in Eastern Europe in the Second Half of the 16th Century]. In *Drogobicz`kij kraeeznavchij zbirnik*. Drogobich: Kolo. Vip. XVI: 133–152.
- Dmitrieva O.V. 2009. O periodizacii, modernizacii i knizhnom tischenii [On Periodization, Modernization, and Book Stamping]. In *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov`ya i rannego Novogo vremeni*. Moscow, Nauka. Vy`p. 70(1–2): 122–129.
- Zuev I.V. 2011. Problema «social`nogo disciplinirovaniya» v nemeckoj derevne XVI–XVII vv. v rabote Matiasa Vebera [The Problem of "Social Discipline" in the German Village of the 16th – 17th Centuries in the Work of Matthias Weber]. In *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. 23: 412–416.
- Kamenskij A.B. 1999. Rossijskaya imperiya v XVIII veke: tradicii i modernizaciya [Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Korzo M.A. 2003. Problemy` npravstvennogo reformirovaniya obshhestva v e`poxu rannego Novogo vremeni [Problems of Moral Reformation of Society in the Early Modern Era]. In *E`ticheskaya my`s`l`. 4: 89–102.*
- Kry`lov A.O. 2013. Chet`i-Minei mitropolita Dimitriya Rostovskogo (k voprosu o konfessionalizacii v Rossii rubezha XVII–XVIII vv.) [Chetyi-Minei of Metropolitan Dmitry of Rostov (on the Issue of Confessionalization in Russia at the Turn of the 17th – 18th Centuries)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 1: 51–62.
- Prokop`ev A.Yu. 2004. Vvedenie. Reformaciya, Kontreformaciya, Konfessionalizaciya [Introduction. Reformation, Counter-Reformation, Confessionalization]. In *Konfessionalizaciya v Zapadnoj i Vostochnoj Evrope v rannee Novoe vremya: Doklady` russko-nemeckoj konferencii 14–16 noyabrya 2000 g.* Saint Petersburg, Aletejya: 5–30.
- Prokop`ev A.Yu. 2008. Germaniya v e`poxu religioznogo raskola. 1555–1648 [Germany in the Era of Religious Schism. 1555–1648]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 483 p.
- Sogomonov A.Yu., Uvarov P.Yu. 2001. Otkry`tie social`nogo (paradoks XVI veka) [Discovery of the Social (the Paradox of the XVI Century)]. In *Odissej. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka: 199–215.
- Sukina L. B. 2014. Konceptiya «konfessionalizacii» – odna iz vozmozhny`x paradigm izucheniya russkoj istorii XVI–XVII vekov [The Concept of "Confessionalization" – One of the Possible Paradigms for Studying Russian History of the 16th – 17th Centuries?]. In *Vestnik SPbGU*. Ser. 17. Vy`p. 2: 115–119.
- Sukina L.B. 2021. Pozdnyaya osen` russkogo Srednevekov`ya. Ocherki kul`turnoj istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI–XVII vv.) [Late Autumn of the Russian Middle Ages. Essays on the Cultural History of the Moscow State (16th – 17th Centuries)]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x iniciativ. 359 p.
- Xondzinskij P.V. 2015. «Pole» konfessionalizaciii: opy`t prilozheniya teorii k russkoj duxovnoj tradicii ["Field" of Confessionalization: An Experience of Applying Theory to the Russian Spiritual Tradition]. In *Vestnik PSTGU. II. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. Vy`p. 2(63): 9–17.
- Shheglov A.D. 2017. Reformaciya v Shvecii: soby`tiya, deyateli, dokumenty` [Reformation in Sweden: Events, Figures, Documents]. Moscow-Saint-Petersburg, Centr gumanitarny`x discipline, 384 p.
- Braudel F. 1974. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. II. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. Oxford & New York: Cambridge University Press, 1–22.
- Brúning A. 2008. Confessionalization in the *Slavia Orthodoxa* (Belorussia, Ukraine, Russia)? – Potential and Limits of a Western Historiographical Concept in Religion and the Conceptual Boundary. Central and Eastern Europe. Encounter of Faiths. New York: Palgrave MacMillan, 66–97.
- Chaunu P. 1966. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 705 p.
- DeVries K. 1998. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State in War in History. № 5(2), 127–145.
- Downing B.M. 1988. Constitutionalism, Warfare, and Political Change. Early Modern Europe in Theory and Society. Vol. 17. № 1 (Jan), 7–56.
- Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555–1648). Wien: Herder Verlag, XVII. 459 p.

- Henshall, N. 1992. *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*. London & New York, Longman, 245 p.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- Lotz-Heumann U. 2008. *Confessionalization. Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research*. Kirksville: Truman State University Press, 136–160.
- Lotz-Heumann U., Pohlig M. 2007. *Confessionalization and Literature in the Empire, 1555–1700*. *Central European History*. Vol. 40. № 1 (Mar.), 35–61.
- MacKenney R. 2002. *Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict*. London: Macmillan, 393 p.
- Morrisey N. 2015. *Confessionalism and Conversion in the Reformation* [Электронный ресурс]. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/40746/>
- Oestreish G. 1969. *Strukturprobleme des europäischen Absolutismus*. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgechichte*. Bd. 55, 329–347.
- Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research*. 2008. Kirksville: Truman State University Press, 456 p.
- Reinhard W. 1983. *Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie der konfessionalen Zeitalters*. *Zeitschrift für Historische Forschung*. Bd 10, 257–278.
- Roberts M. 1967. *The Military Revolution, 1560–1660*. Roberts M. *Essays in Swedish History*. London, 195–225.
- Roscher W. 1847. *Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen // Allgemeine Zeitschrift für Geschichte*. # 7, 79–88, 322–365, 436–473.
- Schilling H. 1988. *Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648*. Berlin: Siedler Verlag, 507.
- Schilling H. 1988. *Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620*. *Historische Zeitschrift*. № 246, 1–45.
- Schilling H. 1992. *Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society*. *Essays in German and Dutch History*. Leiden: Brill, 434 p.
- Schmidt H.R. 1992. *Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert*. München; Oldenbourg, 153 p.
- Schmidt H.R. 1997. *Sozialdisziplinierung? Ein Plädoyer für das Ende des Etatismus in der Konfessionalisierungsforschung*. *Historisch Zeitschrift*. Band 265, 639–682.
- Zeeden E. 1958. *Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeildter der Glaubenskämpfe*. *Historische Zeitschrift*. № 185, 249–299.
- Zeeden E.W. 1985. *Konfessionsbildung: Studien zur Reformation, Gegenreformation und katholische Reform*. Stuttgart: Klett-Gotta Verlag, 391 p.
- Zeeden E.W. 1956. *Zeitalter der europäischen Glaubenskämpfe, Gegenreformation und katholische Reform*. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. VII. Heft 3, 321–368 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.10.2024

Received 29.10.2024

Поступила после рецензирования 17.11.2024

Revised 17.11.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Accepted 19.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4092-8992](https://orcid.org/0000-0002-4092-8992)

УДК 791.43.03/93
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-934-946
Оригинальное исследование

Советские игровые кинофильмы о России XVIII–XIX вв. как политический инструмент укрепления патриотизма

Будякова Г.И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5;
Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты»,
Россия, 346872, Ростовская область, с. Самбек, ул. Победы, д. 1
E-mail: glafira01@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование советских игровых кинофильмов, посвященных истории России XVIII–XIX вв., как политического инструмента укрепления патриотизма. В связи с недостатком исследований в данной области автором рассмотрены кинофильмы о России XVIII–XIX вв. с целью выявления их роли в формировании и укреплении патриотических чувств. Особое внимание уделяется тому, как данные кинематографические произведения использовались в идеологических целях, способствуя формированию национального самосознания и укреплению общественного духа. В статье проводится параллель между кинематографическими нарративами и государственной политикой того времени, а также продемонстрировано, как кинофильмы становились частью широкой идеологической стратегии. Исследование показывает, что эти киноленты имеют выдающееся историческое значение не только как явления художественной культуры, но и как факторы формирования историко-патриотических убеждений, которые продолжают оказывать влияние на современное общество. В отличие от традиционного восприятия патриотического кино как фильмов о войне и военных драмах в данной работе рассматриваются исторические, биографические кинофильмы и экранизации с точки зрения патриотизма и любви к Родине.

Ключевые слова: историческое кино, экранизации, советская идеология, национальное самосознание, идеологическое воздействие, художественная культура, кинематографические нарративы, государственная политика, культурное наследие

Для цитирования: Будякова Г.И. 2024. Советские игровые кинофильмы о России XVIII–XIX вв. как политический инструмент укрепления патриотизма. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 934–946. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-934-946.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Soviet Feature Films about 18th – 19th Centuries Russia as a Political Tool to Strengthen Patriotism

Glafira I. Budyakova

Saint Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg 199034, Russia;
The People's Military-Historical Museum of the Great Patriotic War "Sambek Heights",
1 Pobeda St., Sambek Village 346872, Rostov region, Russia
E-mail: glafira01@bk.ru

Abstract: The article examines the use of Soviet feature films devoted to the history of Russia of the 18th – 19th centuries as a political tool to strengthen patriotism. Due to the lack of research in this area, the author examines films about 18th – 19th centuries Russia to identify their role in the formation and strengthening

© Будякова Г.И., 2024

of patriotic feelings. Special attention is paid to the use of cinematography for ideological purposes, contributing to the formation of national identity and strengthening public spirit. The article draws a parallel between cinematic narratives and the state policy of that time, demonstrating how films became part of a broad ideological strategy. The study shows that these films have outstanding historical significance not only as phenomena of artistic culture, but also as factors shaping historical and patriotic beliefs that continue to influence modern society. In contrast to the traditional perception of patriotic cinema as films about war and military dramas, this work examines historical, biographical films, and screen adaptations in terms of patriotism and love for the Motherland.

Keywords: historical cinema, adaptations, Soviet propaganda, national consciousness, ideological influence, artistic culture, cinematic narratives, state policy, cultural heritage

For citation: Budyakova G.I. 2024. Soviet Feature Films about 18th – 19th Centuries Russia as a Political Tool to Strengthen Patriotism. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 934–946 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-934-946.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Советское кино является частью культурного наследия, и его анализ помогает понять историю страны, а также методы мобилизации общественного мнения, использованные для влияния на массовое сознание. Это изучение также актуально для понимания современных идеологических приемов в кинематографе, особенно в политических и социальных фильмах. Советские фильмы оказали значительное влияние на культуру не только СССР, но и других стран. Многие советские фильмы стали классикой и остаются популярными, часто транслируются по телевидению и находятся в свободном доступе в сети Интернет.

Вопрос патриотического дискурса в советском кинематографе практически не исследовался в полном объеме. Множество работ в отечественной и зарубежной литературе подготовлено по тесно связанным темам, касающимся истории советского кино в целом или теоретических сторон политической агитации в советских фильмах.

Про историю советского кинематографа, включая некоторые идеологические аспекты, написан ряд работ. Среди них можно выделить учебник «История отечественного кино» под редакцией Будяка Л.М. [Власов, 2005], учебное пособие «История советского кино» Русиной Ю.А. [Русина, 2019], коллективный труд «История советского кино» [Айзенберг, Репин, Акбаров, 1975].

Исследования, освещающие тему идеологии и агитации в СССР, также рассматривают кино как канал для транслирования идей. «Идеология, пропаганда и агитация в СССР» анализирует аспекты системы идеологической работы, достигшей расцвета в период «холодной войны» (1946–1991) [Кузнецов, 2019]. Диссертация О.А. Закирова посвящена историческим фильмам о дореволюционном прошлом, формирующим патриотические чувства [Закиров, 2011].

Работы, рассматривающие использование киноискусства как средства мобилизации общественного сознания в современной России, выделяют методы и приемы использования кинолента для патриотического воспитания. Труд Гуляева А.С., Евченко М.Н. анализирует роль кино в патриотическом воспитании молодежи [Гуляев, Евченко, 2014]. Исследование Акутина С.П., Акутина А.Н. рассматривает вопросы формирования гражданского мировоззрения у детей и молодежи средствами кино [Акутина, Акутина, 2017]. Статья Коробова А.А., Серебрякова С.А. раскрывает аспекты использования документального кино как инструмента распространения политических идей в цифровую эпоху [Коробов, Серебряков, 2019].

Патриотический дискурс был важным элементом советской кинематографии и привлекал внимание многих исследователей. Однако акцент чаще делался на идеологической работе и агитации в целом. Зарубежные работы, такие как «The Red Screen: Politics, Society, Art in Soviet Cinema» [Lawton, 1992] и «Russian and Soviet Film Adaptations of Literature,

1900–2001: Screening the Word» [Hutchings, 2005], рассматривают политические, социальные и культурные аспекты советского кино, взаимодействие кино и политики, а также экранизации литературных произведений с идеологическими аспектами. В целом зарубежные исследователи отмечают важную роль кино в идеологической борьбе и культурной жизни СССР, а также его влияние на мировое кино.

Таким образом, изучение патриотического дискурса в советских фильмах имеет историческое, культурологическое и практическое значение. Периоды существования СССР отражались на состоянии кинематографа, поэтому важно исследовать методы и приемы, использованные в разных периодах, чтобы выявить тенденции и различия.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является освещение истории России XVIII–XIX веков в советском игровом кино в контексте формирования патриотического сознания. Методологической основой работы являются принципы диалектики и историзма, которые предполагают изучение исторических явлений в их динамическом развитии с учетом внутренних противоречий и постоянных изменений.

В ходе исследования применялись следующие методы: историко-генетический метод позволил выявить причины и последствия процессов, связанных с развитием советского игрового кино; сравнительный метод способствовал определению общих и уникальных черт кинолента через анализ их исторического и художественного содержания; историко-системный подход дал возможность рассмотреть создание фильмов как элемент государственной и партийной политики; типологический метод помог выделить основные темы исторического кино, классифицировать фильмы по поджанровым и тематическим критериям. Для отбора кинолента использовался контент-анализ и контролируемый отбор, что позволило систематизировать и структурировать большой объем данных для более глубокого понимания.

Результаты и их обсуждение

27 августа 1919 г. был подписан декрет «О переходе фотографической и кинематографической промышленности в ведение Народного комиссариата просвещения»²¹, что определило судьбу российского кино как государственного сектора, сохранявшего этот статус до начала 1990-х годов. Его деятельность планировалась, финансировалась и контролировалась специализированными организациями при советском правительстве. Кино было признано инструментом идеологического влияния, воспитания и образования.

1991 г. стал переломным в целом для страны. В этот год прекратил существование Союз Советских Социалистических республик. А 31 января 1992 г. на основании Постановлений Госсовета СССР от 14 ноября 1991 г. и Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 23 ноября 1991 г. был ликвидирован Комитет кинематографии СССР²², что завершило эпоху советской кинематографии. Таким образом, 1919–1991 гг. объективно определяют вполне законченный, целостный период и в развитии страны, и в развитии советского кинематографа.

Время существования советского кинематографа условно можно разделить на пять периодов, соотнеся с рубежными годами в истории страны: 1) 1919–1935 гг.; 2) 1936–1953 гг.; 3) 1954–1964 гг.; 4) 1965–1984 гг.; 5) 1985–1991 гг.

Для проведения анализа был использован открытый ресурс «кино-театр.ру»²³, который предоставляет список советских фильмов с краткой аннотацией, как выпущенных, так

²¹ № 448. Постановление Народного Комиссариата Просвещения. О Всероссийском Фотокинематографическом Отделе Народного Комиссариата Просвещения.

²² Постановление Государственного Совета СССР от 14.11.1991 № 13.

²³ Советское кино // кино-театр.ру [Электронный ресурс]. URL: (kino-teatr.ru) (дата обращения: 12.02.2024)

и запрещенных или утраченных. Так, установлено, что с 1919 по 1991 гг. снято и выпущено 7 850 художественных фильмов (рис. 1).

Рис. 1. Советские художественные фильмы. График выхода фильмов по годам

Источник: собственная разработка

Fig. 1. Soviet Feature Films. Film Release Schedule by Year

Source: The Author's Own Development

С помощью метода контролируемого отбора выявлено 280 художественных фильмов о России XVIII–XIX вв., что составляет 3,6 % от общего количества картин (см. рис. 1).

Исследуемые фильмы были распределены по жанрам и установлено их количество: исторические – 17 (6 %), историко-биографические – 68 (24 %), экранизации – 195 (70 %).

Исследуемые кинофильмы в абсолютных и относительных единицах по периодам и жанрам распределились следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Table 1

Общее количество выпущенных фильмов о России XVIII–XIX вв. за период с 1919 по 1991 г.

The total number of films released about 18th–19th centuries Russia from 1919 to 1991

Период	Общее количество фильмов, ед.	Количество фильмов о России XVIII–XIX вв.					
		Исторические		Историко-биографические		Экранизации	
		Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
1919–1935	32	4	13 %	4	13 %	24	75 %
1936–1953	39	4	10 %	22	57 %	13	33 %
1954–1964	46	2	4 %	8	18 %	36	78 %
1965–1984	113	4	4 %	23	20 %	86	76 %
1985–1991	50	3	6 %	11	22 %	36	72 %
Всего:	280	17	6 %	68	24 %	195	70 %

В связи с крайне неравномерным выходом фильмов в разные периоды для получения корректного сравнения результатов анализировать таблицу необходимо в относительных единицах. Из таблицы видно, что в каждом периоде присутствуют картины всех трех жанров. Причем фильмы каждого жанра равномерно представлены в каждом периоде, кроме одного – 1936–1953. В этот период доля кинолент историко-биографического жанра резко возрастает, а доля экранизаций уменьшается более чем в два раза (рис. 2).

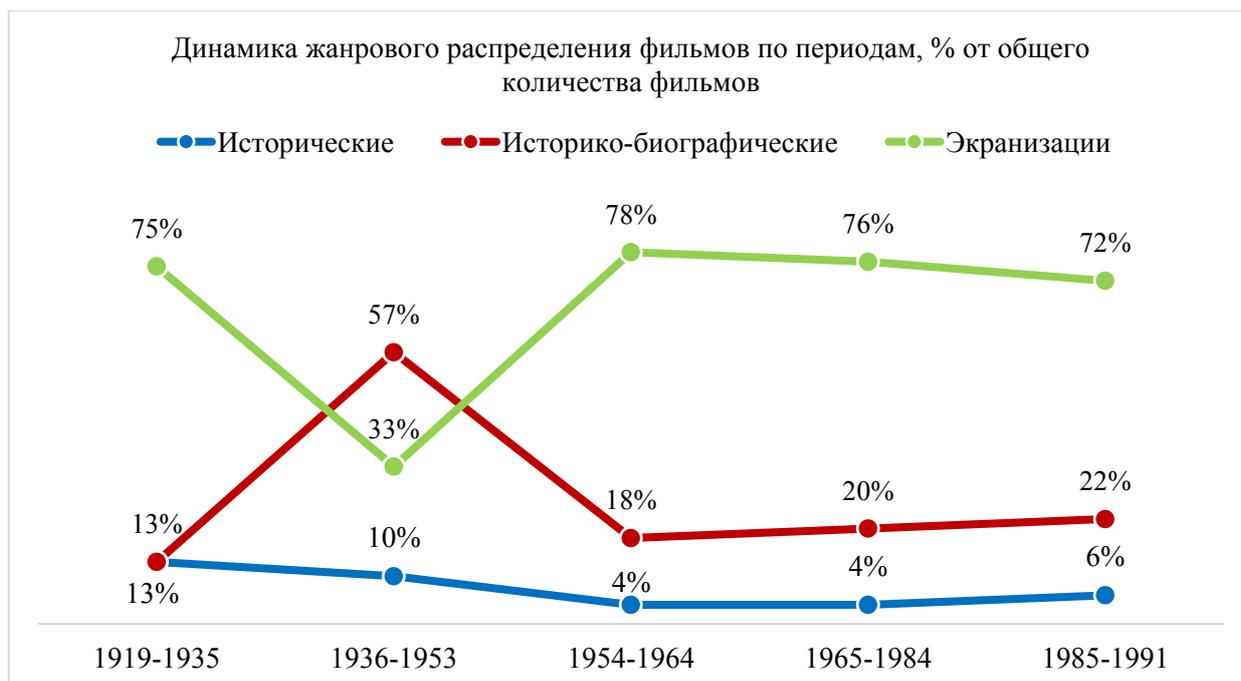

Рис. 2. Динамика жанрового распределения фильмов по периодам в % отношении от общего количества фильмов

Источник: собственная разработка

Fig. 2. The dynamics of genre distribution of films by periods in percentage relative to the total number of films
 Source: The Author's Own Development

Всплеск интереса к выпуску историко-биографических фильмов о России XVIII–XIX вв. в период с 1936 по 1953 г. объясняется военными событиями.

Исторические кинофильмы

В рамках темы исследования из исторических фильмов всего периода для проведения анализа отобраны ленты о России XVIII–XIX вв. Всего было выпущено 17 фильмов, что составляет 6 % от общего количества исследуемых киноработ (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Количество выпущенных исторических фильмов о России XVIII–XIX вв. за период с 1919 по 1991 г.
 The number of historical films about 18th – 19th centuries Russia released from 1919 to 1991

Период	Общее количество исторических фильмов, ед.	% от общего количества исследуемых фильмов в периоде	Количество исторических фильмов о России XVIII–XIX вв.			
			О военных успехах русской армии и флота	О борьбе за свободу	О жизни и быте народа	На историческую тему
			Кол-во, ед.	Кол-во, ед.	Кол-во, ед.	Кол-во, ед.
1919–1935	4	13 %	0	3	1	0
1936–1953	4	10 %	2	2	0	0
1954–1964	2	4 %	1	0	1	0
1965–1984	4	4 %	0	4	0	0
1985–1991	3	6 %	0	0	2	1
Всего:	17	6 %	3	9	4	1
% от общего количества историко-биографических фильмов			18 %	53 %	23 %	6 %

В результате мы видим:

- что большая часть исторических фильмов была посвящена борьбе за освобождение от социального неравенства, что свидетельствует о важности этой темы, особенно в предвоенный период;

- наиболее плодотворным для исторических фильмов оказался период 1919–1935 гг. Их доля в общем выпуске фильмов составила 11 % (4 картины из 34 за этот период);

- несмотря на то, что количество исторических фильмов в целом было небольшим, этот жанр был важным инструментом идеологии, оказывал существенное влияние на общественное мнение, формировал и сохранял историческую память народа.

Фильм «Петр Первый» (1937) режиссера В. Петрова по сценарию А. Толстого является ярким примером исторического кино. А.Н. Толстой сыграл ключевую роль в изменении отношения к отечественной истории. Историк Г.С. Фридлянд считал, что «в романе слишком сильно выделяется идея государственности, что было неприемлемо во время борьбы за «отмирание государства» и укрепление «государства пролетарской диктатуры» [Вдовин, 2007, с. 101]. В.А. Ваганян отрицал сам жанр исторического романа, утверждая, что национальное прошлое не должно идеализироваться [Ваганян, 1934, с. 216–220].

Важно отметить, что фильм не является экранизацией романа, а начинается с этапа жизни Петра, завершено в следующих частях романа. Главной темой фильма было стремление Петра I преодолеть технологическое отставание от ведущих промышленных держав, создать современные вооруженные силы и укрепить позиции государства. Эти темы, актуальные для начала XVIII века, сохраняли свою значимость.

В первой серии киноленты особо подчеркивалась близость царя к простым людям, а в противоположность этому созданы образы коррумпированных чиновников, военачальников и заводчиков (Меншиков, Шереметев, Демидов), а также своекорыстных, косных бояр. При таком контрасте Петр выглядел еще более привлекательно. Царевич Алексей же представлен в качестве оппозиционера в самом близком кругу, готового предать все реформы Петра. Через скрытый сюжет фильма выражается моральное противоречие идеологии 30-х годов: «вождь и герой» внезапно превращается в «оппортуниста, оппозиционера, предателя, заговорщика, врага». Авторы намеренно представили Алексея старше, чем он был на самом деле, с целью персонификации и живого противостояния старой и новой Руси.

Главная мысль, прослеживаемая в обеих сериях картины, – широкий замысел и величественная цель оправдывают любые, даже самые суровые меры. Важно отметить, что ставившиеся Петром задачи и их достижение представлены как «великое дело». Использование этой идеологической концепции имело значительное влияние на последующее развитие советского исторического кино. Эта идея – будь то оборона, возвращение земель, независимость, прогресс или слава России – стала неизменным элементом образов исторических личностей в кинолентах того времени.

Несмотря на то, что сценарные линии были заложены в 1934–1935 годах, в ходе работы над второй серией акценты подверглись значительным изменениям. Вторая серия подверглась влиянию растущего напряжения в международных отношениях и внутривнутриполитических процессах. Петр показан как прагматичный сторонник принятия европейских образцов, который активно внедряет европейскую науку, ценит знания европейцев, но в то же время его порывистость и отчаянная смелость превозносятся как черты русского характера, противопоставленные менталитету европейцев. Картина отражает и мирные стремления советской дипломатии. Петр выражает свое желание мира с европейскими народами и возвращает земли на Балтике для честной торговли со всеми странами.

Роман и фильм «Петр Первый» получили высокую оценку критиков. Киновед С.И. Фрейлих писал: «... Мы не должны забывать, что эта картина стала началом нового направления в историческом кино, недостатки и достоинства которого можно понять только в контексте борьбы, которая разворачивалась в то время в научных и художественных кругах

и в которой родилась картина, в которой так ярко и противоречиво, как сказал Л. Толстой, была раскрыта эпоха» [Фрейлих, 1958, с. 269]. Тема Петра была сложной, но именно петровская эпоха позволяла наиболее полно и всесторонне выразить советскую действительность.

После выхода фильма «Петр Первый» историческое кино стало обращаться к дореволюционному прошлому не только с критикой, но и с целью прославления для укрепления государства. Замысел авторов, подчеркнувший прогрессивное значение петровской эпохи для будущего России, сыграл ключевую роль в изменении патриотического восприятия дореволюционной истории. Исторические аналогии начали использоваться для формирования современной модели отношений между властью и обществом.

Являясь важным источником исторической информации для широких масс людей, играя огромную роль в формировании у зрителей уважения к истории своей страны, исторические фильмы показательно и достоверно отражают эпоху их создания, политические и культурные тенденции и проблемы, социально-психологическую обстановку в контексте развития историко-патриотического сознания.

Историко-биографические фильмы

Фильмы биографического жанра формально и содержательно очень схожи с историческими, что привело к закреплению термина «историко-биографический» за отдельным жанровым направлением в киноискусстве.

Под историко-биографическими в данном исследовании понимаются произведения киноискусства, посвященные жизни и деятельности исторического лица – общественного деятеля, полководца, представителя науки и культуры [Кино: Энцикл. слов, 1986, с. 47].

С 1919 по 1991 г. было выпущено 68 историко-биографических кинофильмов о России XVIII–XIX вв., что составило 24 % от общего количества исследуемых фильмов – 280 (табл. 3):

Таблица 3
Table 3

Количество выпущенных историко-биографических фильмов о России XVIII–XIX вв.
за период с 1919 по 1991 г.

The number of historical-biographical films about the 18th–19th centuries Russia released from 1919 to 1991

Период	Общее кол-во историко-биограф. фильмов, шт.	% от общего количества исследуемых фильмов в периоде	Количество историко-биографических фильмов о России XVIII–XIX вв.			
			Деятели культуры	Деятели науки	Полководцы	Народовольцы и о семье Ленина
			Кол-во, шт.	Кол-во, шт.	Кол-во, шт.	Кол-во, шт.
1919–1935	4	13 %	2	1	0	1
1936–1953	22	57 %	11	7	4	0
1954–1964	8	18 %	3	4	0	1
1965–1984	23	20 %	10	9	1	3
1985–1991	11	22 %	5	5	1	0
Всего:	68	24 %	31	26	6	5
% от общего количества историко-биографических фильмов			46 %	38 %	9 %	7 %

Из общего количества выпущенных историко-биографических кинокартин (74 %) предпочтение, как видно из табл. 3, отдано деятелям культуры и науки (46 % и 38 % соответственно). В группу деятелей науки отнесены не только ученые, но и исследователи-путешественники, изобретатели, просветители и промышленники, к деятелям культуры – писатели, композиторы, театральные деятели и художники.

Всего из 68 историко-биографических кинолент о деятелях науки было снято 26 фильмов: об ученых из этого числа более половины – 16 картин; об исследователях-путешественниках – 7, по одному фильму снято об изобретателе и конструкторе XVIII в., о просветителе и промышленнике.

Из 68 историко-биографических кинолент о деятелях культуры выпущено 31, из них о писателях снято 18 картин, о композиторах – 8, о театральных деятелях – 3, о художниках – 2, 6 фильмов посвящено полководцам, 2 – народовольцам.

Наибольшее количество историко-биографических фильмов выпущено в период с 1936 по 1953 г. (57 % от общего количества исследуемых фильмов в периоде. Подробнее см. рис. 1 и табл. 1). В это время происходили важные, ключевые события в стране и мире: становление советской промышленности и науки, кровопролитная Великая Отечественная война, завершившаяся победой советского народа, восстановление разрушенного войной народного хозяйства, атомная бомбардировка США японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., фултоновская речь Черчилля 5 марта 1946 г., послужившая началом «холодной войны» и «гонки вооружений». Время требовало положительного образа военного героя, с именем которого ассоциировались бы великие победы России, и героя-созидателя, ученого, достижения которого прославляли страну и давали возможность гордиться ею. Киноискусство откликнулось фильмами о замечательных полководцах Суворове, Кутузове, флотоводцах Нахимове и Ушакове, об их великих победах во славу русского оружия. Демонстрация в кино жизни и работы ученых XIX в. (Пирогов, Мичурин, Павлов, Попов, Жуковский, Миклухо-Маклай, Пржевальский) оказала большое влияние на патриотическое воспитание советского зрителя, на формирование положительного отношения к советской науке и возбуждение интереса к ней молодежи.

Для иллюстрации выводов исследования приведем анализ наиболее типичного историко-биографического фильма, выступающего в качестве политического инструмента укрепления патриотизма – фильма «Александр Попов» 1949 г. режиссеров Г. Раппапорта и В. Эйсымонта.

Уже в начальных титрах подчеркивается «русскость» изобретения: «Радио родилось в России, его создал великий русский ученый и патриот». Фильм подчеркивает, что русские ученые, включая Попова, стремятся к служению народу и прогрессу, как и советские ученые-продолжатели. Изобретение Попова – первый в мире беспроводной телеграф – привлекает внимание британской электрической компании, которая предлагает Попову коммерческие выгоды за монопольные права. Однако Попов отказывается, заявляя, что его труд принадлежит стране и не предназначен для коммерции, подчеркивая его патриотизм.

Антагонистом в фильме выступает итальянец Маркони, для которого наука – средство наживы. Он пытается продать свое изобретение телеграфа и готов уничтожить его, если за это заплатят, показывая, что его не интересует ни прогресс, ни интересы общества.

В данной киноленте демонстрируется и образ внутреннего врага – это царские бюрократы, мешающие прогрессу в России. Мало того, что они затягивают внедрение изобретения Попова, но даже собираются закупать беспроводной телеграф под английской маркой, несмотря на то что в России есть все условия для создания своего производства.

Главный герой предстает перед зрителем благородным и храбрым, его индивидуальная судьба обретает ценность только в служении обществу. Несмотря на то, что до революции 1917 г. еще 12 лет, в речь Попова вложены явно большевистские лозунги. В конце он говорит: «Дело мое продолжат мои соотечественники. И мое изобретение... будет переносить слово правды через пространство и рассказывать миру о славных деяниях нашего народа, в светлое будущее которого мы все твердо верим. И мы вправе гордиться, что наша наука, наука России всегда почитала первым и священным своим долгом служение народу. Отдадим же все наши силы и знания на благо народное, на славу и счастье нашей Родины!» Монументальность зала и воодушевленные лица слушателей работают на зрительское восприятие главного героя. Слова ученого встречаются аплодисментами, реакция ликующей аудитории подчеркивает их важность и способствует положительному восприятию героя патриота.

Подобные фильмы имели огромное значение для советского общества, они помогали формировать коллективную историческую память, что, в свою очередь, укрепляло единство и солидарность в обществе, воспитывало народ в духе любви к Родине и готовности к защите ее интересов. Историко-биографические кинопроизведения, впрочем, как и исторические, не всегда были фактически точными. Иногда в них было изображено не совсем правдивое представление о прошлом, а скорее идеализированное или мифическое, но тем не менее они помогали формировать общую культурную и национальную идентичность советского народа, а популярность их за пределами СССР служила и для демонстрации достижений на международной арене.

Экранизации

Перенос сюжетов русской классической литературы на экран – это не только адаптация исторических и культурных аспектов прошлого, но и воплощение философских размышлений автора и тонких эмоций его персонажей. Это не просто перевод литературного произведения на язык киноискусства, но и создание нового продукта для экрана. По мнению известного литературоведа В.Б. Шкловского, киноадаптация – это «философско-критическое творчество, а не простое копирование... это формирование новой художественной формы, отличающейся от исходного произведения, потому что автор и технологии изменились» [Шкловский, 1965, с. 229].

Главная цель создания экранизации заключается в передаче с наибольшей эмоциональной силой основной идеи, которую писатель хотел выразить. Чтобы эти идеи звучали свежо и оказывали глубокое воздействие на зрителя, они должны быть актуальными и соответствовать нравственным и моральным потребностям современной аудитории [Беляев, 1973, с. 145].

Экранизации произведений русских писателей оказались самым многочисленным по количеству исследуемых кинофильмов жанром. Всего из 280 отобранных для исследования картин 195 (70 %) составили экранизации (табл. 4).

Таблица 4
Table 4

Количество выпущенных экранизированных фильмов о России XVIII–XIX вв.
за период с 1919 по 1991 г.
The number of film adaptations about the 18th–19th centuries Russia released from 1919 to 1991

Период	Общее количество экранизированных фильмов, ед.	% от общего кол-ва исследуемых фильмов в периоде	Количество экранизированных фильмов о России XVIII–XIX вв.		
			восьми писателей по более 10 произведениям	десяти писателей по произведениям от 2 до 10	23 писателей по одному произведению
			Кол-во, ед.	Кол-во, ед.	Кол-во, ед.
1919-1935	24	75 %	15	5	4
1936-1953	13	33 %	11	1	1
1954-1964	36	78 %	25	6	5
1965-1984	86	76 %	67	11	8
1985-1991	36	72 %	18	13	5
Всего:	195	70 %	136	36	23
% от общего количества экранизированных фильмов			70 %	18 %	12 %

За период с 1919 по 1935 г. было выпущено 24 кинокартины, за 1936–1953 гг. – 13, за 1954–1964 гг. – 36, за 1965–1984 гг. – 86, за 1985–1991 гг. – 36 фильмов.

Всего были экранизированы произведения 41 писателя. В ходе исследования произведено ранжирование в порядке убывания количества экранизированных произведений.

Выделено 23 писателя, у которых экранизировано только одно произведение, что составило 12 % от 195 исследуемых экранизаций (рис. 3). Наибольшее количество таких экранизаций (8) пришлось на период с 1965 по 1984 г.

Рис. 3. Количество экранизаций произведений русских писателей по периодам

Источник: собственная разработка

Fig. 3. The number of film adaptations of works by Russian writers by periods.

Source: The Author's Own Development

Писателей, у которых экранизировано от 2 до 10 произведений, насчитывается 10 (рис. 3). Общее количество экранизированных произведений этих авторов составляет 36. Наибольшее их число (13) вышло на экраны в 1985–1991 гг. Доля экранизаций перечисленных 10 писателей составила 18 %.

Но более всего экранизировано произведений самых выдающихся восьми русских писателей XIX века: А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова. По их произведениям было снято 136 фильмов, что составило 70 % от общего количества кинолент. Наиболее популярным у кинематографистов оказался А.П. Чехов – 42 экранизации. Затем с большим отрывом располагаются Н.В. Гоголь (16), И.С. Тургенев (15) и Ф.М. Достоевский (14), далее – А.Н. Островский, А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой (13), а замыкает группу М.Ю. Лермонтов (10). Всплеск экранизаций по произведениям этих авторов был в 1965–1984 гг. – 67 фильмов из 86 экранизаций этого периода и почти половина из 136 в 1919–1991 гг.

А.П. Чехов был самым популярным автором для экранизаций. Но в истории кинематографа нет четкого и однозначного объяснения этому феномену. Попробуем сформулировать несколько причин: 1) произведения Чехова отличаются универсальностью и актуальностью своих тем, которые легко переносятся на экран и могут быть понятны и актуальны для зрителей разных культур и эпох; 2) характерные чеховские персонажи – это обычные люди со своими противоречиями, жизненными разочарованиями и стремлениями,

что создает возможность глубокого психологического анализа героев и раскрытия их внутреннего мира на экране; 3) маленькие рассказы Чехова удобны для молодых режиссеров, которые берут их за основу в своих первых работах, так как они дают возможность исследовать различные темы и жанры, пробовать новые подходы к рассказу и экспериментировать с кинематографическими техниками. А.П. Чехова можно назвать «драматургом настоящего момента», его произведения отражают быт и дух своего времени, анализируют социальные и моральные аспекты общества, и они же могут быть интерпретированы и перенесены в современный контекст.

Рассмотренные экранизации А.П. Чехова демонстрируют ту же тенденцию, что и другие кинофильмы и жанры. В 1920–1950 гг. режиссеры обращались к таким произведениям Антона Павловича, которые ярко отражали социальные противоречия, показывая пороки общества, карикатурных персонажей, бездуховность («Конец рода Лунич», «Чины и люди» и др.). В 1960–1970 гг., когда на советский экран выходит новый тип героя, экранизации чеховских произведений стали демонстрировать внутренний мир персонажа, его неоднозначность, поиски смысла жизни (например, «Дама с собачкой», «Три сестры» и др.). Помимо этого, дворянское общество уже предстает более привлекательным, не карикатурным, а наоборот, все герои красивые, внешне интеллигенты, с ощущением брезгливой усталости от того социального порядка, который им приходилось претерпевать.

Такой интерес кинематографистов можно объяснить повышенным вниманием к классической русской литературе, известной во всем мире и являющейся богатой основой для написания сценариев. Экранизация классических произведений формировала интерес к истории, народу, природе, культуре, выдающимся представителям России, зарождала в зрителях любовь к Отечеству как основе патриотизма.

Заключение

Анализируемые киноленты обладают значительным историческим значением, являясь неотъемлемой частью идеологической работы, направленной на укрепление патриотизма. Как явление массовой культуры, кино продолжает влиять на современное общество, в том числе через идеологическое формирование и наполнение концепта патриотизма.

Кинематограф неизменно отражает общественные процессы, выступая зеркалом состояния страны: любые социальные или политические проблемы неизбежно находят в нем свое проявление. Значимость патриотического дискурса в формировании мировоззрения трудно переоценить, особенно в условиях идеологического противостояния. Очевидно, что элементы идеологического влияния, намеренные или непреднамеренные, так или иначе присутствуют в художественных произведениях. До самого распада СССР кинематограф служил ключевым инструментом государственного идеологического дискурса, а знаковые фильмы каждого десятилетия становились точным отражением культурных и идеологических тенденций своего времени. При этом даже клише официальной идеологии не мешали создавать шедевры.

Кинофильмы – это своего рода архивный источник, по которому можно восстановить основные перипетии нашей политической истории XX в., настолько в них отражаются общественные отношения, настроения, идеология, социальная борьба, где-то явно, где-то подспудно (приходилось иногда прибегать к аллегориям, метафорам), но тем они и интереснее.

Список источников

Постановление Государственного Совета СССР от 14.11.1991 № 13.

Постановление Народного Комиссариата Просвещения. О Всероссийском Фотокинематографическом Отделе Народного Комиссариата Просвещения. Проект «Исторические Материалы» [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/38499?ysclid=lymzzuick9319887570> (дата обращения: 15.07.2024).

Советское кино // кино-театр.ру [Электронный ресурс]. URL: kino-teatr.ru (дата обращения: 12.02.2024)

Список литературы

- Акутина С.П., Акутина А.Н. 2017. Социально-педагогический потенциал киноискусства в формировании гражданского мировоззрения современной молодежи. Молодой ученый, 1.1 (135.1): 2–5.
- Айзенберг Я., Репин И., Акбаров Х. 1975. История советского кино. 1917–1967. Москва, Искусство, Т. 3, 318 с.
- Ваганян В. 1934. О двух видах исторического романа. Октябрь, 7, 216–220 с.
- Вдовин А.И. Русский народ в национальной политике. XX век [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003439948?ysclid=lyn7bdb26h136948843> (дата обращения: 15.07.2024).
- Власов М. П. 2005. История отечественного кино. Москва, Прогресс-Традиция, 523 с.
- Гуляев А.С., Евченко М.Н. 2014. Кино как средство патриотического воспитания. Молодой ученый, 8(67): 749–751.
- Закиров О.А. 2011. Исторические фильмы СССР 1936–1946 гг.: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 393 с.
- Искусство миллионов: Советское кино. 1917–1957, под ред. Д.С. Писаревского, Р.Н. Юреньева. 1958. Москва, Искусство, 624 с.
- Коробов А.А., Серебряков С.А. 2019. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 19(2): 214–217.
- Кузнецов Д.В. 2019. Идеология, пропаганда и агитация в СССР: справочное пособие. Без места и без издательства, 924 с.
- Книга спорит с фильмом: Сборник, под ред. В.С. Беляева. 1973. Москва, Искусство, 263 с.
- Кино: Энциклопедическое словарь, под ред. С.И. Юткевича. 1986. Москва, Сов. энциклопедия, 637 с.
- Русина Ю.А. 2019. История советского кино: учеб. пособие. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 104 с.
- Фрейлих С. 1958. Петр I. В: Искусство миллионов: Советское кино. 1917–1957, 264–269.
- Шкловский В.Б., Блейман М. 1965. За сорок лет: Статьи о кино. Москва, Искусство, 455 с.
- Lawton A. 1992. The Red Screen: Politics, Society, Art in Soviet Cinema. New York, Routledge, 376 с.
- Hutchings S. 2005. Russian and Soviet Film Adaptations of Literature, 1900–2001: Screening the Word. New York, X, 228 с.

References

- Akutina S.P., Akutina A.N. 2017. Sotsial'no-pedagogicheskii potentsial kinosystem v formirovanii grazhdanskogo mirovozzreniya sovremennoy molodyozhi [Social and Pedagogical Potential of Cinema in Forming Civil Worldview of Modern Youth]. Molodoi uchenyi, 1.1 (135.1): 2–5.
- Ayzenberg Ya., Repin I., Akbarov Kh. 1975. Istoriia sovetskogo kino. 1917–1967 [History of Soviet Cinema, 1917–1967]. Moscow, Iskusstvo, T. 3, 318 p.
- Vaganian V. 1934. O dviukh vidakh istorizirovannogo romana [On Two Types of Historical Novel]. Oktyabr', 7. 216–220.
- Vdovin A.I. Russkii narod v natsional'noi politike. XX vek [The Russian People in National Politics. The 20th Century]. [Electronic resource]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003439948?ysclid=lyn7bdb26h136948843> (data obrashcheniya: 15.07.2024).
- Vlasov M.P. 2005. Istoriia otechestvennogo kino [History of Domestic Cinema]. Moscow, Progress-Traditsiia, 523 p.
- Guliaev A.S., Evchenko M.N. 2014. Kino kak sredstvo patrioticheskogo vospitaniia [Cinema as a Means of Patriotic Education]. Molodoi uchenyi, 8(67): 749–751.
- Zakirov O.A. 2011. Istoricheskie fil'my SSSR 1936–1946 gg.: patrioticheskoe osveshchenie dorevoliutsionnogo proshlogo sredstvami igrovogo kino [Historical Films of the USSR, 1936–1946: Patriotic Depiction of the Pre-Revolutionary Past Through Feature Films]. Ph.D. diss., Moscow, 393 p.
- Iskusstvo millionov: Sovetskoe kino. 1917–1957, pod red. D.S. Pisarevskogo, R.N. Iurenjeva [The Art of Millions: Soviet Cinema, 1917–1957]. 1958. Moscow, Iskusstvo, 624 p.
- Korobov A.A., Serebryakov S.A. 2019. Dokumental'noe kino kak sredstvo politicheskoi propagandy: klassicheskie i innovatsionnye podkhody v tsifrovuiu epokhu [Documentary Cinema as a Means of

- Political Propaganda: Classic and Innovative Approaches in the Digital Age]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya*, 19(2): 214–217.
- Kuznetsov D.V. 2019. *Ideologiya, propaganda i agitatsia v SSSR: spravochnye posobie [Ideology, Propaganda, and Agitation in the USSR: A Reference Guide]*. b.m., b.i., 924 p.
- Kniga sporit s fil'mom: Sbornik, pod red. V.S. Believa [The Book Disputes the Film: A Collection, Edited by V.S. Beliaev]. 1973. Moscow, Iskusstvo, 263 p.
- Kino: Entsiklopedicheskii slovar', pod red. S.I. Iutkevicha [Cinema: An Encyclopedic Dictionary, Edited by S.I. Iutkevich]. Moscow, Sov. entsiklopediia, 1986, 637 p.
- Rusina Iu.A. 2019. *Istoriia sovetskogo kino: ucheb. posobie [History of Soviet Cinema: A Textbook]*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural. un-ta, 104 p.
- Freikhliakh S. 1958. Petr I. V: *Iskusstvo millionov: Sovetskoe kino. 1917–1957*. 264–269.
- Shklovskii V.B., Bleiman M. 1965. *Za sorok let: Stat'i o kino [Forty Years: Articles About Cinema]*. Moscow, Iskusstvo, 455 p.
- Lawton A. 1992. *The Red Screen: Politics, Society, Art in Soviet Cinema*. New York, Routledge, 376 p.
- Hutchings S. 2005. *Russian and Soviet film adaptations of literature, 1900–2001: screening the word*. New York, X, 228 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.09.2024

Received 11.09.2024

Поступила после рецензирования 18.11.2024

Revised 18.11.2024

Принята к публикации 21.11.2024

Accepted 21.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Будякова Глафира Игоревна, младший научный сотрудник, народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», Ростовская область, с. Самбек; магистрант, институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Glafira I. Budyakova, Junior Research Fellow, The People's Military History Museum of the Great Patriotic War "Sambek Heights", Sambek Village, Rostov region, Russia; Master's Student, Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

 [ORCID: 0009-0006-5427-2142](https://orcid.org/0009-0006-5427-2142)

УДК 93(407)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-947-958

Оригинальное исследование

Народные песни о крепостной неволе как аксиологический источник по социальной истории дореформенной России

Шаповалов В.А. , Шаповалова С.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Россия

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Аннотация. В статье анализируются народные песни о крепостнической неволе с акцентацией на аксиологический дискурс. Показаны причины имеющегося мизерного количества антикрепостнических народных песен, дискуссии вокруг причин данного факта. Рассмотрены основные сюжетные векторы антипомещичьих песен, подчеркивается конкретность фольклорных текстов, не выходящих на широкие социальные обобщения. В первую очередь это тяжесть работ и повинностей на барина и отсутствие личного пространства у дворовых. Данный аксиологический аспект указывает на традиционализм крестьянского мировоззрения. В редких случаях звучат призывы к побегу от помещиков и выступлению против них в духе разбойной вольницы. Рассмотренные песенные тексты в контексте аксиологических факторов показывают два мировоззренческих антимира – помещичьего и крестьянского.

Ключевые слова: фольклор, народные песни, крепостное право, крестьянин, барин, аксиология

Для цитирования: Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. 2024. Народные песни о крепостной неволе как аксиологический источник по социальной истории дореформенной России. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 947–958. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-947-958.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Folk Songs about Serfdom as an Axiological Source on the Social History of Pre-Reform Russia

Vladimir A. Shapovalov , Svetlana P. Shapovalova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda st., Belgorod 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Abstract. The article analyzes folk songs about serfdom, with an emphasis on axiological discourse. The reasons for the scanty number of anti-serf folk songs and discussions attempting to account for this fact are shown. The authors consider the main plot vectors of anti-landlord songs and emphasize the concreteness of folklore texts that do not contain broad social generalizations. First of all, they are about the severity of work and duties that servants performed for the master and the lack of their personal space. This axiological aspect indicates the traditionalism of the peasant worldview. In rare cases, there are calls for escaping from the landlords and acting against them in the spirit of robber freemen. The song texts considered in the context of axiological factors show two ideological anti-worlds – that of a landlord and that of a peasant.

Keywords: folklore, folk songs, serfdom, peasant, landlord, axiology

For citation: Shapovalov V.A., Shapovalova S.P. 2024. Folk Songs about Serfdom as an Axiological Source on the Social History of Pre-Reform Russia. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 947–958 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-947-958.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Институт крепостничества начал оформляться с введения Судебника 1497 г. и окончательно оформился Соборным уложением 1649 г., когда впредь запрещался крестьянский выход с помещичьей земли. Вместе с этим отменялись урочные годы, давая барам право бессрочного поиска беглых [Керженцев, 2023, с. 10–11]. Более чем на два века значительная часть российских крестьян стала «крещеной собственностью» помещиков, которые фактически ничем себя не ограничивая, распоряжались судьбами и имуществом своих крестьян. Немалая часть бар не видела большой разницы между крепостными и своим скотом [Семевский, т. 2, 1888, с. 571–605].

Закрепощение, жестокое обращение с крестьянами не могло не отразиться на сознании последних. Это, в свою очередь, нашло отражение в народном фольклоре, главным образом в лирических песнях, где эмоционально показан широкий спектр переживаний и негодования крепостного населения. В российской и зарубежной историографиях данный аксиологический аспект не стал предметом детального исследования.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали фольклорные тексты народных лирических песен, где раскрыты крестьянские воззрения на институт крепостничества с акцентацией на социальный гнет и унижения крепостных, надеждой на справедливость.

При настоящем исследовании нашли применение принципы историзма и объективности, совокупность методов анализа источников. В целом же методологической основой работы стал контент-анализ в рамках систематизации полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Первое, что обращает на себя внимание в рассматриваемом сюжетном контексте, это небольшое количество народных лирических песен антикрепостнической направленности. В известной статье П.В. Шейна «Крепостное право в народных песнях», вышедшей в 1886 г. и, по-сути, ставшей первой значимой работой по данному направлению, всего насчитывается 15 песенных текстов из русского, украинского и белорусского фольклора [Шейн, 1886, с. 483–492, 667–678]. Часть антипомещичьих песен была записана после событий Октября 1917 г., и чем позднее была запись данных песен, тем резче в песенной форме были высказывания в адрес бар [Колпакова, 1962, с. 66]. Нам известно всего 13 песен антикрепостнического контента, записанных в великорусских губерниях, в которых помещики показаны в негативном плане. Это вызывает массу вопросов, в первую очередь – почему до нас дошло столь мизерное количество данных песен, если крепостная эпоха для многих поколений крестьян стала настоящей трагедией? Можно было ожидать значительного количества дошедших до нас антикрепостнических песен. Но этого нет.

Это объясняется тем, что собиратель фольклора, пусть и сочувствующий народу, в сознании крестьян оставался «барином» и, естественно, открывать свою душу через песни, направленные против бар, крестьяне не хотели в присутствии фольклористов из города [Пропп, 1961, с. 12]. В отдельных случаях певцы из народа не приходили к фольклористам в оговоренное время, даже если крестьянам обещали за песни денежное вознаграждение [Истомин, 1894, с. XI]. Народные певцы опасались последствий. Опасения крестьян осознавали и сами собиратели фольклора. В.Я. Пропп в дополнение к вышесказанному выдвинул еще одну причину малочисленности народных песен о крепостной неволе. Он указывает на то, что песни очень конкретного содержания недолговечны, приводя в качестве примера народные песни о войнах XIX века, которые почти полностью забыты. То есть после отмены крепостного права песни о народной неволе могли оказаться забытыми. Но это не основная причина. Если песен данной направленности было много, то, вероятно, о них было

бы известно. В.Я. Пропп предполагает, что главная причина лежит в природе самой лирической песни. Песня содержательно раскрывается через опозитизированную действительность. Но поэтизацию нельзя применить ко всему. Например, борьбу с помещичьим гнетом народ опозитизировал в жанре исторических песен о Ермаке, Разине, Пугачеве [Пропп, 1961, с. 12]. Повседневные, будничные формы борьбы крестьян с барями не стали основой для создания лирических песен атипомещичьей направленности. В.С. Бахтин не совсем согласен с выводами В.Я. Проппа. Он указывает, что в эпоху развитого крепостного права продуктивный, творческий период в истории необрядовой лирической песни уже завершился или подходил к концу. Антикрепостнические мотивы нужно искать в песнях, продолживших и отчасти заменивших собой традиционную крестьянскую песню, – в безымянных песнях более нового склада, в авторских песнях. Но эти песни создавались преимущественно в городе, в среде городских низов, в относительно грамотной среде, до которой доходили уже веяния письма иной поэзии [Бахтин, 2004, с. 32].

По всей видимости, лишь совокупность указанных причин малочисленности народных песен о крепостной неволе может дать ответ на этот вопрос. Тем не менее необходимо указать, что точка зрения В.Я. Проппа, на наш взгляд, имеет под собой больше обоснований. Расцвет крепостничества – это один из этапов крепостной эпохи, но речь должна идти о всем периоде крепостничества. Песенные тексты о крепостной неволе не всегда можно соотнести с авторством барской прислуги или представителей городских низов.

Учитывая неразрывное единство в песне слова и напева, эмоциональное восприятие во многом зависело от её звучания. Песни о крепостной неволе всегда пелись протяжно, надрывно, показывая трагизм происходящего с песенными героями. Здесь необходимо учитывать, что люди в традиционных обществах были чрезвычайно впечатлительны и эмоциональны. Для них эмоции служили важным средством общения, компенсировавшим бедность и неразвитость языка, служили одним из механизмов познания человеком внутреннего мира других людей путем проникновения – вчувствования в их переживания [Мионов, 2018, т. 3, с. 532]. Песня помогала понять переживания и чаяния других людей, обозначала определенных круг проблем, в который посвящались слушатели.

В песнях о крепостной неволе наиболее ярко представлены песни об эксплуатации крестьян и степени тяжести их труда на бар. Так, в песне «Из-за леса, леса темного» дочка, остановившись в лесу по дороге к родным, посылает через соловушку родителям «челобитьце» и «низкий поклон».

...Что пропали наши головы
За боярами, за ворами:
Гонят старого, гонят малого
На работушку тяжелую,
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько [Шейн, 1886, с. 489].

В послании дочь акцентирует внимание родителей на невыносимые условия труда на бояр, когда на барщину выгоняют всех, от детей до стариков, которые работают весь световой день. Указания на бояр в качестве воров, вероятно, можно трактовать не в прямом значении данного термина. Скорее всего, здесь речь идет о том, что бояре воруют у крестьян посредством тяжелой работы большую часть суток, личное пространство, физическое и моральное здоровье.

Этот посыл присутствует и в песне «Сама себя Дуня погубила», где возлюбленный выговаривает девушке, что она за собой не особо следит – «не хорошо ходишь». Дуня отвечает:

...Рада б, рада я хорошо ходити,
Волосенные чулочки носити;
У нас барщинка, барщинка лихая,

Командиры злые мироеды,
На барщину рано выгоняют,
А с барщину поздно распускают [Новикова, 1957, с. 82].

В рассматриваемых песнях основное внимание акцентируется на тяжком труде на помещиков, который отнимает у крестьян фактически все их время. Дело в том, что крепостное право понималось ими не как нарушение человеческих прав, притеснения личности. Крепостная неволя воспринималась не абстрактно – как полная власть над крестьянином, а конкретно – как обязанность ходить на барщину, платить оброк, выполнять различные другие повинности [Миронов, 2018, т. 3, с. 530]. Все эти аксиологические нюансы находились в рамках крестьянского традиционализма – так жили наши деды и отцы, так и нам жить. Но в крестьянском понимании помещик – «отец» – не должен был переступить грань разумного, «христианского» обращения со своими крестьянами – «детьми». Пересечение этой грани вызывало возмущение в крестьянской среде, что и находило отражение в песнях.

В следующих пяти песнях продолжается антипомещичья риторика, связанная с тяжелыми условиями труда крепостных в барском имении, но уже с конкретной детализацией по различным повинностям и половозрастной спецификой эксплуатируемых. В песне «Калинушку с малинушкой водой залило» последние четыре строки до начала 1860-х гг. никогда не публиковались [Шейн, 1886, с. 490]. Именно в них антипомещичий настрой, выраженный в диалоге младшего брата с сестрой, которая обернулась пташечкой и после длительного времени прилетела к родне:

... Про свое горе расскажи, про наше спроси:
Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большаго-то брата в солдаты куют,
А средняго-то брата в лакеи стригут,
А меньшего брата в прикащики [Там же].

По сути, в песне указывается на принудительное переселение крестьян с одного имения в другое, сдачу в рекруты, перевод в дворовые и вотчинный аппарат. В плане показа спектра эксплуатации крепостных крестьян идентична данной песне песня «Вы кудри ль, мои кудри», исполняемая женщинами и девушками:

...Разорил нашу сторонку
Злодей боярин, господин,
Как выбрал он, злодей,
Молодых наших рябят,
Молодых наших рябят,
Во солдатушки,
А нас, красных девушек,
Во служаночки,
Молодых молoduшек
Во кормилочки,
А матушек с батюшками
На работушку.
Собрались наши ребятушки
Что на круту горушку,
Отказали наши ребятушки
Своему боярину-господинушке:
«Ты злодей, наш господин,
Мы тебе не солдатушки,

Красны девушки тебе
Не служаночки... [Шейн, 1886, с. 491].

В песне боярина называют злодеем, что сразу подчеркивает отношение крестьян к нему, его методам управления своими крепостными – «детьми». То есть бар не интересовали маломальские интересы и жизненные обстоятельства крестьян. На первом месте стоял жизненный комфорт помещика или, как его называл М.Е. Салтыков-Щедрин, «хищничество» (отношения бар к крестьянам и собственному комфорту – В.Ш.). «Под хищничеством он понимал... брезгливость относительно всего, что не носит на себе печати изящества. Чем выше мы поднимаемся по ступеням цивилизации, тем более развивается у нас чувство изящного, чувство комфорта. Мы не только желаем сидеть, ходить и ехать удобно, но требуем, чтобы при отправлении всех этих удобств ничего не оскорбляло нашего зрения, не резало нашего слуха, не смущало спокойствия нашей души. Недаром в благоустроенных населенных центрах не терпят присутствия нищих на улице...» [Салтыков-Щедрин, 2020, с. 91]. Отсюда песня отражает в аксиологическом контексте две антитезы мировосприятия бар и крестьян. Что считается обыденным обстоятельством для помещиков, в ряде случаев совершенно не приемлемо для крестьян.

Текст песни «Э-ох, что ж ты, волюшка моя, во... моя волюшка» продолжает подтверждать топос вора-боярина, разорителя-барина в крестьянской среде. Конкретно это заключается в следующих строках:

...Э-ох разоренная была деревня, деревенька,
То была Декшинская,
Ох, за то она разоре...разоренная –
Нету девок, мальцов.
Ох, разорил-то эту дере...деревеньку
Да вот вор-боярин,
Э-ох, разудалых добрых моло... молодцев
Поотдал в солдаты,
Э-ох, расхороших красных де... да вот девушек
Все замуж повыдал.
Э-ох, зарости ты, мое подво... подворьице,
Широко, далеко,
Э-ох, широко было и дале... далеко,
Да травую, муравую [Русская лирическая песня, 2004, с. 250].

В песне показывается картина разорения барином его деревеньки, судьба которой зарости «травую, муравую».

Вышеуказанный топос барина (барыни) – разорителя ярко демонстрирует песня «Злодей ты, наша барыня»:

...Злодей ты, наша барыня,
Сжила всю свою вотчину.
Она молодых-то ребят
В солдаты отдает,
А середовых мужиков
Все в винокурични,
Удалых молодцов
На фабрички,
Красных девушек
Всё в батрачушки,
Оставляет она сиротками

Дробных детушек, малолетушек.
Старым-то она
Не дает отдохнуть,
Старикам не дает
За двором приглянуть.
Она гонит их на работушку,
На работушку все тяжелую,
На тяжелую, подневольную,
Подневольную да пригонную [Там же, с. 251].

В рассматриваемом контексте примечательна песня «Воробушка – воробей, горюн бедный молодой». Образ молодого крестьянина, замученного тяжелой работой на барина, в тексте песни метафорически трансформируется «в воробушку-воробья», у которого:

...Болит больно голова,
А у нашей воробушки
Болят больно ребрышки
С господской работушки [Там же, с. 253].

Вероятно, метафорический образ «воробушки-воробья» здесь не случаен. В славянской символике животных воробья наделяют такими качествами, как легкость, живость, проворство [Гура, 1997, с. 588, 598]. Но тяжкий труд лишил «воробушку» этих качеств. При этом в тексте песни указывается причина тяжелой работы на помещика, связанная с желанием господ жить в удовольствии и веселье:

...В Семеновых хоромах
Пьют гости и гуляют,
Весело играют,
Радостно говорят,
За хлеб-соль благодарят [Русская лирическая песня, 2004, с. 254].

Образ «воробушка-воробья», страдающего от чрезмерных физических нагрузок в ходе работ, является аллюзией широкого плана, передающий обобщенный образ крепостных крестьян.

Тяжелая крестьянская жизнь, связанная не только с повинностями, весьма красочно показана в песне «Как за барами житье было привольное». Данная песня была широко известна среди крестьян Саратовской губернии в 40-х гг. XIX в., и её текст был найден в архивных материалах о крестьянине Абутине – подстрекателе крестьян к бегству от бар [Бродский, 1911, с. 73–74]. Как указывает В.С. Бахтин, текст песни относится к среде, далекой от письменной литературы, но производит впечатление сложенной, может быть, даже на бумаге [Бахтин, 2004, с. 32]:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом побито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах вить послужено,
Что в Сибири перебивано,

Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы Богу молимся;
Божья церквя – небо ясное,
Образа вить – звезды частые,
А попами волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес – то наши вотчины,
Тракт проезжий – наша пашенька,
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим – слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим... [Бродский, 1911, с. 73–74].

Текст песни изобилует различными социальными образами. По мнению В.С. Бахтина, «...так важен его собственный внутренний ритм, звукопись, своеобразная рифмовка, что всего этого слишком много для пения, где необходим ”воздух“, некое пространство для мелодии. Строку ”А теперь за бар мы Богу молимся“ почти невозможно спеть, она не рассчитана на это. Это талантливая поэзия (хотя, возможно, текст и пели...)» [Бахтин, 2004, с. 33]. Есть мнение, что это баллада, возникшая в кругу дворянских людей [Там же].

Масштаб данного поэтического произведения поражает, особенно его первой части, где показана незавидная судьба различных социальных групп – крестьян, солдат, каторжников. Поэтический талант, антикрепостническая экспрессия, стремление к свободе сближает это произведение с единственной в своем роде повестью в стихах «Вести о России» неизвестного крепостного крестьянина из Ярославской губернии, написанной в 40-е гг. XIX в. [Снытко, 1961, с. 22]. Та же широта и обобщенный антикрепостнический накал в сочетании с талантливой поэтической формой. В качестве примера можно привести следующий отрывок из указанной повести:

...На свет в цепях все рождены
И с ним до гроба жить должны,
При сем узнай, дорожный, ты
Причину нашей нищеты:
Здесь обычай бояр такой –
Её к нам ставят на постой!
И так порядок бестолков,
Что уж не в силу их пороки,
Пускай по делу с мужиков –
А то ведь с девок, с баб берут оброки.
Иль вот, мне семьдесят уж лет,
А податям и сбавки нет.
Велят на деле с молодым трудиться
И лить рекою пот с лица [Вести о России, 1961, с. 32].

Еще в 1911 г. или, может быть, чуть раньше Н.Л. Бродский, анализируя текст песни «Как за барами житье было привольное», подчёркивал, что данная песня «...составлена с исключительной целью пропаганды бродяжничества, побега от господ, вольной жизни и разбоя» [Бродский, 2012, с. 897]. С этим выводом можно согласиться, беря во внимание содержание строк с 13 по 24.

Укрытие крестьян в лесу в ходе подавления их неповиновения помещику с помощью воинской команды отражено в песне «Как в городе, во Устюжине»:

Как в городе, во Устюжине,
Во деревне, во Денисовой
У крестьян Долгогреевых
Проявилась экзекуция,
Экзекуция Царя Белаго,
Царя Белаго, Православного.
Подходили храбрые воины,
Храбрые воины гарнизонные...
Скрывались добрые молодцы
По темным лесам;
Кинули свои хижинки,
Оставили малых детушек,
Молодых жен – на позор людской.
Вы потерпите, после вам слюбится.
Собирайтесь в одно место,
Во остров, во Костыжницу,
Напишем просьбу однокровную,
Однокровную, однослезную;
Выберем себе ходока,
По имени Трифона Петровича.
– Ты ступай, наш родной брат,
Не жалея тоски заботушки,
Ты ступай во Петровский град,
Во Петровский град на Неву реку.
На Неве реке там стоит дворец
Царя Белаго, Православного;
Ты подай, подай просьбушку
Царю Беламу, Православному [Бродский, 1911, с. 72–73].

Н.Л. Бродский прямо указывает, что данная песня сложена «помещичьими крестьянами (Тверская губ.) во время укрывательства их в лесу от военной команды» [Там же]. То есть песенный текст отражает реальные события подавления антипомещичьего выступления крестьян. Что еще обращает на себя в рассматриваемой песне, так это надежда на справедливость «Царя Белаго, Православного», который, по мнению крестьян, разберётся в конфликте и защитит крестьян. Для этого они готовы направить к царю своего ходока с «просьбой однокровной, однослезной».

В песнях антикрепостнической направленности отдельно стоят песни, сложенные в среде дворовых. В них заметное место занимает обращение дворовых к крестьянам, которые якобы завидуют жизни прислуги в усадьбе. Наиболее акцентированно этот дискурс отражен в песне «Уж мы сядем, посядем»:

Уж мы сядем, посядем...
Споем песню мы, ребята,
Да про нашо житье,
Да про горюшко свое:
Что в неволе все живем,
Крепостными век сльвем.
Как и наши господа
Все не милостивые,
Не разсудливые:

На работу посылают,
Куском хлеба попрекают,
А крестьяне завидуют,
Что дворовому житью:
Он и пашеньки не пашет,
Сохи в руки не берет,
В оброк денег не кладет.
Ах вы, глупые крестьяне,
Поживите-ка с нами!
Уж и нет хуже на свете,
Как дворового житье:
Куда крикнут – беги скоро,
Чтобы дело было споро.
Обернулся назад,
А мне палкою грозят.
У нас завтра, братцы, праздник,
Надо нам погулять.
Погуляли молодцы,
Что до утра, до зари.
Пришли домой по утру,
Припас барин по кнуту... [Штейн, 1886, с. 667–668].

Вариацией на данную песенную тематику является песня «Што на свете тому»:

Што на свете тому,
Хто в господском дому.
В оброк денег не дае,
Ен на барщину не ходя,
На год соли не купляя.
– Глупые крестьяне,
Не разумны мужики,
Не разумные, не разрядливые,
Пойдемте-ка к нам,
Поживите-ка с нам,
Погадаете вы нам.
На работу гонят рано,
С собой хлеба дают мало,
А после того пеняют
Что мало работаем...
... Гулять пойдём в полночь,
Домой прийдём на свету,
Про нас свито по кнуту
Не велят нам выправляться,
Велят скоро раздеваться.
Скоро рубашечку с плеч,
Начинали нас больно сечь.
Секли спину мою больно,
Гулять с девушками довольно [Там же, с. 668–669].

Дворовые указывают, что их жизнь значительно хуже крестьянской. Они, в отличие от большинства крестьян, фактически лишены личного пространства, находясь под постоянным

контролем бар, включая праздники. Также в рассматриваемом контексте необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в напряженные периоды сельскохозяйственных работ их выгоняли в поле наравне с крестьянами. Кн. Н. Волконский, рязанский помещик, подчеркивал: «Дворня – наша гвардия», – говорил дедушка П.В. Колобов, и, действительно, в его хозяйстве она составляла, между прочим, и род резерва рабочих сил, которые можно было ввести в дело, когда потребуется. Полевые работы должны были знать все дворовые, и, например, в рабочую пору всего имения все дворовые женщины, кроме кружевниц и вышивальщиц, которым важно было не испортить пальцев, брались за серп, столяры, кузнецы, кучера и проч. бросали свои обычные занятия и выходили в поле помогать уборке. То же, конечно, бывало и в других хозяйствах, кроме самых богатых» [Волконский, 1898, с. 5–6]. При анализе рассматриваемых песен важно указать на повсеместную практику использования труда дворовых в поле.

Беря во внимание использование труда дворовых на сельхозработах, строки в песне «Што на свете тому»: «На работу гонят рано, с собой хлеба дают мало», скорее всего, связаны с работами в поле. На работы в усадьбе дворовых не поднимали, они поднимались сами, будя друг друга, и хлеба в период работ не давали, ели в специально отведенных для этого местах в определенное время.

Песни «Послали холопа скоро» [Штейн, 1886, с. 668] и «С девчонкою застоюся» [Новикова, 1957, с. 80] аналогичны по содержанию двум вышерассмотренным песням в плане показа тяжести жизни дворовых.

Заключение

Проведенный анализ текстов народных песен антикрепостнической направленности показывает топос барина в крестьянском сознании. Он неразрывно связан с отсутствием христианского обращения со своими крестьянами и дворовыми, не выходя на уровень широких социальных обобщений. Песенные «жалобы» весьма конкретны, в первую очередь они указывают на предельно тяжелый характер работ на помещика, включая и дворовых. При этом демонстрируется широкий спектр вариаций эксплуатации крепостных крестьян, начиная с барщины и заканчивая принудительным переселением крестьян с одной вотчины в другую. В песнях дворовых особо подчеркивается отсутствие у них личного пространства, даже физические наказания за отдельные проступки воспринимались не как трагедия. Но постоянный контроль за их личным пространством, включая возможность общения с девушками, воспринимался весьма негативно.

Топос барина в песенном фольклоре показывает противоположные аксиологические установки у помещиков и их крестьян. Крестьяне в своей основной массе воспринимали крепостную неволю, исходя из социальной установки «Так жили наши деды, отцы, так и нам жить», но этот принцип должен был соответствовать крестьянским представлениям о христианской барской добродетели. Помещики, в свою очередь, не считали себя чем-то ограниченными в правах на своих крестьян. Это социально-психологические противоречия весьма рельефно отражены в народных песнях антикрепостнического дискурса, где в отдельных случаях звучат призывы к побегу из барских поместий и присоединения к «вольнице», грабщей и убивающей помещиков. Именно в них есть попытки обобщения судеб крепостных крестьян.

Список источников

- Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830–1840. 1961. Под ред. М.В. Нечкиной. Ярославль, Ярославское книжное изд-во, 156 с.
- Волконский Н., князь. 1898. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, Тип. губерnsk. правления, 86 с.
- К воле. Крепостное право в народной поэзии. 1911. Сост. Н.Л. Бродский. Москва, Польза, 194 с.

Песни русского народа, собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Сост. Ф.М. Истомин, Г.О. Дютш. 1894. Санкт-Петербург, Императорское Русское Географическое Общество, 244 с.

Русская лирическая песня. 2004. Сост. В.С. Бахтин. Санкт-Петербург, Композитор, 700 с.

Русские народные песни. 1957. Сост. А.М. Новикова. Москва, Художественная литература, 736 с.

Салтыков-Щедрин М.Е. 2020. Язвы русской жизни. Записки бывшего губернатора. Москва, Родина, 272 с.

Список литературы

Бахтин В.С. 2004. Русская песенная лирика. Русская лирическая песня. Сост. В.С. Бахтин. Санкт-Петербург, Композитор: 5–52.

Бродский Н.Л. 2012. Крепостное право в народной поэзии. *Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем*. В 2-х книгах. Книга первая. Под ред. А.К. Дживелегова и др. Москва, Издательский Дом ТОНЧУ: 877–914.

Гура А.В. 1997. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, Индрик, 912 с.

Керженцев Б. 2023. Крепостное право в России: как это было. История, факты, свидетельства современников. Москва; Санкт-Петербург, Нестор – История, 288 с.

Колпакова Н.П. 1962. Русская народная бытовая песня. Москва – Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 284 с.

Миронов Б.Н. 2018. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург, Дмитрий Булавин, 992 с.

Пропп В.Я. 1961. О русской народной лирической песне. *Народные лирические песни*. Ленинград, Советский писатель: 5–68.

Семевский В.И. 1888. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург, Тип. Тов-ва «Общественная польза», 625 с.

Снытко Т.Г. 1961. Введение. *Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830–1840*. Под ред. М.В. Нечкиной. Ярославль, Ярославское книжное изд-во: 3–22.

Шейн П.В. 1886. Крепостное право в народных песнях. *Русская старина*. Т. XLIX: 483–492, 667–678.

References

Bakhtin V.S. 2004. Russkaya pesennaya lirika. Russkaya liricheskaya pesnya [Russian Song Lyrics. Russian Lyric Song]. Sost. V.S. Bakhtin. Sankt-Peterburg, Kompozitor: 5–52.

Brodskiy N.L. 2012. Krestostnoe pravo v narodnoy poezii [Serfdom in Folk Poetry]. *Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krest'yanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem*. V 2-kh knigakh. Kniga pervaya. Pod red. A.K. Dzhivelegova i dr. Moskva, Izdatel'skiy Dom TONChU: 877–914.

Gura A.V. 1997. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoy traditsii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moskow, Indrik, 912 p.

Kerzhentsev B. 2023. Krestostnoe pravo v Rossii: kak eto bylo. Istoriya, fakty, svidetel'stva sovremennikov [Serfdom in Russia: How it Was. History, Facts, Testimonies of Contemporaries]. Moskow; Saint Petersburg, Nestor – Istoriya, 288 p.

Kolpakova N.P. 1962. Russkaya narodnaya bytovaya pesnya [Russian Folk Everyday Song]. Moskow – Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 284 p.

Mironov B.N. 2018. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern [Russian Empire: From Tradition to Modernism]. V 3 t. T. 3. Saint Petersburg, Dmitriy Bulavin, 992 p.

Propp V.Ya. 1961. O russkoy narodnoy liricheskoy pesne [About Russian Folk Lyric Song]. *Narodnye liricheskie pesni*. Leningrad, Sovetskiy pisatel': 5–68.

Semevskiy V.I. 1888. Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX veka [Peasant Question in Russia in the 18th and First Half of the 19th Century]. V 2 t. T. 2. Saint Petersburg, Tip. Tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 625 p.

Snytko T.G. 1961. Vvedenie. Vesti o Rossii [Introduction. News about Russia]. *Povest' v stikhakh krestostnogo krest'yanina. 1830–1840*. Pod red. M.V. Nechkinoy. Yaroslavl', Yaroslavskoe knizhnoe izd-vo: 3–22.

Sheyn P.V. 1886. Krestostnoe pravo v narodnykh pesnyakh [Serfdom in Folk Songs]. *Russkaya starina*. T. XLIX: 483–492, 667–678.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.11.2024
Поступила после рецензирования 26.11.2024
Принята к публикации 29.11.2024

Received 06.11.2024
Revised 26.11.2024
Accepted 29.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Шаповалова Светлана Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9305-8564](https://orcid.org/0000-0002-9305-8564)

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana P. Shapovalova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (47)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-959-969

Оригинальное исследование

Вне стен университета: повседневность и личная жизнь студента П.А. Столыпина (к юбилею венчания реформатора)

Мазаев Р.С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9
E-mail: st096586@student.spbu.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается повседневная и личная жизнь выдающегося государственного деятеля П.А. Столыпина в период его студенческих лет, который поверхностно изучен в историографии. Статья имеет три тематические раздела, соответствующие некоторым сферам жизни П.А. Столыпина в ту пору: описание мест жительства, направления отпусков и характеристика межличностных отношений. В исследовании демонстрируется опыт П.А. Столыпина по построению собственной жизни и семьи, а также механизмы взаимодействия с родительской семьей и попытки построения собственной. Источниками работы являются материалы из личных дел студентов А.А. и П.А. Столыпиных, градостроительная документация Петербурга, адресные и метрические книги из ЦГИА СПб и других архивохранилищ. В качестве литературы привлечены труды Ф.Г. Федорова, А.П. Аспидова и др. Научная новизна исследования заключается в раскрытии новых сюжетов о жизни известного реформатора. Работа посвящена 140-летию венчания П.А. Столыпина, документы о котором впервые полностью вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, реформатор, студент, отпуск, свадьба, дом

Научный консультант: профессор кафедры истории с древнейших времен до XX века Института истории СПбГУ, доктор исторических наук, профессор М.Ф. Флоринский

Для цитирования: Мазаев Р.С. 2024. Вне стен университета: повседневность и личная жизнь студента П.А. Столыпина (к юбилею венчания реформатора). *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 959–969. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-959-969

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Outside the University Walls: Daily and Private Life of Student P.A. Stolypin (on the Anniversary of the Reformer's Wedding)

Ruslan S. Mazaev

St. Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia
E-mail: st096586@student.spbu.ru

Abstract. The study examines the daily and private life of the prominent statesman P.A. Stolypin during his student years, a topic that has previously been under-researched in historiography. The paper is divided into three thematic sections, corresponding to the different spheres of P.A. Stolypin's life at that time: descriptions of his places of residence, vacation spots, and interpersonal relationships. The study provides an insight into P.A. Stolypin's experience in building his life and family, as well as his interactions with his parental family and efforts to establish his own one. The sources used for this work include materials from the personal records of P.A. Stolypin and A.A. Stolypin, urban planning documents from St. Petersburg, address books and metric records from the Central State Archives of St. Petersburg, and other archival materials. The works by F.G. Fedorov, A.P. Aspudov and others are used as literature. The scholarly novelty

© Мазаев Р.С., 2024

of this research lies in exploring new aspects of the prominent reformer's life. The work is dedicated to the 140th anniversary of Pyotr Stolypin's wedding. It is the first time when information on this event is fully introduced into the scientific discourse.

Keywords: P.A. Stolypin, reformer, student, vacation, wedding, home

Scientific consultant: Professor of the Department of History from Ancient Times to the 20th century, the Institute of History St. Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Professor M.F. Florinsky

For citation: Mazaev R.S. 2024. Outside the University Walls: Daily and Private Life of Student P.A. Stolypin (on the Anniversary of the Reformer's Wedding). *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 959–969 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-959-969

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Переход во взрослую жизнь – это важный этап в жизни каждого человека, который сопровождается множеством изменений и вызовов. В этот период происходит множество изменений: от окончания школы или университета до начала работы и создания собственной семьи. Человек начинает принимать самостоятельные решения, нести ответственность за свои поступки и строить свою жизнь. Он сталкивается с новыми обязанностями и проблемами, которые ему предстоит научиться решать. Для этого необходимо усвоить навыки управления своим временем, финансами, уметь принимать взвешенные решения. Также взрослая жизнь предоставляет больше свободы и возможностей для самореализации. В этот период человек начинает воплощать свои планы и мечты. Теперь он сам кует свое счастье.

Студенческое время для будущего известного государственного деятеля П.А. Столыпина было одним из самых насыщенных периодов его жизни и стало рубежным моментом при переходе во взрослую жизнь. Сфера его повседневности кардинально меняется. Теперь П.А. Столыпин сам организует свой быт, расставляет жизненные приоритеты и несет ответственность за свои поступки. В это время он покидает родительский дом, начинает квартирное скитальчество, переживает смерть старшего брата, влюбляется и женится на его невесте, увольняется из университета, начинает служебную карьеру.

Таким образом, студенческие годы были судьбоносным периодом для П.А. Столыпина. На нынешний год приходится много важных юбилеев, связанных с ним: 300-летие Петербургского университета, 140-летие венчания и начало государственной службы [Мазаев, 2024]. Поэтому в рамках реализации коммеморативных практик по поводу ближайших и уже состоявшихся памятных дат еще раз обратимся к изучению студенческой жизни П.А. Столыпина.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является биография П.А. Столыпина. Предмет данной работы: повседневная и личная жизнь реформатора. Хронологические рамки работы охватывают студенческие годы П.А. Столыпина, с 1881 по 1885 гг. Выбор данных хронологических рамок обусловлен тем, что на изучаемый период жизни приходится формирование ценностей и взглядов будущего государственного деятеля, которые в дальнейшем будут определять политику его реформ. К тому же, как отмечалось ранее, изучаемый период знаменателен многими судьбоносными событиями, которые значительно повлияли на жизнь студента П.А. Столыпина.

Для достижения целей и решения задач работы главным образом был избран проблемно-хронологический метод исследования. Именно он позволил рассмотреть студенческую жизнь реформатора в различных сферах, каждая из которых по-разному влияла на формирование его мировоззрения. Также был привлечен идеографический метод. Он позволил исследовать биографию и психологию П.А. Столыпина через призму той эпохи, на которую приходились его студенческие годы.

Результаты и их обсуждение

Квартирное скитальчество

Студенческие годы – это время, когда молодые люди начинают самостоятельную жизнь. Они покидают родительский дом и отправляются в большой мир, где их ждут новые знакомства, приключения и, конечно же, трудности. Одной из таких трудностей, актуальной и в XIX веке, является поиск жилья. В зависимости от города и университета, студенты тогда сталкивались с различными вариантами проживания. Студенты из богатых семей снимали квартиры либо же проживали в так называемых «меблированных номерах». Но деньги были не у всех. Выходы были разные: снимать комнату или угол в ней, проживать в общежитии или ютиться у родственников или друзей [Иванов, 1999]. Но независимо от того, какой вариант выбирал студент, он мог столкнуться с квартирным скитальчеством. Квартирное скитание – это состояние, когда человек постоянно меняет место жительства. Это может быть связано с разными причинами: высокая стоимость аренды, неудобное расположение, конфликт с соседями и т. д. В результате студент вынужден искать новое жильё, тратить время и деньги на переезд и адаптацию.

Не обошла эта проблема и будущего реформатора. В студенческие годы П.А. Столыпин сменил несколько мест жительства, которые можно установить по отметкам в свидетельствах о проживании в личном деле Петра Аркадьевича в университете. Его квартирное скитальчество началось с 1 курса. С 1 сентября по 15 октября 1881 г. П.А. Столыпин проживал на улице Малой Итальянской, дом 3, квартира 21²⁴. Это был доходный пятиэтажный каменный дом с внутренним двориком, принадлежащий отставному полковнику В.И. Трофимову²⁵. По всей видимости, П.А. Столыпин продолжал в течение 1 курса обучения проживать по данному адресу, так как свидетельство о проживании неоднократно продлевалось вплоть по 15 октября 1882 г.²⁶ Также в свидетельстве можно увидеть рукописную перечеркнутую надпись с адресом в этом же доме, но в кв. 4²⁷.

К осени 1882 г. в Санкт-Петербургский университет поступил и младший брат П.А. Столыпина Александр. Братья стали жить вместе. В начале учебного года они, как сказано в документах, «проездом» жили до середины сентября в доходном доме Протасова на Невском проспекте, 72²⁸. Затем в октябре братья поселились на улице Пушкинской, дом 8. Вероятно, вначале братья поселились в квартире 10²⁹, а затем окончательно обосновались в квартире 16, как указано в бумагах, в статусе «слушатель лекций»³⁰. Там Столыпина проживали до середины сентября 1883 г. Дом был построен в 1877–1878 гг. и имел квартиры, оборудованные современными удобствами, – ванными и ватерклозетами [Аспидов, 2003, с. 454]. Квартира 16 находилась на 1 этаже дворового флигеля, в его юго-восточном углу³¹.

В сентябре 1883 года братья переехали на улицу Моховую в дом 45^{32, 33}, расположенный напротив старинной Симеоновской церкви, и жили там вместе по крайней мере до 20 сентября 1884 г., о чем свидетельствуют отметки. «Дом был небольшой – трехэтажный, с воротами посередине и дворовым флигелем. Фасад на улицу был оформлен в стиле Возрождения и напоминал флорентийские палаццо. Оконные и дверные проемы первого и второго этажей обрамляли арки, окна третьего имели прямоугольную форму», – писал петербургский краевед А.П. Аспидов [Аспидов, 2003, с. 455].

²⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 513. Оп. 102. Т. 7. Д. 4084. Л. 1–33.

²⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Л. 20 об.

²⁷ Там же. Л. 21. Д. 22770. Л. 17, 17а.

²⁸ Там же. Д. 22039. Л. 21.

²⁹ Там же. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 21, 27, 29. Д. 22770. Л. 17а.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Т. 7. Д. 4318. Л. 1–75.

³² Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Л. 28 об., 39, 44, 46 об.

³³ Там же. Д. 22770 Л. 25, 25а.

Судя по отметкам в личном деле Александра Столыпина, вплоть до октября 1885 г. он продолжал жить на той же квартире на Моховой, 45³⁴. Документально неизвестно, продолжал ли П.А. Столыпин проживать после венчания по этому же адресу. Между тем Б.Г. Федоров пишет, что «вскоре после свадьбы супруги Столыпина поселились в Санкт-Петербурге в квартире на первом этаже дома в Соляном тупике (престижный в то время квартал)» [Федоров, 2003, с. 66]. Неизвестно, откуда Б.Г. Федоров взял эту информацию, так как Соляного тупика в то время в Санкт-Петербурге не было³⁵. Также он указывает, что в квартире Столыпиных было пять комнат. У них не было своего экипажа, поэтому они пользовались наемным. Прислуга Столыпиных состояла из трех человек, включая кухарку и горничную [Федоров, 2003, с. 66]. Число прислуги выросло, так как М. Бок отмечает, что в студенческую холостую пору П.А. Столыпину прислуживала старушка из бывших крепостных – Агафена [П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей, 2018, с. 156].

В итоге все петербургские адреса П.А. Столыпина находились относительно недалеко друг от друга, но на приличном расстоянии от университета. Отметим, что проживание на ул. Пушкинской и Малой Итальянской может быть связано с нахождением неподалеку (15–20 минут ходьбы) казарм Преображенского полка, в котором до своей смерти 7 сентября служил старший брат П.А. Столыпина Михаил.

Примечательно и проживание П.А. Столыпина на ул. Моховой. Она находится совсем неподалеку от ул. Гагаринской, на которой реформатор в начале XX в. строил для своей семьи роскошный особняк. Видимо, ему было приятно вернуться в знакомые со студенческих лет места. Тем более что он часто бывал там, так как с 1886 г. в доме 14 по Гагаринской улице проживал его младший брат Александр. Этот дом принадлежал одному из родственников Столыпиных – М.М. Устинову³⁶.

Таким образом, на квартирное скитальчество П.А. Столыпин был обречен на протяжении всей своей студенческой жизни. Вероятно, это стало нормальной частью его быта и помогло научиться самостоятельности и ответственности. Малая Итальянская, Пушкинская, Моховая и Гагаринская улицы стали неразрывно связаны с дорогими сердцу воспоминаниями юности, с которыми рука об руку шагал будущий реформатор по своему жизненному пути.

«По прошению его, уволен в отпуск...»

Студенческая пора – это время, когда молодые люди начинают самостоятельную жизнь. Они получают новые знания и навыки, заводят новых друзей и знакомых, но при этом не забывают о своих корнях и близких людях. Поездки домой в студенческое время – это неотъемлемая часть жизни молодых людей. Их продолжительность может быть разной: от коротких визитов до пребывания дома несколько месяцев. Независимо от продолжительности, эти поездки играют важную роль в жизни студентов. Они позволяют им отдохнуть от учёбы, провести время с семьей и друзьями, а также получить поддержку и вдохновение для дальнейшей учебы.

Во время поездок домой студенты обычно общаются с родными и близкими, делятся своими успехами и трудностями, рассказывают о своей жизни в университете. Эти встречи помогают им сохранить связь с домом и чувствовать себя частью большой семьи. Во многом это способствует сохранению баланса между учебой и личной жизнью. Но направление поездок может быть и иным. Часто в это время студенты отправляются в свои первые самостоятельные путешествия на отдых вне дома. Это позволяет расширить свой кругозор, познакомиться с новыми местами и людьми, узнать больше о мире и о себе.

П.А. Столыпин в студенческую пору находился не только в столице на учебе, но и совершал поездки домой и на отдых в летнее и зимнее время. Нет данных о том, что он, будучи первокурсником, путешествовал зимой 1881–1882 гг. Между тем летом 1882 года

³⁴ Там же. Л. 29, 29а, 31 об, 36а, 42а, 45а.

³⁵ Возможно, он имел в виду Соляной переулок – *прим. Р.М.*

³⁶ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 120.

П.А. Столыпин планировал поехать в Одесскую и Виленскую губернии. В документах со-держатся отметки лишь о том, что он останавливался в конце мая 1882 г. в Москве в меб-лированных комнатах А.И. Троицкой по Тверской улице в доме Английского клуба (Шаб-лыкина) номер 61³⁷. Отметок о посещении других городов в документах нет.

Тем временем в Орле окончил гимназическое образование Александр Столыпин. Он в мае 1882 г. взял в гимназии билет на отпуск в Москву и Ковно в срок до получения атте-стата зрелости³⁸. По всей видимости, встреча семьи задумывалась в Западном крае, а затем второкурсник П.А. Столыпин и его только поступивший в университет младший брат от-правились в Петербург на учебу и поиск квартиры для двоих.

Зимой 1882–1883 гг. братья планировали поехать в Москву и Орел³⁹. О посещении Орла 24 декабря у них в документах есть соответствующие отметки. Летом 1883 г. братья также планировали посетить Орловскую губернию, а также отправиться в Херсонскую гу-бернию⁴⁰. На их отпускных билетах есть отметки о том, что 28 мая братья остановились в Москве, в Арбатской части, в доме «Столыпиной и Баташева».

Дом «Столыпиной и Баташева» – это строение, располагавшееся на участке на углу Тверской улицы и Благовещенского переуллка, принадлежащее дочери генерал-майора Елизавете Дмитри-евне Столыпиной и ее мужу коллежскому асессору Петру Николаевичу Баташеву. Е.Д. Столы-пина – дочь Дмитрия Алексеевича Столыпина и, соответственно, сестра отца П.А. Столыпина, его тетя. П.Н. Баташев, по мнению московского краеведа Л. Сысоевой, сын Н.П. Баташева, управля-ющего имением Средниково и окрестными селами, которое принадлежало родителям Ели-заветы Дмитриевны, а затем и ее родному брату Аркадию Дмитриевичу [Сысоева, 2020].

На участке на углу Благовещенского переуллка и Тверской улицы П.Н. Баташев впервые появляется в 1857 г. как проживающий в «д. Столыпина» [Книга адресов жителей Москвы, 1857, с. 27]. Эту же информацию мы находим в справочниках 1858 и 1859 г. [Книга адре-сов..., 1858, с. 24; Книга адресов..., 1859, с. 25]. Затем в том же статусе П.Н. Баташев появ-ляется в справочнике 1866 [Московская памятная книжка, 1866, с. 11]. В 1868 г. он уже проживает по другому адресу [Московская памятная книжка..., 1868, 220]. С 1873 г. П.Н. Баташев числится в справочниках как проживающий в собственном доме на участке, который ранее числился как «д. Столыпина» [Адрес-Календарь Москвы, 1873, 150]. При этом в справочнике 1882 г. можно найти информацию, что дом находится в совместной собственности П.Н. Баташева и Е.Д. Столыпиной [Указатель улиц и домов..., 1882, с. 661].

Важно отметить, что по справочнику 1856 г. этот дом принадлежал Аркадию Дмитрие-вичу Столыпину – отцу будущего реформатора [Книга адресов жителей Москвы, 1856, с. 275], ранее же этот участок был разделен и принадлежал другим владельцам. «Видимо, к свадьбе или чуть раньше, в один из своих приездов в Москву, Столыпин А.Д. и приобрел этот участок на углу Тверской и Благовещенского пер. Судя по плану Москвы 1852 г., этот некогда боль-шой участок к этому времени был уже разделен на два владения – 488а и 488б, последний принадлежал штаб-лекарше Шестаковой Настасье Христофоровне, владелец другого участка 488а в алфавитном указателе не упоминается. . . В Уральске Столыпина прожили пять лет. По возвращении семья жила летом в своем имении Средниково, а по зимам в Москве, в своем доме на углу Тверской ул. Тут родился их последний ребенок – сын Александр Аркадьевич. . . Здесь, на Тверской, семья Столыпиных прожила до 1869 года. Из вышесказанного получается, что в этом доме провели свои ранние детские годы дети Столыпиных и в т. ч. и будущий пре-мьер Петр Аркадьевич Столыпин», – пишет Л. Сысоева [Сысоева, 2020].

По нашему мнению, вопрос о проживании семьи А.Д. Столыпина требует отдельного рассмотрения, так как, к примеру, А.П. Аспидов утверждает, что семья жила в Петербурге, а

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Л. 24, 24 об.

³⁸ Там же. Д. 22770. Л. 16, 16 об.

³⁹ Там же. Д. 22039. Л. 31, 31 об. Д. 22770. Л. 20, 20 об.

⁴⁰ Там же. Д. 22039. Л. 34, 34 об. Д. 22770. Л. 23, 23 об.

между тем в адресной книге Москвы за 1869 г. мы находим информацию, что мать П.А. Столыпина Наталья Михайловна проживает в доме Майлевского на Большой Молчановке в центре Москвы, хотя у ее мужа был дом на углу Тверской и Благовещенского переулка [Аспидов, 2003, с. 447; Московская памятная книжка..., 1869, с. 23]. Однозначно можно сказать лишь то, что П.А. Столыпин и его младший брат в студенческую пору останавливались на каникулах (причем не раз, что мы увидим далее) в доме своей тети, который ранее принадлежал их отцу.

Таким образом, судя по отметкам на отпускном билете, летом 1883 г. П.А. Столыпин побывал в Москве, Ялте и Евпатории⁴¹. Интересно, что А.А. Столыпин также планировал посетить южные края, но отметок об этом в его документах не содержится⁴².

Зимой 1883–1884 гг. братья собирались отправиться в Москву и Орел⁴³. В Москве братья останавливались в одной из наиболее известных гостиниц – Лоскутной гостинице. Интересно, что на отпускном билете А.А. Столыпина имеется надпись, по всей видимости, сделанная им самим: «рук ав реь ки // ⁴⁴ вру г аф ри ки». Разобрать ее значение нам не удалось.

Летом 1884 г. братья планировали провести в Орле, но отметок о его посещении нет⁴⁵. Между тем в личном деле А.А. Столыпина сохранилось удовлетворенное ходатайство об отпуске в Швейцарию для свидания с родными⁴⁶, но подобного документа мы не находим у П.А. Столыпина. В его личном деле мы находим отметку о посещении дома «Столыпиной и Баташева». А.П. Аспидов считает, что П.А. Столыпин не поехал за границу в связи с решением просить руку О.Б. Нейдгарт в доме ее отца в Москве [Аспидов, 2003, с. 455], но документально об этом говорить нельзя, так как и ранее отпускные пути братьев расходились. Кроме того, дом «Столыпиной и Баташева» ими ранее посещался.

Осенью 1884 г. П.А. Столыпин был уволен по собственному желанию из университета, поэтому его личное дело не может в дальнейшем служить в качестве источника по его поездкам. Но его брат продолжал обучаться в университете. О перемещениях А.А. Столыпина остались данные за 1884–1886 гг. в его личном деле, а сведения об отпусках П.А. Столыпина можно найти в его формулярных списках⁴⁷.

С 3 по 15 ноября 1885 г. служащий в МВД менее недели П.А. Столыпин исходатайствовал у начальства себе отпуск. В это же время в момент учебного процесса отпуск взял и А.А. Столыпин. Он планировал поехать в Москву и остановился там в Тверской части Москвы, дом 38, в гостинице «Париж»⁴⁸. В одной из церквей, расположенных неподалеку, в воскресный день 11 ноября произошло венчание реформатора, о чем будет сказано ниже.

О летнем отпуске А.А. Столыпина сведений в его личном деле нет. Вероятно, лето он провел в Петербурге. Между тем в формулярном списке П.А. Столыпина есть сведения о том, что он был в отпуске с 31 мая 1885 г. по 25 ноября 1885 г.⁴⁹ Такой большой период может объясняться тем, что в это время жена П.А. Столыпина была беременна. Она родила первенца 7 октября 1885 г. Возможно, П.А. Столыпин решил провести тяжелое время последних месяцев беременности с женой, поэтому и взял такой большой отпуск. Кроме того, в это время он подготавливался к последним экзаменам и писал диссертацию.

В итоге в пору своей студенческой жизни П.А. Столыпин с младшим братом навещали родственников в Москве, ездили на Южные берега, в Западный край и к семье в Орел, лишь женитьба П.А. Столыпина многое поменяет.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Л. 34, 34 об.

⁴² Там же. Д. 22770. Л. 23, 23 об.

⁴³ Там же. Д. 22039. Л. 41, 41 об. Д. 22770. Л. 27, 27 об.

⁴⁴ Перенос строки – прим. Р.М.

⁴⁵ Там же. Д. 22039. Л. 46, 46 об. Д. 22770. Л. 31, 31 об.

⁴⁶ Там же. Д. 22770. Л. 33, 34.

⁴⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 2567. Л. 1–2.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22770. Л. 37–38 об.

⁴⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 2567. Л. 2.

Женатый студент

Свадьба студента – это уникальное событие, которое сочетает в себе молодость, любовь и начало новой жизни. Это момент, когда два человека, объединённые общими интересами и ценностями, решают создать семью. Это событие также является символом начала нового этапа в жизни молодоженов. Они вступают во взрослую жизнь, где их ждут новые обязанности, ответственность и вызовы. Но вместе они готовы преодолеть любые трудности и построить крепкую и счастливую семью.

Но венчание П.А. Столыпина берет начало из трагических событий. 7 сентября 1882 г. на дуэли погиб его старший брат, офицер Преображенского полка Михаил Столыпин, который собирался обручиться с Ольгой Нейдгарт. Министр иностранных А.П. Извольский писал: «Он (П.А. Столыпин – *Р.М.*) женился, будучи очень молод, несколько романтичным способом на невесте своего старшего брата, погибшего на дуэли, который на своём смертном одре вложил руку своего брата в руку молодой девушки, которую он нежно любил» [Извольский, 1924, с. 70]. В этом же духе писал Н.П. Шубинский: «...когда ему (П.А. Столыпину – *Р.М.*) минуло двадцать лет, у него на руках умер его брат, сраженный пулей дуэлянта» [Шубинский, 1913, с. 19].

Но в газетах того времени мы находим информацию о том, что М.А. Столыпин умер на месте дуэли: «Столыпин, раненный в грудь, пал мертвым», «в день дуэли 7 сентября тело Столыпина было перевезено в Петербург», «пуля попала прямо в сердце Столыпина», «С. убит наповал» и т. д. [Петербургский листок, 1882. 8, 10, 11 сент.; Петербургская газета, 1882. 8, 10 сент.]. Таким образом, если исходить из данных газет, то можно говорить о том, что М.А. Столыпин умер на месте дуэли. Рядом не было невесты и младшего брата. Но газетчики могли и приукрасить. К тому же П.А. Столыпина нет среди тех, кого привлекли к уголовному расследованию за участие и присутствие на дуэли, – состоящего в гвардейской пехоте князя И.Н. Шаховского, поручика лейб-гвардии Преображенского полка К.А. Балясного, прапорщика того же полка Д.Б. Нейдгарта и губернского секретаря графа М.В. Сологуба [Новое время, 1883, 20 апр.].

Во всяком случае, из-за гибели М.А. Столыпина свадьба сорвалась. Семейное предание гласит, что отец О.Б. Нейдгарт, развернув утром газету, сказал: «Твой брак со Столыпиным не состоится. Он убит на дуэли князем Шаховским» [Федоров, 2003, с. 38].

Видимо, именно горе сблизило П.А. Столыпина и О.Б. Нейдгарт, что в конечном итоге привело к их венчанию. Согласно одной из версий, П.А. Столыпин перед свадьбой стрелялся с убийцей брата, но этот сюжет требует отдельного рассмотрения.

Согласно документам в личном деле П.А. Столыпина в университете, он намеревался жениться уже летом 1884 г., о чем и подал соответствующее прошение от 23 июня 1884 г.: «Честь имею ходатайствовать перед вашим Превосходительством о разрешении мне вступить в брак с дочерью Почетного Опекуна, Гофмейстера двора Его Императорского Величества Фрейлиного двора Ея Императорского величества девицею Ольгой Борисовной Нейдгарт»⁵⁰. На прошении имеются следующие отметки: «обратиться к г. Министру», «Отказать». Данное решение было принято по причине того, что на момент развития событий студентам было запрещено жениться⁵¹.

Стоит полагать, что прошение о женитьбе было обусловлено тем, что до этого П.А. Столыпин просил руки О.Б. Нейдгарт у ее родителей. Прошение о женитьбе было подано 23 июня, а до этого П.А. Столыпин без младшего брата побывал в Москве, о чем мы писали ранее. Отметка о посещении дома «Столыпина и Баташева» датируется 30 мая. А.П. Аспидов предполагает, что П.А. Столыпин поехал в Москву и остановился на Арбате, так как рядом был дом отца его невесты. Но П.А. Столыпин посещал этот дом и ранее, поэтому однозначно говорить здесь нельзя.

Во всяком случае, в мемуарах дочери П.А. Столыпина события тех лет запечатлены следующим образом: «Мой отец женился очень молодым, и, когда делал предложение моей матери, боялся даже, не послужит ли его молодость помехой браку, о чем и сказал дедушке, прося у него

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Л. 47.

⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 8469. Л. 1, 2, 3.

руки его дочери. Но дедушка, улыбаясь ответил: «La jeunesse est un défaut duquel on se corrige chaque jour»⁵² и спокойно и радостно отдал свою дочь этому молодому студенту, зная отлично, что лучшего мужа ей не найти» [П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей, 2003, с. 155]. А другая дочь П.А. Столыпина Александра пишет следующее: «К моменту женитьбы отец был еще студентом Санкт-Петербургского университета. Студенческий корпус был тогда своего рода государственным институтом со своими строгими правилами, в частности воспрещавшим студентам жениться. Чтобы соединиться со своей невестой, мой отец должен был ходатайствовать о специальном разрешении» [П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей, 2003, с. 11].

Но разрешение не было получено, поэтому П.А. Столыпин принял решение уволиться из университета. Неизвестно, знал ли он, что сможет продолжить обучение, что мы увидим позднее. В свидетельстве об увольнении сказано следующее: «...согласно его прошению, уволен из университета, из четвертого курса, почему правами, предоставленными студентам, окончившим полный курс университетского учения, воспользоваться не может»⁵³.

Интересно, что решение об увольнении из университета было принято не сразу же после отказа о вступлении в брак и не с началом учебного года, а лишь согласно прошению, 11 октября⁵⁴. 12 октября П.А. Столыпин был уволен из Санкт-Петербургского университета.

В литературе закрепились следующие даты венчания П.А. Столыпина – 27 октября 1884 г. Но какой-либо документальной основы мы под ней не находим. Между тем изучение метрических книг церквей, расположенных неподалеку от гостиницы «Париж», в которой остановился А.А. Столыпин в ноябре 1885 г., позволило обнаружить, что 140 лет назад в воскресный день 11 ноября 1884 г. 22-летний состоящий при Министерстве внутренних дел П.А. Столыпин, православного вероисповедания, первым браком венчался на дочери Гофмейстера Высочайшего двора Тайного советника Б.А. Нейдгарта фрейлине Ея Императорского Величества 25-летней Ольге Борисовне Нейдгарт в церкви Николая Чудотворца в Плотниках. Поручителем по жениху был его младший брат Александр и брат Ольги Борисовны подпоручик Преображенского полка Алексей Борисович Нейдгарт. По невесте: состоящий при СЕИВ по учреждениям императрицы Марии, состоящий в запасе поручик Александр Борисович Нейдгарт и потомственный дворянин Александр Всеволодович Всеволодский.

Выбор места таинства был не случаен. Эта церковь располагалась неподалеку от старинного особняка Нейдгартов на Арбате. Представители этого дворянского рода и жители их дома регулярно совершали таинства в церкви Николая Чудотворца в Плотниках⁵⁵. Также существует мнение, что от Нейдгартов П.А. Столыпину досталось солидное приданое: 4 845 десятин земли в Чистопольском уезде Казанской губернии.

В мемуарах свадьба П.А. Столыпина показана как хорошо обдуманное решение. Но в реальности ситуацию с женитьбой можно назвать «сердцу не прикажешь»: от смерти брата Михаила и оплакивания горя до намерения жениться на его невесте прошло около полутора лет. Еще не завершив обучение в университете, не получив профессии, находясь в юном возрасте (22 года), П.А. Столыпин предлагает любимой, которая была на 3 года старше него, руку и сердце. Согласно одной из версий, после сделанного предложения Петр Аркадьевич еще и стреляется с убийцей брата Шаховским и получает ранение в правую руку. В конце концов он бросает обучение в университете на выпускном курсе, чтобы обвенчаться с любимой.

Размышляя о влиянии раннего брака на личность П.А. Столыпина, стоит отметить мнение биографа реформатора Д.Б. Струкова, который считает, что ранний брак уберет П.А. Столыпина от легкомыслия и крайности юных лет и обратил его силы на учебу и домашние дела [Струков, 2012, с. 53]. К тому же, по словам брата Александра, отсутствием веселой холостой

⁵² Молодость – это недостаток, который исправляется каждый день – прим. Р.М.

⁵³ Там же. Д. 22039. Л. 49.

⁵⁴ Там же. Л. 48.

⁵⁵ Центральный государственный архив города Москвы (далее ЦГА Москвы). Ф. 203. Оп. 768. Д. 171. Л. 237 об.

молодости объясняется умеренность вкусов и свежесть сил П.А. Столыпина [Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конф. и заседаний ЦК, 1907–1915 гг., 2002, с. 411].

Заключение

Студенческие годы – это один из самых ярких и запоминающихся периодов в жизни человека. Это время, когда молодые люди получают образование, находят новых друзей и открывают для себя мир. Жизнь студента полна событий, эмоций и впечатлений. Каждый день приносит новые открытия, знакомства и возможности для развития.

Личная жизнь студентов также разнообразна. Некоторые из них находят время для романтических отношений и создания семьи. Другие предпочитают сосредоточиться на учебе и развитии карьеры. Однако все студенты стремятся найти баланс между учебной, личной жизнью и отдыхом.

Студенческая жизнь П.А. Столыпина вне стен университета была разнообразна. Важно отметить, что его опорой в это насыщенное и турбулентное всегда выступала семья. Проживание с братом, совместные поездки домой, посещения родственников были неотъемлемой частью студенческой жизни П.А. Столыпина. Акцент на семейных отношениях во многом предопределил позицию П.А. Столыпина по отчислению из университета. Между семьей и учебой он выбрал первое и не прогадал. Собственная семья стала его опорой и источником сил и вдохновения до конца его жизни.

Безусловно, становление П.А. Столыпина как личности и государственного деятеля во многом обусловлено его предшествующей жизнью, важной вехой в которой стал период его студенческой жизни. Обучение в Петербургском университете, одном из лучших учебных заведений в Российской империи, стало платформой для начала столичной жизни будущего реформатора, в которой он познакомился с высшим обществом, приобретал свой круг общения, знакомился с общественными настроениями, общался с лучшими умами России. Это было временем освоения П.А. Столыпиным культуры человеческих взаимоотношений и овладения профессиональной деятельностью и формами делового общения.

Опыт первого петербургского периода был как никогда полезен в 1906 г. «С удивительной быстротой разобрался Столыпин в петербургской придворной и бюрократической сложной обстановке и сумел быстро завязать связи с теми кругами и лицами, которые были наиболее влиятельны, в чем ему помогло его обширное родство, причем делал он это не ради укрепления своего личного положения, а в целях успешного осуществления своих политических предположений», – писал сподвижник реформатора В.И. Гурко [Гурко, 2000].

Список источников

- Адрес-Календарь Москвы. М.: Типография Ф. Иогансон у Красных ворот, 1873.
Гурко В.И. 2000. Черты и силуэты прошлого. Москва, Новое лит. обозрение, 808.
Извольский А.П. 1924. Воспоминания. Петроград-Москва, Издательство «Петроград», 191.
Книга адресов жителей Москвы. Ч. 1: Книга чиновников служащих. Москва, Типография Т.Т. Волкова и Комп., 1857.
Книга адресов жителей Москвы. Ч. 1: Книга чиновников служащих. Москва, Типография Т.Т. Волкова и Комп., 1858.
Книга адресов жителей Москвы. Ч. 1: Книга чиновников служащих. Москва, Типография Т.Т. Волкова и Комп., 1859.
Книга адресов жителей Москвы. Ч. 2. Москва, Типография В. Готье, 1856.
Московская памятная книжка или Адрес-календарь жителей Москвы. Ч. II. Москва, 1868.
Московская памятная книжка или Адрес-календарь жителей Москвы. Ч. II. Москва, Типография Ив. Смирнова на Никольской ул., 1869.
Московская памятная книжка. Ч. II. Москва, Типография Смирнова на Никольской улице и Бахметева на Малой Дмитровке, 1866.
П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. Москва, Гареева, 2003.

- Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конф. и заседаний ЦК, 1907–1915 гг., Т. 2. Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
- Петербургская газета. Санкт-Петербург, 1882. 8, 10 сент.
- Петербургский листок. Санкт-Петербург, 1882. 8, 10, 11 сент.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587 Государственный банк Министерства финансов. Оп. 34. Д. 2567. Формулярный список о прохождении службы Столыпина П.А.
- Указатель улиц и домов столичного города Москвы. Москва, Типография при канцелярии г. Московского Обер-полицмейстера, 1882.
- Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 203 Московская духовная консистория ведомства Святейшего Синода. Оп. 768. Д. 171. Метрическая книга родившихся, браком сочетавшихся и умерших.
- ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 771. Д. 77. Метрическая книга родившихся, браком сочетавшихся и умерших.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14 Императорский Петроградский университет. Петроград. 1819–1918. Оп. 1. Д. 8469. О запрещении студентам вступать в брак.
- ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22039. Столыпин Петр Аркадьевич.
- ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22770. Столыпин Александр Аркадьевич.
- ЦГИА СПб. Ф. 513 Петроградская городская управа. Петроград. 1870–1918. Оп. 102. Т. 7. Д. 4084. Чертежи дома на участке, принадлежавшем Ковригину, П.И. Ковригиной, Н.И. Ковригину, В.И. Трофимову, Э.А. Лембке, наследникам Лембке по ул. Жуковского, 3.
- ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Т. 7. Д. 4318. Чертежи дома на участке, принадлежавшем Протасову, Н.Д. Протасовой, Протасову-Бахметеву, М.В. Воейковой, М.С. Залшунину по Невскому пр., 72.
- ЦГИА СПб. Ф. 573 Городская исполнительная комиссия по водоснабжению в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. 1891–1913. Оп. 1. Д. 120. Дом Устинова, Гагаринская дом 3/14.
- Шубинский Н.П. 1913. Памяти П.А. Столыпина. Москва, Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 28.

Список литературы

- Аспидов А.П. 2003. Столыпины в Петербурге. В сб.: *Невский архив*. Санкт-Петербург, Лики России: 436–459.
- Зырянов Н.П. 1992. Петр Столыпин: политический портрет. Москва, Высш. шк., 159 с.
- Иванов А.Е. 1999. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 414 с.
- Мазаев Р.С. 2024. Non scholae sed vitae discimus: студент Императорского Санкт-Петербургского университета П.А. Столыпин (к 300-летию СПбГУ). *Клио*. 4 (208): 178–188.
- Сидоровнин Г.П. 2002. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: жизнеописание (1862–1911). Саратов, Сарат. Культ. центр им. П.А. Столыпина, 600 с.
- Степанов С.А. 2012. Великий Столыпин. Не великие потрясения, а Великая Россия. Москва, Язуз, Эксмо, 512 с.
- Струков Д.Б. 2012. Столыпин. Москва, Вече, 544 с.
- Сысоева Л. 2020. Дачники и постройки Петровского парка. Б. Зыковский проезд. Часть 15. URL: <https://stapelia2784.livejournal.com/116289.html> (дата обращения: 15 сентября 2024).
- Сысоева Л. 2020. Домик с мезонином на углу Тверской ул. – владение Столыпиных. URL: <https://stapelia2784.livejournal.com/116113.html> (дата обращения: 15 сентября 2024).
- Федоров Б.Г. 2003. Петр Аркадьевич Столыпин. Биография П.А. Столыпина. Москва, Гарева, 656 с.

References

- Aspidov A.P. 2003. Stolypiny v Peterburge [Stolypins in St. Petersburg]. V sb.: *Nevskiy arkhiv*. Saint Petersburg, «Liki Rossii», 436–459.
- Zyryanov N.P. 1992. Petr Stolypin: politicheskii portret [Pyotr Stolypin: A Political Portrait]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 159 p.
- Ivanov A.E. 1999. Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka: social'no-istoricheskaya sud'ba [Russian Students of the Late XIX – Early XX Century: Socio-Historical Fate]. Moscow: “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 414 p.

- Mazayev R.S. 2024. Non scholae sed vitae discimus: student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta P.A. Stolypin (k 300-letiyu SPbGU) [Non scholae sed vitae discimus: Student of the Imperial St. Petersburg University P.A. Stolypin (on the 300th Anniversary of St. Petersburg State University)]. *Klio*. 4 (208): 178–188.
- Sidorovnin G.P. 2002. P.A. Stolypin: Zhizn' za Otechestvo: zhizneopisanie (1862–1911) [P.A. Stolypin: Life for the Fatherland: A Biography (1862–1911)]. Saratov, Sarat. Kul't. tsentr im publ. P.A. Stolypina, 2002. 600 p.
- Stepanov S.A. 2012. Velikii Stolypin. Ne velikie potryaseniya, a Velikaya Rossiya [The Great Stolypin. Not Great Upheavals, but Great Russia]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2012. 512 p.
- Strukov D.B. 2012. Stolypin [Stolypin]. Moscow, Veche, 544 p.
- Sysoyeva L. 2020. Dachniki i postroyki Petrovskogo parka. B. Zykovskiy proyezd. Chast' 15 [Summer Residents and Buildings of Petrovsky Park. B. Zykovsky Passage. Part 15]. URL: <https://stapelia2784.livejournal.com/116289.html> (data obrashcheniya: 15 sentyabrya 2024).
- Sysoyeva L. 2020. Domik s mezoninom na uglu Tverskoy ul. – vladeniye Stolypinykh [A House with a Mezzanine on the Corner of Tverskaya Street – Stolypins' Property]. URL: <https://stapelia2784.livejournal.com/116113.html> (data obrashcheniya: 15 sentyabrya 2024).
- Fedorov B.G. 2003. Petr Arkad'yevich Stolypin. Biografiya P.A. Stolypina [Pyotr Arkadyevich Stolypin. Biography of P.A. Stolypin]. Moscow, Gareyeva, 656 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.09.2024

Received 19.09.2024

Поступила после рецензирования 09.11.2024

Revised 09.11.2024

Принята к публикации 11.11.2024

Accepted 11.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мазаев Руслан Сергеевич, студент кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ruslan S. Mazaev, Student of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0009-0001-9899-4095](https://orcid.org/0009-0001-9899-4095)

УДК 94 (470.3)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-970-979
Оригинальное исследование

Конституционные проекты легалистов в эпоху правления Александра II

Рыбин Д.В.

Санкт-Петербургский институт, Всероссийский государственный университет юстиции,
Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, 19 лит А
E-mail: danilarybin@rambler.ru

Аннотация. Цель публикации – рассмотреть особенность юридических (легалистских) проектов государственного переустройства империи в третьей четверти XIX века. При подготовке работы использовался проблемно-хронологический метод. С его помощью проанализирована история юридического конституционализма, возникшего в 1860-е годы и пережившего подъем в начале 1880-х годов. Рассмотрена деятельность умеренных юристов по разработке проектов государственного переустройства империи при Александре II. Поддерживая тесные связи с земцами и предлагая создать умеренное народное представительство при Государственном Совете, они отводили основную роль в обновленном государстве Сенату. Высший суд империи должен был вернуться к модели Петра Великого, то есть превратиться в основной высший орган управления государства.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, легалисты, Государственный Совет, конституционные проекты, Сенат, народное представительство

Для цитирования: Рыбин Д.В. 2024. Конституционные проекты легалистов в эпоху правления Александра II. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 970–979. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-970-979.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Constitutional Projects of Legalists During the Reign of Alexander II

Danil. V. Rybin

Saint Petersburg Institute, All-Russian State University of Justice,
19 lit A 10th line of Vasilyevsky Island, Saint Petersburg 199178, Russia,
E-mail: danilarybin@rambler.ru

Abstract. The article is focused on the specifics of legalistic projects aimed at state reorganization of the Russian empire in the third quarter of the 19th century. The problem-chronological method was used for analyzing the history of legal constitutionalism that emerged in the 1860s and experienced an upsurge in the early 1880s. The author considers the activity of moderate lawyers in developing projects of state reorganization of the empire under Alexander II. Maintaining close ties with zemstvos and liberal officials, they proposed to create a moderate popular representation under the State Council and assigned to the Senate the main role in the renewed state. The Supreme Court of the empire was to return to the model suggested by Peter the Great, that is, to turn into the main supreme governing body of the state. It was assumed that the Senate could regain its legislative and administrative powers. The status of the court and the judiciary would be significantly increased.

Keywords: B.N. Chicherin, K.D. Kavelin, legalists, State Council, constitutional projects, Senate, people's representation

For citation: Rybin D.V. 2024. Constitutional Projects of Legalists During the Reign of Alexander II. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 970–979 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-970-979.

© Рыбин Д.В., 2024

Funding: The work was carried out without external sources of funding

Введение

В отдельных научных исследованиях государственно-правовые воззрения легалистов (либеральных юристов) получили отражение на примере проектов реформ, разработанных профессорами или высшими чиновниками империи [Осипов, 2006; Сафронова, 2009; Токарева, 2010; Куликов, 2013]. Исследователи, зафиксировавшие эти проекты, не обратили внимание на то, что они являлись частью более широкой легалистской идеологии, распространенной среди юристов России во второй половине XIX века.

Одним из первых специалистов, описавших либеральные проекты конституций, был В.В. Леонтович [Леонтович, 1995]. В.Г. Чернуха выделил применительно к 1860–1870-м годам понятие «правительственный конституционализм» [Чернуха, 1978]. Советский ученый Н.Г. Сладкевич подробно проанализировал либеральные проекты эпохи Великих реформ [Сладкевич, 1962]. Проекты конституционных реформ эпохи «диктатуры сердца» описал Ф.А. Петров [Петров, 1993]. В своей диссертации И.Е. Барыкина подробно исследовала участие государства в конституционных проектах второй половины XIX века. Она подвергла разбору многие бытовавшие к тому времени термины, в их числе разные сочетания консервативного либерализма и либерального консерватизма [Барыкина, 2017]. Многие интересные работы по истории идеологии конституционализма мы пропустим, так как они только косвенно относятся к нашей теме [Бурдукова, 1999].

Отдельно стоит выделить многочисленные работы В.А. Китаева, посвященные российскому либерализму. Ученый не раз обращался к вопросу о конституционализме третьей четверти XIX века в России. В частности, В.А. Китаев подробно разобрал эволюцию конституционных представлений Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского [Ведерников, Китаев, 1997; Китаев, 1998; Китаев, 2004].

Продолжают выходить новые работы. Много о конституционализме консервативно-либеральных ученых второй половины XIX века рассуждает З.Д. Динаева [Динаева, 2020]. Тема упоминается в работе В.Я. Гросула [Гросул, 2020]. В 2023 году вышла работа Е.В. Спицыной по конституционной идее в общественном политическом движении 1870–1880-х годов. Напрасно мы бы стали искать в этом труде что-нибудь о конституционных проектах Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.А. Половцова и других акторов процесса. Конституционные акты юристов как бы не существуют [Спицина, 2023]. Особой ценностью обладают открытия проектов конституционных актов, найденных Д.В. Ароновым и В.Г. Садковым [Аронов, Садков, 2005].

Если проекты реформирования государства в работах дворянских групп (дворянский конституционализм), профессуры университетов, публицистов и чиновников (правительственный конституционализм) в основном в научной литературе рассмотрены, то проекты высших юридических сановников и тесно связанных с ними профессоров юридических факультетов рассмотрению не подверглись.

Объект и методы исследования

В нашей работе мы использовали проблемно-хронологический метод. Поставлен вопрос о политических воззрениях либеральных юристов в России, и их эволюция изложена в хронологической последовательности.

Движение легалистов, до сего дня не изученное в исторической науке, представляло неустойчивое объединение либеральных сановников Российской империи, в основном выходцев из судебной системы и профессуры юридических факультетов. В основе их мировоззрения лежали идеи европейского либерализма. Также они вдохновлялись успехами первых лет Великих реформ. Чувствуя свое единство, сопричастность, либеральные юристы проявляли активную общественную позицию, энергично продвигая идеи прав человека через судебные органы, печать и общественные организации.

Как же могли быть выражены легалистские идеи? Очевидно, что в основе их мировоззрения лежали идеи Канта и общие идеи европейских либералов о правах человека. То есть в представлении легалистов вполне сложилось представление о лучшем для России праве, в основном европейского образца. Иначе обстояло дело с государством. Тут применить западные стандарты они никак не могли, не будучи обвиненными в бунте против государственной власти. Консервативные либералы и законники, легалисты неизбежно приходили к идее реформирования государственного устройства в рамках и при сохранении самодержавия. Революционный путь они всегда отвергали, от монархизма никогда не отказывались.

Если идеология легалистов в части прав человека не представляет из себя большой оригинальности и является калькой с европейских теорий, то идеи юристов в отношении переустройства России, безусловно, являются оригинальными. Им предстояло совместить трудно сочетаемые подходы – сохранение авторитарного государства с расширением и укреплением правового строя [Токарева, 2010].

В нашей работе мы рассматриваем те проекты легалистов, которые предполагали такое переустройство государства, которое вело бы к усилению судебной власти в империи, вплоть до превращения Сената в высший орган власти в стране.

Результаты и их обсуждение

В 1860–1870-е годы различные политические группы империи разрабатывали дворянские, земские, правительственные проекты государственного переустройства [Чичерин, 1906, с. 32; Шацилло, 1985, с. 30; Колупаев, 2003, с. 21; Аронов, Садков, 2005, с. 46–48; Конституционные проекты..., 2010, с. 37–42; Барыкина, 2017, с. 258–270].⁵⁶ Все они отличались различной степенью смещения консерватизма и либерализма.

Идеолог легализма Б.Н. Чичерин осторожно затрагивал конституционные вопросы в своих работах. По мнению С.И. Глушковой, Б.Н. Чичерин приоритет в будущем правовом государстве отводил не парламенту, а суду [Глушкова, 2001, с. 230, 232].

В конце 1870-х годов возникает проект К.Д. Кавелина, учителя Чичерина. Он был изложен им в обширном труде «Политические призрак», вышедшем в Берлине в 1878 году [Общественная мысль..., 2020, с. 211, 212]. Подвергнув разгромной критике западные «лживые» конституционные институты, он настаивал, что парламент (олигархический) был бы в России инструментом прикрытия произвола верхушки чиновничества. «Нам нужна не кукольная комедия публичных свобод..., а действительное, глубокое, коренное преобразование всей нашей правительственной организации и системы сверху донизу». Под таковым Кавелин понимал возвращение к петровским принципам управления. Соответственно, невлиятельные органы власти Госсовет и Сенат надо было преобразовать.

По замыслу Кавелина, целесообразно было бы создать Законодательный, Судебный и Административный Сенаты (сходное деление предлагал генерал А.И. Дельвиг). Каждый из Сенатов состоял бы из представителей власти и избранных земцев. Судебный был бы меньше, чем другие. Кавелин предлагал постепенное обновление Сенатов в течение 5 лет. Каждый Сенат предлагает императору несколько кандидатур в Председатели, из числа которых император и проводит выборы. Сенаты самоорганизуются внутри себя сами и при этом за ними никто не надзирает. Сместить члена Сената можно только по суду. Остается только четыре министерства: Военное, Морское, МИД и Императорского двора. Два последних Административному Сенату не подчинялись бы, а военные подчинялись бы лишь частично. Остальные министерства, по замыслу автора, превратились бы в Управления во главе с генеральными директорами. Разделение МВД на несколько управлений превратится, по мнению ученого, в явное благо. Законодательный Сенат должен был поглотить все законодательные органы. Необходимо положить конец законодательному хаосу в империи и сосредоточить эту функцию в одном месте. Судебный Сенат должен поглотить Минюст и дать судам реальную независимость. Главный директор юстиции (по управлению) являлся бы только одним

⁵⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1065. Оп. 5. Д. 10. Л. 3.

из директоров Сената. Судебный Сенат должен был управлять другими органами юстиции, проводить судебную политику, но не рассматривать отдельные дела.

В отношении госслужащего Кавелин предлагал защиту от произвола, допустив его отстранение только по суду. Одновременно отменялись бы все ограничения для привлечения чиновника к ответственности (согласие начальника на привлечение служащего к суду). Местные органы подлежали разделению на губернский административный совет, суды и земские/городские учреждения. Губернский административный совет должен был включать чиновников и земцев. Эти советы должны были вырабатывать общие правила управления, выполнять функции административной юстиции, принимать отчеты чиновников, вести статистику и пр. Совет позволял объединить всех чиновников губернии и предотвратить ведомственное противостояние на местах [Аронов, Садков, 2005, с. 48–53; Либерализм..., 2016, с. 583–601].

Несмотря на идеалистическую и нереалистичную конструкцию Кавелина мы можем понять мотивы ученого. В идеальной конструкции Кавелина явно прослеживалось стремление сформировать единое госуправление при сохранении автономии отдельных элементов власти.

Судебная власть подлежала восстановлению. Мировые суды подлежали усилению, их компетенция должна была быть расширена. Предложения Кавелина вели к тому, что съезд мировых судей уезда превращался бы в главный судебный орган в своем микрорегионе. С передачей в эти съезды апелляционных полномочий ученый предлагал ликвидировать большинство окружных судов и палат, превратив оставшиеся в кассационные инстанции и органы судебного управления. Также ученый предлагал существенно преобразовать процессуальное право. Например, ввести присяжных заседателей в гражданское судопроизводство, отменить ограничения суда по расследованию преступлений, отменить монополию прокуратуры при обвинении в суде и пр. [Либерализм..., 2016, с. 601–602].

Кавелин признавался, что политически его реформа не будет признана. Но, по его мнению, надо исходить из общественной цели. Существует угроза нового усиления власти бюрократов. Кавелин предлагал способы избежать этого, указывая, что император будет играть роль регулятора. Наделяя верховную власть такими якобы «естественными» способностями, как разумность, справедливость, беспристрастность, легалист доходил до крайне идеалистических рассуждений, искусственно отделяя имперскую власть от камарильи, которая окружала престол [Либерализм..., 2016, с. 605–612].

Через три года Кавелин пересмотрел свой «сенатский» проект и составил новый план переустройства в работе «Бюрократия и общество». Единоначалие, профессиональная деформация высших чиновников и нарушение связи между коллегиальными органами и императором – все это создавало замкнутую среду, отчуждение от народа, рассуждал ученый.

Кавелин вносил ряд реформаторских предложений. Например, он предлагал повысить статус Комитета министров, вводя обязательное заслушивание доклада министра в Комитете до подачи императору. Надо было ввести представителей от земств (выборных) в состав Госсовета. Сенат, Комитет министров и Госсовет должны получить право делать доклады императору. Для реформ необходимо было создать Временный Верховный Распорядительный Совет (включив в него исключительно нравственных людей!), который должен был провести либеральные меры, в том числе отмену смертной казни, амнистию, ввести свободу совести, печати, религии и пр. Этот же Совет должен преобразовать госуправление в России. Такой идеалистический либеральный проект, полностью оторванный от реальности, был написан после убийства царя в 1881 году [Либерализм..., 2016, с. 514–623].

27 августа 1887 года, находясь в Биаррице (Франция), государственный секретарь А.А. Половцов написал обширное письмо своему другу и покровителю великому князю Владимиру Александровичу Романову. В нем он воспроизвел свою записку, сделанную им для императора Александра II в 1877 году в бытность его сенатором 1-го Департамента Сената. А.А. Половцов предлагал ряд либеральных мер по реформированию государственной системы. Так, он просил предоставить Госсовету право законодательной инициативы, право земским собраниям и городским думам вносить законопроекты в Госсовет, а сами

земцы получили бы доступ для работы в Госсовете. Также в Госсовет допускались бы зрители, расширялась гласность. Госсовет получил бы право создавать подготовительные комиссии, куда призывал бы экспертов. Расширялись права Госсовета по бюджету. Законодательные дела из Комитета министров надо передать в Госсовет, а текущие – в Сенат. Комитет министров, по замыслу А.А. Половцова, должен был превратиться в орган политической власти. Совет министров сенатор рассматривал в качестве органа административной власти. Эти меры означали бы превращение Госсовета в реальный парламент.

А.А. Половцов подвергал состояние Сената резкой критике. Высший суд наполнился разными отставными чиновниками, превратился в канцелярию Минюста и потерял уважение. Надо восстановить авторитет Сената, подчинить ему министерства, отделить должности министра юстиции и генерал-прокурора. Сенат должен получить своего руководителя. Степень участия министров в Сенате должна снизиться. Надо прекратить пересмотр дел Сената в Госсовете. Прокуроры должны быть ограничены в суде и пр. А.А. Половцов призывал расширять состав Сената не только за счет чиновников, кардинально изменить дело-производство. Все это означало бы усиление судебной власти в России⁵⁷.

Масса конституционных проектов поступала высшим должностным лицам империи в 1879–1881 гг. в период новой волны реформ. В науке выделяют проекты: С.А. Муромцева – В.Ю. Скалона – А.И. Чупрова; проекты П.А. Валуева, Н.П. Игнатъева, Д.А. Милютина; проект великого князя Константина Николаевича; проект М.Т. Лорис-Меликова; проект А.Д. Градовского; проект Б.Н. Чичерина [Конституция графа..., 1893, с. 21, 27–30, 36–41; Сергей Андреевич Муромцев..., 1911, с. 31–32; Леонтович, 1995, с. 260–264; Глушкова, 2001, с. 232, 265; Аронов, Садков, 2005, с. 56, 62–67; Конституционные проекты в России..., 2010, с. 43–48, 443–454; Чичерин, 2010, с. 122–132; Российский либерализм..., 2018, с. 12–14]. Большинство проектов предполагало создание либо парламента, либо введения «экспертов» (из земцев) при Госсовете.

В начале 1880-х годов в разгар либеральных реформ эпохи «диктатуры сердца» выдвигались новые оригинальные планы преобразования. Например, 24 апреля 1881 года обер-прокурор 1-го Департамента Сената Г.А. Евреинов, один из легалистов, направил М.Т. Лорис-Меликову очередной проект реформ. Проект был составлен зимой 1880–1881 гг. и изначально предназначался для покойного царя.

Вначале он подчеркивал, что монархия является совершенной формой государственного устройства, а для России – единственно возможной в связи с ее размерами (этот аргумент, приведенный еще Екатериной II, так и не был до сих пор подтвержден какими-либо серьезными аргументами). Русский царь – «святыня», по словам юриста. Ограничение его власти невозможно.

В то же время государственное устройство России, по мнению Евреинова, было совершенно неудовлетворительным. Ни один орган власти не имел авторитета, кроме Сената. Комитет министров не развился в самостоятельное учреждение, Госсовет был непопулярен. Отсутствовал законопроектный (законосовещательный) орган. Так, 2-е отделение императорской канцелярии превратилось в орган, переиздающий Свод Законов империи. Перечисляя многочисленные недостатки, Евреинов сводил все беды к одному источнику – бюрократии. Он справедливо замечал, что ее некомпетентные действия порождали революционное движение, в том числе при принятии законов вносилось много личного (интересов отдельных лиц), общественное обсуждение не проводилось. Соответственно, эти акты применялись плохо⁵⁸.

Прокурор агрессивно критиковал бюрократическую систему. Он подчеркивал, что она наполняется карьеристами. Первые четыре классов чина (2 649 «статских генералов») – ровно ничем не заняты (по мнению Евреинова). Табель о рангах породил замкнутую бюрократическую касту⁵⁹.

Какой же выход предлагал сенатор? Необходимо вернуть былое влияние Сената. Евреинов предлагал разделить Сенат на три палаты: Палаты дел законодательных (департа-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 8–42.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–10.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 19–20.

мент законов и экономии), Палаты дел исполнительных (департамент управления и государственного контроля), Палаты верховного кассационного суда (департаменты уголовные и гражданские). При Сенате состоит госсекретарь (член Министерского Совета).

Евреинов предлагал оставить 90 сенаторов – по 30 в каждой палате. Сыновей и братьев императора Евреинов предлагал перевести в состав Сената. Пожилых сенаторов можно было перевести в Общее собрание сенаторов («кладбище маразматиков», по выражению А.Ф. Кони). Итого состав сенаторов составлял бы 120 человек (в 1881 году в Сенате числилось 220 сенаторов). Все сенаторы получали бы одинаковое содержание⁶⁰.

Проект Евреинова предполагал утверждение закона только через Сенат. «Всякое распоряжение, на силе действующего закона не основанное, для проведения в исполнение требует издание нового закона и не может получить осуществление путем испрошения Высочайшего повеления на изъятие частного случая от применения к нему закона существующего»⁶¹.

Министры должны быть ответственны перед Сенатом. По жалобам или заявлению сенатора Сенат рассматривает правильность или законность распоряжений министров. Комитет министров, различные комиссии и департаменты подлежали ликвидации. II отделение канцелярии необходимо было превратить в кодификационное отделение государственной канцелярии (с подчинением Сенату)⁶².

Евреинов предлагал ввести должность председателя Совета министров, а подготовку дел возложить на государственного секретаря. Важнейшие вопросы (война и мир, чрезвычайные меры и пр.) следовало бы обсуждать с участием первоприсутствующих сенаторов. Большинство дел (все мелкие дела) следовало рассматривать в Совете министров и не докладывать их императору⁶³.

Интерес представляет мнение сенатора о народном представительстве в России. Евреинов верно отмечал, что реформы Александра II вызвали «поток жизни». Постройка плотин на пути потока приведет либо к застою, либо к прорыву этих препятствий. Необходимо призвать земство к управлению, это укрепит власть. В земстве находится здоровый (разумный) консерватизм, который находится в оппозиции к власти из-за ошибок в государственной политике. Пока же консерватизм «проваливается». При удушающем засилье бюрократии проваливается и здоровый консерватизм, и здоровый либерализм, утверждал сенатор.

Бюрократы, стоя у власти, вообще склонны смешивать консерватизм с произволом, а либерализм – со слабостью и распущенностью. Либерализм в печати часто вырождается в ханжество. В итоге общество радикализуется (допустив людей к представительной системе, мы нейтрализуем их желание бороться с системой). В числе прочих аргументов о необходимости введения представительных учреждений в России Евреинов приводил рост кредита доверия к власти в Европе.

Разово приглашать земцев к совещанию (вариант М.Т. Лорис-Меликова) – полумера, которая разожжет аппетиты и ничего не даст. Необходимо было создать парламент – Государственную Земскую Думу. Лиц, имеющих активное избирательное право, надо ограничить цензами, а имеющих пассивное право ограничивать не надо. 1/3–1/2 сенаторов Законодательной палаты Сената должна состоять из депутатов Думы⁶⁴. Рассуждая о своем проекте Земской Думы, сенатор предлагал направлять в нее по два депутата от губернии и некоторое количество от крупных городов. Земско-городская Дума позволила бы сформировать профессиональный состав. Внося такое предложение, Евреинов сознательно или бессознательно создавал преимущества для своей политической группы – правых либералов. Именно из них состояло большинство членов земских собраний и городских дум.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–12.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 13.

⁶² ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 13–14.

⁶³ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 13–14.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 130. Л. 5–19.

Таким образом, уникальность проекта Евреинова заключалась в том, что он предлагал до такой степени усилить судебную власть, что она бы превратилась в наиболее влиятельный орган власти в империи. Таков «судебный» проект переустройства государственного аппарата, разработанный либеральным легалистом – судьей.

Важно обратить внимание, что в «эпоху доверия» (министерство П.Д. Святополк-Мирского в 1904–1905 гг.) проект Евреинова был извлечен из архива и рассматривался наряду с другими проектами переустройства России.

Заключение

Особенностью легалистских проектов конституций было повышенное внимание, которое они уделяли правосудию [Сергей Андреевич Муромцев..., 1911, с. 31–32; Российский либерализм..., 2018, с. 12–14]. Многие современные исследователи не уловили это постоянное педалирование роли суда в правовом государстве, а пропагандировали усиление судебной власти именно выходцы из юридической сферы – легалисты. Исследователи заметили земский конституционализм, правительственный конституционализм и по большей части пропустили юридический конституционализм, отнеся те его фрагменты, которые бросались в глаза (Б.Н. Чичерин), к тем или иным разновидностям других политических направлений.

Мы можем говорить о складывании уже в 1860–1870-е годы трех консервативно-либеральных подходов к переустройству России. Первый, легалистский (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, Г.А. Евреинов, А.А. Половцов и пр.), предполагал расширение власти суда до такой степени, что Сенат становился главным органом власти в империи. Второй, земский (П.А. Долгоруков, П.А. Валуев, Н.П. Игнатъев, А.И. Васильчиков, А.А. Кошелев и пр.), предполагал «увенчать здание» земского самоуправления высшим представительным учреждением – Земским Собором. Здесь звучали нотки славянофильства, дворянской ностальгии. Третий, чиновничий (П.А. Шувалов, Н.А. Куломзин, М.Т. Лорис-Меликов, в. к. Константин Николаевич и пр.), предполагал сформировать законосовещательный придаток (в разных вариантах) к Госсовету для «успокоения населения». Конечно, эти три варианта не противопоставлялись друг другу, так как все они находились в парадигме консервативного либерализма. Они дополняли друг друга, часто заимствовали идеи, неоднократно повторяли общие концепции.

Несмотря на конечный провал этих проектов в условиях наступившего консервативного разворота сами идеи и их авторы никуда не делись. Проекты обновлялись, появлялись новые. Концепции государственного переустройства России, зажившие своей жизнью, продолжали приносить новые идейные плоды в XX веке.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 652 (Владимир Александрович, великий князь). Оп. 1. Д. 649 (Письма к в. к. Владимиру Александровичу от Половцова А.). ГАРФ. Ф. 1729 (Святополк-Мирский Петр Дмитриевич). Оп. 1. Д. 130 (Записка Г.А. Евреинова представлена министру юстиции об устройстве государственной власти в царской России).
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1065 (Драгоманов Михаил Петрович). Оп. 5. Д. 10 (Шишманов И.Д. О проектах русской конституции, существовавших в «бюрократических сферах России»).

Список литературы

Аронов Д.В., Садков В.Г. 2005. Либеральные проекты Основного закона России: историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели. Орел, Орл. гос. техн. ун-т, 347 с.
Барыкина И.Е. 2017. Государственное управление Российской империи второй половины XIX века (особые формы и специальные институты): дисс ... д-ра ист. наук, Санкт-Петербург, 457 с.
Бурдукова И.И. 1999. Становление и развитие конституционных идей в России. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 255 с.

- Ведерников В.В., Китаев В.А. Луночкин А.В. 1997. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX века. Москва, Магистр, 38 с.
- Глушкова С.И. 2001. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, АМБ, 250 с.
- Гросул В.Я. 2020. Генезис российского либерализма. Актуальные проблемы истории России. Сб. ст. Москва, АИРО-XXI: 6–32.
- Динаева З.Д. 2020. Либерально-консервативное учение о правовом государстве в политико-правовой мысли России второй половины XIX – начала XX вв.: дис ... канд. юрид. наук. Грозный, 245 с.
- Китаев В.А. 1998. Конституционный вопрос в политических взглядах Б.Н. Чичерина 1870 – начала 1880-х гг. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 3(11): 23–29.
- Китаев В.А. 2004. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, Издательство Саратовского университета, 380 с.
- Колупаев Д.В. 2003. Конституционное общественное движение в России на рубеже 1850–1860 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 229 с.
- Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX века. 2010. Москва, РОССПЭН, 640 с.
- Конституция графа Лорис-Меликова. 1893. Лондон, Издание фонда вольной русской прессы, 43 с.
- Куликов С.В. К истории создания законодательной Государственной Думы. 2013. Николай II, У.Т. Стэд и манифест 17 октября 1905 г: Таврические чтения, 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Межд. науч. конф. Санкт-Петербург, ЭлекСис: 19–62.
- Леонтович В.В. 1995. История либерализма в России (1762–1914). Москва, Русский путь, 444 с.
- Либерализм: pro et contra, антология. 2016. Санкт-Петербург, РХГА, 981 с.
- Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т.: Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX в. 2020. Москва, РОССПЭН, 486 с.
- Осипов С.В. 2006. Первые шаги Российского парламентаризма: борьба за народное представительство в 1904–05 гг. Ульяновск, УлГТУ, 121 с.
- Петров Ф.А. 1993. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века. *Отечественная история*. 4: 32–47.
- Российский либерализм: Идеи и люди. 2018. Т. 2: XX век. Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Москва, Новое издательство, 946 с.
- Сафронова Ю.А. 2009. Российское общество в поисках методов и средств борьбы с терроризмом (1879–1881). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 118: 68–74.
- Сергей Андреевич Муромцев. 1911. Сб. статей. Москва, Изд. М. и С. Сабашниковых, 441 с.
- Сладкевич Н.Г. 1962. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 286 с.
- Спицина Е.В. 2023. Объединительные тенденции и конституционная идея в российском общественно-политическом движении конца 1870-х – середины 1880-х гг.: дис ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 304 с.
- Токарева Д.В. 2010. Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX – первой четверти XX века: дис ... канд. ист. наук. Орел, 212 с.
- Чернуха В.Г. 1978. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Ленинград, Наука, 248 с.
- Чичерин Б.Н. 2010. Воспоминания. Том 2. Москва, Издательство им. Сабашниковых, 529 с.
- Чичерин Б.Н. 1906. Конституционный вопрос в России. Санкт-Петербург, Типография «Товарищества печатного станка», 34 с.
- Шацилло К.Ф. 1985. Русский либерализм накануне революции. 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. Москва, Наука, 346 с.

References

- Aronov D.V., Sadkov V.G. 2005. Liberal'nye proekty Osnovnogo zakona Rossii: istoricheskaya evolyutsiya, opyt i perspektivy postroeniya modeli [Liberal Projects of the Basic Law of Russia: Historical Evolution, Experience and Prospects for Building a Model]. Orel, Orl. gos. tekhn. un-t, 347 p.

- Barykina I.E. 2017. Gosudarstvennoe upravlenie Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX veka (osobyie formy i spetsial'nye instituty) [Public Administration of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century (Special Forms and Special Institutions)]. diss ... d-ra ist. nauk. Sankt-Peterburg, 457 p.
- Burdukova I.I. 1999. Stanovlenie i razvitie konstitutsionnykh idey v Rossii [Formation and Development of Constitutional Ideas in Russia]. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv. Sankt-Peterburg, 255 p.
- Vedernikov V.V., Kitaev V.A. Lunochkin A.V. 1997. Konstitutsionnyy vopros v russkoy liberal'noy publitsistike 60–80-kh gg. XIX veka [The Constitutional Question in Russian Liberal Journalism of the 60–80s of the XIX Century]. Moscow, Magister, 38 p.
- Glushkova S.I. 2001. Problema pravovogo ideala v russkom liberalizme [The Problem of the Legal Ideal in Russian Liberalism]. Ekaterinburg, AMB, 250 p.
- Grosul V.Ya. 2020. Genezis rossijskogo liberalizma. Aktual'nye problemy istorii Rossii [Genesis of Russian Liberalism. Current Problems of Russian History]. Collection of Articles. Moscow, AIRO-XXI: 6–32.
- Dinaeva Z.D. 2020. Liberal'no-konservativnoe uchenie o pravovom gosudarstve v politiko-pravovoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX – nachla XX vv. [Liberal-Conservative Doctrine of the Rule of Law in the Political and Legal Thought of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]: dis. ... kand. jurid. nauk. Groznyy, 245 p.
- Kitaev V.A. 1998. Konstitutsionnyy vopros v politicheskikh vzglyadakh B.N. Chicherina 1870 – nachala 1880-kh gg. [Constitutional Issue in Political Views of B.N. Chicherin in 1870 – Early 1880s]. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 3(11): 23–29.
- Kitaev V.A. 2004. Liberal'naya mysl' v Rossii (1860–1880 gg.) [Liberal Thought in Russia (1860–1880s)]. Saratov, Saratov University Publishing House, 380 p.
- Kolupaev D.V. 2003. Konstitutsionnoe obshchestvennoe dvizhenie v Rossii na rubezhe 1850–1860 gg. [Constitutional Social Movement in Russia at the Turn of the 1850–1860s: Author's Abstract]: avtoref. dis... kand. ist. nauk. Barnaul, 229 p.
- Konstitutsionnye proekty v Rossii. XVIII – nachalo XX veka. 2010 [Constitutional Projects in Russia. XVIII – Early 20th Centuries]. Moscow, ROSSPEN, 640 p.
- Konstitutsiya grafa Loris-Melikova. 1893 [The Constitution of Count Loris-Melikov]. London, Izdanie fonda vol'noy russkoy pressy, 43 p.
- Kulikov S.V. 2013. K istorii sozdaniya zakonodatel'noy Gosudarstvennoy Dumy. Nikolay II, U.T. Sted i manifest 17 oktyabrya 1905 g. [On the History of the Creation of the Legislative State Duma. Nicholas II, W. T. Stead and the Manifesto of October 17, 1905]. Tauride Readings 2012. Actual Problems of Parliamentarism: History and Modernity. Int. Scientific Conf. St. Petersburg, ElecSis: 19–62.
- Leontovich V.V. 1995. Istoriya liberalizma v Rossii (1762–1914) [History of Liberalism in Russia (1762–1914)]. Moscow, Russkiy put', 444 p.
- Liberalizm: pro et contra, antologiya. 2016 [Liberalism: pro et contra, Anthology]. Sankt-Peterburg, RKhGA, 981 p.
- Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneyshikh vremen do serediny XX v.: v 4 t. – t. 3: Obshchestvennaya mysl' Rossii vtoroy chetverti XIX – nachala XX v. 2020 [Social Thought of Russia: from Ancient Times to the Mid – 20th Century: in 4 Volumes – V. 3: Social Thought of Russia in the Second Quarter of the 19th – Early 20th Century]. Moscow, ROSSPEN, 486 p.
- Osipov S.V. 2006. Pervye shagi Rossiyskogo parlamentarizma: bor'ba za narodnoe predstavitel'stvo v 1904–05 gg. [The First Steps of Russian Parliamentarism: The Struggle for Popular Representation in 1904–05]. Ul'yanovsk, UIGTU, 121 p.
- Petrov F.A. 1993. Zemsko-liberal'nye proekty pereustroystva gosudarstvennykh uchrezhdeniy v Rossii v kontse 70-kh – nachale 80-kh gg. XIX veka [Zemstvo-Liberal Projects for the Reorganization of State Institutions in Russia in the Late 70s – Early 80s of the XIX Century]. *Otechestvennaya istoriya*. 4: 32–47.
- Rossiyskiy liberalizm: Idei i lyudi [Russian Liberalism: Ideas and People], pod obshch. red. A.A. Kara-Murzy. T. 2: XX vek. 2018. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 946 p.
- Safronova Yu.A. 2009. Rossiyskoe obshchestvo v poiskakh metodov i sredstv bor'by s terrorizmom (1879–1881) [Russian Society in Search of Methods and Means of Combating Terrorism (1879–1881)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 118: 68–74.

- Sergey Andreevich Muromtsev. Sb. Statey. 1911 [Sergei Andreevich Muromtsev. Collection of Articles]. Moscow, Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 441 p.
- Sladkevich N.G. 1962. Ocherki istorii obshchestvennoy mysli Rossii v kontse 50-kh–nachale 60-kh godov XIX veka (Bo'ba obshchestvennykh techeniy v gody pervoy revolyutsionnoy situatsii) [Essays on the History of Social Thought in Russia in the Late 50s – Early 60s of the XIX Century (The Struggle of Social Currents During the Years of the First Revolutionary Situation)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 286 p.
- Spitsina E.V. 2023. Ob"edinitel'nye tendentsii i konstitutsionnaya ideya v rossiyskom obshchestvenno-politicheskom dvizhenii kontsa 1870-kh – serediny 1880-kh gg. [Unifying Tendencies and Constitutional Idea in the Russian Socio-Political Movement of the Late 1870s – Mid 1880s]. dis ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 304 p.
- Tokareva D.V. 2010. Konstitutsionnye proekty i kontseptsii v russkoy liberal'noy mysli vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX veka [Constitutional Projects and Concepts in Russian Liberal Thought of the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century]. dis ... kand. ist. nauk. Orel, 212 p.
- Chernukha V.G. 1978. Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. XIX v. [Domestic Policy of Tsarism from the Mid-50s to the Early 80s of the XIX Century]. Leningrad, Nauka, 248 p.
- Chicherin B.N. 2010. Vospominaniya. Tom 2 [Memories. Volume 2]. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 529 p.
- Chicherin B.N. 1906. Konstitutsionnyy vopros v Rossii [Constitutional Question in Russia]. Sankt-Peterburg, Tipografiya «Tovarishchestva pechatnogo stanka», 34 p.
- Shatsillo K.F. 1985. Russkiy liberalizm nakanune revolyutsii. 1905–1907 gg. Organizatsiya. Programmy. Taktika [Russian Liberalism on the Eve of the Revolution. 1905–1907. Organization. Programs. Tactics]. Moscow, Nauka, 346 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.08.2024

Received 18.08.2024

Поступила после рецензирования 11.11.2024

Revised 11.11.2024

Принята к публикации 14.11.2024

Accepted 14.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рыбин Данил Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский институт, Всероссийский государственный университет юстиции, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0003-4851-2235](https://orcid.org/0000-0003-4851-2235)

Danil V. Rybin, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, St. Petersburg Institute, All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

УДК 94(47).08
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-980-992
Оригинальное исследование

Противоэпидемическая деятельность органов городского самоуправления в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX в.

Кузнецов В.В.

Воронежский институт Министерства внутренних дел России,
Россия, 394065, г. Воронеж, просп. Патриотов, 53

E-mail: vvk.vspu@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются основные направления противоэпидемической деятельности органов городского самоуправления в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX века. Выделяются и характеризуются превентивные и специальные противоэпидемические меры, вырабатываемые на местах, а также реализуемые городскими сообществами во взаимодействии или по поручению губернского и центрального аппаратов управления. Формируются выводы относительно эффективности деятельности городского самоуправления в сфере здравоохранения. Источниковую базу исследования составили материалы фондов Государственного архива Курской области. Статистическая основа исследования сформирована из опубликованных сведений, представленных в Обзорах Курской губернии. Специфика правового регулирования деятельности городского самоуправления в сфере здравоохранения определена на основании Городовых положений 1870 г. и 1892 г.

Ключевые слова: местное самоуправление, городские думы, городские управы, уездные города, Курская губерния, здравоохранение, эпидемии

Для цитирования: Кузнецов В.В. 2024. Противоэпидемическая деятельность органов городского самоуправления в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX в. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 980–992. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-980-992.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Anti-Epidemic Activity of City Self-Government Bodies in the County Towns of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries

Vadim V. Kuznetsov

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russia

E-mail: vvk.vspu@yandex.ru

Abstract. The article examines the main directions of anti-epidemic activity of self-government bodies in the county towns of the Kursk province in the late 19th – early 20th centuries. The author highlights preventive and special anti-epidemic measures developed locally, as well as those implemented by urban communities in cooperation or on behalf of the provincial and central administrative offices. Conclusions are drawn regarding the effectiveness of the city self-government activities in the field of healthcare. The source base of the study was made up of materials from the funds of the State Archive of the Kursk region, including those devoted to the local government bodies of county towns and the activities of the Kursk province council for zemstvo and city affairs. The information published in The Reviews of the Kursk Province was used as the statistical basis of the study. The author determines the specifics of the legal regulation of the city self-government activities in the field of healthcare on the basis of the City Regulations of 1870 and 1892.

Keywords: local government, city councils, county towns, Kursk province, healthcare, epidemics

For citation: Kuznetsov V.V. 2024. Anti-Epidemic Activity of City Self-Government Bodies in the County Towns of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 980–992 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-980-992

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Санитарно-эпидемиологическая обстановка в российских уездах в середине XIX века характеризовалась регулярными вспышками различных инфекционных заболеваний, плохо развитым медицинским обслуживанием и неудовлетворительным санитарным состоянием населенных мест. Высокая смертность от заболеваний и недостаточная организация противоэпидемической работы были характерны для всего Центрального Черноземья, в том числе Курской губернии. Как писал К.А. Краснобородько, в первой половине 1960-х годов в губернии насчитывалось всего 14 больниц в уездных центрах и одна в г. Курске с общей вместительностью 458 коек, что обеспечивало одно больничное место на 3 831 человека. Эффективность оказываемого лечения хорошо иллюстрировалась последствиями распространения холеры в 1855 г., из-за которой погибло 43 % заболевших [Краснобородько, 2008, с. 33]. И если холера вспыхивала краткосрочными эпидемиями, длящимися обычно 1–2 года, то многие заболевания имели долгосрочный характер и требовали постоянной эффективной профилактики и лечения (см. таблицу 1).

Таблица 1
Table 1

Динамика заболеваний в Курской губернии в конце XIX в – начале XX в.⁶⁵
The dynamics of diseases in the Kursk province in the late 19th – early 20th century

Название заболевания	Количество зафиксированных случаев заболеваний по годам					
	1886 г.	1889 г.	1893 г.	1897 г.	1902 г.	1904 г.
Грипп	н/д *	3 239	13 755	12 211	н/д	23 814
Тиф	4 099	7 221	11 929	8 983	4 450	3 864
Коклюш	2 322	3 275	8 297	8 849	8 210	7 925
Дизентерия	4 783	5 813	6 974	8 163	4 968	3 538
Холера азиатская	0	0	5 375	0	0	0
Скарлатина	5 725	1 624	2 332	2 085	1 928	3 299
Дифтерит	2 209	3 075	2 244	10 496	н/д	5 369
Корь	4 622	3 861	2 214	6 763	5 234	2 869
Заушница	н/д	191	1 775	3 089	1 737	6 631
Оспа	298	691	642	601	316	560
Холера европейская	0	0	364	0	20	20
Круп	н/д	181	213	625	н/д	2 188
Рожа	н/д	190	н/д	2 833	2 307	2 189
Сибирская язва	33	114	н/д	440	266	200

* н/д – нет данных.

Качественные перемены в указанной сфере обозначились во время проведения Великих реформ. В первую очередь в период модернизации претерпела изменение система губернского здравоохранения: попечение о народном здравии осуществляли врачебные отделения в составе губернского правления, земства, полиция и другие элементы губернского аппарата, в том числе городские органы местного самоуправления. Одной из ключевых задач в сфере здравоохранения для

⁶⁵ Обзор Курской губернии за 1886 год. Курск, 1887. С. 47–49; Обзор ... за 1889 год. С. 67–74; Обзор ... за 1893 год. С. 56–63; Обзор ... за 1897 год. С. 85–91; Обзор ... за 1902 год. С. 68–70; Обзор ... за 1904 год. С.59–61.

городского самоуправления была противоэпидемическая деятельность, включавшая комплекс мер по профилактике, предотвращению распространения и пресечению эпидемических болезней.

Тема здравоохранения в деятельности местного самоуправления хорошо известна в научном сообществе и рассматривалась многими авторами: Е.М. Смирновой [Смирнова, 2018], В.Ю. Кузьминым [Кузьмин, 2005], В.В. Назаровым [Назаров, 2003], А.Г. Захарян [Захарян, 2008] и другими. Противоэпидемиологическая деятельность городского самоуправления во взаимодействии с земствами в Курской губернии исследовалась К.А. Краснобородько [Краснобородько, 2010]. О механизмах обеспечения нужд населения в сфере здравоохранения в курских городах писали М.А. Сергиенко [Сергиенко, 2008] и А.И. Чвикалова [Чвикалов, 2017]. Вместе с тем основное внимание авторов было обращено борьбе с заболеваниями в губернском городе Курске, тогда как указанное направление деятельности самоуправления уездных городов в регионе остается малоизученным.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов городского самоуправления по реализации санитарно-противоэпидемических мер в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX века.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности, историзма, системности, а также статистический метод. Принцип научной объективности позволяет избежать субъективных оценок и идеологически ориентированных подходов. Принцип историзма побуждает изучать городское самоуправление в развитии с учетом исторической ситуации в стране и регионе. Системный подход позволяет осуществить углубленный анализ городского самоуправления как целостной системы, обладающей особой структурой, выполняющей определенные функции. Статистический метод позволяет проследить динамику заболеваний в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX века.

Источниковую базу исследования составили материалы фондов Государственного архива Курской области, в том числе посвященные городским органам местного самоуправления уездных городов (Ф. 228, Ф. 302, Ф. 377) и деятельности курского губернского по земским и городским делам присутствия (Ф. 54). Статистическая основа исследования сформирована из опубликованных сведений, представленных в Обзорах Курской губернии. Для характеристики правовых пределов деятельности городского самоуправления в сфере здравоохранения использовались Городовые положения 1870 г. и 1892 г.

Результаты и их обсуждение

Основные направления деятельности городов в сфере здравоохранения определяли нормы Городовых положений 1870 г. и 1892 г. в статьях 103 и 108 соответственно. В обязанности самоуправления входили меры по поддержанию чистоты в общественных местах и частных дворах, по контролю за торговлей продуктами питания, по соблюдению санитарных норм при убое скота, по поддержанию чистоты питьевой воды и, наконец, по предупреждению и пресечению заразных болезней⁶⁶. Закон давал определенную свободу в выборе конкретных способов реализации этих направлений с учетом местных особенностей, предписывая по вопросам благоустройства городов издавать обязательные постановления.

Впрочем, менее чем через год после принятия первого Городового положения в губернские и областные центры, где вводилось городское самоуправление по новому образцу, был направлен циркуляр Министерства внутренних дел от 30 апреля 1871 г., содержащий «Времен-

⁶⁶ Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года Городовое положение с объяснениями. СПб, 1870. С. 93–95; Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб, 1894. С. 193–194.

ные правила по предметам городского благоустройства», основанные на нормах Устава строительного, Устава народного продовольствия, Устава пожарного, Устава врачебного и других нормативных источниках, имевших общегосударственную силу⁶⁷. Этот акт необходимо было использовать до принятия в городе собственного обязательного постановления по вопросам благоустройства, к тому же логика законодателя предполагала его использование в качестве базы для локальных актов городских дум с возможностью корректировки и дополнения.

В материалах Государственного архива Курской области удалось найти немало обязательных постановлений по благоустройству уездных городов, которые, наряду с предписаниями, поступавшими из губернского центра, и отчетами о деятельности городских управ, позволили представить систему мер, вырабатываемых и реализуемых органами местного самоуправления для обеспечения и поддержания народного здоровья.

Весь комплекс мер можно разделить на превентивные и специальные. К первым относились общие нормы по поддержанию удовлетворительного санитарного состояния в городах, ко вторым – комплекс специальных мер, направленных на борьбу с эпидемиями.

Базовым условием предупреждения распространения инфекций было поддержание чистоты в городе. В Судже, например, владельцы недвижимости обязывались утром и вечером производить очистку прилегающих ко двору улиц, а также лавок от навоза и сора, если двор граничил с площадью, то очищать пространство на пять сажень от границы участка. Площади убирали за счёт средств города, как и улицы, где проходили ярмарки и базары⁶⁸. В частных домах ретирадные места и помойные ямы обслуживались по мере необходимости, не допуская излишнего накопления нечистот, причем для уничтожения «зловония» отхожие места поливали или посыпали дезинфицирующими средствами. Не дозволялось устройство ретирад и помойных ям, как и временной свалки навоза, во дворах рядом с соседними усадьбами и улицами. Содержимое ретирад и помойных ям должно было вывозиться очистителями за город в указанное управой место⁶⁹. В Обояни в дополнение к указанным мерам требовалось нечистоты вывозить только в закупоренных бочках с 12 до 3 часов ночи и не по главным улицам. Ретирадные и помойные места должны были располагаться в глубине двора, не ближе 3 сажень к фундаменту зданий и соседским дворам⁷⁰. Немаловажным элементом обеспечения чистоты являлись надзор за исполнением обязательных постановлений и определение насущных потребностей городов. Так, в 1892 году в Рыльске было поставлено на вид, что из-за нехватки ретирадных мест на базарной площади люди справляли естественные нужды между лавок, в связи с этим 22 июля 1892 г. Санитарная комиссия просила управу немедленно приступить к постройке общественного отхожего места на базарной площади⁷¹.

Стоит отметить, что обязательные постановления по вопросам благоустройства городов были достаточно гибкими актами, которые менялись и дополнялись по инициативе городских обществ или губернского правления. Например, 27 июня 1913 г. Управлением главного врачебного инспектора был направлен циркуляр № 795 «О санитарном благоустройстве фабрично-заводских предприятий и горных промыслов и о санитарном надзоре за ними», который устанавливал, что постановления, составляемые городскими общественными управлениями, могут включать общие требования, касающиеся санитарного благоустройства занятых фабрично-заводскими предприятиями и горными промыслами территорий (в том числе охрана чистоты воздуха, воды и почвы и устранение вредных в санитарном отношении влияний указанных предприятий на окружающее население); санитарные требования по устройству и содержанию жилых помещений для рабочих⁷². Указанные нормы по поручению губернатора быстро получили свое место в обязательных постановлениях городов Курской губернии.

⁶⁷ Там же. С. 217, 703–714.

⁶⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 74–74 об.

⁶⁹ Там же. Л. 78–78 об.

⁷⁰ Там же. Л. 172 об.

⁷¹ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 285. Л. 4, 9.

⁷² ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2210. Л. 65–66 об.

Следующей превентивной мерой было обеспечение городского населения чистой питьевой водой, основными источниками которой являлись природные водоемы, находившиеся в пределах города, артезианские и ключевые колодцы, в редких случаях – водопровод. Вопросу водоснабжения уделяли особое внимание из-за повышенной опасности в эпидемиологическом отношении. В Судже городские колодцы очищались домовладельцами, запрещалось сваливать навоз и сор на берегу реки, как и в саму реку⁷³. В Обояни по течению реки в пределах городского поселения, откуда допускалось брать воду для питья, запрещалось стирать бельё, неочищенную шерсть, полоскать крашенные изделия, купаться, купать лошадей, собак и других животных. Во дворах не разрешалось устраивать колодцы ближе 4 сажень от ретирадных мест и помойных ям⁷⁴. Во время эпидемий местные власти могли запретить использование воды из рек, как это было в 1911 г. в Рыльске. В таком случае воду допускалось брать только из колодцев, куда добавляли известь и мел⁷⁵.

Города строго следили за водовозным промыслом. Например, в Дмитриеве никто не мог выполнять эту работу в черте города без разрешения городской управы. Для получения разрешения требовалось подать заявление с представлением свидетельства местной полиции о своей благонадежности. Если же разрешение бралось на работника, то, кроме этого документа, хозяева обязаны были представить управе письменное ручательство в благонадежности их работника. Каждому водовозу выдавалась типовая книжка, заверенная печатью городской управы, с обозначением номера водовоза, таксы за возку воды, правил водовозного промысла с листами чистой бумаги для записи домовладельцами жалоб на водовозов. Выданную книжку водовозы обязывались иметь при себе и предъявлять по первому требованию домовладельцам, полиции и городской управе. Все водовозы имели бочки одного образца, утвержденного городской управой совместно с полицией, окрашенные с наружной стороны масляной краской, с обозначением на ней номера водовоза, указанного в книжке. Воду позволялось брать только из городского артезианского колодца, «не отказываясь везти воду куда бы то ни было в пределах городской черты по требованию жителя города и по установленной таксе». Доставка жителям воды из реки, а также из ключевых колодцев запрещалась, а виновные привлекались к ответственности полицией или городской управой по ст. 115 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями⁷⁶.

Появление водопровода в городе позволяло решить подобные проблемы, однако основной причиной, тормозившей развитие коммунальной инфраструктуры в городах, была слабая наполняемость бюджетов, деньги из которых в основном расходовались на содержание полиции, пожарных команд и нужды воинских контингентов [Кузнецов, 2020]. В губернии водопровод сравнительно рано появился в Белгороде и Курске (в последней трети XIX века), тогда как в большинстве уездных городов был устроен только в начале XX века. Строительство водопровода было важным шагом для развития любого уездного города, вместе с тем самоуправление могло позволить себе такие расходы только при появлении значительного сверхсметного дохода, к примеру, от продажи городской недвижимости. Своеобразный выход из ситуации нашли в г. Короче. 12 марта 1901 г. Корочанская дума приняла решение ходатайствовать о получении разрешения на строительство в городе водопровода «концессионным способом» (за счёт средств инвестора, в результате чего инвестор получал возможность эксплуатировать объект на возмездной основе, собирая доход в свою пользу). Прошение было удовлетворено курским правлением. 7 августа 1901 г. в Министерство внутренних дел направили первое представление № 1353, дополненное впоследствии заключением Курского губернского по земским и городским делам присутствия № 2011. Хозяйственный департамент МВД 28 ноября 1901 г. согласовал проведение кон-

⁷³ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 76.

⁷⁴ Там же. Л. 173–173 об.

⁷⁵ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 582. Л. 8, 9.

⁷⁶ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2022. Л. 31–32.

курса на устройство водопровода по концессионному договору, от самоуправления требовалось своевременно представить на утверждение министерства проект договора на постройку и эксплуатацию водопровода, а также таксу за пользование им⁷⁷.

Источником распространения инфекций традиционно были места торговли продуктами питания, поэтому городское самоуправление стремилось обезопасить население от недобросовестных торговцев и некачественных продуктов. Продавать мясо и рыбу в городах разрешалось только в мясных рядах. Торговцы обязывались содержать свои лавки, столы и полки в чистоте, для чего утром и вечером предписывалось «промывать их дочиста». Не допускалось накопление нечистот, от которых мясо могло протухнуть и навредить здоровью покупателей. Мясную продукцию следовало накрывать чистыми холщевыми тряпками, в некоторых городах – пропитывать эти покрывала дезинфицирующим раствором. В Судже продавцам предписывалось носить белые фартуки. Продажа продуктов во время ярмарок или базаров на улицах, в местах, не предназначенных для торговли, не допускалась⁷⁸. Запрещалась продажа незрелых фруктов и овощей⁷⁹.

24 сентября 1904 г. губернаторам был разослан циркуляр Ветеринарного управления МВД № 1150, содержавший «Правила браковки мясных продуктов» и рекомендацию принять обязательные постановления о надзоре за убоем скота и мясными продуктами. Правила не допускали к убою для употребления в пищу крупный рогатый скот, телят, овец, коз и свиней моложе 14 дней, а лошадей – 30 дней, больных или сильно истощенных животных. Документ содержал перечень из 63 заболеваний, которые являлись основанием для браковки мяса⁸⁰. Определялся и порядок допуска мяса в продажу. При исследовании убитых животных ветеринарный врач осматривал тушу и внутренние органы, обращая внимание на различные особенности для отдельных животных. Для каждой свиной туши, например, требовалось «производить микроскопическое исследование» на присутствие трихин. Любая мясная туша или ее часть, осмотренная ветеринарным врачом и подлежащая к выпуску с городской бойни, должна была отмечаться особым клеймом, налагаемым безвредной краской, выжиганием (для свиных туш) или пломбами. Клейма или пломбы накладывались в соответствии с принятой разделкой туш на каждую отдельную часть и на каждую конечность. Доброкачественное мясо имело клейма синего цвета или пломбы круглой формы. На клеймах или пломбах обозначалась бойня, где было убито и осмотрено животное, а также время осмотра. Без этого мясо не могло быть выпущено в продажу⁸¹.

Если в городе не было скотобойни, порядок убоя животных, утилизации отходов, выделки шкур и допуска мяса к употреблению или продаже регулировали обязательными постановлениями. Лица, занимающиеся убоем скота, обязывались перед убоем уведомить полицию, которая приглашалась для освидетельствования животного ветеринаром или каким-либо из других врачей. После чего выдавалось разрешение на убой и свидетельство об осмотре скота⁸².

В 1892 г. в города Курской губернии был направлен циркуляр губернатора от 28 июля 1892 г. № 2625 о необходимости устройства скотобоев⁸³. При открытии городской скотобойни и салотопни все частные лица должны были обращаться за этими услугами только в городские заведения. Также запрещалось иметь во дворах в черте городского поселения склады сырых кож и продавать их на базарных площадях⁸⁴.

Наконец, поддержание народного здоровья обеспечивалось появлением новых больниц в уездах, в том числе по инициативе и за счет городских обществ. Так, 21 июля 1898 г. Белгородская городская управа направила губернатору представление, в котором говорилось о том, что в

⁷⁷ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1022. Л. 1–7.

⁷⁸ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 80, 81 об.

⁷⁹ Там же. Л. 173.

⁸⁰ Там же. Л. 425–430 об.

⁸¹ Там же. Л. 431–432.

⁸² Там же. Л. 79.

⁸³ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 811. Л. 92.

⁸⁴ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 172 об., 173 об.

результате продажи казне земельного участка на городском выгоне в местном бюджете появилась свободная от городских обязанностей сумма в размере 12 379 руб. 20 коп., которую местное самоуправление решением, принятым городской думой 17 июня 1898 г., желает использовать на устройство в Белгороде больницы имени Императора Александра II. 5 сентября того же года хозяйственный департамент Министерства внутренних дел согласовал прошение⁸⁵.

Таким образом, превентивные меры, предпринимаемые городским самоуправлением для предупреждения появления и распространения заболеваний, можно подразделить на меры по поддержанию удовлетворительного санитарного состояния в общественных и частных местах; контролю за оборотом продуктов питания, норм их выработки и продажи; обеспечению населения питьевой водой и надзору за поддержанием её чистоты; а также развитию инфраструктуры здравоохранения.

Специальные меры предполагают противодействие эпидемиям в городах. Нормы, направленные на борьбу с распространившимися болезнями, были разнообразны по своим источникам и адресатам: могли инициироваться центральным или губернским аппаратами управления, а также на местном уровне. Мы рассмотрим те из них, которые становились обязанностями городского самоуправления в контексте двух эпидемий чумы, начавшихся в Курской губернии в 1892 г. и 1911 г.

В 1892 г. в европейской части России началась эпидемия азиатской холеры, которая задела и Курскую губернию (см. таблицу 2). Появление заболевания в пределах государства было прогнозируемо, так как вспышки холеры в 1891 г. фиксировались в соседних странах. В этой связи шаги по борьбе с болезнью начали предпринимать еще до ее распространения. В 1892 г. в Правительственном вестнике были напечатаны правила, составленные медицинским департаментом Министерства внутренних дел, «Об организации санитарно-исполнительных комиссий»⁸⁶.

Таблица 2

Table 2

Распространение азиатской холеры в Курской губернии в 1892–1893 гг.⁸⁷
 The spread of Asian cholera in Kursk province in 1892–1893

Уезд	Количество зараженных населенных пунктов		Заболевших, чел.		Умерших, чел.	
	1892 г.	1893 г.	1892 г.	1893 г.	1892 г.	1893 г.
Рыльский	26	3	375	37	н/д*	12
Щигровский	22	9	105	80	н/д	41
Льговский	15	10	112	103	н/д	40
Путивльский	9	5	120	117	н/д	50
Суджанский	38	9	577	176	н/д	83
Белгородский	44	11	1 035	210	529	107
Обоянский	51	16	673	227	н/д	87
Тимской	23	31	388	257	н/д	105
Дмитриевский	13	20	14	382	7	119
Корочанский	41	35	381	417	н/д	166
Грайворонский	32	20	830	427	349	145
Старооскольский	76	43	969	455	456	176
Новооскольский	55	42	649	544	н/д	254
Фатежский	48	73	171	804	н/д	258
Курский	117	73	2 555	1 139	1 132	354
Всего	610	400	8 954	5 375	4 151	1 977

*н/д – нет данных.

⁸⁵ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 785. Л. 1–1 об, 5.

⁸⁶ Правительственный вестник. 1892. № 123.

⁸⁷ Обзор Курской губернии за 1892 год. Курск, 1893. С. 64–65; Обзор ... за 1893 год. С. 59–60.

Санитарно-исполнительные комиссии в уездных городах учреждались из врачей и представителей городского самоуправления для подготовки и осуществления противохолерных мероприятий. В компетенцию комиссий входили: контроль качества питьевой воды и продуктов питания, их хранения и продажи; поддержание чистоты городских улиц и частных домовладений с правом требовать устранения свалок нечистот; организация холерных кладбищ; дезинфекция помещений, в которых располагались заболевшие, после их смерти или выздоровления; принятие решений о запрете массовых мероприятий: ярмарок, базаров, церковных праздников. К прочим полномочиям комиссий относилось инспектирование больниц и заведений, где размещались больные холерой, а также ведение статистики распространения эпидемии. Исполнение требований комиссий обеспечивалось поддержкой полиции.

На примере города Рыльска проследим порядок работы одной из таких структур. 14 июля 1892 г. в письме № 379 уездный предводитель дворянства указывал городскому голове на необходимость создания Уездного санитарного комитета ввиду опасности распространения холеры. 20 июля 1892 г. комиссия направила первое постановление в Рыльскую городскую управу о привлечении в город медицинского персонала, в каждый из пяти образованных участков: врача, фельдшера и двух санитаров. Расходы на жалование персонала предписывалось подготовить к 20 августа 1892 г. 22 июля 1892 г. комиссия просила управу: немедленно приступить к постройке общественного отхожего места на базарной площади; организовать сбор ящиков для вывоза нечистот и навоза; приступить к ремонту и чистке колодцев в городе; уведомить лиц, занимающихся вывозом нечистот, что если они будут требовать больше 50 коп. за вывоз 1 ящика, то они будут заменены; приобрести 10 лопат, несколько тачек и негашеную известь для начала работ по дезинфекции. В августе по поручению комиссии и земского исправника управой было определено место для погребения в случае эпидемии. Им стал участок «около 300 сажень ниже Богословского кладбища, где в 1877 и 1878 годах были погребены пленные турки». Владельцам трактирных заведений управа рассылала повестки, в которых просила уменьшить цену на чай и кипяченую воду, открыть в балагане на базарной площади место продажи чая по низким ценам. 8 сентября 1892 г. заведующий рыльской городской эпидемической больницей сообщал управе, что в городе началась эпидемия холеры. К 6 ноября количество заболевших составляло 84 человека. 9 октября 1892 г. секретарь санитарной комиссии сообщал в управу о том, что эпидемическая больница переполнена и требуется предоставить другое помещение для больных. 20 октября санитарная комиссия постановила просить городскую управу обязать кладбищенских сторожей не допускать погребения умерших без заключения врача⁸⁸. Как видно из представленной хронологии событий, основными задачами комиссий были инспектирование и организация противоэпидемических мероприятий в городе во взаимодействии с местным самоуправлением.

Во время эпидемии холеры 1911 г. в Курской губернии упоминается действовавшая в масштабах всего региона губернская санитарно-исполнительная комиссия, которая устанавливала требования общего характера для всех населенных пунктов и определяла органы, ответственные за их исполнение⁸⁹.

Для информирования населения о правилах предупреждения заражения холерой и её распространения Министерством внутренних дел формировались памятки, которые впоследствии распространялись губернским правлением и земствами. Так, 2 августа 1892 г. Рыльская уездная земская управа направила в городскую управу 50 экземпляров наставлений «о мерах предохранения от холеры» для жителей города⁹⁰. В июле 1892 г. Врачебное отделение губернского правления передало экземпляры «Наставления для производства дезинфекции жилых помещений, белья, одежды, мягких постельных принадлежностей и

⁸⁸ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 285. Л. 5–10 об., 16, 25–26, 41, 43.

⁸⁹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2022. Л. 71–71 об.

⁹⁰ Там же. Л. 14.

извержений больных при заразных заболеваниях» городским врачам и фельдшерам⁹¹. Контроль за исполнением рекомендаций и требований, изложенных в перечисленных и аналогичных правилах, ложился на органы городского самоуправления.

Наряду с общими предписаниями в период распространения инфекционных заболеваний правительством принимались акты, направленные на урегулирование частных ситуаций. Примером могут служить «Временные правила о погребении умерших от холеры магометан»⁹² (мусульман), на основании которых органам самоуправления предписывалось ограничивать проведение религиозных обрядов. В городах с татарским населением обряд омовения умерших от холеры магометан допускался только на холерных кладбищах. В случае смерти от холеры труп умершего следовало обернуть в простыню, обильно смоченную раствором сулемы крепостью 1:600 – 1:1 000, уложить в осмоленный ящик с плотно закрывающейся крышкой и в таком виде отвезти на холерное кладбище. Обряд омовения совершали назначенные лица, присутствие посторонних строго запрещалось, причем лица, проводившие обряд, перед возвращением в свои дома проходили дезинфекцию. Место проведения обряда обрабатывали под наблюдением врача и фельдшера, а предметы, использованные для омовения, закапывали вместе с телом и засыпали негашеной известью.

Основной объем противоэпидемических мер определялся на уровне губернии с учетом фактического состояния дел. Так, 28 июня 1892 г. городским управам был направлен циркуляр курского губернатора № 142. Ввиду появления в пределах европейской России и возможности занесения в Курскую губернию холеры городским головам предписывалось обратить особое внимание на санитарное состояние и озаботиться изысканием способов к ассигнованию необходимых сумм для принятия предупредительных мер на случай появления болезни в местностях Курской губернии⁹³. Городам рекомендовалось направить средства на приобретение дезинфекционных веществ, медикаментов, выделить помещения для организации больницы на случай холеры и на случай изоляции первых заболевающих, изыскать средства на жалование медицинскому персоналу – частным врачам и фельдшерам – за наблюдение за санитарной частью, а также за производство дезинфекции⁹⁴.

Одна из предупредительных мер уточнялась в циркуляре губернатора от 18 июня 1892 г. № 1848 о назначении санитарных попечителей в городах⁹⁵. Стоит отметить, что упоминания о санитарных попечителях встречаются в актах городских дум периода становления городского самоуправления по новому образцу. Например, в обязательном постановлении г. Курска, утвержденном 14 марта 1878 года, описывались обязанности «участковых попечителей»: наблюдение за точным исполнением жителями города санитарных правил, за уничтожением нечистот во дворах в помойных ямах, отхожих местах, на улицах и в особенности городских площадях, в руслах по течению рек, в мясных и рыбных лавках, на кожевенных заводах, устроенных среди города, на зловонных клеевых и войлочных фабриках, в скотобойнях, в гостиницах, общественных заведениях, в домах, занимаемых мастерскими, и в банях, которые служат источником распространения болезней из-за гниения застаивающейся воды под полами и зловония⁹⁶. Во время эпидемии холеры 1892 г. по распоряжению губернатора требовалось разделить город на участки и поручить попечителям осуществлять контроль за выполнением обязательных постановлений, принимаемых городской думой, по противоэпидемическим вопросам. На вверенном попечителю участке он должен был опрашивать население о состоянии здоровья, сообщая о каждом заболевшем врачу и полиции.

Во время очередной эпидемии холеры в письме курского губернатора городским управам от 30 апреля 1911 г. указывалось, что привлечение населения к участию в охране

⁹¹ Там же. Л. 23.

⁹² Там же. Л. 34.

⁹³ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 811. Л. 46.

⁹⁴ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 285. Л. 3 об.

⁹⁵ Там же. Л. 3.

⁹⁶ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 168.

санитарного благоустройства и наблюдению за точным исполнением установленных санитарных правил показало себя «наиболее действенной мерой по улучшению санитарного состояния населенных мест», поэтому Министерство внутренних дел рассмотрело этот метод не только как временный и подготовило «Примерные основные положения об организации и порядке деятельности участковых санитарных попечительств», рекомендовав ввести их в губерниях с необходимыми корректировками и дополнениями⁹⁷.

Текст положения был разослан в циркуляре МВД № 11 от 6 апреля 1911 г.⁹⁸ Санитарные попечительства открывались по постановлению городской думы и находились в непосредственном ведении городской санитарной комиссии, при ее отсутствии – городской управы. Попечительству утверждалась определенная территория деятельности, аналогично делению города на административные, врачебные, санитарные или другие участки. Все члены санитарного попечительства избирались городской думой и финансировались за счет городских средств. В состав попечительства входили: санитарный врач, состоящий на городской службе, и двое гласных, а также все живущие на участке врачи, представители благотворительных учреждений и прочие горожане, «пользующиеся уважением и доверием населения». Председателем попечительства являлся один из гласных и занимал эту должность на срок своих полномочий в городской думе. Председатель приглашался на все заседания санитарной комиссии и совещания по санитарным вопросам при городской управе с правом голоса. Не менее раза в месяц попечительство собиралось для обсуждения подведомственных вопросов.

Попечители имели широкие полномочия: знакомились с санитарным состоянием участков и с причинами нарушения санитарных требований; исследовали все неблагоприятные условия, способствующие появлению и распространению эпидемических болезней; доводили до населения обязательные постановления по санитарной и ветеринарной части, правила гигиены; заботились об устранении причин заболеваний и поддержании условий проживания несостоятельной части населения в безопасном состоянии. По этому вопросу они могли взаимодействовать с общественными и частными благотворительными учреждениями. Побуждали домовладельцев, управляющих фабрик, заводов и прочих к сознательному соблюдению установленных санитарных правил и обязательных постановлений городской думы. Осуществляли контроль за общественными, частными и казенными сооружениями для водоснабжения, источниками водоснабжения (реки, озера, колодцы) и сооружениями для удаления нечистот; общественными местами (площадям, улицы, сады, кладбища); любыми жилыми помещениями, общественными и промышленными зданиями; разного рода торговыми и ремесленными заведениями, связанными с производством продуктов питания; общественными средствами передвижения; условиями жизни и труда ремесленных и промышленных заведений. В случае неисполнения требований закона или обязательных постановлений по санитарной части городской думой члены попечительства могли привлечь виновных к судебной ответственности или сообщить городской санитарной комиссии, городской управе или полиции о нарушении. Для этого они наделялись правами составления протоколов о нарушениях правил, возбуждения «судебного последования и обличения виновных перед судом», взимания компенсаций за расходы по устранению нарушений. Попечители могли вносить представления в городскую управу о необходимых мерах по поддержанию санитарного благосостояния подведомственного участка.

Наконец, акты городских дум включали некоторые специальные меры противодействия эпидемиям. Так, в каждом обязательном постановлении можно найти схожие нормы о том, что домовладельцы в случае появления «заразительной или повальной» болезни обязывались незамедлительно уведомить об этом городскую полицию и городскую управу, обратиться за советом к городскому, уездному, земскому или любому практикующему врачу.

⁹⁷ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 582. Л. 4–4 об.

⁹⁸ Там же. Л. 5–6 об.

Широко распространены были запреты на ввоз в города и продажу на базарах и ярмарках сырых, невыделанных кож из тех мест, где были эпидемии⁹⁹.

Некоторые города уделяли противоэпидемическим вопросам особое внимание, что выразилось в уникальных для губернии нормах. Например, в соответствии с постановлением, составленным Путивльской городской думой в 1903 г., при появлении холеры, чумы или другой повальной болезни город разделялся на санитарные округа или участки. В каждый участок приглашался один из гласных или членов особо избранной думой комиссии из домовладельцев для заведывания участком. Правила, подлежащие исполнению во время эпидемий, печатались и рассылались жителям города городской управой бесплатно. В каждом участке заблаговременно определялось помещение, которое оборудовалось для размещения больных. Для ухода за больными приглашались врачи и фельдшеры по усмотрению управы. Адреса приглашенных врачей и фельдшеров сообщались городской управой домовладельцам. Перед врачами, проживавшими в городе, городская управа ходатайствовала оказывать бесплатную помощь беднейшим жителям, а с содержателями аптек договаривалась о понижении цен на лекарства, отпускаемые для бедных больных. В случае сильного распространения эпидемии городской управе предоставлялось право, независимо от участковых гласных думы, избирать через каждые 10–15 домов особых попечителей из владельцев городского имущества, списки которых представлялись на утверждение думы¹⁰⁰. Подобные примеры указывают на стремление органов самоуправления решать местные вопросы путем выработки нетиповых методов, следовательно, заинтересованность в результатах деятельности.

Заключение

По реформе 1870 г. органы городского самоуправления получили значительные свободы в вопросах развития подведомственных им территорий. Главной проблемой благоустройства стали скудные бюджеты городов, обремененные обязанностями по содержанию некоторых государственных структур. Вместе с тем во многих сферах, в том числе охране здоровья населения, местное самоуправление стремилось развивать городскую инфраструктуру, изыскивая средства на строительство больниц, водопроводов, благоустройство городских улиц. В периоды эпидемий города брали на себя часть расходов по содержанию медицинского персонала, приобретение лекарств и обеспечение санитарно-противоэпидемических мер.

Обеспечение санитарно-противоэпидемических мер во многом реализовывалось путем привлечения городских домовладельцев. Так, поддержание чистоты улиц, водоемов и иных источников питьевой воды, организация производства и продажи продуктов питания, внутренний контроль исполнения санитарных правил в периоды эпидемий, осуществляемые городскими сообществами своими силами и за свой счёт, показали себя наиболее действенными средствами. Об этом свидетельствует и государственная политика по закреплению некоторых методов, выработанных на местах, на общегосударственном уровне. Таким образом, деятельность городского самоуправления, в особенности в уездных городах, лишенных серьезных экономических опор, способствовала созданию благоприятных условий в сфере здравоохранения.

Список источников

- Высочайше утвержденное 16 июня 1870 года Городовое положение с объяснениями. СПб., 1870. [2], 241 с.
- Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1894. XVI, 816 с.
- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 785.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 1022.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2022.

⁹⁹ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.

¹⁰⁰ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2210. Л. 101 об. – 102.

- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2210.
ГАКО. Ф. 228. Обоянская городская Дума. Оп. 1. Д. 811.
ГАКО. Ф. 302. Рыльская городская управа. Оп. 1. Д. 285.
ГАКО. Ф. 302. Рыльская городская управа. Оп. 1. Д. 582.
ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Городская дума и городская управа. Оп. 1. Д. 2.
Обзор Курской губернии за 1886 год. Курск, 1887. 55, [79] с.
Обзор Курской губернии за 1889 год. Курск, 1890. 88 с.
Обзор Курской губернии за 1892 год. Курск, 1893. 76 с.
Обзор Курской губернии за 1893 год. Курск, 1894. 77, [101] с.
Обзор Курской губернии за 1897 год. Курск, 1898. 109, [112] с.
Обзор Курской губернии за 1902 год. Курск, 1903. [4], 84, [61] с.
Обзор Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905. [4], 86, [45] с.
Правила «Об организации санитарно-исполнительных комиссий». Правительственный вестник. 1892. № 123.

Список литературы

- Захарян А.Г. 2008. Деятельность Российского государства по развитию системы управления здравоохранением в XVIII – начале XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 219 с.
Краснобородько К.А. 2008. Земская медицина Курской губернии середины 60-х годов XIX – начала XX века. *Вестник Челябинского государственного университета*. 5 (106): 32–38.
Краснобородько К.А. 2010. Становление и развитие земской медицины в Курской губернии в середине 60-х гг. XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 239 с.
Кузнецов В.В. 2020. Формирование и деятельность всесословного самоуправления в уездных городах Воронежской губернии (1870–1918 гг.). Воронеж, 254 с.
Кузьмин В.Ю. 2005. История земской медицины России и влияние на неё государства и общественности (1864 – февраль 1917 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 527 с.
Назаров В.В. 2003. Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е гг. XIX – начале XX вв. (по материалам Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 219 с.
Сергиенко М.А. 2008. Городское самоуправление провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 199 с.
Смирнова Е.М. Становление системы здравоохранения в российской провинции. 1775–1914 гг. (по материалам региона Верхней Волги). Дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 470 с.
Чвикалов А.И. 2017. Учреждения общественного самоуправления (земское и городское) в губерниях Центрального Черноземья России во второй половине XIX – начале XX в.: организационный и социальный аспекты. Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 701 с.

References

- Zacharyan A.G. 2008. Deyatel'nost' Rossijskogo gosudarstva po razvitiyu sistemy` upravleniya zdoravooxraneniem v XVIII – nachale XX vekov [The Activity of the Russian State in the Development of the Healthcare Management System in the XVIII – Early XX Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 219 p.
Krasnoborod'ko K.A. 2008. Zemskaya medicina Kurskoj gubernii serediny` 60-x godov XIX – nachala XX veka [Zemstvo Medicine of Kursk Province in the mid-60s of the XIX – early XX Century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 5 (106): 32–38.
Krasnoborod'ko K.A. 2010. Stanovlenie i razvitie zemskoj mediciny` v Kurskoj gubernii v seredine 60-x gg. XIX – nachale XX vv. [Formation and Development of Zemstvo Medicine in Kursk Province in the mid-60s of the XIX – Early XX Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 239 p.
Kuznecov V.V. 2020. Formirovanie i deyatel'nost' vsesoslovnogo samoupravleniya v uezdny`x gorodax Voronezhskoj gubernii (1870–1918 gg.) [Formation and Activity of the All-Theological Self-Government in the County Towns of the Voronezh Province (1870–1918)]. Voronezh, 254 p.
Kuz'min V.Yu. 2005. Istoriya zemskoj mediciny` Rossii i vliyanie na neyo gosudarstva i obshhestvennosti (1864 – fevral' 1917 gg.) [The History of Russian Zemstvo Medicine and the Influence of the State and the Public on it (1864 – February 1917)]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Samara, 527 p.

- Nazarov V.V. 2003. Deyatel'nost' zemskix uchrezhdenij v oblasti zdravooxraneniya v 60-e gg. XIX – nachale XX vv. (po materialam Saratovskoj gubernii) [The Activities of Zemstvo Institutions in the Field of Healthcare in the 60s of the XIX – Early XX Centuries (Based on the Materials of the Saratov Province)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 219 p.
- Sergienko M.A. 2008. Gorodskoe samoupravlenie provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Kurskoj gubernii) [Urban Self-Government of Provincial Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (on the Example of Kursk Province)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 199 p.
- Smirnova E.M. Stanovlenie sistemy' zdravooxraneniya v rossijskoj provincii. 1775–1914 gg. (po materialam regiona Verxnej Volgi) [The Formation of the Healthcare System in the Russian Province. 1775–1914 (Based on Materials from the Upper Volga Region)]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Nizhnij Novgorod, 470 p.
- Chvikalov A.I. 2017. Uchrezhdeniya obshhestvennogo samoupravleniya (zemskoe i gorodskoe) v guberniyax Central'nogo Chernozem'ya Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: organizacionny'j i social'ny'j aspekty' [Institutions of Public Self-Government (Zemstvo and Urban) in the Provinces of the Central Chernozem Region of Russia in the Second Half of the XIX – Early XX Century: Organizational and Social Aspects]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Voronezh, 701 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.09.2024

Received 19.09.2024

Поступила после рецензирования 07.11.2024

Revised 07.11.2024

Принята к публикации 11.11.2024

Accepted 11.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецов Вадим Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт Министерства внутренних дел, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0009-0003-6045-0310](https://orcid.org/0009-0003-6045-0310)

Vadim V. Kuznetsov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Associate Professor of the Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines Department, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

УДК 93/94(351.746.1)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-993-1002

Оригинальное исследование

Организация полицейского надзора за проституцией в Таврической губернии (начало XX века)

Шерстнёв Р.А.

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: schrus00@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены малоизвестные сюжеты надзора за проституцией в Таврической губернии начала XX столетия. Кратко показана история легализации проституции в Российской империи, приведены основные нормативно-правовые акты по этому вопросу начиная с 1843 г. Рассмотрены особенности действий местных властей в разных регионах страны в отношении организации надзора за проституцией – от активного создания специальных межведомственных врачебно-полицейских органов до полного игнорирования проблемы. Выявлено, что в отношении Таврической губернии практически нет исследований, посвященных истории полицейских органов и их деятельности по контролю за проституцией в городах губернии. В качестве источника выступает массив документов Государственного архива Республики Крым из фондов городских полицейских управлений и Симферопольского врачебно-полицейского комитета. Сделан вывод о том, что полицейские Таврической губернии в начале XX в. достаточно успешно решали проблему надзора за проституцией.

Ключевые слова: Российская империя, Таврическая губерния, проституция, полицейские органы

Для цитирования: Шерстнёв Р.А. 2024. Организация полицейского надзора за проституцией в Таврической губернии (начало XX века). *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 993–1002. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-993-1002.

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Organization of Police Supervision of Prostitution in the Taurida Province in the Early 20th Century

Ruslan A. Sherstnev

Kursk State University,
33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russia
E-mail: schrus00@mail.ru

Abstract. The article examines little-known stories of prostitution supervision in the Taurida province in the early 20th century. It highlights the history of prostitution legalization in the Russian Empire and cites the main legal acts on this issue starting from 1843. An analysis of historiography has shown that the attitude towards prostitution in domestic legislation changed over time – from the “prohibitory” decrees of the 17th – 18th centuries to its practical legalization in the 1840s. It was at that time that a whole series of regulations were issued standardizing the “responsibilities” of prostitutes and brothel keepers, obliging them to coordinate their “activities” with police authorities. The author examines the specifics of local authorities' actions in different regions of the country in relation to organizing prostitution supervision – from establishing special interdepartmental medical and police agencies to ignoring the problem. It has been revealed that there are practically no studies on the history of police agencies and their activities in controlling prostitution in the cities of the Taurida province. The source is a body of documents from the State Archives of the Republic of Crimea drawn from the funds of city police departments

© Шерстнёв Р.А., 2024

and the Simferopol Medical and Police Committee. The findings allow the author to conclude that in the early 20th century, the police of the Taurida province solved the problem of prostitution supervision quite successfully.

Keywords: Russian Empire, Tauride province, prostitution, police agencies

For citation: Sherstnev R.A. 2024. The Organization of Police Supervision of Prostitution in the Taurida Province in the Early 20th Century. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 993–1002 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-993-1002.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Деятельность органов внутренних дел всегда вызывает общественный интерес и большой резонанс, так как затрагивает важнейшие сферы жизни социума: охрана правопорядка, обеспечение законности, профилактика правонарушений и т. п. находятся в их зоне ответственности. В современных условиях сотрудники министерства внутренних дел (далее МВД) выполняют целый ряд жизненно важных функций – от борьбы с наркоманией и алкоголизмом до участия в военных действиях по защите суверенитета страны. История отечественных полицейских органов, являющихся составной частью МВД, всегда привлекала внимание исследователей; первые попытки были предприняты еще в досоветской историографии [Борщик, 2024]. Не меньший интерес вызывают возложенные на органы полиции функции по надзору за проституцией, отношение к которой у власти и общества Российской империи всегда было неоднозначным [Зюбан, 2009; Зюбан, 2011; Нижник, 2012]. История проституции и отношение властных структур к этому явлению привлекает и зарубежных исследователей [Bloch, 1907; Bullough, Bullough, 1978]. Но органы полиции Таврической губернии, их комплектование, функции, кадровый состав и т. п. пока не стали предметом специального исследования. По этой тематике существуют публикации лишь самого общего характера [История полиции Крыма... , 2018; Микитюк, 2019; Шерстнёв, 2024]. Можно констатировать отсутствие публикаций о проституции и контроле органов полиции за ее состоянием в Таврической губернии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает деятельность органов полиции Таврической губернии. В настоящей статье сделана попытка раскрыть механизм надзора полицейскими органами за динамикой развития проституции в регионе; введением ограничительных и профилактических мер в отношении всех участников процесса «любоострастия» – собственно проституток, потребителей их «услуг» и содержателей публичных домов. В отечественной научной литературе предпринимались усилия специалистами разных отраслей знания изучить феномен проституции [Мартыненко, 2012; Алихаджиева, 2021] и его влияние на развитие общества, но подобных исследований в отношении Таврической губернии не предпринималось. В этой связи представляется важным рассмотреть нормативы как центральных властей, так и региональных чиновников по исследуемой тематике, выявить обстоятельства их появления для показа общего и особенного в действиях полицейских; обозначить специфику Таврической губернии в этом отношении. Для освещения исторического контекста описываемых событий привлечены документы Государственного архива Республики Крым (далее ГАРК) из фондов городских и уездных полицейских управлений; использованы также материалы фонда врачебно-полицейского комитета. Поэтому среди методов исследования значимое место занимают общенаучные методы – историзм и объективность, что позволяет рассмотреть события с учетом их научной значимости. Применение хронологического метода обеспечило изучение состояния проституции в Таврической губернии начала XX в. во взаимосвязи с другими явлениями и процессами. Метод обобщения дал возможность сделать необходимые выводы и обозначить перспективные направления для дальнейшего изучения.

Результаты и их обсуждение

Многие специалисты по истории девиантного поведения в России считают, что отечественная нормативно-правовая база в отношении проституции вплоть до середины XIX столетия имела скорее «карательный» характер: известны «запретительные» законодательные инициативы первых российских императоров и императриц в отношении «блудниц», «порочных девок» и «сводней» еще со времен Петра I [Нижник, 2012]. Но и «Устав благочиния, или Полицейский» (1782), принятый во времена Екатерины II и считающийся «родоначальником» учреждения отечественных полицейских органов, определивший их функции на долгие годы, содержал ряд статей, предусматривающих наказания за попытки «непотребством своим ... искать пропитания»¹⁰¹.

Подобное нелегальное положение проституток и всех лиц, причастных к «сексуальной коммерции», сохранялось до начала 1840-х гг. Министр внутренних дел Российской империи Л.А. Перовский с 1841 по 1852 г. [Шилов, 2024] стал крымским землевладельцем в 1834 г., когда приобрел на южном берегу Крыма участок и построил там собственную усадьбу «Меллас». Именно ему принадлежат законодательные инициативы о «легализации» проституции в стране из-за катастрофического распространения венерических заболеваний, переносчиками которых были в первую очередь проститутки. Действительно, в 1843–1844 гг. в Санкт-Петербурге был учрежден врачебно-полицейский комитет «для надзора за состоянием здоровья публичных женщин». Этот норматив имел статус «высочайше утвержденного положения Комитета министров» и предварялся «Запиской министра внутренних дел», гласившей: «Между предметами врачебной полиции особенного внимания заслуживает болезнь любострастия. Гнездясь в больших, многолюдных, промышленных городах, болезнь эта отсюда разливается по всем направлениям, поражает множество народа и, не ограничиваясь гибелью первоначально поврежденных ею, передается из рода в род и грозит будущим поколениям разрушением их физического благосостояния»¹⁰².

Вскоре подобный комитет был учрежден и в Москве с целью «пресечения в народе губительной для здоровья любострастной болезни» для «тщательного надзора за состоянием надзора публичных женщин, главного источника сей заразы»¹⁰³. 29 мая 1844 г. Л.А. Перовский утвердил первые специальные циркуляры о борделях и проститутках; эти документы известны как «Правила содержательницам публичных женщин» и «Правила для публичных женщин» соответственно, где впервые декларировалось, что «бордели открывать не иначе как с разрешения полиции» [О мерах против распространения ..., 1871, с. 290–293].

Эти нормы существовали в неизменном виде вплоть до начала 1860-х гг., но потом были ужесточены: теперь требовалось письменное разрешение всех домовладельцев для открытия борделя в доме; эти заведения должны быть территориально удалены от училищ, церквей и т. п.; повышался возрастной ценз для содержательниц публичных домов и т. п. [О мерах против распространения ..., 1871, с. 293–295].

Несмотря на нормативы центральных властей, на местах не было единства в деле организации надзора за проституцией. К концу XIX в. врачебно-полицейские комитеты были учреждены примерно в двухстах городах Российской империи; столько же городов ограничили возложением этих обязанностей на «чинов городской полиции»; примерно 500 городов вообще никак не регламентировали этот вид деятельности «по причине отсутствия проституции» [Врачебно-полицейский надзор..., 1910; Нижник, 2012; Тарасова, 2016].

К последним относились и города Таврической губернии. Хотя наличие проституции здесь не отрицалось, но специальных врачебно-полицейских комитетов создано не было ни в губерн-

¹⁰¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1830. Собр. 1. Т. XXI. № 15379. СПб. С. 461–488.

¹⁰² Об учреждении в С. Петербурге особой женской больницы и врачебно-полицейского комитета. ПСЗ РИ. 1844. Собр. 2-е. Т. XVIII. № 17213. СПб. С. 593–595.

¹⁰³ Об учреждении в Москве врачебно-полицейского комитета для надзора за состоянием здоровья публичных женщин. ПСЗ РИ. 1845. Собр. 2-е. Т. XIX. № 18047. СПб. С. 430–432.

ском Симферополе, ни в других крупных городах. Из сохранившихся документов в Государственном архиве Республики Крым известно, что в 1857 г. Таврический гражданский губернатор Г.В. Жуковский отдал распоряжение «строго наблюдать за точным исполнением преподанных городским и земским полициям правил об искоренении любово-страстной болезни», для чего обязал городские полицейские управления «составить самые верные списки о находящихся во вверенном их управлении публичных женщинах и еженедельно подвергать их освидетельствованию через медика, отсылая немедленно оказавшихся больными на излечение»¹⁰⁴.

В ГАРК в фонде Симферопольской городской полиции Таврического губернского правления (ф. 197) в деле «Общее о публичных женщинах (об обязательном медицинском осмотре публичных женщин, о доставлении сведений в полицию о вновь открытых борделях)» сохранились сведения о проститутках «на вверенной ему части», собранные 16 июня 1858 г. «приставом 2-й части г. Симферополя:

1. Солдатская дочь Прасковья Романова.
2. Симферопольская мещанка Зейниф Мурамедова дочь.
3. Симферопольская мещанка Куртотай Аблаева дочь.
4. Вдова Курт Каджан Алиева дочь Темирболазова.
5. Причисляющаяся в Бахчисарайские мещане Вера Головченкова»¹⁰⁵.

Судя по документам ГАРК, несмотря на отсутствие врачебно-полицейского комитета в Таврической губернии, в 1860–1870-е гг. региональным властям и органам полиции удалось наладить взаимодействие в вопросах надзора за проституцией. В «Деле о проститутках и домах терпимости» за 1879 г. есть списки проституток, «женщин, секретно занимающихся распутством» и имена содержательниц борделей в Симферополе, предостережения полицейским чинам, которые «будут потворствовать содержательницам публичных домов и находящимся в них женщинам», сведения о введенных «печатных билетах» для публичных женщин, переписка чиновников Таврической врачебной управы с полицмейстером и приставами о контроле состояния здоровья и необходимости врачебных осмотров для проституток и т. п.¹⁰⁶

Но и в городах Российской империи, где были учреждены и активно действовали специальные врачебно-полицейские комитеты, со временем прекращалась их работа. Например, «до 1863 г. в Вильне состоял Особый комитет по надзору за проституцией. Членами его были: губернатор, врачебный инспектор, старший и младший полицмейстеры. <...> в 1863 г. комитет распался ... надзор же полицейский за проституцией перешел в руки полиции». Далее автор сообщал, что в настоящий момент (начало XX в. – авт.) «во главе этого дела стоит полицмейстер», который назначает «заведующего проституционной частью» – как правило, одного из приставов или их помощников [Михайлов, 1903, с. 2].

В 1889 г. в Российской империи под эгидой МВД была проведена первая перепись проституток. В предисловии к изданию отмечалось, что «Центральный статистический комитет ... нашел существенно необходимым подробно исследовать ... положение проституции». Перепись проходила по состоянию на 1 августа 1889 г. «в то время года, когда более всего бывает движения в массе населения, обуславливаемого ярмарками, различными отхожими промыслами и проч.». Согласно этой переписи, в Таврической губернии выявили 24 легальных борделя, в которых «работали» 240 проституток; среди содержательниц публичных домов более 90 % были «еврейского вероисповедания»; еще 67 проституток работали как «одинокки» [Проституция = La prostitution ..., с. 1–2, 44, 46].

В конце XIX – начале XX российская общественность была очень озабочена размахом «секс-индустрии» в городах Империи в связи с кратно увеличившимся числом заразившихся венерическими заболеваниями [Тарасова, 2016; Алихаджиева, 2021]. В это время «на медицинских съездах, в собраниях медицинских обществ» постоянно вставал вопрос о контроле

¹⁰⁴ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 197. Оп. 1. Д. 193. Л. 190.

¹⁰⁵ ГАРК. Там же. Л. 208–209.

¹⁰⁶ ГАРК. Ф. 197. Оп. 1. Д. 405.

состояния здоровья женщин, «отдавшихся промыслу проституции». В публицистике и научно-популярной литературе того времени распространялись идеи о проституции как «сильном агенте в распространении сифилиса» [Федоров, 1897; Манасеин, 1904].

Общественные настроения привели к появлению очередного правительственного норматива – в 1903 г. было утверждено «Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи», в соответствии с которым в обязанности врачебно-полицейских комитетов входили розыск и привлечение к ответственности тайных проститутток, содержателей тайных притонов разврата, сутенеров и лиц, способствующих тайному разврату; подчинение проститутток врачебно-полицейскому надзору и т. д. [Положение об организации надзора..., 1903]. В стране началась волна возобновления деятельности старых и учреждения новых врачебно-полицейских комитетов.

В 1900 г. были обнародованы «Обязательные постановления для городов Таврической губернии относительно проститутток-одиночек»¹⁰⁷, которые наряду с «Положением об организации надзора за городской проституцией в Империи» от 1903 г. стали основанием для начала работы Симферопольского врачебно-полицейского комитета, деятельность которого по документам ГАРК прослеживается с 1909 по 1914 г.¹⁰⁸

Первое заседание Симферопольского врачебно-полицейского комитета состоялось 24 апреля 1909 г. под председательством вице-губернатора Таврической губернии П.Н. Масальского, где присутствовали «губернский врачебный инспектор П.Н. Алянчиков, симферопольский городской голова В.А. Иванов, полицмейстер В.Р. Грюнберг, санитарный врач Медведев, настоятель Петро-Павловской церкви протоиерей А. Попов и протоиерей той же церкви П. Добров»¹⁰⁹.

На этом заседании был обнародован постоянный состав Симферопольского врачебно-полицейского комитета, куда вошли:

- «– врачебный инспектор Александр Александрович Голубинский;
- уездный врач Александр Яковлевич Барановский;
- городской врач Федор Михайлович Невский;
- санитарный врач Иван Константинович Кондорский;
- врач, заведующий венерическим отделением городской больницы Арон Аврамович Ашкенази;
- Симферопольский полицмейстер Георгий Иванович Соколов;
- Симферопольский исправник Петр Хрисанфович Чефранов»¹¹⁰.

Было решено, что в заседаниях комитета будут присутствовать «в качестве приглашенных по необходимости» представители городских властей и духовенства, а также воинских частей, расквартированных в Симферополе. В частности, начальник гарнизона г. Симферополя сообщил Таврическому вице-губернатору, что «в заседаниях врачебно-полицейского комитета постоянным депутатом от войск назначен поручик 51-го пехотного Литовского полка Харагезян, а из врачей – младший врач местного лазарета Мещеринов»; исполняющий обязанности коменданта города Симферополя доложил, что «постоянным депутатом от войск для участия в заседаниях врачебно-полицейского комитета назначен младший врач Крымского конного Е.В. Государыни императрицы Александры Федоровны полка лекарь Левин»¹¹¹.

Первое заседание Симферопольского врачебно-полицейского комитета было посвящено разбору жалоб жителей города Симферополя на наличие публичных домов на центральных улицах столицы Таврической губернии. Например, горожане «из района, прилегающего к улице Миллионной» ходатайствовали о переносе находящихся на этой улице домов терпимости в другое место. Они сообщали, что публичные дома «находятся в центре значительно населенной части города», вблизи «нескольких церквей, мечетей, школ, правительственных и благотворительных учреждений, военного лазарета, казарм и квартир начальствующих лиц», что

¹⁰⁷ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹⁰⁸ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2.

¹⁰⁹ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

в этих домах «имеются оркестры с бубнами, кларнетами, зурнами и проч. инструментами», «женщины этих домов днем и ночью дежурят на улице, привлекая проходящих»; все это «чинит жителям беспокойство и тлетворно влияет на учащихся и молодежь», а кроме того, в этих домах «торгуют спиртными напитками». Полицмейстер В.Р. Грюнберг разъяснил присутствующим на заседании, что в ходатайстве «сгущены краски: никаких оркестров нет, спиртным не торгуют, женщинам строго воспрещено пребывание на улице у домов»; тем не менее было принято решение о переводе подобных заведений на окраины города. Вице-губернатор П.Н. Масальский в своей речи заявил, что «дома терпимости – большое зло», но приходится мириться с их существованием «для борьбы с уличной и тайной проституцией»¹¹².

Второе заседание Симферопольского врачебно-полицейского комитета состоялось 8 июня 1909 г. и было целиком посвящено организационным вопросам. В качестве «приглашенных» в нем участвовали симферопольский городской голова В.А. Иванов, врач Симферопольской губернской земской больницы А.Я. Яновский и симферопольский уездный исправник А.В. Карачон. Председательствующий П.Н. Масальский предложил собравшимся определить форму «организации надзора за проституцией», так как «действующие законения допускают двоякого рода» контроль:

а) учреждение надзора, при коем полицейская и санитарная его части находятся в ведении местной полиции (врачебно-полицейского комитета);

б) учреждение надзора, при коем полицейская часть остается в ведении местной полиции, а заведование санитарной его частью возлагается на местные общественные управления (земства или городские общественные управления)¹¹³.

Городской голова В.А. Иванов сообщил, что вопрос об учреждении особого санитарного бюро он вносил на рассмотрение городской думы, но «последняя высказалась против учреждения такого бюро по той причине, что санитарная часть города вообще не закончена в своей организации», поэтому «не может быть составлено санитарное бюро по надзору за проституцией». Было решено «надзор за проституцией в гор. Симферополе сосредоточить в одном учреждении – врачебно-полицейском комитете». Другими словами, городские власти практически устранились от решения вопросов, связанных с проституцией, передав их губернским чиновникам и полицейским органам.

Поэтому «для ближайшего наблюдения за проститутками», их «аккуратной явкой к врачебному осмотру», «исполнения ими обязательных постановлений» планировалось введение «особых должностей смотрителей: в г. Симферополе по одному на каждую часть, а всего их три; и в г. Бахчисарае и Карасубазаре по одному на каждый город». Предлагалось «означенную должность смотрителя» приравнять «к должности околоточного надзирателя с жалованьем по 600 руб. в год»; пока смотрители не назначены – их обязанности необходимо «возложить на исполнительных чинов полиции»¹¹⁴.

Участники заседания пришли к мысли, что «в целях объединения сил» и «ввиду того, что в Симферопольском комитете председательствует вице-губернатор и участвует врачебный инспектор, ведающий санитарной частью всей губернии, просить г. Таврического губернатора о возбуждении перед МВД ходатайства о наименовании Симферопольского врачебно-полицейского комитета Таврическим губернским и о подчинении ему уездных комитетов»¹¹⁵, которые тоже планировалось учредить. К сожалению, сведений о переименовании Симферопольского врачебно-полицейского комитета, равно как и о деятельности уездных врачебно-полицейских комитетов Таврической губернии, не сохранилось, как и неизвестно, были ли они вообще созданы. В документах ГАРК только есть упоминание о журнале заседания Мелитопольского уездного врачебно-полицейского комитета от 20 января 1910 г.¹¹⁶

¹¹² ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

¹¹³ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 об.

¹¹⁴ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 44 об.

Все дальнейшие заседания Симферопольского врачебно-полицейского комитета проходили примерно по одному сценарию – заслушивались жалобы жителей на деятельность «тайных притонов», завлечение малолетних в публичные дома, «безобразия» в отелях и т. п., а также ответы «полицейских чинов», проверяющих и разбирающихся в каждой конкретной ситуации. В фонде Симферопольского врачебно-полицейского комитета (ф. 48) есть отчет об обнаружении «тайного притона разврата по Мало-Базарной улице в доме Шермана в квартире мещанки Рухли Бенционовны Черепинской, где находились в это время занимающиеся тайной проституцией мещанки Мария Николаевна Квитка и Анна Михайловна Чернушенкова, явившиеся в квартиру Рухли Черепинской для непотребства»; свидетельство о «закрытии лимонадной лавки в г. Симферополе по Фонтанной улице в доме Фрешера, служившей притоном разврата»¹¹⁷ и т. п.

Достаточно большой поток обращений был связан с ходатайствами о разрешении открытия или переносе публичных домов в Симферополе и крупнейших городах Таврической губернии. Например, известны подобные прошения от Минки Качер, Баси Зильберман, Суры Окрент, Симы Цимблер и Ривы Пекер о переносе «содержимых ими на Миллионной улице домов терпимости в 3-ю часть города Симферополя на Артельную и Тамбовскую улицы»; сохранилось прошение «мещанки Рахили Бонгардт» об открытии «по Заводской улице в доме Мосякиной» дома терпимости¹¹⁸.

Еще один важный вопрос в деятельности комитета – контроль за состоянием здоровья проституток, профилактика венерических заболеваний и правонарушений. Эта тема периодически поднималась в выступлениях членов Симферопольского врачебно-полицейского комитета, но без особого успеха. Только на заседании 9 марта 1913 г. удалось достигнуть принципиальных договоренностей с городскими властями «об улучшении врачебного осмотра проституток-одиночек». Было решено на средства Симферопольской городской управы приобрести «инструменты, необходимые для смотрового пункта проституток», а также перевести сам пункт в городскую амбулаторию. Энергичные меры предпринимались для выявления несовершеннолетних проституток. Так, в отчете пристава «2-го участка гор. Симферополя» среди зарегистрированных проституток-одиночек значились «Анна Григорьевна Иванова 17 лет, Екатерина Иванова Кузнецова 17 лет и Мария Никонова Каштанова 17 лет». Члены комитета постановили «произвести об этих проститутках расследование и, если окажется, что они действительно моложе 18 лет, передать их, <...> на попечение родственников, благотворительного общества или в какой-либо приют»¹¹⁹.

Заключение

Органы полиции Российской империи имеют давнюю историю, и их деятельность всегда была связана с важнейшими сферами жизни человека – обеспечение безопасности, законности и правопорядка, решение целого ряда экономических и социальных вопросов. На рубеже XIX–XX вв. к этому перечню добавился надзор за проституцией в городах. Анализ историографии показал, что в отечественном законодательстве с течением времени менялось отношение к проституции – от «запретительных» указов XVII–XVIII вв. до его практической легализации в 1840-х гг. Именно в это время вышел целый ряд нормативов, регламентирующих «обязанности» проституток и содержательниц борделей, обязывающих их согласовывать свою «деятельность» с полицейскими органами. Тем не менее в разных регионах Российской империи местные власти вопросы надзора за проституцией решали по-разному: от полного содействия до неприятия. В ряде городов учреждались врачебно-полицейские комитеты, в функции которых входило выявление и составление списков проституток, контроль за состоянием их здоровья. В других населенных пунктах отрицалось само наличие

¹¹⁷ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 81 об.

¹¹⁸ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 43, 50.

¹¹⁹ ГАРК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 28, 93–93 об.

«официальной» проституции, никаких действий не предпринималось. Центральный статистический комитет МВД Российской империи в 1889 г. впервые провел перепись проституток и опубликовал результаты, вызвавшие широкий общественный резонанс. В 1903 г. было опубликовано «Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи», обязывающие городские власти активизировать усилия по организации надзора за проституцией. В Таврической губернии, согласно документам ГАРК, с 1850-х гг. городские полицейские управления собирали сведения о проститутках и содержательницах борделей и даже ввели особые «билеты» для публичных женщин. Врачебно-полицейский комитет в Симферополе начал свою деятельность в 1909 г., и основные функции в нем выполняли чины городской полиции.

До начала Первой мировой войны члены комитета решили ряд важных вопросов. Во-первых, публичные дома из центра города были перенесены на окраины Симферополя; во-вторых, были составлены самые точные списки проституток, налажено их медицинское освидетельствование; в-третьих, проводилась профилактика правонарушений: выявлялись и закрывались тайные «притоны разврата», пресекалась в них торговля спиртным и вовлечение несовершеннолетних в противозаконную деятельность.

Таким образом, полицейские Таврической губернии в начале XX в. достаточно успешно решали проблему надзора за проституцией в соответствии с законодательством Российской империи того времени.

Список источников

- Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 48. Симферопольский Врачебно-полицейский комитет. Оп. 1. Д. 2. Журналы заседаний Симферопольского Врачебно-полицейского комитета, 24 апреля 1909 г. – 22 февраля 1914 г.
- ГАРК. Ф. 48. Симферопольский врачебно-полицейский комитет. Оп. 1. Д. 17. С разной перепиской Симферопольского Врачебно-полицейского комитета, 1909–1913 гг.
- ГАРК. Ф. 197. Симферопольская городская полиция Таврического губернского правления. Оп. 1. Д. 193. Общее о публичных женщинах (об обязательном медицинском осмотре публичных женщин, о доставлении сведений в полицию о вновь открытых борделях).
- ГАРК. Ф. 197. Симферопольская городская полиция Таврического губернского правления. Оп. 1. Д. 405. О проститутках и домах терпимости.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. XVIII. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1844, 842 с.
- ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XIX. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845, 921 с.

Список литературы

- Алихаджиева И.С. 2021. Проституция как социальное явление: уголовно-правовые и криминологические последствия: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 526 с.
- Борщик Н.Д. 2024. Изучение деятельности органов полиции Российской империи в досоветской историографии. *Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал*. 1. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1085/1390> (дата обращения 15.07.2024 г.)
- Врачебно-полицейский надзор за городской проституцией: в 2 ч. 1910. Ч. 1. Санкт-Петербург, Тип. В. Безобразов и К°. 56 с.
- Зюбан М.Н. 2009. Эволюция царской политики в отношении женской проституции. *Известия Алтайского государственного университета*. 4–4(64): 89–92.
- Зюбан М.Н. 2011. Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. Ученые записки. *Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 3(19). URL: file:///C:/Users/arktu/Downloads/pdf_021-018.pdf (дата обращения: 10.08.2024 г.).
- История полиции Крыма: Хрестоматия. 2018. Под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 414 с.
- Манасеин М.П. 1904. Отчет о деятельности комиссии по вопросу о врачебно-полицейском надзоре за проституцией в связи с общими вопросами борьбы с ней. *Русский медицинский вестник*. 10: 334–345.

- Мартыненко Н.К. 2012. Российское государство и общество в борьбе с проституцией: 1843–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж. 39 с.
- Микитюк Ю.В. 2019. Органы полиции Таврической области (губернии) в конце XVIII – начале XIX века. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. Т. 5(71). 1: 83–92.
- Михайлов Н.И. 1903. Врачебно-полицейский надзор за проституцией в городе Вильне. Вильна: тип. бр. Д. и Х. Яловцер. 18 с.
- Нижник Н.С. 2012. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2(54): 11–18.
- О мерах против распространения любоврастной болезни. 1871. В кн.: Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов. Киев, Тип. Е.Я. Федорова: 290–295.
- Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи. Утв. 8 окт. 1903 г. 1904. Одесса. 8 с.
- Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. 1890. Под ред. А. Дубровского. Санкт-Петербург, [Тип. Мин-ва внутр. дел]. 85 с.
- Тарасова И.А. 2016. К вопросу об установлении врачебно-полицейского надзора за проституцией в Российской империи (середина XIX в.). *Вестник экономической безопасности*. 1: 250–258.
- Федоров А.И. 1897. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. Санкт-Петербург, Тип. С.Петербургского градоначальства. 64 с.
- Шерстнёв Р.А. 2024. Деятельность полиции Таврической губернии в документах Государственного архива Республики Крым. 2 (47). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/50/showToc> (дата обращения: 10.08.2024 г.)
- Шилов Д.Н. 2024. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Библиографический справочник: [в 3-х т.]. Т. 2: М–Э. Санкт-Петербург, Нестор-История, 760 с.
- Bloch, I. 1907. *Das Sexuelleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur*. Berlin: Marcus. 880 p.
- Bullough V.L. and B. Bullough, 1978. *Prostitution: An Illustrated Social History*. Crown Publishers. 336 p.

References

- Alihadzhieva I.S. 2021. Prostituciya kak social'noe yavlenie: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie posledstviya [Prostitution as a Social Phenomenon: Criminal Law and Criminological Consequences]: dis. ... d-ra jurid. nauk. Moscow. 526 p.
- Borshchik N.D. 2024. Izuchenie deyatel'nosti organov policii Rossijskoj imperii v dosovetskoj istoriografii [The Study of the Activities of the Police of the Russian Empire in pre-Soviet Historiography]. *Nauchnyj vestnik Kryma: elektronnyj recenziruemyj zhurnal*. 1. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1085/1390> (data obrashcheniya 15.07.2024 g.)
- Vrachebno-policejskij nadzor za gorodskoj prostituciej [Medical and Police Supervision of Urban Prostitution]: v 2 ch. 1910. Ch. 1. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazov i K°. 56 p.
- Zyuban M.N. 2009. Evolyuciya carskoj politiki v otnoshenii zhenskoj prostitucii [The Evolution of the Tsarist Policy Towards Female Prostitution]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–4 (64): 89–92.
- Zyuban M.N. 2011. Rossijskie doma terpmosti: seredina XIX stoletiya – 1917 g. [Russian Houses of Tolerance: the Middle of the XIX Century – 1917] *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(19). URL: file:///C:/Users/arktu/Downloads/pdf_021-018.pdf (data obrashcheniya: 10.08.2024 g.)
- Istoriya policii Kryma: Hrestomatiya [The History of the Crimean Police: A Textbook]. 2018. Pod obshch. red. S.A. Butkevicha. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii. 414 p.
- Manasein M.P. 1904. Otchet o deyatel'nosti komissii po voprosu o vrachebno-policejskom nadzore za prostituciej v svyazi s obshchimi voprosami bor'by s nej [Report on the Activities of the Commission on the Issue of Medical and Police Supervision of Prostitution in Connection with General Issues of Combating it]. *Russkij medicinskij vestnik*. 10: 334–345.
- Martynenko N.K. 2012. Rossijskoe gosudarstvo i obshchestvo v bor'be s prostituciej: 1843–1917 gg. [The Russian State and Society in the Fight Against Prostitution: 1843–1917.]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Voronezh, 39 p.

- Mikityuk Yu.V. 2019. Organy policii Tavricheskoy oblasti (gubernii) v konce XVIII – nachale XIX veka [The Police of the Taurida Region (Province) in the Late XVIII – Early XIX Century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. Т. 5 (71). 1: 83–92.
- Mihajlov N.I. 1903. Vrachebno-policejskij nadzor za prostituciej v gorode Vil'ne [Medical and Police Supervision of Prostitution in the City of Vilna]. Vil'na, tip. br. D. i H. Yalovcer. 18 p.
- Nizhnik N.S. 2012. Deyatel'nost' vrachebno-policejskih komitetov Ministerstva vnutrennih del po osushchestvleniyu social'nogo kontrolya nad deviantnym povedeniem v rossijskom obshchestve [The Activities of the Medical and Police Committees of the Ministry of Internal Affairs on the Implementation of Social Control over Deviant Behavior in Russian Society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2(54): 11–18.
- O merah protiv rasprostraneniya lyubostraznoj bolezni [On Measures Against the Spread of the Lustful Disease]. V kn.: Sbornik zakonov, pravil, nastavlenij i rasporyazhenij pravitel'stva dlya vrachej, farmacevtov, veterinarov i prochih medicinskih chinov. 1871. Kiev: Tip. E.YA. Fedorova: 290–295.
- Polozhenie ob organizacii nadzora za gorodskoj prostituciej v Imperii [Regulation on the Organization of Supervision of Urban Prostitution in the Empire]. Utv. 8 okt. 1903 g. 1904. Odessa. 8 p.
- Prostituciya = La prostitution: po obsledovaniiyu 1-go avgusta 1889 goda [Prostitution = La prostitution: According to the Survey of August 1, 1889]. 1890. Pod red. A. Dubrovskogo. Saint Petersburg, [Tip. Min-va vnutr. del]. 85 p.
- Tarasova I.A. 2016. K voprosu ob ustanovlenii vrachebno-policejskogo nadzora za prostituciej v Rossijskoj imperii (seredina XIX v.) [On the Issue of Establishing Medical and Police Supervision of Prostitution in the Russian Empire (Mid-19th Century)]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1: 250–258.
- Fedorov A.I. Oчерк vrachebno-policejskogo nadzora za prostituciej v S.-Peterburge [An Essay on Medical and Police Supervision of Prostitution in St. Petersburg]. 1897. Saint Petersburg, Tip. S.Peterburgskogo gradonachal'stva. 64 p.
- Sherstnyov R.A. 2024. Deyatel'nost' policii Tavricheskoy gubernii v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Krym [The Activities of the Police of the Tauride Province in the Documents of the State Archive of the Republic of Crimea]. *Nauchnyj vestnik Kryma: elektronnyj recenziruemyj zhurnal*. 2(47). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/50/showToc> (data obrashcheniya: 10.08.2024 g.)
- Shilov D.N. 2024. Glavy vysshih i central'nyh gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossijskoj imperii. 1802–1917 [Heads of the Highest and Central State Institutions of the Russian Empire. 1802–1917]: Biobibliograficheskij spravochnik: [v 3-h t.]. Т. 2: М–Е. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 760 p.
- Bloch I. 1907. Das Sexualleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur. Berlin: Marcus. 880 p.
- Bullough V.L. and B. Bullough, 1978. Prostitution: An Illustrated Social History. Crown Publishers. 336 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.09.2024

Received 09.09.2024

Поступила после рецензирования 23.10.2024

Revised 23.10.2024

Принята к публикации 25.10.2024

Accepted 25.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шерстнёв Руслан Алексеевич, соискатель кафедры истории России, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Ruslan A. Sherstnev, External Postgraduate Student, Department of Russian History, Kursk State University, Kursk, Russia

 [ORCID: 0009-0008-2991-7054](https://orcid.org/0009-0008-2991-7054)

УДК 94(470.314)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1003-1011

Оригинальное исследование

К вопросу о состоянии фабричной медицины на предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 гг.

Платонов Р.Д.

Владимирский государственный университет им. А.Г и Н.Г Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87
E-mail: platonckic@yandex.ru

Аннотация. В статье даётся обзор фабричной медицины во Владимирской губернии в годы Первой русской революции. Автором проанализирована ситуация с больничными учреждениями в фабрично-заводской среде региона. Изучен вопрос о факторах риска здоровья рабочих, а также вопрос заболеваемости в рабочей среде. Кроме того, рассмотрено, как проходила профилактика опасных заболеваний. Автор приходит к выводу, что ситуация с медициной имела двойственный характер. Большую роль играла личность промышленников. На крупных предприятиях, владельцы, которых обладали большим капиталом, были созданы хорошие условия для получения медицинской помощи рабочими. Отсюда формировалось тенденция, при которой одни промышленные заведения опережали другие в этом вопросе. К сожалению, в тяжёлых условиях кризиса, вызванный революцией, получение больших средств на небольших предприятиях не предоставлялось возможным, следствием чего промышленники не имели возможность улучшить медицинское обслуживание при своих предприятиях. В изучаемый период времени такая проблема не могла не вызывать сильного недовольства у простых работников, из-за чего те были вынуждены вступить в конфликт со своим руководством, требуя от него исправить ситуацию.

Ключевые слова: фабричная медицина, рабочие, заболевания, фабричная больница, предприниматели, врачи, условия труда

Для цитирования: Платонов Р.Д. 2024. К вопросу о состоянии фабричной медицины на предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1003–1011. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1003-1011.

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

To the Issue of Healthcare Provision at the Enterprises of Vladimir Region in 1905–1907

Roman D. Platonov

Alexander and Nikolay Stoletovs Vladimir State University,
78 Gorky St., Vladimir 600000, Russia
E-mail: platonckic@yandex.ru

Abstract. The article is focused on healthcare at the enterprises of the Vladimir province during the First Russian Revolution. An overview of hospital facilities at the region's factories is provided. The author examines risk factors for the workers' health, morbidity in the working environment, and prevention of dangerous diseases. The study reveals a dual character of the healthcare issue. The personalities of industrialists played a big role. At large enterprises owned by rich people, good conditions were created for workers to receive medical care. Hence, a trend was formed in which some factories were ahead of others in this matter. Unfortunately, in the difficult conditions of the crisis caused by the revolution it was impossible to obtain large funds from small enterprises. As a result, industrialists did not have the opportunity to improve

© Платонов Р.Д., 2024

medical care at their enterprises. In the period under study, this problem could not but cause strong dissatisfaction among ordinary workers, which forced them to come into conflict with their management, demanding that they correct the situation.

Keywords: factory medicine, workers, diseases, factory hospital, enterprisers, doctors, working conditions

For citation: Platonov R.D. 2024. To the Issue of Healthcare Provision at the Enterprises of Vladimir Region in 1905–1907. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1003–1011 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1003-1011.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Система здравоохранения занимала важное место в фабрично-заводской среде. В промышленной среде в период Первой русской революции наблюдался целый комплекс проблем, одной из которых были частые заболевания и несчастные случаи рабочих. Динамика подобных происшествий видоизменялась в зависимости от вида отрасли и характера производства. Как правило, чаще всего такое явление можно было наблюдать на тех видах работ, которые носили вредный характер.

Фабрично-заводская медицина была призвана оказывать врачебную помощь рабочим в случае заболевания или травматизма. Владимирская губерния не являлась передовым регионом по показателям промышленности, но при этом на её территории существовало множество предприятий разных отраслей промышленности. Численность рабочего состава на каждом заведении сильно отличалась, в ряде случаев количество рабочих могло переваливать за 1 000 человек.

При таких обстоятельствах необходимость врачебной помощи была крайне высокой, так как в рабочей среде того периода можно было наблюдать множество болезней, носящих заразный характер. Однако в условиях революции прослеживались ситуации, когда на многих предприятиях Владимирской губернии фабрично-заводская медицина по разным причинам не могла действовать в полной мере. В революционной обстановке такая проблема часто выступала в качестве причины рабочих волнений.

Актуальность темы данной работы заключается в том, что система здравоохранения играла достаточно значимую роль в фабрично-заводской среде Владимирской губернии. Врачебная помощь требовалась каждому рабочему, учитывая всю сложность работы на промышленном производстве. Более того, благодаря этому можно было поддерживать рабочий процесс, не допуская распространения различного рода недугов среди трудового состава. Также нужно учитывать тот факт, что в годы революции плохо развитое медицинское обслуживание могло послужить причиной участия пролетариев в забастовках и стачках.

Научная новизна исследования состоит в том, что тема изучается впервые. Автором на основании широкого круга источников комплексно исследовано положение фабрично-заводской медицины во Владимирской губернии в тяжёлое революционное время 1905–1907 гг. Кроме того, многие архивные документы, использованные в данной работе, ранее нигде не использовались и вводятся в оборот впервые. Благодаря данному исследованию удалось впервые подробно рассмотреть, как обстоял важный вопрос социальной жизни пролетариата Владимирской губернии в столь важный процесс отечественной истории.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступает промышленная среда Владимирской губернии. Целью данной работы является изучение вопроса о системе здравоохранения в фабрично-заводской среде Владимирской губернии в 1905–1907 гг. Главными методами, использованными при подготовке статьи, являлись анализ и синтез, с помощью которых стало возможным установление взаимосвязи всех процессов, оказывавших влияние на развитие

медицины в фабрично-заводской среде, а также ретроспективный метод, позволивший выявить причины функционирования медицины на существовавшем для неё уровне.

В качестве главной основы источниковой базы выступили документы из фонда № 266 Государственного архива Владимирской области (ГАВО), так как они содержат достаточно важные сведения, касающиеся событий 1905–1907 гг. на ряде предприятий Владимирской губернии. Кроме того, были использованы другие статистические и делопроизводственные виды исторических источников, которые подробно отражают сведения о ситуации, происходившей в фабрично-заводской среде Владимирской губернии в то время. Также в качестве источника был использован труд известного философа Карла Маркса, так как в нём отражены взгляды на жизнь пролетариата.

Предметом изучения является фабричная медицина. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента начала Первой русской революции в 1905 г. до её окончания в 1907 г.

Результаты и их обсуждение

Вопрос врачебной помощи для рабочих регулировался законом от 26 августа 1866 года. Согласно нему, при каждом промышленном учреждении должно было работать больничное учреждение. Численность рабочего состава влияла на количество коек в больнице. В заведениях, где работало меньше тысячи человек, количество кроватей составляло не более пяти штук, в то время как на заведениях, где рабочий состав определялся в тысячу человек, коек было в два раза больше. В случае если на производстве работало более тысячи человек, то количество мест в больнице достигало пятнадцати [Балабанов, 1909, с. 88].

Медицинская помощь для рабочих предусматривалась на безвозмездной основе. Содержание больничного учреждения полностью ложилось на плечи промышленника, который был обязан финансировать оказание врачебных услуг. Зачастую именно от этого зависело качество обслуживания. Владельцы крупных предприятий, обладавших большим капиталом, могли позволить себе устройство больничного учреждения в соответствии со всеми нормами. Благодаря этому фабричная больница представляла из себя комфортабельное строение, в ней могло быть обустроено большое количество коек, а работу мог осуществлять большой состав профессиональных служащих [Бородкин и др., 2010, с. 232].

Важно отметить, что Владимирская губерния не относилась к числу передовых регионов, и поэтому в её фабрично-заводской среде складывалась двоякая ситуация. Многие предприятия находились на низком уровне развития, напоминая собой мануфактуры, где главную роль в период Первой русской революции продолжал играть ручной труд.

Владельцы таких заведений не обладали достаточными средствами, позволявшими им организовать больничные учреждения. Такая возможность была доступна только крупным промышленникам, в руках которых к тому времени был сосредоточен огромный капитал. Они могли справиться со всеми издержками, благодаря чему при их предприятиях существовали достаточно хорошие медицинские учреждения [Смирнова, 2016, с. 166].

Наиболее благоприятная ситуация с больницами складывалась в Иваново-Вознесенском и Шуйском уездах, являвшихся центрами текстильной промышленности. Местные фабриканты-текстильщики были известными личностями, внёсшими значительный вклад в своё дело. Ивановские предприятия во многом были передовыми и приносили огромную прибыль.

Благоприятную ситуацию с медициной можно было наблюдать на ситцепечатной фабрике потомственного гражданина Якова Никоновича Фокина в Иваново-Вознесенске. Наличие хорошего медицинского обслуживания было обусловлено огромным количеством рабочих в количестве 1 059 человек. За 1906 год фабричное руководство затратило более семи тысяч рублей на оказание врачебной помощи рабочим ¹²⁰.

¹²⁰ Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2538. Л. 18–18 об.

Но Фокин не ограничивался только этим. Благодаря его усилиям рабочие имели возможность проходить лечение в больничном учреждении, организованном на средства владельца. Фабричная больница была рассчитана более чем на несколько коек и была предусмотрена на работников нескольких предприятий [Свирский, 1890, с. 23]. Кроме того, в располагавшейся при фабрике амбулатории врачи в случае необходимости могли принять решение о госпитализации больного ¹²¹.

Другим примером активной социальной политики в области фабричной медицины являлась деятельность «Товарищества Покровской мануфактуры П.Н. Грязнова». Они были собственниками ряда текстильных предприятий в Иваново-Вознесенске, на которых было занято более двух тысяч человек.

Наличие больничного учреждения было также крайне необходимым ввиду большого количества работников. За 1906 год промышленники затратили на оказание врачебной помощи более десяти тысяч рублей ¹²². Кроме того, рабочие этого предприятия имели возможность получать лечение в фабричной больнице, существовавшей при данном заведении.

Однако такое можно было наблюдать далеко не везде. Другие уезды были наименее развиты в экономическом отношении. Большое количество местных предприятий находилось на стадии промышленной мануфактуры с главенствующей ролью ручного труда [Карл Маркс, 2023, с. 90]. Владельцы таких заведений не обладали большим капиталом для организации врачебной помощи.

Одним из немногих исключений была ситуация на хрустальном заводе в Гусе-Мальцевском Меленковского уезда. Промышленник Юрий Степанович Нечаев-Мальцов был известным меценатом, тратившим огромные средства на обустройство социальной инфраструктуры при своём заведении. Стекольное производство носило вредный характер, и медицинская помощь могла понадобиться любому из рабочих.

Стекольщики высоко ценились за свой труд и мастерство, поэтому наличие больничного учреждения было крайне необходимым шагом по созданию благоприятных условий труда на заводе. К началу Первой русской революции при хрустальном заводе функционировала больница, в которой могли быть размещены 82 пациента [Историко-статистические сведения..., 1901, с. 175].

Большим достоинством было то, что при этом медицинском учреждении существовал летний барак, инфекционный корпус и аптека, а контроль над всем осуществляли два врача. Ежегодное содержание больницы обходилось в сумму более чем 20 тысяч рублей [Историко-статистические сведения..., 1901, с. 176]. Такое отношение к вопросу позволяло обеспечить не только помощь больным рабочим, но также исключить угрозу возникновения заражения.

Но, как уже говорилось, это было не везде. Наличие больничных учреждений было большой проблемой фабрично-заводской среды Владимирской губернии. Более того, данный вопрос имел две формы проявления.

Первая заключалась в том, что при промышленных заведениях могла существовать больница, но она была ограничена только на определённое количество человек. Ярким примером служит ситуация на льнопрядильной и ткацкой фабрике Алексея Фёдоровича Малинина в городе Вязники. По состоянию на 1906 год, в фабричной больнице могло быть размещено всего лишь 6 человек, при том что количество рабочих на фабрике достигало 787 человек ¹²³. В ситуации такого рода почти все работники были лишены возможности получения медицинской помощи, что могло привести к нарушению производственного процесса на предприятии.

Вторая форма была более опасна для рабочего класса. Она заключалась в том, что при крупном предприятии, на котором трудилось огромное количество человек, полностью отсутствовало больничное учреждение. Одним из примеров такого рода служит ситуация на механической бумаго-ткацкой фабрике Ремизовой при станции Новки Ковровского уезда.

¹²¹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2538. Л. 18 об.

¹²² Там же. Л. 17–17 об.

¹²³ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2531. Л. 27–27 об.

На момент революционных событий при данном предприятии отсутствовало больничное учреждение, при том что количество работников было немалым – 498 человек¹²⁴. Такая проблема ставила весь рабочий состав фабрики под угрозу отсутствия медицинской помощи в случае её возникновения.

Врачебная помощь могла потребоваться рабочим в любой момент. Эта необходимость могла быть обусловлена различными условиями, связанными с трудовой деятельностью работников любого из предприятий. Рабочая среда довольно часто служила фактором возникновения различного рода заболеваний.

Зачастую рабочим приходилось трудиться в ужасных условиях, пагубно влиявших на их здоровье. Всё это способствовало распространению различных заболеваний в фабрично-заводской среде, среди которых преобладали заболевания органов дыхания, сыпной тиф, оспа и холера [Баранова, 2010, с. 2010]. Каждому из видов производства были присущи те или иные виды болезней. Кроме того, их уровень мог сильно отличаться в зависимости от характера производства.

В первую очередь стоит начать с самого распространённого вида болезней, поражавших большое количество рабочих. В данном случае речь идёт о заболеваниях органов внутреннего дыхания. Наибольшее количество предприятий Владимирской губернии относились к текстильной промышленности. Работа текстильщиков была довольно сложной, и в силу этого они оказывались под угрозой заболевания.

Такому явлению способствовал ряд факторов. Стоит начать с того, что в помещениях, где приходилось трудиться рабочим текстильной отрасли промышленности, загрязнённость воздуха была высокого уровня [Бородкин и др., 2010, с. 46]. Данная проблема возникла из-за работы машин, с которых летел пригорелый пух и пыль. Учитывая то, что на многих крупных фабриках и заводах таких устройств было достаточно много, риск заболеваемости возрастал.

Примером такой ситуации может служить техническое оснащение бумаго-ткацкой фабрики «Товарищества мануфактуры И.В. Небурилова» в городе Шуя. Среди машин на предприятии можно было встретить 730 ткацких станков, 2 шлифовальные машины и ряд других видов оборудования. Количество рабочих на фабрике было тоже немалым – 981 человек обоего пола¹²⁵. В такой ситуации все находились в риске заболеваемости, так как уровень испарения от такого количества машин был довольно высоким.

Важно отметить, что некоторые виды производства носили вредный характер и несли ещё большую опасность для жизни и здоровья рабочих. Одним из таких видов было красильное и стекольное производства. Первые встречались практически на всей территории фабрично-заводской среды Владимирской губернии.

Местные рабочие были подвержены риском заболевания туберкулёзом. Всё это связано с тем, что и на красильном, и на стекольных производствах при выработке продукции в воздух поступали ядовитые испарения различных веществ, применявшихся в работе [Бородкин и др., 2010, с. 46].

Более того, в рабочих помещениях стояла высокая температура, так как этого могло требовать производство. Особенно ярко эта проблема прослеживалась в стекольной промышленности. Рабочим-стекольщикам приходилось трудиться в цехах, где температура могла достигать + 70° [Цейтлин, 1939, с. 135]. Примерно такая же ситуация наблюдалась и на красильных предприятиях. При такой атмосфере ядовитые пары могли распространяться гораздо быстрее, вызывая у рабочих проблемы с органами дыхания, в частности туберкулёз.

Кроме того, стеклодувы были ещё больше подвержены таким заболеваниям ввиду того, что им приходилось трудиться с большой нагрузкой на свои лёгкие, выдувая форму для стеклянной посуды. При этом продолжительность их рабочего дня составляла в среднем 12–16 часов [Миронов, 2001, с. 14].

¹²⁴ Там же. Л. 30–30 об.

¹²⁵ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2530. Л. 8–8 об.

С другими видами болезней в фабрично-заводской среде ситуация была не лучше. Как уже говорилось, рабочие часто болели оспой, скарлатиной, холерой и другими болезнями. Зачастую эти недуги были причиной того, что рабочим приходилось жить, работать и питаться в антисанитарных условиях.

На гигиенические условия рабочие жаловались повсюду. Среди их требований было улучшение вентиляции, переделать полы и потолки, а также улучшить места для приёма пищи [Всеобщая стачка..., 1955, с. 107–108]. Учитывая тот факт, что работы на большинстве губернских предприятий носили интенсивный характер, риск для здоровья рабочих также сильно возрастал [Постников, Фельдман, 2009, с. 32].

Не лучше обстояло дело и с местом проживания работников. Далеко не всех промышленников волновал жилищный вопрос. Такое явление можно объяснить на примере медно-латунного завода в городе Киржач. По состоянию на 1906 год, весь рабочий состав численностью в 369 человек был вынужден проживать в заводских помещениях¹²⁶.

Другим видом рабочего жилья являлись казармы, состояние которых, как правило, оставляло желать лучшего. В таких помещениях работники могли проживать по несколько человек в одной комнате. Ежегодный показатель заболеваемости среди проживавших в казармах был довольно высоким – более трёхсот человек [Постников, Фельдман, 2009, с. 122]. Такое обстоятельство ставило под угрозу весь рабочий коллектив, угрожая всему рабочему процессу на предприятии.

Кроме того, работы могли вестись в неотапливаемых помещениях. В ряде случаев рабочий день мог составлять 12 и более часов, что могло привести к серьёзным заболеваниям. В большинстве случаев такая проблема приводила к забастовкам, где работники требовали установки парового котла¹²⁷. Все эти условия пагубно сказывались на здоровье рабочих, приводя к высокому росту заболеваний как органов дыхания, так и кишечных и кожных болезней.

Не редким явлением были случаи травматизма. Происшествия подобного рода происходили в силу характера производства. На предприятиях любой отрасли промышленности могли произойти несчастные случаи. Главными причинами травматизма рабочих были несоблюдение норм техники безопасности, загрязнённый воздух, высокая температура в рабочем помещении и продолжительный рабочий день [История рабочего класса..., 1989, с. 231].

Конечно, бывали и причины, характерные только для отдельных видов производства. Так, например, на предприятиях стекольной отрасли самым распространённым видом увечья были ожоги, так как рабочим-стекольщикам приходилось работать с расплавленной массой при высоких температурах в рабочем помещении [Песков, 1884, с. 130].

Нередкими были случаи травматизма, непосредственной причиной которых была неосторожность работников предприятия. Большую часть пострадавших составляли сами рабочие. Ярчайшим примером служит ситуация, произошедшая 11 января 1906 года на ткацкой фабрике И.Н. Баканова в деревне Холщево Вязниковского уезда. Во время проведения работ паденщик Александр Теплов, пренебрегая предупреждениями двух сотоварищей, ударил по валику, чтобы привязать лебёдку, предварительно не сняв ручку. В результате этого собачка отскочила, а рукоятка резко повернулась, и Теплов получил смертельный удар по голове¹²⁸. Причиной несчастного случая была признана грубая неосторожность рабочего.

Следует рассмотреть, как обстоял вопрос с профилактикой различного рода заболеваний, так как далеко не при всех фабриках и заводах существовали больницы. Вне зависимости, существовало ли при предприятии больничное учреждение или нет, в большинстве случаев при нём всегда мог быть фельдшер. Но далеко не всегда такой специалист мог оказать такую помощь больному, какую мог сделать только профессиональный медик.

¹²⁶ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2537. Л. 1.

¹²⁷ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2460. Л. 3.

¹²⁸ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2581. Л. 1–1 об.

Крупные промышленные заведения по два-три раза в неделю посещал врач и осматривал больных, которым не могли оказать помощь фельдшера [Балдин, 2023, с. 75]. В случае выявления опасного заболевания больного могли отправить в больничное учреждение для прохождения курса лечения. Такие меры позволяли избежать распространения болезни в рабочей среде.

Ярчайшим примером служит ситуация на льноткацкой фабрике «Товарищества В.Ф. Демидова» в городе Вязники. На данном предприятии трудилось 776 человек, и его три раза в неделю посещал врач¹²⁹. При выявлении каких-либо опасных недугов больного могли отправить для лечения в фабричную больницу. Такое мероприятие снижало возможность распространения того или иного заболевания в рабочей среде.

Однако такое могло практиковаться на крупных предприятиях. На более мелких промышленных заведениях, где отсутствовало больничное учреждение, ситуация обстоит иначе. В таких ситуациях было два варианта решения проблемы. Первый подразумевал отправку больного рабочего на лечение в городскую или сельскую земскую больницу на лечение [Песков, 1884, с. 124].

Второй вариант был более простым. Далеко не всегда заболевшего можно было вылечить. В таком случае он представлял опасность для окружающих, и фабричное руководство могло уволить его [Поткина, 2002, с. 33]. Подобный шаг позволял промышленникам обеспечить безопасность других рабочих, исключив угрозу заражения.

Данный вариант имел и вторую сторону. Многие рабочие являлись мастерами своего дела, имея огромный опыт работы. Для фабрикантов такие кадры представляли огромное значение, так как они во многом определяли рабочий процесс: выполняли нормы по выпуску товара и обучали новопоступивших работников. При утрате ими дееспособности фабричное руководство могло оставить их при производстве. Таким рабочим назначалось пособие, и они могли заниматься только лёгкими видами работ [Глазунов, Емелина, 2020, с. 80].

Заключение

Следует подчеркнуть, что ситуация с фабричной медициной во Владимирской губернии в 1905–1907 гг. носила двойственный характер. В фабрично-заводской среде данного региона был распространён целый ряд болезней, а также были распространены случаи травматизма, которые требовали вмешательства специалистов. Однако медицинское обслуживание не могло быть доступно рабочим в полной мере. Больницы могли присутствовать только на крупных предприятиях, владельцы которых обладали большим капиталом и могли позволить содержание такого учреждения. Далеко не каждое больничное заведение могло вместить большое количество заболевших, что ставило многих под угрозу отсутствия медицинской помощи в случае её необходимости.

Профилактика инфекционных заболеваний носила важный характер. Она позволяла не только оказать медицинскую помощь больным рабочим, но и давала возможность уберечь весь рабочий состав от распространения болезни путём увольнения больного работника. В целом такая ситуация во многом не удовлетворяла простых рабочих, заставляя их участвовать в социальных конфликтах против своего руководства. Всё это может говорить о двойственном характере фабричной медицины Владимирской губернии в годы первой русской революции.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность своему научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Тихонову А.К, а также сотрудникам Государственного архива Владимирской области.

¹²⁹ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2531. Л. 3–3 об.

Список источников

- Балабанов М.С (сост). 1909. Фабричные законы. Сборник законов, распоряжений и разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства. Санкт-Петербург, 264 с.
- Всеобщая стачка Иваново-Вознесенских рабочих в 1905 году. 1955. Сборник документов. Иваново, Ивановское книжное издательство, 262 с.
- Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2460.
- ГАВО. Ф. 266. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии. Оп. 1. Д. 2530.
- ГАВО. Ф. 266. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии. Оп. 1. Д. 2531.
- ГАВО. Ф. 266. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии. Оп. 1. Д. 2537.
- ГАВО. Ф. 266. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии. Оп. 1. Д. 2538.
- ГАВО. Ф. 266. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии. Оп. 1. Д. 2581.
- Историко-статистические сведения о некоторых местностях Владимирской губернии. 1901. Владимир, 188 с.
- Карл Маркс. 2023. Капитал. Санкт-Петербург, Азбука, 512 с.
- Песков П.А. 1884. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчёт за 1882–1883 голы фабричного инспектора по надзору за малолетними. Санкт-Петербург, 136 с.
- Свирский В.Ф. 1890. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 198 с.

Список литературы

- Балдин К.Е. 2023. Условия труда и быта медицинской интеллигенции города Иваново-Вознесенска на рубеже XIX–XX вв. *Интеллигенция и мир*, 2: 68–90.
- Баранова Л.А. 2010. Медицинское обслуживание фабрично-заводских рабочих в конце XIX – начале XX века. *Промышленность: экономика, управление, технологии*, 3: 139–142.
- Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. 2010. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. Москва, РОССПЭН, 535 с.
- Глазунов С.Р., Емелина А.А. 2020. Социальные преобразования в сфере здравоохранения на Никольской мануфактуре во второй половине XIX века. *Государство, общество, Церковь в истории России XX – XXI веков. Материалы XIX Международной научной конференции*. Владимир: 78–81.
- История рабочего класса СССР. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 1989. Волин М.С., Иванова Н.А., Преображенский А.А. и др., под ред. Ю.И. Кирьянова, М.С. Волина. Москва, Наука, 751 с.
- Миронов В.М. 2001. Этапы большого пути. Социально-экономическое развитие Анопинского стекольного завода. Владимир, 322 с.
- Постников С.П., Фельдман М.А. 2009. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. Москва, РОССПЭН, 366 с.
- Поткина И.В. 2002. Социальная политика Морозовых: Никольская мануфактура (60-е гг. XIX – начало XX вв.). *Экономическая история. Ежегодник*, 2001: 25–61.
- Смирнова Е.М. 2016. Фабричная медицина России в XIX – начале XX века. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 4 (66), ч. 1: 165–170.
- Цейтлин М.А. 1939. Очерки по истории развития стекольной промышленности в России. Москва, Ленинград, Государственное издательство лёгкой промышленности, 204 с.

References

- Baldin K.E. 2023. Usloviya truda i by`ta medicinskoj intelligencii goroda Ivanovo-Voznesenska na rubezhe XIX – XX vv. [The Medical Intelligentsia's Working and Living Conditions of the City of Ivanovo-Voznesensk at the Turn of the XIX–XX Centuries]. *Intelligenciya i mir*, 2: 68–90.
- Baranova L.A. 2010. Medicinskoe obsluzhivanie fabrichno-zavodskix rabochix v konce XIX – nachale XX veka [Medical Care of Factory Workers in the Late XIX – Early XX Century]. *Promy`shlennost` : e`konomika, upravlenie, texnologii*, 3: 139–142.

- Borodkin L.I., Valetov T. Ya., Smirnova Yu. B., Shil'nikova I.V. 2010. «Ne rublem edinyim»: Trudovye stimuly rabochih-tekstil'shchikov dorevolucionnoj Rossii ["Not a Single Ruble": Labor Incentives for Textile Workers in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, ROSSPEN, 535 p.
- Glazunov S.R., Emelina A.A. 2020. Social'ny'e preobrazovaniya v sfere zdravooxraneniya na Nikol'skoj manufakture vo vtoroj polovine XIX veka [Social Transformations in the Field of Healthcare at the Nikolskaya Manufactory in the Second Half of the XIX Century]. *Gosudarstvo, obshchestvo, Cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy` XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vladimir: 78–81.*
- Istoriya rabocheho klassa SSSR. Rabochij klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v. [The History of the Working Class of the USSR. The Working Class of Russia from its Inception to the Beginning of the Twentieth Century]. 1989. Volin M.S., Ivanova N.A., Preobrazhenskij A.A. i dr., pod red. Yu.I. Kir'yanova, M.S.Volina. Moscow, Nauka, 751 p.
- Mironov V.M. 2001. E'tapy` bol'shogo puti. Social'no-e'konomicheskoe razvitie Anopinskogo stekol'nogo zavoda [The Stages of the Big Way. The Social-Economic Development of Anopino Glass Plant]. Vladimir, 322 p.
- Postnikov S.P., Fel'dman M.A. 2009. Sociokul'turny`j oblik promy'shlenny`x rabochix Rossii v 1900–1941 gg. [The Sociocultural Appearance of Industrial Workers in Russia in 1900–1941]. Moscow, ROSSPEN, 366 p.
- Potkina I.V. 2002. Social'naya politika Morozovy`x: Nikol'skaya manufaktura (60-e gg. XIX – nachalo XX vv.) [The Morozovs Social Policy: Nikolskaya Manufactory (60s of the XIX – Early XX Centuries)]. *E'konomicheskaya istoriya. Ezhegodnik, 2001: 25–61.*
- Smirnova E.M. 2016. Fabrichnaya medicina Rossii v XIX – nachale XX veka [Factory Medicine in Russia in the XIX – Early XX Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki, 4(66), ch. 1: 165–170.*
- Cejtlin M.A. 1939. Oчерki po istorii razvitiya stekol'noj promy'shlennosti v Rossii [The Essays on the History of the Glass Industry in Russia]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo lyogkoj promy'shlennosti, 204 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.10.2024

Received 01.10.2024

Поступила после рецензирования 02.11.2024

Revised 02.11.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Accepted 05.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Платонов Роман Дмитриевич, аспирант кафедры Истории России, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

 [ORCID: 0009-0007-3313-9163](https://orcid.org/0009-0007-3313-9163)

Roman D. Platonov, Postgraduate Student of the Department of Russian History, Alexander and Nikolay Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia

УДК 93/94
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1012-1022
оригинальное исследование

Политические установки местных органов РКП(б) Нижегородской губернии в отношении кустарных промыслов в преддверии введения НЭПа (1918–1921 гг.)

Аксянов А.С.

Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор»,
Россия, 603081, г. Нижний Новгород, Горбатовская, 41
E-mail: aksyanovaleksey1@yandex.ru

Аннотация. Статья фокусирует внимание на политических установках местных органов РКП(б) в отношении кустарной промышленности перед введением новой экономической политики. Анализируется массив архивных документов органов РКП(б) 1918–1921 годов. Экономическая неэффективность «военного коммунизма» определила переход к новой экономической политике. РКП(б) определяли отход от принципов «военного коммунизма» как отступление от своих передовых позиций. Выдвигается гипотеза, что частичное допущение рыночных механизмов в экономике советской властью требовало особого внимания к политическому фактору работы в кустарной среде. Выделяются основные политические установки взаимодействия с кустарной промышленностью: кооперация кустарей-производителей в структуру; наполнение руководящих органов кустарной промышленности лояльным кадровым составом; формирование государственных институтов управления кустарной промышленностью; преодоление разрозненности в управлении; прямое субсидирование и создание благоприятных экономических условий для рядовых кустарей-производителей.

Ключевые слова: «военный коммунизм», экономика РСФСР, кустарная промышленность, кустари, РКП(б), политическая борьба

Для цитирования: Аксянов А.С. 2024. Политические установки местных органов РКП(б) Нижегородской губернии в отношении кустарных промыслов в преддверии введения НЭПа (1918–1921 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1012–1022. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1012-1022.

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Political Attitudes of the RCP(b) Local Authorities in the Nizhny Novgorod Province toward Artisan Production before the Introduction of the NEP (1918–1921)

Aleksey S. Aksyanov

Architectural and Ethnographic Museum-Reserve «Shchelokovsky Hutor»,
41 Gorbatovskaya St., Nizhny Novgorod 603081, Russia
E-mail: aksyanovaleksey1@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the political attitudes of local RCP (Bolsheviks) to artisan industry before the New Economic Policy was introduced. The archive of RCP(b) documents for the period 1918–1921 is analysed. The War Communism became economically inefficient. The Bolsheviks determined the transition to a new economic policy as a retreat from the vanguard. The hypothesis is that partial acceptance of market mechanisms in the economy required attention to the political factor of working with artisans. The author highlights the main

© Аксянов А.С., 2024

political goals of RCP(b)'s collaboration with artisan industry, including cooperation of craftsmen to form structured units; introducing loyal professionals into artisan production management; establishing state agencies for artisan production management; overcoming the division in management; direct subsidies to ordinary artisans. The Bolsheviks attached special importance to building a unified state top-down structure to manage artisan production. The central place in the management system was occupied by the General Directorate for Handicraft and Small Industry and Commercial Cooperation.

Keywords: the war communism, the economy of the RSFSR, artisan production, artisans, the RCP (Bolshevik), political struggle

For citation: Aksyanov A.S. 2024. Political Attitudes of the RCP(b) Local Authorities in the Nizhny Novgorod Province toward Artisan Production before the Introduction of the NEP (1918–1921). *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1012–1022 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1012-1022.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В научной литературе [Николаев, 2000; Ягов, 2007; Махрачев, 2023] получило распространение изучение кустарной промышленности на локальном уровне. Вопросы политических установок деятелей и органов РКП(б) в отношении кустарной промышленности в переходный момент от «военного коммунизма» к НЭПу не получили должного освещения. Сложно привести примеры исчерпывающих, комплексных исследований, основанных на Нижегородском архивном материале.

Объект и методы исследования

В качестве **объекта** исследования выступает развитие кустарных промыслов Нижегородской губернии. Развитость кустарных промыслов в губернии подчеркивается в источниках раннего советского времени. Так, на заседании Нижегородского губкома РКП(б) в докладе «О кустарно-промысловой кооперации» т. Козлова отмечалось: «В Нижегородской губернии до 70 % населения занято кустарной промышленностью...»¹³⁰. Приведенные аргументы позволяют утверждать, что Нижегородская губерния является «хрестоматийным» примером высокого уровня распространенности кустарных промыслов. В регионе наиболее ярко должны были проявить себя все кризисные моменты и проблемные точки.

Предметом исследования выступают политические установки местных органов РКП(б) в отношении кустарной промышленности в конце периода «военного коммунизма» перед переходом к принципам новой экономической политики.

Источниковая база. Анализ работы строится на материалах, сохранившихся в общественно-политическом архиве Нижегородской области. В ходе работы был применен хронологический метод – рассмотрение документов в строгой хронологии их создания. Особый интерес представляют материалы, в содержании которых фиксируются результаты анализа положения кустарной промышленности региона и политические установки аппарата РКП(б) перед введением новой экономической политики.

Стоит отметить два ключевых документа. Во-первых, «Тезисы Нижегородского Губернского комитета РКП(б) о мелкобуржуазных группировках, НЭПе и кустарной кооперации...» за 1921 г., в особенности часть, которая была сформулирована «комиссией по кустарной кооперации» Нижгубкома РКП(б). Во-вторых, «Тезисы к докладам и резолюции XII губернской партийной конференции» за 19–21 августа 1921 г. Здесь ценность представляют положения, озвученные т. Львовым о промысловой (кустарной) с.-х. кооперации.

¹³⁰ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее ГОПАНО). ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 2 об.

Комплекс проанализированных документов дает представление о разработке советской властью политической стратегии и перспективах ее реализации в отношении сельской мелкой промышленности. В работе использовались дополнительные материалы: тезисы, постановления, протоколы заседаний, мемуары участников событий.

Результаты исследования

По данным источников, в преддверии введения НЭПа в Нижегородской губернии была проведена работа комиссии по кустарной кооперации под эгидой Нижгубкома РКП(б). Председателем комиссии и автором тезисов докладов по кустарной кооперации был А.И. Микоян. В своих дневниках А.И. Микоян отмечал, что плотно занимался этим направлением во время своей командировки в Нижний Новгород: «...В те годы особое значение приобрело развитие кустарной промышленности. К этому нас обязывали опубликованные в первой половине 1921 г. декреты Советского правительства... Я поближе познакомился с состоянием промыслов, особенно лапотных и ложкарных, наиболее развитых... оба промысла имеют у нас широчайшие возможности дальнейшего развития, поскольку их продукция встречает огромный спрос... Руководство комиссией по кустарной промышленности бюро возложило на меня...» [Микоян А.И. Так было...].

По результатам работы комиссии была подготовлена статья: «О НЭПе, мелкобуржуазных группировках и кустарной кооперации», которая вошла в общий материал «Тезисы губкома РКП(б) о мелкобуржуазных группировках, НЭПе и кустарной кооперации. Резолюции о работе фракции советских, профсоюзных органов»¹³¹. При выстраивании политической стратегии работы с кустарями-промысловиками РКП(б) в первую очередь опиралась **на политический фактор**. Давая свою оценку текущему положению дел, Нижегородский губком подчеркивал: «...Современное положение характеризуется усилением мелко-буржуазных тенденций в экономической и политической области...»¹³². Усталость населения от войн, голода, хозяйственной неустроенности было «козырем» для ведения агитации оппонентами большевиков. Особенно это стало актуальным в прослойке кустарей. В РКП(б) учитывали то обстоятельство, что промысловики были не монолитным объединением. В массе своей это крестьяне, жившие в сельской местности, – класс мелких и средних собственников: «...образовался единый контр-революционный фронт от левых с-р и анархистов и до кадетов и монархистов... П. с-р опирается главным образом на зажиточное крестьянство, но ведет работу и в рабочих районах...»¹³³. Следовало подбирать адекватные условиям механизмы, выверять свои политические шаги. Важен был баланс: не оттолкнуть от власти, при этом четко проводить свою линию. Политическая обстановка в Нижегородской губернии не была однозначной. В протоколе № 2 заседания Комиссии по кустарной кооперации от 26.07.1921 года под председательством А.И. Микояна отмечалось, что в Воскресенском уезде «...имеется группа меньшевиков и эсеров, которая стремится использовать кустарную промышленность в своих целях...», а в Ардатовском уезде «организован Союз, но ... его захватили нежелательные с точки зрения партии элементы – меньшевики, эсеры и старые реакционные земцы...»¹³⁴.

Видный политический деятель М.А. Тер в докладе об итогах НЭПа в Нижегородской губернии на XIII губернской партийной конференции выразил свое понимание ситуации вокруг кустарной промышленности: «...условия военного коммунизма заставили нас взять в свои руки некоторые отрасли промышленности, которые нам были не нужны (кустарную промышленность, мелкие фабрики и заводы), чтобы спасти их от окончательной гибели» [Селезнёв, 41].

¹³¹ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 1–12.

¹³² ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 1.

¹³³ Там же.

¹³⁴ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 50 об.

Анализ всего комплекса документов позволил выделить ряд политических установок и векторов работы в кустарной и мелкой сельской промышленности.

1. Кооперация кустарей-производителей в производственные объединения как ключевой инструмент дальнейшего экономического регулирования и политического влияния.

Промысловая кооперация должна была стать переходной формой объединения трудящихся. По мнению РКП(б), все попытки кооперации мелкой сельской промышленности до 1917 года носили поверхностный характер и никак не улучшали положение самой массовой категории – рядового кустаря-производителя. Новый экономический режим, по мнению комиссии по кустарной кооперации, должен был сводиться к созданию условий, «...при которых кустари и ремесленники могли бы правильно развивать свое производство и свободно распоряжаться продуктами своего труда...»¹³⁵. В агитационных материалах указывалось, что кооперация должна стать основой, на которой будет в дальнейшем выстраиваться работа с промышленниками. Отмечалось, что «...необходимо... усилить освещение экономической жизни Нижегородской губернии... Задачей печатных органов также является разъяснения основ по операции [кооперации. А.С.] как строительницы экономической базы для развития коммунизма среди крестьянства, как средства экономического вооружения пролетариата с крестьянством, как орудие в борьбе с скупщическо-спекулятивной и мелко-буржуазной собственнической стихией...»¹³⁶.

Формула кооперирования кустаря вокруг советской власти опиралась на декрет «О промысловой кооперации» от 07.07.1921 г. и выражалась в следующем: «Мелкий кустарь находился всецело в кабале промышленника, заводчика и кулака... экономическое освобождение бедняка-кустаря от ига кулаков-предпринимателей является его делом... промысловой/кустарный кооператив... является переходной формой объединения трудящихся... промысловая кооперация служит интересам трудящихся, объединяя их для совместной работы, заготовки сырья и сбыта изделий...»¹³⁷.

2. Кадровое наполнение всей вертикали кустарной кооперации политически лояльными лицами: от первичной организации – кооператива и трудовой артели – до промыслового Союза губернского и межгубернского масштаба.

Организация кустарной кооперации должна была начинаться на местах, в районах первичных организаций, и далее укрупняться по принципу отраслевой и географической иерархии. Первичной организацией становилась трудовая артель или трудовой кооператив (кооперативное товарищество кустарей-производителей). Кооперативы, в свою очередь, объединялись в Союзы по уездам, в них входили все виды производственной кооперации. «...Кооперативы должны объединяться в районные [уездные, А.С.] союзы, а районные [уездные, А.С.] в губернские...»¹³⁸. При каждом Союзе организовывался отдел по тому или иному производству в районе. Подобная упрощенная структура кооперации стала вынужденной мерой по соображениям экономии средств: «...один производственный Союз в уезде, обнимающий все виды кустарной промышленности, будет гораздо экономичнее и целесообразнее...»¹³⁹. Именно в управлениях и организационно-руководящих органах артелей, кооперативов и Союзов должна была вестись основная работа по распространению политического влияния. Нельзя было допускать к управлению в них политически чуждые силы, особенно в контексте публикации Декрета СНК от 07.07.1921 г. «О промысловой кооперации» и частичного отката к рыночным механизмам в экономике.

Содержание Декрета касалось вопросов организации и работы кустарных предприятий: порядок образования кооперативов, союзов и их статус, процедура найма на различные работы, меры экономического содействия со стороны государства кустарным кооперати-

¹³⁵ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 3 об.

¹³⁶ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1795. Л. 13.

¹³⁷ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 5 об.

¹³⁸ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 52.

¹³⁹ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 6.

вам, запрет на национализацию, муниципализацию предприятий промышленных кооперативов, конфискацию в особых случаях. В целом документ предоставлял широкие возможности для организации промыслового дела. После публикации документа в Нижегородской губернии было проведено заседание бюро губернского комитета РКП(б). В результате протоколом № 41 от 22.07.1921 г. было зафиксировано несколько важных пунктов, которые подтверждают важность задачи борьбы за политическое влияние на местах:

«1. Выделить Губернскую комиссию из 6 лиц... для укрепления коммунистического влияния.

2. Вести внутреннюю борьбу с антисоветскими элементами в кустарной кооперации на местах.

3. Взять на учет всех работников кустарной кооперации на местах и губернии.

4. Мобилизовать кустарников коммунистов и послать на места по указанию комиссии.

5. Привлечь для работы в кустарной кооперации беспартийных, лояльно настроенных к советской власти, исключая эсеров и меньшевиков...

7. Комиссии разработать план работ на местах и созвать уездные съезды, обеспечив в них руководящее влияние партии.

12. ОРГЧК и Губчека принять меры к безболезненной изоляции антисоветских элементов на местах»¹⁴⁰.

В целом документ был полностью подчинен данной идее – обеспечить присутствие и влияние РКП(б) в районах.

Подробный алгоритм того, как должны были реализовываться меры по организации кустарной кооперации и обеспечению влияния партии среди кустарей, изложены в одноименном Циркуляре губкома РКП(б) от 10.08.1921 г. Сохранился рукописный оригинал с правками и пометками за авторством и подписью секретаря Нижгубкома А.И. Микояна¹⁴¹. В нем, в частности, отмечалось, что «...по имеющимся сведениям представители эсеров, меньшевиков и пр. ... проявляют лихорадочную деятельность, чтобы захватить снова промысловую кооперацию в свои руки... Учитывая серьезность положения и важное значение кустарной промысловой кооперации... Губком... постановил принять энергичные меры к организации кустарей... кооперации и обеспечения влияния партии в этой важной экономической области...»¹⁴².

Среди перечня мер важно подчеркнуть следующие:

– необходимо было выделить группы партийных специалистов, знакомых с работой кустарной промышленности, с целью ее организации в уезде и обеспечения влияния партии среди кустарей, их артелей и союзов;

– группы должны были ознакомиться с положением кустарной промышленности в уезде, наладить контакт с существующими кустарно-промысловыми союзами и укрепить свое влияние среди них. Взять под контроль проведение выборов и собраний правлений артелей, товариществ, союзов. Заняться организацией новых артелей и товариществ. Создавать уездные съезды кустарной кооперации;

– в обязанность волостным комитетам партии вменялось обращать серьезное внимание на организацию кустарной кооперации и проводить выборы артелей, товариществ, выдвигая в правление и делегатами на съезд коммунистов или надежных беспартийных;

– взять на учет всех политически подозрительных деятелей в кустарной кооперации, вести наблюдение за их деятельностью и принимать своевременные меры к устранению их влияния, в особенности во время выборов и организации кустарных объединений.

Распространение политического влияния в кустарной среде было связано с качеством и количеством кадрового состава РКП(б). Необходимы были партийцы, которые поведут идеологическую борьбу на местах, за каждую артель и кооператив. Губернская комиссия

¹⁴⁰ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1845. Л. 81.

¹⁴¹ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 48.

¹⁴² ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802. Л. 2.

по кустарной кооперации подчеркивала этот аспект. Указывалось, что нельзя допускать распространения в первичных ячейках, артелях и кооперативах влияния мелкобуржуазных партий. Более того, была потеряна лояльность части кустарных организаций. К примеру, в Семеновском районе отмечалось, что: «...имеется группа меньшевиков и эсеров, которая стремится использовать кустарную промышленность в своих целях...», а в Ардатовском районе «...организован Союз, но... его захватили нежелательные с точки зрения партии элементы – меньшевики, эсеры и старые реакционные земцы...»¹⁴³.

Руководство партии безапелляционно требовало от уездного комитета укрепления партийного влияния в артелях. Рекомендовалось действовать через выборы в правления артелей и отраслевые Союзы артелей. К управлению организациями должны были прийти коммунисты, лояльные к партии люди или члены РКП(б). В протоколе № 2 заседания комиссии по кустарной кооперации от 26.07.1921 г. А.И. Микоян предложил: «...в правление союза необходимо провести коммунистов, возможно допущение в правление и безпартийных, но надежных, ранее не примыкавших к антисоветским партиям...»¹⁴⁴.

Тенденция внедрения партийных работников в кустарно-промысловую кооперацию имела общегосударственный масштаб. По мнению О.В. Ягова, повсеместно наблюдалось силовое включение в органы управления кустарно-промысловой кооперации партийных сил [Ягов, 2009. 42]. Внедрение в кустарную кооперацию коммунистов «...проходило достаточно болезненно как для самих партийцев, так и для кооперативной системы...» в первую очередь потому, что «...идеологическая доминанта не учитывала профессиональных качеств внедряемых в кооперативную среду членов партии...» [Ягов, 2007. 402]. О.В. Ягов утверждает, что кадровый вопрос для большевиков в кустарной сфере был важен. Кустари рассматривались как мелкобуржуазная стихия, «...партийные органы боялись влияния на них представителей других партий...» [Ягов, 2007. 398]. Активная кадровая политика в кооперации встречала сопротивление «старых кооператоров», укоренившихся в отрасли до революционных событий. В конечном счете к концу НЭПа большевики смогли овладеть кооперативным аппаратом Губсоюзов кустарно-промысловой кооперации. Эти положения подтверждаются местным архивным материалом.

3. Институализация кустарной промышленности и выстраивание единой структуры управления.

Фактором регулирования кустарной промышленности стала ее институализация. Институциональное управление кустарной промышленностью с 1894 до 1917 года рассмотрено в работе К.Н. Тарновского «Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в.». В ней подробно описана эволюция системы управления кустарной промышленностью: от политики «невмешательства» со стороны государства до вопросов, связанных с мобилизацией в годы Первой мировой войны.

Большевики рассматривали развитие кустарной промышленности и вопрос ее институализации с позиций классовой борьбы. По их мнению, после событий октября 1917 г. обострились противоречия в промысловой кооперации, произошло разделение общей категории «кустарей» по классовому интересу. Руководящие органы «старых» промысловых союзов стояли на буржуазных позициях, присоединяясь к антисоветским силам. Рядовые кустари-производители объединялись с фабрично-заводским пролетариатом.

О расхождении политических интересов советского государства и «старых», образовавшихся до событий 1917 года промысловых объединений говорил А.И. Микоян на заседании бюро Губкома РКП(б) 5 августа 1921 года: «...Всероссийский съезд промысловой кооперации в Москве в 1919 году ярко выявил свой антисоветский характер. Крупные промысловые союзы, группируя вокруг себя контрреволюционный элемент, материально поддерживали и финансировали антисоветские партии и контрреволюционные организации...»

¹⁴³ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 50–51.

¹⁴⁴ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 50.

Нижегородский союз учреждений мелкого кредита, как было установлено следствием, кредитовал не столько производственную кооперацию, сколько учредительские предприятия.... Поэтому в 1919 году пришлось повести решительную борьбу против этих гнезд контрреволюции. Большинство Союзов было распушено; Союз учреждений мелкого кредита ликвидирован, а артели подверглись основательной фильтрации... Перед РКП встает новая задача подчинить своему влиянию возрождающуюся промышленную кооперацию...»¹⁴⁵.

Очередной этап становления общественно-политических институтов кустарной промышленности начался в 1920 году. 20 мая 1920 года было учреждено Главное управление по делам кустарной промышленности при ВСНХ и Народном комиссариате земледелия¹⁴⁶, а 7 сентября 1920 г. издается Декрет СНК РСФСР «О регулировании кустарных промыслов в ненационализированной промышленности»¹⁴⁷.

С этого момента контроль кустарных предприятий возлагался на рабоче-крестьянскую инспекцию; наблюдение и контроль за производственной деятельностью кустарных предприятий передавался Главкустпрому и его местным органам. Народный комиссариат труда контролировал соблюдение правил безопасности труда и тарифных норм.

Декретами СНК РСФСР от 17.05.1921 г. и 07.07.1921 г. [Решения партии..., 1967, с. 232–233] кустарю предоставлялась возможность инициативы и самостоятельности. Промысловая кооперация освобождалась от излишнего контроля, административного вмешательства. Предоставлялось право на организацию в артели, товарищества и союзы, в том числе на губернском уровне. «...Для организации кустарей и содействия развитию кустарной промышленности было учреждено Главное управление по делам кустарной промышленности, «Главкустпром», а в губерниях Губернские управления Главкустпром...»¹⁴⁸.

Несмотря на ведущиеся практически постоянно изменения и разного вида оптимизации структуры управления кустарной промышленностью, на заседании бюро Нижгубкома РКП от 4 июля 1921 г. отмечалось отсутствие единства в вопросе управления кустарного производства. Подчеркивалось, что «...организация кустарного производства находится в 3–4 руках... Созданный из пяти основных союзов Губернский производственный Союз – безответственен, находится в дали и оторван от мест. Правление его ведет политику в интересах кучки людей. Правление это необходимо изменить...»¹⁴⁹. Существенным недостатком сложившейся системы обозначалось взаимное пересечение компетенций различных инстанций, и при этом отсутствие работы на местах: «...до сего времени существовал параллелизм в работе органов, ведающих кустарной промышленностью... поскольку кустарная промышленность является подсобной в отношении крупной промышленности... здесь заинтересовано государство в лице Высовнархоза... в этой промышленности заинтересовано государство, и никто никогда не согласится отдать... ее в частные руки»¹⁵⁰.

Таким образом, процесс институализации кустарной промышленности находился на стадии становления. Формировались и распускались новые органы управления. Не были выработаны оптимальные схемы межведомственной коммуникации. Сильно было влияние «старых» Союзов, которые не удовлетворяли новую власть по политической составляющей и экономическому (классовому) интересу.

¹⁴⁵ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 46.

¹⁴⁶ Статья № 218. Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Земледелия. О Главном Управлении по делам кустарной и мелкой промышленности и промышленной кооперации (Положение). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 325.

¹⁴⁷ Декрет Совета Народных Комиссаров. О регулировании кустарных промыслов в ненационализированной промышленности. 7 сентября 1920 г. Собр. Узак. 1920 г. № 78. ст. 366.

¹⁴⁸ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 5 об.

¹⁴⁹ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Л. 2 об.

¹⁵⁰ Там же.

4. Государственная поддержка кустарной промышленности.

Советское государство как в центре, так и на региональном уровне, в частности в Нижегородской губернии, напрямую оказывало поддержку кустарям. Перечень мер был сформулирован комиссией по кустарной кооперации:

- кустарным артелям передавались большие государственные заказы (предписывалось выдавать заказы кооперативным объединениям преимущественно перед частными лицами);
- авансировались кооперативные организации при выдаче им государственных заказов;
- вводилось натуральное премирование;
- кустарным организациям предоставлялся приоритет в подборе необходимых помещений, при приобретении инструментов, аренде помещений для мастерских;
- шло распространение среди кустарей технических знаний посредством организации инструкторских школ, курсов, учебно-показательных мастерских, выставок и музеев;
- шел поиск и внедрение передовых методов и техник работы ¹⁵¹.

Активизировался процесс укрупнения и объединения кустарных предприятий. Из доклада председателя Нижегородского губернского совета народного хозяйства М.А. Воробьева на XI губпартконференции следовало, что «...наше производство сосредоточено в наиболее усовершенствованных предприятиях. В кожевенном производстве концентрация достигла больших результатов. Они сводятся к тому, что из 800 кустарных заводов мы сумели сосредоточить наше производство на 35–36 заводах...» ¹⁵². Однако отмечалось, что «обратная сторона процесса – это плохая приживаемость нововведений и низкий энтузиазм на местах... Валяно-сапожное производство... в Ниж. Губ. до сих пор не знало применения машин за исключением шерсточесальных... В Арзамасском и Семеновском уездах также стоят машины без применения...» ¹⁵³.

В целом констатировалось, что меры поддержки кардинально не отличались от подобных же, сформулированных к началу Первой мировой войны отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики (с июля 1917 г. кустарный отдел министерства земледелия). Эти меры включали распространение новых производств, обеспечивающих деятельность «тех отраслей хозяйственной жизни страны, которые отнесены к кругу ведения Министерства земледелия»; выполнение особых задач, связанных с заготовками для армии и тыла.

Заключение

На локальном материале раскрывая место кустарной промышленности в общей политической стратегии РКП(б), теоретики и практики социализма в советской России подчеркивали, что мелкая сельская промышленность:

- решает задачи по обеспечению населения товарами народного потребления в тех сегментах, где фабричная еще не получила должного развития;
- должна быть использована как точка роста крупной, фабрично-заводской промышленности. При этом признавалась необходимость скорейшего перехода к крупному, фабричному производству и уходу от кустарничества;
- является ценным ресурсом для обеспечения Красной армии и источником пополнения «экспортного фонда».

К началу 1920-х годов методы «военного коммунизма» потеряли свою экономическую эффективность. Следовал переход к новой экономической политике, которая, по мнению партийцев, была мерой вынужденной, включающей «отступление партии от передовых позиций...» ¹⁵⁴ – так сформулировал этот процесс А.И. Микоян в отчетном докладе на

¹⁵¹ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Л. 6.

¹⁵² ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1805. Л. 65.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2316. Л. 44.

13 Губернской конференции в марте 1922 года. Передовыми позициями были названы «завоевания» периода «военного коммунизма» в кустарной промышленности. Введение НЭПа стало политической уступкой, временной мерой, восстановительным этапом после двух продолжительных войн и общего экономического упадка. При частичном допущении рыночных механизмов особое внимание РКП(б) должна была уделить политическим факторам: классовой принадлежности кустарей, а также использованию их политическими оппонентами РКП(б). К перечню политических установок местных органов РКП(б) стоит отнести:

– кооперацию, то есть объединение кустарей-производителей в понятные, управляемые структуры: от артели до межгубернского отраслевого Союза. Здесь важнейшей **политической** задачей для РКП(б) стало скорейшее создание в районах Союзов промысловой кооперации. Они должны были стать основными общественно-политическими институтами для реализации политической повестки в промысловой среде. Следовало обеспечить строгий контроль над деятельностью кооперативов, упразднить политически неблагонадежные объединения, производственные союзы и организовывать новые лояльные организации, вести борьбу за политическое лидерство в отрасли;

– обеспечение кадрового наполнения управлений и руководящих органов кустарной промышленности партийцами или солидарными с курсом советской власти специалистами;

– преодоление разрозненности в управлении кустарной промышленностью и уход от пересечения сфер ответственности разных ведомств (комиссии Земледелия, Главпродукт, Центрсоюз, Главтекстиль, Главлеском и пр.). Предлагалось решать эту проблему через усиление роли Главкустпрома;

– прямое экономическое субсидирование отрасли, создание благоприятных экономических условий работы кустарю-производителю. Меры прямой государственной поддержки, выработанные комиссией по кустарной кооперации, сводились к размещению заказов, снабжению сырьем и инструментами и были нацелены на кооперирование кустарной промышленности «сверху», то есть ее централизацией.

Формула политической стратегии РКП(б) в регионе в отношении кустарной промышленности в момент перехода к новой экономической политике выстраивалась следующим образом:

– предоставить сдержанную инициативу на местах, стимулируя самоорганизацию;

– применяя административные меры, проводить кооперацию в «нужных» государствам сегментах кустарной промышленности;

– напрямую поддерживать кустарей в тех сегментах отрасли, в которых была наибольшая заинтересованность государства;

– выстраивать подконтрольную власти вертикаль управления кустарной промышленностью;

– защищать трудовые права рядового кустаря-производителя;

– вести работу по внедрению коммунистов или лояльных кадров в органы управления кустарной промышленности, «насыщать коммунистами» отрасль на местах в целом;

– пресекать распространение вредоносных политических движений в отрасли.

Благодарности:

Автор выражает глубокую благодарность профессору Ф.А. Селезневу за методическую помощь в реализации исследования.

Список источников

Декрет Совета Народных Комиссаров. О регулировании кустарных промыслов в ненационализированной промышленности. 7 сентября 1920 г. /Собр. Узак. 1920 г. № 78. Ст. 366. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (Далее ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1842. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протоколы №№ 35–85

- заседаний бюро Губкома РКП(б), Протокол № 35 Заседание Бюро Нижгубкома РКП от 4.07.1921 г. Л. 2–2 об; Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протоколы №№ 35–85 заседаний бюро Губкома РКП(б), Протокол № 2 заседания комиссии по кустарной промышленности. Л. 50–51; Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протоколы №№ 35–85 заседаний бюро Губкома РКП(б), Протокол № 3 заседания комиссии по промысловой кооперации. Л. 52; Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протоколы №№ 35–85 заседаний бюро Губкома РКП(б), О НЭПе. Всем уездкомам... Л. 46–48.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1845. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протоколы №№ 1-51, 56, 61, 76, 78 заседаний бюро губкома РКП(б), Об организации кустарной кооперации в губернии на основании декрета СНК от 7.07.1921 г. Л. 81.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1814. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протокол XII губернской партийной конференции. Протокол 12-й Нижгубконференции. 19–21 августа 1921 года. Л. 2.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1795. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Копии циркуляров ЦК РКП(б), губкома РКП(б) о проведении массово-политических и хозяйственных кампаний, об агитации среди крестьянства, разъясняющей сущность НЭПа Л. 13, 23.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Циркуляры губкома РКП(б) укомам, райкомам партии по ведению оргпартработы, усилению политической агитации, развитию народного образования и др., о мерах по организации кустарной кооперации и обеспечения влияния партии среди кустарей. Л. 2.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1805. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Протокол и стенограмма XI губернской партийной конференции, о... задачах хозяйственного строительства в губернии – доклад Воробьева. Л. 62–66.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1818. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Тезисы к докладам и резолюции XII губернской партийной конференции. О промысловой (кустарной) кооперации, с.-х. кооперации... Л. 6.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). О состоянии промышленности в губернии – доклад Иванова. Л. 1–5.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2183. Нижегородский губернский комитет (губком) ВКП(б). Тезисы губкома РКП(б) о мелкобуржуазных группировках, НЭПе и кустарной кооперации. Резолюции о работе фракции советских, профсоюзных органов. О НЭПе мелкобуржуазных группировках и кустарной кооперации Л. 1–12.
- ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2316. Протокол и стенограмма XIII губернской конференции РКП(б). О замене продразверски продналогом – как экономической политике Нижгубкома. Доклад Микояна на XIII парт. конфер. пром. конф. Л. 44.
- Микоян А.И. Так было. Размышление о минувшем. URL: <https://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/02.html> (дата обращения: 19.09.2024)
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1967. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917–1928 гг. Москва, Политиздат: 232–233.
- Статья № 218. Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Земледелия. О Главном Управлении по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Положение). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1943: 325.

Список литературы

- Махрачев Г.С. 2023. Развитие кустарной промышленности в Тамбовской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в: дис... канд. истор. наук. Тамбов. 206 с.
- Николаев А.А. 2000. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе, 1920 – середина 1930-х гг.: дис. ... док. истор. наук. Новосибирск. 362 с.
- Селезнёв Ф.А. 2017. А.И. Микоян и М.А. Тер-Егизарян во главе Нижегородской губернии (1920–1923 гг.). *Нижегородский краевед*. Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 3: 32–50.
- Тарновский К.Н. 1995. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. Москва, Наука. 267 с.

- Ягов О.В. 2008. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Самара, ПГПУ им. В.Г. Белинского. 334 с.
- Ягов О.В. 2007. К проблеме внедрения партийных сил в кустарно-промысловую кооперацию Поволжья в годы НЭПа. *Известия Самарского научного центра РАН*. 2007. 2: 397–402.

References

- Mahrachev G.S. 2023. Razvitie kustarnoj promyshlennosti v Tambovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX v. [The Development of the Handicraft Industry in Tambov Province in the Second Half of the XIX – First Third of the XX]: dis. ... kand. istor. nauk. Tambov. 206 p.
- Nikolaev A.A. 2000. Melkaya promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoj kooperativnoj sisteme, 1920 – seredina 1930-h gg. [Small-Scale Industry and Handicrafts of Siberia in the Soviet Cooperative System, 1920 – Mid-1930s.]: dis. ... dok. istor. nauk. Novosibirsk. 362 p.
- Seleznyov F.A. 2017. A.I. Mikoyan i M.A. Ter-Egiazaryan vo glave Nizhegorodskoj gubernii (1920–1923 gg.) [A.I. Mikoyan and M.A. Ter-Yeghiazaryan at the Head of the Nizhny Novgorod Province (1920–1923)]. *Nizhegorodskij kraeved*. Centr kraevedcheskih issledovanij IMOMI NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 3: 32–50.
- Tarnovskij K.N. 1995. Melkaya promyshlennost' Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Small Industry in Russia in the Late XIX – Early XX Century]. Moskva, Nauka. 267 p.
- Yagov O.V. 2008. Kustarno-promyslovaya kooperaciya Povolzh'ya v usloviyah realizacii novej ekonomicheskoy politiki [Handicraft and Industrial Cooperation of the Volga Region in the Context of the Implementation of a New Economic Policy]. Samara, PGPU im. V.G. Belinskogo. 334 p.
- Yagov O.V. 2007. K probleme vnedreniya partijnyh sil v kustarno-promyslovuyu kooperaciju Povolzh'ya v gody NEPa [On the Problem of the Introduction of Party Forces into the Handicraft Industry Cooperation of the Volga Region during the Years of the NEP]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 2: 394–402.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2024

Received 20.09.2024

Поступила после рецензирования 11.11.2024

Revised 11.11.2024

Принята к публикации 14.11.2024

Accepted 14.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аксянов Алексей Сафлович, главный хранитель фондов, Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор», г. Нижний Новгород, Россия

Aleksey S. Aksyanov, Chief Curator of Funds, Architectural and Ethnographic Museum-Reserve “Shchelokovsky Hutor”, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9237-0513](https://orcid.org/0000-0002-9237-0513)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1023-1034

Оригинальное исследование

Эволюция и перспективы развития основных биополитических угроз на постсоветском пространстве

Белашенко Д.А. , Шоджонов И.Ф.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23;

Агентство научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский»,

Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация. В представленном исследовании авторы предпринимают попытку разобраться в современных тенденциях в сфере обеспечения биологической безопасности государств бывшего СССР и в первую очередь Российской Федерации. Выявление потенциальных сфер «нестабильности» и «угроз» является ключевым фактором эффективного противостояния и построения работающей системы национальной безопасности. С целью представить комплексный анализ указанной проблематики авторы обращаются к сценарному методу, элементы которого дают возможность спрогнозировать возможные последствия событий, происходящих в сфере биологической безопасности.

Ключевые слова: биологическая безопасность, национальная безопасность, биологические угрозы, миграция, методы реагирования, водные проблемы, биологические лаборатории, постсоветское пространство

Для цитирования: Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2024. Эволюция и перспективы развития основных биополитических угроз на постсоветском пространстве. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1023–1034. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1023-1034

Финансирование: Исследование выполнено в рамках госзадания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

The Main Biopolitical Threats in the Post-Soviet Space: Evolution and Development Prospects

Dmitry A. Belashchenko , Imomidin F. Shodzhonov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia;

Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information,

2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia

dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Abstract. In the presented study the authors attempt to understand the current trends ensuring the biological safety of the former USSR states and, first of all, the Russian Federation. Identifying potential areas of

© Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф., 2024

"instability" and "threats" is a key factor in effective confrontation and building a functioning national security system. In order to present a comprehensive analysis of these issues, the authors turn to a scenario method, the elements of which make it possible to predict the possible consequences of events occurring in the field of biosafety. Identification of possible threats to biological safety is carried out in the three most "risky" areas – biological laboratories, water supply, and migration. Control over the development of these areas is a fundamental factor in maintaining domestic political stability and preserving the nation. The authors consider possible scenarios of escalation of these threats in the post-Soviet space, focusing on the consequences in the context of regional and global development.

Keywords: biological safety, national security, biological threats, migration, response methods, water problems, biological laboratories, post-Soviet space

For citation: Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. 2024. The Main Biopolitical Threats in the Post-Soviet Space: Evolution and Development Prospects. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1023–1034 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1023-1034

Funding: The study was carried out within the framework of the state task N-024-0_2023-2025 (FSR-2023-0033).

Введение

За последние несколько лет все большую популярность в научном, экспертном и публичном пространствах набирает тема, связанная с биологической политикой, биологическими угрозами, биологической безопасностью и т. д. Это отражается как в увеличении количества публикаций, посвященных тем или иным аспектам «биотематики» [Белогорцев, Римский, 2020; Кукарцева (Гласер) и др., 2021; Белашенко, Шоджонов, 2023], так и в повышении внимания действующей власти и отдельных представителей политического истеблишмента к данному вопросу. Кроме того, постепенно формируется и расширяется нормативно-правовая база, краеугольным камнем которой выступает Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации».

Большой интерес, на наш взгляд, представляет анализ ключевых биологических угроз, наиболее актуальных для современного постсоветского пространства. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, данный регион является одним из главных внешнеполитических приоритетов для Российской Федерации, что повышает внимание к любым процессам, происходящим в бывших союзных республиках. Во-вторых, несмотря на кризис действующей системы международных отношений и тенденции к фрагментации постсоветского пространства, уровень экономических, социальных, политических и иных связей между большинством государств региона остается достаточно высоким, а значит, и любая угроза (в т. ч. биологическая) априори носит не внутренний, а трансграничный характер. В-третьих, прогнозирование и упреждение биологических угроз является важным направлением как для каждой бывшей союзной республики и региональных организаций, так и может выступать в качестве «связующего звена», поскольку решение подобных проблем может быть достигнуто именно коллективным взаимодействием.

В то же время, несмотря на возросший интерес к данной теме [Орехов, Яворский, 2020; Арчаков, Субботин, 2021; Берладир, Харичкин, 2022], количество публикаций, имеющих к настоящему моменту, не закрывает все существующие пробелы, а также не всегда успевает за динамичными изменениями международной и региональной ситуации. В представленном исследовании авторы сосредоточились на анализе основных, по их мнению, биоугроз для постсоветского пространства и дальнейших перспектив их развития и устранения.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает анализ эволюции биологических угроз в XXI в., а также их возможных последствий для биологической безопасности Российской Федерации и постсоветского пространства. Методологическая основа исследования заключается в системно-структурном и институциональном подходе к изучению предложенной проблематики с элементами сценарного метода. Исследование было выполнено в соответствии с принципами системности, которые предполагают комплексное рассмотрение процессов с учетом ключевых факторов их развития. Авторы прибегают также к таким общенаучным методам, как анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Биолаборатории США на постсоветском пространстве

Тема деятельности биологических лабораторий США в государствах постсоветского пространства уже в течение нескольких лет является достаточно популярной как в научных публикациях и аналитических докладах, так и в СМИ. Особенно эта проблема актуализировалась после начала специальной военной операции России на территории Украины (СВО), когда представители Министерства обороны и других ведомств обнародовали сведения о попавших к ним материалах, касающихся деятельности таких центров.

История появления биолабораторий США на постсоветском пространстве связана с выдвижением в начале 1990-х гг. инициативы сенаторов С. Нанна и Р. Лугара Cooperative Threat Reduction Program (CTRP; «Программа совместного уменьшения угрозы»), предназначенной для активизации взаимодействия США и России в сфере контроля и ликвидации оружия массового уничтожения. Вскоре к инициативе присоединились практически все республики бывшего СССР. К середине 1990-х гг. после снятия с повестки вопросов о ядерном и химическом оружии все внимание участников сосредоточилось на биологическом оружии [Бужинский, 2014; Деятельность..., 2022, с. 3; Nikitin, Woolf, 2015]. СССР оставил своим правопреемникам обширное «наследие» в виде объектов инфраструктуры (лаборатории, центры и т. д.), коллекций биоматериалов и патогенов, большого количества квалифицированных специалистов. Еще до конца XX в. инициатива Нанна – Лугара была дополнена двумя проектами Министерства обороны США – Cooperative Biological Engagement Program (СВЕР; Биологическая программа совместного участия) и Biological Threat Reduction Program (ВТРР; Программа уменьшения биологической угрозы) [Деятельность..., 2022, с. 3–4].

За первые десятилетия XXI в. сеть американских биолабораторий и центров, включая головные Центральные референс-лаборатории, охватила большинство государств постсоветского пространства, прежде всего Украину, Казахстан, Грузию и Азербайджан. Тем самым Вашингтон, с одной стороны, смог обойти внутриамериканские и международные ограничения на разработку биологического и токсинного оружия, а с другой – получил возможность оказывать давление в сфере биобезопасности на такие страны Евразии, как Россия, Китай, Иран, Индия и т. д. и в целом использовать регион как своеобразный «полигон» [Деятельность..., 2022, с. 3–16].

Косвенными свидетельствами деятельности биолабораторий на территории постсоветского пространства являются регулярные вспышки различных заболеваний среди людей (корь, гепатит А, желтуха, холера, лептоспироз, ботулизм, сибирская язва и др.) и животных (бешенство, африканская чума свиней и др.). Самым показательным примером здесь является Украина, что объясняется повышенным уровнем сотрудничества (фактически зависимости) Киева и Вашингтона [Кармазин, 2019; Уваров, 2020]. Однако периодически вспышки болезней (в т. ч. и, казалось бы, давно побежденных) проявлялись и в других постсоветских странах (Казахстан, Узбекистан).

Еще одним проявлением можно считать испытание на населении стран постсоветского пространства вакцин от различных вирусов. В частности, имеются свидетельства об исследовании на гражданах Украины (в т. ч. военнослужащих) сывороток, разрабатывавшихся западными фармацевтическими компаниями, в период пандемии COVID-19 [Ворошилов, 2022].

Однако, несмотря на имеющиеся в открытом доступе данные о деятельности американских биологических лабораторий на постсоветском пространстве, пока сложно сделать однозначный вывод о масштабе угрозы от них для стран региона и России в частности. Основная часть информации по данному вопросу засекречена, что не позволяет сделать четкий однозначный вывод. Имеющаяся информация и исследования в основном носят обрывочный и несистемный характер. Тем не менее существующие данные демонстрируют значительную заинтересованность США в выстраивании и функционировании масштабной сети биологических лабораторий и научных центров в республиках бывшего СССР [Америка против всех..., 2023, с. 100]. Это подтверждается и активным продвижением инициативы Нанна – Лугара и сопряженных с ней программ и проектов, и большим количеством военных и гражданских институтов, вовлеченных в процесс, и имеющимся в открытом доступе данным об активном финансировании проводящихся на базе объектов работ [Lakota, 2022].

В последние годы США вынуждены были частично пересмотреть масштабы и характер своей деятельности в рамках имеющихся биологических лабораторий. Где-то, как на Украине, это была вынужденная мера, обусловленная проведением СВО, а где-то, как в Казахстане, позицией местных властей, попавших под перекрестное давление со стороны своих соседей и ключевых экономических партнеров России и Китая [Тавровский, 2022]. Однако говорить о сворачивании американских биологических исследований пока не приходится. Тем не менее в условиях кризиса современной системы международных отношений и продолжающейся СВО можно спрогнозировать сокращение американского присутствия на постсоветском пространстве и в Евразии в целом ввиду постепенного наращивания возможностей со стороны России, Китая, Индии, Ирана и других государств, в чьи интересы не входит наличие в республиках бывшего СССР прямой угрозы для своей биологической (и не только) безопасности.

Водные проблемы Центральной Азии

В период существования СССР в периферийную Среднюю Азию и Казахстан вкладывались значительные ресурсы с целью выравнивания уровня жизни в стране и устранения дисбаланса в развитии союзных республик. Водный вопрос при этом регулировался как юридическими нормами (установление квот на забор воды из основных рек и иных пресных водоемов), так и путем реализации масштабных проектов по строительству ирригационных систем. В условиях единого государства такая политика приносила свои плоды. Однако наряду с успехами в сферах промышленности, сельского хозяйства и повышения качества и уровня жизни населения подобная активная деятельность приводила и к локальным экологическим катастрофам. Самым известным примером является Аральское море, фактически исчезнувшее из-за отсутствия подпитки от рек Амударья и Сырдарья, чьи водные запасы уходили на орошение сельхозугодий. Помимо продолжающегося пересыхания самого Арала была также нарушена и местная экосистема, что привело к запустыниванию и засаливанию ряда районов современных Казахстана и Узбекистана [Акыев и др., 2024].

С распадом СССР и появлением в Центральной Азии пяти новых независимых государств на водные ресурсы региона начали оказывать влияние как «традиционные» факторы, так и новые: изменение статуса ряда водоемов с внутренних на трансграничные, продолжающийся рост численности населения, постепенное усиление засушливости, медленные темпы модернизации инфраструктуры на фоне ее интенсивного износа [Нысабаев и др.,

2016], неспособность государств «пятерки» создать эффективные институты и программы/проекты для решения проблем водных ресурсов [Саидамиров, Торопыгин, 2018]. Отдельно также стоит выделить активизацию Афганистана, чьи гидротехнические проекты уже в краткосрочной перспективе способны серьезно ухудшить ситуацию в Узбекистане, Туркменистане и с меньшей долей вероятности в Таджикистане [Жильцов, 2023].

Несмотря на то что по территории Афганистана протекают такие важные реки, как Амударья (соединяет Афганистан, Узбекистан и Туркменистан) и Пяндж (разделяет Афганистан и Таджикистан), официальный Кабул никогда не был участником ни региональных (Соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников», 1992 г.; Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии, 1992 г.), ни международных (Конвенция ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, 1992 г.; Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 1997 г.; Берлинские правила по водным ресурсам, 2004 г.) соглашений и институтов (исключением является Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии 1998 г. Водная инициатива ЕС 2002 г.) [Зонн и др., 2018, с. 62].

В марте 2022 г. руководство Афганистана в лице вернувшейся к власти годом ранее группировки «Талибан»¹⁵⁵ заявило о намерении построить в течение 5–6 лет канал Куш-Тепа, который позволит в 55 раз увеличить площадь орошаемых угодий, что позитивно скажется на развитии сельского хозяйства страны, а также позволит частично решить проблему безработицы. Однако в случае реализации проекта Кабул будет забирать более четверти годового стока Амударьи, что неизбежно усугубит водный кризис в Узбекистане и Туркменистане, а также ухудшит социально-экономическую и экологическую обстановку в этих странах. Прогнозы экспертов о возможности Афганистана реализовать столь масштабный проект разнятся, но к намерениям талибов всерьез отнеслись в государствах Центральной Азии, что отразилось и в прямых переговорах о сотрудничестве между Афганистаном и Узбекистаном, и в начавшемся пересмотре статуса «Талибана» как террористической организации [Белашенко, Шоджонов, 2023].

Существующий комплекс проблем в рамках водного вопроса в Центральной Азии на сегодняшний день пока не имеет четких механизмов по решению, напротив, сохраняет тенденции к обострению. Так, в 2023 г. массовые протесты из-за перебоев с водоснабжением, возникшим в результате засухи, прошли в Казахстане и Кыргызстане. В случае дальнейшего ухудшения ситуации последствиями для Центральной Азии и приграничных стран станут рост угрозы межгосударственных конфликтов, обрушение системы продовольственной безопасности, риск возникновения эпидемий, масштабный миграционный кризис, деградация экологии и т. д. [Кармазин, 2023].

В то же время, учитывая существующие прогнозы на 2025–2050 гг., страны Центральной Азии начали разрабатывать национальные стратегии по решению водных проблем. В частности, в Казахстане были разработаны Концепция управления водными ресурсами на 2024–2030 гг. и Комплексный план развития водного хозяйства на 2024–2030 гг., в 2023 г. создано Министерство водных ресурсов и ирригации. Есть примеры и внутрорегионального сотрудничества (например, казахстанско-кыргызстанско-узбекистанский проект по строительству Камбаратинской ГЭС-1), а также интенсификации процессов по водосбережению и модернизации инфраструктуры [Абдрахманова, 2024]. Кроме того, разрабатываются проекты на уровне международных организаций и их институтов. В частности, стоит отметить деятельность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Евразийского банка развития (ЕАБР) [Винокуров и др., 2023]. На сегодняшний день мнения большинства экспертов сходятся на том, что преодоление водного кризиса и его долгосрочных негативных последствий

¹⁵⁵ Запрещенная в России террористическая организация.

в Центральной Азии возможно лишь за счет совместного сотрудничества по таким направлениям, как перераспределение трансграничных ресурсов, водосбережение, модернизация инфраструктуры и повышение производительности и энергоэффективности сельского хозяйства [Кармазин, 2023; Абдрахманова, 2024; Rethinking..., 2017; Nakala et al., 2023].

Фактор миграции и демографии как угроза биологической безопасности Российской Федерации и постсоветского пространства

Миграция населения несет за собой ряд угроз, которые мы можем выделить в определенные блоки:

1. Демографическое давление: повышенная миграция может привести к росту численности населения в определенных регионах, что может создать давление на доступные ресурсы, такие как жилье, здравоохранение, образование и т. д.

2. Дезинтеграция общества: миграция может вызвать социальные и культурные трения в обществе, особенно если мигрирующие группы не интегрируются должным образом, что может привести к конфликтам и дезинтеграции общества.

3. Неравномерное распределение населения: миграция может привести к неравномерному распределению населения по регионам, что может создавать дисбаланс в развитии и экономическом потенциале различных регионов. В том числе и в области сельского хозяйства, что также несет в себе биологические риски для государства и региона.

4. Угрозы здравоохранению: миграция может способствовать распространению инфекционных заболеваний и других угроз здоровью из-за перемещения людей через различные регионы.

5. Старение населения: в случае оттока рабочей силы из определенных регионов это может привести к старению населения и возникновению проблем с пенсионной системой и здравоохранением.

Относительно Российской Федерации, анализируя эпидемиологическую ситуацию, можно отметить, что миграция из стран Центральной Азии вызывает в стране рост различных инфекционных заболеваний, к которым можно отнести кишечную палочку, туберкулез, сифилис, лепра, ВИЧ, COVID-19, гепатиты различного типа и т. д. По данным Роспотребнадзора, например, за 2018 г. у мигрантов в России выявили 21 тысячу случаев заболевания ВИЧ-инфекцией, свыше 33 тысяч случаев заболевания туберкулезом и более 42 тысяч – сифилисом [Третьякова, 2021].

Так, 2019 г. также стал показательным с точки зрения эпидемиологических угроз со стороны мигрантов для России, так, например, при вспышке кори в ноябре 2019 г. была санкционирована компания по вакцинации трудовых мигрантов за счет работодателей. В 2019 г. также была предупреждена опасная ситуация с завозом полиомиелита детьми мигрантов из Таджикистана в Россию за счет подчищающей иммунизации среди детей [Третьякова, 2021].

Согласно заявлению главы московского Роспотребнадзора, главного санитарного врача Москвы Е.Е. Андреевой, за 2022 г. в столице наблюдалась напряженная ситуация с заболеванием менингококковой инфекцией. Она отметила, что «мигранты из Центральной Азии приезжают в страну с «чистым иммунитетом» и наиболее подвержены заболеваемости» [Роспотребнадзор..., 2022].

Несмотря на указанные случаи, эпидемиологическая ситуация в среде мигрантов находится под контролем государства. Среди мер, предпринимаемых властями, можно выделить обязательный санитарный контроль прибывающих на территорию страны мигрантов, медицинское обследование с обязательным оформлением медицинской книжки, бесплатную вакцинацию в критических случаях и т. д.

Миграция имеет свои негативные последствия и для биологической безопасности государств-доноров рабочей силы. Здесь необходимо акцентировать внимание на такие

страны, как Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Согласно статистическим показателям 2023 г., миграция оттуда составила: Узбекистан (3,5 млн человек, из них почти 1,5 млн – с трудовыми целями), Таджикистан (более 1,7 млн человек, из них почти 800 тысяч – с трудовыми целями) и Кыргызстан (более 800 тысяч человек) [Попкова, 2024]. Столь многочисленная миграция бьет и по самим странам Центральной Азии, влияя на демографический фактор и институт семьи. Молодёжь покидает страну, образуется вакуум работоспособного населения, ввиду чего тормозится развитие секторов производства. Кроме того, трудовая миграция из стран Центральной Азии представлена в большинстве своем мужчинами, чаще всего имеющими семьи, их долгое нахождение за рубежом пагубно влияет на сохранение института семьи и приверженность к традиционным ценностям. Помимо этого, стоит отметить, что трудовые мигранты чаще всего работают в тяжелых условиях, что вызывает ряд хронических заболеваний, а также растет уровень заражения ВИЧ в таких странах, как Узбекистан и Таджикистан, что также связывают с трудовой миграцией [Джавадова, 2021].

Особняком в этом вопросе стоит Республика Казахстан. Ввиду малочисленного притока и оттока мигрантов в страну можно отметить, что угрозы биологической безопасности в большей степени связаны с внутренней эпидемиологической ситуацией и природными катаклизмами (например, сезонными паводками или засухами). Согласно статистике, в январе-июне 2023 г. число прибывших в страну составило 13 652 человека, выбывших – 6 996 человек, сальдо миграции составило 6 656 человек [Айдарбекова, 2023]. По сравнению с соответствующим периодом 2022 г., число прибывших в Казахстан увеличилось на 87,3 %, число выбывших уменьшилось на 56,7 % [Айдарбекова, 2023]. Основной миграционный обмен страны происходит с государствами СНГ, доля прибывших из стран СНГ составила 89,1 %, доля выбывших в эти страны – 75,4 % [Айдарбекова, 2023].

На сегодняшний день в Российской Федерации остро встает вопрос в необходимости борьбы с неконтролируемой миграцией из стран Центральной Азии. Турбулентная международная среда последних лет, вызванная пандемией COVID-19, началом СВО, ростом этнической преступности подсветили необходимость ужесточения контроля над въезжающими в страну мигрантами, в том числе и с целью нивелировать возможные биологические риски. Ухудшение криминогенной обстановки, ввоз и распространение вирусов и инфекций – все эти факторы так или иначе влияют на вопросы обеспечения стабильного развития российского общества и требуют тщательной проработки.

Заключение

Важным аспектом изучения и выработки методов противодействия биологическим угрозам является прогнозирование и сценарное изучение вероятностей их эскалации. В данном вопросе методы и методология отечественных академических и профильных (занятых вопросами мониторинга и предотвращения биологических угроз) сообществ находятся в «зачаточном» состоянии. Активно ведется сбор статистических данных, но их дальнейшая обработка требует гораздо более серьезного подхода, связанного с аналитикой больших данных. Сегодня существуют платформы анализа Big Data, применимые в сценарном прогнозировании распространения вирусных инфекций и патогенов. К таким платформам относится, например, Loginom. С ее помощью осуществляется очистка, предобработка, связывание и систематизация данных, реализуются сложные расчеты, строятся модели прогнозирования, в том числе с помощью машинного обучения [Практика использования..., 2024]. К примерам успешной реализации такого подхода к прогнозированию может послужить использование платформы Loginom в РосНИПЧИ «Микроб» с целью вычисления индикаторов заболеваемости COVID-19 на популяционном уровне. Анализ открытых данных в Loginom позволил создать промежуточные синтетические прогнозы для раннего обнаружения вспышек заболеваемости COVID-19 [Практика использования..., 2024].

Анализ эволюции и перспектив дальнейшего развития ключевых биологических угроз на постсоветском пространстве показывает их тесную взаимосвязь как в настоящем, так и в будущем. Многочисленные сценарии и прогнозы, затрагивающие тему обеспечения биологической безопасности России и постсоветского пространства в целом, рассматривают «в связке», например, угрозы ухудшения эпидемиологической обстановки и рост числа мигрантов; темы миграции и демографии; развитие очередного этапа водного кризиса в Центральной Азии и его потенциальное влияние на другие страны постсоветского пространства.

На наш взгляд, устранение и/или упреждение биологических угроз должно носить систематический характер, а не являться лишь реакцией на возникающие проблемы. В современных условиях это может быть достигнуто несколькими путями, включающими как выстраивание национальной системы обеспечения биологической безопасности и обретения полноценного биологического суверенитета, так и в тесном сотрудничестве с партнерами по СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС+ и т. д. При этом повышенное внимание должно уделяться прогнозированию и сценарному подходу с целью выявления максимально большого количества вариантов развития событий и выработки эффективных алгоритмов по противодействию угрозам.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках госзадания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

Список литературы

- Абдрахманова Г. 2024. Мировые расточители: почему государствам Центральной Азии не хватает воды. *Казинформ*. URL: <https://www.inform.kz/ru/mirovie-rastochiteli-pochemu-stranam-tsentralnoy-azii-ne-hvataet-vodi-537314> (дата обращения: 22.10.2024).
- Айдарбекова Ж. 2023. Миграция населения Республики Казахстан за январь-июнь 2023 г. *Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6354/#:~:text=число%20прибывших%20в%20страну%20составило,миграции%20составило%206%20656%20человек.&text=По%20сравнению%20с%20соответствующим%20периодом,уменьшилось%20на%2056%2C7%25> (дата обращения: 23.10.2024).
- Акыев Ы., Сылапбердиев Б., Дурдыев Д., Ягшыева М. 2024. Экологические проблемы Аральского моря. *Инновационная наука*, 4–2: 58–60.
- Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. 2023. М., ООО «Содружество культур», 588 с.
- Арчаков В.Ю., Субботин А.Ю. 2021. Военно-биологические программы США на постсоветском пространстве: риски и вызовы для национальной безопасности Республики Беларусь. *Новости медико-биологических наук*, 21(3): 197–208.
- Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2023. Гидротехнические проекты Афганистана как катализатор нового этапа водного кризиса в Центральной Азии. В кн.: Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы VIII Международной научно-практической конференции [4–6 октября 2023 г., г. Петрозаводск] Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН; [отв. ред.: Т.В. Морозова, Н.Г. Колесников]. М., Первое экономическое издательство, 18–23. doi: 10.18334/9785912924927.18-23
- Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2023. К вопросу об обеспечении биологического суверенитета Российской Федерации. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 1084–1094. doi: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1084-1094
- Белогорцев Д.А., Римский А.В. 2020. Феноменология современной биополитики. *Наука. Искусство. Культура*, 2: 187–198.

- Берладир Ю.В., Харичкин И.К. 2022. Биотерроризм: реальность или миф? *Вестник Московского государственного лингвистического университета Общественные науки*, 4: 9–17. doi: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_9
- Бужинский Е.П. 2014. Уроки Программы Нанна – Лугара и Глобального партнерства. *Индекс безопасности*, 20(1): 141–150.
- Винокуров Е., Ахунбаев А., Чуев С., Адахаев Т., Сарсембеков Т. 2023. Эффективная ирригация и водосбережение в Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 23/4. Алматы, Евразийский банк развития, 120 с.
- Ворошилов Д. 2022. Минобороны обвинило Pfizer и Moderna в военных исследованиях на Украине. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/05/2022/627bdaa89a7947b29d58644f> (дата обращения: 22.10.2024).
- Деятельность биологических лабораторий Министерства обороны США на Украине. 2022. М., 76 с.
- Джавадова С.Р. 2021. Потенциальные риски миграционных процессов в странах Центральной Азии. *Казанский вестник молодых учёных*. 5(4): 62–72.
- Жильцов С.С. 2023. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана. *Проблемы постсоветского пространства*, 10(2): 110–119. doi: 10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119
- Зонн И.С., Жильцов С.С., Семенов А.В., Костяной А.Г. 2018. Водная политика Афганистана в Центральной Азии. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление*, 3: 54–66. doi: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66
- Кармазин И. 2019. С пеной у рта: почему на Украину возвращаются смертоносные болезни. *Известия*. URL: <https://iz.ru/937975/igor-karmazin/s-penoi-u-rta-na-ukraine-nachalas-epidemiia-smertonosnoi-bolezni> (дата обращения: 22.10.2024).
- Кармазин И. 2023. Выдавливают по капле: к чему приведет дефицит воды в Центральной Азии. *Известия*. URL: <https://iz.ru/1537493/igor-karmazin/vydavlivaiut-po-kaple-k-chemu-privedet-defitsit-vody-v-tcentralnoi-azii> (дата обращения: 22.10.2024).
- Кукарцева (Гласер) М.А., Ивлев В.Ю., Новик Н.Н. 2021. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству. *Вопросы философии*, 2: 42–52. doi: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52
- Нысабаев Е.Н., Медеу А.Р., Турсунова А.А. 2016. Водные проблемы Центральной Азии. *География и водные ресурсы*, 3: 11–16.
- Орехов С.Н., Яворский А.Н. 2020. Биологические угрозы и биологическая безопасность. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, 5: 60–73. doi: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073
- Попкова Е. 2024. Миграционная статистика России. *Migrant Visa*. URL: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/> (дата обращения: 23.10.2024).
- Практика использования аналитической Low-code платформы Loginom для анализа больших медицинских данных с целью прогнозирования развития эпидемий смертельно опасных заболеваний. *Loginom*. URL: <https://loginom.ru/blog/microbe-case> (дата обращения: 23.10.2024).
- Роспотребнадзор отметил сложную ситуацию по менингиту среди мигрантов в Москве. 2022. *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/877442> (дата обращения: 23.10.2024).
- Саидамиров Б.Ш., Торопыгин А.В. 2018. Водные проблемы Центральной Азии: механизмы решения на разных уровнях политического управления. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 4: 34–42.
- Тавровский Ю. 2022. Вирусы из Алма-Аты угрожают Китаю и России. *МК.ru*. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/16/komu-ugrozhayut-virusy-iz-almaaty.html> (дата обращения: 22.10.2024).
- Третьякова М. 2021. Какие болезни могут привезти мигранты. *Парламентская газета*. URL: <https://www.pnp.ru/social/kakie-bolezni-mogut-priviezti-migranty.html> (дата обращения: 23.10.2024).
- Уваров А. 2020. История странных эпидемий на Украине: американские военные биологи продолжают эксперименты. *NewsFront*. 2020. URL: <https://news-front.info/2020/04/29/istoriya-strannyh-epidemij-na-ukraine-amerikanskie-voennye-biologi-prodolzhayut-eksperimenty/> (дата обращения: 22.10.2024).

- Hakala E., Mustasilta K., Hadi M. 2023. Water Diplomacy Analysis for Central Asia. Dynamics of Insecurity and Forces for Resilience. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs, 124 p.
- Lakota J. 2022. U.S. Biowarfare Labs in Post-Soviet States. *Вестник войск ПХБ защиты*, 6(1): 28–43. doi: 10.35825/2587-5728-2022-6-1-28-43
- Nikitin M.B.D., Woolf A.F. 2015. The Evolution of Cooperative Threat Reduction: Issues for Congress. Washington, Congressional Research Service, 57 p.
- Rethinking Water in Central Asia. The Costs of Inaction and Benefits of Water Cooperation. 2017. Berlin, Laserline Druckzentrum, 131 p.

References

- Abdrahmanova G. 2024. Mirovye rastochiteli: pochemu gosudarstvam Central'noj Azii ne hvataet vody [World's Spendthrifts: Why Central Asian States are Running out of Water]. *Kazinform*. Available at: <https://www.inform.kz/ru/mirovie-rastochiteli-pochemu-stranam-tsentralnoy-azii-ne-hvataet-vodi-537314> (accessed: 22.10.2024).
- Ajdarbekova Zh. 2023. Migracija naselenija Respubliki Kazahstan za janvar'-ijun' 2023 g. [Migration of the Population of the Republic of Kazakhstan in January-June 2023]. *Bjuro Nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan*. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6354/#:~:text=chislo%20pribyvshih%20v%20stranu%20sostavilo,migracii%20sostavilo%206%20656%20chelovek.&text=Po%20sravneniju%20s%20sootvetstvujushhim%20periodom,umen'shilos%20na%2056%20C7%25> (accessed: 23.10.2024).
- Akyev Y., Sylapberdiev B., Durdyev D., Jagshyeva M. 2024. Ecological Problems of the Aral Sea. *Innovacionnaja nauka*, 4–2: 58–60.
- Amerika protiv vseh. Geopolitika, gosudarstvennost' i global'naya rol' SShA: istoriya i sovremennost' [America Against Everyone. Geopolitics, Statehood, and the Global Role of the United States: History and Modernity]. 2023. Moscow, Publ. OOO «Sodruzhestvo kul'tur», 588 p.
- Archakov V.Yu., Subbotin A.Yu. 2021. Voенно-biologicheskie programmy SSHA na postsovetском prostranstve: riski i vyzovy dlya nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus' [US Military Biological Programs in the Post-Soviet Space: Risks and Challenges to the National Security of The Republic of Belarus]. *News of Biomedical Sciences*, 21(3): 197–208.
- Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. 2023. Gidrotekhnicheskie proekty Afganistana kak katalizator novogo etapa vodnogo krizisa v Tsentral'noi Azii [Hydraulic Projects of Afghanistan as a Catalyst of a New Stage of Water Crisis in Central Asia]. In: *Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov* [Prospects for Socio-Economic Development of Border Regions]. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, October 4–6, 2023, Petrozavodsk. [otv. red.: T.V. Morozova, N.G. Kolesnikov]. Moscow, Publ. Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo, 18–23. doi: 10.18334/9785912924927.18-23
- Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. 2023. K voprosu ob obespechenii biologicheskogo suvereniteta Rossijskoj Federacii [Revisiting the Guarantees of the Bio-Political Sovereignty of the Russian Federation]. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 1084–1094. doi: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1084-1094
- Belogorcev D.A., Rimskij A.V. 2020. Phenomenology of the Modern Biopolitics. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2: 187–198.
- Berladir Yu.V., Kharichkin, I.K. 2022. Bioterrorizm: real'nost' ili mif? [Bioterrorism: Reality or Myth?]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4, 9–17. doi: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_9
- Buzhinskii E.P. 2014. Uroki Programmy Nanna – Lugara i Global'nogo partnerstva [Lessons from the Nunn-Lugar Program and the Global Partnership]. *Indeks bezopasnosti*, 20(1): 141–150.
- Deyatel'nost' biologicheskikh laboratorii Ministerstva oborony SShA na Ukraine [Activities of US Department of Defense Biological Laboratories in Ukraine]. 2022. Moscow, 76 p.
- Dzhavadova S.R. 2021. Potencial'nye riski migracionnykh processov v stranah Central'noj Azii [Potential Risks of Migration in Central Asian Countries]. *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 5(4): 62–72.
- Karmazin I. 2019. S penoi u rta: pochemu na Ukrainu vozvrashchayutsya smertonosnye bolezni [Foaming at the Mouth: Why Deadly Diseases are Returning to Ukraine]. *Izvestiya*. Available at:

- <https://iz.ru/937975/igor-karmazin/s-penoi-u-rta-na-ukraine-nachalas-epidemiia-smertonosnoi-bolezni> (accessed: 22.10.2024).
- Karmazin I. 2023. Vydavlivayut po kaple: k chemu privedet defitsit vody v Tsentral'noi Azii [Squeezing out Drop by Drop: What Will Water Shortage Lead to in Central Asia]. *Izvestiya*. Available at: <https://iz.ru/1537493/igor-karmazin/vydavlivaiut-po-kaple-k-chemu-privedet-defitsit-vody-v-tsentralnoi-azii> (accessed: 22.10.2024).
- Kukartseva (Glaser) M.A., Ivlev V.Yu., Novik N.N. Discourses of Biopolitics and Human Security in the Context of New Challenges and Threats to Humanity. *Voprosy Filosofii*, 2: 42–52. doi: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52
- Nysabaev E.N., Medeu A.R., Tursunova A.A. 2016. Water Problems of Central Asia. *Issues of Geography and Geoecology*, 3: 11–16 (in Russian).
- Orehov S.N., Javorskij A.N. 2020. Biological Threats and Biological Safety. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA)*, 5: 60–73 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073>.
- Popkova E. 2024. Migracionnaja statistika Rossii [Migration Statistics of Russia]. *Migrant Visa*. Available at: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/> (accessed: 23.10.2024).
- Praktika ispol'zovanija analiticheskoi Low-code platformy Loginom dlja analiza bol'shikh medicinskih dannyh s cel'ju prognozirovaniya razvitiya jepidemij smertel'no opasnyh zabolevanij [The Practice of Using the Low-Code Login Analytical Platform to Analyze Large Medical Data in Order to Predict the Development of Epidemics of Deadly Diseases]. *Loginom*. Available at: <https://loginom.ru/blog/microbe-case> (accessed: 23.10.2024).
- Rospotrebnadzor otmetil slozhnuju situaciju po meningitu sredi migrantov v Moskve [Rospotrebnadzor Noted the Difficult Situation of Meningitis Among Migrants in Moscow]. 2022. *Interfaks*. Available at: <https://www.interfax.ru/moscow/877442> (accessed: 23.10.2024).
- Saidamirov B.Sh., Toropygin A.V. 2018. Water Problems of Central Asia: Solution Mechanisms at the Different Levels of Political Management. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 4: 34–42 (in Russian).
- Tavrovskii Yu. 2022. Virusy iz Alma-Aty ugrozhayut Kitayu i Rossii [Viruses from Almaty Threaten China and Russia]. *MK.ru*. Available at: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/16/komu-ugrozhayut-virusy-iz-almaaty.html> (accessed: 22.10.2024).
- Tret'jakova M. 2021. Kakie bolezni mogut privezti migranty? [What Diseases Can Migrants Bring?]. *Parlamentskaja gazeta*. Available at: <https://www.pnp.ru/social/kakie-bolezni-mogut-privezti-migranty.html> (accessed: 23.10.2024).
- Uvarov A. 2020. Istoriya strannykh epidemii na Ukraine: amerikanskije voennye biologi prodolzhayut eksperimenty [History of Strange Epidemics in Ukraine: American Military Biologists Continue Experiments]. *NewsFront*. 2020. Available at: <https://news-front.info/2020/04/29/istoriya-strannyh-epidemij-na-ukraine-amerikanskije-voennye-biologi-prodolzhayut-eksperimenty/> (accessed: 22.10.2024).
- Vinokurov E., Akhunbaev A., Chuev S., Adakhaev T., Sarsembekov T. 2023. Effektivnaya irrigatsiya i vodosberezhenie v Tsentral'noi Azii. Doklady i rabochie dokumenty 23/4 [Efficient Irrigation and Water Conservation in Central Asia. Papers and Working Papers 23/4]. Almaty, Publ. Evraziiskii bank razvitiya, 120 p.
- Voroshilov D. 2022. Minoborony obvinilo Pfizer i Moderna v voennykh issledovaniyakh na Ukraine [Defense Ministry Accuses Pfizer and Moderna of Military Research in Ukraine]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/11/05/2022/627bdaa89a7947b29d58644f> (accessed: 22.10.2024).
- Zhil'tsov S.S. 2023. The Problem of Water Scarcity in Central Asia: the Factor of Afghanistan. *Post-Soviet Issues*, 10 (2): 110–119 (in Russian). doi: 10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119
- Zonn I.S., Zhil'tsov S.S., Semenov A.V., Kostyanoi A.G. 2018. Water Policy of Afghanistan in Central Asia. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1. Ekonomika i upravlenie*, 3: 54–66 (in Russian). doi: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66
- Hakala E., Mustasilta K., Hadi M. 2023. Water Diplomacy Analysis for Central Asia. Dynamics of Insecurity and Forces for Resilience. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs, 124 p.
- Lakota J. 2022. U.S. Biowarfare Labs in Post-Soviet States. *Vestnik voisk PХВ зашиты*, 6(1): 28–43. doi: 10.35825/2587-5728-2022-6-1-28-43

Nikitin M.B.D., Woolf A.F. 2015. The Evolution of Cooperative Threat Reduction: Issues for Congress. Washington, Congressional Research Service, 57 p.
Rethinking Water in Central Asia. The Costs of Inaction and Benefits of Water Cooperation. 2017. Berlin, Laserline Druckzentrum, 131 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 19.09.2024
Поступила после рецензирования: 20.10.2024
Принята к публикации: 30.10.2024

Received: 19.09.2024
Revised: 20.10.2024
Accepted: 30.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белашенко Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник, Агентство научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский», г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0692-3418](https://orcid.org/0000-0002-0692-3418)

Шоджонов Имомидин Фозилович, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, младший научный сотрудник, Агентство научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский», г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0913-2440](https://orcid.org/0000-0003-0913-2440)

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations of the N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Senior Researcher of the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, Nizhny Novgorod, Russia

Imomidin F. Shodzhonov, Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law of the N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Junior Researcher of the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 323

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043

Оригинальное исследование

Российское пограничье в условиях специальной военной операции: актуальные аспекты обеспечения национальной безопасности

Огнева В.В.¹ , Болховитина Т.С.²

¹⁾ Среднерусский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 302028, г. Орёл, ул. Октябрьская, 12;

²⁾ Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 241050, г. Брянск, ул. Горького, 18

E-mail: ognevavv@yandex.ru, btsranepa@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – на основе анализа теоретико-методологических основ национальной безопасности России в пограничном пространстве определить актуальные проблемы обеспечения его безопасности в условиях проведения специальной военной операции. В результате анализа эмпирического материала установлены особенности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в контексте реализации возложенных на них мер обеспечения безопасности пограничного региона, соответствующих социальным ожиданиям, способствующих укреплению доверия общества к власти. В исследовании показана эволюция политико-правовой базы политики безопасности с учетом новых возможностей России и новых угроз. Обосновываются особенности политики защиты пограничья, реализуемой органами исполнительной власти субъектов Федерации в чрезвычайный период конфликта вокруг Украины. Делается вывод, что эта политика должна способствовать усилению взаимодействия власти на всех уровнях, укреплению уровня доверия общества к власти, снижению общественной тревожности. Предлагаются меры по повышению эффективности деятельности власти в пограничном пространстве региона, связанные с дебиюрократизацией процессов согласования решений, усилением взаимодействия на всех уровнях властной иерархии, укреплением государственной границы.

Ключевые слова: национальная безопасность, вызовы и угрозы, пограничная безопасность, пограничный субъект, пограничная политика, СВО, деятельность органов публичной власти

Для цитирования: Огнева В.В., Болховитина Т.С. 2024. Российское пограничье в условиях специальной военной операции: актуальные аспекты обеспечения национальной безопасности. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1035–1043. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Russian Border Area in the Context of the Special Military Operation: Current Aspects of Ensuring National Security

Valentina V. Ogneva¹ , Tatyana S. Bolkhovitina²

¹⁾ Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 12 Oktyabrskaya St., Orel 302028, Russia;

²⁾ Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 18 Gorky St., Bryansk 241050, Russia

E-mail: ognevavv@yandex.ru, btsranepa@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to determine the challenges to ensuring Russia's security in the context of the Special Military Operation, based on the analysis of the theoretical and methodological foundations of

the country's national security in the border area. The analysis of empirical material allows the authors to establish the specifics of the actions taken by public authorities of the subjects of the Russian Federation in the context of ensuring the security of the border region and implementing measures that correspond to social expectations and contribute to strengthening public confidence in the authorities. The study shows the evolution of the political and legal framework of the security policy, taking into account Russia's new capabilities and new threats. The article substantiates the specifics of the border protection policy implemented by the executive authorities of the country's constituent entities during the emergency period of the conflict around Ukraine. The authors conclude that this policy should contribute to enhancing the interaction between authorities at all levels, strengthening the level of public confidence in the government, and reducing public anxiety. Measures are proposed to increase the effectiveness of government activities in the border area of the region, related to the de-bureaucratization of decision-making processes, improving interaction at all levels of the power hierarchy, and strengthening the state border.

Keywords: national security, challenges and threats, border security, border subject, border policy, Special Military Operation, activities of public authorities

For citation: Ogneva V.V., Bolkhovitina T.S. 2024. The Russian Border Area in the Context of the Special Military Operation: Current Aspects of Ensuring National Security. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1035–1043 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В настоящее время в науке наблюдается повышенный интерес к геополитическим исследованиям, выявлению роли геополитических факторов как объективной основы определения интересов государства, укрепления его национальной безопасности. Это связано с тем, что современный мир переживает осложненный глубоким кризисом процесс трансформации международной системы, его преследует совокупность вызовов и угроз чрезвычайного характера. Обостряется борьба между государствами-пропонентами однополярного мироустройства и сторонниками полицентричного мирового порядка, что принимает откровенные формы военно-политической конфронтации и проявляет себя, в частности, в конфликте вокруг Украины, где налицо факты откровенного неуважения и игнорирования российских интересов.

Следует констатировать, что на третьем году специальной военной операции (СВО) коллективному Западу удалось, к сожалению, превратить пограничные регионы на границе Украины с Россией в театр военных действий. Углубление этого конфликта, расширение его масштабов и игроков, участвующих в нем, поставило в центр внимания безопасность в пограничном пространстве, учитывая, что российско-украинская граница имеет большую протяженность и составляет, по данным Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ (Росграница), около 2 250 км. Указанные обстоятельства сделали данное исследование актуальным.

Объект и методы исследования

Объектом исследования в данной статье выступает национальная безопасность пограничного пространства в условиях специальной военной операции. Анализ осуществлялся на основе и в сочетании важнейших методологических принципов и подходов к познанию социальной реальности – системности, достоверности фактов, объективности суждений и выводов с использованием общенаучных методов – логического анализа, синтеза, обобщения, актуального инструментария политических исследований, представленного в анализе документов, политическом мониторинге, анализе ситуаций. Статья подготовлена на основе анализа массива эмпирического материала, позволяющего актуализировать проблемные аспекты безопасности пограничного региона и преследует целью привлечь внимание научной

общественности и практиков к проведению дальнейших исследований пограничной безопасности в чрезвычайных геополитических условиях.

Результаты и их обсуждение

Очевидно, что проблематика национальной безопасности многогранна; в ней отражаются интересы личности, общества и государства, что делает ее многоуровневой, многофункциональной системой, способность определять и реагировать на внутренние и внешние угрозы и вызовы. Неслучайно интерес научных школ различных областей предметного знания к осмыслению не только понятийного поля национальной безопасности, но и его содержательных качественных характеристик, связанных с национальными интересами государства, не только не ослабевает, но возрастает в условиях появления новых современных вызовов и угроз.

Детальная проработка проблем национальной безопасности представлена в западных теориях комплекса региональной безопасности (Копенгагенская школа, Б. Бузан), глобальной безопасности (Уэльская школа, К. Бут), международных отношений (американская школа реализма, А. Линклатер, К. Уолтс) и всесторонне описана в исследованиях О.А. Хлопова [Хлопов, 2023].

В отечественной науке обнаруживается большое разнообразие в понимании сущности национальной безопасности. Не претендуя на всесторонность анализа многообразных подходов, выделим основные из них. С правовой точки зрения (В. Зорькин), национальная безопасность отражает единство интересов многонационального общества как носителя суверенитета и источника власти и суверенного государства на основе права [Зорькин, 2006]. С позиции национальных интересов (А. Кокошин) национальная безопасность тесно связана с такими понятиями, как государственный суверенитет, независимость государства на международной арене, территориальная целостность государства, международная правосубъектность [Кокошин, 2015].

Содержательное наполнение и политико-правовой механизм практической реализации национальной безопасности российского государства раскрываются на законодательном уровне. Изначально в концепции национальной безопасности (1997 г.) это понятие трактовалось как безопасность многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти. Федеральный закон «О безопасности» 2010 года обозначил принципы, полномочия, функции, содержание деятельности органов власти всех уровней в области безопасности [Федеральный закон, 2010]. В Стратегиях национальной безопасности 2009 и 2015 гг. национальная безопасность рассматривалась как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

В Стратегии национальной безопасности 2021 года это понятие отражает очевидный тренд на усиление суверенного, независимого развития России с опорой на исторически сложившиеся традиционные ценности. В ней национальная безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при которой обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [Указ президента РФ, 2021].

Как видно, национальная безопасность предстает здесь как комплексная задача, направленная на защиту государственной целостности, обеспечение безопасности общества и граждан, а также поддержание устойчивости государства в условиях внешних и внутренних угроз. В этой связи пограничная политика государства, тесно связанная с геополитическими, экономическими, политическими, иными факторами, призвана осуществлять эффективное управление процессами, связанными с реализацией национальных интересов на внешних рубежах страны. Содержательно она должна гибко реагировать на угрозы и

вызовы безопасности, гарантированно обеспечивать нерушимость государственной границы и целостность территории [Огнева, Болховитина, 2022].

Исходя из принципа суверенитета, в пределах своей территории Россия реализует комплекс мер по защите своего пограничного пространства на основе постоянно совершенствующегося законодательства в зависимости от динамично меняющихся внешних обстоятельств. Оборона и безопасность, определение статуса и защиты государственной границы в соответствии со статьей 71 основного закона находится в исключительном ведении Российской Федерации. На основании ст. 3 закона о государственной границе её защита заключается в согласованном взаимодействии всех органов публичной власти с участием организаций и граждан. Охраной государственной границы занимаются пограничные органы федеральной службы безопасности; их основная цель – соблюдение прохождения режима государственной границы, погранрежима и режима в пунктах пропуска. С учетом меняющейся ситуации в мире и принимая во внимание то, что угрозы безопасности пограничному пространству носят системный, долговременный характер, в 2018 году был принят Указ Президента РФ «Об основах пограничной политики в Российской Федерации». В нем поставлены задачи нейтрализации угроз суверенитету России, в частности противодействия рискам проникновения террористических организаций, преступных группировок в Россию, попыткам дестабилизации социально-политической и экономической обстановки на приграничной территории, территориальным притязаниям со стороны некоторых государств, предотвращения возникновения вооруженных конфликтов и пограничных инцидентов.

Особое значение в данном контексте имеют пограничные субъекты, которые непосредственно подвергаются влиянию внешнеполитических, военно-стратегических факторов, поскольку находятся в непосредственной близости не только к потенциальным, но и реальным источникам угроз. В условиях специальной военной операции, конфликта вокруг Украины актуальность вопросов обеспечения безопасности этих регионов возрастает многократно. В связи с этим политический кризис вокруг Украины потребовал усиления мер безопасности по защите и охране государственной границы, поскольку её прозрачность позволяет осуществлять диверсионную, террористическую, экстремистскую деятельность на пограничной территории, подвергать опасности объекты промышленной и гражданской инфраструктуры, жизнь людей. Речь идет о всей линии соприкосновения государственной границы России с Украиной, включая такие субъекты Российской Федерации, как Донецкая, Луганская республики, Республика Крым, Запорожская, Херсонская, Ростовская, Воронежская, Белгородская, Курская, Брянская области.

На протяжении нескольких десятилетий при изучении безопасности пограничных субъектов Российской Федерации ключевое внимание уделялось в первую очередь их экономической и социальной безопасности. Экономическая безопасность в контексте региональной безопасности рассматривается как защищенность национальной экономики в пределах определенного региона и способствует созданию условий для его устойчивого развития и поддержания стабильности экономической системы региона. Социальная безопасность представляет собой комплексное понятие, которое включает множество факторов, влияющих на благополучие и стабильность общества. Социальная безопасность охватывает как текущий уровень защиты от внешних и внутренних угроз, так и возможности для дальнейшего роста, а также создания благоприятных условий для нормального функционирования общества.

Специальная военная операция как составляющая геополитической ситуации в мире, а именно вооруженного конфликта с различными его аспектами, существенно повлияла на уровень и тип угроз, с которыми сталкивается наше общество и приграничные районы, в результате чего угрозы военно-террористического характера стали особенно ощутимыми для населения данных регионов. Это также оказало воздействие на субъективное восприятие возникших угроз, которое можно оценить, например, через уровень общественной тревожности. Скачки тревожности при этом можно связывать с конкретными ситуациями (к

примеру, частичная мобилизация, ракетная опасность, террористические атаки и др.). Постоянное чувство небезопасности и высокий уровень тревожности побуждают людей к более обдуманному поведению в поисках наиболее безопасных решений. Вместе с тем постоянная угроза жизни становится значительным источником стресса, который может приводить к различным социальным патологиям и негативным формам поведения, направленным как на самих людей, так и на их окружение.

Учитывая, что в последнее время военно-террористические угрозы стали приоритетными в вопросах обеспечения национальной безопасности пограничных субъектов, для безопасности региона требуется не только способность к использованию и воспроизводству его ресурсного потенциала, но и эффективная защита граждан от возможных вооруженных вторжений, террористических актов и диверсий. В этой связи обеспечение безопасности пограничных субъектов Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции требует решения ряда существенных проблем, в том числе связанных с благополучием и устойчивым развитием общества. И это объяснимо, поскольку особенность ситуации в приграничных регионах и постоянные угрозы не просто поднимают вопрос о личной безопасности, но делают его более конкретным и осязаемым для каждого человека. То есть проблема приобретает четкие очертания, включая, например, наличие укрытий и способов до них добраться, а также своевременное информирование о начале обстрелов. Это означает, что проблематика негативного, опасного воздействия внешней среды должна находиться на постоянном контроле со стороны власти и общества.

Очевидно, что большинство людей ментально удалено от темы специальной военной операции, зачастую не воспринимая её как непосредственную угрозу для себя лично. Одной из причин такого отношения можно объяснить полное переложение ответственности за свою безопасность на властные структуры, обеспечивающие в силу своих полномочий предотвращение терактов на территории России и/или устранение последствий чрезвычайных ситуаций. Разумеется, деятельность властей по устранению последствий чрезвычайных ситуаций способствует укреплению доверия населения к власти. В то же время промедление в действиях при их возникновении и нанесении ущерба имуществу и гражданам, как это случилось, например, в Курской области, ведет к падению уровня властного доверия и очевидным должностным отставкам. Однако и сами граждане, в свою очередь, должны понимать, что живут в условиях чрезвычайной ситуации, и действовать сообразно ей.

Следует понимать, что доверие к государственным и общественным институтам как социально-психологический фактор способствует снижению общественной тревожности, направляет её в различные формы гражданской активности, такие, как волонтерская деятельность, патриотические инициативы, психологическая помощь и поддержка, обучение гражданской обороне и др.

Высокая степень доверия к институтам обеспечения безопасности облегчает создание их единой системы, которая призвана учитывать сочетание интересов государственного, муниципального и общественного уровней [Реутов, Гармашев, Полухин, Реутова, 2023]. С другой стороны, это формирует и высокие социальные ожидания от действий этих органов. Создаваемая система гарантированно должна обеспечивать как коллективную, так и индивидуальную безопасность.

В условиях специальной военной операции в соответствии с Указами Президента России от 19 октября 2022 года № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» и Указа Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756, на высших должностных лиц (органы исполнительной власти) субъекта Федерации возложены такие, в частности, полномочия, как:

1. Проведение мобилизационных мероприятий в сфере экономики, в органах исполнительной власти и местного самоуправления, мероприятий по гражданской обороне, полномочия по реализации мер для удовлетворения потребностей армии и др.

2. Охрана военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения.

3. Координация деятельности публичных органов власти в регионах для обеспечения общественного порядка и безопасности.

2. Введение мер реагирования на возникающие угрозы в рамках текущей ситуации, включая поддержание стабильности в сфере экономики, защиты населения и инфраструктуры.

3. Осуществление взаимодействия с федеральными органами для обеспечения оперативной работы силовых структур и органов власти.

4. Организация территориальной обороны и мероприятий гражданской обороны на уровне субъекта [Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей»; Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756»].

В целях снижения негативного воздействия угроз особое внимание придается принципу оперативности и самостоятельности глав регионов в вопросах реализации указанных полномочий, а также эффективному сотрудничеству между исполнительными органами власти и местными органами управления. С учетом этого, в соответствии с Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756», созданы и действуют межведомственные координирующие органы (штабы обороны) под руководством глав регионов, в состав которых входят руководители всех силовых структур, ведомств, органов исполнительной власти региона и местного самоуправления. Принимаемые ими решения являются обязательными для исполнения всеми органами публичной власти на соответствующих территориях, причем содержание этих мер характеризуется определенной спецификой. К примеру, решение о предоставлении жилых помещений для населения, отселенного из пограничных районов, принято только в Белгородской области. В других областях такие меры пока адресные. Во всех регионах запрещена эксплуатация беспилотных летательных аппаратов, использование пиротехники и др. Принятые акты, таким образом, существенно расширяют полномочия глав регионов РФ.

Вместе с тем при реализации полномочий, определенных Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756», высшие должностные лица субъектов РФ сталкиваются с рядом проблем, связанных с различными аспектами управления и координации. Прежде всего это касается недостатка материальных и финансовых ресурсов. К примеру, обеспечение территориальной обороны и выполнение задач по гражданской обороне требует значительных затрат на оборудование, технику и обучение персонала, чего не хватает в бюджетах регионов.

Эффективное взаимодействие с федеральными силовыми структурами и министерствами в ряде случаев затруднено из-за различий в полномочиях и иерархической структуре. Имеющиеся проблемы влияют на оперативность принятия решений и реализацию необходимых мер на уровне субъекта Федерации.

Ранее регионы не сталкивались с необходимостью обеспечивать меры гражданской и территориальной обороны в условиях повышенных вызовов и угроз, и в нынешних условиях нехватка опыта у региональных властей, сложности в реализации новых полномочий, связанных с безопасностью и обороной, сказываются на результативности их действий.

К сожалению, бюрократическими процедурами обременено согласование действий и принятие решений с федеральными органами власти. Длительные и усложненные процессы согласования решений или мер торпедируют оперативное реагирование на угрозы.

Еще одна проблема касается того, что экономическое, социальное и инфраструктурное развитие регионов сильно различается. В менее экономически развитых субъектах может не хватать инфраструктуры и квалифицированных кадров для быстрого внедрения мер по обеспечению безопасности. Это также затрудняет выполнение возложенных на пограничные субъекты Федерации оперативных функций.

Следует согласиться с У.С. Уладиевым в том, что многие региональные власти на практике сталкиваются с юридическими ограничениями, в то время когда необходимо оперативно принимать решения в условиях повышенной угрозы. Однако федеральное законодательство требует выполнения ряда процедур или согласований, что замедляет претворение в жизнь принятых мер противодействия вызовам и угрозам [Уладиев, 2023], влияет на эффективность исполнения возложенных полномочий, требуя дополнительных мер по координации и усилению взаимодействия на всех уровнях управления.

Обращает на себя внимание еще одна проблема, которая в том числе может влиять на эффективность осуществления полномочий глав субъектов РФ и состояние безопасности общества. Она связана с необходимостью усиления военно-политического потенциала, требуемого для охраны государственной границы. Пришло время укрепления пограничных постов, улучшения логистических возможностей, совершенствования методов сбора и анализа информации о террористических угрозах, важно эффективное прикрытие границы, охраны и обороны по земле, воде и воздуху.

Внимание к российско-украинской границе требует укрепления и комплексного развития ее инфраструктуры, необходимого финансирования субъектов пограничных регионов в условиях специальной военной операции. Издержки этого могут привести к множеству серьезных последствий: сложностям с реагированием на угрозы, проблемам с контролем границы, увеличению преступности, снижению доверия населения, осложнению сотрудничества с соседними странами и проч. Общий эффект этих последствий может подорвать социальную стабильность и безопасность как пограничных регионов, так и более широких территорий.

Следует добиваться ничтожности территориальных претензий Украины к России. Как известно, Президент Украины В. Зеленский 22.01.2024 года подписал указ «Об исторически населенных украинцами территориях», не подкрепленный никакими историческими документами. Речь идет о Брянской, Белгородской, Воронежской областях и Краснодарском крае, именуемых в указе Стародубщиной, Кубанью, Северной и Восточной Слобожанщиной. В связи с этим перспективным вопросом в переговорном процессе разрешении украинского конфликта следует считать соглашение о российско-украинской границе с учетом сложившихся реалий, предусматривающее её демаркацию и делимитацию, а также отвечающие международным стандартам принципы пограничного и таможенного контроля. В.В. Путин на заседании клуба «Валдай» в ноябре 2024 года отчетливо заявил, что граница Украины должна проходить в соответствии с суверенными решениями людей, проживающих на исторических территориях России [Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 2024].

Заключение

В условиях специальной военной операции традиционные аспекты безопасности, такие как экономическая и социальная защищенность, остаются важными, но актуализировались задачи обеспечения защиты от вооруженных конфликтов, террористических актов и диверсий. Учитывая в совокупности угрозы и вызовы территориальной целостности России, было бы целесообразным принятие закона о статусе пограничного субъекта РФ, наделив его законодательно соответствующими полномочиями и выделением для этого необходимых средств и ресурсов.

Военно-террористические угрозы требуют оперативных решений и усилий по укреплению обороноспособности этих регионов. Эффективное взаимодействие федеральных и региональных органов власти, развитие инфраструктуры безопасности, а также повышение доверия населения к институтам, ответственным за безопасность, играют ключевую роль в минимизации угроз и стабилизации ситуации. Особое внимание должно быть уделено управлению общественным мнением и снижению уровня тревожности населения, который в пограничных регионах стабильно выше, чем в среднем по стране. Понятно, что чем дальше будут продвигаться наши войска по освобождению захваченных территорий, тем больше будет давать знать о себе украинская и западная машина информационной пропаганды. Поэтому человек требует особого внимания и защиты в условиях возрастающих вызовов и угроз как основа национальной безопасности и стабильности общества. В целом обеспечение национальной безопасности в пограничных субъектах должно опираться на комплексный подход, включающий как политические, военные, экономические, так и социальные меры, направленные на предотвращение и нейтрализацию существующих и потенциальных вызовов и угроз.

Список источников

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
- Указ Президента РФ от 25.04.2018 № 174 «Об утверждении основ государственной пограничной политики Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 30.04.2018, № 18, ст. 2614.
- Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
- Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». Собрание законодательства РФ, 24.10.2022, № 43, ст. 7381.
- Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023). Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2.
- Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». Собрание законодательства РФ, 24.10.2022, № 43, ст. 7382.
- Федеральный закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 06.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.06.2024). Российская газета, 04.05.1993. № 84.

Список литературы

- Зорькин В.Д. 2006. Роль права в обеспечении национальных интересов. Право и безопасность, 1–2: 16.
- Кокошин А.А. 2015. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность. Вопросы философии, 10: 5–19.
- Огнева В.В., Болховитина Т.С. 2022. Региональный фактор национальной безопасности в контексте результативной реализации национальных целей развития в Российской Федерации. Среднерусский вестник общественных наук, 1: 120–133.
- Реутов Е.В., Гармашев А.А., Полухин О.Н., Реутова М.Н. 2023. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции. Власть, 4: 86–94.
- Тишкина Л.А. 2024. Актуальные проблемы в сфере обеспечения безопасности приграничных территорий Российской Федерации. Политические науки, 4.
- Уладиев У.С. 2023. Оценка эффективности государственной власти в условиях установления специальных режимов. Государственная служба, 2(142): 6–12.
- Хлопов О.А. 2023. Концепция национальной безопасности в основных парадигмах теории международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм. Теории и проблемы политических исследований, 1: 179–190.

References

- Zor'kin V.D. 2006. Rol' prava v obespechenii nacional'ny'x interesov [The Role of Law in Ensuring National Interests]. *Pravo i bezopasnost'*, 1–2: 16.
- Kokoshin A.A. 2015 Nacional'ny'e interesy, real'ny'j suverenitet i nacional'naya bezopasnost' [National Interests, Real Sovereignty and National Security]. *Voprosy filosofii*, 10: 5–19.
- Ogneva V.V., Bolxovitina T.S. 2022. Regional'ny'j faktor nacional'noj bezopasnosti v kontekste rezul'tativnoj realizacii nacional'ny'x celej razvitiya v Rossijskoj Federacii [The Regional Factor of National Security in the Context of the Effective Implementation of National Development Goals in the Russian Federation]. *Srednerusskij vestnik obshhestvenny'x nauk*, 1: 120–133.
- Reutov E.V., Garmashev A.A., Poluxin O.N., Reutova M.N. 2023. Transformaciya vospriyatiya problematiki bezopasnosti v prigranichnom regione v usloviyax special'noj voennoj operacii [Transformation of the Perception of Security Issues in the Border Region in the Context of a Special Military Operation]. *Vlast'*, 4: 86–94.
- Tishkina L.A. 2024. Aktual'ny'e problemy v sfere obespecheniya bezopasnosti prigranichny'x territorij Rossijskoj Federacii [Current Problems in the Field of Ensuring the Security of the Border Territories of the Russian Federation]. *Politicheskie nauki*, 4.
- Uladiev U.S. 2023. Ocenka effektivnosti gosudarstvennoj vlasti v usloviyax ustanovleniya special'ny'x rezhimov [Assessment of the Effectiveness of State Power in the Context of the Establishment of Special Regimes]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2(142): 6–12.
- Xlopov O.A. 2023. Konceptiya nacional'noj bezopasnosti v osnovny'x paradigmatx teorii mezhdunarodny'x otnoshenij: realizm, liberalizm, konstruktivizm [The Concept of National Security in the Main Paradigms of the Theory of International Relations: Realism, Liberalism, Constructivism]. *Teorii i problemy politicheskix issledovanij*, 1: 179–190.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 12.09.2024

Received: 12.09.2024

Поступила после рецензирования: 12.10.2024

Revised: 12.10.2024

Принята к публикации: 10.11.2024

Accepted: 10.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Огнева Валентина Васильевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орёл, Россия

[ORCID: 0009-0002-4867-1199](https://orcid.org/0009-0002-4867-1199)

Valentina V. Ogneva, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

Болховитина Татьяна Сергеевна, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления и менеджмента Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия

[ORCID: 0009-0007-5142-7759](https://orcid.org/0009-0007-5142-7759)

Tatyana S. Bolkhovitina, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration and Management, Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk, Russia

УДК 32.019.5
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1044-1055
Оригинальное исследование

Коммуникативные стратегии избирательных кампаний в современной России

Шукюров А.Т.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23
E-mail: esmira2001@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена освещению форм коммуникативных стратегий в избирательных кампаниях отечественных политиков. Описаны современные формы коммуникативных стратегий на базе новых медиа и социальных сетей, дается сравнение эффективности предвыборного политического послания, отправленного с использованием новых медиа по сравнению с традиционными средствами массовой информации. Вкладом автора в науку является выработка стилей языков, используемых политиками в избирательном процессе. Также автор предлагает отказаться от гипотезы схожести пользователей социальных сетей, потому что находит её ошибочной, так как политические предпочтения пользователей социальных сетей не одинаковы, потому что они не тождественны по возрасту и социальной принадлежности, а значит, политику необходимо формировать индивидуальные предвыборные послания для каждой группы в отдельности. В исследовании выделяются базовые элементы и модели предвыборной политической коммуникации. Управление политическими коммуникациями представляет собой сложный процесс, который включает, с одной стороны, строгое соблюдение последовательности этапов управления и своевременный переход между ними, а с другой – эффективное осуществление всех необходимых технологических процессов для каждого типа политической коммуникации на каждом этапе. Корректное управление коммуникациями, безусловно, служит основой для повышения их эффективности и, следовательно, является залогом успешного и бесконфликтного достижения их основных целей.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, политическая коммуникация, избирательная кампания, социальные сети, новые медиа

Для цитирования: Шукюров А.Т. 2024. Коммуникативные стратегии избирательных кампаний в современной России. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1044–1055. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1044-1055

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Communication Strategies of Election Campaigns in Modern Russia

Alexei T. Shukurov

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: esmira2001@mail.ru

Abstract. The article highlights the forms of communication strategies used by Russian politicians in election campaigns. The author describes modern forms of communication strategies based on new media and social networks and compares the effectiveness of new and traditional media in political messaging during election campaigns. The researcher's contribution to science lies in the development of language types used by politicians in the election process. In this study, the hypothesis of similarity between social network users

© Шукюров А.Т., 2024

is considered erroneous, since their political preferences are not the same. The users' age and social affiliation differ, which means that a politician needs to shape individual election messages for each group separately. The study identifies the basic elements and models of pre-election political communication. Political communication management is a complex process that includes strict adherence to the sequence of management stages and timely transition between them, on the one hand, and effective implementation of all necessary technological processes for each type of political communication at each stage, on the other. Correct communication management certainly serves as a basis for increasing its effectiveness and, therefore, is a guarantee of successful and conflict-free achievement of its main goals.

Keywords: communication strategies, political communication, election campaign, social networks, new media

For citation: Shukurov A.T. 2024. Communication Strategies of Election Campaigns in Modern Russia. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1044–1055 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1044-1055

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Сегодня электоральный маркетинг находится на стыке коммуникаций, политики и инноваций. Появление социальных сетей навсегда изменило форму политической коммуникации политиков и граждан. Политическая коммуникация и управление избирательными кампаниями являются фундаментальными аспектами нынешнего демократического ландшафта. Во время выборов стратегия коммуникации приобретает фундаментальное значение, а политический цифровой маркетинг позволяет проводить предвыборную кампанию эффективным и целенаправленным образом. Именно избирательный процесс активизирует политическую коммуникацию для достижения победы в борьбе за власть. В мире, который становится все более взаимосвязанным и цифровым, то, как политические лидеры общаются со своими избирателями и управляют своими кампаниями, может стать решающим фактором между успехом и провалом на выборах. Целью коммуникативной стратегии является активизация граждан к голосованию и стимулирование **пользователей к решению определенных вопросов.**

Целью исследования является изучение генезиса коммуникативных стратегий избирательных кампаний и влияние новых медиа и социальных сетей на современную коммуникацию политиков и граждан.

Задачей исследования является прирастить науку новыми знаниями в области политической коммуникации избирательного процесса.

Гипотезой исследования заявляется эффективность влияния политического послания, отправленного с помощью новых медиа и социальных сетей аудитории, обладающей спецификой электорального поведения по сравнению с традиционными средствами массовой информации.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является феномен влияния современных коммуникационных технологий на избирательный процесс. В исследовании применялся эмпирический метод экспертной оценки и опроса.

Результаты и их обсуждение

Теоретико-методологическим проблемам политической коммуникации в современном российском политологическом дискурсе посвящены труды Л.Н. Тимофеевой [Тимофеева, 2009, с. 41–54, Тимофеева, 2012, с. 62–75]. А.И. Соловьев репрезентует политическую коммуникацию в качестве субдисциплины политологии и определяет место политических инноваций [Соловьев, 2004, с. 5, Соловьев, 2023, с. 120–140]. Исследования М.Н. Грачева

содержат обширную систему представлений и понятий политической коммуникативистики, он представляет её синтетической отраслью политической науки [Грачев, 2004, с. 79]. О.В. Гаман-Голутвина предлагает ответы на политические вызовы глобальной турбулентности, внедрение новых подходов к современной публичной политике и политическому управлению путем сочетания институционального, сетевого, коммуникативного и конфликтологического подходов [Гаман-Голутвина, 2023, с. 7–10]. Т.Г. Скребцова дает определение речевого манипулирования в политической коммуникации и выделяет четыре типа речевого воздействия в зависимости от намерений [Скребцова, 2017, с. 294–308]. И.П. Спорова отмечает, что в институциональном медиадискурсе происходит диффузия медийных и политических жанров коммуникации [Спорова, 2023, с. 294–308].

Политология на протяжении десятилетий игнорировала коммуникацию в своих интерпретационных категориях политических явлений. Политическая коммуникация как область исследований и преподавания зародилась в США в 1920-х годах с появлением концепций и моделей, предложенных американским журналистом и общественным деятелем Уолтером Липпманом [Lippman, 1922, p. 163]. Толчок в развитии науки о политической коммуникации получила с изобретением радио, телевидения, приобретая форму пропаганды. Именно с появлением политической коммуникации теория перешла в идею, а в последующем – в область практической реализации.

Политическая коммуникация – относительно молодая дисциплина, эта деятельность стала профессионально осуществляться с начала второй половины XX века, когда политические нарративные структуры являлись следствием эволюции пропаганды. Область политической коммуникации междисциплинарная, потому что включает политологию, социологию коммуникации, социальную психологию. Гибридный характер политической коммуникации можно объяснить тем, что она стоит на границе между двумя сферами человеческой деятельности: коммуникацией и политикой.

Влияние на общественное мнение и получение поддержки аудитории всегда были предметом поиска политиков. Политика есть искусство управления, которая в последние годы претерпела изменения не только на национальном, но и на глобальном уровне в связи с появлением новых форм политической коммуникации.

Основной и традиционной коммуникативной стратегией избирательных кампаний является пропаганда. Пропаганда – это коммуникативный процесс, преследующий идеологические цели, система, которая транслирует социальную потребность. Она включает в себя совокупность принципов, которые вдохновляют избирателя и символический репертуар агитационного содержания.

Политическая коммуникация предназначена для поддержки и продвижения кандидата, она предполагает стратегию, которая разворачивается на нескольких фронтах. Следует выделить четыре базовых элемента предвыборной политической коммуникации:

1. **Сообщение:** совокупность взглядов, моделей поведения, идей и предложений, направленных на избирателя или его окружение. Сообщение – это не только то, что сказано, но и импульс в виде жестов, фреймов, карикатур, цвета, формы, изображения и звуков и т. д.

2. **Средства массовой информации:** в современном обществе это не только каналы массовой коммуникации, политические дебаты и интервью, но и митинги, шествия, встречи.

3. **Коммуникатор:** испускает политическое сообщение отправителям. Он, как правило, лицо партии, обладающий высокими морально-деловыми качествами, имеет притягательный имидж и грамотную политическую речь.

4. **Получатель:** тот, кто получает сообщение, а в политической кампании – избиратель. Наличие между участниками политической коммуникации обратной связи позволяет сторонам участвовать в диалоге и способствует транспарентности предвыборного процесса.

В целях эффективной коммуникации политики создают аккаунты в социальных сетях, но было бы ошибкой считать аудиторию TikTok, Instagram, Twitter, VK одинаковой, а по-

этому они могут иметь разные политические предпочтения, и их важно знать, чтобы использовать соответствующим образом. Политик должен оценить, что и как коммуницировать по каждому отдельному каналу и конкретной группе населения, исходя из этого выстраивать предвыборную коммуникативную стратегию. Но для современных российских политиков пользователи вышеуказанных социальных платформ ошибочно идентифицируются как молодежь, что ведет к провалу избранных коммуникативных стратегий. Поэтому вкладом в науку можно назвать предложение отказаться от гипотезы схожести пользователей социальных сетей, провести исследование по разделению на социальные и возрастные категории пользователей социальных сетей, если таковые имеются, что упростит подбор избирательных коммуникативных стратегий для влияния на аудиторию данных сетей.

В отечественной политической коммуникации отсутствуют работы, изучающие модели политической коммуникации, к которым относятся:

Публично-диалоговая модель

Политическая коммуникация в современном публичном пространстве задается в динамическом контексте, в схеме отношений между субъектами современной политической сцены: политическими институтами, средствами массовой информации, гражданами. Тем самым средства массовой информации не являются публичным пространством, они способствуют его созданию, являются одной из главных его движущих сил, их действие дополняет диалогическое действие между двумя другими акторами (гражданами и политиками), которые сохраняют автономную способность к коммуникации.

Публично-диалоговая модель политической коммуникации помещает коммуникацию в более широкий процесс дискурсивных взаимодействий между всеми компонентами политического публичного пространства и гражданского общества.

Три актора являются равны, их общение формируется во взаимодействии, разворачивается в публичном пространстве, в котором средства массовой информации являются лишь одним из акторов политического взаимодействия.

Медиамодель

Согласно тезису о медиатизации политики, общественно-политическое действие происходит внутри медиапространства или, во всяком случае, во многом зависит от действий современных средств массовой информации. Медиатизация политики – это не только массовое использование средств массовой информации, но и процесс, который изменяет формы и содержание коммуникации. Следуя теории медиатизации политики, автор предлагает выделить мысль, которая подтверждается эмпирическим наблюдением, что до медиатизации политики происходит медиатизация общества. Сперва создается единое информационно-коммуникационное пространство, в которое вовлекают граждан, после чего в инновационной среде политические акторы отправляют свои политические послания и мобилизуют граждан в политических целях.

В России избирательные кампании развиваются по-разному, поэтому ни одна кампания не похожа на другую, соответственно, коммуникативные стратегии, примененные на прошлых выборах, не копируются фракциями на следующих выборах. Она не должна быть такой же, как прошлые кампании или кампании других кандидатов, по причине того, что потребительские привычки избирателей постоянно меняются, и, если применявшаяся коммуникативная стратегия работала на прошлых выборах, на следующих она не будет привлекательна для избирающей аудитории. Единственное, что не меняется, это цель – борьба за власть. Сегодня политическая деятельность – это коммуникация в чистом виде, имеющая цель победить. Если посмотреть на избирательную кампанию не как на процесс борьбы за власть, а как на объект коммуникативной стратегии, избирательная кампания представляет

результат глубокого изучения кандидатом политической реальности, в которой он действует, и контекста, к которому он обращен.

Управление избирательной кампанией представляет собой сложный процесс, включающий планирование, координацию и выполнение мероприятий, направленных на продвижение кандидата или политической партии и убеждение избирателей. Успешная избирательная кампания требует комплексного и профессионального подхода – от разработки коммуникационных стратегий до мобилизации избирателей и управления финансовыми ресурсами. Стратегическая гибкость является основным залогом успеха кампании, и тот, кто остается неизменным в своих коммуникативных практиках, терпит поражение на выборах, поэтому политическими технологиями необходимо приблизить избирателя и заинтересовать отдать голос за представленного кандидата.

Стратегии избирательной кампании направлены на позиционирование кандидата или политической партии в избирательном пространстве. Митинги, дебаты, уличные демонстрации, плакаты, предвыборные ролики, видеоролики в сети интернет являются коммуникативными инструментами, которые дополняют друг друга, оказывая воздействие и создавая имидж кандидатов и партий в воображении избирателей. С точки зрения политической коммуникации, коммуникатору важно знать, как люди воспринимают передаваемую им информацию, для этого проводятся опросы, экзитполы.

Политические партии подчиняются нормальной коммуникативной динамике. В долгосрочной перспективе это становится тактикой ближнего действия и постоянными отношениями с журналистским истеблишментом облегчает повседневную реализацию инициатив, которые демонстрируют политическую волю элиты.

Участники предвыборной избирательной кампании для победы на выборах применяют коммуникативные стратегии, чтобы, во-первых, мобилизовать свой электорат и не растерять его. Во-вторых, помимо мобилизации избирателей, второй целью участников избирательных кампаний является привлечение неопределившихся избирателей. Для достижения этого политические лидеры направляют избирателям сообщения, разработанные на основе исследований о беспокойствах и социальной неудовлетворенности граждан.

Для привлечения внимания нужно вызвать у публики эффект неожиданности, этому способствует интенсивность, уникальность и новизна сообщений. Последовательность информации является ценностью дискурса. Избиратели сталкиваются со многими источниками информации и обещаниями оппонентов, поэтому, чтобы избежать компрометации имиджа, речь кандидата не должна быть противоречивой, иметь диссонанс и требует подтверждения политической точки зрения.

Убеждение – выполнимая миссия, достигаемая долгосрочной стратегической работой по построению имиджа партии или кандидата. Политическому коммуникатору необходимо предугадать психологическую реакцию избирателя на сообщение, и, чтобы она была положительной, политическое сообщение должно содержать эмоционально продуманные аргументы.

В конечном итоге структурирование предвыборного дискурса зависит от контекста, электората и фактора времени. Распространённым способом организации предвыборного выступления является представление политического послания как динамики решения проблемы:

- представление проблемы с точки зрения принимающего субъекта;
- экспонирование последствий, не решения проблемы;
- разработка предлагаемого решения проблемы;
- преимущества этого предложения для субъекта-получателя;
- представление конкретных действий, которые служат решению проблемы;
- фреймирование.

Приращением науки автор видит формирование алгоритма коммуникативных технологий предвыборного избирательного процесса в классическом виде, состоящий из четырех этапов:

1. Изучение предпочтений избирателей.

Знание избирателей является фундаментальным фактором в политической стратегии предвыборного процесса. Для этого кандидатам, осуществляющим свой политический маркетинг, необходимо сегментировать избирателей по пяти критериям: возраст, пол, местоположение, экономическое положение и потребление сети интернет. Исследования показывают, что последний критерий приобрел ключевое значение в условиях стремительно развивающегося информационно-коммуникационного пространства и оптоволоконных сетей связи, что способствует современному избирателю значительную часть свободного времени проводить в социальных сетях, смотреть онлайн-видео. По результатам исследования аудитории избирателей маркетологи и политические консультанты для победы на выборах подготавливают персонализированные сообщения, которые привлекают внимание большей части избирателей.

2. Создание узнаваемых сообщений.

Предвыборное послание должно быть составлено таким образом, чтобы избиратели чувствовали себя идентифицированными с кандидатом, что является продуктом науки о психологии избирателя. Предвыборное послание должно преодолевать информационный барьер, который выстраивают избиратели, осознавая, что для победы кандидаты будут раздавать многочисленные обещания о решении проблем, волнующих граждан.

3. Определить каналы связи с избирателями.

Новые медиа являются эффективной платформой для привлечения внимания избирателей. Однако необходимо выбрать наиболее подходящий по типу избирателя. Например, если целевой аудиторией является молодежь, подойдут такие социальные сети, как TikTok, Vkontakte. Но если целевой аудиторией являются люди старше 60 лет, интервью на телевидении, прессе, личные встречи дадут больший охват возрастной категории избирателей.

4. Продвижение в социальных сетях.

В современном мире скоростного интернета и стремительного принятия политических решений социальные сети играют важную роль в избирательных кампаниях, которые используются российскими политиками для сближения с электоратом. По данным ВЦИОМ, в 2023 году 86 % россиян пользуются социальными сетями и мессенджерами ежедневно, поэтому наличие страницы в социальных сетях – это эффективный способ заручиться поддержкой избирателей, которые не интересуются политикой или еще не определились со своим голосом.

Влияние медиатехнологий изменило способ предвыборной борьбы за власть. С развитием телефонии и оптоволоконных сетей освещение избирательного процесса происходит беспрепятственно, мгновенно в любую точку мира. В условиях развитой цифровизации утратила силу монополия средств массовой информации на её производство, потому что любой гражданин, используя девайс, способен создать и выложить в сеть интернет информационное послание.

Погружаясь глубже в данное исследование в эффект социальных сетей на избирательный процесс, могу отметить следующее персональное наблюдение: чтение в социальных сетях более избирательное, быстрое, уровень внимания ниже; по этой причине политическая коммуникация должна быть сосредоточена на сущности послания. Содержимое, отображаемое в социальных сетях, должно представлять собой синтез идей, которые продвигаются вперед, поэтому важно выбрать флагманы-послания, которые визуальнo репрезентуют идею кандидата и идентифицируют его по сравнению с политическими оппонентами. Передача посланий, которые продвигают конструктивное видение, оказывает **глубокое влияние на электорат**, снижает отчуждение избирателей и способствует построению сильного политического бренда.

Установление диалога с общественностью помогает достичь консенсуса: это финальная цель политической коммуникации во время избирательных кампаний. Как отмечалось выше, продолжительность концентрации внимания на социальных платформах очень низкая,

всего несколько секунд. По этой причине для привлечения пользователей необходимо максимально прямое, ясное и емкое послание. Выбор площадок помогает перехватить конкретную аудиторию: молодых людей можно найти в TikTok, а тех, кому за 50, – в Vkontakte.

Отечественные исследователи в области политических коммуникаций Дж. Ф. Алиев, В.Э. Саркисов, в своей статье дифференцируют «весь комплекс политических коммуникаций, реализуемых в современной российской практике, мы делим на шесть видов: 1. Стратегическая. Включает в себя разработку стратегии политической коммуникации, контроль за ее реализацией, внесение корректив. 2. Медийная. Включает в себя организацию регулярного взаимодействия со СМИ, проведение пресс-мероприятий, производство медиапродуктов. 3. Цифровая. Включает в себя организацию коммуникации в сети интернет, в социальных сетях и мессенджерах, работу в поисковых системах, взаимодействие с блогерами, таргетирование распространения информации. 4. PR-коммуникация. Включает в себя планирование и реализацию планов мероприятий и PR-акций, организацию слуховых и «формирующих» коммуникаций. 5. Рекламная. Включает в себя рекламную поддержку коммуникации на офлайн- и онлайн-площадках и носителях. 6. Кризисная. Включает в себя организацию контрпропагандистской и антикризисной коммуникаций» [Алиев, Саркисов, 2023, с. 141].

Языковые и стилистические особенности кандидата являются следующим средством коммуникативной стратегии. Стиль политического общения должен быть уникальным и безошибочным с целью укрепления своего положения на политической арене. Однако важно не допустить искажений, поскольку такой выбор не будет устойчивым в долгосрочной перспективе. Когда политический деятель выражает себя вынужденно, общественность это замечает. Для создания эффективной стратегии предвыборной коммуникации политические акторы обязаны учитывать общую картину социального пространства. Успех обеспечивает согласованность между каналами связи, социальными платформами, онлайн- и офлайн-каналами, телевидением и прессой, это, во-первых, позволяет охватить разнообразную аудиторию, во-вторых, обеспечивает массовый охват внимания избирателей, в-третьих, послание, вещаемое со всех каналов связи и платформ, понуждает гражданина осознавать, что, несмотря на их выразительное разнообразие, интегрированы к единой политической программе. «Значимым вопросом предвыборной гонки выступает тематическая направленность постинга кандидатов» [Матвеева, 2023, с. 136]. Другое дело, что в России позволить себе такое разнообразие средств вещания может только партия власти, что заставляет оппозицию, не имеющую административного ресурса, искать новые формы политической коммуникации, поэтому их развитие не остановится.

Безусловно, газета – это «старое» средство информирования граждан, которое будет продолжать находить своего читателя, хоть с каждым годом и меньше, в то же время она имеет недостатки отсутствия обратной связи с читателями. Новые медиа, по сравнению с традиционным таблоидом, позволяют гражданам быстрее получать доступ к разнообразной политической информации и активно участвовать в ней, устраняют монополию на информацию.

Язык как форма коммуникативной стратегии наряду с имиджем используется кандидатами в предвыборных кампаниях. Впервые в политической коммуникативистике автор предлагает выделить, что является его вкладом в науку. Стили языков, используемых политиками в избирательном процессе:

1. **Эмоциональный язык** – это форма выражения политических идей в виде эмоционально окрашенных слов, крылатых фраз в политической речи, высмеивания оппонентов, эмоциональной жестикуляции. Политики используют эмоциональные ресурсы и риторику стратегически и избирательно, в основном для привлечения избирателей. В России признанным автором эмоциональной политической речи являлся эпатажный лидер фракции ЛДПР В.В. Жириновский, который резко критиковал коммунистов, плескал воду из стаканчика в Б. Немцова и участвовал в потасовках в Федеральном собрании Государственной

Думы РФ. В США таким эксцентричным политиком можно назвать Дональда Трампа, скандальные мемы, твиты и выражения которого в адрес Д. Байдена и К. Харрис вызвали бурную реакцию в социальных сетях. Такое поведение наигранное, предназначено на получение поддержки со стороны эмоционально несдержанной аудитории и призвано идентифицировать политика. Но нельзя говорить, что такое поведение отражает личности политиков или влияет на принимаемые ими решения.

2. Сдержанный язык – неэмоциональная политическая речь, избегающая конфронтации, невспыльчивая и сохраняющая самообладание. Таких политиков большинство на отечественной политической арене, поэтому данный стиль ещё можно назвать традиционным. Как правило, это политики, уважающие кодекс политической этики. Такое поведение позволяет дистанцироваться им от политических скандалов, тем самым сохранить свою репутацию. Сдержанная и грамотная политическая речь, усиленная примерами и фактами, способна укрепить доверие окружающих избирателей. Кандидаты, применяющие сдержанную политическую речь, аккуратно преподносят избирателям свои убеждения и политические взгляды. Политическая речь их структурирована, наполнена ключевыми словами, неологизмами и аргументами с целью вызвать интерес граждан к посланию. Из всех видов обладателей политической речи, указанная категория политиков является лучшими ораторами, которые сначала изучают свою аудиторию. В эмоционально сдержанной политической речи широко используемым методом является инклюзивный язык: использование таких терминов, как «мы», «мы, граждане», «мы команда» и подобных выражений, целью которых является создание своего рода соучастия политиков и общественности, а также отождествление их.

3. Юридический язык – речь политиков представляет собой относительно автономный дискурс, устно производимый политиком для аудитории, целью которого является, прежде всего, убеждение. С этой целью оратор использует аргументы и риторические приемы, основанные на законе. Признаком юридической речи политика является апелляция к легитимному источнику власти, который является внешним по отношению к оратору, и выстраивание причинно-следственных связей. Примером такого политика является выпускница юридического факультета Калифорнийского университета, бывший прокурор и кандидат в президенты США Камала Харрис. В своих выступлениях она заявляет, что уважает верховенство закона, апеллирует к решениям Верховного Суда, а речь её изобилует юридическими терминами. В предвыборной гонке за президентский пост в США демократами запущен хетсег: «Прокурор против человека, осужденного за 34 преступления». Резюмируя, стоит отметить, что сегментация и контекстуализация сообщений являются ключом к достижению стабильных отношений с общественностью.

Помимо стилей языка, предложенных автором, следует выделить исследование 2024 года доктора социологических наук Ю.Н. Эбзеевой, которая называет ряд современных стратегий, используемых в предвыборной кампании: «Анафорический повтор как эффективный риторический прием часто используется с целью расстановки семантических акцентов. Использование анафорического повтора позволяет привлечь внимание реципиента к наиболее важным аспектам и особенностям проблем, обсуждаемым политиком. Цитирование как эффективный риторико-стилистический прием, цель которого – стилистическая окраска выступления, также используется политическим деятелем, в частности при намерении дискредитировать своего оппонента» [Эбзеева, Логинова, 2023, с. 59]. И.Г. Напалкова, М.Н. Казакова в своей статье выделяют неформальную политическую коммуникацию как современный тренд предвыборных кампаний. «Анализ неформальных средств коммуникации позволяет утверждать, что они пробуждают больший интерес к политике у избирателей, а также способствуют проявлению политической активности, в том числе неформальной. Анекдоты и мемы одновременно могут быть как стихийным итогом народного творчества, так и продуманным политическим PR, тактически реализуемым в

избирательной кампании» [Напалкова, Казакова, 2023, с. 45]. «По жанровым признакам интернет-мем похож на политическую карикатуру, в частности, он юмористичен, адресно направлен и лаконичен» [Канашина, 2017, с. 71]. «В интернет-пространстве представлены различные виды интернет-мемов. По способу выражения выделяют: мем-картинку; текстовый мем; видеомем; гиф; креолизованный мем» [Щурина, 2013, с. 86].

Современные коммуникационные стратегии предвыборных кампаний определяются как набор техник, позволяющих выявить потребности электорального рынка и сформировать удовлетворяющую их идеологическую программу. Институциональная коммуникация претерпела значительную эволюцию. Традиционные подходы были заменены более активными и интерактивными стратегиями. Коммуникация больше не ограничивается отчетами о политических решениях, а стала центральным элементом процесса принятия решений, активно содействуя государственному управлению. Сегодня организации используют институциональную коммуникацию для достижения различных целей, таких как информирование, убеждение, ведение переговоров или диалог. Коммуникация должна быть стратегической и отвечать на фундаментальные вопросы.

Заключение

Таким образом, политическая коммуникация и управление избирательными кампаниями являются фундаментальными элементами современной демократической практики. «Коммуникации предполагают проведение массмедийных операций, задачами которых является не только повышение доверия к органам государственного управления и легитимности их действий» [Лескова, Зязин, 2023, с. 125].

Цифровые инновации существенно изменили способы охвата и вовлечения избирателей в ходе избирательных кампаний. Социальные сети, платформы для обмена видео и инструменты микротаргетинга обеспечили персонализированное и прямое общение, создали **беспрецедентные возможности для участия в выборах и ориентировали политическое предложение на избирателя**. «Именно средства массовой информации кардинально изменили способы общения политических лидеров. Владение социальной сетью для политика превратилось в политическую необходимость» [Шукюров, 2023, с. 507]. Сегодня выборный процесс переживает технологическую революцию благодаря зарождению многообразных цифровых технологий, обеспечивающих интерактивность избирательным кампаниям. Т.Э. Гринберг на этот счет отмечает: «все большую популярность завоевывает обсуждение возможностей и рисков использования в электоральных исследованиях управления большими массивами данных (Big Data), которые получили применение в сфере политики при организации предвыборных кампаний, в том числе для анализа политических предпочтений в обществе» [Гринберг, 2019, с. 50].

Современная политика подразумевает качественную стратегию коммуникации избирательной кампании с применением новых информационно-коммуникационных технологий. Стратегическое использование цифровых инструментов значительно повысило заметность кандидатов, способствовало распространению позитивных сообщений и эффективной мобилизации электората. Положительные стороны использования новых медиа как канала современной коммуникативной стратегии объясняются сближением политических формирований с гражданами и большей визуализацией и прозрачностью процесса принятия политических решений.

Процесс политической коммуникации создается путем взаимодействия четырех элементов политической коммуникации: коммуникатор, получатель, сообщение и СМИ. Такая форма взаимодействия реализуема только в новых медиа, потому что предусматривает возможность обратной связи и политического диалога, традиционные же медиа (газета, ТВ) отправляют послание без возможности получения ответа от граждан.

Исследование показало, что политическое послание всегда находится в динамике и идет по маршруту: постановка проблемы → доведение последствий от проблемы → предложение решения → объяснение преимущества предложенного решения.

Традиционный алгоритм коммуникативных технологий предвыборного избирательного процесса, успешно применяемый с использованием в новых медиа также реализуется последовательно: изучение предпочтений избирателей, создание узнаваемых сообщений, определение каналов связи с избирателями, продвижение в социальных сетях.

Список литературы

- Алиев Дж.Ф., Саркисов В.Э. 2023. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4: 139–150.
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунюв Л.В. 2023. Политическое в пространстве турбулентного мира. *Полис. Политические исследования*, 1: 34–42.
- Грачев М.Н. 2024. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. Москва, Прометей, 328 с.
- Гринберг Т.Э. 2019. Тенденции развития избирательных коммуникаций: электоральные исследования, стратегии, интернет-технологии. *Журнал Российская школа связей с общественностью*, 14: 47–58.
- Канашина С.В. 2017. Интернет-мем и политика. *Политическая лингвистика*. УрГПУ. 1: 69–73.
- Лескова И.В., Зязин С.Ю. 2023. Стратегические задачи политической коммуникации и информационных операций. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 3: 123–128.
- Матвеева Е.В. 2023. Интернет-коммуникации политиков Кузбасса на примере избирательной кампании – 2023. Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряженности: сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН. Под ред. О.В. Онопко. Донецк: ДГУ: 135–139.
- Напалкова И.Г., Казакова М.Н. 2023. Неформальная политическая коммуникация в современных избирательных кампаниях. *Журнал Гуманитарные и политико-правовые исследования*, 2(21): 42–57.
- Родионова М.Е., Еременко И.В. 2023. Коммуникации и информационные технологии в избирательных кампаниях зарубежных лидеров. *Научный журнал «Вопросы медиабизнеса»*, 2: 31–38.
- Румянцев М.Л. 2024. Политическая коммуникация и использование медиа-технологий в избирательных кампаниях. [Социальные и гуманитарные исследования современности на международном и национальном уровне](#). Сборник научных статей. ред. А.Ю. Нагорновой. Ульяновск, Издательство «Зебра». 253–255.
- Скребцова Т.Г. 2017. Речевое воздействие и манипулирование. *Прикладная и компьютерная лингвистика*. Под редакцией И.С. Николаева, О.В. Митрениной, Т.М. Ландо. Москва, УРСС: 294–308.
- Соловьев А.И. 2023. Политические инновации: очевидные смыслы и неочевидность реальности. *Полис. Политические исследования*. 5: 120–140.
- Соловьев А.И. 2004. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов. [Петрунин Ю.Ю. и др.]; под ред. А.И. Соловьева. Москва, Аспект Пресс, 332 с.
- Спорова И.П. 2023. Политический медиадискурс: проблемы манипуляции. *Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: современные тенденции и перспективы развития: сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Под ред. В.Л. Михеева. Санкт-Петербург, РГГМУ: 103–109.
- Тимофеева Л.Н. 2009. Политическая коммуникативистика: проблемы становления. *Полис: Политические исследования*. 5: 41–54.
- Тимофеева Л.Н. 2012. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. Под ред. Л.Н. Тимофеевой. Москва, РОССПЭН, 327 с.
- Шукюров А.Т. 2024. Проблема политической коммуникации в условиях новых медиа. *Via in tempore. История. Политология*, НИУ БелГУ. 51(2): 503–510.

- Щурина Ю.В. 2014. Интернет-мемы: проблема типологии. *Вестник Череповецкого государственного университета*. ЧГУ. 6: 84–89.
- Эбзеева Ю.Н., Логинова П.Г. 2024. Коммуникативные особенности модели политической медиакоммуникации лидера французской партии «Национальное объединение» Дж. Барделла (риторико-стилистическая специфика). *Современная коммуникативистика*. Москва, «ИНФРА-М». 3(97): 56–62.
- Lippman W. 1922. *Public Opinion*. The Macmillan Company. N.Y: 163 p.

References

- Aliiev Dzh.F., Sarkisov V.E. 2023. Upravlenie politicheskimi kommunikatsiyami. Prakticheskie aspekti upravleniya strategicheskoi politicheskoi kommunikatsiei [Political Communications Management. Practical Aspects of Strategic Political Communications Management]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenie zapiski*, 4: 139–150.
- Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V. 2023. Politicheskoe v prosvtranstve turbulentnogo mira [The Political in the Space of a Turbulent World]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political studies]*. 1: 34–42.
- Grachev M.N. 2004. Politicheskaiya kommunikaciya: teoreticheskiye koncepcii, modeli, vektori razvitiya. Monografiya [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Development Vectors]. Moscow, Prometey. 328 p.
- Grinberg T.E. 2019. Tendencii razvitiya izbiratelnih kommunikacii: Elektoralnie issledovaniya, strategii, tehnologii [Trends in the Development of Electoral Communications: Electoral Research, Strategies, Internet Technologies]. *Jurnal Rossiyskaya shkola svyazi s obshchestvennostiu. [Journal Russian School of Public Relations]*. 14: 47–58.
- Kanashina S.V. 2017. Internet-mem i politika [Internet Meme and Politics]. *Politicheskaya lingvistika. [Political linguistics]*. UrGPU. 1: 69–73.
- Leskova I.V., Zyazin S.Yu. 2023. Strategicheskie zadachi politicheskoi kommunikacii i informacionnih operaciy [Strategic Tasks of Political Communication and Information Operations]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal [Economics and management: scientific and practical journal]*. "Publishing House of Ufa State Oil Technological University". 3: 123–128.
- Matveeva E.V. 2023. Interner kommunikacii politikov Kuzbassa na primere izbiratelnoi kampanii – 2023. Politicheskie instituty i processi v Rossii v usloviyah sovremennoi mezhdunarodno-politicheskoi napryzhennosti [Internet Communications of Kuzbass Politicians on the Example of the 2023 Election Campaign. Political Institutions and Processes in Russia in the Context of Modern International Political Tension]: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferencii Donetskogo regionalnogo otdeleniy RAPN [Collection of Materials from the Scientific and Practical Conference of the Donetsk Regional Branch of the Russian Academy of Political Sciences]. Ed. by O.V. Onopko. Donetsk: DSU: 135–139.
- Napalkova I.G., Kazakova M.N. 2023. Neformalnaya politicheskaya kommunikatsiya v sovremennikh izbiratelnykh kampaniyakh [Informal Political Communication in Modern Election Campaigns]. *Zhurnal Gumanitarnie i politiko-pravovie issledovaniya*, 2(21): 42–57.
- Rodionova M.E., Yeremenko I.V. 2023. Kommunikatsii i informatsionnie tehnologii v izbiratelnykh kampaniyakh zarubezhnykh liderov [Communications and Information Technologies in the Election Campaigns of Foreign Leaders]. *Nauchniy zhurnal «Voprosi mediabiznesa»*, 2: 31–38.
- Rumyantsev M.L. 2024. Politicheskaya kommunikatsiya i ispolzovanie media-tehnologii v izbiratelnykh kampaniyakh [Political Communication and the Use of Media Technologies in Election Campaigns]. *Sotsialnie i gumanitarnie issledovaniya sovremennosti na mezhdunarodnom i natsionalnom urovne. Sbornik nauchnykh statei*. red. A.Yu. Nagornovoi. Ulyanovsk, Izdatelstvo «Zebra». 253–255.
- Skrebtsova T.G. 2017. Rechevoe vozdeistvie I manipulirovaniye [Speech influence and manipulation]. *Prikladnaya I komputernaya lingvistika*. Edited by I.S. Nikolaev, O.V. Mitrenina, T.M. Lando. Moscow, URSS: 294–308.
- Soloviev A.I. 2023. Politicheskie innovatsii: ochevidnie smisli i neochevidnost realnosti [Political Innovations: Obvious Meanings and Non-Obviousness of Reality]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 5: 120–140.

- Soloviev A.I. 2004. Politicheskaya kommunikaciya. Uchebnor posobie dly studentov vuzov [Political Communications: Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. [Petrunin Yu.Yu. et al.]; edited by A.I. Soloviev. Moscow, Aspect Press, 332 p.
- Sporova I.P. 2023. Politicheskii mediadiskurs: problemy manipuliacii [Political media discourse: problems of manipulation]. Actual Issues of Philology and Linguodidactics: Modern Trends and Development Prospects. Sbornik nauchnih statei vsrossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnim uchastiem [Collection of Scientific Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation], Edited by V.L. Mikheev. St. Petersburg. RSMU: 103–109.
- Timofeeva L.N. 2009. Politicheskaya komunikativistika: problem stanovleniya [Political Communication Studies: Problems of Formation]. Polis: Politicheskiye issledovaniya. 5: 41–54.
- Timofeeva L.N. 2012. Poliyicheskaya komunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika [Political Communication Studies: Theory, Methodology and Practice]. Ed. by L.N. Timofeeva. Moscow, ROSSPEN, 327 p.
- Shukurov A.T. 2024. Problema politicheskoi kommunikacii v usloviah novih madia [The Problem of Political Communication in the Context of New Media]. Via in tempore. Istoria, Politologia. Belgorod State University. 51(2): 503–510.
- Shchurina Yu.V. 2014. Internet memi: problema tipologii [Internet memes: the problem of typology]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [*Bulletin of Cherepovets State University*]. CSU. 6: 84–89.
- Ebzeeva Yu.N., Loginova P.G. 2024. Kommunikativniye osobennosti modeli politicheskoi mediakommunikacii lidera francuzckoi partii «Nacionalnor obedinenie» Dj. Bardella (ritirikostilisticheskaya specifika [Communicative Features of the Model of Political Media Communication of the Leader of the French Party "National Union" J. Bardell (Rhetorical and Stylistic Specificity)]. Sovremennaya kommunikativistika. Moscow, «INFRA-M». 3 (97): 56–62.
- Lippman W. 1922. Public Opinion. The Macmillan Company. N.Y: 163 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.09.2024

Received 25.09.2024

Поступила после рецензирования 17.11.2024

Revised 17.11.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Accepted 20.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шукюров Алексей Тофикович, соискатель ученой степени кандидата политических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Alexei T. Shukurov, Candidate for the Degree of Candidate of Sciences in Politics, N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0003-9401-8788](https://orcid.org/0009-0003-9401-8788)

УДК 323.2

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1056-1065

Оригинальное исследование

Влияние медиапотребления на политическую самоэффективность

Альшанский Д.Д.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
115054, Москва, Стремянный переулок, д. 36
E-mail: danilidze24@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется проблема влияния медиапотребления на политическую самоэффективность, которая разделяется на внутренний и внешний аспекты. Изучение данного вопроса обосновывается значимостью политической самоэффективности для демократического участия, подчеркивая её роль предиктора политического поведения. Цель работы – проанализировать, как медиапотребление влияет на восприятие гражданами своей способности влиять на политические процессы и веру в отзывчивость системы. Используя регрессионный анализ данных Европейского социального исследования (ESS11), установлено, что медиапотребление положительно связано с внутренней политической самоэффективностью, то есть с уверенностью в способности понимать и участвовать в политических процессах. Но в то же время медиапотребление отрицательно связано с внешней политической самоэффективностью. Новизна работы заключается в охвате данных из более чем 30 стран и применении логистических регрессионных моделей для анализа взаимосвязи между медиапотреблением и двумя аспектами политической самоэффективности. Выводы подтверждают теоретические предположения о разной природе влияния медиапотребления на внутреннюю и внешнюю политическую самоэффективность, что раскрывает важные аспекты для дальнейших исследований в области политической коммуникации и участия.

Ключевые слова: политическая самоэффективность, медиапотребление, внутренняя политическая самоэффективность, внешняя политическая самоэффективность, регрессионный анализ, Европейское социальное исследование

Для цитирования: Альшанский Д.Д. 2024. Влияние медиапотребления на политическую самоэффективность. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1056–1065. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1056-1065

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Influence of Media Consumption on Political Self-Efficacy

Danil D. Alshanskiy

Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Ln., Moscow 109992, Russia
E-mail: danilidze24@gmail.com

Abstract. The article examines the influence of media consumption on political self-efficacy, which is divided into internal and external aspects. The issue is justified by the importance of political self-efficacy for political participation, emphasizing its role as a predictor of behavior. The purpose of the study is to analyze the way media consumption affects citizens' trust in political institutions responsiveness and perception of the ability to influence political processes. Using regression analysis of data from the European Social Survey (ESS11), we have found that media consumption is positively associated with internal political self-efficacy, that is, with confidence in one's ability to understand and participate in political processes. But at the same time, media consumption is negatively connected with external political

© Альшанский Д.Д., 2024

self-efficacy. The novelty of the research lies in its extensive coverage of data from more than 30 countries and the use of logistic regression models to analyze the relationship between media consumption and the two aspects of political self-efficacy. The findings support the theoretical assumptions that the influence of media consumption on internal self-efficacy and that on the external one are different in nature. This reveals important aspects for further research in the field of political communication and participation.

Keywords: political self-efficacy, media consumption, internal political self-efficacy, external political self-efficacy, regression analysis, European Social Survey

For citation: Alshanskiy D.D. 2024. The Influence of Media Consumption on Political Self-Efficacy. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1056–1065 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1056-1065

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Политическая самоэффективность – концепция, лежащая в основе демократического участия, относится к вере человека в свою способность влиять на политические процессы и результаты [Campbell et al., 1954, p. 254]. В то время когда динамика политического участия быстро развивается, понимание нюансов политической самоэффективности и того, как она работает, становится решающим аспектом в прогнозировании политического поведения. Связано это с тем, что политическая самоэффективность является одним из предикторов политической партиципации граждан [Сариева, 2019].

Так политическая самоэффективность является элементом мотивации граждан участвовать в выборах. Поскольку общества во всем мире борются с политической апатией, абсентизмом, поляризацией и недоверием к институтам, достижение высокого уровня политической самоэффективности может стать ключом к оживлению демократического участия и обеспечению того, чтобы различные голоса были услышаны и оценены в общественной сфере.

Политическая самоэффективность не существует сама по себе, на нее оказывают влияние различные факторы. Одним из них является медиапотребление [Lee, 2006]. Медиа – как традиционные, так и Интернет, – являясь основным источником информации и платформой для общественного дискурса, играют ключевую роль в формировании политической самоэффективности. Однако в научных кругах нет однозначного ответа на то, каким образом связаны между собой политическая самоэффективность и медиапотребление.

Так, тип потребляемых медиа и цели использования могут по-разному влиять на политическую самоэффективность индивидуума. Например, воздействие аналитических и информационных новостных программ может повысить понимание политических процессов, тем самым укрепляя уверенность в способности влиять на политику [Lee, 2006]. Образовательные программы обеспечивают зрителей знаниями и инструментами, необходимыми для участия в информированном политическом дискурсе, тем самым увеличивая политическую самоэффективность. Напротив, потребление медиа для развлечения снижает политическую самоэффективность, вызывая чувство разочарования или беспомощности. Медиа-контент, сосредоточенный на политических скандалах или изображающий политику как элитарную сферу, отпугивает людей от участия, снижая веру в собственную политическую эффективность.

Интерактивные медиа-платформы, такие как социальные сети, ввели новые измерения в эту взаимосвязь. Эти платформы предлагают пользователям возможности участвовать в политических обсуждениях, мобилизовать поддержку для различных инициатив и непосредственно взаимодействовать с политическими фигурами [Lee, 2006]. Такие активности могут повысить политическую самоэффективность, делая политическое участие более доступным и непосредственным. Однако распространение дезинформации и создание «эхо-камер» на этих платформах также может подрывать политическую самоэффективность, вызывая цинизм и укрепляя предубеждения.

Объекты и методы исследования

Объектом данного исследования является политическая самоэффективность. Предметом – связь между медиапотреблением и политической самоэффективностью.

Политическая самоэффективность как научный термин зародилась в контексте исследования политических установок граждан [Campbell et al., 1954, p. 254] в середине прошлого столетия и прошла свой путь от одномерного феномена, в рамках которого представляла собой одно целое, в многогранный конструкт.

Политическая самоэффективность представляет собой уверенность, которая основывается на убеждениях и бессознательных или сознательных надеждах людей в то, что политика обладает свойствами транспарентности, так как позволяет гражданам влиять на принятие важных политических решений [McSorley et al., 2023]. И, возвращаясь к тому, что политическая самоэффективность рассматривается как многомерный феномен, исследователи выделяют ее виды.

Так, классическим и наиболее популярным является выделение двух измерений: внутренней политической самоэффективности и внешней политической самоэффективности [Craig, Maggioletto, 1982].

Первая – это убеждение индивида в своей способности понимать и эффективно участвовать в политических процессах и делах. Это психологическое качество, которое включает в себя уверенность в том, что человек способен влиять на политические решения, понимать политическую информацию, формулировать обоснованные мнения и действия в политической сфере. Вторая отражает уровень уверенности индивида в своих интеллектуальных и поведенческих ресурсах для успешного взаимодействия с политической системой.

Внутренняя политическая самоэффективность может включать в себя следующие аспекты, представленные ниже [Scotto et al., 2021].

Интеллектуальные. Способность индивида анализировать и понимать политические события, а также критически оценивать политическую информацию из различных источников.

Поведенческие. Относится к уверенности индивида в своей способности активно участвовать в политических действиях, таких как голосование, участие в митингах, вступление в политические группы и выражение своих политических мнений через различные каналы.

Психологические. Включает в себя мотивацию, чувство ответственности и готовность участвовать в политических процессах. Люди с высокой внутренней политической самоэффективностью верят в значимость своих действий и в то, что их участие может привести к реальным изменениям.

Внешняя политическая самоэффективность – это убеждение индивида в способности политической системы реагировать на его участие и воздействие. Это ощущение того, что политические институты и лидеры восприимчивы к мнению граждан и готовы учитывать их потребности и запросы. Внешняя политическая самоэффективность отражает уровень доверия к политическим структурам и уверенность в том, что индивидуальные и коллективные усилия могут привести к изменениям в политической системе.

Внешняя политическая самоэффективность связана со следующими политическими феноменами [Valentino et al., 2009].

Система и институты. Включают в себя восприятие эффективности политических институтов, таких как парламент, судебная система, местные органы власти и другие. Люди с высокой внешней политической самоэффективностью верят, что эти институты функционируют справедливо и прозрачно.

Реакция на гражданское участие. Отражает уверенность в том, что участие в политических процессах приводит к реальным изменениям и что политические лидеры и органы власти учитывают мнение граждан.

Доверие к лидерам и представителям. Включает в себя восприятие честности, компетентности и ответственности политических лидеров и представителей. Люди с высокой внешней политической самоэффективностью верят, что их избранные представители действительно работают в интересах общества и готовы прислушиваться к их мнению.

Влияние на политическую стабильность. Внешняя политическая самоэффективность способствует политической стабильности, так как уверенные в эффективности политической системы граждане менее склонны к радикальным действиям и протестам, предпочитая использовать легальные и демократические методы для достижения своих целей.

На основе этого можно утверждать, что политическая самоэффективность может оказывать решающее воздействие на решение граждан принимать участие в политике или нет. Причем это воздействие может оказываться не только на желание участвовать в оффлайн-формате, но также и онлайн [Menno et al., 2019].

При этом стоит отметить, что медиапотребление, в свою очередь, также является одним из тех факторов, который может оказывать влияние на политическое участие [Boulianne, 2020] и в то же время на саму политическую самоэффективность (причем на два ее измерения) [Chan, Guo, 2013].

В таком случае мы можем говорить, что политическая самоэффективность будет являться медиатором, с помощью которого происходит взаимодействие между политическим участием и потреблением медиа-контента [Pavlopoulos et al., 2020].

Структуру взаимодействия политической самоэффективности и политического участия можно представить в виде схемы (рис. 1).

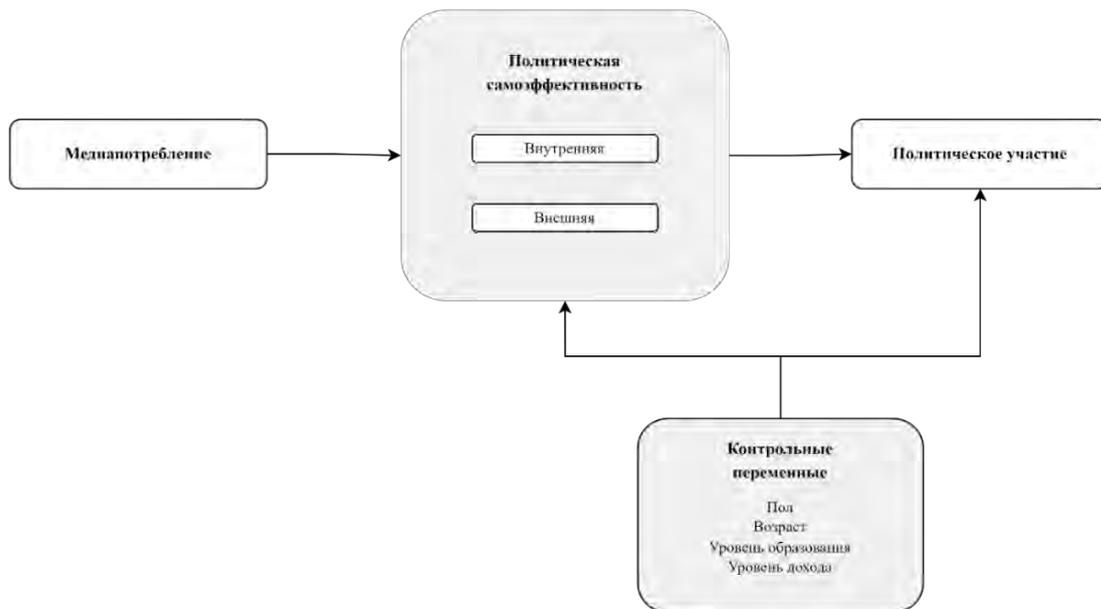

Рис. 1. Схема взаимодействия медиапотребления, политической самоэффективности и политического участия

Fig. 1. Pattern of interaction between media consumption, political self-efficacy and political participation

В данном исследовании мы направим внимание на первый этап схемы и рассмотрим связь медиапотребления и различных типов самоэффективности. Медиа участвуют в формировании самоэффективности различными способами. Во-первых, транслируют позицию общества относительно тех или иных способов участия и активности в целом – приемлемы ли они, эффективны ли. Во-вторых, средства массовой коммуникации демонстрируют опыт политического участия других людей и результаты этого участия, например, сбора подписей под петицией или встречи граждан с политиком. В-третьих, медиа обеспечивают аудиторию информацией о политике и способах участия в ней, а также знаниями о политической системе. Этому механизму посвящено большинство научных работ.

Медиа может в какой-то степени компенсировать нехватку других ресурсов, предоставляя быстрый и простой доступ к информации, а в случае с Интернетом – еще и к общению с едино-

мышленниками [Zhuravskaya et al., 2020]. Д. Стокер [Stoker, 2006, p. 248] демонстрирует, что медиа повышают осведомленность и компетентность в политических вопросах, и за счет этого положительно влияют на внутреннюю самооффективность. Такие же результаты обнаруживаются и в другой работе: чем выше потребление новостей онлайн и офлайн из различных источников у жителей Нидерландов, тем выше их внутренняя самооффективность [Möller et al., 2014]. Похожий эффект исследователи наблюдают и в Китае: использование социальных сетей положительно связано с уровнем политической самооффективности [Han, 2024]. Как традиционные, так и онлайн-медиа делают информацию более доступной, но использование Интернета в некоторых исследованиях приводит к негативному влиянию как на внешнюю самооффективность, так и на внутреннюю [Lee, 2006]. Это может быть объяснено тем, что независимые медиа и сами пользователи могут демонстрировать более критичный по отношению к власти и участию контент, который укрепляет уверенность в том, что политическая система не реагирует на общественный запрос в должной мере, а политическая активность бесполезна. Другие источники показывают, что порой связь с самооффективностью не обнаруживается вовсе [Kushin, Yamamoto, 2010].

Стоит отметить, что исследователи в основном фокусируются на онлайн-медиа и использовании Интернета, а также на потреблении новостного контента в традиционных и онлайн СМИ, так как это соотносится с механизмом влияния на самооффективность через знания о политике и об участии других. Изучение литературы также показало, что большинство исследований о связи медиапотребления и политической самооффективности было проведено в США, а данные носили страновой характер.

Таким образом, мы видим, что исследования связи политической самооффективности и медиапотребления демонстрируют противоречивые результаты: в некоторых работах связь отсутствует, в других обнаруживается как положительная, так и отрицательная корреляция, несмотря на то, что теоретические предпосылки указывают на позитивный эффект медиапотребления. Отсутствие однозначного вывода о связи внутренней и внешней политической самооффективности с медиапотреблением, а также ее характере можно назвать научной проблемой, на которой будет сфокусировано данное исследование. Мы предпримем попытку масштабировать предыдущие исследования, включив в анализ более 30 государств и нивелировав страновые отличия и специфику, которые могут приводить к противоречивым частным результатам.

Так как теория политической самооффективности вытекает из общей теории самооффективности, разработанной в рамках когнитивного подхода, мы вслед за А. Бандурой предполагаем, что доступ к информации должен положительно сказываться на вере в собственные способности влиять на окружающий мир.

H1: Медиапотребление положительно связано с внутренней политической самооффективностью.

К. Кенски отмечает, что отрицательная связь медиапотребления и политического доверия позволяет предполагать наличие связи такого же характера с внешней политической самооффективностью [Kenski, Stroud, 2006]. Критика политиков и политической системы в СМИ и Интернет-пространстве снижает не только доверие к ним, но и веру в то, что они будут реагировать на запросы и действия граждан должным образом.

H2: Медиапотребление отрицательно связано с внешней политической самооффективностью.

Для выявления наличия или отсутствия связи между медиапотреблением и политической самооффективностью в данной работе будет использоваться **регрессионный анализ**.

Предполагается построение двух логистических регрессионных моделей, в которых будут использоваться различные зависимые переменные. В первой и второй моделях в качестве зависимых переменных будут использоваться внутренняя и, соответственно, внешняя политическая самооффективности.

В качестве независимой переменной будет использоваться медиапотребление.

С целью избежать потери коэффициента при зависимой переменной в моделях будут использоваться контрольные переменные.

В соответствии с социологической теорией пол, возраст, уровень образования, а также уровень дохода могут оказывать влияние на политическое участие и политическую самоэффективность, из-за чего они будут использоваться в качестве контрольных переменных [Kim, Lee, 2019]. Помимо этого, также в качестве контрольной переменной будет использован интерес к политике, который оказывает влияние как на чтение политических новостей, так и на политическую самоэффективность.

Источником данных для исследования являются результаты Европейского социального исследования (ESS11), проведенного в 2023 году и охватившего 31 страну.

Сбор данных ESS основан на часовом личном интервью. Опрос включает вопросы по множеству различных тем. Ввиду этого операционализация ключевых понятий в данном исследовании строится на вопроснике, который использовался в ESS11.

Так как используется логистическая регрессия, то зависимая и независимая переменные кодируются бинарно, где варианты 1 и 2 означают низкий уровень политической самоэффективности, а варианты 3, 4, 5 – средний и высокий уровень. Медиапотребление представлено двумя переменными: оценкой времени, затраченного в день на просмотр, чтение или прослушивание новостей о политике и текущих событиях и оценкой частоты использования Интернета.

Результаты и их обсуждение

С целью определения того, какие переменные будут использоваться при проведении регрессионного анализа, был использован критерий хи-квадрата, который показал наличие связи между зависимыми переменными и основными предикторами. Ввиду этого при построении моделей использовались все переменные.

Исходя из того, что невозможно учесть особенности всех стран, которые участвуют в исследовании, при построении логистических регрессионных моделей использовались фиксированные эффекты на страны.

По результатам проведенного регрессионного анализа можно увидеть следующее: а) между внутренней политической самоэффективностью и медиапотреблением есть положительная связь: коэффициент при соответствующей независимой переменной является положительным значимым на 5 % уровне значимости (первая гипотеза подтверждается) (табл. 1); б) между внешней политической самоэффективностью и медиапотреблением есть отрицательная связь: коэффициент при соответствующей независимой переменной является значимым на 5 % уровне значимости и отрицательным (вторая гипотеза подтверждается) (табл. 2).

Таблица 1

Table 1

Регрессионные модели – связь с внутренней политической самоэффективностью

Regression models – relationship with internal political self-efficacy

	<i>Зависимая переменная (внутренняя политическая самоэффективность)</i>					
	<i>Логистическая модель</i>					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Intercept	1,005*** (0,040)	1,102*** (0,038)	0,9799*** (0,0426)	0,482*** (0,048)	0,768*** (0,027)	0,925*** (0,036)
Время медиапотр.	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)
Частота исп. Инт.	0,016*** (0,004)	0,023*** (0,004)	0,016*** (0,004)	0,027*** (0,005)	0,033*** (0,005)	0,016*** (0,004)

Примечания: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Стандартные ошибки в скобках.

Модель включает контрольные переменные: пол, возраст, интерес к политике, доход, образование.

Все модели с фиксированными эффектами.

Таблица 2
 Table 2

Регрессионные модели – связь с внешней политической самоэффективностью
 Regression models – relationship with external political self-efficacy

	Зависимая переменная (внешняя политическая самоэффективность)					
	Логистическая модель					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Intercept	0,932*** (0,052)	1,016*** (0,057)	0,818*** (0,049)	0,597*** (0,049)	0,633*** (0,049)	0,906*** (0,047)
Время медиапотр.	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)
Частота исп. Инт.	-0,004*** (0,003)	0,003*** (0,003)	-0,001*** (0,003)	0,004*** (0,003)	0,018*** (0,004)	-0,004*** (0,003)

Примечания: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Стандартные ошибки в скобках.

Модель включает контрольные переменные: пол, возраст, интерес к политике, доход, образование. Все модели с фиксированными эффектами.

На основе этого можно сделать следующие выводы.

Во-первых, чем больше времени граждане тратят на получение информации о политике и чем чаще пользуются Интернетом, тем они увереннее, что своими действиями могут повлиять на политическую систему.

Данный механизм можно объяснить следующим: а) регулярное потребление политических медиа способствует развитию политической грамотности, что включает понимание прав и обязанностей граждан, а также процедур участия в политической жизни. Это способствует росту уверенности в способности влиять на политику; б) политические медиа предоставляют гражданам информацию о политических процессах, механизмах принятия решений и ролях различных институтов. Более информированные граждане чувствуют себя увереннее в понимании внутренней политики и своих возможностей влиять на нее.

Во-вторых, чтение новостей на политическую тематику и частота использования Интернета уменьшает уверенность граждан в том, что политическая система будет прислушиваться к требованиям и их интересам.

В данном случае объясняющий механизм может быть следующим: а) люди, активно потребляющие политические медиа, сталкиваются с противоречивыми сообщениями и анализами. Это вызывает когнитивный диссонанс, информация из СМИ не соответствует их ожиданиям и представлениям о политической реальности, что приводит к снижению уверенности в возможностях влияния на государственную политику; б) политические медиа часто акцентируют внимание на внутренних проблемах страны, таких как экономика, здравоохранение и социальные вопросы. Это отвлекает внимание граждан от внешней политики и снижает уверенность в том, что их мнение учитывается в этой сфере.

Для проверки устойчивости моделей было произведено попеременное удаление контрольных переменных. Результаты показали, что модели устойчивы: комбинирование контрольных переменных не приводит к значимому изменению коэффициентов и знаков перед независимыми переменными.

Для проверки качества моделей были построены ROC-кривые со всеми контрольными переменными: а) AUC у первой модели (внутренняя политическая самоэффективность) равен 0,77; б) AUC у второй модели (внешняя политическая самоэффективность) равен 0,75.

Оба показателя демонстрируют высокое качество логистических моделей.

Заключение

Данное исследование продолжает работы по теме взаимосвязи политической самоэффективности и медиапотребления.

В работе сформулированы две гипотезы о наличии положительной связи между внутренней политической самоэффективностью и медиапотреблением, а также о наличии отрицательной связи между внешней политической самоэффективностью и медиапотреблением.

Обе гипотезы подтвердились, при этом вывод о наличии или отсутствии связи сделан с использованием данных различных стран, с учетом контрольных переменных, что выделяет данную работу на фоне других.

При этом стоит отметить ряд ограничений: а) невозможно учесть все факторы, которые могли бы оказать влияние на политическую самоэффективность; б) не учитывается содержание и тип потребляемого респондентами контента, который по-разному влияет на самоэффективность – официальный или оппозиционный, серьезный или юмористический [Becker, 2011]; в) не учитываются индивидуальные черты респондентов, которые могут влиять на уровень политической самоэффективности и характер медиапотребления, например, уровень политического цинизма [Heiss, Matthes, 2016].

В будущем исследование можно было бы дополнить качественной составляющей, в рамках которой изучался бы тип и содержание контента.

Список литературы

- Сариева И.Р. 2019. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования. *Психологические исследования*, 12(65): 1–15.
- Becker A. 2011. Political Humor as Democratic Relief? The Effects of Exposure to Comedy and Straight News on Trust and Efficacy. *Atlantic Journal of Communication*, 19(5): 235–250.
- Boulianne S. 2020. Twenty Years of Digital Media Effects on Civic and Political Participation. *Communication Research*, 47(7): 947–966.
- Campbell A., Gurin G., Miller W. 1954. *The Voter Decides*. Evanston, IL: Row, Peterson & Co, 254.
- Chan M., Guo J. 2013. The Impact of Political Identity, Efficacy, and Selective Media Exposure on Political Participation: A Comparative Study of Young Adults in the United States and Hong Kong. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 16: 460–463.
- Craig S., Maggiotto M. 1982. Measuring Political Efficacy. *Political Methodology*, 8: 85–109.
- Han R. 2024. How Social Media Use Affects Internal Political Efficacy in China: the Mediating Effects of Social Network Interaction. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11 (1): 1–6.
- Heiss R., Matthes J. 2016. Mobilizing for Some: The Effects of Politicians' Participatory Facebook Posts on Young People's Political Efficacy. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 28(3): 123–135.
- Kenski K., Stroud N. 2006. Connections between Internet Use and Political Efficacy, Knowledge, and Participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 50(2): 173–192.
- Kim S., Lee J. 2019. Gender and E-Participation in Local Governance: Citizen E-Participation Values and Social Ties. *International Journal of Public Administration*, 42(13): 1073–1083.
- Kushin M., Yamamoto M. 2010. Did Social Media Really Matter? College Students' Use of Online Media and Political Decision Making in the 2008 Election. *Mass Communication and Society*, 13(5): 608–630.
- Lee K. 2006. Effects of Internet Use on College Students' Political Efficacy. *Cyberpsychology & Behavior*, 9(4): 415–422.
- McSorley A., Tobin C., Kuhn R. 2023. The Relationship between Political Efficacy and Self-Rated Health: An Analysis of Mexican, Puerto Rican, and Cuban Subgroups Compared to non-Latinx Whites in the United States. *SSM – Population Health*, 22(4): 1–10.
- De Jong M., Neulen S., Jansma S. 2019. Citizens' Intentions to Participate in Governmental Co-Creation Initiatives: Comparing Three Co-Creation Configurations. *Government Information Quarterly*, 36(3): 490–500.

- Moller J., de Vreese C., Esser F., Kunz R. 2014. Pathway to Political Participation: The Influence of Online and Offline News Media on Internal Efficacy and Turnout of First Time Voters. *American Behavioral Scientist*, 58(5): 689–700.
- Pavlopoulos V., Kostoglou D., Motti-Stefanidi F. 2020. From Political Interest to Participation in EU-related Actions: The Mediating Role of European Identity and Political Efficacy. *Psychology: The Journal of the Hellenic Psychological Society*, 24: 102–121.
- Scotto T., Xena C., Reifler J. 2021. Alternative Measures of Political Efficacy: The Quest for Cross-Cultural Invariance With Ordinally Scaled Survey Items. *Frontiers in Political Science*, 3: 1–14.
- Stoker G. 2006. *Why Politics Matters: Making Democracy Work*. Basingstoke GB: Palgrave Macmillan, 248.
- Valentino N., Gregorwicz K., Groenendyk E. 2009. Efficacy, Emotions and the Habit of Participation. *Political Behavior*, 31(3): 307–330.
- Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R. 2020. Political Effects of the Internet and Social Media. *Annual Review of Economics*, 12: 415–438.

References

- Sarieva I.R. 2019. Politicheskaja samojeffektivnost': teoreticheskie podhody i aktual'nye issledovanija [Political Self-Efficacy: Theoretical Approaches and Contemporary Research]. *Psihologicheskie issledovanija*, 12(65): 1–15.
- Becker A. 2011. Political Humor as Democratic Relief? The Effects of Exposure to Comedy and Straight News on Trust and Efficacy. *Atlantic Journal of Communication*, 19(5): 235–250.
- Boulianne S. 2020. Twenty Years of Digital Media Effects on Civic and Political Participation. *Communication Research*, 47(7): 947–966.
- Campbell A., Gurin G., Miller W. 1954. *The Voter Decides*. Evanston, IL: Row, Peterson & Co, 254.
- Chan M., Guo J. 2013. The Impact of Political Identity, Efficacy, and Selective Media Exposure on Political Participation: A Comparative Study of Young Adults in the United States and Hong Kong. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 16: 460–463.
- Craig S., Maggioletto M. 1982. Measuring Political Efficacy. *Political Methodology*, 8: 85–109.
- Han R. 2024. How Social Media Use Affects Internal Political Efficacy in China: the Mediating Effects of Social Network Interaction. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11 (1): 1–6.
- Heiss R., Matthes J. 2016. Mobilizing for Some: The Effects of Politicians' Participatory Facebook Posts on Young People's Political Efficacy. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 28(3): 123–135.
- Kenski K., Stroud N. 2006. Connections between Internet Use and Political Efficacy, Knowledge, and Participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 50(2): 173–192.
- Kim S., Lee J. 2019. Gender and E-Participation in Local Governance: Citizen E-Participation Values and Social Ties. *International Journal of Public Administration*, 42(13): 1073–1083.
- Kushin M., Yamamoto M. 2010. Did Social Media Really Matter? College Students' Use of Online Media and Political Decision Making in the 2008 Election. *Mass Communication and Society*, 13(5): 608–630.
- Lee K. 2006. Effects of Internet Use on College Students' Political Efficacy. *Cyberpsychology & Behavior*, 9(4): 415–422.
- McSorley A., Tobin C., Kuhn R. 2023. The Relationship between Political Efficacy and Self-Rated Health: An Analysis of Mexican, Puerto Rican, and Cuban Subgroups Compared to non-Latinx Whites in the United States. *SSM – Population Health*, 22(4): 1–10.
- De Jong M., Neulen S., Jansma S. 2019. Citizens' Intentions to Participate in Governmental Co-Creation Initiatives: Comparing Three Co-Creation Configurations. *Government Information Quarterly*, 36(3): 490–500.
- Moller J., de Vreese C., Esser F., Kunz R. 2014. Pathway to Political Participation: The Influence of Online and Offline News Media on Internal Efficacy and Turnout of First Time Voters. *American Behavioral Scientist*, 58(5): 689–700.
- Pavlopoulos V., Kostoglou D., Motti-Stefanidi F. 2020. From Political Interest to Participation in EU-related Actions: The Mediating Role of European Identity and Political Efficacy. *Psychology: The Journal of the Hellenic Psychological Society*, 24: 102–121.
- Scotto T., Xena C., Reifler J. 2021. Alternative Measures of Political Efficacy: The Quest for Cross-Cultural Invariance With Ordinally Scaled Survey Items. *Frontiers in Political Science*, 3: 1–14.

- Stoker G. 2006. *Why Politics Matters: Making Democracy Work*. Basingstoke GB: Palgrave Macmillan, 248.
- Valentino N., Gregorwicz K., Groenendyk E. 2009. Efficacy, Emotions and the Habit of Participation. *Political Behavior*, 31(3): 307–330.
- Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R. 2020. Political Effects of the Internet and Social Media. *Annual Review of Economics*, 12: 415–438.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2024

Received 20.09.2024

Поступила после рецензирования 10.10.2024

Revised 10.10.2024

Принята к публикации 30.10.2024

Accepted 30.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Альшанский Данил Дмитриевич, аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Danil D. Alshanskiy, Postgraduate Student of the Department of Political Analysis and Social-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0002-6488-0994](https://orcid.org/0009-0002-6488-0994)

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1066-1075

Оригинальное исследование

Роль и статус Монголии в международных организациях

Дорджиева А.А.

Институт стран СНГ,

Россия, 119579, г. Москва, Старомонетный переулок д. 10

E-mail: dor-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных источников, документальных материалов, публикаций в печати представлен анализ и исследуются представления о статусе и роли Монголии в международных организациях, таких как НАТО, ШОС, ОБСЕ, АСЕАН и ООН. Автор анализирует динамику развития страны и пути развития отношений Монголии и стран-участников международных организаций, а также предпосылки и причины изменения дипломатического вектора развития Монголии. В связи с мировым распадом социалистического блока в 1990-е годы прошлого столетия Монголия испытывала острую необходимость в поддержке ООН при переходе к демократической политике государства и рыночным отношениям. Сделаны выводы о современном статусе Монголии на мировой арене и ее влиянии на геополитическую ситуацию в мире. Даны ее основные характеристики, определены причины, не позволившие Монголии стать участником некоторых всемирных организаций в силу определенных причин в реалиях геополитического разделения мирового сообщества.

Ключевые слова: ООН, ОБСЕ, НАТО, ШОС, АСЕАН, Монгольская Народная Республика, международные взаимоотношения, международные контакты, внешняя политика, экономика, торговля, безопасность

Для цитирования: Дорджиева А.А. 2024. Роль и статус Монголии в международных организациях. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1066–1075. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1066-1075

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Status and Role of Mongolia in International Organisations

Anna A. Dordzhieva

Institute of CIS,

10 Staromonetny Ln., Moscow 119579, Russia

E-mail: dor-anna@yandex.ru

Abstract. The paper considers notions of Mongolia's role and status in international organisations on the basis of archival documents and periodicals. The author analyses the country's development dynamics and trajectories of its relations with member states of international organisations, as well as prerequisites and reasons for a change in Mongolia's diplomatic vector. Due to the collapse of the Socialist bloc in the 1990s, Mongolia needed the UN support to ensure transfer to democracy and market economy. Membership in international organisations helped the country obtain influence on several geopolitical events and demonstrate its stance in some important international situations. The author draws conclusions about the country's contemporary international status and its geopolitical influence, provides its main characteristics and the reasons that prevented Mongolia from joining more organisations due to a geopolitical divide.

Keywords: UN, OSCE, SCO, NATO, ASEAN, Mongolian People's Republic, international relationships, international contacts, foreign policy, economy, trade, security

© Дорджиева А.А., 2024

For citation: Dordzhieva A.A. 2024. The Status and Role of Mongolia in International Organisations. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1066–1075 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1066-1075

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В данной статье исследуется радикально новый вектор внешней политики Монголии и используемый формат многостороннего международного сотрудничества. Такой вид международного сотрудничества определяет важный аспект в формировании политики безопасности страны и содействует участию Монголии в решении проблем мирового сообщества, а также формирует позицию монгольского правительства в решении существующих международных вопросов.

Наряду с двусторонними связями Монголия не исключает использование многостороннего формата сотрудничества на международной арене, участвуя в многочисленных межправительственных организациях, таких как АСЕАН, ШОС, ОБСЕ, ООН и НАТО. Кроме того, Монголия – участник Организации по сотрудничеству и безопасности в Европе и партнер НАТО. Комфортное географическое положение между двумя развитыми державами, Россией и Китаем, накладывает ответственность за динамичное и плодотворное сотрудничество с ними, но при этом Монголия стремится не оказаться «слабым звеном» в этих международных отношениях.

Объект и методы исследования

Объектом изучения статьи является Монголия и ее роль в международных организациях, отношения с партнерами по международным организациям, таким как АСЕАН, ШОС, ОБСЕ, ООН и НАТО. Методологической основой работы стали контент-анализ, систематизация полученных результатов на основе принципов развития современных отношений между странами Европы, США и Монголией.

Источниковой основой работы выступили различные материалы и документы, которые были опубликованы в сети Интернет. Особый интерес представляет источник ТАСС, который передает современную позицию расстановки сил и дает оценку развитию отношений между странами-участниками международных организаций и их влияние на торгово-экономическое и дипломатическое сотрудничество.

Результаты и их обсуждение

Монгольское государство принимает активное участие практически во всех международных встречах и саммитах, организованных на территориях Европы и Юго-Восточной Азии. Причина заключается в том, что ей необходимо продемонстрировать значимость своего государства на международной арене, заявить о демократической политике государства и заинтересованности в глобальных проблемах человечества.

Несмотря на такую нацеленность монгольских властей, оппозиционные силы монгольского правительства полагают, что отсутствие выхода к Мировому океану компенсируется наличием кратчайшего географического маршрута, соединяющего европейские страны и Восточную Азию.

Необходимо также сказать, что с 2010 по 2013 Монголия возглавляла Сообщество демократий, ответственное за формирование демократических коалиций в мировом сообществе, а с 2015 г. до настоящего момента Монголия занимается управлением Коалиции свободы Интернета.

В октябре 1961 г. Монголия вступила в ООН и с этого момента является активным участником ее деятельности. Монгольское государство предложило более 60 резолюций в Генеральной Ассамблее ООН, и такие, как «О международной безопасности и безъядерном статусе Монголии», «Поддержка системой ООН усилий правительств по развитию и консолидации новых и возрожденных демократий», «Улучшение положения женщин в сельских районах» были приняты за последнее время.

В 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 53/77 «Международная безопасность Монголии и статус страны, свободной от ядерного оружия». Правительство Монголии в 2000 г. приняло Закон о статусе Монголии как страны, свободной от ядерного оружия, с целью закрепить свой статус на государственном уровне, не противореча резолюции Генеральной Ассамблеи.

В связи с распадом социалистического блока в 1990-е годы прошлого столетия Монголия испытывала острую необходимость в поддержке ООН при переходе к демократической политике государства и рыночным отношениям. В сложившейся кризисной обстановке для экономики Монголии ООН сформировала группу поддержки для государства. При помощи ООН Монголия укрепила систему защиты прав человека и приняла ряд мер по поддержанию и восстановлению экономики.

С 2016 г. Монголия является членом Совета ООН по вопросам прав человека и принимает активное участие в мероприятиях, направленных на экономическое развитие отстающих стран, борьбу с безграмотностью, снижение бедности, а также возрождение недавно образованных стран.

Правительство Монголии ставит приоритетные направления в реализации на государственном уровне целей развития тысячелетия, которые были приняты на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. Резолюция, принятая Государственным хуралом Монголии, поставила достижимые краткосрочные цели по защите прав человека и формированию демократического управления.

В 2014 г. парламент Монголии принял Политику зеленого развития, тем самым доказывая направленность государства к пути динамичного развития и низкоуглеродной экономике. Программа ООН по окружающей среде занимает прочную позицию в формировании стабильного развития и защиты окружающей среды. Правительство Монголии и ООН подписали Рамочное соглашение о партнерстве, и в рамках этого соглашения Монголии была предложена финансовая помощь в размере 600 тыс. долларов США.

В рамках международной безопасности и разоружения Монголия определила для себя цели по ликвидации ядерного оружия и поддержанию борьбы ООН с распространением ядерного оружия. В продолжение программы сотрудничества с ООН Монголия обращает пристальное внимание на проблемы защиты детей и их прав, а также вопросы народонаселения. В согласии с программой сотрудничества между Монголией и ЮНИСЕФ Монголии была предоставлена финансовая и техническая поддержка в размере 11 млн долларов США.

Также в 1996 г. Монголия выступила с заявлением о готовности участвовать в миротворческих операциях ООН, а позднее, в 1999 г., были подписаны Меморандум о взаимопонимании и закон об участии военного и полицейского персонала в миротворческих операциях ООН и других международных операций. По словам министра иностранных дел Монголии Л. Эрдэнэчулуун (2000–2004 гг.), монгольские военнослужащие, участвуя в миротворческих операциях за рубежом, по существу, защищают безопасность и независимость Монголии. Значение членства Монголии в ООН и в других международных организациях многостороннего сотрудничества заключается в том, что оно гарантирует монгольскому государству внешнюю безопасность [Эрдэнэчулуун, Может ли Монголия...].

В продолжение сотрудничества Монголии с ООН правящие силы стремятся укрепить отношения с развивающимися странами, не имеющих выхода к морю. Рабочий проект ре-

золюции «Конкретные действия, связанные с особыми потребностями и проблемами развивающихся стран, не имеющих выхода к морю», предоставленный Монголией на Генеральной Ассамблее ООН, был принят на ее 54-й сессии. В Улан-Баторе функционирует Международный аналитический центр по развивающимся странам, не имеющим выхода к морю. Монголия участвует в Движении неприсоединения, а также налаживает отношения с другими странами-участниками, что положительно сказывается на ее внешней политике и политическом статусе на мировой арене.

Устремления монгольского руководства к искоренению неграмотности среди населения и пропаганды образования для всех слоев вылилось в участие в работе ЮНЕСКО. Десятилетие грамотности, провозглашенное ООН, было одобрено правительством Монголии и принято к действию. За последние полвека сотрудничество ООН и Монголии приобрели устойчивый и стабильный характер взаимоотношений и партнерства. Улан-Батор реализовывает существующие внешнеполитические цели, принимая активное участие в работе ООН и проводя дружественную политику по отношению к другим странам, укрепляет свой статус на мировой арене. Присутствие Монголии в международных организациях определяет ее как участника интеграционных проектов в Северо-восточной Азии. Развивая экономические связи с региональными экономическими структурами, Монголия нацелена на участие в интеграционных структурах, обеспечивающих стабильное сотрудничество и поддержку инвестиционных отношений. Так, Монголия является членом Всемирного банка, Азиатского банка развития с 1991 г. Начиная с 1997 г. Улан-Батор присоединился к форуму АСЕМ, а в дальнейшем – к СТЭС с намерением расширить свою деятельность в исследовательских центрах региона.

На протяжении 20 лет Монголия является членом Шанхайской организации сотрудничества и ее постоянным наблюдателем. Правительство Монголии считает, что ШОС представляет надежную возможность для принятия участия в региональной кооперации и в проектах политического и экономического взаимодействия в Центральной Азии. Монголия не использует предложенную ей ШОС возможность изменить статус наблюдателя на позицию постоянного члена этой организации, ссылаясь на то, что направленность ШОС является политической, а Монголия, в свою очередь, заинтересована в торгово-экономическом сотрудничестве. Монголия, находясь в «треугольнике» соседства с Россией и Китаем, серьезно оценивает политические векторы своих географических соседей в составе ШОС. Проблемы, вынесенные на рассмотрение для стран-участников ШОС, такие как экстремизм, терроризм и сепаратизм, не характеризуются как критические для монгольского государства. Монгольский народ, проводя дружественную дипломатическую политику с соседними странами, не имеет острых приграничных проблем с ними, а также не сталкивается с проблемами, имеющимися в бывших республиках СССР. Испытывая крайнюю обеспокоенность в связи с нестабильной обстановкой в Центральной Азии, Монголия не стремится развивать торгово-экономическое и политическое сотрудничество с этими государствами.

Стоит отметить, что присутствие Монголии в ШОС в первую очередь объясняется «стремлением отслеживать как новые элементы сотрудничества между Китаем и Россией – двумя непосредственными соседями страны в формате нового многостороннего объединения, – так и тем, какие новые элементы такое взаимодействие способно привнести во взаимоотношения в треугольнике КНР – МНР – РФ. Впоследствии, убедившись в том, что внесение каких-либо принципиально новых элементов здесь вряд ли предвидится, Улан-Батор на время потерял к ШОС практический интерес, который стал снова возрождаться только в самое последнее время» [Конаровский, 2015, с. 107].

Данное высказывание является спорным, так как Монголия, прежде всего, направлена на тесное сотрудничество с Россией и Китаем. В подтверждение этого можно отметить, что Монголия инициировала проведение российско-китайско-монгольского диалога и на постоянной основе предлагает новые проекты в трехстороннее сотрудничество. Как, например, Президент Монголии Ц. Элбэгдоржа предложил провести трехстороннюю встречу с

Президентом России В.В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином во время Саммита ШОС в 2014 г.

Результатом третьей встречи в 2016 г. Россия, Китай и Монголия приняли программу создания экономического коридора. В 2017 г. во время официального визита министра иностранных дел Монголии Ц. Мунх – Оргила (2016–2017), министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что российско-китайские стороны «крайне заинтересованы в том, чтобы Монголия как можно скорее приобрела статус полноправной участницы в организации, поскольку, имея общую границу с Россией в 3,5 тысячи километров, она входит в зону повышенного интереса со стороны США. И это уже иной уровень проблем и для России, и для стран ШОС» [Студнева, Россия и Монголия...]. Следующее предложение внес министр обороны РФ С. Шойгу, отметив на встрече с министром обороны Монголии Б. Бат-Эрдэнэ 2017 г. на VI Московской конференции по международной безопасности, что «Россия надеется, что Монголия повысит свой статус в Шанхайской организации сотрудничества» [Шойгу: РФ надеется, что Монголия...].

В этой связи в политических и общественных кругах Монголии возникли дебаты по этому вопросу с участием президента страны, министров и дипломатов, а также общественных представителей. На основании того, что в 90-е гг. прошлого столетия Монголия приняла решение не вступать в военно-политические мировые союзы, правительство страны не могло принять однозначное решение по вступлению в ШОС. При этом Монголия стремится участвовать во всемирных политических событиях, используя ШОС в этих целях. Но, сохраняя курс на нейтральную позицию в мировом сообществе, статус Монголии в ШОС остается на уровне наблюдателя. Общественные мнения не принимают ШОС как организацию, обеспечивающую безопасность и экономически выгодное сотрудничество, и, соответственно, не желают полного внедрения Монголии в неё. По некоторым источникам, в 2022 г. Монголия была готова вступить в ШОС, но этого события не произошло. Кроме того, опасения Монголии по вопросам своей позиции в ШОС связаны с ее целями построить успешную дипломатическую линию с западными странами, а также оставаться дипломатически независимыми. Россия и Китай представляют интерес с точки зрения торгово-экономического сотрудничества, в то время как страны Центральной Азии не представляют экономический и дипломатический интерес. Исходя из этого, можно сделать вывод, что мнение Монголии по вступлению в ШОС напрямую зависит от стран западного союза. США и страны Западной Европы стараются не допустить вступление Монголии в ШОС и максимально отдалить ее от партнеров – России и Китая. Неоднозначность позиции Монголии по вопросу вступления в ШОС можно объяснить ее интересами в сотрудничестве с Россией и Китаем и одновременно стремлением быть ближе к западным направлениям в политике. Соответственно, предложение российской стороны вступить в ШОС на правах полноправного участника может навредить отношениям Монголии с США и странами Западной Европы, а именно есть опасность попасть под прямое российско-китайское влияние и отдалиться от «третьего соседа» – от стран Запада и США. Причина расставления приоритетов Монголии в рамках ШОС заложена в выгодном торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве с другими странами и в выгодном создании транспортных эшелонов в Центральную Азию и Россию. В 2013 г. был создан энергетический клуб ШОС, который организовали для решения вопросов по энергетической безопасности, формирования перспективного сотрудничества в области энергетики и координации вопросов стратегии для стран-участников ШОС. В рамках стабильно развивающейся добычи угля и нефти Монголия открыта для испытания новейших технологий и заинтересована в создании форума для общения стран-производителей энергетических ресурсов. Присутствие Монголии в работе ШОС доказывает, что она заинтересована во взаимовыгодных отношениях со странами-участниками ШОС, прежде всего с Россией и Китаем, и готова реализовывать трехсторонние проекты.

Кроме участия в ШОС, Монголия активно сотрудничает со странами-участниками АСЕАН и в 2005 г. стала ее партнером, подписав Договор о дружбе и сотрудничестве, тем самым достигая цели найти пути политического и торгово-экономического сотрудничества со странами АСЕАН. Не имея выхода к мировому океану, Монголия постоянно ищет пути решения этого вопроса, и в этой связи в 1993 г. она выступила с предложением принять ее в АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) по причине того, что членство в этой организации предоставит Монголии единственную возможность доступа к морю.

В 2014 г. в Италии прошел очередной саммит АСЕМ, в котором Президент Монголии Ц. Элбэгдорж принял участие, принимая во внимание факт, что АСЕМ нацелен не только на дискуссии по возникающим вопросам, но и дает возможность обсуждать и находить способы решения этих проблем. Более того, участники АСЕМ разрабатывают единые согласованные пути решения, а также обмениваются мнениями по возникающим проблемам. В связи с тем, что большая часть всемирного торгового оборота приходится на участников АСЕМ, монгольское правительство надеется наладить энергетическое сотрудничество на евразийской платформе.

В 2004 г. Монголия вступила в партнерство с ОБСЕ по сотрудничеству, а в 2012 г. стала ее участником, тем самым повысила свой статус и престиж. Дипломатические и внешнеполитические векторы Монголии совпадают с принципами работы ОБСЕ, что стало решающим в вопросе вступления в эту организацию. Принимая во внимание важность для Монголии участие в ОБСЕ, монгольское правительство пригласило независимых наблюдателей из этой организации для наблюдения и контроля во время выборов президента в 2017 и 2021 гг.

Кроме этого, Монголия является одним из партнеров НАТО на индивидуальных условиях, наряду с такими странами, как Ирак, Япония, Пакистан и Австралия. Монголия заявляет о своей принципиальной позиции в вопросах безопасности и борьбы с терроризмом, совпадающей с принципами НАТО, что укрепляет сотрудничество монгольской державы с этим союзом. В 2005 г. НАТО и Монголия договорились о дальнейшем сотрудничестве в рамках Индивидуальной программы партнерства по сохранению и поддержанию мира. Данное сотрудничество очень быстро развивается и набирает обороты, в доказательство этому в 2010 г. Монголия стала официальным миротворческим участником в Афганистане и помогает НАТО наращивать оборонный потенциал.

Приоритетными в политическом сотрудничестве НАТО и Монголии являются следующие цели: совершенствование оперативной кооперации, решение вопросов безопасности и превентивность кризисов. Партнеры и союзники НАТО, участвующие в операциях, объединены в рамках Инициативы по оперативной совместимости партнерства, в свою очередь, Монголия участвует в данном партнерстве с 2014 г. Вооруженные силы Монголии и НАТО на постоянной основе обмениваются опытом и участвуют в учебных военных мероприятиях с целью повышения оперативной совместимости вооруженных сил. Практическое применение обмена опытом произошло в 2002–2007 гг., когда монгольские войска участвовали в военных операциях НАТО в Ираке, а также в течение 20 лет сотрудничали с НАТО в Афганистане до вывода войск в 2021 г.

В добавление к приведенным данным об отношениях Монголии с международными организациями и ее стремлению укрепить свое положение на международной арене наблюдается следующая тенденция: ее политический курс начиная с 1991 г. нацелен на освобождение от зависимых отношений с ближайшими соседями, такими как Россия и Китай, и компенсацию этих отношений посредством установления сотрудничества с Западом и США.

Желание и стремление Монголии показать мировому сообществу свою независимость и способность существовать без поддержки соседних стран сыграло критическую роль в установлении сотрудничества со странами Запада, США, Южной Кореей и Японией. Так, участвуя в международных мероприятиях в коалиции с названными странами, Монголия устанавливала противовес отношениям с Россией и Китаем, тем самым переставая ориентироваться на Россию как на основного наставника и преемника СССР.

Стоит отметить, что новые партнеры Монголии всегда были заинтересованы в извлечении выгоды из любых видов сотрудничества. Так, западные союзники в короткие сроки смогли понять, что Монголия представляет собой финансово выгодный объект с точки зрения обладания природными ископаемыми, такими как медь, уголь, золото и вольфрам, а также является поставщиком недорогой рабочей силы и источником качественной сельскохозяйственной продукции. Географическое положение Монголии играет немаловажную роль в становлении ее отношений со странами Запада и США, поэтому она оказывается привлекательной с ракурса ее торгово-экономических возможностей и заинтересовывает большое количество стран, желающих вступить с ней в экономическое и дипломатическое сотрудничество. Так, экономическими и дипломатическими партнерами Монголии с 2011 г. стали такие державы, как США, Япония, Турция и ЕС. С перечисленными странами Монголия устанавливает прочные и устойчивые комплексные партнерские отношения, постоянно расширяя список потенциальных стран-партнеров, которые могут инвестировать в развитие экономики страны.

Необходимость расширения экономических связей и поиск новых путей развития повернули Монголию в сторону стран «третьего соседства». Это проявляется в развитии парадигмы торгово-экономических и дипломатических отношений, отличных от России и Китая, и на лидирующие позиции в сотрудничестве с Монголией выходят США.

В 90-е гг. прошлого столетия Россия переживала сложные экономические и политические события, тем самым утерев интерес к Монголии и настроившись на западные отношения. США смогли воспользоваться спадом интереса России и смогли перетянуть Монголию на свою сторону. Заинтересованность США в политической и торгово-экономической сфере Монголии привела к тому, что образовавшийся пробел в отношении России и Монголии стремительно стал заполняться Соединенными Штатами. Последние, в свою очередь, заняли удобную позицию в сотрудничестве между Россией и Китаем и получили возможность постоянного отслеживания направленности векторов развития этих двух стран. В этой связи можно полагать, что передовые и лидирующие тенденции в сотрудничестве с Монголией были переданы Россией США собственноручно.

Глубина внедрения в дипломатию и политику Монголии, а также сила влияния на нее дали возможность Соединенным Штатам называться «третьим соседством», в то время как Россия и Китай были соседями первого эшелона. Термин «третий сосед» широко распространен в Монголии на протяжении последних 30 лет со времен появления США в диапазоне активных экономических и политических отношений, но Соединенные Штаты взяли этот термин в свой обиход сравнительно недавно.

Военное сотрудничество с США в Афганистане и Ираке характеризует Монголию как важного и надежного партнера военных действий, и это сотрудничество одобряется Государственным департаментом США.

Внедрение влияния США на Монголию через политические и экономические сферы является ненавязчивым и мягким, в этой связи Америка действует посредством образовательных векторов своей колонизаторской политики. Так, ежегодно выделяется огромное количество грантов и стипендий для обучения монгольской молодежи, подготовки управленческих кадров, а также научных сотрудников для исследовательских проектов. В результате высокий процент монгольской молодежи поступает в высшие заведения и колледжи США для получения профильного образования. Получение образования в США набирает обороты с каждым годом и становится популярным, результатом этого созданы ассоциации выпускников американских вузов, внедряющих американские демократические идеи при их назначении на ключевые руководящие посты в стране, выбираются в депутаты государственного Хурала, американское посольство пропагандирует доступное американское образование, организовывая консультационные образовательные службы.

По статистическим данным, за последние 30 лет более 15 000 монголов получили высшее образование в США, а также ежегодно более 100 человек отправляются на обучение в

Соединенные Штаты в рамках образовательного обмена за счет американского правительства и более 150 монгольских студентов участвуют в культурном обмене двух государств.

Монгольские выпускники получают выгодные возможности для получения конкурентных вакансий и престижных позиций в государственных структурах, имея отличные шансы влияния на экономическую и политическую сторону управления страной и внедрения демократических реформ. Кроме плотного и плодотворного сотрудничества в области образования, обе державы проводят совместные стратегические консультации по развитию всестороннего сотрудничества, включая сферы безопасности и обороны. Обе стороны намерены поддерживать миротворческие проекты и внедрять партнерство в этой области на взаимовыгодных условиях. Данный факт особенно важен для Монголии, так как она может рассчитывать на поддержку США при появлении конфликтных ситуаций на рубежах страны. Учитывая тот факт, что США стремятся разместить свои военные базы на территории Центральной и Северо-Восточной Азии, Монголия подразумевает, что размещение американских военных баз на ее территории не представляется возможным. Монголия активно участвует в борьбе с терроризмом и распространением ядерного оружия, а также в миротворческих операциях в рамках Программы партнерства и сотрудничества с НАТО.

Заключение

В статье представлен анализ международных отношений Монголии и стран-участников международных организаций на современном историческом этапе. Изложены основные современные события торгово-экономического и дипломатического сотрудничества Монголии и ее партнеров. Проведен анализ геополитических событий, произошедших в Монголии после вступления в международные организации.

Стоит отметить, что новые партнеры Монголии всегда были заинтересованы в извлечении выгоды из любых видов сотрудничества. Так, западные союзники в короткие сроки смогли понять, что Монголия представляет собой финансово выгодный объект с точки зрения обладания природными ископаемыми, такими как медь, уголь, золото и вольфрам, а также является поставщиком недорогой рабочей силы и источником качественной сельскохозяйственной продукции. Географическое положение Монголии играет немаловажную роль в становлении ее отношений со странами Запада и США, поэтому она оказывается привлекательной с ракурса ее торгово-экономических возможностей и заинтересовывает большое количество стран, желающих вступить с ней в экономическое и дипломатическое сотрудничество. Так, с экономическими и дипломатическими партнерами Монголия устанавливает прочные и устойчивые комплексные партнерские отношения, постоянно расширяя список потенциальных стран-партнеров, которые могут инвестировать в развитие экономики страны.

Список источников

- Эрдэнэчулуун Л. Может ли Монголия существовать без ООН? URL: <https://jargaldefacto.com/article/mojet-li-mongoliya-sushestwowati-bez-oon>
- Конаровский М.А. 2015. Расширение ШОС: возможности и проблемы. *Ежегодник ИМИ*. Вып. 1(11): 101–107.
- Пустовойтова Е. 2023. Американские сети для потомков Чингисхана. Упорные попытки проникновения американцев в Монголию. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2023/08/16>.
- Студнева Е. Россия и Монголия: общие интересы в обеспечении безопасности в АТР. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16901>
- Шойгу: РФ надеется, что Монголия повысит свой статус в ШОС». ТАСС, 25 апреля 2017. URL: <https://tass.ru/politika/4209076>

Список литературы

- Андреев А.И. 2006. Тибет в политике царской, советской, постсоветской России. Санкт-Петербург, Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 464 с.

- Бадмаева Е.Н. 2010. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере. Элиста, Изд-во КГУ, 544 с.
- Бимбаев М.Т. 1981. Дорогой Братства. Элиста, Изд-во КГУ, 59–64 с.
- Бира Ш., Ишжамц Н. 1975. Национально-освободительное движение в Монголии в конце XIX – начале XX вв. Улан-Батор, Изд-во МонГУ, 45 с.
- Белов Е.А. 1999. Россия и Монголия. Москва, Изд-во РАН, 89 с.
- Бойкова Е.В. 2015. Российские военные исследователи Монголии. Москва, Изд-во РАН, 264 с.
- Гурьев Б.А. 1911. Политические отношения России и Монголии. Санкт-Петербург, Изд-во С-Петерб. университета, 122–130 с.
- Зуйков В.В. 2012. Исторические трансформации порядка от гегемонии и империи к миру-системе. Москва, Изд-во РАН, 120 с.
- Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н., 2003. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры. Москва, Изд-во РАН, 56–70 с.
- Марат Э. 2011. Демократия: Почему у Монголии получилось? Москва, Изд-во РАН, 216 с.
- Родионов В.А. 2012. Центральноазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС. Москва, Изд-во РАН, 104–111 с.
- Родионов В.А. 2009. Мягкая сила в современных российско-монгольских отношениях. Иркутск, Изд-во Иркут. универ. 12–17 с.
- Родионов В.А. 2013. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией. Москва, Изд-во РАН, 200 с.
- Рощин С.К. 1999. Политическая история Монголии. Москва, Изд-во РАН, 327 с.
- Тилкот Р.Х. 2001. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. Москва, Изд-во РАН, 40 с.
- Турунок С.Г. 2005. Политический анализ. Москва, Изд-во Раш, 149 с.
- Улакчинов С.А. 1981. Воспомяя о Халхин-Голе. Элиста, Изд-во КГУ, 56–80 с.
- Чимитдоржиев Ш.Б. 1987. Россия и Монголия. Москва, Изд-во РАН, 67 с.
- Ширендыб Б. 1963. Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор. Изд-во МонГУ, 67–89 с.

References

- Andreev A.I. 2006. Tibet v politike tsarskoy, sovetkoy I postsovetkoy Rossii [Tibet in Tsar, Soviet and Postsoviet Russian Politics]. Saint-Petersburg, Pub. A. Terentyev “Nartang” 464 p.
- Badmaeva E.N. 2010. Nizhnee Povolzhye: opyt I itogi realizatsii gosudarstvennoy politiki v social'no-ekonomicheskoy sphere [The Lower Povolzhye: Experience and Results of State Politician Realisation in Social-Economic Sphere]. Elista, Pub. KSU, 544 p.
- Bimbaev M.T. 1981. Dorogoi bratstva [By the Way of Brotherhood]. Elista, Pub. KSU, 59–64 p.
- Bira S., Ishjamts N. 1975. Natsional'no-liberal'noye dvizhenie v Mongolii v kontse XIX–XX vekov [National-liberal Movement in Mongolia at the End of XIX–XX]. Ulan-Bator. Pub. MSU, 45 p.
- Belov E.A. 1999. Rossiya i Mongolia [Russia and Mongolia]. Moscow, Pub. RAS, 89 p.
- Boykova E.V. 2015. Rossiyskiye voenniye issledovateli Mongolii [Russian Military Researchers of Mongolia]. Moscow, Pub. RAS, 264 p.
- Guryev B.A. 1911. Politicheskiye otnosheniya Rossii I Mongolii [Political Relations of Russia and Mongolia]. Saint-Petersburg, Pub. S-P SU, 122–130 p.
- Zuykov V.V. 2012. Politicheskiye transformatsii poryadka ot gegemonii do imperii v mirovoi sisteme [Historical Transformations of the Order from Gegemony and Imperia to Peace-System]. Moscow, Pub. RAS, 10 p.
- Makarov A.V., Makarova E.V., Beshentsev A.N., 2003. Mongolia: inostrannaya trgovlya I razvitiye infrastruktury [Mongolia: Foreign Trade and the Development of Infrastructure // World Economics and International Relationship]. Moscow, Pub. RAS, 56–70 p.
- Marat E. 2011. Democraiya: Pochemu u Mongolii poluchilos' ? [Democracy: Why Did Mongolia Managed?]. Moscow, Pub. RAS, 55–80 p.
- Rodionov V.A., 2012. Tsentral'noaziatskiy vektor vneshney politiki Mongolii [Centroasian Way of External Politics of Mongolia: Factor SCO // World System and Regional Relations]. № 4. Pub. RAS, 104–111 p.
- Rodionov V.A. 2009. Myazkaya sila v sovtemennih rooiysko-mongolskih otnosheniyah [Soft Power in Modern Russian-Mongoloian Relations]. Irkutsk, Pub. Irkutsk SU, 12–17 p.

- Rodionov V.A. 2013. Natsionalnaya bezopasnost` Mongolii v kontexte otnoseniy s Rossieyey [National Security of Mongolia in Terms of Relationship with Russia]. Moscow, Pub. RAS, 200 p.
- Roschin S.K. 1999. Politicheskaya istoriya Mongolii [Political History of Mongolia]. Moscow, Pub. RAS, 327 p.
- Turonok S.G. 2005. Politicheskiy analiz [Political Analysis]. Moscow, Pub. RAS, 149 p.
- Ulakhinov S.A. 1981. Vospominaniya o Khalkhin-gole [Memories of Khalkhin-Gole] Elista, Pub. KSU, 56–80 p.
- Chimitdorzhiev S.B. 1987. Rossiya i Mongolia [Russia and Mongolia] Moscow, Pub. RAS, 67 p.
- Shirendyb B. 1963. Mongolia v XIX–XX vv. [Mongolia in XIX–XX]. Ulan Bator, Pub. Mon SU, 67–89 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 21.09.2024

Received: 21.09.2024

Поступила после рецензирования: 21.10.2024

Revised: 21.10.2024

Принята к публикации: 25.10.2024

Accepted: 25.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дорджиева Анна Антоновна, аспирант, научный сотрудник, Институт стран СНГ, г. Москва, Россия

Anna A. Dordzhieva, Postgraduate Student, Research Fellow, Institute of CIS, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0006-5631-449X](https://orcid.org/0009-0006-5631-449X)

УДК 327.7
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1076-1084
Оригинальное исследование

Взаимодействие ООН-Хабитат с гражданским обществом Бразилии в целях улучшения качества жизни населения городов

Аргвлиани К.Р.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
Email: k.argvliani@gmail.com

Аннотация. Темпы урбанизации по всему миру с каждым годом усиливаются, обостряя вопросы социально-политического взаимодействия и влияя на качество жизни людей. Скорость данного процесса не всегда позволяет правительствам и представителям местных властей быстро реагировать на кризисы и потребности того или иного города. Активисты и гражданское общество в сотрудничестве с международными организациями при правильном выстраивании взаимодействия могут положительно повлиять на оперативное решение многих проблем урбанизации. В связи с этим опыт подобного сотрудничества гражданского общества Бразилии и Программы ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) является успешным примером. Преодоление неравенства через инклюзивность способствует улучшению качества жизни. На основе анализа документов ООН-Хабитат, а также проектов, инициированных горожанами с целью решения проблем урбанизации и улучшения качества жизни населения фавел, можно сделать вывод, что данный формат сотрудничества является перспективным, помогает в реализации ЦУР ООН и может быть использован в качестве успешного примера в других странах и регионах.

Ключевые слова: урбанизация, неомарксизм, качество жизни, устойчивое развитие, инклюзивность, фавелы

Для цитирования: Аргвлиани К.Р. 2024. Взаимодействие ООН-Хабитат с гражданским обществом Бразилии в целях улучшения качества жизни населения городов. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 1076–1084. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1076-1084

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The UN-Habitat Cooperation with Brazilian Civil Society to Improve the Urban Population Life Quality

Karina R. Argvliani

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
Email: k.argvliani@gmail.com

Abstract: The rate of urbanization worldwide is increasing every year, leading to more socio-political issues and affecting quality of people's life. The speed of this process often prevents governments and local authorities from responding quickly to crises and the needs of individual cities. Activists

© Аргвлиани К.Р., 2024

and civil society organizations can positively influence the timely resolution of many urbanization challenges in collaboration with international organizations and through proper interaction. In this respect, the cooperation between Brazilian civil society and The United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat) is an exemplary success story. Overcoming inequality through inclusion contributes to improving living standards. Based on an analysis of UN-Habitat documents and projects initiated by citizens to address urbanization issues and improve the lives of favela residents, the author concludes that this form of collaboration is promising and aids in implementing the UN Sustainable Development Goals (SDGs). It can serve as a successful model for other countries and regions.

Keywords: urbanization, neo-Marxism, quality of life, sustainable development, inclusion, quality, favelas

For citation: Argyliani K.R. 2024. The UN-Habitat Cooperation with Brazilian Civil Society to Improve the Urban Population Life Quality. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 1076–1084 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1076-1084

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Урбанизация – мегатренд XXI века, однако темпы роста городов значительно увеличились еще в середине XX века. На городской ландшафт и процесс урбанизации повлияло множество факторов, однако одним из ключевых стал неолиберальный экономический курс, который во многих странах начал набирать обороты с 1970-х годов XX века. И хотя на протяжении почти всей истории существования городов в них присутствовало социальное неравенство, неолиберальная модель экономического и политического развития повлияла на процесс урбанизации в глобальном масштабе, обострив мировые проблемы неравенства и деградации окружающей среды. Процесс развития городского пространства в странах с развивающейся экономикой стал ярким примером зависимости от иностранного капитала, усугубив положение и без того уязвимых слоев населения. Однако городскому населению Бразилии удалось обратить на себя внимание властей и способствовать продвижению ряда социальных реформ в сфере городского развития, а также установить сотрудничество с Программой ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат).

В свою очередь, для ООН-Хабитат сотрудничество с местными НПО и НКО, созданными самими горожанами для решения конкретных проблем своего города, становится тем самым звеном взаимодействия, через которое инициативы ООН могут быть реализованы быстрее всего, а также через которое можно получить обратную связь о существующих вызовах устойчивому развитию. Для организации взаимодействие с такими акторами является отдельным направлением работы, закрепленным в различных документах.

Цель исследования

Цель исследования – проанализировать сотрудничество ООН-Хабитат с гражданским обществом Бразилии. В соответствии с этой целью основной задачей статьи является рассмотрение закономерностей становления гражданского активизма в вопросах урбанизации в Бразилии, а также анализ деятельности проектов ООН-Хабитат по взаимодействию с общественными движениями, НКО и НПО.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является гражданский активизм в Бразилии в контексте урбанизации и проектов городского развития. Предметом исследования выступает политика ООН-Хабитат в области сотрудничества с НКО, НПО и гражданскими активистами Бразилии по вопросам улучшения качества жизни городского населения. В исследовании использован метод кейс-стади и контекст-анализа ключевых документов ООН-Хабитат по данной тематике. Исследование опирается на теорию неомарксизма и работы таких ученых, как Ф. Кардозо, Т. дос Сантос, Д. Харви, а также на мир-системный анализ И. Валлерстайна.

Результаты и их обсуждение

Вопросы постколониальной зависимости развивающихся стран занимают одно из ключевых мест в дискуссиях представителей различных направлений теории международных отношений. Множество аспектов, включая процессы урбанизации и сокращение числа сельских поселений, часто изучаются представителями неомарксистских течений. И. Валлерстайн ввел понятие «дерурализация» и указал на тенденцию оттока рабочей силы из сельских районов в города. Он рассматривает экологические проблемы, связанные в том числе с ростом урбанизации, как следствие того, что человечество живет в мир-системе. Именно при таком миропорядке политически сильные государства перекладывают ответственность за решение проблем на политически слабые, сознательно замедляя их модернизацию [Валлерстайн, 2003, 109–115].

Неомарксисты выявляют механизмы эксплуатации стран с развивающейся экономикой через зависимость от иностранного капитала. Например, в странах Латинской Америки были сознательно созданы условия социальной нестабильности, которые усугубили вопросы неравенства. Вывоз прибыли иностранными корпорациями сопровождался постоянной необходимостью наращивания производства, что провоцировало сверхэксплуатацию рабочей силы [Santos, 1970, 231] и не способствовало существенному росту благосостояния местного населения. Кроме того, в условиях глобализации и быстрых темпов технологического развития произошла трансформация спроса на рабочую силу: потребность в высококвалифицированных кадрах привела к увеличению разрыва неравенства [Cardoso, 2001, 261].

Эти тенденции отразились в различных областях социально-экономической и политической жизни и повлияли на развитие множества процессов, включая урбанизацию. Подобно предприятиям, конкурирующим за потребителя, города начинают соперничать между собой за инвестиции, выстраивая свою внутреннюю политику таким образом, чтобы казаться привлекательными для иностранного капитала.

Подобная гонка оказывает влияние и на внешний облик городов: строятся фешенебельные здания и гостиницы, ремонтируются улицы. Однако как только капитал уходит, все это начинает приходить в упадок, и некоторые здания навсегда остаются недостроенными [Boyer, 2011, 288].

Влияние капитала и девелоперов на городскую политику и расширение территорий под элитное строительство за счет ущемления прав финансово уязвимых слоев населения приводит к созданию богатых охраняемых районов, вытесняя бедных на окраины городов [Харви, 2019, 163].

Часто такая проблема провоцирует сквоттинг территорий, активно поддерживаемый криминальными структурами, особенно в странах с развивающейся экономикой. В таких странах за сутки на заброшенных участках могут возникать поселения, а борьба с ними со стороны властей, как правило, ни к чему не приводит [Davis, 2007, 125]. Однако даже если бедным слоям населения удастся поселиться на таких территориях, их бес-

правность перед городскими властями не дает им никаких гарантий на то, что они смогут там по-настоящему обосноваться и сделать эти места своей собственностью. Вместо этого они рискуют лишиться ее под натиском девелоперов, заинтересованных в данном клочке земли [Davis, 2007, 230]. Такая бесправность только провоцирует рост нестабильности и усиление влияния преступных группировок. Однако в тех случаях, когда жителям удается объединиться в мирные общественные движения и консолидировано заявить о своих проблемах, они становятся видимыми для местных властей. В вопросах развития городского пространства и реализации целей ООН по устойчивому развитию особое внимание уделяется вовлеченности множества акторов, среди которых не только региональные и муниципальные правительства, но также представители гражданского общества, ученые, бизнес-сообщество, неправительственные (НПО) и некоммерческие организации (НКО). Сотрудничество с местными НПО и НКО, созданными самими горожанами с целью решения конкретных проблем своего города, становится звеном взаимодействия, через которое инициативы ООН могут быть быстрее реализованы, а также можно получить обратную связь о реально существующих вызовах устойчивому развитию. Именно поэтому для ООН-Хабитат взаимодействие с такими акторами является отдельным направлением работы, закрепленным в различных документах организации. В стратегическом плане ООН-Хабитат на 2020–2023 гг. подчеркивается важность взаимодействия с гражданским обществом, инициативными группами, молодежными организациями для понимания местной специфики и улучшения качества жизни населения [The UN-Habitat, 2020].

Кроме того, ООН-Хабитат через такие проекты, как Международный день ноль за мир без отходов (International Zero Waste Day), международную инициативу в октябре, посвященную вопросам урбанизации (Urban October), и запуск мобильного приложения «Города в действии» (Cities in Action), напрямую вовлекает представителей гражданского общества и активистов.

Бразилия в этом отношении является показательным примером по многим аспектам. Процессы урбанизации происходят здесь особенно активно и обостряют проблемы устойчивого развития одновременно в нескольких областях.

Согласно данным ООН-Хабитат, 87 % населения проживает в городах. Для Бразилии также характерен разрыв между бедным и богатым населением именно в городской среде, где 72 % бедного населения проживает в городских районах [The UN-Habitat, 2020], что во многом отражает тенденции зависимости, описанные неомарксистами.

Кризис, вызванный быстрой и хаотичной урбанизацией, привел к тому, что на протяжении уже многих десятилетий правительство не всегда успешно справляется с последствиями, будь то незаконное заселение территорий, бедность или санитарные проблемы в трущобах. При этом уровень развития института гражданского общества в Латинской Америке находится на довольно высоком уровне, даже несмотря на сложность в реализации проектов социально-ориентированной экономики [Канунников, 2021, 6], что позволяет обществу самостоятельно продвигать различные городские инициативы. Многие общественные организации и движения Бразилии начали образовываться именно в контексте растущей урбанизации и необходимости решать вопросы фавел, с которыми власти справлялись безуспешно [Williamson, 2020, 130]. Несмотря на то, что данная проблема существует уже не одно десятилетие, разрастание трущоб и незаконных поселений до сих пор остается ключевой тенденцией городского развития Бразилии. История бразильских фавел уходит корнями в XIX век, когда произошел переход к республиканскому государственному строю. Упразднение рабства, а также характерный для такого перехода наплыв населения из сельской местности в города в поисках работы привели к формированию незаконных поселений и росту трущоб [Lacerda, 2015, 74]. С самого начала городские власти были недостаточно способны интегрировать новых жителей в городскую структуру, а также предоставить им социальные гарантии. В ответ

на это жители подобных поселений были вынуждены самостоятельно формировать ассоциации с целью взаимопомощи и организации минимального социального обеспечения [Friendly, 2016, 218]. Проблемы фавел игнорировались властями до момента 1940-х годов, пока политики не стали стремиться склонить на свою сторону избирателей, обещая им существенное улучшение качества жизни [Lacerda, 2015, 74]. Разрастание фавел в таких городах, как Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, привело к существенному обострению социальной напряженности и преступности, делая эти поселения одними из самых неблагополучных мест и точками притяжения для преступной активности и наркотрафика [Campos, 2020, 110].

Однако вопреки распространенному убеждению, далеко не все жители фавел являются членами преступных группировок. Большинство из них — представители рабочего класса. Но сложившаяся тенденция к стигматизации жителей этих кварталов, а также их дискриминация, например, при приеме на работу или распределении социальной помощи [Rial y Costas, 2001, 115], делают эту часть населения крайне уязвимой. Подобная исключенность из социальной жизни, недоступность здравоохранения и образования становятся тем стимулом, который объединяет жителей трущоб в поиске решений возникающих кризисов. Активизм и партиципаторная политика, несмотря на критику и противодействие, в ряде случаев приводили к положительным результатам и позволяли продвигать городские реформы, инициированные жителями в целях улучшения своего качества жизни. Опыт национального движения за городские реформы подтверждает этот тезис. В начале 1980-х гг. было организовано объединение соседей, инициативных групп и НКО, которые предложили проекты по структурному и социальному реформированию [Friendly, 2016, 218]. Многие НКО, чья деятельность была направлена на решение вопросов жителей трущоб, до сих пор дают положительные результаты в борьбе с бедностью и предоставлением образования для уязвимых слоев населения.

В.А. Кузнецова в качестве успешного примера улучшения качества жизни населения трущоб с помощью деятельности подобных НПО и НКО обращается к таким проектам, как Banco da Providência (Банк Провидения), который работает с жителями фавел, Gol de Letra (Возможности для молодых) – организация, помогающая молодым людям обрести профессию и трудоустроиться. А также к НКО Solar, чья деятельность направлена на работу с детьми [Кузнецова, 2023, 83]. Важность данных организаций также заключается в том, что они помогают преодолеть стереотипы о жителях фавел, и нередко среди их целей указано стремление к социальной инклюзии и взаимодействию [NGO Gol de Letra, 2024].

Социальная инклюзия, в свою очередь, является актуальной и для политического курса переизбранного президента Лулы да Силвы, который еще во время своего первого срока проводил реформы по созданию так называемого «нового среднего класса» с целью сокращения социального разрыва [Бахтуридзе, Васильева, 2023, 83]. В своей речи на открытии 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2023 года президент Лула да Силва подчеркнул приверженность Бразилии курсу на устойчивое развитие и преодоление неравенства. Он подчеркнул необходимость активной инклюзивной политики в различных областях, в том числе в сфере культуры, образования и цифровизации [Government of Brazil, 2023].

В этом выступлении он также упомянул новый план по преодолению еще одной острой проблемы городов – голода. Им стал план «Бразилия без голода» (Brasil Sem Fome), в основе которого в том числе и опыт сотрудничества с гражданским обществом и НКО [Arantes, 2023, 5].

В Сан-Паулу на протяжении многих лет существуют подобные проекты НКО. В 2010 году НКО «Города без голода» [NGO Cidades sem Fome, 2024], которая создает сады и огороды, была удостоена награды ООН-Хабитат.

Примечательно, что данные проекты позволяют решить не только вопросы продовольственной безопасности, но и другие проблемы урбанизации. За счет создания зеленых насаждений улучшается качество жизни населения, поврежденная окружающая среда восстанавливается. Зеленые зоны также сокращают плотность застройки, оставляя место для облагороженных общественных пространств [Pedro et al., 2020, 219], и способствуют формированию более безопасной и инклюзивной среды [Zaheer et al., 2022, 3]. Данные инициативы являются практической реализацией целей устойчивого развития ООН. Сотрудничество с гражданским обществом Бразилии, отличающимся высокой вовлеченностью и активизмом, является важным направлением деятельности регионального офиса ООН-Хабитат, действующего с 1996 года в Рио-де-Жанейро [The UN-Habitat Brazil, 2022].

Одним из направлений деятельности регионального представительства в рамках реализации концепции «умных городов» стало создание приложения, собирающего данные о качестве жизни и потребностях жителей. Ключевым партнером ООН-Хабитат по данному направлению выступила бразильская онлайн-платформа Colab, которая является социальной сетью для общения граждан с правительством. Данная платформа была создана с целью более активного реагирования на запросы жителей, разработке проектов благоустройства, а также участия в процессе принятия решений по развитию [The SDGs, 2020].

Также ежегодно в октябре ООН-Хабитат инициирует различные программы по привлечению внимания к ЦУР и проблеме городов. В Бразилии эта инициатива носит название Urban Circuit и получает поддержку со стороны различных муниципалитетов, министерств и ведомств. С 2018 года Urban Circuit ежегодно является точкой притяжения для экспертов, активистов и неравнодушных горожан, которые проводят более тысячи различных мероприятий. Благодаря этому, Бразилия является лидером среди шести стран, поддерживающих данную инициативу ООН-Хабитат. Согласно данным организации, в 2023 году большинство мероприятий были проведены именно представителями гражданского общества. Доля мероприятий, организованных НПО и НКО, составила 28 % [Urban circuit, 2023].

Заключение

На примере взаимодействия ООН-Хабитат и гражданского общества Бразилии можно наблюдать положительную динамику в улучшении качества жизни и социальной инклюзивности. Программы ООН-Хабитат способствуют большей вовлеченности населения в решение проблем городского развития, а также помогают внедрять наиболее подходящие инициативы, основанные на обширном опыте самой организации. Мероприятия, такие как Urban Circuit, позволяют объединить единомышленников вокруг одной тематики, а также являются площадкой для обмена мнениями и реализации проектов и инициатив. Исторически сложилось так, что в вопросах решения проблем урбанизации гражданское общество Бразилии является очень активным. На протяжении многих десятилетий оно самостоятельно инициировало социальные проекты с целью решения острых городских проблем: голода, перенаселения, недоступности здравоохранения или образования для жителей фавел. Поддержка со стороны местного правительства и международных организаций дает пусть и не всегда достаточный, но все же хороший результат. Опыт Бразилии и ее сотрудничества с ООН-Хабитат может быть полезен как для представителей гражданского общества в других странах, обеспокоенного проблемами городского развития, так и для муниципальных властей. Подобное сотрудничество при должной организации и прозрачности процесса может положительно повлиять на механизмы принятия решений и снизить зависимость от влияния внешних игроков.

Список источников

- Fundação Gol de Letra. «NGO Gol de Letra». Available at: <https://www.goldeletra.org.br/en/institucional/> (дата обращения: 13 мая 2024)
- ONG Cidades sem Fome. «NGO Cidades sem Fome». Available at: <https://www.cidadessemfome.org/en/hortas-acoes> (дата обращения: 13 мая 2024)
- Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva at the opening of the 78th UN General Assembly 19 September 2023. «Government of Brazil». Available at: <https://www.gov.br/planalto/en/follow-the-government/speeches/speech-by-president-luiz-inacio-lula-da-silva-at-the-opening-of-the-78th-un-general-assembly> (дата обращения: 13 мая 2024)
- The strategic plan 2020-2023 UN Habitat. «The UN-Habitat». Available at: https://unhabitat.org/sites/default/files/documents/2019-09/strategic_plan_2020-2023.pdf (дата обращения: 13 мая 2024)
- UN Habitat Brazil. «The UN-Habitat Brazil» Available at: <https://unhabitat.org/brazil> (дата обращения: 13 мая 2024)
- UN-Habitat and Colab launch a mobile app for open public consultation on living conditions in Brazilian cities. «The SDGs». Available at: <https://sdgs.un.org/partnerships/un-habitat-and-colab-launch-mobile-app-open-public-consultation-living-conditions#description> (дата обращения: 13 мая 2024)
- Urban circuit final report. «Urban circuit». Available at: https://www.circuiturbano.org/wp-content/uploads/2024/02/relatorio_circuito_urbano_2023__ingles.pdf (дата обращения: 13 мая 2024)

Список литературы

- Бахтуридзе З.З., Васильева Н.А. 2023. Роль концепции инклюзивности в стратегиях развития стран БРИКС. *Латинская Америка*. 1: 6–20. doi: 10.31857/S0044748X0023815-5
- Валлерстайн И. 2003. Конец знакомого мира: Социология XXI века. Москва, Логос, 368 с.
- Канунников А.А. 2021. Диалог гражданского общества стран Латинской Америки и Европейского союза. *Латинская Америка*. 6: 6–18. doi: 10.31857/S0044748X0014980-7
- Кузнецова В.А. 2023. Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере. *Латинская Америка*. 9: 83–97. doi: 10.31857/S0044748X0027273-9
- Харви Д. 2019. Социальная справедливость и город. Москва, Новое литературное обозрение, 440 с.
- Arantes S.C., Luiz Carlos Keppe Nogueira. Brazil's Return: Towards Zero Hunger (Again) – Institute of Development studies. Available: <https://www.ids.ac.uk/opinions/brazils-return-towards-zero-hunger-again/> (дата обращения: 13 мая 2024)
- Boyer M.C. 2011. Urban Asymmetries: Studies and Projects on Neoliberal Urbanization. Italy: 010 Publishers. 288 p.
- Cardoso F.H. 2001. Charting a New Course: The Politics of Globalization and Social Transformation. New York. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 352 p.
- Davis M. 2007. Planet of Slums. London ; New York : Verso. 240 p.
- Friendly A. 2016. The Changing Landscape of Civil Society in Niterói, Brazil. *Latin American Research Review*. 51(1): 218–41. doi: 10.1353/lar.2016.0015 <https://doi.org/10.18441/ibam.11.2011.41.115-128>
- Lacerda D.S. 2015. Rio de Janeiro and the Divided State: Analysing the Political Discourse on Favelas. *Discourse & Society*. 26(1): 74–94. doi: 10.1177/0957926514541346
- Pedro A.A., Görner A., Lindner A., Wende W. 2020. More than Fruits and Vegetables: Community Garden Experiences from the Global North to Foster Green Development of Informal Areas in Sao Paulo, Brazil. *Research in Urbanism Series*. 6: 219–242.
- Rial y Costas G. 2011. Spaces of Insecurity? The 'Favelas' of Rio de Janeiro between Stigmatization and Glorification. *Iberoamericana*. 11(41): 115–28.
- Santos T.D. 1970. The Structure of Dependence. *The American Economic Review*. 60(2): 231–36.

- Williamson T. 2020. Favela vs Asphalt: Suggesting a New Lens on Rio de Janeiro's Favelas and Formal City. *Comparative Approaches to Informal Housing Around the Globe*, edited by Udo Grashoff, UCL Press. 149 p.
- Zaheer, Bibri, Chabaud, Didier, Moreno. 2022. The Theoretical, Practical, and Technological Foundations of the 15-Minute City Model: Proximity and Its Environmental, Social and Economic Benefits for Sustainability. *Energies*. 15(16): 1–20. doi: 10.1057/s41599-022-01145-0

References

- Bakhturidze Z., Vasilyeva N. 2023. Rol' kontseptsii inklyuzivnosti v strategiyakh razvitiya stran BRIKS [The Role of the Inclusiveness Concept in the Development Strategies of the BRICS Countries]. *Latinskaia Amerika*. 1: 6–20. doi: 10.31857/S0044748X0023815-5
- Wallerstein I. 2003. Konec znakomogo mira: Sociologiya XXI veka [The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century]. Moscow, Logos. 368 p.
- Kanunnikov A. 2021. Dialog grazhdanskogo obshchestva stran Latinskoy Ameriki i Evropeyskogo soyuza [Civil Society Dialogue between Latin America and the European Union]. *Latinskaia Amerika*. 6: 6–18. doi: 10.31857/S0044748X0014980-7
- Kuznetsova V. 2023. Deyatel'nost' organizatsiy grazhdanskogo obshchestva Brazili v sotsial'noy sfere. [Activities of Civil Society Organizations of Brazil in the Social Sphere]. *Latinskaia Amerika*. 9: 83–97. doi: 10.31857/S0044748X0027273-9
- Harvey D. 2019. Social'naya spravedlivost' i gorod [Social justice and the city]. Moscow. Novoye literaturnoe obozrenie [New literature review]. 440 p.
- Arantes S.C., Luiz Carlos Keppe Nogueira. Brazil's Return: Towards Zero Hunger (Again) – Institute of Development studies. Available: <https://www.ids.ac.uk/opinions/brazils-return-towards-zero-hunger-again/> (дата обращения: 13 мая 2024)
- Boyer M.C. 2011. *Urban Asymmetries: Studies and Projects on Neoliberal Urbanization*. Italy: 010 Publishers. 288 p.
- Cardoso F.H. 2001. *Charting a New Course: The Politics of Globalization and Social Transformation*. New York. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 352 p.
- Davis M. 2007. *Planet of Slums*. London ; New York : Verso. 240 p.
- Friendly A. 2016. The Changing Landscape of Civil Society in Niterói, Brazil. *Latin American Research Review*. 51(1): 218–41. doi: 10.1353/lar.2016.0015 <https://doi.org/10.18441/ibam.11.2011.41.115-128>
- Lacerda D.S. 2015. Rio de Janeiro and the Divided State: Analysing the Political Discourse on Favelas. *Discourse & Society*. 26(1): 74–94. doi: 10.1177/0957926514541346
- Pedro A.A., Görner A., Lindner A., Wende W. 2020. More than Fruits and Vegetables: Community Garden Experiences from the Global North to Foster Green Development of Informal Areas in Sao Paulo, Brazil. *Research in Urbanism Series*. 6: 219–242.
- Rial y Costas G. 2011. Spaces of Insecurity? The 'Favelas' of Rio de Janeiro between Stigmatization and Glorification. *Iberoamericana*. 11(41): 115–28.
- Santos T.D. 1970. The Structure of Dependence. *The American Economic Review*. 60(2): 231–36.
- Williamson T. 2020. Favela vs Asphalt: Suggesting a New Lens on Rio de Janeiro's Favelas and Formal City. *Comparative Approaches to Informal Housing Around the Globe*, edited by Udo Grashoff, UCL Press. 149 p.
- Zaheer, Bibri, Chabaud, Didier, Moreno. 2022. The Theoretical, Practical, and Technological Foundations of the 15-Minute City Model: Proximity and Its Environmental, Social and Economic Benefits for Sustainability. *Energies*. 15(16): 1–20. doi: 10.1057/s41599-022-01145-0

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 19.10.2024

Received: 19.10.2024

Поступила после рецензирования: 30.10.2024

Revised: 30.10.2024

Принята к публикации: 10.11.2024

Accepted: 10.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аргвлиани Карина Ревазовна, аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Karina R. Arglviani, PhD Student of the World Politics Department, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID 0009-0002-9212-0108](https://orcid.org/0009-0002-9212-0108)